АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Сборник статей



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1957

Ответственный редактор
В. С. НЕЧАЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

В последние годы особенно широко развернулась работа по выпуску изданий произведений классической русской и советской литературы. Многотысячными тиражами выходят в свет и полные собрания сочинений писателей-классиков (академического типа) и научно-массовые издания их избранных сочинений. Энергичную деятельность в этом направлении развернул Отдел русской классической литературы Гослитиздата, выпустивший и выпускающий за последние годы собрания сочинений Толстого, Некрасова, Гончарова, Тургенева, Чехова и многих других классиков. Развивается деятельность институтов литературы АН СССР по подготовке и выпуску изданий собраний сочинений Пушкина, Гоголя, Гл. Успенского, Лермонтова, Белинского, Герцена, Горького, Маяковского. Ежегодно издаются собрания сочинений классиков «Библиотекой „Огонька“»; избранные сочинения русских писателей печатают Детгиз и многие другие столичные и областные издательства.

Выходящие издания сочинений писателей-классиков привлекли большое внимание к вопросам подготовки и публикации их текстов и поставили в порядок дня текстологические проблемы. Интерес к последним засвидетельствован многими статьями в периодической печати, появившимися за последние годы, а также активным участием общественности в трехдневном совещании по текстологии, проведенном в Москве в мае 1954 г. Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и Институтом русской литературы АН СССР.

Издания собраний сочинений писателей-классиков, вышедшие за последние годы, говорят о больших успехах, достигнутых советской наукой в области текстологии. Особенно велики достижения в выявлении новых текстов классиков, в чтении рукописных источников, в очищении текстов от разного рода искажений. Но вместе с тем и в печати и в выступлениях на текстологическом совещании были вскрыты и значительные ошибки текстологов как в плане теоретических

предпосылок, так и в практических результатах их работы. Неоднократно указывалось на необходимость более углубленного и расширенного обсуждения текстологических проблем в печати, чем это возможно в журнальных и газетных статьях.

Предлагаемый сборник статей, подготовленный организованным при Институте мировой литературы сектором текстологии, имеет целью осветить по преимуществу одну важную проблему, а именно установление канонического текста писателей-классиков. Отдавая должное успехам, достигнутым в советских изданиях, авторы статей сборника указывают вместе с тем на спорное, а иногда и неверное, по их мнению, решение проблем при выборе и публикации текстов. Они делают попытку разобраться в причинах, ведущих текстологов к ошибочным решениям и искажениям текстов, и надеются, что опыт изучения достижений и ошибок поможет улучшить дело издания сочинений писателей-классиков.

Первые три статьи сборника ставят общие теоретические вопросы, связанные с проблемами типов изданий, выбора основного и установления канонического текста. Следующие шесть статей разрабатывают проблему установления канонического текста на материале изданий сочинений Гоголя, Чернышевского, Тургенева, Толстого, Некрасова и Маяковского. Сборник заключается работой, которая дает большой фактический материал для решения той же проблемы и подводит итоги опыта текстологической комиссии по изданию тридцатитомного собрания сочинений А. М. Горького.

Д. Д. БЛАГОЙ

ТИПЫ СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ

I

«Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот», — писал В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой» [1].

Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новому общественному строю, вырвавшему миллионы и десятки миллионов трудящихся царско-буржуазной России из оков темноты, забитости, каторжного труда и нищеты, открыла все возможности для того, чтобы сделать одно из величайших национальных сокровищ русского народа — великие произведения русской классической литературы — достоянием всех. И за годы Советской власти усилиями партии и правительства, громадным трудом литературоведов и критиков, работников издательств и полиграфического дела эти возможности были замечательно реализованы.

Мы можем смело сказать, что ни в какое время, ни в одной стране издание произведений отечественной классической литературы не приобретало такого колоссального размаха, какой приобрело оно в наши дни, в Советском Союзе.

Приведу несколько примеров по данным Книжной палаты на 1954 г. В течение только двух лет (1952—1953) произведения Пушкина были изданы тиражом в 6 миллионов 500 тысяч экземпляров; всего же они вышли за годы Советской власти тиражом в 68 миллионов экземпляров, т. е. в пять раз больше,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 293.

чем в дореволюционное время. В такое же число раз дореволюционные тиражи превышаются советскими изданиями произведений Лермонтова. Почти в пять раз больше издано у нас произведений Гоголя, в десять раз больше произведений Тургенева. За 35 лет до революции произведения Некрасова были изданы тиражом всего в 271 тысячу экземпляров, за такой же промежуток времени после революции они изданы тиражом в 19 миллионов экземпляров, т. е. примерно в 75 раз более, и т. д.

Подобные сопоставления можно было бы еще и еще умножить, но и приведенные цифры уже говорят сами за себя.

Однако уровень культурных потребностей миллионов трудящихся Страны Советов настолько вырос, что и эти очень большие тиражи оказываются явно недостаточными. Например, в книжных магазинах Москвы (в том числе и у букинистов и в антиквариате) еще совсем недавно нельзя было приобрести ни одного советского издания полного собрания сочинений Пушкина.

Но важно не только полностью удовлетворить потребность многомиллионной советской читательской аудитории в количественном отношении, т. е. дать возможность каждому желающему приобрести для своей личной библиотеки собрания сочинений хотя бы наиболее выдающихся писателей-классиков. Важно, чтобы издания писателей-классиков были наивозможно более полноценными и в качественном отношении.

И здесь советскими литературоведами-текстологами, так же как и работниками советских издательств, проделана исключительно большая работа.

Уже в ближайшие же месяцы после Октябрьской революции Литературным Отделом Наркомпроса стали, во исполнение непосредственных указаний В. И. Ленина, выпускаться издания русских писателей-классиков, предназначенные для широких масс трудящихся. Появление таких изданий имело очень важное культурно-просветительное значение; но, естественно, что за столь короткое время подготовить критически проверенные тексты печатаемых произведений было немыслимо, и эти издания механически воспроизводили издания дореволюционные — печатались по сохранившимся матрицам. Но уже с 1918—1919 гг. начинается настойчивая, систематическая и кропотливая работа советских текстологов по тщательнейшей критической проверке текстов писателей-классиков с целью освобождения текстов от цензурных, редакторских и всяких иных искажений. В результате этой работы советский читатель получил действительно полные издания собраний сочинений писателей-классиков, тексты которых были тщательно критически выверены; в состав собраний сочинений введено

немало произведений, запрещавшихся раньше царской цензурой, включен ряд новонайденных и порой весьма значительных произведений, скрытых в недоступных ранее дворцовых, жандармских и других архивах, в частных собраниях.

На неизмеримо более высокий, качественно новый уровень было поднято советскими текстологами и прочтение черновых рукописей писателей. Дореволюционные текстологи в качестве основного приема применяли способ так называемых «транскрипций», т. е. наиболее точного воспроизведения внешнего вида, графического рисунка того или иного черновика. Подобные механические транскрипции были почти недоступны пониманию не только широкого читателя, но порой даже и специалистов.

Советские текстологи в качестве руководящего принципа своей работы выдвинули положение, что для того, чтобы верно прочесть неясно написанный и с трудом поддающийся прочтению авторский текст, надо правильно осмыслить его в соответствии с идейно-художественным замыслом писателя. Надо изучить творческий труд автора над данным произведением, понять его целенаправленность, целеустремленность и, наконец, воспроизвести все стадии этого труда во вполне ясном, доступном даже неискушенному читателю виде.

Именно благодаря такому методу работы советским текстологам удалось убедительно решить некоторые важнейшие текстологические задачи, оказавшиеся непосильными для дореволюционной текстологии.

Ярким примером этого является история академического издания полного собрания сочинений Пушкина.

Еще в 1899 г., в связи со столетней годовщиной рождения Пушкина, дореволюционной Академией наук было начато «критическое издание» его сочинений, ставившее своей задачей установить «правильный», или канонический, как его обычно теперь называют, текст произведений родоначальника новой русской литературы и дать полный свод всех, в том числе и черновых, вариантов. Для руководства изданием была образована комиссия из крупнейших ученых-академиков, предпринявшая в помощь этому выпуск специального периодического органа — «Пушкин и его современники». К работе были привлечены крупнейшие пушкинисты-текстологи того времени. Были произведены тщательные архивные изыскания, выявившие многие новые рукописи поэта.

И тем не менее это первое академическое издание сочинений Пушкина постигла явная неудача.

«Основная задача академического издания сочинений Пушкина — полнота», — указывалось в редакционном предисловии (т. II, стр. X). Эта основная задача в условиях того времени

не могла быть разрешена: ряд произведений Пушкина и в этом издании продолжал печататься с очень большими цензурными купюрами. Но самое главное, что редакторы издания, несмотря на крайнюю медленность его подготовки (II том вышел в свет только в 1905 г., т. е. через шесть лет после I тома, III том в 1912 г. — через семь лет после II тома; всего до 1917 г., значит за 18 лет, вышло только пять томов, т. е. меньше половины издания), оказались в значительной степени беспомощными перед задачей прочтения всех черновых рукописей Пушкина. Ряд важнейших черновиков поэта был прочтен неправильно, а некоторые, притом не всегда самые сложные и трудные, в большей своей части оказались к моменту выхода очередных томов и вовсе неразобранными (черновики стихотворений «Андрей Шенье», «Жених» и др.). В примечаниях к соответствующим произведениям редакторы обещали дать полный свод всех разночтений в специальном дополнительном томе издания, который, однако, так и не появился.

Академическое издание Пушкина, которое по праву может быть названо полным собранием всех его сочинений и дает действительно полный свод всех вариантов, могло быть осуществлено только в наше, советское время. То, что для этого издания удалось почти с исчерпывающей полнотой разобрать все черновые рукописи Пушкина, не только свидетельствует о возросшем исследовательском мастерстве отдельных текстологов-специалистов, но и о новом неизмеримо более высоком научном уровне, на который поднялась советская текстология.

Однако наряду с бесспорными и, прямо можно сказать, выдающимися достижениями советской текстологии за последние годы, как известно, появился целый ряд тревожных сигналов в печати о больших неблагополучиях в этой области, граничащих подчас с прямыми провалами. Так, несомненным провалом является отсутствие до сих пор для собраний сочинений многих писателей-классиков окончательно установленного единого текста, вследствие чего одно и то же произведение выпускается в свет разными издательствами, подчас даже одновременно, в различных, отличающихся друг от друга текстах. На совершенную недопустимость этого М. Горький указывал еще в первые годы Советской власти. 3 апреля 1920 г. Горький писал В. И. Ленину: «Я прошу Вас позвонить Воровскому и указать ему, что сокращенные издания русских классиков обязательно должны быть идентичными по тексту с полными изданиями, выпущенными Государственным издательством.

Вы, конечно, понимаете, что это необходимо» [2].

---

[2] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 29, М., Гослитиздат, М., 1955, стр. 391.

Между тем в издательской практике последних лет закон идентичности текста писателя для всех изданий его сочинений все чаще нарушается. Это, естественно, дезориентирует читателей, наносит немалый вред школьному преподаванию и вообще представляет собой явление, абсолютно нетерпимое и недопустимое.

Я не буду останавливаться на всех причинах этого. Но одна из них имеет прямое отношение к теме настоящей статьи.

В связи с различием целей и задач, и в соответствии с этим, с обращенностью к различному кругу читателей, разной читательской аудитории, существующие в настоящее время типы изданий писателей-классиков, вполне закономерно, чрезвычайно разнообразны. У нас издаются так называемые академические издания, издания полных собраний сочинений, многотомные издания избранных сочинений, однотомники, издания, составленные по жанровым признакам, издания отдельных произведений (от дешевых до роскошных, так называемых художественных), издания особого назначения, например, специально для школ и т. п. и, наконец, массовые издания с небывалыми доселе — порядка от 200 до 500 тысяч — тиражами.

Само по себе обилие различных типов изданий писателей-классиков — явление вполне правомерное и весьма положительное. Существенным недостатком является наблюдающаяся здесь, почти как правило, недостаточная уточненность задач, стоящих перед изданиями разного типа, а отсюда недостаточная разграниченность между ними, недостаточно четкое установление профиля данного издания и его назначения.

Издания научного типа, в особенности академические издания, не должны непосредственно ставить перед собой задач популяризации творчества данного писателя, хотя, в конечном счете, они этому могущественно способствуют, создавая твердую текстологическую базу для изданий популярного типа. Наоборот, перед изданиями массового назначения не стоят непосредственно задачи научно-исследовательского порядка, хотя и эти издания должны выполняться на высоком научном уровне, достигнутом к данному времени литературной наукой, и в этом, но только именно в этом смысле могут и должны считаться изданиями научно-популярными.

Между тем на практике эти задачи часто смешиваются. Вследствие этого усилия издательств и текстологов рассредоточиваются. В результате получается, что, с одной стороны, недостает изданий широкого, популярного профиля, предназначенных для удовлетворения законных потребностей массового советского читателя, желающего иметь в своей личной библиотеке сочинения наиболее выдающихся писателей-классиков и зачастую не могущего их достать. С другой стороны,

возникают, так сказать, гибридные издания, которые одновременно ставят перед собой цели и исследовательского и популяризаторского порядка и, вместе с тем, как следует не осуществляют ни тех, ни других.

Всем этим создается ненужная, более того, вредная чересполосица, что несомненно мешает решению собственно научных задач, связанных с изданием классиков, также как и целям максимальной популяризации классического наследия.

В связи с оживлением общественного внимания к вопросам текстологии была проведена на страницах «Литературной газеты» короткая дискуссия и по вопросу о типе изданий писателей-классиков: была спубликована статья И. С. Зильберштейна «Издание классиков — дело всенародного значения»[3] и полемизирующая с ней статья В. В. Григоренко «Еще раз об издании классиков»[4]. Оба автора выдвинули ряд положений, заслуживающих серьезного внимания и обсуждения, но точка зрения их по основным вопросам оказалась прямо противоположной. Живой отклик на взволновавшие не только научную, но и широкую общественность проблемы текстологии, — несомненная заслуга «Литературной газеты». Но подытоживающая дискуссию редакционная статья[5] в данный вопрос ясности не внесла. Были сглажены острые углы и противоречия двух разных точек зрения; и та и другая с соответствующими оговорками были, по сути говоря, приняты, и получилось, что обе спорящие стороны — каждая по своему — правы.

Тем более насущно и неотложно внести в эти спорные вопросы, как и вообще во все дело издания писателей-классиков, ясность и порядок, достигнуть полной договоренности, с одной стороны, между литературоведами, которые ведут текстологическую работу, с другой — между работниками издательств, осуществляющими издание писателей-классиков.

2

Все издания писателей-классиков можно расчленить на два основных раздела, внутри которых может быть намечен еще ряд разновидностей. Первый из этих разделов составляют научные издания, преследующие задачи установления путем необходимой научно-исследовательской работы единого правильного, «канонического» текста произведений данного писателя-классика и научно-исследовательского их комментирования. Ко второму разделу относятся издания популярного типа, цель которых — максимальная популяризация классического наследства.

[3] «Литературная газета», 1952, № 98.
[4] Там же, 1952, № 140.
[5] Там же, 1953, № 44.

Издания популярного типа должны опираться на уже сложившуюся прочную научную основу. Поэтому чрезвычайно важным является осуществление в возможно краткие сроки научных изданий по возможности всех писателей-классиков. В настоящее время для ряда писателей-классиков такие издания или вовсе отсутствуют (нет научных изданий Тургенева, Гончарова, Чехова и др.); или не являются в достаточной степени удовлетворительными (например, издания сочинений Гоголя). Тем важнее наиболее точно определить типы научных изданий.

Высшим типом научных изданий являются так называемые академические издания. В советское время вышел и выходит ряд изданий, претендующих на значение академических. Но почти между всеми изданиями этого рода имеется, порой существенная, несогласованность. Так, например, большое академическое собрание сочинений Пушкина, кроме основного текста всех его произведений и переписки, дает, как уже сказано, полный свод всех разночтений. Комментарии в издании отсутствуют; в нем нет ни общей вступительной статьи, ни сопроводительных статей, ни даже сколько-нибудь развернутых примечаний. Так называемые «Примечания» дают лишь указание источника, по которому печатается основной текст, и библиографическую справку о публикациях данного произведения.

Академическое издание сочинений Гоголя, начатое несколько позже, но осуществлявшееся в значительной степени одновременно и параллельно с академическим изданием Пушкина, в противоположность последнему дает и довольно обширную вступительную статью, и статьи-комментарии не только справочно-библиографического, но и биографического, историко-литературного и даже критического характера. Примерно так же построено и академическое издание сочинений Глеба Успенского. В настоящее время заканчивается издание подготовленного Институтом русской литературы и выпускаемого издательством Академии наук полного собрания сочинений и писем Белинского. Здесь нет ни вступительной статьи (вместо нее дана небольшая заметка о Белинском декларативно-оценочного характера), ни статей-комментариев, но имеются краткие примечания текстологического, библиографического, справочно-фактического и, в отдельных случаях, идеологического характера. Не ставит издание своей задачей дать и полный свод вариантов. Последние приводятся выборочно и, как правило, даже не выделены, как это обычно и вполне правомерно делается, в особый раздел, а включены в общие примечания. Отказывается от приведения полного свода разночтений и редакция 90-томного собрания сочинений и писем Льва Тол-

стого, которое, хотя оно и не издается Академией наук, принято, и не без известных оснований, считать академическим.

Однако следует сказать, что сам по себе выпуск в свет полного собрания сочинений того или иного писателя-классика Академией наук отнюдь еще не делает данного издания изданием академическим.

В академическое издание принципиально должно входить в с ё литературное наследство писателя, в с е его произведения как законченные, так и незаконченные, в с е его письма (желательно — переписка), дневники и т. п. В дополнительном разделе, так называемом «Dubia», должны быть напечатаны все те произведения, относительно которых, с большей или меньшей степенью вероятности, может быть предположено авторство данного писателя. Произведения, которые приписывались данному автору без достаточных оснований, вовсе не должны вводиться в академическое издание, но в приложении следует дать их полный перечень.

Основной задачей академического издания является не только установление «канонического» текста, но и воспроизведение в с е х дошедших до нас вариантов как печатных, так и рукописных, связанных со в с е м и стадиями работы писателя над данным произведением — от возникновения замысла и первых планов до его окончательного воплощения.

Есть довольно распространенное мнение, что даже в академических изданиях нет необходимости печатать все варианты, а следует идти выборочным путем, отделяя существенное от несущественного; причем к несущественному, в частности, обычно относится так называемая «мелкая» стилистическая правка. Такой выборочный способ воспроизведения вариантов, не говоря уже о том, что он не гарантирует от субъективизма, прямо противоречит основной цели академического издания — обнародовать по возможности в с ё дошедшее до нас литературное наследство великого писателя-классика. Этот способ связан также с явной недооценкой специфики художественной литературы как искусства слова и отсюда характера писательского мастерства, где, как и во всяком искусстве, играют немаловажную роль всякого рода «чуть-чуть», вплоть до простой перестановки слов или даже тех дублетных окончаний прилагательных в творительном падеже единственного числа на *-ой* и *-ою*, от которых пренебрежительно отмахивается 15-томное издание сочинений Гоголя, но которые как раз для гоголевской прозы с ярко выраженным в ней ритмическим началом имеют, именно в порядке такого «чуть-чуть», свое несомненное значение.

Произведения писателя в академическом издании располагаются в хронологическом порядке. Однако хронологический

принцип не должен доводиться до уродливых крайностей, как это, например, имело место в полном собрании сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке, в меньшей степени — в дореволюционном академическом издании сочинений Пушкина, где в одном хронологическом ряду давались и мелкие стихотворения и поэмы. Целесообразно, при разнообразии его родов и видов, распределение творчества писателя по основным родам (поэзия, проза, драматургия), крупным жанровым признакам (стихотворения, поэмы, проза художественная, историческая), а в случае необходимости, диктуемой соображениями идейного или художественного порядка, и по установленным самим автором сборникам, циклам (например, очевидно, следует сохранить распределение басен Крылова по девяти разделам — «книгам», установленным самим автором). Обязательно выделение в особый раздел писем (переписки).

При достигнутом советскими исследователями высоком уровне текстологического мастерства академическое издание писателя-классика имеет все возможности делаться в расчете «на века», т. е. почти на неограниченно длительное время использования этого издания в качестве руководящего текстологического «канона». Конечно, в случае необходимости (тираж издания разошелся и т. д.) академическое издание может и должно переиздаваться с внесением в него вновь возникших дополнений и иной раз уточнений в трудно читаемых черновых текстах писателя. Последнее частично все время и происходит, потому что для текстологии, как и для всякой научной дисциплины, нет пределов совершенствования. Так, например, если мы заглянем во вторые части 2-го и 3-го томов большого академического издания Пушкина (стихотворения 1826—1836 гг.), мы увидим немало подстрочных сносок, исправляющих здесь же приведенные варианты. Это показывает, что еще в процессе подготовки данного издания в самый последний момент удалось добиться большего уточнения в трудно читаемых черновиках поэта. Ряд некоторых дальнейших уточнений был внесен и в 10-томное издание Пушкина (малое академическое издание), выпущенное Академией наук СССР к пушкинскому юбилею 1949 г., — издание, в текстологическом отношении полностью опирающееся на большое академическое.

Конечно, и в академическое издание могут вкрасться ошибки, которые обязательно должны быть исправлены; может возникнуть необходимость дополнительно включить в него вновь обнаруженные тексты. Например, уже после выхода в свет соответствующих томов большого академического издания Пушкина была обнаружена считавшаяся безвозвратно потерянной единственная авторская рукопись «Пира во время чумы», позволившая уточнить канонический текст; была най-

дена рукопись поэмы «Вадим», что теперь дает возможность публиковать не только известный ранее отрывок первой главы поэмы, а всю главу целиком. Этот материал, как и все исправления, следует опубликовать в дополнительном томе (или томах) или при перепечатке академического издания.

В настоящее время имеется полная возможность выпускать академические издания с таким расчетом, чтобы они раз и навсегда положили конец всякому произволу в отношении текстов писателей-классиков, дали бы прочную, твердую, как гранит, текстологическую базу и могли бы явиться основой для перепечатки данных текстов в любом другом издании.

Этой основной направленностью академического издания должен определяться и его справочный аппарат.

Например, в полном собрании сочинений Гоголя, выпущенном издательством Академии наук СССР в 1937—1952 гг. и претендующем на значение академического, как уже сказано, имеются вступительная статья и статьи-характеристики. Я считаю, что в академическом издании они не нужны. В академическом издании не должно быть также комментариев, сопроводительных заметок и примечаний биографического, историко-литературного или критического характера. Этот материал при стремительном развитии науки о литературе устаревает скорее всего. Именно ограничение задачей наиболее точного опубликования всего литературного наследия писателя обеспечивает, понятно, при условии максимально-квалифицированного осуществления, необходимую долговечность академического издания, призванного быть научно-текстологической основой всех других изданий сочинений данного писателя.

Справочный аппарат академического издания должен заключаться лишь в источниковедческих и библиографических справках, сведениях по истории создания произведения и в обязательном развернутом обосновании принятых датировок, а также выбора данного текста в качестве основного. Наконец, в академическом издании должна, в случае спорности или неясности, обосновываться принадлежность данного произведения данному автору. И только!

Из всех выпущенных в советское время изданий классиков к такому типу академического издания наиболее приближается большое академическое издание Пушкина (Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. 1—16. Изд-во АН СССР, 1937—1949). Но не говоря уже о том, что и по сию пору оно остается незавершенным (еще нет 17-го тома, где должны быть даны дополнения, исправления и указатель ко всему изданию), и академическое издание Пушкина содержит не только ряд серьезных ошибок, но и принципиальных недочетов.

Путем использования положительных сторон этого издания и устранения имеющихся в нем недочетов и может быть окончательно установлен необходимый тип академического издания писателей-классиков.

Стоит напомнить в связи с этим, что сама структура советского академического издания Пушкина сложилась не сразу. Сперва академическое издание было решено издавать в сопровождении обширнейшего историко-литературного комментария, перераставшего в своего рода сборники научно-исследовательских статей. Так, первый же вышедший том этого издания, которому суждено было оказаться единственным (Пушкин. Том 7. Драматические произведения. Изд-во АН СССР, 1935), на 257 страниц основного пушкинского текста содержал 323 страницы статей-комментариев. Собрание сочинений Пушкина превращалось одновременно и в собрание исследовательских статей о Пушкине. Тем самым в одном издании оказались соединенными, смешанными две совершенно разные задачи.

Ныне осуществленное большое академическое издание Пушкина помимо основного текста и полного свода всех вариантов содержит вместо первоначально запланированного обширного комментария лишь небольшой сопроводительный раздел под названием «Примечания»; эти примечания представляют собой по существу лишь сжатые справки, в которых перечислены источники текста данного произведения, указаны: источник, по которому печатается основной текст, время и место первой публикации произведения, время, с которого оно входит в собрания сочинений, и, наконец, дата написания. Этим примечания и ограничиваются. Тем не менее для своего осуществления выпущенные шестнадцать томов этого издания, которое сперва было намечено полностью выпустить к юбилею 1937 г., т. е. в течение двух-трех лет, потребовали целых двенадцать лет: они вышли в свет только к юбилею 1949 г. Если же это издание продолжало бы готовиться по первоначальному плану, можно с полной уверенностью сказать, что, хотя к нему и были привлечены все наиболее выдающиеся специалисты-пушкиноведы, срок его выхода в свет увеличился бы на очень длительное время.

Но самое главное, что такая огромная затрата времени на подготовку академического издания оказалась бы, как об этом наглядно свидетельствует опыт с 7-м томом, обратно пропорциональной по отношению к долговечности его дальнейшего существования в качестве дефинитивного издания сочинений Пушкина. На практике почти все статьи 7-го тома, несмотря на то, что они изобиловали порой безусловно очень ценным, интересным для читателей и полезным для специали-

стов материалом, оказались устаревшими, а порой и прямо порочными в методологическом отношении уже через несколько лет после выхода в свет данного тома.

Однако и при выработке новой структуры академического издания принципиально иного типа был допущен существенный просчет, связанный с тем, что не была достаточно четко определена направленность издания, та читательская аудитория, для которой оно было предназначено, на которую оно должно было быть рассчитано.

Издание было запланировано и начало выходить в необычайно большом по тому времени тираже — 35 тысяч экземпляров. Это неизбежно повело к затемнению профиля издания. Академическое издание, т. е. издание, преследующее очень специальные, хотя в конечном счете, как уже сказано, исключительно важные для всего дела полноценного издания сочинений Пушкина цели, предполагалось вместе с тем сделать изданием массовым. Это противоречивое задание неминуемо сказалось на характере так называемого «сопроводительного аппарата», на структуре примечаний. В академическом издании оказалось очень много новаций и в текстологическом отношении и в особенности в датировках. Между тем, решительно никаких обоснований как того, так и другого, — и в этом самый крупный недочет, если не прямо порок, издания, — в нем дано не было. Это во многом обесценивало его как академическое издание, как издание для специалистов, но вместе с тем ни в какой мере не обеспечило и его массовости. Поскольку по своим основным установкам и назначению издание все же было академическим и, в особенности, поскольку в нем полностью отсутствовал необходимый для массового издания пояснительный комментарий, широкий читатель попросту не принял этого издания. В этом отношении гораздо более подходящими оказались ранее выпущенные 6-томное и 9-томное издания издательства «Academia».

О сказанном нагляднее всего свидетельствует кривая тиража издания. Большое академическое издание Пушкина начало выходить тиражом в 35 200 экземпляров; но почти сразу же этот первоначально запланированный тираж стал последовательно и непрерывно снижаться. Так, 4-й том, вышедший в том же 1937 г., что и 1-й, уже имел тираж только в 32 тысячи экземпляров; томы 9-й и 14-й, вышедшие в 1940 и 1941 гг., — тираж в 27 тысяч экземпляров. Затем произошло уже не снижение тиража, а его катастрофическое падение: томы, вышедшие в 1948 г., имели тираж всего лишь 10 тысяч экземпляров, т. е. в три с половиной раза меньше первоначального, а тираж последующих томов, несмотря на то, что они вышли в юбилейном 1949 г., когда спрос на произведения

Пушкина особенно усилился, уменьшился еще более, упал до 8 тысяч и даже до 7 тысяч экземпляров, т. е. стал в пять раз меньше первоначально запланированного.

Случай с тиражом академического издания Пушкина не единичен. Примерно то же самое произошло с изданным Академией наук 14-томным собранием сочинений Гоголя — изданием, стремившимся приблизиться к академическому. Оно было начато в тираже 15 175 экземпляров (первые три тома), с 4-го тома тираж был снижен в 2,5 раза — до 6 тысяч экземпляров.

Этот опыт был, очевидно, учтен при подготовке издания сочинений Глеба Успенского, тоже задуманного как академическое: тираж его был запланирован в 5 тысяч экземпляров и все время держался на этом уровне.

Таким образом, можно сказать, что сам читатель в какой-то мере участвует в определении профиля академического издания, в придании последнему большей четкости, поправляя ошибки и просчеты издательского планирования, не основанного на достаточно ясном представлении о том, каким должно быть академическое издание и в связи с этим на какое количество читателей оно должно быть рассчитано.

Практика показывает, что тираж академического издания должен быть определен на первое время в пределах от 5 до 10 тысяч экземпляров, не более. В дальнейшем оно может переиздаваться.

Понятно, что при подобном очень небольшом тираже академическое издание рентабельным стать не может, в особенности, если учесть очень большие сложности и отсюда весьма большие материальные затраты, связанные с его осуществлением.

Из всего этого следует сделать ряд практических выводов организационного характера.

Предпринимать академическое издание с полной гарантией на успех по сути дела можно, только уже имея одно или даже несколько критических, научных изданий сочинений данного писателя-классика. Осуществить советское академическое издание Пушкина оказалось возможным именно потому, что эти условия уже существовали, что критическое изучение пушкинских текстов к этому времени насчитывало почти вековую давность (началось еще с 1855 г., с издания П. В. Анненкова, и продолжалось целыми поколениями текстологов-пушкинистов, причем особенно интенсивно в советское время — в 20-е и 30-е годы).

Сама подготовка и осуществление академического издания носят и особенно ответственный и особенно сложный характер, требуют большого как предварительного, так и по ходу работы над самим изданием исследовательского труда,

тщательного изучения всех имеющихся архивных материалов, настойчивых разысканий новых и т. д.

Поэтому создание академических изданий, что является делом важнейшего национально-государственного значения, должно быть возложено на Институты литературы Академии наук СССР и должно занимать все более и более значительное место в планах их научно-исследовательской работы.

Ответственность за выполнение основной задачи, стоящей перед академическим изданием, — установление канонического, т. е. обязательного для перепечатки во всех других изданиях, текста — должна лежать не только на специалистах-текстологах, не только на возглавляющих издание редакционных советах или редакционных коллегиях, но и на научном руководстве данного института в целом в лице его ученого совета.

То, что в академическом издании Пушкина решение всех этих вопросов зависело только от редакционного совета, т. е. от узкого круга, хотя и самых крупных специалистов в данной, но именно в данной области, что никто из авторитетных ученых-литературоведов не был привлечен со стороны к обсуждению встречавшихся порой весьма трудных казусов, — а со стороны, как известно, нередко виднее, — что при наличии на некоторые вопросы различных точек зрения принималась как окончательная и не подлежащая никакому дальнейшему рассмотрению и в случае необходимости суперарбитражу точка зрения большинства членов редсовета, — создавало возможность целого ряда серьезных ошибок.

Например, такой вопиющей, с моей точки зрения, ошибкой является невключение в академическое издание, даже в раздел так называемых «Dubia», знаменитой эпиграммы на «Историю Государства Российского» Карамзина («В его истории изящность, простота. . .»), упорно на протяжении целого столетия связывавшейся с именем Пушкина, скорее всего, ему и принадлежащей.

Считаю, что при подготовке дальнейших академических изданий писателей-классиков следует учесть и перенять опыт организации текстологической работы в 30-томном собрании сочинений М. Горького. Издание это не является академическим. В то же время его текстологическая подготовка была с самого начала поставлена на прочную научную основу. Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, осуществивший это издание, возложил подготовку его на сектор по изучению творчества Горького. Для решения текстологических вопросов была создана специальная текстологическая комиссия. В случае разногласий внутри комиссии спорные вопросы выносились на обсуждение и окончательное разрешение ученого совета Института. Так же ведется и под-

готовка выпускаемого Институтом 30-томного научного издания собрания сочинений Герцена. Все это помогло избежать многих, порой серьезных ошибок.

Из всего только что сказанного о сложности и трудностях подготовки академических изданий видно, что, так сказать, «право» на них имеют на первых порах только самые выдающиеся писатели-классики, гиганты литературы, с именем и творчеством которых связана целая эпоха литературного развития.

Дело с академическими изданиями писателей-классиков надо наладить следующим образом. Прежде всего следует завершить большое академическое издание полного собрания сочинений Пушкина, т. е. наивозможно более быстро издать в основном уже подготовленный 17-й том, в который должны войти, помимо общего указателя, дополнения и исправления ко всему изданию. Однако и с выходом этого тома академическое издание Пушкина, именно как издание академическое, не может быть признано до конца осуществленным. Для того чтобы достигнуть этого, необходимо добавить еще, по меньшей мере, один том, в котором следует дать совершенно необходимые для всякого научного издания, тем более для издания академического, обоснования выбора основного текста, принятых датировок и т. п.

Тогда большое академическое издание сочинений Пушкина будет действительно удовлетворять требованиям, которые мы должны предъявлять к академическому изданию, и может послужить образцом, к которому должны стремиться последующие издания академического типа.

В последних изданиях сочинений Гоголя, в том числе и в 15-томном издании, осуществленном Институтом русской литературы Академии наук СССР, допущены, как это уже указывалось в нашей печати, серьезные ошибки, в результате которых возник нетерпимый текстологический разнобой, запутывающий читателя.

Поэтому совершенно необходимы скорейшая подготовка и осуществление действительно академического издания сочинений Гоголя, которое дало бы читателю окончательно установленный, подлинно канонический текст автора «Ревизора» и «Мертвых душ».

Столь же неотложной представляется подготовка академического издания художественных произведений Льва Толстого с приведением исчерпывающего свода всех вариантов. 90-томное и до сих пор еще не законченное полное собрание сочинений Толстого, как уже упомянуто, с самого начала отказалось от такой задачи, ограничившись приведением только избранных вариантов. При этом делались ссылки на слишком

большое количество дошедших до нас творческих рукописей Толстого, якобы делающих почти невозможным приведение всех вариантов. Но все этапы тончайшией художественной работы Толстого так замечательны во всех отношениях, что учесть и показать читателю и исследователю все это богатство, все эти россыпи исканий и величайших достижений русской художественной мысли и русского художественного слова совершенно обязательно и необходимо.

Вполне возможно было придать значение академического издания выпускаемому Институтом русской литературы АН СССР полному собранию сочинений Лермонтова. Однако, к сожалению, издание не пошло по этому пути, не отменив ни старого издания Академии наук под редакцией Д. И. Абрамовича, ни издания «Academia» под редакцией Б. М. Эйхенбаума.

На ближайшую очередь должен быть поставлен вопрос о подготовке академических изданий сочинений Тургенева, Островского, Салтыкова-Щедрина, Чехова.

Наряду с началом подготовки ряда академических изданий писателей-классиков следует расширять планомерно продуманную серию научных изданий классиков с тем расчетом, чтобы в нее вошли все выдающиеся представители классической литературы.

3

К научным изданиям, не претендующим или без достаточного основания претендующим на академические (речь идет о типе изданий, а не об их качестве), несомненно могут быть отнесены и 90-томное издание сочинений Толстого, и 15-томное издание сочинений Гоголя, и 20-томное полное собрание сочинений и писем Салтыкова-Щедрина, редакция которого сознательно ставила перед собой задачу подготовить базу для последующего академического издания, и 12-томное полное собрание сочинений и писем Некрасова, и 30-томное издание сочинений Горького, и 30-томное собрание сочинений Герцена и т. д.

Задачи научного издания, вместе с тем не претендующего на значение академического, в известной мере совпадают с задачами и целями последнего. Так, при отсутствии доброкачественного академического издания сочинений писателя, первейшей задачей научного издания является подготовка критически проверенного текста, который должен стать текстом научно установленным и поэтому обязательным для воспроизведения во всех других изданиях — «каноническим». При наличии доброкачественного академического издания по данному писателю работа ограничивается внесением, в случае необхо-

димости, отдельных текстологических уточнений и исправлений.

Уже одно установление канонического текста, в случае его до тех пор отсутствия, делает соответствующее издание в этом отношении изданием научным. Такую задачу ставит 30-томное издание сочинений Горького, выпущенное Институтом мировой литературы АН СССР, к этому стремится выпущенное Гослитиздатом полное собрание сочинений Островского, ставящее целью «дать выверенный по рукописям и авторизованным изданиям полный свод» всего им написанного, и начатое там же 12-томное издание Тургенева.

Но для того, чтобы данное издание приобрело более широкое научное значение, оно не должно ограничиваться только установлением канонического текста. Существенной стороной научного издания является воспроизведение вариантов, не претендующее, однако, в отличие от академического, на исчерпывающую полноту, а печатающее варианты, наиболее значительные в идейном или художественном отношении или характеризующие специфические особенности творческой работы писателя.

Особое внимание в научном издании неакадемического типа должно быть обращено на сжатый и содержательный, притом отнюдь не просто справочный, а исследовательский комментарий не только текстологического, связанного с историей создания данного произведения, но и идеологического, реально-исторического, историко-литературного характера.

Не менее существенной чертой научного издания является наивозможно более полный охват им всего наследия писателя-классика. Именно так и строится большинство перечисленных мною изданий. Но, конечно, мыслимы научные издания и избранных сочинений. Таким является, по-видимому (при нем нет никаких пояснений от редакции), выпускаемое сейчас Гослитиздатом собрание сочинений Тургенева. Так построены многие выпуски Большой и Малой серий «Библиотеки поэта», выпускаемых по почину М. Горького издательством «Советский писатель».

Крайне желательны и даже насущно необходимы подлинно научные издания **отдельных** наиболее выдающихся произведений классической литературы. Так, у нас есть очень большое число разного типа изданий пушкинского «Евгения Онегина», но нет ни одного издания, которое содержало бы и полный свод вариантов, и исследовательскую статью, и исследовательский, филологический — в широком смысле этого слова — комментарий.

Необходимы такие же издания «Горя от ума», «Героя нашего времени», «Мертвых душ», «Обломова», «Былого и дум»,

«Отцов и детей», «Преступления и наказания», «Что делать?», «Войны и мира», «Анны Карениной» и т. д.

Тип такого рода изданий в значительной мере выработан серией «Литературные памятники», издаваемой Академией наук СССР. Однако до сих пор по непонятным причинам серия, как правило, ограничивается в отношении художественной литературы изданием памятников только глубокой древности и пока не включает в свой состав памятников русской и мировой литературы XIX в.

Весьма желательны издания отдельных выдающихся классических произведений, предназначенные специально для вузовских занятий, для средней школы и соответственным образом построенные, объединяющие текст произведения с развернутым филологическим, реально-историческим и т. п. комментарием.

Издания особого типа требуются для школ в национальных республиках.

В противоположность академическому изданию тираж изданий научного типа, не претендующих на значение академических, колеблется в очень больших пределах. Так, 30-томное издание сочинений Горького выпущено огромным тиражом (300 тысяч экземпляров), 50-тысячным тиражом вышло полное собрание сочинений и писем Некрасова. Несомненно, что большие тиражи научных изданий следует выпускать только при одном условии, порой недостаточно принимаемом в расчет: эти тиражи не должны мешать выполнению основной, первейшей обязанности, первейшего долга, лежащего на издательствах, — приобщения десятков миллионов трудящихся к великим произведениям классической литературы. Между тем это не всегда учитывается. Сколь ни важно и ни необходимо осуществление научных изданий, но еще важнее, еще насущнее удовлетворить как можно скорее и как можно шире всю массу советских читателей изданиями, преследующими задачу самой широкой популяризации всего великого, что есть в русской классической литературе, т. е. изданиями массовыми.

4

Для того чтобы как можно скорее насытить книжный рынок необходимым количеством изданий популярного типа, надо точнее установить их профиль, определяемый именно задачами широчайшей популяризации классического наследия. Между тем на практике вопрос этот оказывается зачастую весьма неясным, а порой и прямо запутанным.

Прежде всего, надо установить, что популярные издания писателей-классиков отнюдь не преследуют задач научно-

исследовательского характера. Обязанностью этих изданий является точное воспроизведение канонического текста, установленного академическим или, при отсутствии такового, доброкачественным научным изданием сочинений данного писателя, хотя и не имеющим значения академического. Тут же оговоримся, что воспроизведение это не должно быть механическим. Так, явно ненужно воспроизведение в популярных изданиях некоторых особенностей языка и тем более орфографии писателя, имеющих в настоящее время только историческое значение, которые необходимо сохранить в академических изданиях, но которые могут лишь дезориентировать и расшатать орфографические навыки не только школьника, но и вообще широкого читателя.

Особое значение для популярных изданий собраний сочинений писателя-классика приобретает вопрос о составе включаемых в них произведений. В докладной записке об издании писателей-классиков М. Горький подчеркивал:

«Эти издания — типа академических собраний сочинений Пушкина, Державина, Ломоносова — должны выпускаться в свет только после серьезной академической работы над текстом автора по рукописям и должны лечь в основу изучения русской литературы.

Но для нужд широкого читателя нужно создать библиотеку русских классиков, в которую вошли бы все более или менее выдающиеся писатели XVIII и XIX веков. И в этом издании нет нужды преследовать абсолютную „полноту". Достаточно, если каждый автор будет представлен в наиболее ярких его произведениях, ценных абсолютно или по тому влиянию, которое они оказали на ход нашего литературного и общественного развития»[6].

Действительно, для популярных изданий, в особенности с массовым тиражом, не только не обязательно, но зачастую не нужно, а порой и прямо вредно стремление к исчерпывающей полноте.

Если в отношении текста мы опираемся, как правило, на последнюю волю автора, то не можем мы не считаться с его волей (хотя, понятно, не обязаны и слепо за ней следовать) в отношении состава его сочинений, включаемых в то или иное издание. В противоположность изданиям научного типа в массовые популярные издания не следует включать таких произведений, которые сам писатель, справедливо считая их слабыми, неудачными, не публиковал вовсе или не вводил в подготовленные им самим собрания своих сочинений. Не

---

[6] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, 1953, стр. 191.

следует включать в массовые популярные издания детские, незрелые произведения писателя и т. д.

Наглядным примером нарушения этого правила со всеми вытекающими отсюда последствиями является, как это справедливо указал в упоминавшейся выше статье в «Литературной газете» И. С. Зильберштейн, полное собрание сочинений и писем Чехова, выпущенное Гослитиздатом в 1945—1951 гг. большим тиражом (53 тысячи экземпляров) и содержащее (в некоторых томах на девять десятых, и даже более, всего тома) слабые, ученические произведения, не включавшиеся в собрание своих сочинений самим Чеховым. Издание это, одновременно поставившее перед собой задачи и научно-исследовательского и популяризаторского характера и не сумевшее как следует решить ни тех, ни других, является типичным неудачным гибридом. В научном отношении оно ни в коем случае не может удовлетворить специалистов. В представлении же широкого читателя оно способно только исказить облик одного из замечательнейших мастеров русской художественной прозы, загромождая полновесное золото его великих созданий грудами руды и шлака — литературной «поденщиной» ранних лет, поры работы Чехова в мелких сатирических листках 80-х годов.

Равным образом не следует в массовых изданиях собраний сочинений Лермонтова начинать их, как это до сих пор делается, с детских, незрелых его произведений, никак не предназначавшихся им самим для опубликования, относя (во имя ложного, в данном случае, хронологического принципа) в самый конец действительно гениальные его создания, которые сам поэт только и включил в сборники своих сочинений.

Стремление к исчерпывающей полноте во что бы то ни стало часто приводит редакторов популярных изданий к недоучету того, когда, в какой обстановке, для чего было написано автором то или иное отдельное его произведение. У многих и многих писателей-классиков имеются вещи, писавшиеся ими в шуточном плане, адресованные узкому дружескому кружку и никак не предназначавшиеся для печати. Среди этих вещей встречаются и такие, которые даже в академическом издании не могут быть опубликованы полностью, в которых ряд слов, а порой даже и целых фраз, заменен условными знаками (точками, дефисами). Едва ли нужно включать такие испещренные многоточиями произведения в популярные издания сочинений писателя-классика, возбуждая в читателе нездоровый интерес к разгадыванию пропущенных мест — операции, столь же соблазнительной, сколь и нетрудной, поскольку количество точек или дефисов соответствует, по установленному для академического издания правилу, числу букв

пропущенного слова, а в стихах угадыванию таких слов часто помогает и рифма.

Советские люди — менее всего тартюфы, набрасывающие платок на грудь Дорины. Но творчество русских писателей-классиков, исполненное высокой правды, подлинной человечности, огромной духовной чистоты и благородства, оказывало и продолжает сейчас оказывать исключительно большое воспитательное воздействие. «Придет время, когда он будет в России поэтом *классическим*, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство...» [7], — этих проникновенных слов Белинского о Пушкине, которые могут быть полностью распространены на все великие произведения русской классической литературы, никак нельзя забывать при определении состава популярных массовых изданий писателей-классиков.

Поэтому, мне представляется, нужно всячески приветствовать инициативу издательства «Огонек», которое при подготовке массового собрания сочинений Лермонтова, выпущенного тиражом в 155 тысяч экземпляров (редактор — И. Л. Андроников), пошло против установившейся традиции и, даже назвав свое издание Полным собранием сочинений, не включило в него пресловутые «юнкерские поэмы». К сожалению, издательство не проявило здесь последовательности, выпустив в следующем же году массовое издание сочинений Пушкина в том составе, в котором оно было дано в большом и малом академических изданиях, т. е. включив в него произведения слишком фривольного содержания (вроде сказки «Царь Никита» в полном ее виде, кстати, сохранившейся только в памяти брата поэта, Л. С. Пушкина) и с неудобными для печати словами, замененными дефисами. Мое настойчивое предложение как одного из редакторов издания опустить все эти вещи — не было принято. Между тем эта точка зрения разделяется и многими советскими читателями, о чем свидетельствуют протестующие читательские письма, поступившие в издательство.

Для популярных массовых изданий писателей-классиков должен быть четко установлен самый принцип отбора. Он должен определяться отнюдь не личными вкусами редактора-составителя, а стремлением дать многомиллионному советскому читателю действительно все наиболее выдающееся и значительное из творчества писателя-классика, говоря приведенными выше словами М. Горького, — наиболее яркие его произведения, ценные или абсолютно, или по тому влиянию, ко-

---

[7] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 579

торое они оказали на ход нашего литературного или общественного развития.

Резким нарушением этого основного принципа при подготовке избранных сочинений писателя является вышедший в 1953 г. в Гослитиздате новый однотомник Пушкина под названием «Избранное», выпущенный массовым тиражом в 200 тысяч экземпляров. По объему однотомник довольно велик — 700 страниц. Но состав его никак не может быть признан удовлетворительным. Так, из поэм в нем только три: «Руслан и Людмила», «Полтава» и «Медный всадник». Не говоря уже о «Бахчисарайском фонтане», «Кавказском пленнике» или «Тазите», здесь нет ни «Цыган», значение которых как в творчестве Пушкина, так и в развитии русской литературы и русской общественной мысли, конечно, неизмеримо больше значения «Руслана и Людмилы», ни «Графа Нулина». Нет и «Сказки о царе Салтане». Из драматургических произведений включены только «Борис Годунов», «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери», нет не только «Каменного гостя» и «Пира во время чумы», но даже и «Русалки» и «Сцен из рыцарских времен», о которых Чернышевский отозвался, что они не ниже, если не выше «Бориса Годунова». Из прозы также даны всего лишь три произведения: «Станционный смотритель», «Дубровский», «Капитанская дочка». Нет ни остальных четырех «Повестей Белкина», ни «Пиковой дамы», ни «Арапа Петра Великого». Равным образом совершенно недостаточен и произволен подбор лирики Пушкина: в числе отобранных 80 стихотворений нет таких известнейших, как «Утопленник», «Обвал», «Дорожные жалобы», «Пир Петра Первого» и многих других; в то же время включено несколько стихотворений, которые, видимо, особенно понравились составителю, которые и действительно, как все пушкинское, хороши, но при таком строгом отборе явно должны были бы уступить место другим — признанным шедеврам пушкинской лирики (например, включены: стихотворный отрывок «Каков я прежде был, таков и ныне я...», черновой набросок «Надеждой сладостной младенчески дыша» и др.).

В то же время в данном однотомнике, судя по отбору включенных в него произведений, предназначенном для самого неосведомленного читателя, нет статьи, которая давала бы необходимые сведения о жизни и творчестве Пушкина.

Между тем популярное издание сочинений писателя-классика все должно быть построено таким образом, чтобы отвечать основной своей задаче — сделать его произведения наиболее доходчивыми, понятными для наибольшего числа читателей. На осуществление именно этой задачи и должен быть «нацелен» сопроводительный аппарат издания.

Есть такие произведения классической литературы, как, скажем, «Записки охотника» Тургенева, которые сами по себе настолько доходчивы и понятны, что могут печататься без всякого сопроводительного аппарата, за исключением, может быть, объяснения некоторых вышедших из употребления слов и понятий. Но, как правило, для популярных собраний сочинений — полных или избранных — необходима живо и интересно написанная критико-биографическая статья, не только характеризующая с марксистско-ленинских позиций жизненный путь писателя, его мировоззрение, эстетические взгляды, творческое развитие, его художественное мастерство, но и дающая критическую оценку — сознанием нашей социалистической эпохи — как всего творчества классика в целом, так и отдельных наиболее значительных его произведений.

Сугубо вспомогательный справочно-пояснительный характер должен иметь и комментарий, даваемый в популярном издании. Этот комментарий должен заключать в себе только то, что необходимо для правильного понимания текста, и отнюдь не должен быть загроможден материалом, как общеобразовательного (например, объяснения имен широко известных исторических деятелей, писателей и т. п.), так и узко специального характера. Ненужным педантизмом является, например, включение в комментарий популярного издания сведений о времени и месте (название журнала, альманаха) первой публикации произведений писателя. Между тем эти сведения, совсем не обязательные для массового читателя, занимают очень много места, которое гораздо существеннее использовать по прямому назначению — пояснить читателю все то, что может для него оказаться непонятным или быть неверно понято. Специалисту время и место первой публикации нетрудно установить и по имеющимся изданиям научного типа, и по специальным справочникам. Массовому же читателю гораздо важнее узнать не то, где и когда была впервые напечатана «Пиковая дама» Пушкина, а, скажем, что значат совершенно непонятные не только ему, но порой и специалисту слова Томского: «выиграл соника», «загнул пароли», «пароли пе» и др. Так же необходимо пояснить ему правила игры в фараон, без чего непонятна роковая ошибка Германа в третьей решающей его схватке с Чекалинским. А это-то как раз обычно и не объясняется массовому чатателю.

* *
*

Подведем итоги. Говоря в уже цитированной нами выше докладной записке о задачах, связанных с изданием писателей-классиков, М. Горький указывал: «Более или менее удов-

летворительно эти задачи могут быть выполнены только при централизованной работе по систематически выполняемому плану»[8].

Издательствам совместно с институтами литературы Академии наук СССР необходимо выработать общий перспективный план издания писателей-классиков на ближайшие пять или даже лучше десять лет, твердо установив не только перечень имен и сроки выполнения, но и типы тех изданий, которые по данному писателю являются в настоящее время наиболее необходимыми для скорейшего осуществления ленинского завета — сделать великие творения русских писателей-классиков достоянием всего советского народа.

---

[8] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, стр. 190.

В. С. НЕЧАЕВА

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ ТЕКСТОВ В ИЗДАНИЯХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XIX И XX ВЕКОВ

1

Вопрос о высококачественных изданиях памятников русской классической литературы ставился неоднократно и в XIX и даже в XVIII в. Уже при посмертном издании сочинений Ломоносова перед подготовителями издания встали разнообразные текстологические проблемы, которые нашли отражение в примечаниях к изданию и которые они старались разрешить по мере своих сил. В первой трети XIX в. об издании текстов писали русские историки и филологи, а критики поднимали попутно текстологические вопросы, разбирая сочинения писателей. Так, например, П. А. Вяземский, готовя книгу о Фонвизине и критикуя издание его сочинений, выдвинул требование собирания и изучения рукописей писателя, отыскания и публикации его затерянных произведений и т. д.

Подлинным борцом за научное доброкачественное издание русских классиков выступил Белинский. В десятках статей и рецензий на издания сочинений Фонвизина, Державина, Крылова, Пушкина и других писателей Белинский настойчиво возвращался к тому, каким должно быть издание сочинений писателя-классика, чему можно поучиться или что нужно осудить в том или ином издании.

Белинский отмечал полноту собрания сочинений и негодовал на пропуски, сверял тексты нового издания с предшествующими и приводил примеры редакторских промахов и искажений, ставил вопрос о порядке, в котором следует печатать произведения авторов, требовал объяснительных примечаний, биографических статей, приложений. Он напоминал о потребностях рядового читателя своего времени — учителя, студента, журналиста, о необходимости дать им в руки доступные по цене и вместе с тем исправные и полные издания.

Те же заботы были близки Чернышевскому, Некрасову, Добролюбову. В их сочинениях имеется немало высказываний, связанных с вопросом издания классиков. Революционные демократы внимательно следили за работой ученых-текстологов, давая оценки новым изданиям, направляя соответствующим образом внимание редакторов и напоминая об ответственности перед массовым читателем.

Значительны были и достижения досоветских специалистов-текстологов, которые в течение второй половины XIX в. подготовили научные издания ряда русских классиков. Этим изданиям предшествовало тщательное собирание и изучение рукописного наследия писателей, большие библиографические разыскания.

Нельзя не отметить также значения, которое имел для издания классических произведений русской литературы XVIII—XIX вв. опыт русской исторической науки, ее достижения в деле изучения и публикации документов, а также большая работа в этой области специалистов по древней русской литературе.

Советская текстология, таким образом, начала свою работу не на пустом месте: она имела уже компас в работах революционеров-демократов, ценнейшие материалы, собранные дореволюционными учеными-библиографами и текстологами (Анненков, Тихонравов, Ефремов, Якушкин и др.), она опиралась на большой опыт русских ученых, изучавших и публиковавших памятники древней письменности. Но ей предстояла огромная работа по переоценке полученного наследия и поднятию своей работы на тот высокий уровень, который соответствовал бы требованиям нового, советского читателя.

Пожелания, которые высказывали революционные демократы в их оценках текстологических работ по изданию классиков, не могли быть осуществлены в царской России. Жестокие цензурные условия не только препятствовали полноте изданий, но были причиной многочисленных искажений текстов классиков. Здесь надо иметь в виду как прямое воздействие официальной цензуры, так и те исправления самого автора, которые он делал, стремясь избежать вмешательства цензора (так называемая автоцензура) и цензуру редакторов. Вмешательство в дело издания наследников и близких автору лиц, которые по разным соображениям не допускали исследователей к архивам писателей, по-своему «правили» тексты и т. п., также сильно мешало работе текстологов.

Отношение к публикации сочинений классиков большинства издателей, рассматривавших издания, как источник прибыли, и не заинтересованных в их улучшении, также способствовало ухудшению качества текстов. Приобретя у наследников писателя право издания, перепечатывая механически

без всякой критики одно издание за другим, такие издатели засоряли тексты литературных произведений разного рода искажениями. Эти искажения при многочисленном повторении прочно входили в сознание читателей, получали значение традиции, против которой трудно было бороться.

Наконец, надо указать еще одну отрицательную черту даже лучших научных дореволюционных изданий. Это полная бесконтрольность и единоличное решение редактором всех вопросов, связанных с публикацией текстов. Такая постановка дела открывала возможность для редакторского произвола, для отражения в текстологической работе вкусов и интересов редактора. Тексты писателей-классиков зачастую препарировались в соответствии с взглядами маститых академиков, профессоров и библиографов, готовивших издания.

Великая Октябрьская социалистическая революция полностью сняла две первые указанные причины, препятствовавшие высокому качеству изданий классиков. Издания классиков стали делом государственным. Открылись архивы с рукописями писателей, отпали всяческие препятствия для публикации подлинных авторских текстов. В докладной записке об издании русской художественной литературы, относящейся к декабрю 1918 г., М. Горький выдвинул требование, чтобы полные собрания сочинений классиков выпускались в свет «только после серьезной академической работы над текстом автора по рукописям» и чтобы эти научно-проверенные издания легли «в основу изучения русской литературы» [1].

Сделана попытка ликвидировать и третью причину. Подготовка изданий классиков по большей части стала поручаться не одному лицу, а научным учреждениям и редакционным коллегиям, коллективно ответственным за издания. В ряде изданий уже не один редактор, а организованные коллективы специалистов взяли под свой контроль работу по подготовке текстов и комментариев. В результате достижения советской текстологии оказались очень значительными. Изучение всех источников текста стало для советских текстологов обязательным. Ими производится очистка печатных текстов от цензурных искажений, от произвола редакторов, от механических ошибок, внесенных переписчиками, корректорами и наборщиками. Больших успехов достигли советские текстологи в области изучения рукописей писателей, положив в основу принцип не механического, а осмысленного их чтения. Всем известны блестящие результаты текстологов-пушкинистов, прочитавших заново многие десятки страниц пушкинских ру-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 24. М., Гослитиздат, 1953, стр. 191.

кописей и тем открывших новую эпоху в изучении творчества Пушкина. Больших успехов достигли также ученые, изучавшие и готовившие к печати рукописи Лермонтова, Некрасова, Достоевского, Толстого, Горького и других писателей.

Однако, как показывают многочисленные сигналы в печати, советская текстология все еще не отвечает растущей требовательности массового советского читателя. Критика изданий классиков на страницах журналов и газет вскрыла много ошибок, которые были допущены текстологами при публиковании классического литературного наследия: появились указания на отсутствие единообразия, наличие «разнобоя» в изданиях одних и тех же классических произведений. Критикой указано, например, на то обстоятельство, что повесть Герцена «Сорока-воровка» почти одновременно вышла из печати в трех различных редакциях [2], что одно и то же стихотворение Демьяна Бедного один и тот же редактор печатает по-разному в 1949 и 1951 гг., не приводя никаких объяснений, чем вызвано изменение текста [3]. Произвол и самоуправство редакторов привели к искажениям текстов Демьяна Бедного, доходящим в некоторых случаях до либерально-буржуазной фальсификации произведений поэта, как на это указала «Правда» в передовой статье от 20 мая 1952 г. Вопиющими оказались расхождения в тексте «Мертвых душ» Гоголя в двух изданиях, вышедших в издательстве Академии наук [4]. В то время как в первом издании редакторы в основном ориентировались на рукописные тексты, редактор второго воспроизводил первопечатный текст лишь с небольшими исправлениями по рукописям. В результате в указанных изданиях в тексте «Мертвых душ» более ста разночтений, кроме того иные пунктуация, деление на абзацы, воспроизведение диалогов и орфография отдельных слов.

Что было причиной этих явлений? Несомненно, что в некоторых случаях имела место недостаточная подготовленность редакторов, которым поручалось ответственное дело, а иногда и прямая их недобросовестность. Отсутствие знания самых элементарных текстологических принципов обнаружили редакторы изданий Демьяна Бедного, позволявшие себе изменять названия произведений, снимать эпиграфы, подправлять отдельные строки, восстанавливать выброшенное писателем,

---

[2] См. В. А. Путинцев. О научном издании Герцена. «Литературная газета», 9 сентября 1952 г.

[3] См. В. Куриленков. Прихоть редакторов и своеволие составителей. «Литературная газета», 7 февраля 1952 г.

[4] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. VI. М., изд-во АН СССР, 1951; Н. В. Гоголь. Собр. художественных произведений в пяти томах, т. V. М., изд-во АН СССР, 1951—1952.

«выкраивать» из большого стихотворения меньшее и допускавшие другие подобные самочинства и искажения.

Результатом прямой небрежности и отсутствия чувства ответственности надо объяснить то искажение в знаменитом «Письме Белинского к Гоголю», которое вкралось в его текст в издании 1936 г. вследствие плохого чтения архивного документа и было повторено механически редакторами других изданий, перепечатавших испорченный текст без проверки по первоисточнику, хотя на последний делались ссылки [5].

Однако факты невежества и небрежности редакторов — это только единичные случаи в советской текстологии, и не они являются причиной большинства ошибок, допущенных в наших изданиях. Причиной является то, что практика изданий не опирается на научно разработанные принципы. Вредно отражается на практике текстологов существование неверных теорий, как, например, теории «реставрации» текстов, по существу ведущей к возвращению печатного текста произведения к тексту автографа. Вопрос о разработке основных текстологических принципов теснейшим образом связывается с вопросом о научной организации дела издания классиков, так как только при правильной организации могут применяться на практике определенные принципы и дело издания текстов будет ограждено от вольных и невольных редакторских искажений и произвола.

2

Нет надобности доказывать необходимость установления единого окончательного текста литературного произведения, который должен публиковаться во всех изданиях этого произведения от академического до массового [6]. Такой единый окончательный текст мы в дальнейшем называем *каноническим*, подчеркивая этим названием его обязательность и необходимость ограждать его от произвольных редакторских изменений. Значит ли это, что канонический текст классических произведений, установленный в настоящее время специалистами, останется таким на все будущие времена? Для огромного большинства произведений несомненно это так. Но для отдельных произведений может возникнуть необходимость пересмотреть и изменить канонический текст. Это может случиться в результате появления новых данных о создании произ-

---

[5] См. сведения, приведенные в статье Ю. Г. Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ» («Ученые записки Саратовского гос. ун-та», 1952, т. XXXI, стр. 176).

[6] О возможности в массовых изданиях давать орфографию и пунктуацию более приближенными к нормам современного правописания см. выше, в статье Д. Д. Благого, стр. 23.

ведения, о его публикации, об отношении автора к тексту, новых сведений о цензурных вмешательствах и т. д. и т. п. Однако возможность изменения канонического текста должна рассматриваться, как исключение из общего правила — сохранения установленного канонического текста в полной неприкосновенности и перенесения его из одного издания в другое.

История текстов произведений русской дореволюционной и советской классической литературы представляет сотни разнообразных случаев, каждый из которых отличается индивидуальными особенностями. Здесь играет роль и своеобразие творческого процесса автора, и общественные условия, при которых он создает и публикует свое произведение, и его ближайшее окружение. Целый ряд случайностей, как, например, потеря или порча рукописи, присутствие или отсутствие автора при публикации произведения и другие, не могут не учитываться текстологом при его критическом анализе текста и выборе того текста, который станет основой текста канонического. Возможно ли при обилии самых разнообразных факторов, с которыми обязан считаться текстолог, найти какие-либо общие принципы, на которые он мог бы опереться при установлении канонического текста? Возможны ли вообще теория текстологии и, в частности, основанные на теоретических предпосылках выбор и подготовка текста к печати? Не сводится ли вся «теория» текстолога в этих процессах к описанию и регистрации разного рода сложных случаев, встающих перед ним в практической работе, и к рекомендации способов их преодоления?

Такой текстологической методикой явился в свое время труд Б. В. Томашевского «Писатель и книга». В нем тщательно проанализированы характер материала, с которым приходится работать текстологу, пути преодоления трудностей, которые возникают при работе над источниками текста.

Для своего времени книга Б. В. Томашевского была очень полезна, так как, обобщая большой опыт автора, она давала начинающим текстологам много практических сведений и советов. Этого значения не утратила она и до сих пор.

Другое отношение вызывают к себе теоретические обоснования, которые положены автором в основу его текстологических утверждений. Конечно, тридцать лет, которые нас отделяют от выхода в свет этой книги, казалось бы, могли сделать излишней полемику с ними. Однако выступление Б. В. Томашевского на совещании по вопросам текстологии, проходившем в Москве с 10 по 13 мая 1954 г. (см. стенограмму совещания и отчет, напечатанный в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XIII, вып. 4, 1954), показывают, что он остается на прежних позициях, отрицая возмож-

ность разработки теоретических принципов текстологии и продолжая сводить текстологию к совокупности практических навыков.

Ввиду того, что в позднейших работах Б. В. Томашевского мы не находим объяснения позиции, занимаемой им в основных вопросах текстологии, мы принуждены обращаться к его ранним работам, где приведены теоретические предпосылки тех утверждений, которым он остается верен и в настоящее время.

Сводя всю текстологию к «системе приемов», требующих правильного применения, строго придерживаясь эмпирического метода, Б. В. Томашевский отводит текстолога от вопроса о связи истории текста с творческой работой автора, с его намерениями. Текст отрывается от автора, представляется от него независимым. Этот отрыв является следствием взглядов на творческий процесс и на роль писателя в создании своей книги: «... Вовсе не намерение автора и вовсе не тот путь, которым автор дошел до создания произведения, дают ему смысл. Здесь так же не важна индивидуальная психология автора, как и индивидуальная психология случайного читателя. Важно произведение как оно вышло, и его внутренняя целеустремленность познается в анализе того, что внушает это произведение идеальному читателю, т. е. обладающему всем, что необходимо для полного его понимания»[7].

Отрыв произведения от личности писателя можно было бы понять как признание огромного значения воздействия общества на авторское творчество. Однако дальнейший текст показывает, что дело заключается совсем не в том: дело заключается в признании самостоятельной жизни литературных форм, литературных традиций и в сведении роли автора к роли «орудия», помимо своей воли и поставленных целей оперирующего материалом готовых форм, закрепленных литературной традицией.

«Произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты. Автор во многих отношениях является только орудием. В своем произведении он часто берет уже готовый материал, данный ему литературной традицией, и неизменно вдвигает его в свое произведение, и лишь вокруг него творит свое, индивидуальное, т. е. характерное для него, как для некоторой художественной личности. Внутренняя телеология такого перенесенного приема иной раз определяется совершенно помимо намерения автора» (стр. 138—139).

---

[7] Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Л., 1928, стр. 138.

Изложенное здесь понимание истории создания художественного произведения объясняет и взгляд на текстологию как на «систему приемов», для которых было бы напрасно искать обобщающий принцип и тем более было бы ошибочно искать его в связи с ролью писателя в создании произведения.

Советская наука отвергла как ошибочный формалистический метод в области литературоведения. Советская текстология не может согласиться на ее ограничение эмпирическим изучением встречающихся текстологических случаев и регистрацией «приемов» работы текстолога. Перед ней стоит задача обосновать общие принципы, которыми следует руководиться в своей работе текстологу. Советский текстолог не может представлять себе автора, как «орудие» для использования литературных форм и традиций, так же как он не может представлять себе его бездумным певцом-импровизатором или вдохновенным творцом, создающим по наитию свыше свои творения. Он понимает творческий процесс автора, как процесс, направляемый сознательной волей и устремленный к поставленной писателем цели. Руководясь своей эстетической системой, автор ищет наиболее полного выражения своего замысла. Результатом поисков являются изменения текста, производимые автором в процессе работы: отбор (вычерки, восстановления и замены) в области художественных средств языка и стилистики, сюжета и композиции, при характеристике персонажей, в трактовке отдельных эпизодов. Этот процесс творческого отбора есть прямое выражение писателем своей воли относительно текста произведения. Целеустремленный и сознательный, этот процесс находит свое завершение в том тексте, который автор сам считает окончательным, наиболее совершенно воплотившим его творческий замысел и который мы называем основным текстом произведения.

Если мы обратимся к работе С. М. Бонди «О чтении рукописей Пушкина»[8], сыгравшей большую положительную роль в советской текстологии, то увидим, что она пронизана представлением о творческом процессе как о процессе сознательном, ведущем художника к осуществлению замысла. Отсюда осмысление исследователем рукописи писателя как «документа работы настойчивой и направленной к определенной цели...», изучение по рукописи процесса создания, ведущего «к законченному тексту вещи», т. е. к тому тексту, которым закончилась его работа (в данной рукописи или в сумме данных источников).

При выборе основного текста исследователь руководится

---

[8] «Известия АН СССР. Отд-ние общественных наук», № 2—3. М.—Л., 1937, стр. 569—606.

принципом нерушимости авторской воли, изучает изъявления его воли, нашедшие отражение в различных рукописных и печатных текстах его произведений. Основным текстом произведения советский текстолог считает тот, которым сам автор закончил свою работу над произведением, который, таким образом, он сам считал окончательным.

Отклонения от этого главного правила, которые возможны, являются лишь исключениями и будут рассмотрены особо.

Тексты произведения, отражающие неокончательный этап работы автора над ним, почему-либо отброшенные автором, забракованные, переделанные или использованные для других целей, носят название других редакций и вариантов. В данной статье мы не будем касаться текстологических вопросов, с ними связанных.

Говоря о «последней воле писателя» как об основном принципе, которым руководится текстолог, надо указать, что здесь имеется в виду не «воля» писателя, взятая вообще, в смысле его творческих исканий и замыслов, а совершенно конкретная его воля в отношении к данному тексту данного произведения, который он хотел довести до своего читателя. Рассуждения о якобы «неуловимости» или даже «непознаваемости» авторской воли, выдвигаемые противниками изложенного принципа, противоречат основам советской науки, для которой есть факты непознанные, но нет непознаваемых. Можно говорить о трудности и сложности определения воли автора в отношении его текстов при отсутствии в некоторых случаях данных для окончательного решения этого вопроса, но нельзя сомневаться в самой возможности и необходимости устанавливать авторскую волю в отношении текстов произведения.

В каком взаимоотношении находится основной текст произведения (т. е. выражение последней творческой воли автора, последнего этапа его творческого труда) к тексту каноническому (т. е. принятому для опубликования во всех изданиях данного произведения)? Исследование их взаимоотношения будет предметом дальнейшего изложения. Здесь же скажем кратко: основной текст может считаться каноническим текстом после того, как он критически рассмотрен текстологом и освобожден от всех вкравшихся в него искажений. Если таких искажений нет, то основной текст является текстом каноническим.

Таким образом, перед текстологом стоят три важные задачи: 1) Определить основной текст произведения; 2) критически рассмотреть его: не вкрались ли в него искажения, нарушающие авторскую волю; 3) устранить такие искажения и установить канонический текст. В решении каждой из этих задач встречается много трудностей, но было

бы неправильно, если бы текстолог, ссылаясь на них, признал невозможность установления канонического текста и тем санкционировал публикацию вместо единого текста произведения ряд его разновидностей. Утверждения, что канонического текста быть не может, имели место в работах по текстологии, появлявшихся и в советское время. Подобные теоретические положения закономерно ведут в текстологической практике к «разнобойным» изданиям классических произведений. Эти утверждения тесно связаны с изложенным выше мнением о том, что «сам автор не волен над своим произведением», что он лишь «орудие», а создаваемый им текст явление изменчивое, текучее и поэтому никак не могущее быть закрепленным в «канон» [9]. Отрицание возможности установления канонического текста нашло выражение в полемике против М. Л. Гофмана, механически понимавшего «волю поэта» и допустившего в связи с этим в своих публикациях пушкинских текстов явные несообразности [10].

Позиция М. Л. Гофмана вызвала резкие возражения Б. В. Томашевского, выступившего в ту пору, как и в 1954 г., не только против принципа «воли автора», но и против самой возможности установления канонического текста [11]. Признавая, однако, необходимость предпочтения одних текстов другим, Б. В. Томашевский заявил, что «критерий для этого не уточнен наукой и является достоянием глубокого субъективизма».

В отрицании последней воли автора как принципа для установления канонического текста произведения с Б. В. Томашевским солидаризировался и Г. О. Винокур [12], хотя в отношении к установлению «канона» его не удовлетворил ни,

---

[9] См. Б. В. Томашевский. Писатель и книга.

[10] См. М. Л. Гофман. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Изд. 2, Пг., 1922, и другие его работы.

[11] «Каждая стадия поэтического творчества есть сама по себе поэтический факт. Каждая редакция стихотворения отражает творческий замысел поэта... Еще неизвестно, которая стадия — первая или последняя — ценнее нам... Как установить волю поэта? Какие завещания он нам оставил? Да и была ли такая единая „каноническая“ воля. Воля менялась, и каждая редакция отмечает изменение воли... Очевидно, не должно быть никакого выбора, никакого предпочтения. Канона нет и быть не может» (Б. В. Томашевский. Новое о Пушкине. «Литературная мысль», I, Пг., 1923, стр. 172—173). Ср. отчет о «Совещании по текстологии». «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», вып. 4, 1954, стр. 394.

[12] См. Г. О. Винокур. Критика поэтического текста. М., 1927. «...Нет решительно ни одного достоверного случая, в котором мы могли бы ручаться, что то или иное оформление поэтического замысла есть оформление действительно окончательное. Творческие усилия не знают никаких границ и никогда не находят себе успокоения». «Кто же решится после этого утверждать, что в так называемой последней редакции мы имеем „высший суд взыскательного художника“?» (стр. 17, 19).

пользуясь его терминологией, «несостоятельный механистический психологизм» Гофмана, ни «безразличный эмпиризм» Томашевского. Если Б. В. Томашевский видел в то время выход из «скептического тупика» в глубоком субъективизме, то Г. О. Винокур противопоставил его скепсису научную филологическую критику текста, которая ложится в основу оценок и выбора текстов и позволяет, по его мнению, если не установить «канон», то все же максимально к нему приблизиться. Это обращение к филологическому анализу является большой заслугой покойного текстолога.

Хотя со времени выхода в печати цитированных работ по текстологии прошло немало времени, их влияние на современную текстологическую практику, по нашему мнению, продолжает ощущаться. Именно в них находят себе «теоретическую» основу отдельные факты субъективизма, снизившие ценность некоторых изданий писателей-классиков [13].

3

Выбор основного текста произведения — такова первая ответственная задача, которая стоит перед текстологом. Изучив все дошедшие источники текста, рукописные и печатные, текстолог устанавливает, какой из этих текстов является отражением последней творческой воли автора. Обычно это последнее прижизненное издание данного произведения, издание, в котором принимал участие автор. Но иногда может оказаться, что это издание имеет цензурные или иные искажения, что автор продолжал работать над произведением после этого издания и т. д. Поэтому не исключена возможность, что основным текстом явится не последнее прижизненное издание, а первая публикация произведения или одна из авторских рукописей или даже копия писца. Так как история текстов классиков в их создании автором, публикации и бытовании представляет множество индивидуальных случаев, то здесь не может быть единого механического решения вопроса.

Можно лишь в самых общих чертах наметить несколько категорий, для каждой из которых будет характерен особый подход в выборе основного текста.

Наибольшую группу составят произведения, которые печатались при жизни автора, причем он сам принимал непосредственное участие в подготовке издания и следил за его выполнением. Это наиболее типичный случай, встречающийся текстологу.

---

[13] См. Н. М. Онуфриев, Н. М. Гайденков и К. Н. Григорьян. Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков. «Советская книга», 1953, № 3, стр. 97—98.

Меньшую группу составят произведения, которые в силу каких-то причин автор не опубликовал при своей жизни, хотя закончил их. Если эти произведения и оказались опубликованными помимо непосредственного участия автора, то этот факт не меняет подхода текстолога к изучению их текстов. В этой группе можно наметить две подгруппы: произведения, рукописи которых сохранились, и произведения, рукописи которых не сохранились. Обстоятельство, разделяющее эти подгруппы, имеет большое значение для установления их канонического текста.

Наконец, в особую группу надо выделить произведения, работа над которыми автором не была закончена. Установление публикуемого текста (так как в этом случае не может быть речи о каноническом тексте) этих произведений представляет особые трудности.

Для произведений, публиковавшихся при непосредственном участии автора и под его наблюдением, обычно основным текстом является текст последнего из таких изданий. Можно привести очень много примеров, взятых из практики издания самых значительных произведений писателей-классиков (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенёва и др.)[14]. Избрание текста последнего прижизненного издания, в котором принимал участие автор, является наиболее типичным случаем решения вопроса об основном тексте произведения, случаем настолько распространенным, что практически он может быть рассмотрен как правило, а все остальные случаи — как исключения из этого правила.

Однако это все же не значит, что основным текстом непременно во всех случаях будет текст последнего прижизненного издания, вышедшего при участии автора. Решению должно предшествовать изучение и сопоставление всех изданий, наборных и других (беловых, окончательных) рукописей, корректур, авторских помет на экземплярах изданий, свидетельств в переписке автора и современников и т. п. При их изучении может обнаружиться, что более поздние издания имеют больше искажений вследствие меньшего внимания к ним автора, вмешательства цензуры, редактора и других лиц.

Приведем некоторые примеры. Известно, например, что последнее прижизненное издание «Евгения Онегина» (1837) напечатано более небрежно, чем предшествующее, и поэтому в качестве основного текста при издании романа обычно берется издание 1833 г. Основным текстом собрания сочинений Г. И. Успенского обычно считается третье прижизненное из-

[14] См. примеры в настоящем сборнике в статьях И. С. Ежова и М. П. Штокмара об издании сочинений Горького и Маяковского.

дание 1889—1891 гг., так как следующие прижизненные издания Успенский из-за болезни не мог править. Они отличаются от издания 1889 г. лишь большим количеством искажений — результатом плохого набора и неверной корректорской правки.

Плохой типографский набор берлинского издания сочинений Горького обязывает текстологов обращаться не к самому изданию, а к оригиналу набора.

В периоды усиления цензурного гнета издания, уже опубликованные с разрешения цензуры, при переиздании возбуждали новые сомнения у цензоров. Так, например, «Ледяной дом» Лажечникова, изданный в 1835 г., при переиздании в 1840-х годах вызвал донесения цензоров в Цензурный комитет о затруднениях, которые они испытывали при разрешении повторного издания. Цензоры писали о том, что романы Лажечникова, ранее изданные, «содержат много мест, кои судя строго, сообразно с недавними предписаниями высшего начальства одобрить к печатанию невозможно». Но изъять эти места цензорам мешали такие соображения: «... Это подало бы только повод к меркантильным спекуляциям на возвышение цены прежних изданий и обратило бы особое внимание публики на пропущенные места» [15].

В эпоху цензурного террора повторные издания оказывались иногда более испорченными цензурой, чем предшествующие, что обязан учитывать текстолог.

В таких случаях часто сами авторы предпочитали воздерживаться от переизданий, чтобы не подвергать уже искалеченные тексты новому цензурному вмешательству.

В качестве иллюстрации разберем случай, встретившийся при подготовке собрания сочинений Г. И. Успенского, случай, который в то же время является примером мотивированного обращения текстолога от более позднего авторского текста к более раннему.

В статье В. Друзина и В. Морозовой [16] содержатся упреки редакторам академического издания сочинений Г. И. Успенского в том, что они, разрушая созданные писателем в собрании сочинений 1889—1891 гг. циклы, обращались к первопечатным редакциям текстов произведений, включенных в циклы, и не отражали, таким образом, последней авторской воли. «Следует иметь в виду особенности журнальной работы Успенского, — пишут авторы статьи. — Свои очерки он писал очень часто буквально „по следам жизни", находясь в самой

---

[15] В. Нечаева. И. И. Лажечников. Пенза, 1945, стр. 55—56.

[16] «О принципах издания собрания сочинений Глеба Успенского». См. «Литературная газета», 11 декабря 1952 г.

гуще событий. Позднее, с точки зрения более широкой исторической перспективы, многое в жизни могло быть увидено иначе, по-новому. Отсюда частая ломка писателем старых очерковых циклов и создание новых, сокращение несущественного и дописывание нового в старых очерках».

Возражения авторов статьи против недостаточно мотивированного обращения к более ранним текстам Успенского в некоторых случаях справедливы [17]. Но иногда выбор раннего текста являлся необходимым. Возьмем цикл «Без определенных занятий». Впервые очерки были напечатаны под этим заглавием в «Отечественных записках», 1881 г., кн. 1, 3, 4, 6, 8. Потом те же очерки без изменения текста были перепечатаны в сборнике «Деревенская неурядица», т. III, 1882 г., под общим названием «Из записок человека „без определенных занятий“». Далее они перепечатывались в подготовленных Успенским собраниях сочинений 1884 и 1889 гг. и других, позднейших. В собраниях сочинений интересующий нас цикл получил новое название: «Очерки, рассказы, письма» (1884 г.) и «Беглые наброски» (1889 г.). При перепечатке в собраниях сочинений Успенский полностью выкинул III главу «Лиссабонский разглагольствует» и изъял значительные отрывки из глав «Деловые люди» и «Канцелярщина общественных отношений в народной среде», которая получила новое название — «Джутовый мешок». Две последние главы цикла также были значительно сокращены и слиты в одну главу.

О том, что́ руководило Успенским при этой переработке, он сообщил в специальном примечании в издании 1889 г.: «Под общим заглавием „Беглых набросков“ здесь помещено то, что в прежних изданиях носило название „Из записок человека без определенных занятий“. Я изменяю это название потому, что нахожу необходимым совсем не помещать в собрании „Сочинений“ тех глав этих набросков, которые утратили в настоящее время общий интерес. В выпущенных теперь главах шло дело о таких фактах и событиях русской жизни, которые были понятны только тогда, когда наброски эти писались, т. е. в 1881—82 годах. Необходимо прибавить, что некоторая, иногда чрезмерная настойчивость, встречающаяся в этих набросках при отстаивании таких идей и дел, которые, по-видимому, вовсе не нуждаются в настойчивой защите и совершенно ясны и неопровержимы для всех, — должна быть объясняема временными обстоятельствами, тяжкими недоразумениями конца 70-х и начала 80-х годов: *приходилось* „вопиять“ о таких вещах, которые в более спокойное, трезвое

[17] См. стр. 116—125 данного сборника.

и беспристрастное время даже и тени сомнения возбуждать не могут»[18].

Казалось бы, это примечание Успенского целиком подтверждает позицию В. Друзина и В. Морозовой, и основным текстом данного цикла должен являться текст 1884—1889 гг. Однако рассмотрим, о каких «временных обстоятельствах» и «тяжких недоразумениях» упоминает Г. И. Успенский, вспоминая о начальном тексте цикла, напечатанном в журнале Салтыкова-Щедрина. Весь цикл «Без определенных занятий» отразил подъем революционного движения конца 1880-х и начала 1881-го годов и полосу правительственного террора, который последовал после убийства Александра II. Близость Успенского в это время к народовольцам, постоянное общение с Салтыковым-Щедриным, который с радостью помещал эти очерки Успенского и давал ему советы, — все это не осталось без влияния на содержание очерков. В очерке «Деловые люди» Успенский решительно вскрывал распад патриархальной крестьянской семьи в результате влияния «рубля». В снятых позднее главах он беспощадно обличал и сельскую общину, не только не способную обеспечить защиту своим членам, но помогавшую кулакам грабить бедняков. В тех же главах Успенский жестоко критиковал весь строй царской России, который обрекал народ на голодную смерть при изобилии хлеба в стране. Успенский рисовал образ интеллигента-разночинца Лиссабонского, который стремился прийти на помощь народу. Лиссабонский читал Маркса, в нем подозрительные наблюдатели видели приметы «сицилиста».

Печатавшиеся в 1881 г. очерки М. Е. Салтыков-Щедрин с трудом проводил через цензуру. В главе «Лиссабонский разглагольствует» сказалось множество цензурных купюр и искажений, которые обнаруживаются при сличении с сохранившейся наборной рукописью-автографом. В этих купюрах содержалась наиболее резкая характеристика царской политики в отношении голодающего народа и звучал призыв к протесту. Наборные рукописи других, выброшенных впоследствии Успенским глав, к сожалению, не дошли до нас, и мы не можем судить, насколько и они были искажены цензурой.

Действительно ли все те позорные явления, против которых Успенский «вопиял» в 1881 году, потеряли свою остроту к 1884 г. и Успенский счел нужным снять главы, в которых отражался горячий протест, потому что он носил «временный» характер? Конечно, нет. Вот, например, абзац о полицейском режиме, не попавший в первопечатный журнальный текст, но имеющийся

---

[18] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., изд-во АН СССР, 1950, стр. 519—520.

в наборной рукописи: «Всякое бесполезное злодейство всегда найдет массы исполнителей... Почему бы, например, доводить до буйства людей, вот этих мужиков, когда *просто* по-человечески взглянув на это дело, сразу видно, что у них нет земли, что им нечего есть? Нет! Такое воспитание: все знают, что нет земли, что есть нечего, а бьют и колотят...» [19].

Вот еще пример последовательно проведенной системы цензурных искажений в той части текста, где Успенский устами Лиссабонского «вопиял» против возмутительных фактов действительности (изъятое цензурой печатаем в разрядку).

«Почему он (голодающий. — *В. Н.*) не заорет на всю Россию о голоде и почему еще надо „открывать" этот голод сердобольным филантропам? ... Но во имя чего он мог бы орать, протестовать и шуметь вообще? ... Если бы он *знал*, например, что он *может* жалеть своих детей, умирающих теперь безо всякого внимания сотнями, тысячами от недостатка пищи... он бы давно заорал на весь мир... Но вот именно в этих-то отношениях он совершенно изуродован системой „бесчеловечных" влияний... Он думает, что ничего *этого* ему *нельзя*... Что подати, всевозможные посторонние требования начальства, вообще служба и притом служба чему-то неведомому и в то же время неумолимому — что всё это *главное*... О, знай-ка он, что можно жалеть свое дитя, что можно заботиться о нем, что *можно* устраивать *свою* жизнь „по человечеству" и по-человечески, давно бы земля наша была полна медом и млеком; но он отвык верить в это право, и вот она Сагара, Аравия бесплодная... в ней питаются камнями вместо хлеба, в ней является благодетель купец, предлагающий „на свой счет" сушить собачьи корки, в ней миллионы людей просят хлеба Христа ради и умерли бы с голоду, если бы не подавало „христаради" заботливое правительство, а Коля с Федей не пожертвовали „тлех лублей"».

Неужели эта беспощадная критика царской политики по отношению к крестьянству была лишь результатом временных настроений Успенского, от которых он через три года отрекся? Успенский отказался от перепечатки указанных глав не потому, что их содержание перестало соответствовать его убеждениям, а потому, что он принужден был перепечатывать изуродованный цензурой текст и представлять его в новую цензуру в пе-

---

[19] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 199. (Далее цит. страницы 197—198).

риод сильнейшей реакции, когда он подвергся бы новым искажениям. Может ли при таких обстоятельствах текстолог считать основным, окончательным текстом текст собрания сочинений и довериться примечанию автора? Несомненно нет. Подлинный окончательный текст Успенского полностью не дошел до нас, но ближе всего к этому тексту, очевидно, был текст «Отечественных записок». Он и должен быть взят как основной и очищен от цензурных искажений по частично сохранившимся наборным рукописям.

4

Выбор основного текста произведения приобретает особые трудности, если нам известно, что автор не принимал непосредственного участия в издании, что оно готовилось без его надзора. В таких случаях обычно имеет место деятельное вмешательство редакторов, подменяющих своей правкой правку автора, возможны искажения, являющиеся следствием плохого прочтения, непонимания текста авторской рукописи. Известно, например, что Прокопович правил издание собрания сочинений Гоголя 1842 г., действуя по доверенности автора, находившегося в Италии, и что в настоящее время трудно установить, что́ из этой правки санкционировал Гоголь, что́ нет. Известен редакторский произвол, допускавшийся Тургеневым по отношению к изданиям стихотворений Фета и Тютчева. Естественно, что в таком случае особое значение приобретает сверка печатного текста с рукописями, а также установление на основании самых разнообразных источников (эпистолярных, мемуарных и др.) отношения авторов к этой правке и степени их причастности к внесению изменений в текст.

Очень поучительной в этом отношении является история публикации Горьким пьесы «Мещане». По окончании пьесы Горький, находившийся в Нижнем Новгороде, отдал единственную рукопись пьесы В. И. Немировичу-Данченко, увезшему ее в Москву для подготовки постановки на сцене. Горькому он прислал неправленную машинопись пьесы, без оригинала. Горький, не имея автографа пьесы, просматривал машинопись на память, просматривал, чрезвычайно спеша, под нажимом К. П. Пятницкого [20], срочно требовавшего текст пьесы для ее публикации. Испещренную ошибками машинопись писатель исправил в некоторых местах, но в ряде случаев иска-

---

[20] См. А. М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. «Архив А. М. Горького», т. IV, 1954, стр. 49 (правка первых трех действий), стр. 58 (правка четвертого действия).

жения машинописи остались без правки. Автор поспешил отправить пьесу Пятницкому. Вышедшее издание сохранило все ошибки машинистки и прибавило несколько новых, типографских. Горький, не видавший корректур, был недоволен изданием, указывал на опечатки, однако не выправил текст, и в дальнейшем пьеса перепечатывалась в том же искаженном виде [21]. При подготовке к печати «Мещан» текстологическая комиссия тридцатитомного издания Горького сочла необходимым взять за основной текст не это неисправное издание, которое печаталось без участия Горького, и не машинопись, сохранившую ряд явных нелепостей, — результат плохого чтения машинисткой автографа Горького. В основу текста был положен текст беловой рукописи, с которой делалась машинописная копия. В текст рукописи были внесены исправления, сделанные Горьким в тексте машинописи [22].

Прежде чем так решить очень сложный вопрос о выборе в данном случае основного текста, комиссия изучила условия, в которых протекали все этапы работы Горького над пьесой, удостоверилась, что участие автора в изменениях, внесенных в текст машинописи, присланной из Москвы, исключено, так же как исключено его участие в печатании пьесы, правке ее корректур и т. п.; комиссия проанализировала разночтения машинописи с автографом и убедилась, что они являются не авторскими вариантами, а результатом или непонимания машинисткой почерка оригинала или стремлением заменить «литературными» формами бытовые и народные выражения, использованные Горьким; было установлено, что Горький, хотя и указал на неисправность печатного текста «Мещан», но сам не возвращался к правке текста пьесы, так же как и к правке текстов ряда других своих пьес. Лишь после указанной предварительной работы комиссия сочла необходимым избрать автограф основным текстом пьесы.

При установлении основного текста произведений, не публиковавшихся автором или публиковавшихся без участия автора, главным источником являются авторские рукописи. Анализ творческой работы автора, отраженной в рукописях, приводит текстолога к решению вопроса, в которой из рукописей запечатлелся последний этап работы автора. Возможны случаи, когда автографы, отражающие этот последний этап, до нас не дошли, но дошли копии, запечатлевшие более позднюю стадию работы автора. Изучение истории подобных

---

[21] Подробнее см. статью И. С. Ежова «Опыт текстологической работы над произведениями М. Горького в новом собрании его сочинений», в настоящем сборнике.

[22] См. М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 6. М., Гослитиздат, 1950, стр. 549.

текстов, всех их источников, их сопоставление, анализ происхождения всех разночтений предшествует решению вопроса о выборе основного текста.

Известным примером художественного произведения, неопубликованного полностью при жизни автора, является «Горе от ума» Грибоедова. Рукопись пьесы, отражающая последний этап работы автора, не сохранилась. Так называемый Музейный автограф содержит раннюю редакцию пьесы, напечатанные при жизни Грибоедова сцены первого действия приспособлены к требованиям цензуры. Изучение многочисленных списков пьесы позволило Н. К. Пиксанову установить, что основным текстом, отражающим последнюю волю автора, надо считать текст так называемой Жандровской рукописи (1824) и Булгаринского списка (1828), содержащих пометы автора. Итак, имея раннюю рукопись писателя (Музейный автограф), имея частичную прижизненную публикацию пьесы, текстолог избирает основным текстом авторизованную писарскую копию, так как в основе этой копии лежала наиболее поздняя рукопись Грибоедова, отразившая последний этап его работы над «Горе от ума»[23].

В русской литературе XIX в. довольно много произведений, которые по цензурным условиям не могли быть в свое время напечатаны и самые автографы и копии которых было не безопасно сохранять. Остро политические произведения, такие, как эпиграммы Пушкина, «На смерть поэта» Лермонтова, зальцбрунненское письмо Белинского к Гоголю, дошли до нас лишь в многочисленных списках, часто позднего происхождения, представлявших собою копии с копий. Установить рекомендуемый для печати текст таких произведений особенно сложно, так как затруднителен выбор текста, наиболее приближающегося к не дошедшему до нас авторскому. Первой задачей текстолога является ознакомление с наибольшим количеством списков, историей их происхождения и установление их авторитетности в зависимости от того, от каких лиц или из каких кругов идет список (или первоисточник списка). В связи с политическим характером рассматриваемых произведений их списки зачастую обнаруживаются в следственных делах, архивах III отделения и т. п. Различные мемуарные и эпистолярные свидетельства, знание исторической эпохи помогают текстологу в поисках наиболее авторитетных списков.

Нельзя не указать, что советская текстология имеет огромные достижения именно в области установления критически проверенных текстов подобных произведений. То, что было

---

[23] А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., под ред. Н. К. Пиксанова, т. II. Изд. Академии наук, СПб., 1917.

невозможно в дореволюционное время — изучение архивов III отделения и министерства внутренних дел, личных архивов писателей и их друзей — теперь позволило чрезвычайно расширить круг поисков списков, дало возможность сопоставления их текстов и установления наиболее авторитетного, приближающегося к авторскому оригиналу чтения.

Интересный пример представляет работа по установлению критически проверенного текста «Письма Белинского к Гоголю», опубликованного в 56-м томе «Литературного наследства». Это письмо в дореволюционных изданиях страдало не только от цензурных купюр и искажений, но было испещрено искажениями переписчиков, делавших копии с копий его текста. Часть искажений сохранилась и в советских изданиях. После изучения истории создания этого письма, распространения его списков и истории публикации, выявления максимального количества копий и установления их источников было проведено сопоставление изученных текстов и установлена известная преемственность редакций текста, идущих от определенного источника и воспроизводящих его особенности. Работа в области изучения и установления текста «Письма Белинского к Гоголю» может считаться примером текстологической работы по критике текста, дошедшего до нас лишь в неисправных копиях. Правилен вывод, которым заканчивается исследование и который предостерегает, что публикуемый текст не может считаться безусловно окончательным: «Мы не вправе считать вопрос о критическом тексте письма Белинского к Гоголю до конца разрешенным в настоящем издании. Конечно, находки еще более авторитетных списков письма могут уточнить некоторые детали текста, но на данном этапе изучения письма разрешить этот вопрос иначе представляется невозможным» [24].

Степень достоверности текста произведений, которые не были опубликованы писателем и рукописи которых до нас не дошли, степень соответствия их его окончательному тексту, каким он вышел из-под пера писателя, всегда будет относительна. Так же относительна «окончательность» выбора текста для печати как основного. Еще менее можно в таких случаях говорить об установлении текста канонического.

Метод контаминации (т. е. сводки единого текста из текстов разных источников — см. об этом далее), решительно отвергаемый советской текстологией тогда, когда имеются авторские издания или рукописи, тут может оказать некоторую помощь.

---

[24] См. ранее указанную статью Ю. Г. Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ», а также статью К. П. Богаевской «Письмо Белинского к Гоголю». («Литературное наследство», т. 56, стр. 563).

Возможна контаминация текстов различных списков, так как отдельные части произведения могли сохраниться в более исправном виде в том или ином списке, поэтому могут быть из него взяты и внесены в сводный текст.

Если в научных изданиях текстолог может избежать публикации сводного текста и пойти по иному пути — напечатать полностью текст одного из списков, который он признает наиболее близким к неизвестному авторскому тексту, а в отделе других редакций и вариантов дать тексты других списков и их разночтения, — то при публикации такого произведения в массовых изданиях текстолог не может этого сделать. По условиям издания ему нужно опубликовать единый текст, притом такой, который максимально близок к неизвестному авторскому тексту. Публикация в таком случае сводного реконструированного текста является допустимой при непременном условии сопровождения его примечанием, предупреждающим читателя о том, что у него в руках не подлинный текст автора, а результат критической работы исследователей, реконструкция, восстанавливающая этот текст по дошедшим спискам.

При отсутствии авторских изданий и автографов текстолог лишен возможности руководиться в своем выборе основного текста главным текстологическим принципом — следованием последней авторской воле. В подобных случаях появляется соблазн выбора текста, который текстологу более нравится, чем другие, который он считает «лучше» других, потому что этот текст более удовлетворяет его эстетическому чувству.

Эстетический критерий, критерий большей или меньшей художественности текста, несомненно, всегда присутствует в работе текстолога, но было бы опасно избрать его руководящим принципом в выборе источника. Нельзя согласиться с А. Л. Слонимским, в статье которого «Вопросы гоголевского текста» мы находим утверждение, что «художественный критерий служит ориентиром, компасом, наводит на верный след в случае отсутствия фактических данных и вместе с тем оказывает сдерживающее влияние при введении новых чтений, предохраняя от гипноза автографа» [25]. А. Л. Слонимский возлагал такие большие надежды на «художественный критерий» при условии, «если он основан на убедительных доводах и применяется правильно, в точно ограниченных пределах». В таком случае, по мнению А. Л. Слонимского, художественный критерий «может иметь вполне объективное значение». Но как взвесить убедительность доводов, какое применение считать правильным и где провести его границу? Пример, который

---

[25] «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», т. XII, вып. 5, 1953, стр. 416.

привел А. Л. Слонимский, не убеждает в *решающем* значении художественного критерия. Не одни высокие художественные качества второго варианта эпиграммы Пушкина на Воронцова решают вопрос о включении именно этого варианта в собрания сочинений поэта. За него говорят и объективные данные: этот текст дают авторитетные копии, в письме Н. С. Алексеева к Пушкину имеется упоминание о «полумилорде», т. е. цитируется данный вариант. Эти свидетельства подкрепляют художественный критерий в данном случае настолько убедительно, что у текстолога не остается сомнения в том, какому тексту отдать предпочтение.

Опасным «компасом» для текстолога является и его «чутье» в области стиля и языка автора. Несомненно, работая долго над произведениями писателя, текстолог накапливает множество наблюдений, которые иногда позволяют ему авторитетно утверждать, что тот или иной словесный оборот или особенность стиля более или менее характерны для писателя. Но руководиться только «чутьем» при решении сложных проблем выбора основного текста или варианта текстолог никоим образом не может. Не только в «чутье», но и в анализе художественных средств и языка писателя текстолог не может найти надежного руководителя. Вспомним, сколько ошибок было совершено текстологами при определении принадлежности произведения тому или иному автору на основании анализа стиля, вспомним хотя бы работу Ф. Е. Корша, который в результате изучения языка и стиля признал принадлежащим Пушкину текст грубой подделки окончания «Русалки» [26]. К сожалению, изучение индивидуального стиля и языка писателей-классиков и в настоящее время еще не стоит на такой высоте, чтобы, опираясь на него, мы могли безошибочно определять авторство произведения и покончили бы с категорией «Dubia».

Тем труднее на основе анализа стиля решать еще более сложные задачи, например, определить, какой вариант сам автор предпочитал другому, в каком из них он видел завершение своей работы. Нельзя не опасаться, что решающее слово скажет здесь собственный вкус текстолога или его «чутье», которые никакими убедительными объективными данными подкреплены быть не могут.

Интересный случай представляет текст одного из наиболее политически острых стихотворений Лермонтова «Прощай, немытая Россия» (1841). Его автограф не известен, а текст дошел лишь в неавторизованных списках. В письме 1873 г. к П. А. Ефремову П. И. Бартенев дал следующий текст,

[26] Ф. Е. Корш. Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева. «Известия ОРЯС». СПб., т. III, кн. 3, 1898; т. IV, кн. 1 и 2, 1899.

сопроводив словами: «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника»:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Но в 1890 г. тот же Бартенев напечатал это стихотворение с оговоркой — «записано со слов поэта современником» — и внес следующие изменения в текст: вместо «послушный им народ» — «им преданный народ», вместо «хребтом» — «стеной», вместо «царей» — «пашей». Понятно, что последняя замена диктовалась цензурой, и в дореволюционных изданиях все время печаталось или «пашей» или «вождей». Но и тогда в печать проникали сигналы, что это слово надо читать иначе — «ц. . .й», т. е. «царей». Чтение же «им преданный народ» (т. е. преданный жандармам) еще до революции было отвергнуто, и во всех изданиях, и досоветских и советских, печаталось «послушный им народ». Лишь в самое последнее время совершился возврат к бартеневскому печатному тексту и вновь вместо «царей» печатается «пашей», а русский народ характеризуется как «преданный жандармам». Какие основания вызвали это возвращение к подцензурному тексту? В примечании к этому стихотворению в полном собрании сочинений Лермонтова, издании библиотеки «Огонька» (т. I, стр. 402—403) дается аргументация в пользу опубликованного Бартеневым текста, причем учитывается обычность «иносказаний» («паши» вместо «жандармы») в русской поэзии, «нехарактерность» для Лермонтова рифмы «царей» — «ушей» и предпочтительность рифмы «пашей» — «ушей». Наконец, учитывается и то, что стих 5-й — «быть может, за стеной Кавказа» — «лучше, чем „за хребтом Кавказа“, ибо „стена Кавказа“ — поэтический образ» [27].

---

[27] М. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. I. Б-ка «Огонек». М., 1953, стр. 402—403. Приведя аргументацию в пользу текста Бартенева 1890 г., редактор издания И. Л. Андроников пишет: «На этом основании лермонтовская текстологическая комиссия Института русской литературы Академии наук СССР предпочла текст „Русского архива“, который и публикуется в настоящем издании». Ср. М. Ю. Лермонтов. Соч. в шести томах, т. II. М.—Л., изд-во АН СССР, 1954, стр. 191 и 358. Здесь, однако, нет и речи о тех аргументах, которые привел И. Л. Андроников, а просто редакция 1873 г. признается недостоверной, поскольку Бартенев в 1890 г. напечатал иной текст.

Но в приведенной аргументации совершенно отсутствуют соображения по поводу того, что первый текст Бартенев определил как «списанный с подлинника», а второй, им напечатанный, как текст, записанный «со слов поэта современником». Ни имя современника, ни время записи Бартенев не указал. Для текстолога, несомненно, более авторитетным является текст, идущий от автографа поэта, чем записанный кем-то на слух, а может быть, и по памяти.

Если в аргументации уделено внимание вопросу, какая редакция художественно «лучше» и какая более «характерна» для стиля Лермонтова, то в ней нет ни слова о том, как меняется политическое звучание произведения от замены «послушного» жандармам русского народа на «им преданного» и насколько мог быть для Лермонтова «характерен» подобный эпитет в применении к народу.

В собрании сочинений Лермонтова, изданном Академией наук, основным текстом, как и в издании «Огонька», избран текст с «пашами» и «преданным» жандармам народом, и можно опасаться, что именно этот текст теперь укрепится в массовых изданиях. А между тем, уже после выхода из печати указанных изданий в «Известиях АН СССР, Отделение литературы и языка» [28] появилось сообщение К. В. Пигарева о списке этого стихотворения, хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в фонде Н. В. Путяты. Список сделан также П. И. Бартеневым, и после текста его же рукой сделана приписка: «С подлинника руки Лермонтова». Текст списка совпадает с текстом, который Бартенев сообщил в письме 1873 г. с указанием, что он списан «с подлинника». Единственное отличие нового списка состоит в том, что, вместо «послушный им народ», здесь стоит «покорный им народ», т. е. подчиняющийся силе, а никоим образом не «преданный» жандармам. Автор публикации убедительно развил аргументацию в пользу того, что именно текст из архива Н. В. Путяты должен стать основным текстом, публикуемым в собрании сочинений Лермонтова.

Как видим, аргументация, опирающаяся на соображения «хуже» — «лучше», характерности или не характерности для автора той или иной особенности стиля, потерпела фиаско.

При отсутствии данных для суждения об авторской воле в отношении текста и при наличии нескольких источников текста (копий, списков) текстолог не может миновать анализа общественно-политического и исторического содержания текста. Перед ним встает вопрос о сопоставлении идейной направленности текста списков и других произведений писателя того же

[28] Т. XIV, вып. 4, 1955, стр. 372—373.

периода. Научно аргументированное представление о мировоззрении писателя служит в этом сопоставлении руководящим ориентиром.

Внимание текстолога к идейно-политическому звучанию текста при определении основного текста должно быть привлечено не только в тех случаях, когда мы не имеем авторизованного текста, но и тогда, когда мы имеем основание подозревать воздействие цензуры или автоцензуры (об этом далее). Но это, однако, не значит, что, найдя более обличительно или прогрессивно звучащую редакцию или вариант произведения, текстолог может не считаться с волей автора, выраженной в наиболее авторитетном источнике текста, и брать эту редакцию или вариант в качестве основного текста. Так, например, образ революционера Лукина в пьесе Горького «Варвары» более развернут в ранней редакции пьесы, чем в ее окончательном виде. Тем не менее текстолог, конечно, не включит в основной текст раннюю характеристику Лукина. Текст стихотворения Вяземского «Русский бог» в издании Огарева, в списке Долгорукова имеет строку:

Бар, служащих как лакеи...

между тем как в двух дошедших до нас автографах стихотворения (вовсе не предназначавшихся для печати и потому в них нельзя предполагать автоцензуры) этот стих читается так:

Бар в санях при двух лакеях.

Несмотря на сатирически более едкий характер первого из приведенных текстов, мы не можем включать его в основной текст стихотворения Вяземского, но, конечно, обязаны в издании отметить это разночтение, бытовавшее в списках.[29]

Итак, признавая главным принципом нерушимость воли автора, беря за основной текст тот, в котором нашел отражение последний, окончательный этап работы писателя, текстолог не может механически руководствоваться этими положениями. Если в огромном большинстве случаев именно последнее прижизненное издание, в котором принимал участие автор, и будет служить основным текстом для установления канонического, то все же в отдельных случаях (на рассмотрении некоторых из них мы останавливались выше) текстолог имеет право отступать от указанных положений, соответственным образом мотивировав свое отступление. Но эти случаи не более как исключения из общего правила.

---

[29] П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. М., Academia, 1935, стр. 545—546. Отметим, что нет никаких оснований предполагать в разночтении результат позднейшей работы поэта над текстом.

5

Особое место в работе текстолога по выбору основного текста занимают произведения, не законченные автором. Если основным текстом выше мы признали текст, отражающий последнюю, окончательную стадию работы автора, то в произведениях незаконченных, в сущности, такого основного текста как будто и не может быть. Тем не менее перед текстологом стоит задача все же избрать для них текст, который ляжет в основу публикуемого.

Изучение истории создания текста по дошедшим источникам позволяет определить наиболее позднюю стадию работы автора над текстом. Текст, отразивший последний этап его труда, труда хотя и незавершенного, явится основой рекомендуемого к печати текста. Сложность положения текстолога здесь будет заключаться не только в том, чтобы определить эту последнюю стадию авторской работы, но и в том, что в незаконченном автором произведении отдельные его части могут быть неравномерно отработаны, не увязаны друг с другом и может даже оказаться неясной последовательность дошедших до нас частей произведения, предполагавшаяся автором его композиция. Отсюда ряд особых трудностей, которые мы рассмотрим на некоторых примерах.

Довольно обычен случай, когда автор, отработав первую часть произведения и даже опубликовав ее, оставлял по тем или иным причинам произведение незаконченным (Пушкин «Арап Петра Великого», Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», Достоевский «Неточка Незванова» и т. д.). В отдельных случаях до нас доходят фрагменты незаконченного продолжения произведения и перед текстологом встает вопрос об их публикации. Если это лишь предварительные наметки автора, планы, заготовки и т. д., то им место не в основном корпусе произведений писателя, а в особом отделе. Но если в незаконченной автором части есть отдельные художественно отработанные главы, куски, то они должны публиковаться вместе с первой отработанной и, возможно, публиковавшейся автором частью. Однако было бы неправильно соединять воедино законченную часть с фрагментами незаконченной. Последние, следуя за первой, должны быть отделены от нее, и их особый характер, их отрывочность, незавершенность соответствующим образом оговорена. Классическим примером являются «Мертвые души» Гоголя. Второй их том, дошедший до нас лишь фрагментарно, требует значительно более сложной работы текстолога, чем первый том, напечатанный при жизни автора: тщательное изучение эпистолярной и мемуарной литературы, в которой находятся сведения о работе

Гоголя над вторым томом, разного рода свидетельства Гоголя и современников о композиции второго тома, критический анализ дошедших рукописей, реконструкция по фрагментам предполагавшегося плана и т. д. Все это предшествует принятию текстологом решения о том, в каком порядке должны печататься фрагменты и по каким источникам.

Нередки также случаи, когда автор, написав произведение полностью, принимается за его переработку, отделку и не доводит ее до конца. Если это только стилистическая правка, то текст произведения не теряет своего единства и может публиковаться без отделения правленной автором части от неправленной. Примером до известной степени может служить работа Фурманова над «Чапаевым» при подготовке собрания сочинений. Он успел отработать лишь первые семь глав, и хотя стилистическая правка оказалась значительной, все же его работа не внесла в текст таких изменений, которые мешали бы объединению этих отработанных глав с последующими. Во всех посмертных изданиях весь текст романа публикуется как единый, причем первые семь глав публикуются в соответствии с последней правкой автора, а остальные по предшествующему авторизованному печатному тексту.

Иначе приходится поступить текстологу при публикации рассказа Горького «Горемыка Павел». Предполагая перепечатать это произведение, ранее помещенное в газете, Горький провел большую правку лишь начальных его страниц. Несмотря на более художественно зрелый характер новой редакции начала рассказа, внесенные в него изменения препятствовали его публикации как одного целого с дальнейшим текстом. Поэтому рассказ печатается весь по первому газетному тексту [30].

Приведем еще как пример стихотворение Вяземского «Петербург», над которым поэт работал в 1818—1819 гг. Автографы стихотворения не сохранились [31]. Начало стихотворения Вяземский напечатал в 1824 г. в «Полярной звезде». В одном из авторитетных рукописных сборников нашелся полный текст «Петербурга», однако в ранней редакции.

Начала стихотворения в печатном и рукописном текстах сильно отличаются друг от друга. Присоединить к отделанной художественно и опубликованной первой части стихотворения его конец из более ранней редакции, дошедшей до нас в списке

---

[30] См. также анализ публикации незаконченных произведений Л. Н. Толстого в настоящем сборнике, в статье Л. Д. Опульской «Некоторые итоги текстологической работы над Полным собранием сочинений Л. Н. Толстого», стр. 278—287.

[31] Только ранний набросок первой части стихотворения находится в записной книжке Вяземского, относящейся к указанным годам.

сборника, значило бы создать несуществовавшую контаминированную редакцию стихотворения. Следовательно, текстолог может в данном случае опубликовать весь ранний текст стихотворения по списку и отдельно, в отделе других редакций и вариантов напечатать его отработанную и опубликованную первую часть.

Показательным случаем контаминации разных редакций неопубликованного автором произведения в один сводный текст является публикация В. Я. Брюсовым стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный. . .». Выбор одного текста этого стихотворения в качестве основного вызвал сомнения у ряда пушкинистов. Одни из них (М. А. Цявловский, Н. К. Гудзий, С. М. Бонди) защищали в качестве основного текста первую редакцию 1829 г. с ее явно нецензурными вольными антирелигиозными строфами, другие (М. Гофман, Г. Фрид) придавали значение основного текста позднейшей переработке Пушкина, где эти строфы были удалены и все стихотворение получило иное звучание. В. Я. Брюсов же соединил обе редакции и дал следующее объяснение, как он препарировал напечатанный текст: «Сохранилось две ред.: полная и черн. рук., и более обработанная, сокращенная, включенная в „Сцены из рыцарских времен", см. Берем обработанные строфы из второй ред., как и их расположение, дополняя выпущенные из черн. рукописи. . .». Надо отметить, что В. Я. Брюсов, кроме того, вставил в строфы позднейшей редакции те варианты из их ранней редакции, которые он считал изъятыми Пушкиным по цензурным соображениям. Понятно, что «сконструированный» Брюсовым текст стихотворения Пушкина был подвергнут единогласному осуждению текстологов-пушкинистов и более не воспроизводился в печати [32].

При публикации незаконченных произведений встречаются такие случаи, когда дошедшие фрагменты произведения не позволяют точно установить композицию произведения и порядок их расположения. Прежде всего здесь важно изучение замысла писателя, поскольку он может быть раскрыт на основании дошедших фрагментов, а также эпистолярных, мемуарных и других свидетельств. Сложным случаем является порядок публикации частей поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Формальное следование тем или иным свидетельствам без тщательного изучения замысла поэта и содержания напе-

---

[32] См. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., со сводом вариантов. Под ред. В. Я. Брюсова, т. I, ч. 1. М., Госиздат, 1919, стр. 327—328. По вопросу о каноническом тексте этого стихотворения Пушкина и о разных точках зрения пушкинистов см. С. М. Бонди. Стихи о бедном рыцаре. «Известия АН СССР. Отд-ние общественных наук», № 2—3. 1927, стр. 659—677.

чатанных им текстов вызвало ошибки в публикации поэмы, полностью не изжитые и до сих пор [33].

Приведем еще случай, встретившийся при публикации поэтического наследия Вяземского. В 1816—1817 гг., в связи с намерением переселиться на несколько лет из столицы в деревню, им было задумано большое стихотворение под названием «Деревня», или «Остафьево». Оно было не закончено, так как в 1817 г. Вяземский получил назначение на службу в Варшаву и покинул усадьбу. Отрывки стихотворения без обобщающего заглавия он напечатал в 1827 г. в разных изданиях. В III томе собрания сочинений эти отрывки напечатаны в разных местах частично под 1817 г., частично под 1827 г., причем не сделано попытки осмыслить их последовательность в зависимости от их содержания. Найденный в архиве автограф начала стихотворения помог установить замысел поэта, а изучение содержания отрывков — последовательность их расположения: отрывок, посвященный воспеванию усадебной жизни как приюта «независимости» от светского общества, как возможности сближения с природой и занятия поэзией, явился началом стихотворения (в собрании сочинений он печатался последним); за ним в связи с развитием основной мысли должен быть помещен отрывок, посвященный описанию библиотеки, и как развитие последней темы — отрывок о Карамзине. В собрании сочинений отрывок, посвященный Карамзину, печатался отдельно и намного ранее других [34].

Подобная работа текстолога приобретает известную обязательность для издания сочинения только тогда, когда приведенные доказательства в достаточной мере объективны и когда замысел поэта достаточно отчетливо может быть раскрыт на основании написанной части произведения. В случаях же, когда представление о замысле писателя не выходит из границ гипотетических домыслов исследователя, расположение дошедших отрывков, согласно этому предполагаемому замыслу, будет всегда спорным.

Публикация незаконченных произведений часто требует внесения в публикуемый текст конъектур, без которых текст не может быть понят читателем. Конъектура — предполагаемый, угадываемый текстологом пропуск или исправление ошибки в тексте — является важнейшим приемом в текстологической работе. Этот прием помогает осмысленному, не механическому

---

[33] См. статью И. В. Шаморикова «О композиции поэмы Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“» в настоящем сборнике.

[34] Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. III. СПб., 1880, стр. 143—145, «Отрывок из стихотворения „Деревня“», стр. 439—444, «Из стихотворения „Деревня“», I и II. Ср. П. А. Вяземский. Избранные стихотворения, стр. 123—132, примеч. стр. 485—486.

чтению автографов писателя, приводит текстолога путем подстановки утраченных звеньев к установлению всей цепи последовательно раскрывающейся истории создания произведения. Однако при публикации текста незаконченного произведения, естественно, конъектура может быть терпима лишь в исключительно редких случаях. Ее введение должно быть обязательно обозначено в тексте особыми знаками (редакторскими скобками) и непременно оговорено в примечании.

6

После выбора основного текста произведения начинается работа текстолога по критическому анализу разночтений этого текста с другими источниками, установлению вкравшихся в него искажений, пропусков, переделок, не соответствующих авторской воле, проникших в текст помимо желания автора. Может быть обнаружена более поздняя работа автора над текстом, избранным в качестве основного, хотя в целом текст, в котором отражена эта позднейшая работа автора, не мог быть взят по каким-либо причинам как основной текст. При переиздании произведения автор часто производит его доработку. Если произведенную доработку он не смог включить в изданный им текст, текстолог обязан учесть эту последнюю правку при установлении канонического текста, т. е. ввести ее в основной текст.

Внесение позднейшей правки автора в уже опубликованный ранее текст не вызывает сомнений, если это только правка стилистическая, доработка, а не переработка произведения, начатая автором и недоконченная. Когда очевидно, что в результате этой переработки должна была появиться иная редакция произведения, когда автором переработан не только стиль, но и образы и содержание произведения, то внесение элементов этой новой редакции в текст, взятый за основной, было бы ошибкой, незаконной контаминацией двух редакций. Как же должны публиковаться подобные произведения в собраниях сочинений?

Для решения таких случаев особенно важно учитывать тип издания. Так, в академическом издании сочинений Пушкина «Лицейские стихотворения» напечатаны дважды (в I томе — в ранней редакции; во II томе — в переработанной). Обычно в научных изданиях в разделе основных текстов дается переработанный текст, а разночтения раннего текста помещаются в отделе вариантов. В массовых изданиях при помещении в тексте переработанной последней редакции совершенно необходимо дать примечание со сведениями об истории работы

автора над произведением и поставить двойную дату — создания и переработки.

В 1841 г. Белинский напечатал четыре статьи о народной поэзии. Задумав критическую историю русской литературы, он решил включить в нее свою прежнюю работу, приспособив ее для новой цели. В связи с этим в рукопись III и IV статей он внес большую правку, сделал вставки и т. д. Свой труд, для которого готовился новый текст статей, Белинский не осуществил, и III и IV статьи печатаются в собрании его сочинений в цикле статей о народной поэзии 1841 г. Несомненно, ошибочно было бы включать позднейшую правку этих статей в их канонический текст, как это сделано (без всякой системы) в собрании сочинений под редакцией С. А. Венгерова. Правильным решением является вынесение этой поздней правки Белинского в отдел вариантов как «вариантов позднейшей редакции» [35].

В рассмотренных выше случаях дело касалось правки автора, производимой им с целью доработки текста. Переходим к тем изменениям основного текста, которые делались, возможно, самим автором, но под нажимом посторонних требований и обстоятельств.

Для дореволюционных изданий литературных произведений наиболее частой причиной такого рода вмешательства в авторский текст являлась цензура. Характер ее деятельности и в соответствии с этим характер тех искажений, которыми она уродовала классические художественные произведения, должен быть изучен текстологом. При рассмотрении цензурного вмешательства важно принимать в расчет не только историческую эпоху, когда совершалось цензурное искажение произведения, но и индивидуальную практику того или иного цензора. Надо знать те общие установки, которые давались цензуре в данный (иногда очень короткий) период в связи с теми или иными общественно-политическими событиями, как, например, крестьянскими и иными волнениями, войной, дипломатическими отношениями с той или иной страной, усилением церковной реакции и т. п. Таково, например, в начале 1830-х годов свирепое преследование французской романтической литературы в связи с французской революцией 1830 г. Такова паническая боязнь цензоров пропустить намеки на «личности», после того как в 1835 г. Пушкиным было напечатано стихотворение «На выздоровление Лукулла», имевшее в виду возглавлявшего управление цензурой министра С. С. Уварова.

Практика отдельных цензоров также имела свои особенности. Не говоря уже о большей или меньшей рьяности или «ли-

[35] См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. М., изд-во АН СССР, 1954, стр. 752—763.

беральности», одни из них оказывались особо чувствительны ко всему, что имело отношение к религии и жизни церкви, другие — к вопросам морали, третьи — к бюрократическому чинопочитанию и все — к каким-либо намекам на освободительные идеи и критике самодержавия. Для установления цензурного вмешательства важно изучить приемы работы цензоров, систему их отчеркиваний и прочих знаков, которые сохранились на рукописях, побывавших в их руках. Однако далеко не всегда имеются налицо эти обязательные следы действия цензуры, и часто мы принуждены догадываться о ее действиях на основании сличения текстов, побывавших в цензуре, с теми, которых она не могла коснуться (например, с рукописями, предшествующими наборной). По большей части мы не располагаем даже свидетельствами автора и его современников о том, что в данном тексте хозяйничала цензура. Лишь в отдельных случаях поставленные в печатном тексте точки, а иногда и ссылки автора или редакции, что пропуск сделан не по их воле, указывают на вмешательство цензуры. Таких точек, указывающих на изъятия в связи с цензурными требованиями, было много в дореволюционных изданиях Некрасова. Однако далеко не всюду подобные сигналы облегчают работу современного текстолога. В тексте может оказаться пропуск без всякого указания точками, может оказаться и какая-то замена, внесенная в связи с требованием цензуры. Только сличение с наборной рукописью или другими предшествующими рукописями и изданиями может помочь вскрыть искажения, произведенные под цензурным воздействием. Так, например, в произведении Г. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» автором проводится параллель между хозяйственными распоряжениями Ивана Ермолаевича и властью самодержца: выражение «повелевающий монарх», имеющееся в наборной рукописи, оказалось последовательно заменено в печатном тексте выражением «власть, которая повелевает»; слово «поп», имеющееся в рукописи, заменено в печати словом «причт», так как речь идет о неблаговидных действиях, порочащих сан священника. Сложную систему исправлений под воздействием цензуры испытал очерк «Лиссабонский разглагольствует» в цикле Г. Успенского «Без определенных занятий»[36].

В рассмотренном случае искажения можно было обнаружить, так как сохранились рукописи, по которым набиралось данное произведение. Восстановление текстов по этим рукописям было вполне закономерным. Несколько иной случай представляет повесть Герцена «Сорока-воровка». Печатный

---

[36] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VII. М., изд-во АН СССР, стр. 520—521.

текст этой повести в «Современнике» 1848 г. по сравнению с дошедшим до нас автографом Герцена, относящимся к 1847 г., оказывается тенденциозно измененным: в нем выброшены и изменены места, где осуждалось крепостное право, а также последовательно заменен образ крепостника-князя образом его «любимца» — управляющего. Цензурный характер этих исправлений не вызывает сомнений. Сложность восстановления авторского текста здесь заключается в том, что дошедший автограф не является последним этапом работы Герцена над повестью, что над ее текстом до публикации он еще продолжал работать, о чем свидетельствует как авторская стилистическая правка, внесенная в опубликованный текст, так и, в частности, посвящение Щепкину. Поэтому основным текстом должен быть не автограф, а журнальный текст. Тем не менее мы не можем оставить в этом тексте цензурные искажения и обязаны исправить их, обратившись к автографу. Боязнь нарушить в данном случае основной текстологический принцип была бы ошибочной, граничила бы с формализмом, который привел бы к охране искажений, сделанных под давлением николаевской цензуры. Ни о какой контаминации, сводке текстов двух редакций здесь речи быть не может. Дело идет лишь о последовательном восстановлении мест, совершенно явно искаженных цензурой.

Невозможность установить точно, какие изменения в тексте должны считаться сделанными под воздействием цензуры, и какие могли быть сделаны автором по иным побуждениям, неоднократно вызывала незаконное расширение текстологами своих прав в этой области и вела к замене печатных текстов рукописными. Об этом верно писал А. Л. Слонимский в статье «Вопросы гоголевского текста», указывая на случаи «неправильной замены отделанного печатного текста черновым вариантом» с бездоказательной ссылкой на цензурные искажения. А. Л. Слонимский привел ряд примеров из «Записок сумасшедшего» и «Невского проспекта», действительно свидетельствующих о легкомысленном отношении текстологов к текстам Гоголя [37]. О том же писал и К. И. Чуковский в своей статье «От дилетантизма к науке»: «. . . Стремясь освободить стихотворения Некрасова от цензурных искажений и пропусков, мы нанесли бы этим стихотворениям непоправимый ущерб, если бы вздумали втискивать в них недоработанные, сырые, черновые наброски, хотя бы эти наброски и не могли быть дозволены царской цензурой» [38].

---

[37] См. «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», т. XII, вып. 5, 1953.

[38] «Новый мир», 1954, № 2, стр. 243.

Несомненно, что не только гоголевские и некрасовские тексты пострадали от переусердствовавших в этом отношении редакторов и текстологов. Следовало бы очень внимательно проанализировать в этом отношении и некоторые тексты академического издания Пушкина. Почему, например, вопреки всем прижизненным печатным текстам в стихах из первой главы «Евгения Онегина»

Где каждый, критикой дыша,
Готов охлопать entrechat,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его)

вместо «критикой» стало помещаться «вольностью» в соответствии с зачеркнутым в беловом автографе вариантом? Действительно ли Пушкин заменил «вольность» в данном случае «критикой» по соображениям цензурного порядка? Где развернуты аргументы в защиту этого нарушения текста Пушкина, им самим неоднократно опубликованного? Могло ли цензуру испугать употребленное здесь слово «вольность»? Оно упоминается в столь явно ироническом плане, что его связь с дальнейшими строками могла скорее обрадовать, чем испугать самых рьяных цензоров. На самом деле «вольнолюбие» театральной публики выражается здесь в таких мелочах, как балетный прыжок, в таком суетном поведении, которое высмеяно в словах:

Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

Между тем в следующей строфе, где уже не было места иронии и где действительно звучал пафос вольности, Пушкин, не боясь цензуры, печатал:

Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы...

Наконец, в доказательство того, что слово «вольность» вовсе не было запретным в печати, укажем, что в том же «Евгении Онегине» оно встречается неоднократно («защитник вольности и прав», «вольнолюбивые мечты» и др.) и, очевидно, не вызвало исправлений ни со стороны Пушкина, ни со стороны цензуры.

Не правильнее ли предположить, что замена в автографе «вольности» «критикой» была вызвана не цензурными опасениями, а нежеланием Пушкина снижать высокий смысл слова «вольность» ироническим употреблением его в этой строфе. Высмеять же увлечение критикой, которое действительно ши-

роко захватывало в это время читателей журналов и обычно сводилось к критике мелочей, в данном контексте было гораздо более к месту. Следовало ли, увидя в автографе зачеркнутое и исправленное (кем бы то ни было, но не цензором) слово «вольность», спешить с его восстановлением, видя в исправлении якобы «автоцензуру» поэта? Не оказывает ли здесь текстолог медвежьей услуги Пушкину?

Возьмем еще пример из «Евгения Онегина» (глава вторая, строфа VIII). Во всех прижизненных изданиях ее последние пять стихов заменялись точками, хотя над этими пропущенными непубликовавшимися стихами Пушкин много работал, о чем свидетельствует и черновая и беловая рукописи. Действительно ли по цензурным соображениям Пушкин не помещал в печати тот их вариант, который имеется в беловом автографе и который теперь напечатан в каноническом тексте академического издания «Евгения Онегина»? Не изъял ли эти строки Пушкин именно потому, что они могли быть восприняты, как пародия на стихотворение Кюхельбекера? Возможно, что опять-таки по условиям времени Пушкин не хотел позволить себе осмеяние туманного идеала друга-декабриста. Мог Пушкин не печатать эти строки и потому, что их смысл оставался темен, и он изъял их по соображениям эстетического порядка. Да и с образом Ленского, каким он сложился в романе, строки эти плохо вяжутся. Никакого доказательства цензурного воздействия у нас нет, и включение этих не печатавшихся Пушкиным стихов в основной текст «Евгения Онегина» является, по нашему мнению, произволом редактора. Они должны быть помещены в отделе вариантов, а пять строк точек, которыми и в 1833 и в 1837 гг. Пушкин заменял эти стихи, должны быть восстановлены [39].

---

[39] В изданиях: «Евгений Онегин». Роман в стихах, изд. 2, СПб., 1833; изд. 3, СПб., 1837 и в ряде советских изданий эта строфа с вариантами в пунктуации печаталась так:

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбою
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Прав А. Л. Слонимский, указывая на следующие непременные условия, при которых возможно включение в основной текст вариантов из других редакций: «Включение рукописных вариантов (в том числе и черновых) допустимо только при следующих условиях: 1) если можно доказать, что действительно имело место цензурное вмешательство; 2) если есть полная уверенность, что рукописный вариант фигурировал в той же или почти той же словесной форме в последней авторской рукописи, представленной в цензуру; 3) если не возникает никаких сомнений в художественной отработке рукописного варианта и 4) если при включении рукописного варианта не приходится выбрасывать какие-либо слова или фразы из законченного и художественно отделанного авторского текста»[40].

Последний пункт поднимает очень важный вопрос: как быть в тех случаях, когда автор, учитывая цензурные требования или предвидя их, переработал произведение, чтобы провести его в печать, и новый текст, художественно отделанный писателем, должен подвергнуться ломке для восстановления прежнего текста, удаленного в связи с цензурными опасениями? Если произведение подверглось коренной переработке, как, например, в случаях с стихотворением Пушкина о «бедном рыцаре» и «Маскарадом» Лермонтова, то в результате налицо разные редакции произведения, о слиянии которых не может быть и речи. Но если переработка затронула лишь отдельные места и новый текст легко может быть заменен первым, доцензурным, то вопрос может решаться текстологом в разных случаях по-разному, т. е. каноническим текстом может стать

В академическом издании первые восемь стихов печатаются так же, за исключением замены слова «принять» по беловому автографу словом «приять». Далее печатается так:

Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

Отметим, что хотя эти шесть стихов помещены в основном тексте «Евгения Онегина» (т. 6, стр. 34), почему-то они приводятся также в разделе вариантов и других редакций (т. 6, стр. 558).

[40] «Вопросы гоголевского текста». «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», т. XII, вып. 5, 1953, стр. 410. Отметим, что приведенный выше случай со второй главой «Евгения Онегина» не отвечает ни одному из этих условий. Текстолог позволил себе замену последнего слова, напечатанного в строфе Пушкиным «судьбою» (изд. 1833 и 1837 гг.) словом «судьбами», чтобы иметь возможность прикрепить к печатному тексту рукописное продолжение.

первый или второй текст в зависимости от характера авторской переработки. Считаясь с более высокими художественными качествами позднее отработанной редакции, с тем, что автор ее неоднократно перепечатывал, текстолог оставляет позднюю редакцию в каноническом тексте, но обязан первый текст, вызвавший цензурные опасения, поместить или тут же, внизу страницы, или в отделе вариантов, но не в примечаниях комментатора, так как это значило бы снизить значение не прошедшего через цензуру текста, и до некоторой степени укрыть его от читателя, который может и не обращаться к отделу комментариев.

Все сказанное выше о восстановлении мест, подвергшихся цензурным искажениям или изъятиям, может быть перенесено и на случаи автоцензуры. Когда у нас нет цензурных помет на рукописях, свидетельств о делах цензуры и высказываний автора или современников и приходится решать вопрос лишь на основании обнаруженных разночтений при сличении текстов, то иногда трудно определить, являются ли эти разночтения ответом на требования цензуры, или это предосторожность автора, знающего, что в неизмененном виде текст в цензуре не пройдет. Так, нам неизвестно, когда проведена правка «Сороки-воровки» — до представления в цензуру или после нее. К. И. Чуковский указывает, что Некрасов в беловых рукописях часто давал текст, уже приспособленный им самим к цензуре, и, чтобы изъять из текстов поэта подобную автоцензуру, следует обращаться не к последним, беловым, а к предшествующим рукописям, в которых Некрасов свободно излагал свои мысли[41]. Это указание, возможно, важное для некрасоведа, все же не может быть распространено, как правило, на тексты других классиков. Поиски в ранних рукописях замен для предполагаемой автоцензуры могут привести текстолога к опасной погоне за «новациями», бездоказательной замене отделанных последних текстов ранними вариантами, как это было указано выше.

Одним из примеров такого «обновления» канонического текста под предлогом предполагаемой цензуры является, по нашему мнению, включение Н. Л. Степановым перед текстом «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» обнаруженного им предисловия, напечатанного лишь в части тиража первого издания «Миргорода» и потом снятого по каким-то неясным причинам. Н. Л. Степанов считает причиною цензурные осложнения, но вместе с тем указывает, что Гоголь больше не пытался в следующих изданиях восстановить предисловие. Н. Л. Степанов пишет: «Невключе-

[41] К. И. Чуковский. От дилетантизма к науке, стр. 239.

ние предисловия в издание 1842 г. может быть объяснено как неотпавшими цензурными соображениями, так и тем, что обстоятельства, которыми было вызвано полемическое предисловие, утратили для Гоголя значение». Если редактор придерживается такого мнения, то на каком же основании он счел возможным включить предисловие в канонический текст повести в академическом издании[42]. Из всего, что пишет о предисловии Н. Л. Степанов, ясно, что оно носило какой-то специальный, временный характер, поэтому не было никаких оснований «канонизировать» его в тексте повести.

Отмечая тот вред для текстов писателя, который наносит стремление текстолога обновить их под видом исправлений от цензурных искажений, нельзя не коснуться и обратного явления, когда робость перед обвинениями в «субъективизме» и механическое проведение принципа «последней воли автора» приводит в результате к охране всех опечаток и бессмыслиц в тексте, всех цензурных искажений, которые не могут быть подтверждены соответствующими документами, т. е. пометами цензоров, свидетельствами автора и т. п. Таким охранителем «воли поэта», доводившим до бессмыслицы это понятие, был М. Гофман в своих выступлениях в защиту последних прижизненных публикаций текстов Пушкина.

Можно привести случай и из современной текстологической практики, когда в защиту испорченного цензурой текста выступила редакционная коллегия академического издания. В наборных рукописях статей Белинского 1838 г. о переводе «Гамлета» Полевого и о его же драме «Уголино» имеются пометки красным карандашом около тех мест, которые в журнальном тексте не появились. Уже самый характер помет в связи с изъятием помеченных мест из печати наводит на мысль о вмешательстве цензуры. Убеждает в этом изучение обстановки, в которой печатались данные статьи, и практика современной Белинскому цензуры, анализ содержания и значения отмеченных мест.

Ряд свидетельств, дошедших до нас в переписке Белинского и его друзей этого времени, говорит о том, что «Московский наблюдатель», руководимый Белинским, именно в месяцы публикации этих статей был объектом жестоких цензурных преследований. Аксаковы высказывали даже предположение, что попечитель Московского университета Строганов, он же глава цензурного комитета, специально назначил Снегирева цензором Белинского, чтобы максимально притеснять и в конце концов задушить журнал.

---

[42] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. II. М., изд-во АН СССР, 1937, стр. 219, 751—752.

Характер отчеркнутых мест именно таков, что должен был привлечь внимание цензора. Отмечен термин из церковного обихода, употребленный в ином плане в статье («проповедь», «проповедник»), отмечено несомненно испугавшее цензуру противопоставление «свободы» и «произвола» и характеристика понятия свободы: «потому что свобода есть высшая необходимость [высший разум], и где нет необходимости, там не свобода, а произвол, в котором нет ни разума, ни смысла, ни жизни». Наконец отмечен большой отрывок, явно направленный против Н. Полевого, хотя имя его не упоминается. Изучение специальных постановлений и приказов по цензурному ведомству в этот период объясняет причину изъятия этого отрывка о Полевом: цензура обязана была строжайшим образом бороться против «личностей» в журнальных статьях, то есть выпадов против известных, хотя бы и не названных лиц. В данном случае выступление Белинского против Полевого было тем более криминально, что, уничтожающе презрительно характеризуя деятельность Н. Полевого в союзе с Булгариным и Гречем, Белинский противопоставлял и восхвалял прежнюю деятельность Полевого в закрытом по приказу Николая I «Московском телеграфе».

Обращение к практике цензоровавшего статьи Снегирева подтверждает, что ему был свойствен метод действия, подобный тому, который запечатлен в рукописях Белинского. В архиве цензуры сохранились задержанные Снегиревым рукописи. Он не вычеркивал того, что считал криминальным, а ставил около подобных мест разные знаки и в журнале цензурного комитета о рассмотренных им рукописях записывалось: «...Он, цензор, полагает, что сии отделы могут быть пропущены, за исключением отмеченных им выражений, противных § 7 Устава и предписаний высшего начальства».

Учтя общественно-политическую обстановку конца 1830-х годов, специальные распоряжения по цензурному комитету этого времени, отношение Строганова и Снегирева к Белинскому и его журналу и практику цензора, проанализировав содержание отмеченных мест, текстолог с полным основанием может отнести красные пометы на полях рукописи Белинского на счет цензурного вмешательства и восстановить выпущенные в журнале строки в каноническом тексте статей. Зная характер работы Белинского над своими статьями, текстолог никак не сможет согласиться с предположением, что Белинский выкинул из наборной рукописи эти места по каким-то иным (не цензурным) соображениям, предварительно отметив для себя эти изъятия красным карандашом.

... В издании сочинений Белинского Венгеров не усомнился в цензурном характере купюр и восстановил их в тексте.

В издании же Академии наук СССР, по постановлению редакционной коллегии, эти купюры вновь были изъяты из текста и помещены в отделе примечаний. Таким образом, очень значительные высказывания Белинского оказались запрятанными в справочный аппарат, что несомненно надо считать дефектом издания [43].

7

При критическом анализе основного текста, при сличениях его с другими изданиями и рукописями, текстолог обнаруживает разночтения, не являющиеся результатом цензурного вмешательства или опасений цензурного вмешательства. Выяснить происхождение этих разночтений, решить вопрос о том, внес ли их сам автор или посторонние лица и как в последнем случае к ним отнесся автор, текстологу необходимо, так как от этого зависит решение, вносить ли их в основной текст.

Причиной разночтения текстов часто является редакторская правка. Она может быть снята текстологом, но может быть и оставлена — в зависимости от отношения к ней автора. Известно, как отрицательно относился Белинский к редакционной правке Краевского и что он ее терпел лишь потому, что иначе не мог бы печатать свои статьи. Обязанность текстолога освободить статьи Белинского от правки Краевского там, где это возможно, т. е. в тех случаях, когда до нас дошли рукописи Белинского с этой правкой. Совершенно иначе относился Г. И. Успенский к правке Салтыкова-Щедрина во время сотрудничества в «Отечественных записках». Публикуя позднее свои произведения, он не стремился восстановить свой текст. Следовательно, там, где правка редакции «Отечественных записок» не касалась непосредственно вопроса о проведении через цензуру, она должна быть оставлена.

Иногда нам неизвестно отношение автора к правке его редактора: возможно, что он принял ее и одобрил, и тогда текстолог не должен возвращаться к прежнему тексту; возможно, что автор согласился на исправления против воли, и тогда текстолог обязан снять исправления. К сожалению, случаи, когда текстолог находится в большом затруднении, как решить этот вопрос, не имея сведений о воле автора, очень часты. Но тем осторожнее должен он подходить к решению этого вопроса. Между тем именно здесь мы встречаемся с теорией, упрощающей сложность анализа исправлений в тексте, происхождение которых точно не установлено и остается неизвестным отноше-

---

[43] См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III. М., изд-во АН СССР, 1953, стр. 428, 438 и стр. 739, 741.

ние к ним автора. Это теория «реставрации» текста, возвращения его к автографу писателя как наиболее достоверной форме выражения писательской воли. Авторы этой теории Н. К. Гудзий и В. А. Жданов с первой же страницы своей статьи внушают читателю сомнения в прижизненных изданиях сочинений писателя: «...прижизненное издание, в котором запечатлена якобы (подчеркнуто нами. — *В. Н.*) последняя воля писателя», — пишут они [44]. Прижизненное издание авторы теории «реставрации» уподобляют картине художника, полотно которой замазано сверху малярами — небрежно и произвольно действующими редакторами и копиистами. Картину надо «реставрировать», говорят они, т. е. снять все, чего нет в рукописи автора, не доверяясь ни одному печатному слову, не подтвержденному рукописными источниками. «За основу, — пишут они, — принимается прижизненное издание... с обязательной проверкой текста по всем рукописям, с тем, чтобы по возможности довести проверку до автографического написания каждого слова. Обнаруженные ошибки всякого рода исправляются и таким образом восстанавливается подлинный текст, освобожденный от „соавторства" случайных лиц» [45].

Что же считают авторы статьи «ошибками всякого рода»? Многочисленные примеры, ими приведенные, дают возможность судить об этом. В сущности к «ошибкам» они относят все без различия разночтения печатного текста с последней рукописью — автографом писателя. Нигде не говорят они о возможности таких разночтений печатного текста с автографическим, которые не являются «ошибкой» и поэтому должны быть сохранены в тексте. «Освободить текст от всех посторонних наслоений» — таков закон реставрации, проведения которого требуют авторы, а «посторонними» они считают все наслоения, которые, по их мнению, не согласованы с писателем. Тот факт, что писатель внимательно читал корректуру, внося в нее многочисленные исправления и оставляя без правки предполагаемые «ошибки», что писатель скреплял в печати своею подписью этот текст, не смущает авторов статьи. Это объясняется тем, что писатель просто «не заметил» «ошибок».

В доказательство, например, приводятся свидетельства Толстого, в которых он говорит, что он не видит опечаток и орфографических ошибок, когда читает свой переписанный или перепечатанный текст. Однако «ошибки», о которых говорят авторы статьи, и исправления, которых они требуют, — это вовсе не опечатки и не орфографические ошибки. Против исправления последних никто не может спорить, так же как про-

[44] «Вопросы текстологии». «Новый мир», 1953, № 3, стр. 232.
[45] Там же, стр. 236.

тив исправления некоторых слов, искаженных вследствие плохо прочитанной авторской рукописи или иной случайной порчи текста при переписке или в печати. Авторы статьи привели много подобных мелких искажений, которые бесспорно требуют исправления и действительно давно исправлены в текстах и Пушкина, и Гоголя, и Толстого. Дело, конечно, не в искажениях этого рода. Речь идет о восстановлении таких выражений и отрывков, которые были в рукописи и которые или исчезли, или оказались не случайно и механически, а сознательно измененными в печатной редакции. Авторы статьи берут в основном примеры из произведений Толстого, переписанных рукой С. А. Толстой, и, по их мнению, ею искаженных. Хотя С. А. Толстая, переписывая рукописи, обычно имела полную возможность каждое исправление согласовать с Толстым, а может быть, даже прямо исправляла рукопись по его указанию, авторы статьи считают все внесенные ее рукою исправления ее личным произволом, который должен рассматриваться, как порча текста. Чувствуя шаткость своей позиции в этом случае, авторы спешат разрушить зарождающееся у читателя сомнение: «Может возникнуть мысль, не давал ли автор переписчику устные указания для внесения тех или иных поправок. Такое предположение отпадает, так как копии, которые переписывались (это точно известно) в отсутствие Толстого, содержат точно такие же погрешности, как и те, которые переписывались при нем» [46].

В этом чрезвычайно неконкретном, расплывчатом заверении характерно выражение «точно такие же погрешности». Для авторов статьи все «погрешности», т. е. все отступления от автографа, равны, авторы чужды анализа истории каждого разночтения, объединяют их в нечто единое, смотрят на них, лишь как на «вмешательство постороннего лица», и требуют их удаления. Приведем один пример, который заставляет насторожиться относительно доброкачественности использованного авторами статьи материала.

Желая опорочить исправления, внесенные С. А. Толстой в текст, как исправления, продиктованные ее личным вкусом (ей «не понравилось выражение», «ее шокирует выражение»), авторы приводят, между прочим, примеры из «Крейцеровой сонаты», умалчивая о том, в каких условиях делались эти исправления и чем они вызывались. Между тем из статьи Н. К. Гудзия, опубликованной двадцать лет назад [47], мы знаем,

---

[46] «Вопросы текстологии», стр. 240.

[47] Н. Гудзий. Как писалась и печаталась «Крейцерова соната» Толстого. «Звенья», сборник, материалов и документов, II. М.—Л., 1933, стр. 572—617.

что история этого произведения была совершенно исключительной: Толстой отстранился от издания этого произведения, и С. А. Толстая одна старалась преодолеть все цензурные препятствия и добиться проведения его в печать. Одним из препятствий она, естественно, считала резкие, неприемлемые для цензуры того времени выражения, которые и постаралась заменить другими. Ни о том, что Толстой «не заметил» данных исправлений, ни о том, что С. А. Толстая приспосабливала произведение к своему личному вкусу, здесь не может быть речи. Это случай редакторской правки, сделанной под воздействием цензурных опасений и без согласования с автором произведения. В позднейших изданиях эта правка была снята, что не может вызывать возражений. Пользуясь таким нетипичным примером и оставляя нераскрытыми все исторические условия, сопровождавшие данный случай, авторы статьи невольно вводят в заблуждение читателей.

Возьмем другой пример. Авторы статьи декларируют свое осуждение методу отбора «лучших» или «худших» вариантов: «Такой путь чрезвычайно опасен и по существу порочен; он дает большой простор субъективным оценкам». Между тем, обнаружив в копии С. А. Толстой выражение «полную грудь» вместо «полные груди» и ничем не доказав, что воля самого Толстого здесь исключена, они решительно стоят за второй вариант «полные груди», потому что в данном случае, по их словам, «контекст требует толстовского оборота». Однако в пользу этого «требования» они не могут ничего представить, не могут доказать, почему первый вариант не является «толстовским оборотом» [48].

Среди примеров, приводимых авторами статьи, нет ни одного, который они подкрепили бы соображениями более убедительными, чем все то же предположение, что С. А. Толстая «исправила», а Л. Н. Толстой «не заметил». Такой недифференцированный подход к разночтениям основного текста с другими источниками, требование возвращения к тексту автографа, невнимание к тем стадиям работы, которые хотя не были закреплены в автографе, но имели место на каком-то этапе перед публикацией произведения, является, по нашему мнению, ошибкой теории «реставрации». Опираясь на те же доводы, которые мы находим в статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова, редакторы академического издания Гоголя позволили себе многочисленные исправления в его печатных текстах, приводя все то же объяснение, что переписчик якобы

---

[48] См. разбор ряда примеров из статьи Н. К. Гудзия и В. А. Жданова в настоящем сборнике в статье Л. Д. Опульской «Некоторые итоги текстологической работы над полным собранием сочинений Л. Н. Толстого», стр. 274—275.

ошибся, а Гоголь «не заметил», ввели в окончательный текст ряд вариантов из черновых редакций. Таковы исправления в тексте «Мертвых душ», «Пропавшей грамоты», «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», «Ночи перед рождеством» и других произведений. Между тем при анализе текстов этих произведений, как и произведений Толстого, мы имеем дело сплошь и рядом с изданиями, над которыми работал сам автор и в которых места, подвергшиеся «исправлениям», вовсе не имели бессмысленного характера.

Так, в примечаниях к «Ночи перед рождеством» (т. I, стр. 539) редактор, признавая, что Гоголь читал корректуры первого и второго изданий и вносил правку, тем не менее считает возможным некоторые варианты текста из рукописи вставлять в канонический текст на том основании, что эти места в тексте были «пропущены при переписке», а Гоголь этого «не заметил».

О том, что подобные случаи бывали довольно часты в практике изданий художественных произведений, не приходится спорить, но это не дает права текстологу без всяких подкреплений другими соображениями и фактами отбирать из рукописи любые не вошедшие в печатный текст варианты и вставлять их в основной текст. Основанием для включения исправления по рукописи является прежде всего наличие бессмыслицы в тексте, неувязки слова или предложения со смыслом окружающего текста.

Каждый текстолог, готовивший текст классиков, непременно встречал в тексте, выбранном им за основной, места, обессмысленные опечатками или искажениями переписчиков-копиистов. Иногда источником бессмыслицы, вкравшейся в текст, является плохо разобранная рукопись писателя, а иногда описка самого автора, им незамеченная. Каково бы ни было происхождение таких искажений, их исправление оказывается особенно сложным в том случае, когда они не превращают текст в полную бессмыслицу, а придают ему какой-то смысл.

В первом случае, т. е. в случае обессмысливания текста, обращение к разного рода первоисточникам, рукописным и печатным, позволяет без колебаний восстановить правильное чтение. Приведем примеры: основным текстом для цикла «Крестьянин и крестьянский труд» Г. И. Успенского является текст в собрании сочинений 1889 г., издании, подготовленном автором. Однако этот текст изобилует корректорскими искажениями. Некоторые из них появились уже в предшествующих публикациях в «Отечественных записках» и в сборнике «Деревенская неурядица», так же как и небольшие пропуски, вследствие которых текст явно оказался обессмысленным. Например: «„Слу-

чилось в деревне два самоубийства...« „Должно, деньги пропил“, — говорили про солдата, который еще вчера работал в огороде, полол капусту, а сегодня найден под переметом»[49].

В издании 1889 г. напечатано «работал в городе» вместо «огороде», хотя сказано, что самоубийство произошло в деревне и солдат «полол капусту», т. е., конечно, не в «городе», а в «огороде».

Другой пример из этого же произведения:

«— Что, погода как? — спрашивает Иван Ермолаевич.

— Ку́ра! Не приведи бог... Чуть было не завяз в снегу-то...»

Областное слово «кура́», т. е. метель, было, очевидно, не понято корректором и заменено близким по начертанию, но здесь не имеющим смысла словом «куда»[50].

Однако иногда вставленное наборщиком или корректором слово не обессмысливает текста, не противоречит грубым образом контексту и может возникнуть сомнение, не является ли это разночтение поправкой автора. Здесь только критический анализ текста, его осмысливание, приводит к правильному решению. В издании 1889 г. и других собраниях сочинений Успенского печаталось: «...Лешку женили на уроде и надули, и опять-таки не из жестокости это сделано, а на самом точном основании идеалов. Сам Лешка объясняет это дело довольно резонно». Из объяснений Лешки видно, что он согласился на жертву и отказался от нравившейся ему девушки, понимая, что этого требует тяжелое положение, в котором оказалась семья. Следовательно, его вовсе не «надували». Дальше мы читаем: «В самом деле, введи он в семью не урода, не дуру и не рабу...». Эта фраза подсказывает правильное чтение плохо разобранного наборщиком автографа Успенского: «Лешку женили на уроде и *на дуре*», а вовсе не «надули» его[51].

Появление корректорских пропусков, как известно, часто объясняется наличием в рукописи вблизи друг от друга сходных текстов, особенно в начале или в конце фразы.

Приведем несколько примеров, выделяя разрядкой те слова, которые были пропущены:

«...Не всегда наблюдения Ивана Ермолаевича были удачны. Иной раз, и это очень часто, ожидал он дождя, а дождя нет. Иной раз выйдет напротив...»[52].

«...В народе есть уже профессия коновала, и профессия не вполне шарлатанская...»[53].

---

[49] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VII. М., изд-во АН СССР, стр. 27, примеч. стр. 509.

[50] Там же, стр. 103, примеч. стр. 508.

[51] Там же, стр. 51.

[52] Там же, стр. 15.

[53] Там же, стр. 20.

«...Вижу его (Ивана Ермолаевича — *В. Н.*) в поздний вечерний час то на крыльце, то даже притаившимся за углом у амбаров, и опять „всё насчет утки". Не особенно внимателен был я и к тому, когда дней через десять после этих ночных заседаний „насчет утки", Иван Ермолаевич весело сообщил...»[54].

При наличии наборной рукописи выделенные пропуски, обессмысливающие текст, были легко восстановлены. При ее отсутствии подобные пропуски хоть и заметны вследствие явной бессмыслицы текста, но не всегда могут быть восполнены. А между тем они могут повести и к идейной порче текста. Так, например, в цикле «Без определенных занятий», в главе «Канцелярщина общественных отношений в народной среде» и в первопечатном журнальном тексте и во всех других изданиях, в которых принимал участие автор, печаталось: «Очевидно, что несчастный труженик-чиновник, потерявший на службе всю свою жизнь, только по забитости, по загнанности и по запуганности, сузивших в нем чисто человеческие требования канцелярских порядков и начальства, мог полагать, что пустяки, которые он делал всю жизнь и которые жизнь эту съели, настолько важны и серьезны, что в жертву им можно принести и себя, и свою личную жизнь, и жизнь ему близких и присных людей»[55]. Совершенно очевидно, что в тексте главы, которая посвящена разоблачению убийственного воздействия канцелярщины на личность чиновника, Успенский не мог написать «чисто человеческие требования канцелярских порядков и начальства». Ясно, что после слов «чисто человеческие требования» что-то выпало, что показывало ограничение этих требований порядками канцелярии и начальством. Для исправления текста, противоречащего смыслу всей главы и данного абзаца, текстолог должен был ввести конъектуру и сигнализировать читателю о неблагополучии в тексте.

Для установления искажений писцов и наборщиков, имевших дело с авторскими рукописями, очень важно провести анализ начертания измененных слов в связи с особенностями авторского почерка. Надо представить себе, могло ли данное слово, которое текстолог читает так, быть ранее прочитано и воспроизведено иначе. Возможность иного прочтения часто является гарантией, что в данном случае мы имеем действительно искажение писца, а не авторскую поправку. Вот несколько примеров. Во всех прижизненных изданиях Успенского в очерке «Деловые люди» («Без определенных занятий») чи-

[54] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т VII, стр. 33.
[55] Там же, стр. 206—207.

таем о ямщике Мише, встретившем автора на станции железной дороги: «Это был юноша, красивый, добрый паренек, а теперь я не узнал его — уж настоящий он показался мне жестоким. . .»[56]. Почему, откуда появилось здесь слово «настоящий»? В рукописи очень неразборчиво, слитно с предлогом было написано: «на станции». Если сопоставить начертание «настоящий» и «настанции» по числу и характеру элементов букв, составляющих эти слова, то ошибка неопытного чтеца рукописи (наборщика) будет вполне понятной. О смысле читаемого, очевидно, он не задумывался. В очерке «На травке» в печатном тексте появилось слово «тузы» вместо «пузы»[57], хотя и перед этой заменой и далее говорится об озлоблении народа на разжиревшее начальство: «Я б тебе показал, пузастому чорту, право! .. Погляди-ка, какие у них у всех пузы-то! всё мало». И далее в том же очерке: «Я их научу, как брюхи растить на мужицкий карман! ..». Сопоставление явно доказывает, что произошла подмена близких по напечатанию слов.

То же обнаруживается при сличении машинописи «Мещан» Горького, послужившей основанием для первого издания пьесы с ее автографом (см. историю этой машинописи выше, стр. 45—46). Машинистка, читая непривычный для нее почерк Горького по элементам букв, путала сходные по начертанию буквы. Так как Горький часто писал букву «т» с тремя палочками, соединенными между собой, то она путала «т» с буквой «м» и «ш» и поэтому слово «толстенькие» разобрала как «малешенькие», не смущаясь тем, что этот эпитет мало подходил к «генералам», с которыми Перчихин сравнивал снегирей. Так как Горький очень сходно писал буквы «д» и «б», то машинистка прочитала существительное «грудой» как прилагательной «грубой» и согласовала с ним следующее слово, написав вместо «обязанностей» — «обязанностью», обессмыслив этим речь Нила. Но особенно явное смысловое искажение оказалось в последнем действии пьесы. Нил, уходя из дома Бессеменовых, бросает следующие слова: «Я отработал всё, что съел». Эта фраза четко написана в автографах первой и второй редакции этого действия. Машинистка в слове «отработал» приняла букву «л» вместе с твердым знаком, в котором Горький всегда писал большой кружочек, за букву «ю», отчего получилось будущее время «отработаю» вместо прошедшего. Таким образом выходило, что Нил, заявлявший ранее, что он также хозяин в доме Бессеменовых, так как вкладывал в него

---

[56] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VII, изд-во АН СССР, стр. 186 и 520—521.

[57] Там же, стр. 241.

свой труд, покидая дом, обещал отработать Бессеменову за съеденный у него хлеб. Получалось грубое искажение идейного смысла этой сцены.

Остановимся еще на одном типе искажений основного текста, которые иногда позволяют себе редакторы. Это всякого рода исправления, ни на чем не основанные, кроме домыслов редактора и недостаточного понимания авторского текста. Редактору видится «очевидная» ошибка автора там, где нет никакой ошибки и где надо лишь побольше вникнуть в текст. Приведем следующие примеры из академического издания Гоголя, где «исправлены» такие «очевидные», по мнению редакторов, ошибки. В тексте «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Н. Л. Степанов заменяет в предложении «Степь краснеет, синеет и говорит цветами» слово «говорит» словом «горит», хотя Гоголь дважды, и в первом и во втором издании, напечатал «говорит». Н. Л. Степанов утверждает, что «горит» — это «единственно возможное чтение, опирающееся на весь смысл контекста». Но как раз смысл контекста указывает, почему Гоголь употребил необычное выражение «говорит цветами». Гоголь изображает одушевленную жизнь степи в многочисленных разнообразных звуках, именно как разноголосый разговор. Вот этот отрывок: «... как тогда оживлено всё: степь краснеет, синеет и говорит цветами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насекомых, и от них свист, жужжание, треск, крик и вдруг стройный хор; и всё не молчит ни на минуту...». Это гоголевское «всё не молчит» и объясняет, что степь тоже не молчит, а говорит по-своему — цветами.

«Гореть цветами» — трафаретная метафора, обедняющая поэтическое значение отрывка. По нашему мнению, редактор не вчитался в текст Гоголя и напрасно «выправил» то, что Гоголь сам напечатал дважды[58].

Другой пример из «Сорочинской ярмарки». В главе III Черевик, Грицко и Параска очутились «в известной ярмарочной ресторации — под яткою у жидовки, усеянною многочисленной флотилией сулей, бутылей...» и т. д. В главе VII, в рассказе о том, как по ярмарке распространился слух о красной свитке, упоминается мимоходом пьяная продавщица бубликов, «которой подвижная лавка была рядом с яткою шинкаря». Так дважды было напечатано при жизни Гоголя, и этот текст он оставил без изменения, работая над повестью в 1850—1851 гг. Но редактор И. Я. Айзеншток, указывая на страницу, где упоминалась «ятка» шинкарки, считает необходимым и в главе VII исправить «шинкаря» на «шинкарку». Он

[58] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. I. М., изд-во АН СССР, 1940, стр. 294 и 549.

видит здесь «очевидную опечатку» и, отходя от текста, избранного за основной, возвращает его к первопечатному изданию. Но неужели редактор считает, что всю Сорочинскую ярмарку обслуживала горячими напитками одна единственная шинкарка и уже другой «ятки», где хозяйничал шинкарь, быть не могло? Легкость, с которой вносятся в тексты любые исправления, здесь обнаруживается особенно очевидно [59].

Текстолог обязан критически проанализировать основной текст, изъять из него явные цензурные искажения, восстановить пропуски и исправить ошибки переписчика, описки автора, опечатки набора, но он должен к каждому случаю исправления отнестись со всей серьезностью и осторожностью, привести доказательства, обосновать вносимые изменения, не гоняясь за новыми вариантами и не ставя себе задачу «улучшить» стиль писателя. Эти бесспорные истины все еще не являются обязательными для некоторых текстологов. Еще недавно встречались редакторы текста, которые считали возможным вносить в основной текст многочисленные «исправления» с благой целью «улучшить» авторский текст. Об этом говорит признание редактора «Невского проспекта». Приняв за основу текст «Арабесок», он внес в него из разных источников, рукописных и печатных, «исправления» того, что он считал цензурными искажениями, описками и опечатками, а также те поправки из издания Трушковского, которые, по его словам, «с большой долей вероятия» могут быть отнесены за счет самого Гоголя. Не удовлетворившись этой правкой, он продолжил свою работу, уже не затрудняя себя не только перечнем, но даже классификацией «исправлений». Он писал: «Кроме этих основных групп исправлений, в тексте имеется и целый ряд других, не поддающихся точной классификации. В целом они все направлены на уточнение и улучшение о б р а з н о й стороны рассказа и имеют, прежде всего, стилистическое значение» [60].

Из этого признания надо сделать вывод, что редактор старательно «исправил» стиль Гоголя, «уточняя» его и «улучшая» при помощи разнообразных источников [61]. В результате получился текст, который не существовал ни в рукописях, ни в изданиях Гоголя и который сконструирован редактором академического издания.

---

[59] Н. В. Г о г о л ь. Полн. собр. соч., т. I, стр. 118, 124, 517.

[60] Н. В. Г о г о л ь. Полн. собр. соч., т. III. М., изд-во АН СССР, 1938, стр. 644—645. Редактор «Невского проспекта» Б. М. Энгельгардт.

[61] Так, например, восстановлено по черновой рукописи написание «чашку кофию», хотя в тексте «Арабесок», принятом за основной, — «чашку кофею», а в следующих прижизненных изданиях — «чашку кофе». (Там же, стр. 11 и 479. См. также другие варианты, стр. 479—483).

8

Как было сказано в начале статьи, причиной ошибок в области издания текстов классиков является не столько невежество или недобросовестность со стороны подготовителей текстов, сколько отсутствие твердо установленных принципов и неправильная организация дела издания. Выше были изложены принципы, которые мы считаем основными в работе советского текстолога, и освещены наиболее часто встречающиеся на его пути трудности.

Перейдем к вопросу об организации подготовки изданий классиков к печати. До сих пор еще довольно распространенным методом в современной практике подготовки научных изданий классиков является метод, существовавший в дореволюционную эпоху: поручение этого дела одному лицу за его единоличной и полной ответственностью. Как в текстологии XIX в., когда за текст, положим, Гоголя отвечал Тихонравов, за текст Пушкина — Ефремов, Морозов или Якушкин, так и в советское время можно назвать текстологов, имена которых в обязательном порядке стоят в изданиях того или иного классика в качестве единственного редактора и подготовителя текстов.

Наиболее ярким примером в этом отношении могут служить издания сочинений Н. А. Некрасова под редакцией К. И. Чуковского. В уже упоминавшейся статье К. И. Чуковского «От дилетантизма к науке» автор очень правильно обрисовал характер своей деятельности как текстолога: «С 1920 года и по нынешний день я лично несу ответственность за все стихотворные тексты Некрасова, ибо в течение этого времени я был их единственным бессменным редактором». Естественно, что у такого редактора-единоличника невольно возникали сомнения в правильности пути, которым он шел, тем более, что и критика время от времени, хотя и не планомерно, указывала на совершаемые им ошибки. Тем не менее он продолжал работать в одиночку, «как на необитаемом острове», хотя сам законно удивлялся возможности такого метода работы в советской науке, удивлялся той безграничной свободе, которая была ему предоставлена: «Человек у всех на глазах исправлял (а может быть, и портил?) десятки стихотворений одного из величайших поэтов России, и хоть бы кто заинтересовался вопросом: верно ли он поступает, этот ретивый редактор, не оставляющий камня на камне от всех досоветских изданий Некрасова? .. Как будто поэзия Некрасова не является одним из величайших сокровищ нашей национальной культуры, как будто всякий по своему произволу может бесконтрольно хозяйничать в ней» (стр. 254).

Заслуги К. И. Чуковского в очищении текстов Некрасова от цензурных искажений очень велики. И тем не менее даже его огромный опыт не гарантировал его от ошибок и от таких «исправлений» некрасовских текстов, которые являются спорными. Еще более опасной делается бесконтрольность менее опытных редакторов. На факты редакторского произвола в изданиях сочинений М. И. Михайлова, подготовленных П. Фатеевым, указала в свое время «Правда» в передовой статье от 20 мая 1952 г.

Бесконтрольным редактором наследия того или иного великого классика явился и является не один К. И. Чуковский. Это положение не изжито до сих пор. Укажем, например, на издания классиков в приложении к «Огоньку», произведения которых не имеют твердо установленных канонических текстов и поэтому могут легко подвергнуться искажениям.

Немного улучшается дело, если издание классика поручается не одному лицу, а двум, когда для контроля над так называемым составителем (подготовителем текстов) назначается обычно крупный специалист по творчеству издаваемого писателя. Такой специалист не всегда является текстологом, не всегда он оказывается в состоянии провести трудоемкую, требующую специальных навыков работу, какой является проверка текстов. По преимуществу его внимание обращено на вступительную статью, комментарии и другой сопроводительный аппарат[62].

С первых лет после Великой Октябрьской социалистической революции начал укрепляться новый метод работы по подготовке издания классиков, метод, имевший в основе мысль о коллективной ответственности за это дело. Для ряда научных изданий классиков назначается или избирается редакционная коллегия, которая обязана совместно обсуждать все вопросы издания и отвечать за него. Юбилейное издание полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, академические издания Пушкина, Гоголя, Г. Успенского и многие другие выходили и выходят, возглавляемые редакционными коллегиями. В число членов редколлегии обычно включаются специалисты по данному писателю, часто именно специалисты-текстологи, и их коллективный контроль за работой составителей несомненно мог бы сыграть большую роль в правильной подготовке текстов. К сожалению, на практике это далеко не так.

---

[62] Отметим, что встречаются случаи, когда составитель готовит текст под своим собственным «наблюдением». См. Н. В. Гоголь. Собр. соч., т. V. М., Гослитиздат, 1953, на котором значится: «Собрание сочинений выходит под наблюдением А. Слонимского. Том подготовил А. Слонимский».

Главным недостатком в организации этого дела является то обстоятельство, что членами редакционных коллегий обычно избираются люди, чрезвычайно загруженные разными работами, для них более обязательными, чем труд по редактированию сочинений данного писателя. Они несут обязанности членов редколлегии чаще всего «по совместительству», безвозмездно, как почетное звание. Между тем проверка подготовки текстов, решение сотен затруднительных вопросов, которые встают перед текстологом, требуют много времени, опыта и навыков в работе. Подготовка текстов — один из наиболее трудоемких процессов работы литературоведа. В результате обязательства, которые берет на себя редакционная коллегия, возглавляющая издание собрания сочинений классиков, зачастую не выполняются. Она не проводит коллективной работы над изданием, а скрепляет своею подписью тома, подготовленные по старому методу составителем или редактором-единоличником.

До какой степени в настоящее время оказался утерянным самый смысл организации редколлегии как органа, коллективно работающего над изданием и коллективно за него отвечающего, показывает, например, следующий факт. В 1952 г. появился в печати ряд статей, в которых указывалось на неблагополучие с текстами Гоголя в академическом издании, особенно в тексте «Мертвых душ». В это же время появилась по тому же поводу статья Б. В. Томашевского и Г. М. Фридлендера, а также статья Н. Ф. Бельчикова [63]. Авторы довольно решительно и дружно осудили имеющиеся ошибки в выборе основных текстов, предпочтение рукописей печатным источникам и т. д. Н. Ф. Бельчиков ссылался на Б. В. Томашевского, указывая, что последний «правильно охарактеризовал этот основной порок академического издания Гоголя» и сам решительно осуждал практику подготовителей текстов Гоголя. Между тем авторы статей Б. В. Томашевский и Н. Ф. Бельчиков являются членами редакционной коллегии последних томов этого издания, они скрепили своими подписями текст «Мертвых душ» и, стало быть, несут полную ответственность за его «пороки».

Существующая практика работы редакционных коллегий может иногда вредно отражаться на подготовке канонических текстов. Редакционная коллегия облечена всеми полномочиями на внесение любых изменений в текст классика. Она

---

[63] См. Б. В. Томашевский и Г. М. Фридлендер. Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя. «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», т. XI, вып. 1, 1952, стр. 49—60; Н. Ф. Бельчиков. Об издании произведений классической литературы. «Советская книга», 1952, № 7, стр. 3—12

может отменить работу специалиста-текстолога подготовителя и внести в нее свой корректив. Между тем от редколлегии (при настоящих условиях) трудно ожидать тщательного рассмотрения сложных текстологических вопросов, обычно связанных с детальным анализом источников текста, их сопоставлением и тому подобными процессами, требующими длительного времени и специальных навыков. Такие случаи приобретают особую остроту при получении сигналов из издательства в процессе печатания текстов, сигналов, требующих срочного, незамедлительного разрешения того или иного текстологического казуса[64].

Признание недостаточного контроля работы составителя со стороны редакционных коллегий и ответственных редакторов вызвало введение особой категории работников по изданию классиков — контрольных рецензентов.

Последние обычно представляют развернутые рецензии на подготовленный и отредактированный том издания, рассматривают его тексты и сопроводительный аппарат, но вовсе не ставят себе задачей проверку подготовки текста по источникам полностью, от начала до конца. В лучшем случае проверка делается «на выборку», и если эта «выборка» обнаруживает небрежность подготовителя, последнему предлагается вновь пересмотреть и проверить свою работу. Между тем дело вовсе не только в случайных пропусках, неправильно прочитанных текстах и других обычных ошибках текстологов. Гораздо более опасен неправильный метод, который может применять текстолог, предоставленный сам себе, предпочтение, которое он оказывает тому или иному источнику текста, система исправлений, которые он вносит в основной текст. Тут надеяться на сигналы контрольного рецензента трудно, решение таких принципиальных вопросов обычно выходит за границы его компетенции.

В результате в ряде изданий при наличии высококвалифицированной редакционной коллегии, при наличии не менее квалифицированного ответственного редактора тома, при одном или даже двух контрольных рецензентах подготовитель текстов может оказаться также работающим за свой страх и совесть, «на необитаемом острове», как кустарь-одиночка текстолог, отвечавший за тексты классиков в дореволюционное время. Обсуждение и решение текстологических вопросов в коллективе специалистов, ответственных за подготовку текстов и строго следящих за соблюдением основных текстологических принципов, до сих пор нельзя считать вполне налаженным.

---

[64] См. случай, изложенный выше, на стр. 66—80.

9

Как показал богатый опыт дореволюционной и советской текстологии, самый квалифицированный и осторожный текстолог, работая в одиночку, не застрахован от промахов и заблуждений, ведущих к искажению текста. Поэтому в основу научно организованной текстологической работы должен быть положен принцип коллективности. Этот принцип должен быть, конечно, не только формально провозглашен (как это иногда бывает в существующих редакционных коллективах), но и неукоснительно проводиться на деле. Желательно организовать работу так, чтобы и выбор основного текста и все без исключения вносимые в него исправления, вплоть до перестановки запятой, были подвергнуты рассмотрению, обсуждению и одобрению в коллективе специалистов, вникающих в историю вопроса, учитывающих всю аргументацию и решающих вопрос по существу, а не формально.

Такого рода постановка текстологической работы имела место лишь в отдельных случаях в редакционных коллегиях, готовивших издания классиков. В редакционной коллегии академического издания собрания сочинений Пушкина, состоявшей из крупнейших специалистов-пушкиноведов и к тому же энтузиастов своего дела, вопросы текста (особенно в первых томах) были предметом коллективного обсуждения, хотя, может быть, и не с той исчерпывающей полнотой, которой требовало издание. То же можно сказать о юбилейном издании Толстого. Но не редки случаи, когда редакционные коллегии обсуждают вопросы текста скорее в порядке исключения, чем правила.

Новый опыт постановки текстологической работы имел место в практике издания 30-томного собрания сочинений Горького. Порученное Институту мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, это издание не возглавлялось ни особой редакционной коллегией, ни главной редакцией. Отдельные тома этого издания не имели особых ответственных редакторов. Работа проводилась коллективом горьковедов под руководством и надзором текстологической комиссии, избранной из специалистов горьковедов и текстологов и утвержденной ученым советом Института.

Текстологическая комиссия разработала план издания, инструкции по подготовке текстов, их орфографии и пунктуации и следила за их выполнением. Как выбор основного текста, так и внесение каждого исправления в основной текст обсуждались на многочисленных заседаниях текстологической комиссии. Ее постановления по этим вопросам закреплялись в протоколах. Была выработана особая форма, согласно кото-

рой подготовители текста представляли на заседание текстологической комиссии результаты своей работы по сопоставлению разных источников текста и свои выводы по поводу их разночтений. Этот документ (так называемый «паспорт» текста произведения), на котором в результате обсуждения закреплялось решение текстологической комиссии по принятию того или иного текста, вместе с протоколами заседаний комиссии отражает работу над текстами в данном издании и объясняет, почему публикуется тот, а не иной текст произведения, почему в текст внесены те или иные исправления и т. п. Конечно, и здесь издание не было гарантировано от некоторых ошибок, особенно в начальной стадии работы, однако их процент при огромной сложности стоявшей перед текстологической комиссией задачи очень невелик [65].

Система, принятая при издании собрания сочинений А. М. Горького, в настоящее время уже получила распространение. Она принята в Отделе издания классиков Гослитиздата, где составление «паспортов» на текст стало обязательным и где обсуждение вопросов, связанных с текстами, поручается специальной текстологической комиссии.

Надо, однако, отметить, что текстологическая комиссия может гарантировать лишь от произвольного решения текстологом-подготовителем того или иного вопроса, который он выносит на разрешение комиссии, но она не может, конечно, проделать вместе с ним всю работу, проследить, все ли случаи, требующие разрешения комиссии, им выявлены и внесены в «паспорт» и нет ли в работе иных ошибок и промахов. Для такого контроля желательно назначение особых контрольных текстологов, проверяющих законченную подготовителем работу и вместе с ним докладывающих текстологической комиссии о результате своей проверки. Контрольные текстологи особенно необходимы, когда в основу текста берется автограф, при чтении которого наиболее часто могут возникать искажения текста.

Коллективная работа текстологов нужна не только при подготовке каждого научного издания классиков, но и при массовом издании в том случае, если тексты издаваемого писателя не установлены были ранее в предшествующих научных изданиях. Очень важно, чтобы текстологическая работа, производившаяся при подготовке издания, находила отражение, хотя бы в самой сжатой форме, в виде специальных текстологических комментариев, сопровождающих текст и предшествующих комментариям историческим, филологическим

[65] См. в настоящем сборнике статью И. С. Ежова, написанную на основании опыта этого издания и подводящую итоги работы текстологической комиссии.

и др. В настоящее время не только специалисты-исследователи, но и широкие круги читателей (как об этом свидетельствуют отголоски в печати) хотят знать, как готовился текст данного классика, какой источник был положен в его основу, какие исправления и на каком основании вносились в текст.

К сожалению, даже академическое издание Пушкина оказалось в этом отношении непоследовательным: так, например, источник, по которому печатается «Пир во время чумы», не указан (см. т. VII, стр. 379), хотя все остальные драматические произведения такие указания имеют. В массовых же изданиях обычен «разнобой», когда редактор то укажет источник, то умолчит о нем. Примером может служить четырехтомное издание Лермонтова 1953 г. (приложение к «Огоньку»), редактор которого, И. Л. Андроников, оказался очень непоследовательным в своих текстологических комментариях. В то время как к одним произведениям дается совершенно излишнее для массового издания подробное изложение истории источников текста (например, «Сашка», «Исповедь»), другие лишены даже краткой справки о том, какой текст взят редактором за основу (например, «Хаджи-Абрек»).

Наличие в изданиях исчерпывающих сведений о проделанной текстологической работе помогает критически проверить труд текстологов при оценке издания и избежать повторения ошибок. Примером может служить академическое издание Гоголя, текстологический аппарат которого облегчил критическую оценку неверных методов работы, примененных в этом издании некоторыми его участниками.

До известной степени поучительно в этом отношении и «Полное собрание художественных произведений» Ф. М. Достоевского (ГИЗ, 1926—1927). Редакторами проделана большая работа по сличению прижизненных печатных изданий, разночтения которых напечатаны после текстологических примечаний. Но хотя в этом издании дается перечень всех печатных источников текста и указывается, по какому из них печатается произведение, основание выбора источника не дается. Не объясняется также, чем руководствовались редакторы, выбирая разночтения то из одного, то из другого источника и включая их в публикуемый текст. Следя за звездочками, которыми отмечены предпочтенные редакторами разночтения, нельзя уловить систему, положенную в основу отбора, а бессистемность наводит на мысль о вкусовом принципе, т. е. субъективной оценке «хуже» — «лучше».

На обязанности коллектива текстологов, входящих в текстологическую комиссию, лежит задача предохранить издание не только от произвола и заблуждений отдельных подготови-

телей текстов, но и от нарушения основных принципов подготовки текстов редакционными коллегиями, главными редакциями (если такие имеются), а также издательскими редакторами. Хотя спорные вопросы, по которым текстологическая комиссия не могла прийти к единогласному решению, и должны выноситься на решение редколлегий, ученых советов и других вышестоящих инстанций, тем не менее ни одна из них не должна без согласования с текстологической комиссией и без ее санкции вносить изменения в тексты, уже рассмотренные и утвержденные текстологической комиссией. Еще в большей мере это относится к деятельности редакторов издательств. Лишь всячески охраняя авторитет текстологической комиссии как высшего по своей компетенции органа, отвечающего за подготовку текстов, издательства смогут избегнуть искажений публикуемых текстов и выполнить свою «первейшую» задачу — давать советскому читателю «отличные издания произведений классиков и советских писателей»[66].

Рассмотрев вопрос о том, как было бы желательно организовать работу по подготовке изданий классиков, остановимся на тех требованиях, которые советская текстология предъявляет к так называемому составителю-подготовителю текстов. Эти требования вытекают из перечисленных выше обязанностей, возлагаемых на текстолога.

Текстолог должен быть исследователем — филологом и историком литературы. Мы полностью согласны с утверждениями современного польского филолога профессора Конрада Гурского, который в своем труде об «эдиторском искусстве» ставит работу текстолога в тесную связь с методами филологической науки. Задача текстолога — правильное понимание и установление текстов — вырастает из основ филологии, пишет он. Хотя «научное эдиторство» является отраслью практической деятельности, однако оно достигает своей цели, лишь опираясь на итоги филологических исследований и пользуясь научными методами филологии[67].

Текстолог, предметом изучения которого является произведение художественного слова, должен быть специалистом

[66] «Правда», 20 мая 1952 г. Передовая статья «За высокую идейность в работе издательств!».

[67] См. Konrad Górski. Sztuka edytorska. Zarys teorii. Варшава, 1956, стр. 10. Книга К. Гурского, в основной своей части посвященная вопросам критики текста (анализу его источников, выбору основного текста и исправлению вкравшихся в него искажений), представляет большой интерес для советских текстологов. Мы особенно ценим стремление К. Гурского построить теорию «научного эдиторства» (термин, который по своему содержанию приближается к нашему пониманию текстологии), опираясь на достижения большой практики в области научных изданий. О книге К. Гурского См. «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», 1956, т. XV, вып. 6, стр. 552—555.

в области языка той эпохи, к которой относятся подготовляемые им к печати тексты писателей.

Как правило, тексты русских классиков печатаются по новой орфографии, но с соблюдением тех особенностей начертаний слов, которые отражают их произношение, характерное для эпохи или для данного автора. Так, например, слово «реставрация» молодой Герцен писал «рестаурация», что несомненно связано с произношением слова в его латинской форме. Такие обычные для первой половины XIX в. произношения и написания, как «три дни», «замужства», «креслы» и другие, должны непременно сохраняться в каноническом тексте классических произведений этого времени, тогда как устарелое написание слов, не отражающееся на произношении (как, например, «мильйон») должно быть приведено в соответствие с нашим современным правописанием.

Лингвистическая работа текстолога требует также его внимательного отношения к употреблению писателем редких, устарелых слов и народных, областных выражений, необычных в литературном языке. Часто непонятое слово текстолог или редактор, считая опиской или опечаткой, «исправляет», т. е. заменяет таким, какое ему кажется более подходящим. Так, например, С. А. Венгеров, комментируя рецензию Белинского 1836 г. на «Песни Тимофеева», не понял употребленного Белинским народного выражения «показалась» в смысле «понравилась» («Из всех песен г. Тимофеева нам показалась одна...») и считал, что после «показалась» пропущено какое-то слово[68].

Недопустима не только замена в тексте писателя непонятных слов словами, придуманными подготовителем текста, но и на изменение пунктуации автора текстолог не имеет права. Один из героев в романе Диккенса недаром утверждал, «что если отступить от принятой системы пунктуации, то любую из шекспировских пьес можно сделать совсем иной и совершенно изменить смысл»[69]. Нерушимость воли автора и в области пунктуации продолжает быть для текстолога основным принципом работы. Лишь там, где пунктуация автора (или ее отсутствие) затрудняет чтение или явно противоречит смыслу излагаемого, она должна быть выправлена. Каждое исправление должно быть аргументировано и обсуждено на текстологической комиссии. Механический перевод пунктуации произведений классиков на современную совершенно недопустим.

---

[68] См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 12 томах, под ред. Венгерова, т. II, 1900, стр. 598. «Очевидный пропуск слова „сносной“, „удовлетворительной“ или что-нибудь в этом роде».

[69] Ч. Диккенс. Жизнь и приключения Николаса Никльби. Детгиз, 1941, стр. 350.

Текстолог обязан хорошо изучить не только творчество писателя, тексты которого он готовит к печати, но и его идейное развитие, эволюцию его мировоззрения. Он должен изучить его жизненный и творческий путь, эстетические взгляды, отношение к современным ему литературным направлениям. Вопросы цензурного вмешательства требуют основательного знания общественно-политических условий, в которых создавалось, публиковалось или бытовало произведение, знания цензурной практики данного периода и даже практики отдельных цензоров, как об этом говорилось выше. Направление журнала, в котором печатались произведения, взаимоотношения автора с редактором и лицами, принимавшими в том или ином виде участие в редактировании, изучается текстологом по мемуарным, эпистолярным и другим материалам. Обращение к архивным документам цензурных комитетов, редакций, а иногда и к архивам лиц, причастных к изданию текстов автора, может дать ценные сведения, на основании которых устанавливается подлинный авторский текст и обнаруживаются вкравшиеся искажения. Особенно тщательно текстолог обязан изучить историю создания и публикации произведения и всех источников его текста. Так как часть источников текста составляют рукописи писателя, то текстологу необходимо уметь хорошо читать его автографы, знать практику его творческой работы. Основной труд текстолога по сличению источников текста, их сравнительному анализу, установлению их хронологической последовательности, должен базироваться на детальном изучении каждого источника в отдельности.

Таким образом, как для выбора основного текста произведения, так и для решения вопроса о наличии в нем каких-либо искажений требуется большая специальная подготовка текстолога, предусматривающая не только общие исторические и литературоведческие знания, но и знания специальные, связанные с изучением жизни и творчества определенного писателя, с созданием определенного произведения.

Может быть, не каждый литературовед-исследователь обязан быть текстологом, но каждый текстолог обязан быть литературоведом-исследователем, причем исследователем, изучающим определенную историческую эпоху, творчество определенного писателя. Существование текстологов «вообще», работающих над текстами любого из русских классиков, без всякой специализации, конечно, возможно. Подобные текстологи даже могут быть полезны в качестве опытных консультантов, имевших дело с рядом разнообразных текстологических казусов, относящихся к разным эпохам и разным писателям. Но подлинно авторитетное слово будет всегда принадлежать текстологу, специалисту по данному писателю, выступающему во всеоружии

необходимых в данном индивидуальном случае знаний. Поэтому роль, например, издательских редакторов в вопросах критики установленного текстологической комиссией канонического текста классиков не может быть значительной по самому характеру их работы, требующей постоянного переключения от текстов одного писателя к другому и исключающей подлинно исследовательскую научную работу над текстами.

Всё вышесказанное приводит к выводу, что подготовка текстолога-специалиста, вооруженного широким кругом общих и специальных знаний, а также практических навыков исследовательской работы в области анализа текстов, дело исключительно сложное и ответственное. Те условия, в каких до последнего времени создавались кадры текстологов, кадры специалистов-одиночек, десятилетиями накапливающих знания и ищущих правильного пути на свой страх и риск, вели к очень неэкономной затрате сил и не гарантировали от срывов и ошибок. При таких условиях кадры текстологов не могут планироваться в соответствии с теми потребностями, которые возникли в настоящее время при сильно возросшем и все растущем издании классиков. Условия подготовки кадров текстологов должны быть иными. Они должны отвечать тому количеству и тому качеству изданий, которых требует советский читатель. Удовлетворить эти требования, создать кадры высококвалифицированных текстологов обязаны литературоведческие исследовательские институты и университеты.

Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ АВТОРА И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ТЕКСТА

1

В классической литературе немало произведений, творческая история которых очень сложна. Нередко автор, издавая много лет спустя созданное им произведение или перерабатывая напечатанное ранее для нового издания (особенно часты случаи такого рода переработок при подготовке собраний сочинений), вносит в текст существенные изменения и поправки. Порой эти изменения бывают связаны не только с художественной зрелостью, но и с эволюцией мировоззрения автора.

Характер творческой работы автора над своими произведениями от издания к изданию обусловлен всегда его индивидуальными писательскими особенностями, своеобразием его идейно-художественного развития. Л. Н. Толстой, например, признавался, что никогда не перечитывает своих напечатанных вещей, хотя и говорил, что если ему случайно попадется какая-нибудь печатная страница, ему всегда хочется ее заново переделать[1]. Коренным переделкам не подверглось ни одно из печатных произведений Толстого, так как он действительно не обращался в позднейшие годы к созданному им в ранний период творчества. Г. И. Успенский же, например, напротив, самым решительным образом переделывал свои очерки и рассказы 60—70-х годов, когда готовил в 80-е годы собрания своих сочинений. В определенных сочетаниях, комбинациях и переработках своих очерков Успенский надеялся осуществить неотступно владевшее им желание дать обобщающие картины социальной жизни России. Кроме того, условия литературной деятельности Г. И. Успенского, связанной с постоянной спешкой, материальными затруднениями, с одной стороны, и с же-

[1] См. А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М., 1922, стр. 20.

стоким цензурным преследованием демократической литературы — с другой, привели писателя в 80-е годы к острой неудовлетворенности всем напечатанным ранее. Так возникли в собраниях сочинений Успенского его знаменитые циклы, при работе над которыми автор безжалостно переделывал свои очерки прежних лет.

Между этими двумя полярными отношениями (Толстого и Успенского) к своим старым произведениям можно встретить бесчисленное множество всякого рода разновидностей.

Помимо индивидуальных особенностей авторов, большую роль играет здесь различие в самом материале. Переработка публицистических произведений, какими в значительной мере были очерки Г. Успенского, чаще всего бывает существенной и обусловлена обычно переменой мировоззренческих позиций автора.

Кроме того, на судьбе ряда произведений, в частности и на судьбе художественной публицистики Г. Успенского, сказались не только возникавшие при переиздании новые цензурные затруднения, но и требования коммерсантов-издателей, которые не желали печатать в собраниях сочинений публицистику в полном виде и вынуждали автора сокращать ее.

Текстологическая работа в тех случаях, когда произведение подвергалось с течением времени существенной авторской переработке, представляет значительные трудности. Текстологическая практика вообще не признает механических решений, решений, не основанных на историко-литературном и филологическом анализе. Тем более порочен всякий механицизм в решении интересующего нас вопроса.

В настоящей статье, в связи с поставленной в ней задачей, внимание будет обращено на проблему выбора текста в тех случаях, когда позднейшая переработка автором своих произведений была обусловлена не только ростом его художественного мастерства, но, прежде всего, эволюцией мировоззрения. В творческом акте авторской переработки обе эти стороны — идейная и художественная — взаимно связаны; поэтому довольно условным является их разделение. Однако в целях детализации проблемы законно выделить лишь один вопрос. В стороне будут оставлены и другие, не менее важные, но все же специальные текстологические вопросы: датировка произведений, подвергавшихся с течением времени коренной авторской переделке, расположение их в общей композиции издания собрания сочинений и др.

Основным принципом современной текстологии является нерушимость творческой воли автора. «Воля» эта воплощается во всех стадиях написания и авторской переработки текста каждого произведения. Для исследователя творческой истории

данного произведения все эти стадии одинаково значительны и важны. Но при решении вопроса о тексте, который публикуется в основном составе собрания сочинений писателя-классика, текстолог не имеет права с созерцательной беспристрастностью относиться к черновику и беловику, к рукописному и печатному тексту, не должен первоначальные редакции произведения ставить выше окончательной, а обязан отдать предпочтение последнему авторскому тексту. Предпочтение это основывается на том, что последний текст обычно отражает именно ту стадию работы, когда автор доводит свое произведение до высшего художественного совершенства, до наиболее яркого выявления заложенной в нем идеи, делает его таким, каким хочет оставить его читателям, будущим поколениям. Именно последний авторизованный текст, если только он не был искажен цензурным или другим посторонним вмешательством, в наибольшей степени воплощает окончательную и потому обычно наиболее зрелую ступень в творческом волеизъявлении автора.

Творческая история классических произведений являет бесчисленное множество примеров того, как от рукописи к рукописи, от издания к изданию авторы обогащали, идейно и художественно, свои творения. В качестве далеко не исчерпывающих примеров той категории случаев, когда это обогащение было обусловлено, главным образом, изменением мировоззренческих позиций автора, могут быть названы «Портрет» и «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, «Мистерия-буфф» В. В. Маяковского, «Васса Железнова» М. Горького.

Совершенно сознательно нами взяты произведения разных эпох, чтобы на их примере можно было показать общность методики решения текстологических вопросов.

Некоторые специфические проблемы встают перед текстологом при подготовке текстов публицистических произведений, существенно перерабатывавшихся авторами в новых изданиях. В настоящей статье будет рассмотрен лишь один из многих случаев этого рода — переработка А. И. Герценом «Писем из Avenue Marigny» для издания «Писем из Франции и Италии».

В истории русской литературы бывали и такие, правда, очень редкие, случаи, когда автор, обратившись к переработке произведения, портил его и в идейном и в художественном отношении. Случаев таких немного, но они есть и ставят перед текстологом особенно трудные задачи. Самая возможность такого движения вспять, а не вперед в практике писателей прошлого была вызвана сложностью исторических условий, в которых происходило их творческое развитие. Самодержавная действительность коверкала творчество выдающихся писа-

телей не только бесконечными преследованиями, цензурным гнетом и принудительной автоцензурой, но и тем, что вызывала духовные, идейные кризисы. Незрелость социальных сил создавала историческую ограниченность мировоззрения ряда больших художников-реалистов. Некоторые писатели заходили в тупик, мучились безысходными противоречиями. Так было с Гоголем на склоне его жизни, с Писемским, Достоевским. Исключительно сложным оказалось творческое развитие Г. Успенского.

Не все писатели, резко эволюционировавшие в своем мировоззрении, обращались в позднейшие годы к переработке и публикации в новой редакции ранних произведений. Иные, как это было с Достоевским, начавшим в 60-е годы перерабатывать повесть «Двойник», не доводили своей переделки до конца. Иные хотели, но не напечатали переработанной редакции, как, например, Гоголь, которому не довелось увидеть напечатанной новую «Развязку Ревизора». Г. Успенский же напечатал переработанные редакции своих произведений, А. И. Куприн издал, находясь в эмиграции, новый текст «Поединка».

Порою, совершенствуя, шлифуя в позднейших изданиях художественную форму своего произведения, автор одновременно в известной мере обеднял его идейно. Такова печатная история «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Очевидно, что если мы не соглашаемся с теми искажениями, которые происходят в тексте классических произведений от цензуры или автоцензуры, в такой же мере нельзя следовать «воле» писателя, который вследствие тяжелого духовного кризиса (иногда сопровождаемого душевной болезнью), портил свои произведения.

Наконец, самую большую сложность представляет текстологическая работа в тех случаях, когда авторская позднейшая переделка произведения свидетельствует о неустойчивости мировоззрения автора, носит противоречивый, сложный характер. Творчество Г. И. Успенского и А. Ф. Писемского представляет в этой группе необыкновенно интересный, спорный и еще далеко всесторонне не исследованный материал.

2

Если в переработке произведения ту или иную роль сыграла эволюция мировоззрения автора, результатом переработки непременно является н о в а я р е д а к ц и я текста. Литературоведу такие произведения дают благодарный и в высшей степени наглядный материал для исследования творческого развития писателя, перед текстологом они ставят серьезные проблемы — о выборе текста, датировке произведения и др.

Позднейшая правка автором своих произведений, как правило, связана с их художественным совершенствованием, идейным обогащением. Классическим примером такого рода может служить творческая история двух повестей Н. В. Гоголя — «Портрета» и «Тараса Бульбы».

В литературе о Гоголе уже производилось сопоставление разных редакций этих повестей[2].

Необходимо только выделить и оттенить те моменты в изменениях текста, которые обусловлены идейной эволюцией автора.

Замысел «Портрета» тесно связан с тем, что глубоко волновало Гоголя в середине 30-х годов и нашло воплощение в ряде его статей об искусстве, включенных, как и «Портрет», в сборник «Арабески» (1835). Отношение искусства к жизни, назначение искусства — эти основные вопросы эстетики поставлены Гоголем в его взволнованном рассказе о судьбе художника Чарткова. Мысль о том, что произведение искусства должно соответствовать истине и замыслу художника, что художник обязан следовать действительности и законам искусства, иначе он изменит самой природе искусства, и тогда ему грозит самоуничтожение, — выражена достаточно ясно и в первой, и в окончательной редакциях «Портрета».

Но в редакции 1841—1842 гг. Гоголь в значительной мере устранил из повествования фантастически-мистический элемент, усилил реалистический колорит, а эстетические вопросы перевел из религиозно-нравственного плана по преимуществу в план социальный.

Одно из важных изменений связано с тем, как объясняется нечеловеческая, страшная, губительная сила портрета старого ростовщика. В первоначальной редакции повести Гоголь отказывается признать этот портрет произведением искусства, потому что в нем сказалось какое-то «сверхъестественное волшебство, выглянувшее мимо законов природы». И далее развивается мысль об истребительном воздействии таинственных демонических сил, когда они вторгаются в жизнь художника. Их воздействие проявляется в разных формах (беспокойство и неестественная подозрительность у отца рассказчика, страсть к золоту у Чарткова), но последствия его всегда одинаково губительны. Для человека и для художника существует определенная черта, дальше которой не должно идти воображение, — рассуждает герой повести в первоначальной редакции, глядя на портрет ростовщика. В глазах,

---

[2] См. комментарий во II и III томах Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя (академическое издание); комментарий во 2-м и 3-м томах Собр. соч. Н. В. Гоголя (М., Гослитиздат, 1949 и др.); книги: С. Машинского «Историческая повесть Гоголя» (М., 1940) и М. Б. Храпченко «Творчество Гоголя» (М., 1954).

нарисованных на портрете, он видит «ужасную живость» — кусочек «ужасной действительности». Чересчур близкое подражание природе, заключает он, «так же приторно, как блюдо, имеющее чересчур сладкий вкус»[3].

В позднейшей редакции здесь проводится другая мысль — непосредственное следствие перемен, происшедших в социально-философских и эстетических взглядах самого писателя. Он утверждает теперь, что страшно — не следование «ужасной действительности», а такое воспроизведение ее, которое сделано безучастно, бесчувственно и потому лишено «чего-то озаряющего». Гоголь развивает тезис о том, что «рабское, буквальное подражание натуре есть уже проступок и кажется ярким, нестройным криком»[4]. Художник должен быть верен природе, повторяет Гоголь мысль, высказанную в первой части ранней редакции «Портрета» и в написанной в ту же пору статье «Несколько слов о Пушкине» (1832). Но его представление о реализме в конце 30-х—начале 40-х годов значительно обогатилось. Мысль о том, что поэт может остаться поэтом и быть верным истине и тогда, когда он изображает яркие, необыкновенные явления, и тогда, когда он обращается к самым обыденным предметам, в последней редакции «Портрета» находит глубокое объяснение. «Простая, низкая природа является у одного художника в каком-то свету, и не чувствуешь никакого низкого впечатления», у другого «кажется низкою, грязною, а между прочим он так же был верен природе». Происходит это потому, что в первом случае все изображение одухотворено, озарено особенным, заинтересованным, сознательным отношением автора, во втором же нет ничего, кроме механического следования природе.

Напряженные размышления убежденного и опытного художника-реалиста сменили в окончательной редакции «Портрета» недоумения и сомнения, имевшие место в первоначальном тексте повести. «Во всем умей находить внутреннюю мысль», — это главный, по убеждению Гоголя, завет художнику. Уход Чарткова от мысли, от труда, от жизни представлен во второй редакции «Портрета» как отказ от изображения и мужика, и комнаты «со всем сором и дрязгом». Повседневная действительность, в которой художник способен находить подлинную поэзию или которой он противопоставляет подлинную поэзию, свой идеал, — эстетический принцип Гоголя в период создания второй редакции «Портрета».

Во второй редакции «Портрета» основное авторское задание сохраняется: рассказать о том, как искусство гибнет, под-

---

[3] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. III, стр. 406.
[4] Там же, стр. 88.

чинившись власти золота, отказавшись от правды и общественного служения. Но в редакции 1841—1842 гг. самая мысль эта углубляется, приобретает черты последовательной защиты реализма в искусстве, в противовес пустой «идеальности» и слепому копированию действительности, и, соответственно, становится более реалистическим образное, художественное воплощение идейного смысла повести.

Ранняя и позднейшая редакции «Портрета» не равнозначны: вторая совершеннее первой и в идейном, и в художественном отношении. Она, естественно, отменяет первоначальную редакцию, является основным текстом произведения. Но в академическом издании с бесспорной необходимостью перепечатывается из «Арабесок» первоначальная редакция «Портрета», имеющая большой историко-литературный интерес; в массовых же изданиях, где печатается один последний текст, в примечаниях непременно указывается на существование ранней редакции.

Аналогичную картину представляет и творческая история повести «Тарас Бульба», хотя переработка ее была более значительной. Идейное наполнение повести существенно изменилось в процессе переработки и связано оно прежде всего с изменением исторических и социальных взглядов Гоголя, с иным его представлением в конце 30-х —начале 40-х годов об исторической роли народа и национально-освободительном движении на Украине.

И все же нельзя не согласиться с В. Г. Белинским, который писал, что Гоголь не прибавил к новой редакции «Тараса Бульбы» ничего такого, что бы противоречило духу повести, и остался верным основной ее идее. От изменений повесть стала «вдвое обширнее и бесконечно прекраснее» [5], во всей полноте развернулось в ней то, что лишь намечено было в первоначальном тексте.

Характер переработки «Тараса Бульбы» обусловливает и решение текстологических вопросов. В основном тексте, в составе цикла «Миргород» (вышел впервые в свет в 1835 г.), печатается редакция 1842 г., что отмечается в комментариях, а в академическом издании публикуется и первоначальная редакция.

Порою автор, создав новую редакцию и напечатав ее, не отменял ранее опубликованного текста. Так было с «Мистерией-буфф» В. Маяковского. В собрание своих сочинений поэт включил, в основном составе, обе редакции «Мистерии». Так же печатается она и во всех современных изданиях собраний сочинений Маяковского.

[5] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 660—661.

Переработка Маяковским в 1921 г. своей пьесы 1918 г., воплотившей, по его собственным словам, «дорогу революции», была обусловлена прежде всего тем, что поэт считал злободневность основным стержнем «Мистерии-буфф» и решил новую постановку «Мистерии» сделать актуальной для новых дней в жизни Советской Республики.

Характер изменений «Мистерии-буфф» во второй редакции достаточно полно раскрыт в комментариях к пьесе[6].

Вторая редакция «Мистерии-буфф» не отменяет первую, потому что редакция 1918 г. наполнена современным ей содержанием, редакция 1921 г. — современным ей, и, по замыслу автора, могло быть множество других редакций, а по существу — новых произведений. Во вступлении ко второй редакции Маяковский писал: «В будущем все играющие, ставящие, читающие, печатающие „Мистерию-буфф", меняйте содержание, — делайте содержание ее современным, сегодняшним, сиюминутным».

В переработке Маяковским «Мистерии-буфф» существенно не только то, что она была вызвана изменением политической обстановки за два с лишним года, прошедшие со времени окончания первой редакции, но и то, что на характере переработки явственно отразился творческий рост поэта, для которого «имела очень большое значение его практика политической, агитационной работы, особенно работы в РОСТА»[7].

Годы революционного исторического развития для всех больших художников становились периодом значительных, а порою и коренных перемен в их мировоззрении. Так это было не только с Маяковским, но и с М. Горьким. Неслучайно, обратившись в 1935 г. к переработке своей старой пьесы 1910 г. «Васса Железнова», М. Горький по существу не переделал ее, а написал почти всю заново. Однако история создания «Вассы Железновой» существенно разнится от истории создания «Мистерии-буфф». Характер и смысл отличий новой редакции «Вассы Железновой» от старой раскрыты Б. Бяликом в его книге «Драматургия М. Горького советской эпохи». «Второй вариант „Вассы Железновой" был создан не в дополнение к первому, а взамен его», — справедливо пишет Б. Бялик[8]. Первая и вторая редакции пьесы относительно самостоятельны, но далеко не равноценны. Последняя редакция была создана именно потому, что Горький был крайне не удовлетворен первой.

И. Н. Берсеневу Горький телеграфировал 22 декабря

---

[6] См., например, В. В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 3. М., 1939.

[7] В. В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 3, стр. 426.

[8] Б. Бялик. Драматургия М. Горького советской эпохи. М., изд-во АН СССР, 1952, стр. 226.

1935 г.: «Прошу приостановить репетиции, в январе дам совершенно новый текст с новыми фигурами. Не вижу никакого смысла ставить пьесу в ее данном виде», а затем писал В. И. Немировичу-Данченко: «Второй МХАТ собрался ставить весьма неудачную пьесу мою — „Васса Железнова". Я попросил Берсенева не делать этого, обещая изменить пьесу, что мною исполнено» [9].

Совершенно очевидно, что основным текстом пьесы «Васса Железнова» является ее вторая редакция [10].

Таким образом, решение вопроса о публикации художественных произведений, обогащавшихся идейно и художественно от издания к изданию, в связи с творческим ростом автора, с эволюцией его мировоззрения, должно исходить из того, как сам автор разрешал этот вопрос в прижизненных изданиях сочинений, а также из анализа произведенной в новом издании переработки.

Обе редакции могут избираться в качестве основных текстов только тогда, когда сам автор включал их в основной состав прижизненных собраний сочинений. В остальных случаях, как правило, в качестве основного печатается последний авторский текст, но в научном издании в разделе других редакций обязательно публикуется первоначальная редакция, поскольку она представляет историко-литературный интерес; в массовых изданиях существование другой, первоначальной редакции оговаривается в примечаниях.

* * *

Более сложным становится решение текстологических вопросов, если исправленная редакция не была напечатана при жизни автора, хотя и сохранилась в его архиве. Так случилось с «Русскими ночами» В. Ф. Одоевского.

История текста этого произведения привлекала внимание многих исследователей, вызвала немало споров. Горячая полемика началась в 1913 г., когда С. А. Цветков осуществил новое издание «Русских ночей», введя в текст изменения, которые сделал В. Ф. Одоевский в 60-е годы.

«Русские ночи» были задуманы Одоевским еще в 20-е годы, отдельные их части напечатаны в 30-е годы, а в полном виде появились они в 1844 г. в первой части «Сочинений князя В. Ф. Одоевского». В 60-е годы, на склоне жизни задумав переиздать книгу, ставшую к тому времени библиографической

---

[9] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 30. М., Гослитиздат, 1956, стр. 415.

[10] Представляется спорным включение обеих редакций в основной состав последнего, 30-томного собрания сочинений М. Горького.

редкостью, Одоевский обратился к экземпляру издания 1844 г. и по нему стал исправлять текст. Большинство внесенных поправок носит стилистический характер, некоторые касаются существа, смысла. Однако писателю не удалось, очевидно, выправить текст в той мере, в какой он сначала собирался это сделать, и в сохранившемся черновике предисловия к новому (неосуществленному) изданию «Русских ночей» он писал: «Я полагал в них многое исправить, многое переделать, но вскоре убедился, что такое дело — невозможно. Семнадцать лет — есть почти половина деятельной жизни. В такой период времени многое передумалось, многое забылось, многое наплыло вновь — нет возможности попасть в тот лад, с которого начал; камертон изменился; и внутренняя жизнь и внешняя среда — другие; всякая переделка будет не живым органическим произведением, но механическою приставкою».

Далее Одоевский обосновывает, почему невозможна для автора позднейшая переделка созданного некогда произведения: всякое человеческое слово, по мысли Одоевского, есть выражение духа эпохи и среды, «исторический факт», «не принадлежащий так называемому сочинителю» после того, как однажды это слово было сказано. Свое предисловие он заключает следующим образом: «Эта книга является в том самом виде, как она была издана в 1844 году; я позволил себе исправить лишь некоторые, слишком явные промахи (не все!), пополнить вольные и невольные пропуски, ввести некоторые статьи, при первом издании забытые, некоторые новые, и наконец присоединить особо примечания, которые, сколько мне кажется, могут иметь некоторое историческое значение» [11].

Основываясь на этом предисловии, располагая экземпляром с правкой Одоевского, С. А. Цветков в новом издании «Русских ночей» ввел позднейшую правку автора в текст. И тотчас же по выходе издания в журнале «Голос минувшего» П. Н. Сакулин опубликовал рецензию, в которой решительно восстал против С. А. Цветкова, обвиняя его в том, что он дал «*искаженный* текст „Русских ночей“». «Какое бы значение ни придавали мы „Русским ночам“ для современного читателя, — писал П. Н. Сакулин, — нельзя отрицать, что это произведение есть прежде всего памятник нашей литературы и общественности в период 30-х годов. Для нас „Русские ночи“ дороги в том самом виде, в каком они появились в 1844 году, со всеми особенностями их языка и стиля. Без точного воспроизведения текста 1844 г. издание не может быть пригодно для научных целей. Во-вторых, редакционные изменения вовсе не так

[11] В. Ф. Одоевский. Русские ночи, под ред. С. А. Цветкова. М., 1913, стр. 5—7. Далее «Русские ночи» цитируются по этому изданию.

ничтожны, как это кажется г. Цветкову. Очевидно, ему совершенно неизвестно, что Одоевский шестидесятых годов существенным образом изменил свой взгляд на то идеалистическое миросозерцание, которое выразилось в „Русских ночах“, и, следовательно, всякая ретушировка через двадцать лет не может не повести к изменению первоначального рисунка. Так оно в действительности и есть. Когда Одоевский писал свой „Бал“, никакой войны у него и в мыслях не было; генезис его творческой мысли был совершенно другой. Точно так же и в прочих случаях, которые на поверхностный взгляд могут показаться незначительными. Вовсе не безразлично, что фразу: „Где же сила *молитвы*, двигающей горы?“ — автор переделывает так: „Где же сила *любви*, двигающей горы?“. Слово „молитва“ прекрасно гармонирует с мистицизмом Одоевского в тридцатых годах, а понятие „любовь“ чуждо этого специфического оттенка. Или в эпилоге Фауст вдруг заговорил о папе и иезуитах, о том, чем, действительно, занята была мысль Одоевского в 60-х годах и что звучит полным диссонансом в устах Фауста 30-х годов» [12]. Критикуя издание под редакцией С. А. Цветкова, П. Н. Сакулин выражал пожелание, чтобы новое издание «Русских ночей» было сделано по изданию 1844 г. и не заключало позднейших авторских изменений.

Снова о тексте «Русских ночей» заговорил Г. О. Винокур в своей книге «Критика поэтического текста». Г. О. Винокур согласился с П. Н. Сакулиным в том, что в 60-е годы Одоевский поддался влиянию распространенных тогда материалистических убеждений и его позднейшие «изменения действительно искажают основной смысл и своеобразие „Русских ночей“, и научная критика, основывающаяся на истории общественных и философских идей, вправе отвергнуть эту позднейшую авторскую редакцию» [13]. Анализ изменений, сделанных Одоевским в тексте «Русских ночей», привел Г. О. Винокура к выводу, что в большинстве своем они касались стиля, уточнения смысла, и потому Г. О. Винокур был против того, чтобы механически воспроизводить издание 1844 г. «Позднейшие поправки Одоевского, — писал Г. О. Винокур, — должны быть изучены каждая в отдельности, и только конкретный анализ каждой даст ответ на вопрос — какие из них должны быть введены в основной текст, а какие нет. И если по отношению к тем из поправок, которые искажают идеологию „Русских ночей“, вполне применимы возражения Сакулина, то что можно возразить против чисто стилистических поправок, которых не так-то мало, а может быть и большинство?» [14].

[12] «Голос минувшего», 1913, № 6, стр. 259.
[13] Г. О. Винокур. Критика поэтического текста. М., 1927, стр. 48.
[14] Там же, стр. 49.

Г. О. Винокур выдвинул против аргументации П. Н. Сакулина справедливый довод: «...Уверения Одоевского в черновом предисловии к несостоявшемуся новому изданию, что он отказался от переделок, ибо они оказались бы только „механическими приставками", можно оценить лишь как литературный прием, в крайнем случае как признание, что ему не удалось осуществить *всех* предполагавшихся перемен» [15].

Наконец, в 1954 г. Н. Ф. Бельчиков в своей статье «Советская текстология и ее задачи», помещенной в «Вестнике Академии наук СССР», № 9, заявил, что своими позднейшими поправками В. Ф. Одоевский исказил текст «Русских ночей» и принимать их во внимание, издавая текст этого произведения, не следует.

Кто же прав в этом споре? И какой текст следовало бы печатать, если бы встал вопрос о новом издании «Русских ночей»?

Решение этого вопроса сводится, прежде всего, к определению критерия, принципа, на основе которого должна осуществляться научная критика текста.

Из чего исходил П. Н. Сакулин, когда критиковал издание под редакцией С. А. Цветкова? Из того, что всякое произведение является памятником своей эпохи, а позднейшие наслоения в тексте, даже если они исходят от автора, есть искажения, которые необходимо устранять. По его мнению, даже если бы Одоевскому удалось осуществить новое издание «Русских ночей», в научном издании следовало бы предпочесть первоначальный текст 1844 г.

Основателен ли этот принцип, выдвинутый П. Н. Сакулиным? К каким последствиям привело бы распространение этого принципа на научные издания писателей-классиков?

Принцип этот не может стать основополагающим в научной критике текста при включении произведения в собрание сочинений (или во всякое другое издание, не преследующее узких историко-литературных, специальных целей), — потому что рассматривает литературное произведение с одной стороны — его временного смысла и значения. Действительно, всякое литературное произведение — памятник своей эпохи; но классическое искусство каждой эпохи имеет непреходящий интерес, потому что не только отражает в своем содержании и стиле дух своего времени, а является также достоянием общенациональной культуры, как и культуры всего человечества. Именно поэтому последующие поколения должны прежде всего знать то содержание и ту форму, которые получило произведение искусства в своем окончательном, наисовершен-

[15] Г. О. Винокур. Критика поэтического текста, стр. 48.

ном, с точки зрения автора, виде. Если действовать по Сакулину, то «Портрет» и «Тараса Бульбу» Гоголя следовало бы печатать в редакции 1835 г., ибо первоначальные редакции представляют Гоголя, создателя этих произведений, а в позднейших переработках виден Гоголь «искаженный», Гоголь начала 40-х годов. С нашей точки зрения, Гоголь, переработавший в 1842 г. свои повести, ничуть не менее «подлинный», чем раньше. Даже более «подлинный», потому что он стал более зрелым мыслителем и опытным художником.

Иное дело — переиздание литературных произведений, как памятников определенной эпохи, в специальных изданиях. В этом случае возможна, конечно, перепечатка и первых изданий, и рукописей, если они представляют научный интерес.

С точки зрения Г. О. Винокура, научная критика текста основывается на двух критериях — художественном и идейно-историческом. Позднейшие художественные изменения текста Винокур готов принять, а идейные — представляются ему, как и П. Н. Сакулину, искажением, порчей текста. «Писатель, искажающий из посторонних, не художественных побуждений свой собственной текст, — писал Г. О. Винокур, — с точки зрения художественной критики заслуживает принципиально такого же отношения, как и неискусный переписчик»[16]. Правда, далее Г. О. Винокур оговаривается, что при этом нужно только до конца быть уверенным, что речь идет о действительном искажении, а не изменении художественного замысла; однако, как наглядно свидетельствует позиция Г. О. Винокура относительно «Русских ночей», это заявление не распространилось на решение им практических вопросов текстологии.

С нашей точки зрения, критика текста должна исходить из **принципа нерушимости творческой воли автора**. Историко-литературный, художественный, филологический и всякий другой анализ служит лишь средством для правильного осуществления этого принципа, но отнюдь не для того, чтобы, ссылаясь на необходимость «правильно» воссоздать историю общественных и философских идей или исходя из субъективных оценок художественных достоинств той или иной редакции, отвергать позднейшие авторские изменения и переделки текста.

В истории классической литературы нет примеров, когда бы позднейшая авторская переработка носила механический характер. В той или иной мере, но она всегда является творческим актом. Если эта переработка влечет изменение идейного содержания произведения, текстолог, конечно, не имеет права умолчать о том, когда произошла переделка, чтобы не порож-

---

[16] Г. О. Винокур. Критика поэтического текста, стр. 46.

дать в читателе превратных представлений об идейном развитии писателя. Но если правка от издания к изданию была только стилистической, текстолог, избирая в качестве основного последний авторизованный текст и помещая его под ранней датой (создания произведения), также допускает известное смещение хронологии, которое необходимо должно быть оговорено в примечаниях, чтобы не породить превратного представления о художественном развитии писателя. Отсюда, главным образом, и вытекает обязательность для научного издания раздела «Других редакций и вариантов». Отказываться же от позднейшей редакции как основного текста можно лишь в том случае, если в результате переработки текст был действительно искажен, испорчен, а не изменен автором.

Что же, в случае с «Русскими ночами» Одоевского произошла порча, искажение идейного смысла произведения? Сравнение текстов показывает, что ничего подобного не произошло.

Помимо стилистических перемен, уточняющих, улучшающих текст, В. Ф. Одоевский, готовя новое издание, ввел дополнительно немало подстрочных примечаний, в которых он указывает источники тех или иных мыслей, материалов своего произведения, раскрывает намеки, а иные места дополнительно комментирует. В одном из примечаний появилась полемика со славянофилами. Однако никаких сколько-нибудь существенных следов увлечения материалистическими теориями в новой правке Одоевского нет. Философия «Русских ночей», какими они стали в 60-е годы, не менее идеалистична, чем ранее. Правда, в некоторых местах Одоевский социально заострил текст. Так, в издании 1844 г. он возмущался терпимостью «к состоянию американских негров», в позднейшем тексте — «к возмутительному рабству негров и беспощадному самоуправству южных американских плантаторов американских негров».

В тексте эпилога, в рассуждении, касающемся «искусства обманывать и, что еще страннее, обманываться сознательно», была сделана вставка относительно пап и иезуитов, которую упоминал в своей рецензии П. Н. Сакулин: «Древний грек или римлянин верил или не верил оракулу, Палладе, Зевсу, теперь мы знаем, что оракул лжет — а все-таки ему верим. Девять на десять так называемых римских католиков не верят ни в непогрешительность папы, ни в добросовестность иезуитов, и девять на десять готовы хоть на ножи за то и другое».

Был ослаблен религиозный колорит. Помимо замены «силы молитвы» на «силу любви», о которой писали П. Н. Сакулин и Г. О. Винокур, можно было бы, в этом смысле, отметить следующую замену:

...по обряду лютеровой церкви, должен был предстать пред алтарем божиим.	...должен был явиться на так называемую в лютеранской церкви конфирмацию.

Особенно значительной переработке подвергся «Бал». Фантастическая картина пляски смерти после веселого бала в представлении Одоевского 60-х годов ассоциируется с тяжкими последствиями Севастопольской войны. Эпизод наполняется, взамен отвлеченно-мистического, конкретным содержанием. Одоевский изменяет эпиграф, пишет дополнительно несколько абзацев, переменяет ряд выражений в самом рассказе.

Все эти изменения хотя и говорят о том, что в них виден отчасти Одоевский 60-х годов, но отнюдь не свидетельствуют о порче текста.

Ввиду сказанного следует признать основательным решение, принятое С. А. Цветковым при издании «Русских ночей» в 1913 г. Отвергать позднейшую правку Одоевского, сделанную им для нового, хотя и неосуществленного издания, нет никаких оснований.

* * *

Особенно существенной становится проблема выбора основного текста, когда автор, в связи с эволюцией мировоззрения, перерабатывал публицистические или литературно-теоретические произведения. В публицистике гораздо более непосредственно, сравнительно с художественными произведениями, отражается злободневная современность, а необходимость прямо высказать свое отношение к ней заставляет автора открыто выражать свои взгляды и убеждения. Принцип нерушимости творческой воли автора действителен в отношении публицистических произведений так же, как и произведений художественных. Основным текстом и в публицистике служит, как правило, последний авторизованный текст. Но в тех случаях, когда от издания к изданию автор существенно перерабатывал публицистические произведения, необходимо особенно внимательно относиться к этой переработке, способам ее раскрытия в издании, а также к датировке произведений. Новая редакция в этих случаях воплощает новый шаг в идейном развитии писателя, она сменяет предшествующий этап, но нисколько не умаляет всего его значения, как определенного, исторически обусловленного, этапа. То же относится и к литературно-теоретическим произведениям, отражающим всегда определенный этап в развитии эстетических взглядов автора.

Что, в самом деле, было бы, если бы мы, вслед за В. К. Тредиаковским, попытались представить издание 1752 г. «Нового

и краткого способа к сложению стихов российских» как простое переиздание опубликованного впервые в 1735 г. трактата?

Известно, что Тредиаковскому принадлежит приоритет в теоретическом утверждении тонического (взамен старого силлабического) русского стихосложения. Но Тредиаковский, открыв принцип тоники, не сумел практически разработать тоническую систему, соответственную законам русского языка. Это сделал М. В. Ломоносов. Тредиаковский же упорно продолжал отрицать разницу между первым и вторым открытием, отстаивал свой приоритет и в 1752 г., решительно переработав свой трактат 1735 г., пытался выдать за изложение своих собственных старых взглядов «совершенно другое произведение, представляющее учебник ломоносовской системы стихосложения»[17].

Очевидно, что исследователю истории и теории русского стиха никак нельзя смешивать эти две «редакции» трактата Тредиаковского, а при издании его абсолютно необходима публикация обеих редакций с соответствующим разъяснением в комментариях.

Случай другого рода, не менее интересный, представляет переработка А. И. Герценом «Писем из Avenue Marigny» (1847) для издания в 1855 г. «Писем из Франции и Италии». «Письма из Франции и Италии» составились из трех циклов, написанных Герценом в период революции 1848 г. — накануне революции и после ее поражения: «Письма из Avenue Marigny», «Письма с Via del Corso» и «Опять в Париже». Включая эти циклы в книгу «Писем из Франции и Италии» (русские издания 1855 и 1858 гг.), Герцен существенно их переработал. Нас особенно интересует характер изменений, произведенных в первом цикле, поскольку создавался он накануне духовной драмы Герцена, а переделывался уже после нее.

Смысл «духовного краха Герцена после поражения революции 1848 г.»[18], гениально раскрытый В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена», достаточно глубоко освещен советскими литературоведами в анализе творческого пути писателя, особенно таких его произведений, как цикл «Опять в Париже» и книга «С того берега», где духовная драма Герцена нашла особенно полное и яркое воплощение.

Сопоставление ранней и поздней редакций «Писем из Avenue Marigny» в печати не производилось — вероятно, оттого, что это сравнение дает менее выразительный материал для характеристики идейной эволюции Герцена, чем положим,

---

[17] «История русской литературы», т. III. М.—Л., изд-во АН СССР, 1941, стр. 228.

[18] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

сопоставление идейного содержания ранней редакции «Писем из Avenue Marigny» с циклом «Опять в Париже» или книгой «С того берега». Однако для правильного решения текстологических вопросов, связанных с изданием «Писем из Франции и Италии», анализ переработки первого цикла, как и двух других, абсолютно необходим. Нас интересует первый, поскольку в характере переработки его, при внимательном рассмотрении, становится отчетливо видна эволюция мировоззрения автора.

Не случаен, конечно, тот факт, что в наибольшей степени было изменено Герценом последнее, четвертое письмо цикла «Писем из Avenue Marigny» — оно в самой незначительной мере являлось описанием событий, в нем автор последовательно высказывал свое отношение к увиденному им в Париже в 1847 г., свои социально-политические взгляды.

В предисловии к изданию 1855 г. «Писем из Франции и Италии» Герцен писал: «Письма эти не имеют прямого отношения к настоящим событиям. Они остались как были писаны (1847—1852); я только выбросил некоторые подробности, скучные теперь, но не коснулся ни до тона, ни до сущности» [19].

Основные из сделанных Герценом исправлений, однако, в высшей степени характерны.

В 1847 г. Герцена, находившегося тогда в Париже, возмущали буржуазные порядки июльской монархии, но он довольно оптимистически смотрел на будущее Западной Европы, в особенности Франции. Тогда он писал в четвертом письме «Avenue Marigny»: «Ничего нет легче в мире, как указать больное место Франции, Англии, преимущественно Франции... Но прав ли будет тот, кто удушливый и вонючий воздух тесных переулков примет за атмосферу целой нации? Испорченный воздух вовсе не есть ее обычная среда; она доказывает это своим повсеместным негодованием, а негодовать попусту она не привыкла... Вы увидите много запутанного, много трудного, много отрицательного, но с тем вместе увидите, что безнадежного, отчаянного ничего нет и что Франция еще изворотится без радикальных средств землетрясения, небесного огня, потопа, мора, которыми так богата искаженная Франция вновь изобретенного Востока» [20] (т. V, изд. Лемке, стр. 160).

Июньские дни 1848 г. раскрыли перед Герценом беспочвенность его оптимизма. В «Письмах из Франции и Италии» нет

---

[19] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. V. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 7. В дальнейшем ссылки на «Письма из Франции и Италии» даются с указанием лишь тома и страницы по этому изданию.

Ссылки на «Письма из Avenue Marigny» даются по изданию: А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. V.

[20] Под «Востоком» подразумеваются славянофилы.

процитированного отрывка; зато появился другой текст, свидетельствующий о гораздо более трезвом взгляде автора: «Теперь журналы — бюллетени смирительных домов и галер. В самом деле, Франция ни в какое время не падала так глубоко в нравственном отношении, как теперь. Она больна. Это чувствуют все: Гизо и Прудон, префект полиции и Виктор Консидеран» (т. V, стр. 57).

Многие изменения, внесенные в четвертое письмо, говорят о том, что в оценку Парижа 1847 г. Герцен вложил элементы своего позднейшего скептицизма по поводу буржуазной Франции и ее влияния на другие страны. В 1847 г., например, было: «Франция хочет всего, но ее силы истощились от тяжких родов, — *она не может оправиться. Ею выработанное принято другими на свежие плечи; этого не надобно забывать»* (т. V, изд. Лемке, стр. 162). Вместо подчеркнутого нами появилось: «она не в силах носить своих детей» (т. V, стр. 59). Аналогичное изменение было произведено и в другом отрывке. В итоге наполеоновских войн, победы июльской монархии, буржуазия начертала страшные слова: «Ничего, ничего, ничего!», — пишет Герцен и далее добавляет:

Издание 1847 г.	Издание 1855 г.
«Но вы, однако, не вовсе доверяйтесь этому rien. Это — негодование, это ненависть любви, ревность. Результаты не исчезли: они взошли внутрь. Люди, проливавшие кровь и пот, страдавшие и измученные, приобрели право иеремиевского плача» (т. V, изд. Лемке, стр. 163).	«Франция, заметив эту пустоту, ринулась в другую сторону, ударилась в противоположную крайность — экономические вопросы убили все остальные» (т. V, стр. 60).

Наконец, Герцен исключает в издании 1855 г. из четвертого письма «Писем из Avenue Marigny» отрывок о будущности буржуазии. Это место письма Я. Эльсберг с полным основанием следующим образом поясняет в своей книге: «Герцен, даже констатируя решительную противоположность интересов и стремлений народа и буржуазии и чувствуя историческую обреченность последней, не видел и не знал исторических закономерностей, которые обусловливают конец ее господства... Экономика подменялась психологией»[21]. Вот это исключенное место: «Будущности для буржуазии, повторяю, нет. Она теперь

[21] Я. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество. М., 1956, стр. 224—225.

уже чувствует в своей груди начало и тоску смертельной болезни, которая непременно сведет ее в могилу» (т. V, изд. Лемке, стр. 166).

В новой редакции «Писем из Avenue Marigny» взамен этих строк, выражавших в герценовском контексте *«буржуазные»,* по определению В. И. Ленина, *«иллюзии* в социализме»[22], появился отрывок (т. V, стр. 63), который был исполнен скептицизма, но одновременно свидетельствовал, что «у Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий „надклассового" буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»[23]. В доказательство своей мысли В. И. Ленин ссылался на «Письма к старому товарищу», написанные Герценом за год до смерти, в 1869 г. Вместе с тем из статьи Ленина очевидно, что все идейное развитие Герцена после 1848 г., при всех, порой, его отклонениях и колебаниях, можно расценивать как движение от буржуазной революционности к революционности социалистической. Об этом свидетельствует и цикл писем «Опять в Париже», и «С того берега», и книга «О развитии революционных идей в России», и деятельность Герцена в «Колоколе». Об этом свидетельствует и переработка цикла «Писем из Avenue Marigny». После 1848 г. Герцен все более начинает осознавать противоположность интересов буржуазии и пролетариата[24] как классовую борьбу. В новой редакции четвертого письма появились следующие замечательные строки: «Между тем со дна океана народной жизни поднимался тихо, но мощно тот же экономический вопрос, но *обратно* поставленный, та же замена революционного идеализма вопросом о хлебе, но со стороны неимущего... Ведь и он может поверить, как некогда поверила буржуазия, что она „*все*"» (т. V, стр. 64). Будущая революция по-прежнему представляется Герцену только как разрушение, а не созидание, но он приходит к мысли о закономерности смены, правда, не исторических формаций, но неизбежности смены господства одного класса господством другого. Как в свое время буржуазия одержала победу над дворянством, так теперь победить должен работник. Буржуазия представляется Герцену даже более несостоятельной, чем в свое время было дворянство.

Примеры чрезвычайно интересных замен текста в новой редакции «Писем из Avenue Marigny» по сравнению с редакцией 1847 г. можно было бы значительно умножить. Однако

---

[22] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

[23] Там же, стр. 11.

[24] Любопытно отметить, что определение «бедные классы» Герцен заменяет в новой редакции своих писем словом «пролетарии».

и приведенных, очевидно, достаточно для того, чтобы сделать вывод: в полной мере адекватное представление о взглядах Герцена в 1847 г. дает ранняя редакция «Писем из Avenue Marigny», написанная и впервые напечатанная в 1847 г. Позднейшая же редакция, порой, может быть, помимо осознанного желания автора (он не намерен был по существу править свой текст) намечает некоторый сдвиг в его идейной эволюции. Поэтому закономерно то, что мировоззрение Герцена накануне революции 1848 г. характеризуется советскими исследователями по преимуществу на основании ранней редакции «Писем из Avenue Marigny»[25]. Позднейшая дает в известной мере ретроспективное представление об идейной позиции Герцена в 1847 г.

Герцен, издавая дважды, в 1855 и 1858 гг., «Письма из Франции и Италии», считал, конечно, что он этими изданиями отменил раннюю печатную редакцию «Писем из Avenue Marigny», как и черновую рукописную редакцию «Писем с Via del Corso» и «Опять в Париже». С этим фактом нельзя не считаться при выборе основного текста этого произведения — таковым текстом безусловно должен считаться текст последнего авторизованного издания — 1858 г. Однако творческая история «Писем из Франции и Италии» представляет тот интересный случай, когда позднейшая редакция по существу не отменяет первоначальной, поскольку каждая из них не только отражает разные этапы идейного развития автора, но и является историческим и общественным документом определенной эпохи. Именно поэтому совершенно необходимо печатать первоначальную редакцию полностью в разделе «Других редакций». Взятый нами пример чрезвычайно характерен для публицистики вообще, поскольку позднейшие редакции публицистических произведений отличаются от ранних обычно не столько большим совершенством, как это нередко бывает в художественной литературе, сколько тем, что отражают, в той или иной мере, новую ступень в эволюции мировоззрения автора, новый этап в общественной борьбе современности.

3

Произведения, в которых авторская переработка влекла за собой идейно-художественную порчу текста, в истории классической литературы крайне немногочисленны, более того — единичны.

В данном случае речь, конечно, идет не о тех произведениях, которые авторы вынуждены были портить под давлением

[25] Соответствующая глава в книге Я. Е. Эльсберга так и называется: «Письма из Avenue Marigny».

цензуры, предвидя требования цензуры, под воздействием редакторов или иным посторонним давлением. Произведений этого рода — огромное число, и колоссальной заслугой советских текстологов является то, что они дали нашему читателю очищенные от посторонних вмешательств тексты многих классических созданий. Но нас интересует сейчас другая проблема, случаи другого рода, когда авторы, без всякого непосредственного давления, принуждения, но в связи с изменением своих взглядов, мировоззрения, в связи с духовными кризисами «исправляли», а по существу искажали, портили свои произведения.

Такова, в известной мере, печатная история «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Первое издание писем — это публикация их в 1791—1794 гг. в «Московском журнале» и альманахе «Аглая». Первое и второе отдельные издания, значительно исправленные автором, вышли в 1797—1801 и в 1803 гг. В двух последних прижизненных изданиях — 1814 и 1820 гг. — Карамзин внес немного стилистических поправок.

Количество стилистических поправок текста в первых отдельных изданиях колоссально — около двух тысяч! Автор выкидывал лишнее, умерял сентиментальную восторженность, производил огромную правку языка: варваризмы заменял русскими словами, устранял церковнославянизмы и пр.

Однако в некоторых переделках текста, сделанных Карамзиным при первом же переиздании «Писем» и сохраненных во всех последующих, явственно отразилось изменение идейных позиций автора. Ничего неожиданного в этой перемене не было: хотя взгляды Карамзина в существе своем остались по возвращении в Россию такими же, какими были, когда он отправлялся в Европу, однако гораздо больше, чем раньше, он стал бояться революции.

«...По мере дальнейшего развертывания французской революции, — пишет Д. Д. Благой, — отношение к ней Карамзина и вообще политическая его настроенность начинают резко меняться. Если первый период революции, открывшийся событиями 1789 г., будил в его душе некую восторженно-неопределенную мечтательность о новом „золотом веке“ для человечества, вторая ее фаза, начавшаяся в 1793 г., — казнь короля, диктатура якобинцев, террор, — поселила в нем непреодолимый страх» [26].

Письмо, посвященное французской революции, было напечатано Карамзиным впервые лишь в 1801 г. Хотя рукопись

---

[26] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1945, стр. 388.

этого письма не сохранилась (Карамзин уничтожал свои рукописи), совершенно очевидно, что автор в определенном направлении изменил написанный ранее текст [27]. О том, какова была тенденция изменений, можно судить по разночтениям печатного текста в одном из писем, где упоминается французская революция. Уже в первом отдельном издании Карамзин заменил «бунтовал тамошний народ» на «бунтовала тамошняя чернь», «заглушить уличный шум» на «заглушить шум пьяных бунтовщиков» [28].

По какому же тексту следует печатать в научном издании «Письма русского путешественника»?

С. Н. Валк писал, что «навряд ли кто-либо будет утверждать обязательность выбора для издания именно реакционной версии „Писем“. По-видимому, мы здесь вынуждены будем прибегнуть к другим критериям» [29].

В этом утверждении — большая доля правды. Текстолог, руководящийся партийными принципами передовой науки, не может согласиться с той порчей печатного текста, которую допустил Карамзин, напуганный размахом революционных событий во Франции. Однако искажения отдельных мест текста не могут служить достаточным доводом для того, чтобы основным избирать первопечатный текст. Два испорченных места и две тысячи стилистических улучшений — обстоятельства, конечно, несоизмеримые! Поэтому основным текстом «Писем русского путешественника» следует признать текст последнего авторизованного издания, а при печатании устранить из него отмеченную порчу текста, под строкой поместив, в целях соблюдения исторической истины, варианты последнего авторизованного издания.

В тех же случаях, когда порча коснулась всего произведения, а не отдельных мест, последняя авторизованная редакция может и должна быть отвергнута целиком, в качестве же основного избирается текст одного из предшествующих изданий. Правда, необходимо иметь в виду, что крайне отрицательную, прямо вредную роль для судьбы многих созданий классической литературы сыграло субъективное, произвольное

[27] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, стр. 387.

[28] В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 165. Два другие существенные разночтения, также отмеченные В. В. Сиповским (замена «вольности, равенства и добрых нравов» на «вольности и добрых нравов» и «бич человечества, тиран кровожаждущий, ужас» на «бич человечества, ужас»; стр. 186 и 188) могут быть отнесены за счет цензуры, которая при Павле I приняла еще более устрашающие размеры, чем даже в последние годы царствования Екатерины II.

[29] С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 89.

толкование понятия «порча». В результате этого субъективизма широкое распространение получили легенды о том, что многие писатели сами, добровольно, без всякого постороннего воздействия портили свои произведения. Невольно вспомнишь городничего, уверявшего, что унтер-офицерская вдова «сама себя высекла»!

Так, например, по поводу поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька» Б. В. Томашевский писал в 1923 г.: «Слишком упрощенным является хронологический критерий: что позже, то и лучше. А как быть с Богдановичем, который на старости лет портил свою „Душеньку?"»[30] В 1928 г. Б. В. Томашевский высказался по этому поводу следующим образом: «Иной раз поздние переделки автора находятся в таком противоречии с общим стилем произведения, что позднейшие редакторы отказываются их принимать и следуют в посмертных переизданиях не последней, а более ранней редакции. Так поступали, например, с поэмой Богдановича „Душенька"»[31]. На текстологическом совещании, проходившем в 1954 г., Б. В. Томашевский снова повторил утверждение, что Богданович портил на старости лет свою поэму[32].

Между тем редактор первого посмертного издания «Душеньки» Платон Бекетов, на которого ссылался в 1928 г. Б. В. Томашевский, ни слова не говорил ни о том, что Богданович в переизданиях портил свою поэму, ни о том, что поздние поправки автора находятся в противоречии с общим стилем произведения. П. Бекетов о «Душеньке» писал только, что «при обоих последних изданиях сочинитель ее пересматривал и делал поправки. Их наиболее находится во втором издании; несмотря на то, многие и по сие время предпочитают первое издание двум последним»[33].

Действительно, в некотором отношении можно отдать предпочтение первому изданию «Душеньки» — а именно, в отношении историко-литературном, ибо первопечатный текст дает точное представление об авторе, каким он был в пору создания и первой публикации произведения. Но если историк литературы, изучая «Душеньку» как литературный памятник определенного времени, вправе сделать именно первопечатный текст предметом особенно пристального изучения, текстолог при выборе основного текста не может останавливаться на этом

---

[30] Б. Томашевский. Новое о Пушкине. «Литературная мысль», I, 1923, стр. 172.

[31] Б. Томашевский. Писатель и книга. Л., 1928, стр. 127.

[32] См. стенограмму текстологического совещания в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

[33] Предисловие издателя в кн.: «Собрание сочинений и переводов И. Ф. Богдановича», ч. I, М., 1809, стр. IV—V.

тексте, так как в двух других прижизненных изданиях поэмы (1794 и 1799) Богдановичем производилась лишь стилистическая, языковая шлифовка стиха. Подробное рассмотрение этого вопроса не входит в задачу настоящей статьи (никаких изменений идейного порядка в переизданиях «Душеньки» обнаружить не удается). Но сопоставление вариантов второго и третьего изданий поэмы с первым изданием позволяет нам категорически утверждать, что лишь некоторые, очень немногие позднейшие варианты могут показаться стилистически худшими, чем соответствующие стихи в первом издании; подавляющее же большинство авторских исправлений говорит о стремлении Богдановича облегчить, упростить стих, приблизить его к разговорному языку, заменить довольно часто встречающиеся в первой редакции церковнославянские формы русскими вариантами и пр. Очевидно, что все эти поправки соответствуют общему стилю поэмы, а не противоречат ему [34].

Не менее легендарной, чем версия о том, что Богданович портил «Душеньку», является, в значительной мере, и широко бытовавшая долгое время теория, будто Г. И. Успенский, зараженный в последние годы жизни народническими взглядами и мучимый предвестиями начинавшейся душевной болезни, портил все свои очерки предшествующих лет. Этот очень интересный и сложный вопрос нуждается в специальном рассмотрении — ему будет посвящен следующий раздел настоящей статьи.

Оставляя пока в стороне Г. Успенского, обратимся к двум случаям (больше нам не удалось найти), когда позднейшая авторская правка, обусловленная эволюцией мировоззрения, вызвала действительную порчу произведения.

В творческой практике Гоголя мы сталкиваемся с таким случаем, когда становится невозможным следование «последней воле автора». Речь идет о развязке «Ревизора» (1846), созданной в период острого душевного кризиса и болезненного мистицизма Гоголя. Беспощадно обличительную, злую комедию, которая приводила именно этим в восторг и самого

[34] Правда, в поэтическом наследии И. Ф. Богдановича есть несколько произведений, которые при переиздании были, по существу, испорчены автором. Это философские и политические стихотворения 1760-х годов, а также поэма «Сугубое блаженство». Богданович решительно их переработал в «благонамеренном» духе, включая в 1773 г. (год прекращения новиковского «Живописца» и начала пугачевского восстания) в сборник «Лира, или собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя». Однако эта переработка была вызвана не эволюцией мировоззрения поэта, а усилившимися цензурными притеснениями и опасением репрессий со стороны Екатерины II. (См. кандидатскую диссертацию С. С. Гинзбург. Поэтическое творчество И. Ф. Богдановича. М., 1948).

создателя, и читателей, и зрителей, Гоголь задумал свести в этой развязке к худосочной, невыразительной притче. Написанную им «Развязку» Гоголь послал П. А. Плетневу для напечатания и М. С. Щепкину, чтобы тот поставил ее в свой бенефис. Но друзья Гоголя восстали против такой порчи автором своей комедии, а возмущенный Щепкин писал: «По выздоровлении, прочтя ваше окончание „Ревизора", я бесился на самого себя, на свой близорукий взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев „Ревизора" как живых людей... Оставьте мне их, как они есть... Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти... Вы из целого мира собрали несколько человек в одно сборное место, в одну группу; с этими в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите их отнять у меня. Нет, я их вам не отдам! Не дам, пока существую. После меня переделайте хоть в козлов; а до тех пор я не уступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог»[35].

Естественно, что советский текстолог солидарен со Щепкиным, вопреки волеизъявлению автора бессмертной комедии.

Подобным образом нельзя согласиться и с последней авторской волей А. И. Куприна, выраженной в парижском издании повести «Поединок» (т. II Полного собрания сочинений А. И. Куприна, изданного в Париже в 1921—1925 гг.). Правдивое и оттого критическое изображение военной среды, которую Куприн превосходно знал по личным наблюдениям, составляет сильную сторону этой повести, чрезвычайно высоко оцененной современниками и, в частности, М. Горьким. Этот текст закреплен многочисленными русскими изданиями «Поединка». Но в 1920-х годах, находясь в эмиграции в Париже, Куприн «переработал текст повести, освободив его от критического разоблачения царской казармы, т. е. лишив его самого главного, самого важного. Осталась повесть о Раисе Александровне Петерсон, об Александре Петровне Николаевой, об адюльтере. Критик „Русского инвалида", „пишущий генерал" П. А. Гейсман, дававший в 1905 г. совет писать именно в таком духе, мог быть вполне доволен: его совет был исполнен»[36].

Само собою разумеется, что парижское издание «Поединка», представляющее интерес для исследователя жизни и деятельности Куприна в эмиграции, не принимается в расчет как источник текста, так как представляет собой явную порчу произведения.

---

[35] М. С. Щепкин. Записки, письма. Современники о М. С. Щепкине. М., изд-во «Искусство», 1952, стр. 202.

[36] П. Н. Берков. Александр Иванович Куприн, изд. АН СССР, 1956, стр. 147—148.

4

В истории литературы есть и такие произведения, позднейшая переработка которых авторами носила двойственный, противоречивый характер, и нельзя с уверенностью сказать, говорит она об идейном росте писателя или, наоборот, свидетельствует о некотором его отходе от прогрессивных позиций. Обычно такого рода переработки были обусловлены не столько эволюцией мировоззрения автора, сколько неустойчивостью, противоречивостью его идейных взглядов. В результате этой неустойчивости становилось возможным не только воздействие на писателя прогрессивной критики, подкрепленное опытом исторического развития самой жизни, но и давление на него со стороны лагеря либерального и даже реакционного.

Произведения А. Ф. Писемского и Г. И. Успенского представляют в этом смысле большой и интересный материал.

А. Ф. Писемский вошел в литературу в начале 50-х годов прошлого века как представитель гоголевского направления, «натуральной школы». Но первая же его большая повесть «Тюфяк», напечатанная в 1850 г. в журнале «Москвитянин», вызвала в критике полемику, предвещавшую острую борьбу за Писемского между демократическим и либеральным лагерем. Борьба эта развернулась с особенной силой в середине 50-х годов.

В 1856 г. отдельным изданием вышли «Очерки из крестьянского быта», куда вошли три рассказа Писемского: «Питерщик» (напечатан впервые в «Москвитянине», 1852), «Леший» (впервые — в «Современнике», 1853) и «Плотничья артель» (впервые — в «Отечественных записках», 1855).

Критики либерального лагеря — П. В. Анненков, А. В. Дружинин и С. С. Дудышкин — настойчиво противопоставляли крестьянские очерки Писемского произведениям Тургенева, Григоровича и других писателей гоголевской школы, пытаясь доказать, что внимание Писемского будто бы не привлекают мрачные картины крепостной действительности, что его волнуют «вечные» человеческие страсти, живущие и в крестьянской среде, что он принадлежит к «школе чистого и независимого творчества», примиряющего читателя с жизнью. Против такого истолкования рассказов Писемского решительно выступил Чернышевский. В статье, посвященной «Очеркам из крестьянского быта», он едко высмеял критиков из лагеря «чистого искусства», доказал бессмысленность противопоставления Писемского Тургеневу и Григоровичу, ибо в очерках Писемского видна прежде всего правдивая картина крепостной

деревни — картина «беззакония и разврата, преступлений и плутней» [37].

Как же отнесся сам Писемский к этим оценкам его произведений? Оказали ли они воздействие на него, когда он в 1861 г. правил свои очерки, включая их во II том собрания сочинений?

Известно, что Писемский отрицательно отозвался о статье Анненкова. Хотя комплименты, уснащавшие статьи критиков либерального лагеря, не могли не льстить его авторскому самолюбию, однако Писемский откровенно признался, что Анненков не понял того, что хотел сказать автор своим «Питерщиком», не дал себе труда вдуматься в то, о чем автор рассказывает.

Сопоставление текстов показывает, что, включая очерки в собрание сочинений, Писемский устранил именно то, что понравилось Анненкову. Основные из этих перемен отмечены в примечаниях к изданию сочинений А. Ф. Писемского в трех томах, выпущенных в 1956 г. Гослитиздатом. Так, в «Питерщике» Писемский исключил фразы, которые можно было истолковать как подтверждение слов Анненкова о «вечном» и «примиряющем» смысле рассказа.

Еще более интересные и многочисленные изменения произвел Писемский в рассказе «Леший».

Как и в «Питерщике», были устранены два места, которые особенно должны были понравиться Анненкову [38].

С другой стороны, Писемский, исправляя текст, откликнулся и на критику Чернышевского. «Рассказ, — писал Чернышевский относительно „Лешего“, — идет о проделках марковского управляющего, отъявленного негодяя, который разоряет мужиков и барина, за что и наказывается в конце рассказа» [39]. Резко отрицательно отнесся Чернышевский к заключительной сцене рассказа, где высказывалось «преступное», по словам критика, сочувствие к негодяю-управляющему.

М. П. Еремин, комментируя новое издание сочинений Писемского, замечает справедливо, что, надо полагать, не без влияния отзыва Чернышевского «вся сцена была вычеркнута Писемским из текста издания Стелловского».

К сожалению, относительно другого изменения текста, сделанного также под влиянием отзыва Чернышевского, в комментариях не сказано ничего определенного, хотя замена эта очень

---

[37] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV. М., Гослитиздат, 1948, стр. 568—569.

[38] См. А. Ф. Писемский. Соч. в трех томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1956, стр. 585 и 586.

[39] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 565.

интересна, а вызвана она была совершенно противоположными побуждениями.

Чернышевский в своей статье сочувственно цитировал правдивый, обличающий рассказ о «порядках», установленных кокинским исправником:

«— В суде у меня хорошо-с. На всякое дело, доложу вам, надобно знать сноровку... Я завел такую манеру: недели две, например, езжу по уезду, сам работаю, становых понукаю, а тут и в город, да и в суд; дня в три, в четыре обревизую все. Хорошо, так и спасибо, а нет, так и распеканье: товарищам замечу, а приказную братью эту запру в суде, да и не выпускаю до тех пор, пока не приведут всего в порядок. И поняли, что оттягивать нечего: рано ли, поздно ли, сделать придется. Главное, объясню вам, чтобы сам начальник не зевал, а подчиненных заставить делать можно-с!» [40].

Писемскому не по душе пришлась похвала Чернышевского этому отрывку. Особенно не хотелось ему выставлять в отрицательном свете своего положительного, «порядочного» исправника в начале 60-х годов, когда, отойдя от демократического лагеря, Писемский все бо́льшие надежды возлагал на верных, «просвещенных» слуг монархического государства.

В результате, взамен обличающего признания исправника, в издании 1861 г. появилась следующая мало выразительная фраза:

«— В суде что-с? Все эти суды, я вам доложу, пустое дело; ежели по правде теперь сказать, так ведь только мы, маленькие чиновники, которые по улицам-то вот бегаем, да по проселкам ездим, — дело-то и делаем-с, а прочие только ведь и есть, что предписывают, — поверьте, что так!» [41].

Однако изменение это, явно снижающее идейное звучание диалога между рассказчиком и кокинским исправником, не может, конечно, служить достаточным доводом, чтобы брать в качестве основного текст издания 1856 г. Бесспорным представляется решение, принятое в последнем издании сочинений Писемского: очерки из крестьянского быта печатаются по тексту 1861 г., а в примечаниях излагается история текста, приводятся отрывки из редакции 1856 г.

* * *

Несравненно более сложными являются текстологические проблемы, связанные с изданием сочинений Г. Успенского.

---

[40] А. Ф. Писемский. Очерки из крестьянского быта. СПб., 1856, стр. 61.

[41] А. Ф. Писемский. Соч., т. II. СПб., 1861, стр. 169.

Все три авторизованные собрания сочинений Г. И. Успенского относятся к 80-м годам (последний, III том третьего издания был подготовлен Успенским в 1890 и вышел в 1891 г.). Почти все произведения объединены здесь в циклы; некоторые из этих циклов составились уже при первой публикации очерков в журнале или газете («Из деревенского дневника», «Власть земли»), некоторые были первоначально задуманы автором как циклы, но не были осуществлены из-за цензурных и других препятствий и восстановлены им в отдельных изданиях или в собрании сочинений («Нравы Растеряевой улицы»), иные впервые составлены Успенским из очерков разных лет при подготовке собраний сочинений («Очерки переходного времени»). В циклизации очерков нашла своеобразное выражение попытка Успенского создать произведение большой формы, к которой он стремился, начиная со второй половины 60-х годов. В 70—80-е годы Успенский уж не писал отдельных очерков, а только циклы.

Идейное развитие Успенского не было прямолинейно последовательным. Сам писатель не раз жаловался на то, что он искалечен и надломлен русской жизнью. Однако общая тенденция его развития обусловлена все большим осознанием противоречий современной ему действительности.

К тексту циклов, созданных писателем в 80-е годы, необходимо относиться с большим вниманием, — не только потому, что в этом тексте воплощена последняя творческая воля автора, но и потому, что в нем в наибольшей мере отразилась его идейная зрелость. Воздействие на Успенского народнической идеологии, имевшее место в 80-е годы, сочеталось в этот период со все большим отказом писателя от народнических иллюзий.

В Полном собрании сочинений Г. И. Успенского (академическое издание), явившемся колоссальным вкладом в дело собирания и изучения наследия писателя-демократа, некоторые редакторы допускали, по существу, произвол, когда разрушали ряд позднейших циклов и помещали в основном тексте первоначальные, журнальные редакции, задавшись неуместной задачей «реконструировать» литературное наследие Успенского ранних лет его деятельности.

Протест против такого произвола в отношении текстов Успенского уже прозвучал в советской печати, в статье В. П. Друзина и В. И. Морозовой, помещенной в «Литературной газете» (11 декабря 1952 г.). Но краткие размеры газетной статьи лишили авторов возможности развернуть свою аргументацию.

Осуществляемое Гослитиздатом собрание сочинений Г. Успенского в 9 томах строится на принципиально иных, чем

академическое издание, текстологических основаниях. В заметке «От редакции», предпосланной новому собранию сочинений, говорится, что в издании сохраняется композиция собрания сочинений, определенная самим Успенским, а тексты, как правило, даются по последнему прижизненному изданию. Однако аргументация текстологических решений дается в этом издании очень кратко, а с некоторыми из них нельзя согласиться, так что разговор о текстах произведений Г. Успенского, по нашему мнению, не потерял своей актуальности.

Сам Успенский в предисловии ко второму изданию своих сочинений (1889) достаточно определенно заявил, почему он не мог удовлетворить законному желанию читателей издать все написанное им в хронологическом порядке. Кроме того, композиция издания в соответствии с циклизацией прижизненных собраний сочинений отнюдь не предполагает грубых нарушений хронологии творчества Успенского. Принцип циклов не искусственно был вымышлен Успенским, а естественно родился уже при первых публикациях и тем более при составлении собрания сочинений. «...Все, что выходило из-под пера Успенского за определенный отрезок времени, всегда имело тематическое и идейное родство. Оно-то, между прочим, и толкало автора на объединение его очерков и рассказов в группы, серии, циклы, на публикацию их под теми или иными объединяющими названиями», — пишет И. А. Кубасов, автор исследования о первом издании сочинений Г. И. Успенского, вышедшем в 1883—1884 гг.[42] Циклизация произведений малого жанра — характерная тенденция всего русского литературного развития в 70—80-е годы.

При решении вопроса об основном тексте произведений Успенского необходимо учитывать и тот факт, что, подготовляя собрания сочинений, писатель совершенствовал художественно свои очерки (сокращал их, уничтожал многие диалектизмы, натуралистические зарисовки, шлифовал стиль). Во время работы над собранием сочинений Успенский был, как об этом справедливо говорится в комментариях одного из томов академического издания, «уже зрелый писатель демократического направления..., владеющий своеобразной художественной манерой» [43].

Относительно второго и третьего собраний сочинений Успенского, вышедших в 1888—1889 гг., довольно долго господствовало мнение, выдвинутое в свое время биографом и

---

[42] «Глеб Успенский. Материалы и исследования», I. М.—Л., изд-во АН СССР, 1938, стр. 435.

[43] См. Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. II, изд-во АН СССР, 1950, стр. 596.

исследователем творчества Успенского — В. Чешихиным-Ветринским. «В условиях спешной работы, при крайнем переутомлении и тяжком нервном расстройстве, предвестнике грозной душевной болезни, Успенский, можно сказать, кромсал свои произведения первых и последних лет своей литературной деятельности. При этом он слабых вещей не исправил, а порою вытравил, под влиянием случайных настроений, и то, что было бы возможно — на посторонний, современный взгляд, — сохранить» [44], — писал Чешихин-Ветринский.

Впоследствии И. И. Векслер, автор исследования о втором издании сочинений Г. И. Успенского, категорически отверг «тенденцию не только оспаривать целесообразность внесенных Г. И. в текст 2-го издания изменений, но и подвергать сомнению самую способность автора на этом этапе улучшать и совершенствовать текст» [45]. И. И. Векслер показал, что в основном правка первого издания при подготовке второго имела следующие цели:

1) улучшить качественно текст с точки зрения художественных к нему требований;

2) заострить текст там, где это писателю казалось возможным;

3) смягчить текст там, где можно было ожидать цензурных затруднений.

Таким образом была восстановлена текстологическая авторитетность второго прижизненного издания сочинений Успенского и вышедших тотчас вслед за ним и почти не отличающихся от него первых двух томов третьего издания. Но III том третьего издания, вышедший в 1891 г., до сего времени отвергался как полноценный источник текста, хотя в нем впервые помещен имеющий такое большое значение в творчестве Успенского цикл, как «Очерки переходного времени». Известно, что этот цикл внимательно изучал В. И. Ленин и ссылался на него, характеризуя развитие капитализма в России. Текстологи же, считая, что III том не авторитетен (Успенский создавал его будто бы в условиях крайней спешки и надвигающейся душевной болезни), разрушали созданные в этом томе циклы, хотя и не смущались тем, что, размещая очерки в соответствующих томах, печатали многие из них по тексту именно 1891 г.

---

[44] В. Чешихин-Ветринский. Глеб Иванович Успенский. М., 1929, стр. 276. См. также В. В. Буш. Гл. Успенский. В мастерской художника слова. Саратов, 1925, и его же: «К истории текста произведений Гл. Успенского». «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. VI, вып. III, 1927.

[45] И. И. Векслер. Второе издание сочинений Г. И. Успенского. «Глеб Успенский. Материалы и исследования», I, стр. 476.

Между тем аргумент о спешке, вызванной материальными затруднениями, — совершенно несостоятелен для опровержения авторитетности III тома. Такова судьба всей литературной работы Успенского — он всегда спешил и всегда бедствовал. Что касается болезни, то в 1890 г., когда готовился III том и автор затем читал его корректуры, она давала о себе знать, но не больше, чем в 1888—1889 гг. Гораздо хуже стало Успенскому в 1891—1892 гг., и лишь к концу 1892 г. вовсе прекратилась его литературная деятельность. Неопровержимый материал дает для решения этого вопроса переписка Успенского за 1890 г., опубликованная в последнем томе академического издания собрания сочинений. В начале 1890 г. Успенский действительно тяжело переживал свое недомогание, мучился тем, что в январском номере «Русской мысли» появился «скверный», как ему казалось, новый его рассказ «Выдался денек». Но уже в феврале он пишет, что снова обрел рабочее настроение, болезнь прошла, а немного спустя началась усиленная подготовка III тома, которой, правда, Успенский не мог отдаться целиком, потому что вынужден был для заработка писать новые очерки. В середине 1890 г. он много работал, был полон творческих планов, а в июне писал в одном из писем, что чувствует себя «несравненно лучше, чем последние два года»[46]. В августе ему снова стало хуже и, часто превозмогая себя, читал он корректуры III тома. Условия работы, безусловно, очень сложные, но сами по себе они еще ни о чем не говорят.

В доказательство неавторитетности III тома исследователи ссылаются обычно на то, что самим Успенским он был оценен крайне отрицательно.

Нужно, однако, учитывать, что раздражение Успенского было вызвано не тем, что он был недоволен характером, качеством переработки текстов для III тома, а тем, что в этот том оказались включенными, как автору казалось, самые слабые произведения первых и последних лет его литературной деятельности. Кроме того, Успенский боялся, что III том станет «надгробной плитой», последним вкладом его в литературу. Еще в июне 1890 г. он писал В. М. Соболевскому, обращаясь с просьбой о деньгах, которые позволили бы ему переменить место жительства, окунуться в новые впечатления и начать новую творческую работу: «Прожить спокойно, не тревожась о деньгах и завтрашнем дне, и притом в другом месте среди новых впечатлений, — это все будет для меня настоящим исцелением. Не оканчивать же мне сознательной жизни изда-

---

[46] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. XIV, изд-во АН СССР, 1954, стр. 431.

нием книги. Это тогда будет нагробная плита, а я желаю жить, хотя бы потому, что живу и не умер»[47].

После выхода III тома Успенский, изнуренный все более частыми неудачами в творческой работе, сознает, что III том действительно стал «надгробной плитой», последним памятником, и оттого направляет по адресу этого издания столь горестные упреки и сетования.

Таким образом, вопрос о выборе основного текста произведений, включенных Успенским в III том его сочинений, изданный в 1891 г., может быть решен только на основании текстологического анализа, при помощи которого можно выявить характер идейно-художественной эволюции автора, сказавшейся на переработке этих произведений.

Для нас наибольший интерес представляет первый цикл III тома издания 1891 г. «Очерки переходного времени», так как переработка очерков при составлении этого цикла связана с существенными изменениями в мировоззрении автора.

В непосредственной связи с эволюцией мировоззрения автора находится самый замысел цикла под таким заглавием. Только изучив всесторонне русскую жизнь, изобразив в своих произведениях и проникновение «нового», капиталистического уклада жизни в мещанскую, городскую среду, и столкновение этого мира денег с мужицким строем жизни, и роль интеллигенции в этом процессе (именно в решении последнего вопроса Успенскому в наибольшей степени были свойственны народнические иллюзии), в течение почти тридцати лет неустанно размышляя о русской жизни и ее перспективах — только в результате всего этого Успенский смог прийти в конце своего творческого пути к осознанию «переходности» всего периода жизни России, истекшего после отмены крепостного права. «Если же эти омрачительные очерки я решился поместить в настоящем издании, — писал Успенский во вступительной заметке к „Очеркам переходного времени", — то основанием этому была та несомненная особенность русской жизни, вследствие которой „переходное время" стало в последние тридцать лет как бы обычным „образом жизни" русского человека. Ощущалось оно до Севастопольской войны, до освобождении крестьян, до судебной, земской, городской реформ. Ощущалось и во время войны, и после войны, во время и после каждой реформы; ощущается и в настоящее время. Вот причина, послужившая основанием собрать те очерки, рассказы и заметки, которые касались неопределенных условий жизни и колебаний

[47] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 418. См. также письмо издателю А. С. Посникову, стр. 423. В дальнейшем ссылки в тексте на академическое издание сочинений Г. И. Успенского даются с указанием лишь тома и страницы.

мысли русского человека, под влиянием новых течений, постепенно осложнявших русскую жизнь»[48].

В литературе об Успенском, в частности в комментариях к Полному собранию сочинений, можно встретить утверждение, что «Очерки переходного времени» представляют довольно произвольное смешение Успенским очерков разных лет.

Действительно, первые три очерка составились в результате переработки Успенским ряда очерков 60-х годов, а последующие возникли из очерков 80-х годов, не нашедших места в вышедших томах собраний сочинений Успенского, а также из неиспользованных и переработанных частей циклов. Но в цикле, который, по авторскому намерению, должен был отразить некоторые существенные черты всей «переходной» эпохи, неизбежно было объединение именно разновременных очерков, поскольку произведения Успенского создавались всегда по свежим следам, еще не остывшим впечатлениям. Можно спорить о том, какой текст очерков, первоначальный или переработанный для III тома, богаче и совершеннее в идейном и художественном отношении, но о том, что во всем включенном в «Очерки переходного времени» видно идейно-тематическое единство, спора быть не может.

Неизбежно встает и следующий вопрос. Может быть, при переработке Успенский так исказил, испортил смысл и содержание своих очерков, что возникает необходимость отказаться от последнего авторского текста и предпочесть ему текст более ранний?

В отношении ряда очерков вопрос не ставился так даже редакторами Полного собрания сочинений Успенского, так как, разрушив цикл, они поместили очерки под датами ранних публикаций в последней редакции (изд. 1891 г.). Таковы третий, шестой и четвертый «Очерки переходного времени»: «Остановка в дороге» (Полн. собр. соч., т. III), «Расцеловали!» (там же, т. VI), «Старый бурмистр» (там же, т. VII). Переработка Успенским этих очерков для собрания сочинений была довольно существенной, она связана с сокращением и изменением текста, но и то и другое вело к идейному усилению очерков.

Очерк «Заячья совесть» печатается в IX томе Полного собрания сочинений по журнальному тексту («Книжки Недели», 1885) лишь «ввиду устранения цикла „Очерки переходного времени“» (так сообщается в комментариях), ибо позднейшая правка очерка носила только стилистический характер.

В остающихся восьми очерках цикла в собрании сочинений дается в качестве основного ранний текст, причем обычно это

---

[48] Г. И. Успенский. Соч., т. III, 1891, столб. 1—2.

аргументируется стремлением восстановить первоначальные циклы Успенского, а порою — эволюцией мировоззрения автора, под воздействием народнической критики будто бы портившего свои произведения.

Несостоятельность первого довода очевидна, хотя он и касается большинства очерков. Довод этот нельзя признать убедительным, так как на основной состав научного, в том числе и академического, издания собрания сочинений классика неправомерно возлагать функции, которые в собрании сочинений призван исполнять аппарат издания: раздел «Других редакций и вариантов» и комментарии.

Довод об эволюции мировоззрения не касается очерков 60-х годов, включенных в «Очерки переходного времени». Так, первый очерк «Отцы и дети» составился от объединения двух очерков 60-х годов — «Семениха» и «Учителя»; но для III тома собрания сочинений Успенский лишь композиционно перестроил их (для связи двух очерков в составе одного произведения сделал некоторые вставки), произвел имеющие чисто художественное значение сокращения и большую стилистическую правку. Таким образом, вывод, что очерк «Отцы и дети» «больше отражает творчество Успенского в последний период его жизни» (т. I, стр. 763), нельзя признать обоснованным, как нельзя согласиться и с публикацией последнего авторского текста в приложениях.

Второй очерк цикла «Очерки переходного времени», «Семейные несчастия», совсем не печатается в Полном собрании сочинений, а в основном тексте (т. II) дается первоначальный текст, который под названием «Несчастия семейства Уполовниковых» должен был войти в 1866 г. в цикл «Современная глушь». Задавшись целью восстановить первоначальный авторский замысел — цикл «Современная глушь», не дозволенный в свое время цензурой, редакторы Полного собрания сочинений Успенского не считаются с позднейшими авторскими переработками текста, в частности и с очерком «Семейные несчастия», хотя переработка текста 1875 г. в 1890 г. лишь усилила художественную сторону рассказа, не коснувшись идейного его содержания.

Более существенной, идейной переработке подверглись при включении в «Очерки переходного времени» произведения 80-х годов, а не раннего периода деятельности Успенского. Вызвано это тем, что они затрагивают темы о развитии капитализма в России, об отношении интеллигенции к народу, о роли интеллигенции в народной жизни. Вопросы эти напряженно волновали Успенского в течение 80-х годов, и решение их существенно изменялось в продолжение этого периода. Таков, прежде всего, седьмой очерк цикла «На Кавказе

(Воспоминания 83 г.)». В 1883 г. Успенский печатал в «Отечественных записках» цикл очерков «Из путевых записок», созданный на основе кавказских впечатлений. Затем последние три очерка этого цикла были включены в собрание сочинений в составе цикла «Скучающая публика», а первые два в переработанном виде составили очерк «На Кавказе» в цикле «Очерки переходного времени». Очерк «На Кавказе» подвергся особенно острой народнической критике (еще в 1883 г. в журнале «Русское богатство» появилась крайне резкая статья Л. Е. Оболенского «До чего договорился Глеб Успенский?», в которой автор обрушился на Успенского с грубыми нападками за будто бы презрительное отношение к мужику). Г. Успенский, болезненно относившийся ко всякого рода нападкам, при подготовке III тома собрания сочинений снял рассказ о крестьянском старосте Семене Никитине [49]. В изъятии этого отрывка сыграла роль не только критика Оболенского, но и неустойчивость взглядов самого Успенского. По мере того как все явственнее становилась для него неизбежность капиталистического развития в России, со все большим отчаянием и надеждой отдавался он мечте о какой-то особенной роли интеллигенции в этом страшном процессе разложения. Интеллигенция способна была, по мысли Успенского, поддержать стремления совести народной, сделать открытой проповедь «трудовой жизни». Его самого, независимо от выпада Оболенского, могла испугать высказанная в первоначальной редакции очерка мысль об органической чуждости интеллигента, воспитанного в буржуазном обществе, — народной среде, мужику. Во всяком случае очевидно, что в отмеченной части первого кавказского очерка переработка его вела к идейному обеднению, оскоплению трезвой мысли Успенского. Но как же решить в этом случае вопрос с основным текстом очерка «На Кавказе»? Отмеченное место — единственный случай «ухудшения» текста. В остальном переработка в 1890 г. журнального текста 1883 г. вела к идейному и художественному усилению очерка. В частности, гораздо отчетливее показано в позднейшей редакции проникновение на Кавказ власти капитала. Недаром именно очерк «На Кавказе» Г. И. Успенского упоминает В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России».

При такой противоречивого характера идейной переработке первоначальной редакции основным должен считаться последний текст. Отрывок же, исключенный Успенским не в процессе творческой переработки очерка, а под прямым давлением народнической критики, может быть восстановлен в основном

[49] См. Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 209—210.

тексте с обязательной оговоркой под строкой или в комментариях.

Редакторы последнего собрания сочинений Г. Успенского, издаваемого Гослитиздатом, предлагают в подобных случаях более «последовательный» путь: в основном тексте помещать полностью, без изменений, последнюю редакцию, а отрывки первоначальной редакции давать в разделе «Приложения».

Такое решение представляется нам довольно механическим.

Последняя воля автора, исключившего отмеченный выше отрывок, может не приниматься нами в расчет, так как является не творческим его волеизъявлением, а следствием постороннего вмешательства в текст, хотя и осуществленного авторской рукой.

Что касается остальных «Очерков переходного времени», начиная с восьмого очерка «В Царьграде», то там выбор в качестве основного текста последней редакции представляется совершенно бесспорным. Изменения, которые были произведены в очерке «С дороги в сторону» (из цикла 1886 г. «Письма с дороги»), получившем название «В Царьграде», свелись к сокращению публицистических авторских рассуждений и ни одной мыслью не обеднили содержание очерка. Ошибкой Полного собрания сочинений Успенского приходится считать то, что этот очерк печатается в первоначальной, газетной, редакции, как, впрочем, и весь цикл «Письма с дороги», хотя цикл этот был переработан автором еще в 1888 г., при печатании в «Русской мысли», а затем при включении, без последнего письма (именно оно составило впоследствии очерк «В Царь-Граде», введенный в «Очерки переходного времени»), во второе и третье издания собрания сочинений.

Подобным образом, из-за того, что в Полном собрании сочинений Успенского редакторы поставили себе целью сохранить разрушенные автором при комплектовании собрания сочинений циклы «„Мы“ на словах, в мечтаниях и на деле» (т. X, кн. 2) и «Концов не соберешь» (т. XI), позднейший текст очерков «Непривычное положение», «Верный холоп» и «Как рукой сняло», включенных автором в «Очерки переходного времени», остался достоянием раздела вариантов. Очерки эти печатаются в первоначальных редакциях, хотя и в идейном, и в художественном отношении позднейший их текст отнюдь не уступает раннему. Правда, в очерке «Непривычное положение» в ряде мест чувствуется цензурное давление (вероятно, автоцензура), но это уже другой текстологический вопрос, в данном случае не могущий определять выбор основного текста.

Таким образом, анализ переработки, произведенной Успенским над очерками разных лет при включении их в поздней-

ший цикл «Очерки переходного времени», приводит к выводу, что переработка эта была связана с идейным развитием автора, более глубоким пониманием социально-исторических процессов, происходивших в России, и не привела, за исключением одного случая (в очерке «На Кавказе»), к идейной порче текста, а потому нет никаких оснований разрушать этот цикл, предпочитать при выборе основного текста первоначальные редакции позднейшим.

Правда, при издании сочинений Г. Успенского, в частности и цикла «Очерки переходного времени», приходится, конечно, большое значение придавать аппарату издания. Первоначальные замыслы, первоначальные тексты непременно должны найти отражение в полных собраниях сочинений писателя, в разделе «Других редакций и вариантов», а в массовых изданиях должны быть обстоятельно охарактеризованы в комментариях, поскольку творчество Успенского является неразрывной частью его биографии, поскольку для верного суждения об идейной и художественной эволюции писателя особенную важность представляют именно первоначальные замыслы, первопечатные тексты.

* * *

Противоречивость и неустойчивость мировоззрения Г. Успенского в особенности сказались на переработке цикла «Из деревенского дневника».

Впервые очерки этого цикла были напечатаны в «Отечественных записках» за 1877—1879 гг. В 1880 г. вышло отдельное издание очерков, в двух сборниках, с подзаголовками: «В северной полосе» и «В степи». Здесь, кроме стилистической правки, автор внес небольшие смысловые изменения и дополнения. Решительной переработке подвергся цикл «Из деревенского дневника» при включении его в V том первого собрания сочинений (изд. 1884 г.). Помимо стилистической правки, в тексте собрания сочинений были сделаны большие сокращения (более трех печатных листов), а также значительные изменения в содержании. При переиздании цикла во втором и третьем изданиях собрания сочинений (1889) изменения были незначительны.

Относительно этого цикла В. П. Друзин и В. И. Морозова не вступили в полемику с редакцией Полного собрания сочинений, считая, что этот цикл нельзя печатать по прижизненному собранию сочинений, а следует обратиться в качестве основного к тексту отдельного издания 1880 г. Мотивом для такого решения служило то, что в 1884 г., одновременно с художественным, стилистическим улучшением произошла идейная

порча текста, так как Г. Успенский правил свои деревенские очерки с оглядкой на народническую критику, а порой и прямо подчиняясь ее указаниям. Однако в 4-м томе последнего издания собрания сочинений Успенского (М., 1956; подготовка текста Н. И. Соколова, общая редакция В. П. Друзина) цикл «Из деревенского дневника» печатается все-таки по последнему прижизненному изданию, а наиболее значительные отрывки редакции 1880 г. помещаются в разделе «Приложения».

Чтобы согласиться с основательностью выбора в качестве основного текста того или иного издания, необходимо остановиться на всех авторских изменениях текста, имеющих существенный характер. В комментариях к циклу «Из деревенского дневника», помещенному в V томе академического издания, работа по сопоставлению текстов проделана, но, при всей ее тщательности, выполнена несколько тенденциозно. Подчеркивая настоятельно ту правку, которая вела к идейному обеднению текста, автор текстологического комментария А. С. Глинка-Волжский оставляет в тени изменения другого порядка, которые, как и первые, имели существенное значение, но не обедняли, не искажали первоначального текста, а придавали ему другое звучание.

В цикле девять очерков, или «отрывков». Наибольшим изменениям при включении в собрание сочинений подвергся первый очерк раздела «В северной полосе» и первый, четвертый и шестой очерки раздела «В степи».

Сопоставление разных изданий первого очерка свидетельствует о том, что правка для собрания сочинений носила не прямолинейный, а противоречивый характер.

Относительно народнической интеллигенции в первоначальном тексте Успенский писал, что она надеется в народе «растворить свои умственные и нравственные силы». В собрании сочинений — характерная поправка: «растворить *остатки* своих умственных и нравственных сил». Само хождение в народ характеризовалось раньше как «движение в деревню»; в тексте 1884 г. оно расценивается иронически как движение «господ» в объятия «мужиков». Находясь в новгородской деревне, Успенский увидел, что она уже знакома «с чисто коммерческим направлением нового пошиба — барином арендатором». В собрании сочинений текст этот социально заострен и уточнен: «с барином совершенно нового, коммерческого, даже прямо кулацкого типа (арендатором)»[50]. Более глубоким в 1884 г., сравнительно с 1880 г., стал взгляд Успенского на взаимоза-

---

[50] Позднейшее чтение этого текста принято и в академическом издании.

висимость экономической и нравственной сторон деревенской жизни в условиях все большего проникновения капиталистических отношений. «Словом, несколько измененные экономические и общественные условия в положении мужика, изменившие или, нет, *только-только начинающие изменять* его нравственный мир...» — было в первых двух изданиях. В Собрании сочинений 1884 г. исключено слово «несколько», а конец фразы читается следующим образом: «изменившие — или, по крайней мере, изменяющие его нравственный мир».

Ряд сокращений в первом очерке был сделан по соображениям чисто художественного порядка. Так, исключены пространная история, рассказанная слепинским мужиком, о старых временах, и авторское рассуждение о чертах барского быта, имевших положительное влияние на народ. Сокращения эти вызваны стремлением Успенского убрать все лишнее, сосредоточив внимание на новых временах, новых влияниях — капиталистических. Был исключен рассказ о «непонятом барине», так как, по словам автора, «интеллигентным людям, стремящимся к деревне,.... будет посвящено несколько особых очерков, где читатель найдет более подробный рассказ о барине едва очерченного теперь типа». Зато резко усилена характеристика нового типа господ, появившихся в пореформенной деревне [51].

Вместе с тем в первом очерке не единичны сокращения и поправки, которые были сделаны Успенским под давлением народнической критики. Речь здесь идет именно не о влиянии, а о давлении. Нельзя сказать, как говорится это в комментариях к V тому Полного собрания сочинений, что 1884 г. Успенский был более заражен народническими взглядами, более разделял народнические иллюзии, чем в конце 70-х годов. Но можно с уверенностью сказать, что писатель, болезненно воспринимавший народническую критику по своему адресу, делал некоторые уступки своим оппонентам.

Больше всего обрушились народнические критики на выводы, заключения, которыми сопровождает Успенский свои зарисовки жизни новгородской и самарской деревни. И Успенский смягчает или вовсе снимает свои выводы. Особенно тщательно зачеркивал он всякого рода обобщения о «народном сознании», «народном духе». Сохранив рассказ о том, что деревня не живет общественными интересами, что «мир» ничего не значит, Успенский снял авторское рассуждение об узости крестьянского мышления, о том, что все разговоры, мысли крестьян сосредоточены на деньгах, на своих, копеечных, мизерных интересах, которые иссушают народный ум (см. т. V, стр. 40—41, 43). Устранил Г. Успенский из первого очерка,

---

[51] См. Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 47 и 335—336.

при включении его в собрание сочинений, замечание иронического свойства о «крайнем огорчении людей, идеализирующих прочность деревенской общины», а также снял общее заключение к первому очерку: «В общих чертах, положение крестьянина не особенно привлекательно. Беспрекословный исполнитель повелительных наклонений, исходящих из волости, он, не имея ни цели, ни причины, знает одно, что ему нужны деньги и деньги. „Крестьянство“, т. е. земледельческий труд, денег этих не дает, — и необходимо добывать их на стороне. Случайность заработка, дающая одному больше, другому меньше, третьему совсем ничего, — разъединяет „мир“, общину. Жаль, тысячу раз жаль расшатываемого требованием денег и денег русского крестьянства» (т. V, стр. 61).

Во втором очерке изменения, которые Успенский сделал, включая его в собрание сочинений, сводятся исключительно к стилевым поправкам. Сокращено только одно авторское отступление (т. V, стр. 69), причем объяснить это можно естественным желанием автора сжать изложение, освободить текст от излишней публицистичности, сократить обращения к читателю, уместные в журнальном тексте и потерявшие интерес при включении очерков в собрание сочинений.

В третьем очерке, последнем, касающемся «северной полосы», также только одно изменение затрагивает существо текста. Успенским было снято авторское заключение по поводу рассказа о крестьянах Иване Абрамове и Иване Афанасьеве. Но в этом сокращении народническая критика не играла никакой роли. Напротив основная мысль заключения сводилась к народническому тезису: крестьянину вредно, бесполезно искать возможностей поправить дела, приобрести деньги «на стороне»; он сросся с деревней и потому, заключал Успенский, обращаясь к попечителям о народном благе, «поправляйте его на месте, у него дома, в *его* деревне, а не гоните его на-сторону, где он теряется, поистине, как малый ребенок, если только он настоящий *серый* мужик, а не кулак, не современный деревенский „пройдоха“...» (т. V, стр. 124).

Очерки, объединенные заголовком «В степи», открываются в Собрании сочинений 1884 г. авторским заявлением (его не было в тексте «Отечественных записок» и отдельного издания 1880 г.) о связи очерков, посвященных самарской деревне, с новгородскими очерками.

Снято было в собрании сочинений авторское рассуждение об ограничительном смысле очерков (см. там же, стр. 131). Успенский подчеркнул, что его соображения о самарской деревне — не случайные, «решительно не искусственно выдуманные, а родившиеся „сами собой“ при малейшем внимании к современным деревенским порядкам». Слов этих не было

в первоначальном тексте. Вместе с тем, противореча себе, Успенский в собрании сочинений сопровождает свой вывод о «почти полном отсутствии нравственной связи между членами деревенской общины» ослабляющей его значение сноской: «Прошу читателя иметь в виду, что заметки эти относятся к *известному только* времени, именно 77—78 гг., и к известным только местностям — северной новогородской и степной самарской». В сноске этой явственно видно воздействие Н. К. Михайловского, который, положительно отзываясь о деревенских очерках Успенского, усиленно пытался убедить и автора, и читателей, что очерки относятся только к определенному месту, определенному времени и не дают оснований для общих выводов.

Не менее противоречивый характер имела и остальная правка первого очерка о степной полосе. С одной стороны, Успенский сокращает публицистические отступления, в том числе и народнического свойства: об учителях, вообще интеллигентных людях, которые могли бы воздействовать на жизнь деревни (см. т. V, стр. 134—135); ничего нового не вносившее в текст рассуждение о том, что бедный член общины не может найти поручителя в 15—20 рублях, хотя в деревне существует крестьянский банк и есть общественные суммы, находящиеся в распоряжении сельского схода (см. там же, стр. 130).

Рассуждение об отсутствии «какого-нибудь света, который бы проникал со стороны в крестьянскую семью, дал бы возможность видеть кругом себя лучше и шире, дал бы возможность вздохнуть, видеть свою участь не только в трате своего пота и крови» — заменяется более конкретным: «дал бы возможность видеть хотя уголок той сложности новых условий жизни, в которой стало крестьянство после освобождения, дал бы вообще возможность вздохнуть, оглядеться, „сообразиться"» (там же, стр. 135 и 347).

С другой стороны, большая часть текстовых замен и, главное, сокращений, сделана, очевидно, в угоду народнической критике. Успенский ослабил место о тягостном впечатлении, которое произвел на него разговор с первым крестьянином, встретившимся в самарской деревне, смягчил текст о полной отчужденности членов крестьянского общества (см. там же, стр. 136), совсем устранил заключение о том, что при современных порядках крестьянин не может жить и действовать не изолированно, что при разрозненности членов общины в нравственном отношении — «ничтожная связь существует между ними и в вопросах общественной выгоды, прямой пользы, расчета» (там же, стр. 135—136). Вместо указания на «полное отсутствие в деревенских порядках „общественного внимания"»

в тексте собрания сочинений появилась смягченная фраза об «отсутствии в деревне *новых* элементов, расширяющих размеры „общественного внимания“» (т. V, стр. 137 и 348). Снято в тексте собрания сочинений резкое место: «Общественные порядки могут меня разорить, но уж помочь мне стать на ноги — нет, не помогут» (там же, стр. 138). После рассказа о том, как продаваемая помещиком земля лежит попусту, потому что крестьянское общество никак не может сговориться меж собой купить ее, далее в собрании сочинений устранено авторское рассуждение: «И нет людей, которые бы приняли к сердцу весь этот ужас деревенских порядков, которые бы, перестав сочувствовать народу на словах, считали бы своею обязанностью жить среди него, отдавая ему свои знания и давая ему возможность видеть и понимать такие вещи, которые теперь уткнуты в самый темный угол *собственных* своих нужд, забот и горя...» (там же, стр. 138).

Это сокращение, как и многие другие, связано с тем, что Успенский настойчиво сокращал авторские отступления публицистического свойства, чтобы приглушить антинародническую направленность своих очерков. Особенно беспощадным был он в отношении отступлений, написанных от первого лица. Так, во втором очерке о степной полосе было снято авторское рассуждение: «Давно уже я был убежден, что деревенская жизнь тяжка, даже невыносима иной раз, не столько от материальных несовершенств и недостатков, сколько от страданий психологических, от таких нравственных бед, которые и „выплакать-то“ даже нет возможности» (т. V, стр. 154) [52].

В третьем очерке, сокращая публицистические отступления, Успенский одновременно снял рассказ о дележе земли и леса «примерным» старостой Иваном Васильевым. Последнее было сделано под непосредственным воздействием нападок Златовратского. В этом же очерке содержится рассказ об убийстве крестьянами Федюшки-конокрада, который Успенский переработал при подготовке собрания сочинений. Крестьяне, движимые звериным «хозяйственным» инстинктом, убивающие бездомного сироту, который украл лошадь, сравнивались с кошечкой, поймавшей мышь. В 1884 г. Успенский снял это сравнение. В письме 1888 г. Успенский объяснил свои мотивы: «Когда я писал этот рассказ, я искренно ненавидел этих подлецов мужиков. Подлецов и злодеев я и теперь ненавижу, но с тех пор „кто виноват?“ стало пониматься мною много сложнее. Таким образом, когда этот рассказ печатался в 5 томе, я пожалел мужиков и выбросил параллель с окровавленной мордой кошки, облизывающей и обтирающей лапками кровь

[52] Все остальные изменения в этом очерке — стилистического свойства.

с своей морды» (т. XIV, стр. 222). В конце третьего самарского очерка Успенский ставил множество вопросов о деревенской жизни, возникших у него в связи с убийством конокрада. И отвечал за них: «Очевидно, что тут есть, действительно, какая-то недоимка, только не в крестьянском кармане и не в кассе контрольной палаты, а в народном уме, развитии и сознании. Не будь именно этой второй недоимки, разве двести рублей общественных денег могли бы оказаться лишними в бедной деревне»... и т. д. до конца очерка (там же, стр. 191—192). Взамен всего этого рассуждения в тексте собрания сочинений появился один краткий вопрос: «Почему все это должно быть так, как есть, а не иначе?» И на него не давалось никакого ответа.

Четвертый самарский очерк был совсем исключен Успенским из цикла при подготовке собрания сочинений. Этот очерк представляет собой ответ критикам из народнического лагеря, «крайне интересный как по содержащемуся в нем признанию тщетности надежд на возможность остановить «маховое колесо», увлекающее Россию на путь западноевропейской культуры, т. е. капитализма, так и по резкому отзыву о людях, не замечающих развития в России пролетариата» (там же, стр. 372). Снято было это пространное полемическое выступление не потому, что перестало быть актуальным, а потому, что в собрании сочинений Успенский настойчиво вычеркивал все, что было вызвано злобой дня или являлось прямой полемикой с народниками.

В пятом самарском очерке правка была довольно незначительной. Однако и здесь автор устранил рассказ о том, как крестьяне поджигали дома друг друга и выгорело все село (см. там же, стр. 226), как в крестьянском общежитии все вопросы разрешаются «по-старинному», по-звериному (см. там же, стр. 242), о том, что в России нельзя жаловаться на земельную «тесноту» (см. там же, стр. 243). Было снято и полемическое рассуждение о враче, которому автор предложил в одном из предшествующих очерков довольствоваться курицей, «в изъявление крестьянской благодарности, и который публично «обругал» Успенского в своей газете (см. там же, стр. 244).

Наконец, в шестом самарском очерке, рассказывающем о «народном печальнике» Андрее Васильевиче Соловецком, в тексте собрания сочинений Успенским были сделаны интересные добавления, ярче раскрывающие судьбу этого человека (см. там же, варианты к стр. 249, 257). Вместе с тем в окончательном тексте (заключительные строки очерка) явственно звучит народническая нота — о благости жертвы, принесенной Соловецким деревне, о необходимости ограждать эту деятельность «от посягательств на то, чтобы превратить ее в мучени-

чество». В тексте «Отечественных записок» речь шла о бесплодности жертвы, в тексте отдельного издания — о некоторой пользе, но ничтожной «сравнительно с громадностью личной жертвы».

Таким образом, переработка Успенским цикла «Из деревенского дневника» при включении его в собрание сочинений свидетельствует о том, что в процессе переработки создана была новая редакция, существенно отличающаяся от первоначальной. Самая переработка происходила в нескольких направлениях:

1) художественного, стилистического совершенствования текста; уточнения, прояснения ряда мыслей;

2) сокращения острых публицистических отступлений — в связи с усилением цензурного гнета в середине 80-х годов;

3) устранения из текста отрывков, полемически направленных против народников;

4) идейного искажения, обеднения очерков — в угоду народнической критике.

По нашему мнению, при такого рода авторской переработке текст последнего авторизованного издания не может быть избран в качестве основного. Как ни существенна для нас стилистическая правка автора в последних изданиях, несравненно важнее иметь в виду идейную порчу текста, происшедшую в них. По существу здесь мы сталкиваемся с примером, аналогичным автоцензуре. Только источник искажений — насилие не со стороны жандармов в литературе, а тех «друзей народа», из которых одни искренно заблуждались, а другие лицемерными фразами о любви к народу, серому мужику прикрывали защиту корыстных классовых интересов.

Исходя из сказанного, нельзя не согласиться с решением редакторов V тома академического издания Полного собрания сочинений Г. Успенского, перепечатавших цикл «Из деревенского дневника» по тексту отдельного издания 1880 г., а не по тексту авторизованных изданий Собрания сочинений Успенского. Перепечатка же в четвертом томе последнего издания сочинений Успенского, выпускаемого Гослитиздатом, текста 1889 г. является, с нашей точки зрения, излишней «последовательностью», ненужной прямолинейностью в решении сложных текстологических вопросов.

* * *

Таким образом, анализ творческой истории произведений, перерабатывавшихся авторами от издания к изданию, в связи с эволюцией мировоззрения, ни в коей мере не колеблет не-

зыблемости основного текстологического принципа — нерушимости творческой воли писателя-классика. Отступления от ориентации на последний авторский текст, как текст, в наибольшей степени воплощающий высшую ступень в творческом волеизъявлении, исчисляются единицами и могут расцениваться не более как исключения из правила. Отступления последнего рода, заставляющие текстолога как будто отказываться от принципа нерушимости творческой воли автора, по существу не являются таким отказом, потому что самая порча текста являлась не результатом творческого акта писателя, а следствием губительного воздействия на него разного рода привходящих обстоятельств.

Однако следует повторить, что крайне опасно субъективное, произвольное расширение понятия «порча». Нужны бесспорные доказательства, объективно подтверждающие порчу, чтобы при выборе основного текста отказаться от последнего, одобренного автором издания.

Е. И. ПРОХОРОВ

«СОЧИНЕНИЯ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ» ИЗДАНИЯ 1842 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ТЕКСТА

В 1889 г. вышли первые пять томов сочинений Н. В. Гоголя под редакцией акад. Н. С. Тихонравова, а в 1896 — VI и VII томы под редакцией В. И. Шенрока — первое научное издание произведений Гоголя[1]. Оно составило целую эпоху в истории изучения творчества писателя и положило начало устойчивой традиции в подготовке текстов его произведений. Современники в своих рецензиях единодушно отмечали, что издание под редакцией Н. С. Тихонравова установило «канон гоголевского текста».

Изданию было предпослано «Предуведомление» редактора, в котором Н. С. Тихонравов вкратце разобрал все предшествовавшие издания и дал оценку напечатанному в них тексту. Положительно оценив издание П. А. Кулиша («Сочинения и письма Н. В. Гоголя» в шести томах, 1857) и отрицательно — пять изданий наследников Гоголя (1862—1884), Н. С. Тихонравов очень резко отозвался о качестве текста в первом издании сочинений Гоголя, вышедшем в 1842 г. в Петербурге. Редактором этого издания был друг Гоголя Николай Яковлевич Прокопович.

По мнению акад. Н. С. Тихонравова, Прокопович оказался плохим редактором Гоголя: «Выправляя в произведениях Гоголя действительные погрешности против русского языка, он (Прокопович. — *Е. П.*) в то же время без всякой надобности изменял отдельные выражения Гоголя, казавшиеся ему неприличными или неточными... Как старательный учитель «исправлял» Прокопович отдельные обороты и выражения

---

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Изд. X. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым. М., 1889. В дальнейшем указывается сокращенно: Н. В. Гоголь. Изд. X.

в сочинениях Гоголя, руководствуясь своими грамматическими и стилистическими правилами. С ревностию пуриста устранял иногда Прокопович из произведений своего «друга» обороты речи и оттенки произношения, заимствованные поэтом из живого народного говора и песен, и заменял их книжными»[2]. Н. С. Тихонравов приводит и примеры редакционных исправлений Прокоповича: «надобно» вместо «нужно», «возле» вместо «около», «этот» вместо «сей» и т. д.

Таким образом, писал в другой статье Н. С. Тихонравов, «порча текста началась уже с этого первого издания сочинений Гоголя, вследствие того, что Прокопович не всегда умел разбирать рукописный оригинал, корректуру держал небрежно и позволял себе делать совершенно ненужные поправки в слоге вверенных ему для напечатания произведений»[3].

Н. С. Тихонравов первый сделал из слов Гоголя об ошибках, вкравшихся в это издание, вывод, что «Гоголь не был доволен редакциею Прокоповича и осторожно дал понять это своему школьному товарищу»[4]. Наконец, Н. С. Тихонравов утверждал, что «недоумения, может быть, и вызывавшиеся в издателе, Н. Я. Прокоповиче, не всегда исправными копиями писца, оставались неразрешенными; сомнительные места печатались обыкновенно в том виде, какой они получили под пером писца. Произвольные поправки первого издателя вносили в текст Гоголя новые искажения. Указанные недостатки первого издания „Сочинений Гоголя“ перешли и в последующие издания»[5].

Как видим, отзыв о работе Прокоповича как издателя дан беспощадный, и, начиная с 90-х годов прошлого века, не было, пожалуй, ни одного исследователя, который бы не преминул в своей работе упомянуть Прокоповича как «исказителя» Гоголя. В результате за Прокоповичем как за издателем и даже человеком укоренилась весьма дурная слава.

Нам думается, что давно пора разобраться в этой «славе», созданной, в сущности, лишь авторитетным мнением Н. С. Тихонравова и дошедшей до наших дней в виде отрицательной оценки издания Прокоповича в нынешнем академическом издании сочинений Гоголя[6].

---

[2] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. I, стр. IX.

[3] Цит. по «Известиям книжных магазинов М. О. Вольфа», 1902, № 4—5, стр. 41.

[4] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. I, стр. X.

[5] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. I, стр. VI.

[6] См. Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. В 14 томах, изд-во АН СССР, 1937—1952, т. I, стр. 6. В дальнейшем указывается сокращенно: Н. В. Гоголь. Акад. изд.

Публикация новых писем и других материалов о Н. В. Гоголе, частью бывших не известными редакторам академического издания, позволяет нам по-другому взглянуть на Прокоповича и вынести иное мнение о качестве текста в издании 1842 г.

Установлению всех обстоятельств подготовки и выпуска в свет этого издания и, главное, выяснению качества текста в нем посвящена эта работа.

1

Гоголя с Прокоповичем связывала давняя дружба: они вместе учились в Нежине (Прокопович был курсом моложе) и очень привязались друг к другу.

Позже, в 1830 г., в Петербург переехал Прокопович и, как вспоминает П. В. Анненков, на квартире у добродушного и хлебосольного Прокоповича часто собиралась дружная компания живущих в столице украинцев. Центром группы был Гоголь. Насколько Гоголь был дружен с Прокоповичем, можно судить по тому, что только Прокопович знал, что автором идиллии «Ганц Кюхельгартен» был Гоголь, что именно Прокопович провóдил Гоголя в его первую, такую неожиданную поездку за границу, что именно на квартиру к Прокоповичу приехал Гоголь сразу по возвращении из этой поездки. Словом, это был человек, который в первый период жизни и творчества Гоголя был наиболее близок к нему.

Прокопович был, видимо, даровитой личностью: письма Гоголя показывают, что он очень высоко ценил талант Прокоповича как писателя. Так, в статье «О „Современнике" (Письмо к П. А. Плетневу)» Гоголь писал: «...мне бы очень хотелось, чтобы ты (Плетнев. — *Е. П.*) отыскал Прокоповича и умел склонить его взяться за перо повествователя. Из всех тех, которые воспитывались со мною вместе в школе и начали писать в одно время со мной, у него раньше, чем у всех других, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, всё изливалось у него непринужденно-обильно, всё доставалось ему легко и пророчило в нем плодовитейшего романиста...» [7].

Характерно, что и в 1847 г., т. е. после расхождения с Прокоповичем и почти четырехлетнего перерыва в переписке, Гоголь писал ему: «...твоя проза была в несколько раз лучше твоих стихов и уже тогда (в Нежине. — *Е. П.*) была гораздо правильней нынешней моей» [8].

---

[7] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. VIII, стр. 426.
[8] Там же, т. XIII, стр. 323.

Из литературных произведений Н. Я. Прокоповича до нас дошло только 14 стихотворений, из них 11 были опубликованы им в различных журналах, а после смерти автора все были изданы в 1858 г. Н. В. Гербелем отдельной книжкой.

В стихотворениях этих немало ярких, реалистических зарисовок, которыми могли бы гордиться и более известные поэты того времени:

У замерзлого болота
Домик старенький стоит;
Подле — дряхлые ворота,
Да калины куст торчит.
К дому этому дорожка
Извивается змеей,
И над самою землей
Поларшинное окошко
Снег пушистый облепил,
Свету путь загородил.
. . . .
Полночь стукнуло на башне;
Как преступница, бледна,
Совершает путь всегдашний
Полноликая луна.

Оценивая издание стихотворений Прокоповича, Д. И. Писарев совершенно справедливо писал, что «в литературных опытах Прокоповича действительно заметны проблески истинного таланта, но талант этот никогда не получил полного развития» [9].

В 40-х годах Прокопович познакомился с В. Г. Белинским и был активным посредником в сношениях Гоголя с ним. Именно в письмах к Прокоповичу Гоголь постоянно передает приветы Белинскому, просит его выступить с предварительной статьей о «Мертвых душах» («О книге можно объявить... Попроси Белинского, чтобы сказал что-нибудь о ней в немногих словах, как может сказать не читавший ее») [10]. Наконец, на квартире Прокоповича, втайне от московских друзей, состоялось свидание Гоголя с Белинским в 1842 г.

Однако Прокопович был больше чем посредствующее звено во взаимоотношениях между Белинским и Гоголем. Хотя Прокопович никогда не стоял в рядах революционных демократов, все же он был человеком, близким к кругу Белинского. Белинского и Прокоповича соединяла не только общая любовь к Гоголю: фамилия Прокоповича упоминается в письмах к Белинскому его жены, о встречах с Прокоповичем пишет Белинскому А. В. Кольцов и просит передать Прокоповичу

---

[9] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. В шести томах, СПб., 1909, т. I, стр. 35.

[10] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 60.

«душевное почтение и низкий поклон», и сам Белинский нередко упоминает о Прокоповиче в своих письмах. Так, сообщая В. П. Боткину о пропаже рукописи «Мертвых душ», Белинский пишет: «. . . подозревает Плетнев, Прокопович и я, что Погодин получил (рукопись из цензуры. — *Е. П.*), но таит до времени, с целию выманить у него (Гоголя. — *Е. П.*) пока еще статейку для журнала». Белинский прямо заботился о Прокоповиче и писал Боткину: «Да что же ты не шлешь Прокоповичу денег за Гоголя? напомни также М. С. Щепкину... чтобы и он выслал Прокоповичу 25 руб. за переписку „Женитьбы" и „Игроков"».[11]

Наконец, очень показательным является такой факт: в 1846 г., после смерти А. В. Кольцова, Белинский задумал издание стихотворений любимого им поэта. Он взял на себя роль главного организатора и редактора издания: собрал и подготовил к печати стихотворения и написал вступительную статью «О жизни и сочинениях Кольцова».

В качестве издателей этой книги выступили Н. А. Некрасов и Н. Я. Прокопович, о чем сообщено на обороте титульного листа книги.[12] Общеизвестно, каким опытным и знающим издателем был Некрасов, и уже то, что он привлек к изданию книги Н. Я. Прокоповича, говорит, во-первых, о признании Некрасовым умения и опыта Прокоповича-издателя и, во-вторых, что Прокопович был достаточно хорошо лично знаком ему.

Значит, в те годы, когда Гоголь готовился выпустить свои «Выбранные места из переписки с друзьями», вызвавшие такое возмущение Белинского, Прокопович не поплелся вслед за своим великим другом, а нашел свое место правильно, сотрудничая с Белинским и Некрасовым.

Думается, есть все основания утверждать, что Прокопович понимал место и значение Белинского в развитии русской литературы. Это проявилось как в том, что будучи лично знакомым и с Плетневым, издававшим в эти годы «Современник», и с Белинским, фактически руководившим «Отечественными записками», Прокопович укорял Гоголя за то, что он участвует в других журналах (в частности, в «Современнике»), а ничего не дает в «Отечественные записки»[13], так и в замечательном ответе Гоголю в письме от 27 июня 1847 г. Когда Гоголь решил, что статья Белинского против «Выбранных мест. . .» вызвана тем, что Белинский «. . . принял всю

---

[11] В. Г. Белинский. Письма. Под ред. Е. Ляцкого, СПб., 1914, т. II, стр. 291—292 и стр. 361.

[12] Выражаем признательность Ю. Г. Оксману, указавшему нам на этот факт.

[13] См. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя. В четырех томах, М., 1892—1898, т. IV, стр. 50.

книгу написанною на его собственный счет...»[14], Прокопович с жаром и возмущением отверг подобную мысль: «Зная Белинского давно, я не могу не быть уверенным, что ни одна строчка его не назначалась мщению за личное оскорбление. Почему не судить проще и не принимать всего сказанного им встрече совершенно противоположных друг другу убеждений... Белинский не говорил хладнокровно о прежних твоих сочинениях: мог ли он говорить хладнокровно и о последних?»[15].

Все эти примеры позволяют сделать вывод, что общение с Белинским сказалось и на идейно-эстетическом развитии Прокоповича. Он вовсе не был таким умственным «лентяем», как, при всей любви к нему, нередко говорил о нем Гоголь; он разбирался в людях и имел о литературе свое собственное мнение, воспитанное под влиянием идей Белинского. Поэтому-то нам не кажутся странным преувеличением слова Н. В. Гербеля — тоже нежинца, хорошо знавшего двух друзей, — что Прокопович имел на Гоголя «сильное и благотворное влияние»[16].

Неудивительно, что когда Гоголю нужно было найти человека для такой хлопотливой и трудоемкой работы, как издание его сочинений, — он не долго раздумывал: он хорошо знал способности Прокоповича и глубоко верил в его дружеские чувства[17].

Н. Я. Прокоповичу не чужды были издательские интересы. Еще 7 марта 1839 г. Гоголь писал А. Данилевскому, что родной брат Н. Я. Прокоповича — В. Я. Прокопович просил Гоголя разрешить выпустить второе издание «Ревизора». Гоголь отказал ему (право на это издание было обещано Погодину), но естественно предположить, что один брат делал это предложение не без ведома и согласия другого (братья жили вместе на одной квартире).

Поэтому, когда Гоголя захватили заботы по изданию «Мертвых душ» и когда он понял, что московские друзья своей ревнивой любовью только мешают делу, он обратился к Прокоповичу с просьбой принять на себя издание его сочинений.

Прокопович долго не соглашался («...я насильно его втя-

---

[14] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XIII, стр. 324.

[15] Е. В. Петухов. Письма Н. В. Гоголя к Н. Я. Прокоповичу. Изд. 2-е. Киев, 1895, стр. 55.

[16] Н. В. Гербель. Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю. В кн.: «Стихотворения Н. Я. Прокоповича». СПб., 1858, стр. 6.

[17] «Ты старый, верный спутник от незапамятной юности», — писал Гоголь Прокоповичу 3 июня 1837 г. (Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XI. стр. 102).

нул в это дело, умоляя именем дружбы взяться за него...»[18], — писал Гоголь), но потом поддался уговорам. В конце мая 1842 г. Гоголь приехал в Петербург и здесь вместе с Прокоповичем обсудил все детали издания: состав томов, качество бумаги, рисунок шрифта, формат набора, даже расположение строк на странице (характер верстки). Гоголь сам нашел типографию, выбрал бумагу для издания, договорился о стоимости работы и одобрил контракт между издателем и типографщиком[19]. 5 июня было получено цензурное разрешение на издание, подписанное А. В. Никитенко, и Гоголь, увидев, что Прокопович начал работу, выехал в Рим. Он оставил своему издателю часть текстов в первых изданиях или писарских копиях («Тараса Бульбу» и «Портрет» кроме того и в автографах), а часть увез с собой для внесения дополнительных поправок. Но, видимо, сознавая невысокое качество оставленных копий, Гоголь прислал Прокоповичу из Гастейна письмо (27 июля (15) 1842 г.), в котором дал ему весьма широкие права: «При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней... Пожалуста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников... и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — все будет хорошо»[20].

Таким образом, работа над изданием сочинений началась еще при Гоголе и после его отъезда шла полным ходом. 21 октября 1842 г. Прокопович сообщал Гоголю: «Теперь дело вот в каком положении: первая часть готова совсем, вторая оканчивается, третья началась»[21], четвертая часть запаздывала, так как Гоголь задерживал присылку из Рима «Игроков» и «Театрального разъезда». Вскоре эти произведения были получены, и все издание было закончено. Но арест цензора А. В. Никитенко задержал выдачу разрешения на выпуск издания в свет; оно было передано в Главный цензурный комитет, где пробыло еще месяц, и только в начале 1843 г. «Сочинения Николая Гоголя» поступили в продажу. Издание состояло из четырех томов: I — «Вечера...» (обе книги), II — «Миргород» (в том числе исправленный текст «Вия» и новая редакция «Тараса Бульбы»), III — «Повести» (ранее опубликованные в составе «Арабесок» — «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего»; в «Современнике» — «Нос», «Коляска» и «Портрет»; в «Москвитянине» — «Рим» и

[18] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 160.

[19] См. письмо Прокоповича Шевыреву. «Литературное наследство», т. 58, стр. 656.

[20] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 84.

[21] В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. IV, стр. 53—54.

впервые публикуемая новая повесть «Шинель») и IV — «Комедии» (новая редакция «Ревизора» с приложениями, ранее опубликованная в «Современнике» сцена «Утро делового человека» и впервые публикуемые «Женитьба», «Игроки», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», «Театральный разъезд»).

После выхода издания в свет обнаружилось, что Прокопович стал жертвой издателей-коммерсантов. Во-первых, издание обошлось очень дорого, и, во-вторых, хозяин типографии, Жернаков, совершил, в сущности, уголовное преступление, допустив контрафакцию, т. е. выпуск издания бо́льшим тиражом, чем было условлено. В результате оказалось, что когда Прокопович предложил книгопродавцам книги, — они их уже имели, закупив у Жернакова по пониженной против номинала цене [22].

Для того чтобы разобраться во всем этом, нужно было время, а Гоголь, не знавший о случившемся, требовал из Рима денег, которых у Прокоповича не было.

Этим обстоятельством немедленно воспользовались московские друзья Гоголя, очень недовольные тем, что Гоголь поручил издание не им, а Прокоповичу [23]. Шевырев, пользовавшийся особым доверием Гоголя, первый написал ему об этом и, по-видимому (письмо не сохранилось), не говоря прямо, в чем дело, в различных намеках пенял Гоголю, что он «плохо распорядился своими сочинениями». В ответ Гоголь писал ему 28 февраля 1843 г.: «Сколько я могу догадываться, *вероятно*, плохое распоряжение относится к изданию моих мелких сочинений и, *вероятно*, Прокопович сделал по неопытности какую-нибудь глупость» [24]. Здесь показательны эти два «вероятно», выделенные нами: Гоголь еще ничего не знает и в совершенно спокойной форме, даже добродушно предполагает со стороны Прокоповича какую-нибудь «глупость по неопытности». Но и здесь Гоголь еще раз подчеркивает: «Прокоповичу я пору-

---

[22] См. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. М., 1890, стр. 69. Однако у Аксакова в воспоминаниях ошибка. Он пишет: «Когда Шевырев впоследствии, с разрешения Гоголя, вытребовал все остальные экземпляры к себе в Москву, оказалось, что у книгопродавцев в Петербурге и частью в Москве находился большой запас «Мертвых душ», не соответствующий числу распроданных экземпляров, так что в течение полутора года ни один книгопродавец не взял у Шевырева ни одного экземпляра, а все получали их из Петербурга. . .». Учитывая, что «Мертвые души» печатались в Москве и Прокопович не имел никакого отношения к этому изданию, следует признать, что здесь речь должна идти не о «Мертвых душах», а об экземплярах четырехтомника «Сочинений Николая Гоголя».

[23] С. Т. Аксаков писал, что издание выходит в Петербурге, «за что мы все на Гоголя сердились» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 106).

[24] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 141.

чил потому, что... это человек во всех отношениях честный и благородный, и деятельный, когда того потребуют». Такой ответ, понятно, не удовлетворил Шевырева, и он пишет 26 марта 1842 г. уже более решительное письмо, утверждая, что виной всему — недобросовестность Прокоповича: «Сочинения свои, по моему мнению, ты должен был печатать здесь... Теперь же ты поставил себя в зависимость от таких людей, которые в тебе никакого участия не принимают и смотрят на твои сочинения, как на вещь, из которой хотели бы извлечь самую большую прибыль. Отныне ты навсегда должен убедиться, что интересы твои все должны быть здесь, на руках у друзей твоих...»[25] и т. д. Но, предвидя сопротивление Гоголя таким обвинениям, Шевырев оговаривается тут же: «В благородстве и дружбе к тебе Прокоповича я совершенно уверен». Как видим, это письмо, в сущности, клевета на Прокоповича, который был очень пунктуальным и аккуратным человеком, что хорошо подтверждают два факта: в марте 1843 г. Прокопович писал Шевыреву: «Расписку или сохраните у себя, или пришлите при случае мне; все документы, касающиеся сочинений Гоголя, я берегу, дабы он по приезде мог поверить все мои действия»[26], а годом позже — в феврале 1844 г., — когда укладчик книг в одну из коробок посылки по ошибке положил лишних 10 экземпляров II тома, Прокопович попросил Шевырева возвратить их, «но таким образом, чтобы деньги за провоз заплачены были мною, потому что это моя оплошность, и Гоголь за нее платить не обязан»[27].

Естественно, что Гоголь, хорошо зная своего друга, возражал против нападок Шевырева: «это прекрасная благородная душа, которую я уже испытал не раз с детского возраста почти»[28].

Наконец, Прокопович оказался вынужденным сообщить Гоголю о всех обстоятельствах дела, так как чувствовал, что длительной задержкой в высылке денег он ставит Гоголя в тяжелое положение. Гоголь написал в ответ обычное дружеское письмо и только в постскриптуме, видимо, из опасения остаться без денег, указал Прокоповичу, что в отношении распродажи издания ставит его в подотчет Плетневу и Шевыреву. Плетнев здесь упомянут, безусловно, из деликатности: он жил, как и Прокопович, в Петербурге, и его Гоголь еще раньше просил во всяких затруднениях помогать Прокоповичу. Шевыреву же Гоголь писал, что Прокопович обязан «высылать экземпляры по первому твоему требованию, в каком

[25] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г. Прилож., стр. 1—4.
[26] «Литературное наследство», т. 58, стр. 650
[27] Там же, стр. 666.
[28] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 160.

количестве будет вами за благо определено... все это будет сделано Прокоповичем: он весь в вашем распоряжении»[29]. Это была излишняя мера: еще в январе 1843 г., как только сочинения были разрешены цензурным комитетом к выпуску в свет, Прокопович немедленно выслал двадцать пять экземпляров, а вслед за этим 175 экземпляров в Москву Шевыреву[30] для передачи Погодину, Аксакову, Хомякову и Щепкину[31], а в марте — для Павлова и Свербеевой, причем оговорился: «...о последних Гоголь мне не писал ничего, но он мог забыть, а Вы знаете его московские связи; следовательно, он не должен быть в претензии за то, что мы поправили его ошибку»[32]. Несмотря на это, Шевырев сделал Прокоповичу замечание за то, что тот не выслал экземпляры сочинений некоторым друзьям Гоголя, и пожаловался Гоголю на такую «провинность» Прокоповича. Гоголь ответил ему: «Но в этом я виноват. Я не сделал совершенно никаких распоряжений, и он уже сам, догадываясь, с кем я мог быть в сношениях близких в Москве, почел приличным послать... раздай всем по экземпляру, кому ни найдешь приличным»[33], т. е. совершенно ясно ответил Шевыреву, что одобряет распоряжения Прокоповича о посылке книг, так как самому автору все равно, кто их получит. Надо заметить, что это не совсем так: в письме Прокоповичу от 22 октября 1842 г. Гоголь просил его «первые экземпляры сей же час послать»[34] Шевыреву, Аксакову, Хомякову, Погодину, Вельегорскому, Смирновой, Плетневу, Вяземскому. Таким образом, указанное выше письмо Гоголя Шевыреву следует расценивать, как написанное в защиту Прокоповича от нападок Шевырева.

Но московские друзья продолжают наперебой доказывать Гоголю, что издание не имело успеха и что в плохом качестве его виноват только Прокопович. Гоголь, поддавшись их настойчивым «доказательствам», тоже настроился против этого издания. В результате, получив в Риме в августе 1843 г. экземпляр своих сочинений, Гоголь написал Прокоповичу письмо, в котором сурово оценил весь четырехтомник: «Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее. Книги, я воображал, выйдут благородной толщины, а вместо того они такие тоненькие. Подлец типографщик дал мерзкую бумагу; она так тонка, что сквозит... Буквы тоже подлые...

---

29 Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 183.
30 См. «Литературное наследство», т. 58, стр. 649.
31 См. там же.
32 Там же, стр. 650.
33 Н. В. Гоголь. Акад. изд., т XII. стр. 159
34 Там же, стр. 108.

Я также на тебя еще должен сердиться за то, что ты не сказал мне прежде ни слова о подлостях типографии и таил их от меня долго»[35]. После этого письма Гоголь пишет своим знакомым (Анненкову, Данилевскому, Шевыреву, Плетневу и др.), что он сделал глупость, поручив издание Прокоповичу.

Все это, конечно, доходило до сведения Прокоповича, — он обиделся на Гоголя и прекратил с ним переписку. Прав был Плетнев, стоявший в стороне от всех этих нападок на Прокоповича и писавший Гоголю, что Прокопович, «конечно, не войдет с тобою в сношения, пока ты дружески не объяснишь ему в особом письме, что тебе нужно знать от него. Он тебя любит, но не доволен твоею недоверчивостью и беспорядочностью в сношениях, которые требуют прозаических данных»[36].

15 ноября 1844 г. Шевырев вновь пишет Гоголю настоящий пасквиль на Прокоповича: «Ведь вот не хочешь же ты сознаться, что ты дурно сделал, доверив все это дело в Петербурге таким людям, которые не стоили твоей доверенности. Ты предпочел их твоим московским друзьям и вверил твои самые значительные интересы людям, почти тебе чужим»[37]. Все это писалось уже после того, как Прокопович, следуя указаниям Гоголя, подробнейшим образом сообщил Шевыреву о своей работе над изданием и доказал, что, собственно, он ни в чем не виноват[38]. Одно из своих писем (18 марта 1843 г.) Прокопович закончил словами: «Вот все, что я почел *долгом честного человека* отвечать на последнее письмо Ваше»[39]. (Курсив наш. — *Е. П.*).

Такова история издания «Сочинений Николая Гоголя» под редакцией Прокоповича. Как видим, плохая слава об этом издании, поддержанная якобы самим Гоголем, была создана прежде всего московскими друзьями Гоголя. Но, как было уже сказано, настало время критически отнестись к этой «славе» и объективно разобраться в его достоинствах и недостатках.

2

Как можно судить по приведенным выше цитатам, Шевырев осуждал только коммерческую сторону издания. Бесспорно, издание обошлось дорого: печатание четырех томов по

[35] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 215—216.
[36] Письма Плетнева к Гоголю. «Русский вестник», 1890, ноябрь, стр. 38.
[37] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г. Прилож., стр. 17.
[38] См. «Литературное наследство», т. 58, стр. 656, 666.
[39] Там же, стр. 656.

5000 экземпляров стоило более 16 000 рублей [40]. Что касается контрафакции, то нельзя же винить Прокоповича за то, что типографщик пошел на преступление, в результате чего Гоголь потерпел убытки.

Сам Гоголь также осуждал в основном полиграфическое качество издания, т. е. работу Прокоповича-издателя. Но и это осуждение не совсем справедливо. Бумагу, на которой печатались книги, он называет «мерзкой», но это та самая бумага, которую он сам выбрал: «Бумага наша очень хороша, именно такая, какую ты хотел, т. е. та самая, на которой [печатается] „Русская беседа“» [41], — писал Прокопович Гоголю 21 октября 1842 г., а 18 марта 1843 г. сообщал Шевыреву: «Насчет бумаги Гоголь сам сказал Жернакову, что он желает точно такого достоинства, как в „Русской беседе“; такая точно и была заказана Жернаковым; потрудитесь сами сличить» [42]. Наша проверка это подтверждает: качество бумаги одинаковое, в «Русской беседе» она так же сквозит, как и в издании сочинений Гоголя.

«Неблагородная толщина книг» — тоже не вина Прокоповича; к тому же это обвинение просто неверно: в 1-м томе его издания, например, $28^1/_2$, а в 4-м — 37 печ. листов. Это не так мало. Интересно, что Шевырев, видимо, упрекал Прокоповича в том, что он очень разогнал строки на странице и израсходовал на этом лишнюю бумагу, стоившую дорого, так как Прокопович оправдывался: «Можно бы было двумя-тремя строками печатать поубористее, но я при начале печатания не имел в руках всего оригинала и потому не мог расчесть, что 4-й том займет с лишком 37 листов; притом же я показывал пробный лист Плетневу, у которого в сомнительных случаях всегда просил совета, и он его одобрил» [43].

О буквах также никак нельзя сказать, что они «подлые»: все просмотренные нами издания произведений Гоголя тех лет

---

[40] См. в письме Гоголя к Прокоповичу: «Восемь тысяч я потерял из собственного кармана... Напечатание тома «Мертвых душ» мне стало 2 тысячи. Четыре подобных тома составили бы 8 тысяч, а в Петербурге издание этих томов обошлось ровно вдвое больше» (Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 217). Однако Прокопович Шевыреву писал об этом несколько иначе: «Я совершенно согласен с мнением Вашим насчет дороговизны печатания: оно стоит 16 600 р.; в Москве, точно, обошлось бы дешевле, хотя и не вдвое; мне и другим Гоголь говорил, что издание „Мертвых душ“ ему стоило 3500 руб.; следовательно, 4 такие книги обошлись бы в 14 т. р. ... Гоголь знал, что здесь и бумага и работа дороже; не я, а он сам сошелся с Жернаковым на 125 р. за лист; он сам читал и одобрил черновой контракт, заключенный мною с Жернаковым» «Литературное наследство», т. 58, стр. 656.

[41] В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. IV, стр. 53.

[42] «Литературное наследство», т. 58, стр. 656.

[43] Там же.

имеют гораздо худший шрифт: неудобочитаемые буквы, излишнюю черноту очка и т. д. Вообще томики издания Прокоповича своим изяществом, компактностью, качеством полиграфического исполнения и сейчас оставляют очень хорошее впечатление. Прокопович имел все основания писать Гоголю: «... издание выходит очень красиво...» [44] и Шевыреву: «кажется, могу надеяться, что это издание будет красивее и исправнее всех прежних изданий Гоголя...» [45], добавляя в другом письме, что он не хотел бы, чтобы «издание это походило бы на издание „Мертвых душ", всеми единодушно осуждаемое» [46].

Этого же мнения придерживался Белинский, который в своем «Библиографическом известии», опубликованном в № 9 «Отечественных записок» за 1842 г., т. е. когда часть издания была уже отпечатана и он мог сам оценить качество его, писал: «К декабрю месяцу текущего года выйдет собрание сочинений Гоголя в *четырех* томах, красиво и изящно изданных» [47]. Думается, что Белинский не мог себе позволить оценку качества издания, не видев его.

Но самое главное, что имеет значение для нас — это качество текста в этом издании. Об этом ни при жизни Гоголя, ни позднее, вплоть до Н. С. Тихонравова, никто из исследователей или издателей Гоголя ничего не говорил. Даже Шевырев, резко осуждая это издание, ни разу не обмолвился ни одним словом о качестве текста. В чем же здесь дело?

Довольно яркий свет на причину недовольства Шевырева изданием Прокоповича проливает разночтение между двумя одинаковыми по содержанию письмами Прокоповича: одно — Гоголю, другое — Шевыреву. Гоголю Прокопович пишет 21 октября 1842 г.: «... за корректурную исправность, кажется, могу ручаться и даже похвастаться ею: я набил уже руку в этом деле и читаю две корректуры сам, а после меня прочитывает еще и Белинский» [48]. Шевыреву же Прокопович 6 августа писал так: «корректор у меня хорош, а две последние корректуры читаю сам...» [49], т. е. о Белинском ни слова. Это вполне понятно: Шевырев и все московские друзья Гоголя всячески старались помешать общению Гоголя с Белинским. Так, С. Т. Аксаков писал: «У нас возникло подозрение, что Гоголь имел сношение с Белинским, который приезжал на короткое время в Москву, секретно от нас, потому что в это

[44] В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. IV, стр. 54.
[45] В. В. Гиппиус. Гоголь в письмах и воспоминаниях, М., 1931, стр. 249.
[46] «Литературное наследство», т. 58, стр. 656.
[47] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 349.
[48] В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. IV, стр. 54.
[49] В. В. Гиппиус. Гоголь в письмах и воспоминаниях, стр. 249.

время мы все уже терпеть не могли Белинского.., обнаружившего гнусную враждебность к Москве, к русскому человеку и ко всему нашему русскому направлению» [50], а позже Шевырев, узнав, что Белинский хочет выступить против «Выбранных мест...», радовался: Белинский «...изменил уже свое мнение о Гоголе и напечатает ряд статей против него. Это послужит только к чести Гоголя — и давно пора ему для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносил ему Белинский» [51].

Как видим, отношения «москвичей» к Белинскому были прямо враждебные. Естественно возникает вопрос: не потому ли Шевырев и прочие так резко выступали против издания Прокоповича, что в нем близкое и активное участие (они, безусловно, знали об этом) принимал Белинский? Не было ли это точно рассчитанным ударом по отношениям между Гоголем и Белинским? Ведь, как было показано выше, особенных поводов обвинять Прокоповича у них не было, а они жестоко, вплоть до оскорблений, поносили его. Невольно возникает этот вопрос и ответ на него, что действительно основой для всех обвинений было участие Белинского в издании под редакцией Прокоповича. Но привлечь Белинского к изданию Прокопович не мог самовольно: зная, как не любил Гоголь знакомить кого бы то ни было со своими еще не опубликованными произведениями (а такими в сочинениях были «Женитьба», «Тяжба» и другие драматические произведения, «Шинель», новые редакции «Тараса Бульбы» и «Портрета», исправленные «Ревизор», «Вий», «Нос»), Прокопович не мог пригласить Белинского читать корректуры, не согласовав этого с Гоголем. Что это так, подтверждается одним из писем Гоголя, где он просит поблагодарить «от души всех, принимавших участие относительно дел моих...» [52] и персонально называет Белинского: «...Белинского поблагодари тоже много...» [53]. Примечательно при этом, что сам Гоголь, как и Прокопович, ни в одном письме в Москву не упоминает имени Белинского.

Итак, качество текста в издании Прокоповича не подвергалось критике ни противниками Прокоповича, ни самим Гоголем. И только Н. С. Тихонравов, подготовив первое критическое издание произведений Гоголя, впервые высказал мнение о качестве текста издания Прокоповича. Тихонравов считал, что «повидимому, изданием Прокоповича не были довольны и почитатели Гоголя. 7 апреля 1843 г. Гоголь писал

[50] С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 54.
[51] В. В. Гиппиус. Гоголь в письмах и воспоминаниях, стр. 322.
[52] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 157.
[53] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XIII, стр. 158

Шевыреву: „Мне однако же очень прискорбно, если я был причиною того, что *доставил ему* (Прокоповичу) *в чем-либо дурную репутацию*"»[54].

С мнением Тихонравова о качестве текста в издании Прокоповича нельзя согласиться, что мы попытаемся доказать ниже. Тем более неверно его мнение, что из-за порчи текста изданием Прокоповича были недовольны и «почитатели Гоголя». Ссылка Тихонравова при этом на письмо Гоголя к Шевыреву очень показательна: недоволен был Шевырев — тот, кто писал Гоголю пасквильные письма не только на Прокоповича-издателя, но и на Прокоповича-человека. Выше были процитированы отрывки из этих писем, показывающие, из-за чего шла вражда: это была борьба не за красоту, изящество и дешевизну издания и тем более не за написание отдельных слов или выражений. Это была борьба за Гоголя-человека и писателя, имевшая целью оторвать Гоголя от революционно-демократического лагеря, возглавляемого Белинским, и сделать его своим — славянофильским, патриархальным, чуждающимся всего нового, передового, прогрессивного. Об этих друзьях из славянофильского лагеря писал Гоголю Плетнев 27 октября 1844 г.: «Другие твои друзья — московская братия. Это раскольники, обрадовавшиеся, что удалось им гениального человека, напоив его допьяна в великой своей харчевне настоем лести, приобщить к своему скиту»[55]. Правда, Плетнев здесь поторопился, сказав, что им «удалось». Этого никогда не было. Но борьба шла все время, и она не могла не сказаться на Гоголе. Идейной базой этой борьбы было отрицание социального смысла творчества Гоголя, настойчивая, но тщетная попытка отвлечь его от внимания к больным вопросам общества, свести его сатиру к невинному юмору и беззубому развлекательству. Именно Шевырев писал в рецензии на «Миргород», что «Гоголь соединил оба качества смешного: его смех — простодушен, его смех — неистощим»[56], утверждая, что «смешное есть бессмыслица безвредная... Безвредная бессмыслица — вот стихия комического, вот истинно смешное»[57], а в статье «Похождение Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя» указывал: «Гоголь у нас единственный писатель, который остается верен своему назначению, не отвлекается ничем посторонним, твердо и постоянно служит искусству и живет только для него одного»[58].

---

[54] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. I, стр. X.

[55] Письма Плетнева к Гоголю. «Русский вестник», 1890, ноябрь, стр. 36.

[56] «Московский наблюдатель», 1835, март, кн. 2, стр. 398.

[57] Там же, стр. 401.

[58] «Москвитянин», 1842, № 8, стр. 358.

Н. А. Полевой, принадлежавший к другому лагерю, тоже утверждал, что у Гоголя есть свой «участок — добродушная шутка, малороссийский *жарт*», что в этом Гоголь — «превосходен, неподражаем»[59].

Все эти рассуждения — ярчайшие проявления идейной борьбы того времени, и письма Шевырева, в которых он клянется в своей любви к Гоголю и поносит Прокоповича, — тоже проявления этой борьбы. Только так к ним и следует относиться, не делая никаких произвольных выводов о том, что «критическое» отношение друзей Гоголя к изданию Прокоповича объясняется якобы искажением последним гоголевского текста. Ведь даже С. Т. Аксаков, человек того же московского круга, писал об издании Прокоповича только одно: «...дело это он исполнил не совсем хорошо. Во-первых, издание стоило неимоверно дорого, а во-вторых, типография сделала значительную контрфакцию»[60]. О тексте здесь тоже ни слова, а, как известно, в семье Аксаковых царил настоящий культ Гоголя, тексты его произведений знали чуть ли не наизусть, и уж, конечно, обратили бы внимание на искажения стиля Гоголя в новом издании.

По пути Тихонравова в оценке издания Прокоповича пошли и все последующие издатели, включая и редакторов академического издания. Правда, во вступительной статье «От редакции» суровость и непримиримость тихонравовских оценок несколько смягчена, но общий смысл их сохранен полностью: «Наибольшая доля участия Прокоповича, — говорится там, — сказалась в правке гоголевского языка и стиля.

Прокопович подошел к своей задаче с большой добросовестностью, несомненно учитывая при этом, что „неправильность“ гоголевского языка была одним из важных аргументов в борьбе реакционной критики против Гоголя. Прокопович понял свою задачу как исправление не только орфографии, не только пунктуации, не только отступлений от общепринятых грамматических норм, но и как исправление стиля. Он изменял порядок слов, казавшийся ему необычным; вводил новые слова, если они, как казалось ему, требовались логикой фразы; заменял слова, сомнительные с точки зрения языкового пуризма и даже с точки зрения своеобразно понимаемых приличий (так, например, слово „нужно“ систематически заменялось словами „надобно“, „надо“)»[61].

Эта цитата ярко демонстрирует общность оценок издания Прокоповича Тихонравовым и редакторами академического

---

[59] Цит. по кн.: В. Зелинский. Русская критическая литература о произведениях Н. В. Гоголя. Изд. 3-е, М., 1903, ч. I. стр. 185—186.
[60] С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 69.
[61] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. I, стр. 6.

издания, общность почти текстуальную: и «языковый пуризм», и «неприличие выражений», и даже пример исправления тот же, что у Тихонравова. Это, конечно, не предосудительно, если редакторы полностью разделяют мнение своего предшественника, но вместе с тем в какой-то мере является характеристической чертой, показывающей влияние Тихонравова на редакторов академического издания.

Но если Тихонравову некоторые документы были неизвестны (возможно, например, он знал не все письма Шевырева к Гоголю, опубликованные только в 1893 г., т. е. в год смерти ученого [62]), то теперь все эти письма известны, и мы видим, как методически добивался Шевырев от Гоголя признания в «плохом распоряжении» изданием сочинений.

Вместе с тем Тихонравов, видимо, вообще не придавал значения той борьбе за Гоголя, которая велась между Шевыревым, Аксаковым и другими — и Белинским, и потому не видел, что за отрицанием издания Прокоповича стояло отрицание лагеря демократического, который возглавлял Белинский и к которому примыкал Прокопович. Возможно, именно поэтому Тихонравов нигде не упоминает о близости Прокоповича к Белинскому, о том, что Белинский читал корректуру этого издания (в чем, кстати, за Тихонравовым следуют редакторы академического издания во вступительной статье), или, перечисляя все печатные отзывы о «Портрете», ничего не говорит об отзывах Белинского, или отвергает предположение Анненкова, «что успех дела о напечатании „Мертвых душ“ зависел от направления, данного делу Белинским» [63], хотя никаких доводов против этого предложения не приводит, и т. д. Продолжатель дела Н. С. Тихонравова — В. И. Шенрок, выпустивший VI и VII томы X издания, шел еще дальше и в «Очерке истории текста первой части „Мертвых душ“» прямо утверждал: «Не только в середине тридцатых годов, когда Гоголь свысока отзывался о критике Белинского. . ., но и позднее Белинский никогда не был для него в сущности большим авторитетом, так что придавать значение влиянию. . . слов (Белинского. — *Е. П.*) на Гоголя... было бы рискованно» [64].

Но если такое невнимание к вопросам идейной борьбы в литературе мог позволить себе Тихонравов или Шенрок, то оно выглядит странным в советском издании сочинений Гоголя.

---

[62] Но некоторые письма он знал. См., например, письмо В. И. Шенрока Н. С. Тихонравову от 30 VIII 1889. Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, архив Н. С. Тихонравова, шифр — Тих/II.8—61.

[63] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. III, стр. 462.

[64] Там же, т. VII, стр. 494.

Ведь даже Прокопович понимал эту борьбу, как признают редакторы академического издания в приведенной выше цитате, и стремился отнять у реакционной критики аргументы, с которыми она выступала против Гоголя. А редакторы академического издания осуждают за это Прокоповича, отводят ему чуть ли не первое место в ряду «исказителей Гоголя». Не видя за различными клятвами в любви к Гоголю истинных целей этих клятв, за нападками на Прокоповича-издателя — борьбы со сторонниками Белинского и на этом основании отвергая издание сочинений Гоголя 1842 г. как искаженное посторонним вмешательством, — редакторы академического издания игнорируют историческую обстановку, что и отражается на качестве подготовленного ими гоголевского текста.

3

Попробуем теперь разобраться объективно в этом запутанном вопросе — о правке Прокоповичем текста Гоголя, — учитывая все, что нам известно о Прокоповиче как издателе и человеке.

О трудностях в прочтении текста Гоголя Прокопович писал Шевыреву в августе 1842 г.: «Беда мне не с „Миргородом“, а с рукописными сочинениями [т. е. с „Тарасом Бульбой“ из II тома, „Шинелью“ и, возможно, с окончанием „Носа“ — из III тома и драматическими произведениями — из IV тома]: в них чего не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш и оставил, а я должен пополнять по догадкам» [65]. Писарские копии во многих случаях оказались действительно неисправными; это знал, видно, и сам Гоголь, почему он и дал Прокоповичу такие широкие права на исправление текста. Но здесь следует обязательно иметь в виду два момента, важных при оценке работы Прокоповича как редактора: во-первых, то, что санкция на «самоуправность» и «полновластность» была предоставлена Прокоповичу только в отношении II тома сочинений и обобщение этой санкции, перенесение ее на все издание, как это делается обычно, — совершенно неправомерно; во-вторых, цензурные копии произведений до нас не дошли, и мы не можем твердо говорить о том, каковы были поправки Гоголя и что исправил Прокопович. Даже Тихонравов, резко обвиняя Прокоповича в искажении некоторых текстов Гоголя, почти нигде не говорит с уверенностью, что это самовольные поправки Прокоповича и даже вообще, что это — поправки Прокоповича. Так, о тексте «Носа», переработанного автором (следовательно, этот текст

[65] В. В. Гиппиус. Гоголь в письмах и воспоминаниях, стр. 249.

поступил к Прокоповичу в числе тех самых «рукописных сочинений», на качество которых он жаловался), Тихонравов пишет: «В тексте „Носа“... сделаны были... мелкие стилистические поправки, касавшиеся нередко порядка слов... Не имеем сведений о том, кому принадлежат эти поправки — Гоголю или Прокоповичу»[66]. Только в отношении текста тех произведений, которые печатались с печатных источников, Тихонравов более решителен: «В „Сочинениях Гоголя“ (1842 г.), — пишет он о „Невском проспекте“, — эта повесть перепечатана без перемен со стороны автора; отступления от текста „Арабесок“ допущены Прокоповичем»[67], а о «Коляске» замечает, что она «при перепечатке в первом издании „Сочинений Гоголя“, не подверглась редакционной переделке со стороны автора; Прокопович сделал немногие стилистические поправки в тексте повести»[68]. Рукописей, отражающих переработку этих произведений, действительно, не обнаружено, но ведь Гоголь мог их стилистически исправить прямо по первопечатным текстам. Упускать возможность этого мы не вправе.

Тихонравову вторят и редакторы академического издания: «Исправления, на которые Прокоповича уполномочил сам Гоголь..., в третьем томе в общем немногочисленны, по качеству же не отличаются от его поправок в других томах (например, во втором, где печатался „Миргород“)»[69].

На это можно возразить только одно: нам неизвестно, откуда редакторы взяли все эти сведения. Ведь «полномочия» были даны Прокоповичу только на II том. Откуда же берут редакторы академического издания сведения, что Прокопович правил и все остальные тексты? Из цензурных, наборных или беловых копий, правленных Прокоповичем? Но их не существует! Из переписки Прокоповича с Гоголем? Тоже нет! Значит, только из сличения первопечатных источников с изданием Прокоповича? Мы считаем это в данном случае методологически неправильным приемом. Как известно, Гоголь неоднократно просил многих своих друзей исправлять текст его произведений перед публикацией. В гоголеведении же об этом почти всегда умалчивают и во всем обвиняют Прокоповича. Но почему забывают, что Гоголь просил и других исправлять его текст, в частности Плетнева и Шевырева? Только потому, что следов их правки нельзя обнаружить? Однако из их же писем известно, что они действительно иногда правили текст. В X издании и в академическом издании о по-

---

[66] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. II, стр. 575.
[67] Там же, т. V, стр. 592.
[68] Там же, т. II, стр. 622.
[69] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. III, стр. 639.

добных фактах говорится мельком, скороговоркой, зато редакторы пространно рассуждают о самоуправстве Прокоповича. Но ведь правка Прокоповича, повторяем, также не может быть документально доказана: мы не знаем ни одного документа, который бы нес на себе следы правки Прокоповича! А сличать «Арабески» с изданием Прокоповича и все разночтения относить за счет правки редактора — недопустимо. Почему, например, забывается такое письмо Гоголя к Пушкину: «Посылаю вам два экземпляра Арабесков... Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. — Мне это очень нужно»[70]. Мы знаем, каким заботливым товарищем, каким внимательным читателем, каким доброжелательным критиком был Пушкин — достаточно вспомнить его критические замечания в письмах или на полях книг со стихами, например, Дельвига и Батюшкова, на стихи и статьи Вяземского, на «Записки» Нащокина и др. Так почему же мы не можем думать, что просьба молодого писателя, выпустившего свою новую книгу, с восторгом встреченную Пушкиным писавшим, что «Невский проспект самое полное из его (Гоголя. — *Е. П.*) произведений»[71] не осталась без ответа. Скорее, наоборот, можно полагать, что высоко ценя талант Гоголя и вместе с тем видя его промахи в языке, Пушкин не мог оставить их без замечаний. Возьмем для примера «Невский проспект». В издании Прокоповича есть фраза: «выключая только разве мальчишек в *пестрядинных* халатах»[72]. В «Арабесках» выделенное слово написано иначе и с ошибкой: «пестредявых». Почему же следует думать, что это Прокопович заменил простонародное, да еще неверно написанное слово на литературное? Почему эту поправку не мог подсказать Гоголю Пушкин, заметивший ошибку, а Гоголь не мог поправить, не просто переставив буквы, а изменив всю форму слова? Когда поручик Пирогов похвалил работу Шиллера, у последнего «чувство самодовольствия *распустилось по душе*». Так, в «Арабесках», а в издании Прокоповича выделенные слова изменены на «проникло в душу». Трудно представить себе, что это поправка редактора: так мог поправить только автор.

У нас нет оснований считать, что все разночтения между текстом «Арабесок» и текстом издания 1842 г. — поправки Прокоповича. Почему Прокопович должен был заменить слово

---

[70] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. X, стр. 347—348.
[71] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., изд-во АН СССР, т. 12, стр. 27.
[72] «Сочинения Николая Гоголя», СПб., 1842, т. III, стр. 13.

«наезды» словом «набеги» во фразе: с утра Петербург «наполнен старухами в изодранных платьях и салопах, совершающих свои набеги [в „Арабесках“ — „наезды“] на церкви и на сострадательных прохожих»[73]? Почему Прокопович должен был исправить фразу: дамские рукава «несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы приподнялась [в „Арабесках“ — „поднялась“] на воздух, если бы не придерживал [в „Арабесках“ — „поддерживал“] ее мужчина»[74]? Разве не мог Пушкин в этих и десятке других случаев подсказать Гоголю, что старухам в изодранной одежде свойственны набеги, но никак не наезды на церкви: ведь они не барыни, приезжающие молиться, а попрошайки на паперти; что женщина с такими рукавами могла бы не «*под*няться», а именно «*при*подняться» на воздух, и все ее «спасение» в том, что мужчина ее «*при*держивает», т. е. тянет вниз, а не «*под*держивает», т. е. подталкивает вверх и т. д. и т. п.

А разве «Нос» и «Коляска», печатавшиеся в пушкинском «Современнике», не могли быть исправлены им как редактором журнала, пусть в каких-нибудь мелочах? Тихонравов, например, указывает, что при сличении черновой рукописи «Коляски» с первопечатным текстом «мы замечаем всюду множество стилистических поправок, из которых некоторые могли быть сделаны не без участия Пушкина. Известно, что Пушкин находил язык Гоголя крайне неправильным»[75]. А вторая редакция «Портрета» разве не могла быть исправлена Плетневым? О возможности этого также есть упоминание у Тихонравова, а в академическом издании даже приводится одна фраза, имеющаяся в рукописи, но отсутствующая в «Современнике» и отнесенная на основании этого к вычеркам Плетнева[76].

Почему же обо всем этом почти не говорится в трудах литературоведов о Гоголе, а если говорится, — то глухо? Из боязни «умалить» талант Гоголя? Или умалчивают об этом потому, что *факты* редактирования Гоголя Пушкиным или Плетневым неизвестны? Но, повторяем, так же неизвестны *факты* редактирования Гоголя Прокоповичем; даже в письмах Прокоповича нет таких прямых указаний на то, что он редактировал текст, какие есть в письмах Шевырева!

---

[73] Ср. «Арабески», ч. II, стр. 27—28 и «Сочинения Николая Гоголя», т. III, стр. II

[74] Ср. «Арабески», ч. II, стр. 33 и «Сочинения Николая Гоголя», т. III, стр. 16.

[75] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. VI, стр. 742.

[76] См. Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. III, стр. 670. Отнесение это ничем не аргументировано и, с нашей точки зрения, безосновательно.

Поэтому нам кажется несколько опрометчивым отнесение на счет Прокоповича всей правки, например, «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего», которые читал и *мог* поправить Пушкин. Мы подчеркиваем «мог», так как это наша гипотеза, но она имеет, пожалуй, больше прав на существование, чем *утверждение*: «это правил Прокопович», которое не менее гипотетично, чем наша гипотеза. Но если это гипотеза, то можно ли ее выражать в такой категорической форме? Тихонравов в этом отношении поступал гораздо правильнее и осторожнее: он свое решительное осуждение издания Прокоповича снабжал нередко, например, такими оговорками: «*кажется*, Прокоповичу принадлежит и замена слова „сей" словом „этот"»[77] и т. п. Основание для категорических выводов, конечно, шаткое, но Тихонравов и не пытался его усилить безапелляционностью высказываний, как это сделано в академическом издании.

Редакторы этого издания вообще слишком мало доверяют имеющимся в распоряжении текстолога объективным данным: известно, что Гоголем было заменено слово «надо» на «нужно» в сцене «Отрывок», украинское «чую» на русское слово «слышу» в «Тарасе Бульбе» и т. п. Что же касается выражений «сей» — «который», «сей» — «этот», то мы хотели бы напомнить, что одним из корректоров этого издания был Белинский, который писал, что «жалкое состояние нашей литературы и вообще нашей умственной деятельности гораздо более доказывается защищением и употреблением *сих* и *оных*, нежели нападками на *сии* и *оные*»[78], которые давно вышли из употребления. Почему же мы не можем предположить, что это исправление не Прокоповича, а Белинского? Да и Гоголю употребление «сей—сие» не было так свойственно, как думают: например, в беловой рукописи «Портрета» было написано: «И, произнесши *эти* слова, он подошел к своим прежним портретам» и «в *этой* же зале находились. . .»; так же было в издании Прокоповича, а в «Современнике», т. е. между текстом рукописи и изданием Прокоповича, появилось: «сии слова» и «в сей же зале». Где же «искажен» Гоголь — у Прокоповича или в «Современнике»? Кстати, и приведенные выше слова Белинского об устарелости слов «сей» и «оный» взяты нами из его рецензии на I том именно «Современника», для которого, как указывал Белинский, характерно злоупотребление этими словами. Так можно ли это разночтение между первопечатным текстом и текстом в издании Прокоповича от-

---

[77] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. I, стр. IX.

[78] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II. М., изд-во АН СССР. 1953, стр. 183.

носить к числу «искажений», сделанных редактором? У Тихонравова, например, эти варианты вообще не учтены (как и многие другие), и не эти ли пропуски дали ему основание говорить о систематическом исправлении Прокоповичем гоголевского «сей» на «этот»?

Подобного рода примеров можно привести больше, но дело не в количестве их: важен сам факт наличия этих примеров. Раз они есть, значит не может быть абсолютного решения, и любое умозаключение, которое будет игнорировать эти факты, будет не точно, не полно, значит — неверно. Таким неверным решением является категорическое отвержение текста издания Прокоповича, предложенное Тихонравовым и поддержанное в академическом издании. Правда, первый признает необходимость и правильность некоторых поправок Прокоповича, исправляющих «действительные ошибки Гоголя», но в этом разделении на «ошибки» — «не ошибки» он допускает полный произвол и субъективизм; второе признает издание Прокоповича полезным только для исправления опечаток в первопечатных текстах, но такое «признание» вообще не может быть принято: опечатка есть опечатка, и ее надо исправить, даже если бы не было издания Прокоповича.

Мы отстаиваем совершенно иную точку зрения: результаты нашего анализа текста в издании Прокоповича и сличения его с текстами предшествующих и последующих изданий, а в некоторых случаях и с рукописями, дают нам основание утверждать, что первопечатные издания, с которых набиралось издание Прокоповича, были просмотрены и выправлены Гоголем перед сдачей их редактору.

Приведем примеры. Во-первых, никто, кроме Гоголя, не мог, конечно, выделить «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего» из «Арабесок» и составить вместе с ранее напечатанными и новой повестью «Шинель» отдельный том — «Повести».

Во-вторых, в тексте почти всех повестей есть такие исправления, которые могут быть результатом только авторской правки: редактор таких исправлений внести не мог. Например, в «Коляске» есть фраза: офицеры полка ходили друг к другу поболтать, «а иногда поставить, *тихомолком от генерала,* на карточку дрожки»[79]. Выделенной нами фразы нет в черновой рукописи и в издании Прокоповича, но она есть в «Современнике». Кто ее туда вставил и, главное, кто изъял? Предположение редактора академического издания, что эта фраза вставлена Гоголем по цензурным соображениям[80], вполне вероятно, но кто и почему мог ее выбросить без ведома Го-

[79] «Современник», 1836, т. I, стр. 172.
[80] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. III, стр. 694.

голя? Нам кажется, что никто, кроме самого Гоголя, который знал, что в тексте «Современника» это вынужденная вставка, которая должна быть изъята, когда представится возможность.

В первопечатном тексте «Коляски» говорится, что на обеде у генерала «завязался довольно жаркий спор о *баталионном* учении»[81]. В издании Прокоповича выделенное слово заменено другим: «эскадронном» в соответствии с первыми строками повести, где сказано, что в городке Б. стоял кавалерийский полк. Думается, что это тоже авторская поправка.

Третий пример: сомнительно, чтобы Прокопович вычеркнул в «Портрете» слово «приближающуюся», вполне уместное во фразе: «наконец почувствовал он *приближающуюся* дремоту, захлопнул форточку»[82], или слово «старательное» во фразе: художник приложил «всю силу кисти и все *старательное* тщание свое»[83], чтобы написать глаза старика. Только автор мог исключить из текста слова «говорила дама» во фразе: «Ах, зачем это? это не нужно, *говорила дама.* — У вас тоже...»[84], или исправить «предводимая» на «сопровождаемая» во фразе: «вошла дама, *предводимая* лакеем в ливрейной шинели»[85] и т. д. и т. п. Никаких оснований не было у Прокоповича для исправления слова «сильнее» на «светлее» во фразе: «холодное синеватое сияние месяца становилось *сильнее»* в «красноватом свете» опускавшейся «вечерней зари»[86]. Решить, какое слово здесь более уместно, более точно передает реальную картину, может, конечно, только писатель с его художническим «ви́дением» предмета, а не редактор.

Наконец, в том же «Портрете» в «Современнике» есть две фразы: «...Дант не мог найти ума в своей республиканской родине»[87] и «Как вдруг один из присутствовавших членов... сделал замечание пораньше всех»[88]. Здесь чувствуется какая-то неловкость, но что здесь есть грубые опечатки, искажающие смысл, — это найдешь не сразу, а тем более не скажешь, как надо исправить. В издании Прокоповича эти ошибки исправлены: в первой фразе вместо «ума» поставлено «угла», а во второй — вместо «пораньше» — «поразившее». Думается, что эти поправки также принадлежат Гоголю, а не Прокоповичу.

Рассмотрим текст «Записок сумасшедшего». Редакторы академического издания утверждают: «Вторично при жизни

[81] «Современник», 1836, т. I, стр. 181.
[82] «Современник», 1842, т. XXVII, стр. 21.
[83] Там же, стр. 6.
[84] Там же, стр. 40.
[85] Там же, стр. 33.
[86] Там же, стр. 7.
[87] Там же, стр. 70.
[88] Там же, стр. 81.

Гоголя «Записки сумасшедшего» изданы были в 3-м томе Сочинений, в 1842 году. Текст «Арабесок» подвергся тут со стороны Прокоповича довольно значительному количеству исправлений: не только орфографических и грамматических, но даже и стилистических» [89]. Что же это за исправления?

Не говоря об исправлении опечаток в «Арабесках» — «буть» вместо «будь», «беред» вместо «перед», «не ней» вместо «на ней» и других, в издании Прокоповича изменено написание ряда слов: «докторской» на «докторский», «тихинькой» на «тихенький», «чулочик» на «чулочек» и др.; «подскользнулся» на «поскользнулся», «подчивать» на «потчивать» и др.; «фасона» на «фасону», «приступа» на «приступу» и др.; «на кровате» на «на кровати», «дона» на «донна» и т. д. Кроме того, методически проведены через весь текст издания Прокоповича замены «есть-ли» на «если» (в «Арабесках» встречаются оба написания), «эдакий» на «этакий», «сказал сам в себе» на «сказал сам себе» (в «Арабесках» встречаются обе формы) и другие и исправлены три наиболее часто встречающихся в «Арабесках» написания: слитное написание глагола с отрицанием; окончание «ъ» вместо «ь» в глаголах, оканчивающихся на шипящую во 2-м лице единственного числа («пойдешъ», «скажешъ», «напишешъ» и др.) и постоянно раздельное написание наречий и союзов типа «итак», «отчего», «затем» и др.

Такого рода исправлений очень много — они составляют подавляющую часть всех разночтений. Но они, по сути, являются или исправлением действительных ошибок в тексте «Арабесок», или результатом приведения к единообразию написаний слов на протяжении всей повести. Поэтому, даже если они были сделаны редактором Прокоповичем, то все же никак не могут быть отнесены к числу редакторских искажений авторского текста.

Но в «Записках сумасшедшего» есть ряд исправлений, серьезно изменяющих текст: смысл, стиль, лексику. Анализ этих исправлений показывает, что их также нельзя отнести на счет Прокоповича. Например, замена заголовка повести: «Клочки из записок сумасшедшего» на «Записки сумасшедшего» не могла, конечно, быть сделана Прокоповичем самовольно, без ведома Гоголя. Скорее всего заголовок изменил сам Гоголь в печатном тексте, с которого производился набор. Другой пример: собака Меджи жалуется, что она поворчала на дога, «но ему и *нуждочки* мало» [90]. У Прокоповича выделенное слово заменено на «нуждушки», что, конечно, не мог

[89] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. III, стр. 701.
[90] «Арабески», ч. II, стр. 255.

сделать Прокопович, которому не было свойственно подобное словотворчество. Во фразе «Но после, когда я сообразил все это хорошенько, то тогда же перестал удивляться»[91] в издании Прокоповича нет слов «тогда же». Исчезновение их не связано ни с грамматикой, ни со стилем, а только со смыслом: нужно было оставить что-то одно — или «после» сообразил и перестал удивляться, или «тогда же»; оставить так, как было в «Арабесках», — значит сохранить ошибку первопечатного текста. Вряд ли это исправление сделал Прокопович: смысловой правильностью или неправильностью текста он не занимался и все оставлял так, как у Гоголя. Например, в тех же «Записках сумасшедшего» Поприщин пошел за хозяевами собачки Фидели и увидел, что они живут на пятом этаже. Когда же он решил достать у Фидели письма Меджи, то поднялся уже на шестой этаж[92]. Ошибка Гоголя в издании Прокоповича осталась неисправленной.

Таким образом, обо всех приведенных выше разночтениях можно почти с полной уверенностью сказать, что они могли появиться только в результате авторских поправок.

Наконец, очень поучительный материал дает текст повести «Тарас Бульба». Как уже говорилось, Гоголь просил Прокоповича выправить текст именно этой повести: «в „Тарасе Бульбе“ много есть погрешностей писца. Он часто любит букву „и“; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла...»[93]. Можно почти не сомневаться, что Прокопович выполнил эту просьбу, и эти исправления отличают текст «Тараса Бульбы» от текста, например, «Петербургских повестей», которые Гоголь не просил править. Но и здесь, как и в «Повестях», нет никаких объективных, не говоря уже о документальных, доказательств того, что Прокопович действительно правил текст. Ссылка же Н. С. Тихонравова на то, что писарская копия, с которой проводился набор, «до передачи в типографию, была внимательно прочтена, конечно, Прокоповичем» и что при этом «отмечены были карандашом слова и обороты, употребленные Гоголем неправильно, своеобычно»[94] — не соответствует действительности. Во-первых, тщательное изучение истории этой копии и бытования ее приводит нас к выводу, что она была снята для Гоголя, а не для издания, и была увезена писателем в Рим, откуда поступила в б. Румянцевский музей в 1877—1879 гг. среди бумаг великого русского худож-

[91] «Арабески», ч. II, стр. 237.
[92] См. «Сочинения Николая Гоголя», т. III, стр. 346 и 355.
[93] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 84—85.
[94] Н. В. Гоголь. X изд., т. I, стр. 659.

ника А. А. Иванова[95]. Значит, эта копия вообще не была в руках Прокоповича и карандашные отчеркивания на полях и подчеркивания слов (см. 2, 4, 5 об., 7 об., 8, 11, 11 об. и многие другие листы копии, находящейся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина) — не могут принадлежать Прокоповичу; во-вторых, в копии есть только одна карандашная поправка, исправляющая действительную ошибку: вычеркнута буква «к» во фразе: «И Фома с подбитым глазом мерял без счету *к* каждому пристававшему по огромной кружке» (см. л. 27 об. рукописи). Кем бы это ни было сделано — сделано было правильно; в-третьих, все чернильные поправки в копии, судя по почерку, были сделаны Гоголем или переписчиком (см. лл. 71, 82, 84, 85, 102 и др. рукописи); в-четвертых, некоторые примеры исправлений якобы Прокоповича, приведенные Тихонравовым в перечне поправок[96], искажают факты. Так, например, слово «ломтями» во фразе: «Она уже успела нарезать *ломтями* принесенный рыцарем хлеб» появилось впервые не в издании Прокоповича, а совершенно отчетливо написано уже в писарской копии (см. л. 71 об.); в-пятых, приводя примеры «отмеченных и исправленных Прокоповичем идиотизмов гоголевского языка в „Тарасе Бульбе“»[97], Тихонравов в свой перечень включает лишь те слова, которые действительно изменены в издании Прокоповича. Но гораздо большее число отмеченных якобы Прокоповичем слов вошло в текст его издания без всякого изменения, например, слово «угрожало» (л. 7 об.), «безжизненных» (л. 11 об.), «любопытно» (л. 16 об.), всего в 31 месте копии.

Редактор текста «Тараса Бульбы» в академическом издании — И. Я. Айзеншток — идет еще дальше. Он утверждает: «Всего в тексте „Тараса Бульбы“ Прокоповичем сделано свыше 600 поправок»[98], и далее дает внушительный перечень некоторых из этих поправок. Выше мы уже указали, что это неверно в целом: нельзя все разночтения между беловой копией и текстом в издании Прокоповича относить за счет правки последнего, так как известная нам беловая копия не была у Прокоповича и не с нее делался набор, а наборная копия, которую читал и правил Гоголь и которую он нашел неудовлетворительной (см. письмо от 27 июля 1842 г.), нам неизвестна. Теперь можно показать, что это замечание И. Я. Айзенштока неверно и в частных случаях. Приведем

---

[95] Подобного же мнения придерживается и А. Л. Слонимский. См. «Вопросы гоголевского текста». «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», 1953, т. XII, вып. 5, стр. 403.

[96] См. Н. В. Гоголь. Изд. X, т. I, стр. 659.

[97] Там же.

[98] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. II, стр. 712.

только два примера, на которые вслед за академическим изданием обычно ссылаются и другие исследователи.

И. Я. Айзеншток пишет, что Прокопович заменил слова «били татарву», как стоит в автографе, на «били татаров». По поводу этого исправления Н. П. Третьякова — автор исследования «Работа Гоголя над языком и стилем „Тараса Бульбы“» — пишет: «собирательная форма *татарва* имеет в речи Тараса стилистическую функцию. Она придает оттенок отрицательного отношения, пренебрежения к татарам — к врагам... Замена Прокоповича почти уничтожает экспрессию, вложенную Гоголем в эти слова Тараса Бульбы» [99]. Все это верно, но только Прокопович здесь ни при чем: «татаров» стоит уже в писарской копии (л. 6).

Далее, И. Я. Айзеншток пишет: «Имя кошевого *Кирдюг* Прокопович почему-то переделал на *Кирдяга*...» [100]. Но утверждать это, — значит признаться в том, что редактор не читал писарской копии, где на лл. 36 об., 37, 37 об., 38 более десяти раз совершенно отчетливо написано «Кирдяга». Значит, эта поправка также не принадлежит Прокоповичу.

Однако между писарской копией и изданием Прокоповича есть действительно разночтения, и анализ показывает, что большинство из них никак не может быть отнесено на счет редакторской правки. Например, какая была необходимость Прокоповичу исключать из текста выделенные слова: «Он (Андрий. — *Е. П.*) с любопытством рассматривал эти земляные стены, *напомнившие ему киевские пещеры*» (л. 63) или: передняя была наполнена дворней, «необходимою для показания сана польского вельможи, *как военного, так и владельца собственных поместьев*» (л. 69) и во многих других случаях (всего 38 мест). Ничего плохого, неудачного, ненужного в этих выброшенных словах нет, значит редактору незачем было исключать их из текста. Другое дело — автор: почему он принимает или отбрасывает то или иное слово — это ему подсказывает его вкус художника. И безусловно Гоголь выбросил выделенные слова во фразах: «Вот где наука, *так наука!*» (л. 4): здесь нужно прямое категорическое утверждение; над зданием был надстроен «в две арки бельведер, где стоял часовой; большой *часовой* циферблат вделан был в крышу» (л. 66): здесь неуместны два омонима; татарка «уже успела

---

[99] Н. П. Третьякова. Работа Гоголя над языком и стилем «Тараса Бульбы». «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, М., изд-во АН СССР, 1953, стр. 69. В работе много фактических неточностей и ошибок в цитатах из текстов Гоголя, объясняющихся не только ошибками в академическом издании, но и небрежностью автора.

[100] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. II, стр. 712.

нарезать ломтями хлеб *и яствы*» (л. 71 об.): Андрий принес только хлеб, никаких яств у него не было — и т. д.

Все эти поправки были сделаны Гоголем, по-видимому, в недошедшей до нас наборной (или цензурной) копии, и у нас нет никаких оснований считать их редакторскими искажениями, внесенными в текст Гоголя. С нашей точки зрения, полностью прав А. Л. Слонимский, который указывает: «Некритическое отрицание текста издания 1842 г. является источником ошибок в академическом тексте „Тараса Бульбы“»[101].

Наше убеждение в том, что Гоголь правил печатный текст своих произведений перед сдачей их в набор, основано на анализе разночтений между текстами. Против наличия авторской правки в издании Прокоповича не возражал и Тихонравов: «В первые три месяца 1842 г., ожидая цензурного разрешения „Мертвых душ“, Гоголь втихомолку занимался окончательной „перечисткою“ прежних и вновь написанных произведений своих, которые должны были войти в состав первого издания его „Сочинений“»[102]. Но, придя к такому решению, нужно быть последовательным и сделать из него необходимые выводы.

Нельзя, конечно, отрицать, что Прокопович действительно вносил в гоголевский текст некоторые исправления, но эта работа сводилась прежде всего к орфографической правке текста. Прокопович не был лингвистом, и грамотность его была, конечно, «относительной», как справедливо заметил 75 лет спустя Н. И. Коробка, но все же Прокопович преподавал русский язык в кадетском корпусе и был, безусловно, внимательнее к соблюдению грамматических и орфографических норм, чем Гоголь[103]. Поправки Прокоповича чисто грамматического порядка не вызывали возражений и у последующих редакторов-филологов[104].

Возможно, конечно, что эта грамматическая правка иногда перерастала у Прокоповича в стилистическую. К сожалению, мы не имеем об этом достоверных сведений, но если даже допустить, что какая-то часть разночтений стилистического характера между первопечатными текстами и изданием Про-

---

[101] А. Л. Слонимский. Вопросы гоголевского текста, стр. 403.

[102] Н. В. Гоголь. Изд. X, т. II, стр. 599.

[103] По словам Н. В. Гербеля, известный украинский писатель Е. П. Гребенка, также бывший учителем русского языка в кадетском корпусе, «всегда говорил о Прокоповиче, что он не знает лучшего преподавателя русской грамматики» (Н. В. Гербель. Н. Я. Прокопович и его отношение к Гоголю, стр. 57).

[104] См. В. И. Шенрок. Н. С. Тихонравов как издатель сочинений Гоголя. Сб.: «Памяти Н. С. Тихонравова». М., 1893, стр. 111.

коповича является результатом работы редактора, мы все же можем утверждать, что в этом отношении Прокопович проявил большую добросовестность и осторожность. Исправляя орфографию Гоголя, он руководствовался, конечно, не просто своим вкусом, как ошибочно думают некоторые исследователи, а, без сомнения, учитывал, что неправильности гоголевского языка являлись одним из самых частых доводов против Гоголя-художника. Общеизвестно, например, что Греч, Сенковский, Булгарин призывали корректоров охранять русский язык от Гоголя и, выискивая действительные языковые неловкости, а иногда и прямые ошибки Гоголя, уличали его в незнании элементарных норм языка, в «дерзком восстании против правил грамматики и логики» [105]. Даже люди, бывшие почитателями Гоголя, писали о неряшливости его языка. Так, В. И. Даль в письме к Погодину писал: «...каким диким языком он (Гоголь. — *Е. П.*) пишет... Что, как бы он писал по-русски?..» [106].

С этими замечаниями соглашался и Белинский, считавший, что языковые пуристы нападают на язык Гоголя «не совсем безосновательно» [107], что он, Белинский, «далек от того, чтоб ставить Гоголю в заслугу неправильность языка» [108]. Но Белинский понимал, что недостатки гоголевского языка «скорее составляют его прелесть, нежели порок» [109], что «у Гоголя есть нечто такое, что заставляет не замечать небрежности его языка, — его *слог*» [110], что недопустимо путать, как делают «грамотеи и корректоры», язык и слог, между которыми «такое же неизмеримое расстояние, как и между мертвою, механическою правильностью рисунка бездарного маляра-академика и живым оригинальным стилем гениального живописца» [111]. Этого не понимали не только враги Гоголя, вроде Греча или Сенковского, но и многие друзья его. Но, нам думается, это понимал Прокопович, хотя бы потому, что, близко общаясь с Белинским именно в эти месяцы работы над собранием сочинений Гоголя, он, безусловно, мог беседовать с ним на эту тему. Да и при всех условиях приведенную выше мысль Белинского нельзя, конечно, понимать как утверждение того, что гениальному живописцу можно не уметь рисовать, а достаточно набросать на полотне яркие красочные пятна, и этим все искупится.

---

[105] Цит. по кн.: С. Машинский. Гоголь. М., 1951, стр. 84.

[106] «Литературное наследство», т. 58, стр. 617.

[107] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд-во АН СССР, т. IX, стр. 229.

[108] Там же, т. VI, стр. 355.

[109] Там же, т. IX, стр. 229.

[110] Там же, т. VI, стр. 355.

[111] Там же, т. VI, стр. 241.

Именно поэтому Прокопович, писавший Гоголю: «Греч нашел несколько грамматических ошибок, из которых две-три и точно ошибки»[112] (речь шла о 1-й части «Мертвых душ»), старался выправить орфографию и грамматику Гоголя, чтобы не дать повода «грамматоедам», по слову Белинского, для придирок. Добросовестность этих его действий, думается, не может подлежать сомнению, тем более, что эта задача была поставлена перед редактором самим автором и им же *санкционировано* ее исполнение. Мы подчеркиваем слово «санкционировано», так как у текстологов нет никаких оснований считать, что Гоголь остался недоволен текстом изданий Прокоповича. Почему-то все исследователи цитируют слова Гоголя: «Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне»[113], расширительно толкуют эти слова, видят здесь вежливое, скрытое осуждение текста в издании Прокоповича, делают сокрушительные выводы и забывают, что в этом же письме сказано: «Издано вообще довольно исправно и старательно... Всё, что от издателя — то хорошо, что от типографии — то мерзко»[114]. Значит, неудовольствие Гоголя относится только к полиграфической стороне издания, а вовсе не к редакционной. Замечание же об ошибках следует понимать в его прямом смысле: в тексте действительно есть ошибки, и они действительно произошли из-за неясности в оригинале или ошибки в копии, а Прокоповичем были пропущены не по небрежности, а из-за того, что ему не удалось разобраться в грязном, запутанном оригинале и прочесть правильно. Надо сказать, что это замечание Гоголя — «Вкрались ошибки» — может быть с одинаковым успехом отнесено к любому из известных нам изданий его сочинений.

Здесь представляется интересным и целесообразным сличить качество полиграфического исполнения издания Прокоповича и издания Н. П. Трушковского, т. е. сличить издание, осужденное Гоголем, с тем, которое готовилось и отчасти печаталось при непосредственном участии автора. Забота о внешнем виде издания вообще очень характерна для Гоголя: в одном из писем к Шевыреву Гоголь высказывал свои пожелания о качестве бумаги, о шрифте и наборе для издания 1851—1852 гг. и так подчеркивал значение внешнего вида книги: «Все эти обстоятельства так важны, что если, паче чаянья, уже несколько листов отпечатано, то можно их бросить и начать печатать снова»[115].

---

112 В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. IV, стр. 54.
113 Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 215—216.
114 Там же.
115 Там же, т. XIV, стр. 222.

До нас не дошло ни одного замечания Гоголя о рисунке шрифта, о качестве набора или верстки тех листов, которые были им просмотрены во втором издании его сочинений, зато мы располагаем множеством различного рода его пожеланий и рекомендаций, касающихся этих вопросов. Следовательно, у нас есть основания говорить, что это издание в большей или меньшей степени удовлетворяло Гоголя.

Сравнение издания Прокоповича с изданием Трушковского показывает, что второе издание в полиграфическом отношении ничуть не лучше первого. Например, печать в книгах второго почти так же «сквозит», как и в первом. Томы второго несколько толще, за счет толщины бумаги, но бумага первого издания по качеству гораздо лучше. Размер полосы («рамка», говоря словами Гоголя) во втором издании непропорциональный: полоса слишком сужена и вытянута, из-за чего она выглядит гораздо хуже, чем в первом издании.

То же самое можно сказать о результатах сличения этого издания с теми двумя изданиями, на которые, как на примерные образцы, ссылался Гоголь в письме к Шевыреву. Это — «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» Шевырева (М., 1850) и Полное собрание сочинений русских авторов, изд. Смирдина. В обоих изданиях и бумага лучше, и размер полосы более пропорционален, и сами книги гораздо более компактны. В частности, смирдинское издание имеет формат «в осьмушку», которую очень любил Гоголь [116]. К «осьмушке» приближается формат издания Прокоповича, а второе издание, наоборот, резко отходит от него.

Не удовлетворило издание Трушковского с полиграфической стороны и современников. Так, рецензент «Отечественных записок» писал: «...хотя бы в типографском-то отношении настоящее издание было безукоризненно. А между тем бумага довольно серая, шрифт не совсем свежий и более сжатый, чем в прежнем (1842 г. — *Е. П.*) издании, — как хотите, не могут быть одобрены... Можно было сделать лучше» [117].

В этом же отношении очень характерно не совсем справедливое, но интересное замечание Н. Г. Чернышевского о качестве второго издания: «Четыре тома „Сочинений“ — точное повторение прежнего издания — в этом состоит их существенное достоинство. Мы слышали многих, находящих неизящным формат и шрифт нового издания... Выбор шрифта и формата нисколько не зависел от нынешнего издателя г. Трушковского, который... по необходимости должен был докончить издание

[116] См. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Н. В. Гоголя Изд. 2-е. М., 1902, стр. 12.

[117] «Отечественные записки», 1855, т. CII, отд. IV, стр. 4.

точно так, как оно было уже начато. Конечно, издание 1842 г. и новое дагерротипное повторение не могут быть названы образцами типографского изящества, но в этом отношении не уступают они большей части русских книг» [118]. Как было уже сказано, второе издание, конечно, нельзя назвать «дагерротипным», «точным повторением прежнего», но эта цитата из статьи Чернышевского еще раз подчеркивает, что «осуждение» издания Прокоповича Гоголем («издание напечатано плохо» [119], потому что сделано «за глаза, тогда как доселе таковых дел я никому не доверял, кроме себя» [120]) несправедливо: второе издание, которому Гоголь уделил очень много внимания и которое делалось «на глазах», оказывается, по мнению современников, ничуть не лучше, а даже хуже первого. Следовательно, можно еще раз убедиться, что недовольство Гоголя изданием Прокоповича не было вызвано плохой работой издателя и вообще не было следствием плохого полиграфического оформления этого издания, а явилось результатом постоянного, настойчивого внушения со стороны Шевырева, что Гоголь «плохо распорядился своими сочинениями».

Говоря, что Гоголем был санкционирован текст издания Прокоповича, мы основываемся на том, что при подготовке второго издания своих сочинений в 1851—1852 гг. Гоголь в основу этого издания положил не свои рукописные или писарские копии, по которым работал Прокопович, а именно издание 1842 г. Нельзя не отметить, что Шевырев, так нападавший на Прокоповича, готовил вместе с Гоголем новое издание к печати именно по тексту четырехтомника 1842 г. и не возражал против этого. Вряд ли это подтверждает мнение Тихонравова, что плохим изданием сочинений Прокопович испортил себе репутацию среди друзей Гоголя. Больше того, Гоголь писал Плетневу при подготовке второго издания: «Прежде хотел было вместить некоторые прибавления и перемены, но теперь не хочу: пусть все остается в том виде, как было в I издании» [121]. Это ли не прямое выражение авторской воли! Здесь ярко проявляется характерное стремление Гоголя неоднократно переделывать свои произведения, каждый раз что-то добавляя и изменяя, но здесь при всем желании нельзя увидеть неудовольствия Гоголя работой Прокоповича-редактора или намерения автора исключить в новом издании «редакторскую правку». Гоголь не захотел править текст издания Прокоповича при подготовке второго издания не из-за уста-

---

[118] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 томах, т. III, стр. 772.

[119] Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. XII, стр. 376.

[120] Там же, стр. 254.

[121] Там же, т. XIV, стр. 240.

лости или равнодушия к своим вещам, а признавая доброкачественность этого текста. В тех же редких случаях, когда Гоголя этот текст почему-либо не удовлетворял, он правил его в корректуре второго издания.

Поэтому-то, повторяем, недопустимо толковать замечание Гоголя об ошибках в тексте издания Прокоповича как выражение недовольства его редакцией текста. Никакой новой, а тем более «испорченной» редакции произведений Гоголя в издании Прокоповича нет. А ведь это совершенно произвольное, ни на чем не основанное утверждение Тихонравова легло в основу его метода подготовки текста Гоголя. Но *так* догадываться о том, *что* думал Гоголь, когда писал, — это значит вмешиваться в области, не подлежащие ведению текстолога.

Редакторы академического издания утверждают: «Если бы к вопросам текста возможно было подходить формально-юридически, следовало бы признать, что текст, редактированный Прокоповичем, как санкционированный Гоголем, является наиболее законным текстом» [122] и тотчас же ссылаются на Тихонравова: он-де первый не согласился с этим, и все пошли за ним, с большей или меньшей последовательностью; мы тоже идем за ним, с наибольшей последовательностью, и потому считаем, что «даже с точки зрения формального соблюдения „авторской воли“ издание 1842 г. не может считаться вполне авторизованным. В письме от 24 сентября 1843 г. Гоголь, хотя и не обвиняя Прокоповича прямо, давал понять ему, что недоволен изданием. . .» [123].

По поводу последнего замечания мы уже изложили свои соображения о том, как следует понимать это «недовольство». Что же касается первого замечания редакторов, то мы согласны с А. Л. Слонимским, указавшим, что «„этот формально-юридический“ подход, в сущности, совпадает с научным» [124], ибо если мы не будем ориентироваться на него, — мы неминуемо придем к субъективизму, к вкусовщине, а от них — к самовольному вмешательству в текст писателя-классика. Так оно и получилось в академическом издании.

Таково наше отношение к тексту Гоголя в издании Прокоповича. Однако все вышесказанное, безусловно, никоим образом не означает, что текст издания Прокоповича можно без критического анализа перепечатывать в современных изданиях: полная, детальная сверка этого издания со всеми другими источниками текста является совершенно обязательной.

---

122 Н. В. Гоголь. Акад. изд., т. I, стр. 6—7.
123 Там же, стр. 7.
124 А. Л. Слонимский. Вопросы гоголевского текста, стр. 404.

Без такой сверки и анализа всех выявленных разночтений невозможно говорить об установлении канонического текста. Но нет никаких оснований третировать это издание, отрицать его значимость, его ценность при подготовке новых изданий. Больше того, мы считаем необходимым подчеркнуть, что это издание — полноценный, авторизованный источник текста, а для некоторых произведений, например для «Тараса Бульбы», «Записок сумасшедшего» и ряда других, оно имеет особое значение, так как именно оно доносит до нас последнюю авторскую волю в отношении текста этих произведений. Отказ от полного, всестороннего, но критического использования издания под редакцией Н. Я. Прокоповича при подготовке новых изданий неминуемо приведет к публикации неполноценного текста произведений Гоголя.

Л. М. ДОЛОТОВА

О ТЕКСТЕ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА

(К критике основных изданий)

Вопрос о необходимости академического издания полного собрания сочинений Тургенева давно уже определился как одна из основных задач советского литературоведения и текстологии. Все существующие издания произведений Тургенева являются, с теми или иными отличиями, изданиями массового типа и потому, естественно, не могут удовлетворить всем требованиям современной науки.

Прежде всего, ни одно издание нельзя назвать полным собранием сочинений Тургенева. Наиболее остро ощущается отсутствие полного свода писем Тургенева, этих интереснейших документов истории русской литературы и общественной мысли. Огромная часть писем опубликована в периодических изданиях и представляет поэтому значительные трудности для использования. Недостаток всех изданий сочинений Тургенева заключается также в том, что ни в одном из них не приведены варианты. Таким образом, читателю остается не известным творческий процесс создания произведений Тургенева, его упорная стилистическая работа.

Неполнота всех изданий произведений Тургенева является не единственным их недостатком; нет ни одного издания, которое с полным основанием можно было бы назвать научным. Это касается прежде всего подготовки текста, при которой допускаются и прямые искажения, и неправильный подход к использованию первопечатных публикаций и автографов при установлении канонического текста, и небрежное отношение к языковым особенностям произведения, — т. е. недостатки, недопустимые не только для научного издания, но и для издания массового типа.

Совершенно не отвечает требованиям, предъявляемым к научному изданию, и принятое расположение материала,

хотя традиция, по которой все собрания сочинений Тургенева начинаются с «Записок охотника», была установлена самим автором. Этим самым зачеркиваются почти полтора десятилетия творческого развития молодого Тургенева, заключающие в себе его эволюцию от романтизма к натуральной школе, его переход на позиции активной борьбы с крепостным правом — переход, совершившийся под идейным воздействием Белинского. После «Записок охотника» помещаются обычно повести, драматические произведения и романы и, наконец, в последних томах собирается все остальное: поэмы, стихотворения и критические статьи 40-х годов, «Стихотворения в прозе», некрологи, заметки, воспоминания и пр. Поскольку в основу распределения материала не положен хронологический принцип, творческая эволюция Тургенева должным образом не представлена в собраниях его сочинений.

И, наконец, ни одно из существующих изданий сочинений Тургенева не снабжено полным текстологическим комментарием. Единственную до сих пор попытку научно комментированного издания представляет собою издание 1928—1934 гг.[1] Но и в нем текстологический комментарий обладает рядом недостатков: при наличии подробного и документированного изложения истории написания и публикации, цензурной истории произведения в комментарии не аргументирован выбор основного текста; очень глухо сказано об исправлениях, сделанных по другим источникам; отсутствует полный перечень изъятых цензурой и восстановленных в этом издании мест.

Осуществление академического издания полного собрания сочинений Тургенева невозможно без проведения подготовительной работы, без обсуждения наиболее спорных текстологических проблем, связанных с творчеством Тургенева. С этой точки зрения представляет интерес и рассмотрение такого частного вопроса, как вопрос о тексте «Записок охотника». Настоящая статья имеет целью произвести критический пересмотр существующих изданий «Записок охотника» и дать подробную мотивировку выбора основного текста рассказов, входящих в этот цикл.

1

Для того чтобы определить, правильно ли решался до сих пор вопрос о выборе основного текста «Записок охотника», необходимо прежде всего вкратце остановиться на источниках текста этого произведения.

---

[1] И. С. Тургенев. Соч. под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. I—XII. М.—Л., Госиздат, 1928—1934.

Представление о начальном этапе работы Тургенева над каждым рассказом из «Записок охотника» дают нам автографы, преимущественно черновые. В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся черновые автографы рассказов «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Бурмистр», «Контора», «Два помещика», «Смерть», «Гамлет Щигровского уезда», черновые и беловые автографы рассказов «Свидание», «Певцы», «Чертопханов и Недопюскин», «Лес и степь» и беловой автограф «Бежина луга». Кроме того в Пушкинском доме хранится писарская авторизованная копия рассказа «Живые мощи», в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) находится неполный черновой автограф «Бежина луга», а в Государственном историческом музее (Москва) — писарская авторизованная копия «Певцов» [2].

Следующую группу источников составляют первопечатные журнальные публикации рассказов. За 1847—1851 гг. в журнале «Современник» был опубликован двадцать один из двадцати пяти рассказов окончательного состава «Записок охотника».

В 1852 г. появилось первое отдельное издание «Записок охотника» [3]. Здесь, кроме появившихся ранее в «Современнике», был впервые напечатан рассказ «Два помещика». В этом издании Тургенев восстановил большинство цензурных купюр, произведенных в текстах журнальных публикаций, произвел ряд сокращений и внес в текст большое количество серьезных стилистических исправлений.

Издание 1852 г. подверглось преследованию цензуры и даже дважды. Документом, свидетельствующим о вмешательстве цензуры в текст «Записок охотника» при его подготовке к печати, является цензурная рукопись. Первая часть ее хранится в ЦГАЛИ, вторая — в рукописном отделении библиотеки Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова. Рукопись представляет собой писарскую авторизованную копию с пометками цензора, сделанными красными чернилами. Уже после того как «Записки охотника» были отпечатаны, в мае 1852 г. было возбуждено по поводу рассказов Тургенева секретное следствие в Министерстве народного просвещения, ведавшем в эту пору цензурой. Материалы

---

[2] Подробное описание рукописей «Записок охотника» см. в статье: Р. Б. Заборова и М. А. Шелякин. «Рукописи „Записок охотника“». «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 385—427.

[3] Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. Ч. 1—2. М., в университетской типографии, 1852.

этого следствия[4] помогают установить, в какой мере последующая авторская правка текста «Записок охотника» была вызвана требованиями цензуры.

Для трех рассказов, написанных Тургеневым в 70-е годы и вошедших в окончательный состав «Записок охотника», важным источником являются следующие первопечатные публикации: «Конец Чертопханова» — «Вестник Европы», 1872, № 11, стр. 16—46; «Живые мощи» — «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии», СПб., 1874, стр. 65—79; «Стучит!» — Сочинения И. С. Тургенева (1844—1874). Издание братьев Салаевых. Часть первая, М., 1874, стр. 509—524.

Следующий этап интенсивной творческой работы Тургенева над «Записками охотника» относится к последним годам его жизни (1879—1883). В 1879 г. Тургенев предпринял отдельное издание «Записок охотника», передав право на его перепечатку М. М. Стасюлевичу. При подготовке этого издания Тургеневым была проделана стилистическая правка и исправлены опечатки. Результатом этой работы явилось так называемое первое стереотипное издание «Записок охотника»[5].

В мае 1882 г. Тургенев начал через А. В. Топорова переговоры с наследником своих прежних издателей Салаевых — В. В. Думновым о новом издании полного собрания своих сочинений[6]. Эти переговоры закончились разрывом с Думновым, а 21 августа 1882 г. Тургенев заключил контракт с петербургским книгопродавцем и издателем И. И. Глазуновым[7]. В ноябре того же года Тургенев приступил к работе над этим изданием, которая была прервана тяжелой болезнью писателя и его смертью, последовавшей 22 августа (3 сентября) 1883 года. Это издание было закончено уже после смерти Тургенева.

Вопрос о выборе основного текста «Записок охотника» решается текстологами по-разному: в одних случаях предпочтение отдается тексту первого стереотипного издания 1880 г.,

---

[4] См. Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Вып. 1. Одесса, Всеукраинское гос. изд-во, 1921, стр. 5—48.

[5] И. С. Тургенев. Записки охотника. Полн. собр. очерков и рассказов. 1847—1876. Первое стереотипное издание. СПб., М. Стасюлевич, 1880.

Очевидно, в типографии М. М. Стасюлевича был набран текст «Записок охотника» и одновременно изготовлен стереотип, с которого и было отпечатано издание «Записок охотника» 1880 г., названное первым стереотипным.

[6] «Русская старина», 1883, № 10, стр. 238—239.

[7] Там же, стр. 248—249.

в других — тексту посмертного издания 1883 г.[8]. Так, редакторы издания 1928—1934 гг.[9] К. Халабаев и Б. Эйхенбаум взяли за основу текст первого стереотипного издания 1880 г. В издании 1949 г.[10], так же, как и в первом томе издания 1954 г.[11], отдано предпочтение тексту посмертного издания 1883 г. В текстологическом комментарии этих изданий аргументация по поводу выбора текста почти отсутствует; нет ее и в научных статьях и исследованиях, где допускаются обе точки зрения. На преимущества текста издания 1880 г. указывает О. Я. Самочатова. В диссертации, посвященной «Запискам охотника»[12], в статьях «К вопросу о генезисе и творческой истории „Записок охотника“»[13] и «Из истории создания „Записок охотника“»[14] О. Я. Самочатова высказывается в пользу первого стереотипного издания 1880 г., называя его «окончательной редакцией текста „Записок охотника“». Иная точка зрения была высказана М. А. Шелякиным в его кандидатской диссертации[15]. Автор диссертации считает издание 1883 г. «последним прижизненным», «последним авторизованным» (стр. 28). Однако при сравнении текста автографов, первопечатных публикаций и издания 1852 г. с окончательным текстом «Записок охотника» М. А. Шелякин постоянно пользуется в качестве последней редакции изданием 1880 г. Автор диссертации по существу не делает существенного различия между этими двумя изданиями, находя, что издание 1880 г. «вместе с изданием 1883 г. является наиболее авторитетным текстом „Записок охотника“» (стр. 30). В этом заключении М. А. Шелякин основывается, очевидно, на том, что отличия текста

---

[8] Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. Посмертное издание, т. II. СПб., И. Глазунов, 1883.

[9] И. С. Тургенев. Собр. соч. под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. I. Записки охотника. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 355.

В дальнейшем, при ссылках на первый том данного издания, он будет условно называться изданием 1929 г.

[10] И. С. Тургенев. Собр. соч. под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова, т. I. Записки охотника. М., изд-во «Правда», 1949 (Б-ка «Огонек»).

[11] И. С. Тургенев. Собр. соч., т. I. Записки охотника. М., Гослитиздат, 1954. В дальнейшем при ссылках на первый том данного издания он будет условно называться изданием 1954 г.

[12] О. Я. Самочатова. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., МГУ, 1948, стр. 145.

[13] «Ученые записки Новозыбковского гос. пед. ин-та», т. I, 1952, стр. 36.

[14] «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов, Орел, 1955, стр. 233—234.

[15] М. А. Шелякин. Работа И. С. Тургенева над языком «Записок охотника». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., МГУ, 1954.

«Записок охотника» в издании 1883 г. от текста первого стереотипного издания не очень значительны: это не вставки, не купюры и не перемещения, а отдельные поправки смыслового и стилистического характера. Но вопрос не теряет от этого своего принципиального и практического значения.

Рассмотрим свидетельства в пользу того и другого издания. Первое стереотипное издание «Записок охотника» 1880 г. действительно было тщательно подготовлено самим автором. Внимательно просмотрев текст предыдущего издания [16], Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 4/16 апреля 1879 г.: «...посылаю Вам тщательнейше выправленный экземпляр „Записок охотника". Известите о получении. Всех отыскано 175 опечаток; сделаны кое-какие прибавочки» [17]. После просмотра корректурных листов Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 12/24 октября 1879 г.: «Буду ждать присылки стереотипных „З‹аписок› о‹хотника›". Что издание вышло отличное — в этом не может быть никакого сомнения...» [18]. Просмотрев отпечатанный том, Тургенев заметил только одну опечатку. В письме к М. М. Стасюлевичу от 21 октября (2 ноября) 1879 г. он писал: «Пробегая сей изящный том, наткнулся пока на одну только опечатку: на стр. 304-й строка 12 снизу — вместо: „*крошенных* мухоморов" — стоит: „*крошечных*"» [19].

Однако первое стереотипное издание не может считаться последним авторизованным прижизненным изданием «Записок охотника», так как за ним последовали при жизни Тургенева второе, третье, четвертое стереотипные издания. Правда, Тургенев не просматривал их текст так внимательно и об опечатке, обнаруженной им «после *второго* издания», сообщил Стасюлевичу с опозданием, 2/14 декабря 1882 г.: «Кстати, я вижу, что Глазунов печатает „Записки охотника" с стереотипного издания. Представьте — я уже после *второго* издания отыскал в стереотипе четыре опечатки; отметил их, хотел Вам указать их — да все, по рассеянности, забывал; а экземпляр, в котором я их отметил, у меня зачитали. Помню только одну: на стр. 185, строка 13 сверху — вместо: „навалились" — должно читать: „наваливались". Если успеете — велите исправить. Остальные 3 опечатки менее важны — от того я их и

---

[16] Очевидно, Тургенев правил текст «Записок охотника» по изданию: Сочинения И. С. Тургенева (1844—1874). Издание братьев Салаевых. Часть первая. М., 1874. В этом издании «Записки охотника» впервые были представлены в их окончательном составе, и оно непосредственно предшествовало первому стереотипному изданию 1880 г.

[17] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», под ред. М. К. Лемке, т. III. СПб., 1912, стр. 163.

[18] Там же, стр. 172.

[19] Там же, стр. 173.

забыл»[20]. В это время уже поступило в продажу четвертое стереотипное издание «Записок охотника»[21], поэтому замечание Тургенева могло быть учтено только в следующем, пятом стереотипном издании, которое было отпечатано незадолго до смерти Тургенева, как о том дважды свидетельствует М. М. Стасюлевич: «Почти ровно за неделю до смерти, я писал Тургеневу из Динара, что имею известие о том, что четвертое его стереотипное издание „Записок охотника" всё распродано, а новое уже отпечатано...»[22]. «О выпуске пятого издания автор получил извещение за несколько дней до своей смерти на даче в одной из окрестностей Парижа — Буживале. За два дня до своей кончины, 20 августа (1 сентября), он поручил, вспоминая, вероятно, особую цель этого издания, выразить, в ответ на извещение о появлении пятого издания „Записок охотника", свое великое удовольствие»[23]. Вышло в свет пятое издание уже после смерти Тургенева. Объявление о нем было помещено в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 282 от 19/31 октября 1883 г., стр. 2, раздел «Хроника. — Новые книги»); заметка о шестом стереотипном издании, помещенная в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 309 от 15/27 ноября 1883 г., стр. 4, раздел «Литература»), также подтверждает факт выхода в свет пятого стереотипного издания после смерти Тургенева: «Шестое стереотипное издание „Записок охотника" Тургенева последовало через два месяца после пятого, вышедшего вскоре после смерти автора». Итак, из стереотипных изданий «Записок охотника» пятое является последним, подготовленным при жизни автора, и первым, вышедшим посмертно. Однако, как показывают письма Тургенева к М. М. Стасюлевичу, специально для пятого стереотипного издания текст «Записок охотника» автором не просматривался. Иначе, собственно, и быть не могло: значительные авторские исправления затруднили бы технику воспроизведения стереотипного издания. Указание Тургенева на опечатку в цитированном выше письме к М. М. Стасюлевичу от 2/14 декабря 1882 г. относилось прежде всего к тексту «Записок охотника» в полном собрании сочинений, корректуру которого держал Стасюлевич.

---

[20] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, стр. 222.

[21] «Вестник Европы», 1882, № 8, август, раздел «Объявления. Подвижной каталог книжного склада и магазина типографии М. Стасюлевича», стр. II.

[22] М. С. Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева. «Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 852.

[23] И. С. Тургенев. Записки охотника. Полн. собр. очерков и рассказов. 1847—1876. Шестое стереотипное издание. СПб., тип. Глазунова. 1883, стр. VII—VIII.

Слова Тургенева «Если успеете — велите исправить» не могли относиться к пятому стереотипному изданию: не было надобности срочно его выпускать, так как четвертое стереотипное издание вышло только за 4 месяца до этого; к тому же известно, что пятое стереотипное издание было отпечатано в середине августа 1883 г.

Иначе обстояло дело с изданием полного собрания сочинений 1883 г. Это издание было основным делом, занимавшим Тургенева в последний год его жизни. В октябре 1882 г. Тургенев решил приступить к пересмотру текста для этого издания. 18 октября 1882 г. он писал А. В. Топорову, своему поверенному в делах по изданию: «Печатание начнется, вероятно, со второго тома (где „Записки охотника"). Это будет сделано со стереотипного издания, где опечаток нет. К I и последнему тому будут, как вам известно, прибавления. Для облегчения корректурной работы — прошу вас о следующем: к одному из томов Салаевского издания (кажется, к четвертому) приложен список опечаток — главнейших. Потрудитесь заставить вписать все эти опечатки, т. е. поправки — и постепенно пересылайте мне сюда каждый поправленный том, начиная с 3-го. А я тотчас каждый том вновь перечту, окончательно исправлю и вышлю вам обратно, для передачи Глазунову» [24]. Из писем Тургенева к А. В. Топорову видно, что в течение периода с ноября 1882 г. по февраль 1883 г. им были получены, исправлены и отосланы Топорову томы III—IX. Для тома I Тургенев предполагал написать две статьи: «Семейство Аксаковых и славянофилы» и «Пожар на море»; работа над I томом так и не была завершена Тургеневым. Подготовка X тома была закончена Тургеневым в конце марта—начале апреля при участии А. Ф. Онегина.

Для II тома Тургенев хотел ограничиться исправлением опечаток, оставшихся в стереотипном издании. Об этом он сообщил в письме к А. В. Топорову от 18 ноября 1882 г.: «Том 2-й „Записки охотника" надо будет печатать со стереотипного экземпляра; но в нем проскользнули три, четыре опечатки, которые я вам пришлю также на этой неделе» [25]; в письме к А. В. Топорову от 30 ноября 1882 г. Тургенев повторяет: «На этой же неделе вы получите маленький список опечаток, все-таки оставшихся в стереотипном издании „Записок охотника"» [26]. Этот список опечаток до нас не дошел,

---

[24] Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883. Издание общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., М. М. Стасюлевич, 1884, стр. 504.

[25] Там же, стр. 517.

[26] Там же, стр. 520.

но в текст II тома издания 1883 г. действительно был внесен ряд изменений. Исправлены явные опечатки типа «унего» (вместо «у него»), «закем» (вместо «за кем»), «добродушно» (вместо «добродушно») и пр. Устранены некоторые смысловые ошибки стереотипных, в том числе и пятого, изданий. Так, в рассказе «Певцы», в описании состязания, о рядчике было сказано: «...ему недоставало поддержки, хора»; в тексте полного собрания сочинений эта запятая снята. Есть случаи инверсии, наблюдается замена одних языковых форм другими: вместо «галстук» — «галстух», вместо «перестроивать» — «перестраивать».

В рассказе «Хорь и Калиныч» в описании калужской деревни было: «...ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую прохожую свинью...». В тексте II тома полного собрания сочинений «вывалился» заменено глаголом «вываливается», настоящее время которого согласуется с остальными глаголами, встречающимися во фразе; о том, что Тургенев придавал серьезное значение подобным заменам, свидетельствует цитированное выше письмо к М. М. Стасюлевичу от 2/14 декабря 1882 г.

Есть также в издании 1883 г. и ряд стилистических поправок. Так, в рассказе «Два помещика» во фразе «Но прежде чем запыхавшийся Юшка успел добежать до перепуганной девчонки — откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку и несколько раз шлепнула бедняжку по спине...» (стереотипные издания, стр. 180) слово «бедняжку» меняется на «ее». В рассказе «Стучит» во фразе «Филофей остановил тройку и тотчас же промолвил» последний глагол заменен глаголом «примолвил» (изд. 1883 г., стр. 442). Особый интерес представляет исправление, сделанное в рассказе «Свидание»; в предпоследнем абзаце рассказа в стереотипных изданиях[27] печаталось: «...большое стадо голубей резко пронеслось с гумна»; в издании 1883 г. «резко» исправлено на «резво» и таким образом восстановлен текст более ранних изданий (см., например, первое отдельное издание «Записок охотника» 1852 г., стр. 206). Вряд ли это исправление могло быть произведено без прямого указания автора.

Второй том полного собрания сочинений был получен Тургеневым за несколько месяцев до смерти, как это видно из его письма к М. М. Стасюлевичу от 26 марта (7 апреля) 1883 г.: «Второй том получил, а третий (где „Рудин“ и „Дв. гнездо“), который я было уже выправил, но который, к сожалению, затерялся, уж Вы позвольте мне прислать под редакцию

[27] Проверено до шестого стереотипного издания включительно.

А. Ф. Онегина, которому я вполне доверяю, — а сам не могу перечесть»[28]. Очевидно, что речь идет об отпечатанном томе, а не о корректуре: Тургенев был в это время тяжело болен, и Стасюлевич присылал ему корректурные листы не для сплошной читки, а только для того, чтобы узнать его мнение относительно замеченных опечаток. Так, в письме к Стасюлевичу от 14/26 марта 1883 г. Тургенев пишет: «Любезнейший Михаил Матвеевич, получил отпечатанный лист из „Накануне" с указанными Вами двумя опечатками. ...Посылаю Вам обратно вырезанные два листика»[29]. «Накануне» вошло в четвертый том, который печатался вслед за вторым, из-за потери выправленного Тургеневым III тома. Следовательно, «второй том», который Тургенев получил 12 дней спустя после корректурного листа «Накануне», мог быть только уже отпечатанным томом. Отсюда понятно, к каким томам относятся следующие слова Стасюлевича: «...ко дню смерти Тургенева, в августе текущего года, были отпечатаны всего два тома из десяти...»[30]. Этими отпечатанными томами были томы II и IV. Подтверждением этого служит тот факт, что о выпуске томов II и IV было объявлено раньше, чем о выходе в свет всего издания: они значатся в числе «новых книг» в № 293 «С.-Петербургских ведомостей» от 30 октября (11 ноября) 1883 г., в то время как все издание было завершено только к новому, 1884 г. (см. заметку в библиографическом листке «Вестника Европы», 1884, № 1).

Таким образом, все, что известно о подготовке полного собрания сочинений Тургенева, говорит о том, что отличия текста II тома от текста пятого стереотипного издания должны быть отнесены за счет авторской правки, а не за счет случайности или редакторского произвола. Корректуры находились на ответственности М. М. Стасюлевича, что было специально обозначено в контракте Тургенева с И. И. Глазуновым: «4) Редакция корректуры принадлежит принявшему на себя этот труд безвозмездно М. М. Стасюлевичу, а потому всякий окончательно приготовленный к печати лист должно прежде доставлять к нему и без его подписи не печатать; если же против его поправок окажется хотя одна ошибка, то, по требованию г. Стасюлевича, таковой лист перепечатать»[31]. В письме к А. В. Топорову от 1 июня 1882 г. Тургенев писал, что «лучшего редактора, как Стасюлевич, даже в области идеала нельзя найти»[32].

---

[28] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, стр. 228.

[29] Там же.

[30] Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. Посмертное издание, т. I. СПб., тип. Глазунова, 1883, стр. VII.

[31] «Русская старина», 1883, № 10, стр. 248—249.

[32] Первое собрание писем И. С. Тургенева, стр. 437.

Из всего сказанного следует, что в качестве основного текста «Записок охотника» должен быть принят текст II тома полного собрания сочинений 1883 г. Как и всякий текст, он нуждается в серьезной критической проверке, потому что в него вкрались новые, по сравнению со стереотипными изданиями, смысловые ошибки. Так, в рассказе «Конец Чертопханова» проскользнула ошибка во фразе: «Понемногу ее лицо приняло такое равнодушное, почти сонливое выражение», «равнодушное» превратилось в «равнодушие». В рассказе «Петр Петрович Каратаев» Матрена Федорова превращается в Матрену Федоровну, хотя трудно представить, чтобы Каратаев в разговоре с помещицей называл ее крепостную по имени и отчеству. В рассказе «Смерть» в зарисовке «статской советницы Кардон-Катаевой, необыкновенно толстой женщины, которая, даже лежа в постеле, продолжительно и жалобно кряхтела», в тексте издания 1883 г. было опущено слово «даже», в результате чего фраза потеряла смысл. Довольно часты в посмертном издании пунктуационные опечатки. Так, в рассказе «Лебедянь» оказалась искаженной следующая фраза: «— Вы, по-настоящему, Анастасей Иваныч, ее назад взять должны». В посмертном издании запятая после слова «Вы» выпала, отчего фраза получает такой смысл, как будто автор убеждает барышника взять лошадь действительно, а не каким-то фиктивным образом.

Наиболее правильно вопрос о выборе основного текста «Записок охотника» решен в издании Гослитиздата 1954 г. Здесь не только декларативно (как в издании 1949 г.), но и на самом деле текст второго тома посмертного издания принят в качестве основного источника текста, к которому текстолог относится бережно и вдумчиво.

2

При рассмотрении исправлений, которые вносятся текстологами в текст «Записок охотника», прежде всего возникает вопрос об устранении цензурных купюр.

Вмешательство цензуры исказило до неузнаваемости тексты журнальных публикаций тургеневских рассказов. Так, в журнальном тексте «Гамлета Щигровского уезда» было изъято несколько страниц, содержащих разговор автора с Лупихиным и описание обеда в честь приезда важного сановника. Из текста «Свидания» были вычеркнуты все «неприличные», по мнению цензора, намеки на отношения Виктора и Акулины. Изъятия и исправления цензурного характера были произведены и в текстах журнальных публикаций «Малиновой воды», «Конторы» и др.

При подготовке отдельного издания «Записок охотника» 1852 г. Тургенев тщательно восстанавливал изъятые цензурой места. В материалах секретного следствия 1852 г. о «Записках охотника» сохранился любопытный документ — донесение коллежского секретаря Галова об отличиях текстов журнальных публикаций от текста отдельного издания «Записок охотника» 1852 г.; сличение, произведенное Галовым, вскрыло многочисленные случаи устранения Тургеневым цензурных купюр.

Текст отдельного издания 1852 г. также пострадал от цензуры. Цензурная рукопись «Записок охотника» с пометками и вычерками, сделанными красными чернилами, позволяет с достаточной определенностью судить о вмешательстве цензуры. В тексте «Записок охотника» цензор вычеркнул ряд мест, особенно ярко рисующих помещичье-крепостнический произвол. Так, в «Двух помещиках» был исключен следующий текст: «Я, признаться вам откровенно, из тех-то двух семей и без очереди в солдаты отдавал и так рассовывал — кой-куды; да не переводятся, что будешь делать? Плодущи проклятые». Точно так же в «Петре Петровиче Каратаеве» цензором была вычеркнута аналогичная по смыслу фраза: «Иисусе Христе! Да разве я в своих холопьях не вольна?». Изъятыми оказались также места, в которых цензор усмотрел, повидимому, насмешку над церковью и лицами духовного звания. Так, в «Двух помещиках» были вычеркнуты слова помещика Стегунова, относящиеся к священнику: «Как в вашем званье не пить!» и «Все проповеди держит, да вот вина не пьет». По тем же, очевидно, соображениям были изъяты в рассказе «Лебедянь» слова «призывал господа бога во свидетели» во фразе: «Г-н Чернобай не горячился, говорил так рассудительно, с такою важностью призывал господа бога во свидетели, что я не мог не „почтить старичка“: дал задаток...». Цензору эти слова показались, очевидно, несовместимыми с дальнейшей характеристикой Чернобая как плута и мошенника.

Из всего того, что было изъято цензурой в тексте издания 1852 г., Тургенев восстановил в последующих изданиях очень немногое, вернее всего — по памяти. Отношение Тургенева к цензурным изъятиям, произведенным в тексте издания «Записок охотника» 1852 г., говорит о некотором равнодушии и охлаждении его в конце жизни к тому, что было для него животрепещущим в 40—50-е годы; уверенный в том, что «Записки охотника» в целом сыграли свою роль социально-обличительного документа, он уже не столь дорожил отдельными «частностями» [33].

---

[33] Характерно в этом смысле воспоминание П. И. Вейнберга о разговоре с Тургеневым: «Я помню, мы говорили с Иваном Сергеевичем,

Тем не менее нельзя считать этот факт свидетельством принципиального несогласия Тургенева со своими наиболее острыми политическими высказываниями конца 40-х—начала 50-х годов. В 1868 г. в «Литературных и житейских воспоминаниях» («Вместо вступления») Тургенев говорит о своей верности антикрепостнической направленности «Записок охотника». В 1880 г., при подготовке первого стереотипного издания «Записок охотника», Тургенев ставит в конце рассказа «Бурмистр» многозначительную пометку «Зальцбрунн в Силезии, июль 1847 г.», открыто заявляя тем самым о своей близости с Белинским в пору написания критиком знаменитого письма к Гоголю [34]. Поэтому и практика советских текстологов, устраняющих цензурные искажения в тексте «Записок охотника», не является нарушением воли автора.

В издании Гослитиздата 1954 г. проделана серьезная работа по снятию цензурных исправлений. Так, например, в рассказе «Два помещика» во всех предыдущих изданиях не восстанавливалась должным образом следующая фраза: «Также недурен генерал Хвалынский на всех торжественных и публичных актах, экзаменах, церковных освященьях, собраньях и выставках. Под благословенье он также мастер подходить». В цензурной рукописи красными чернилами зачеркнуты слова «церковных освященьях» и «Под благословенье он также мастер подходить». С этими изъятиями фраза была напечатана в издании 1852 г. Впоследствии Тургенев восстановил, очевидно, по памяти и в несколько измененном виде, слова «под благословение тоже подходить мастер»; слова «церковных освященьях» остались не восстановленными. В издании 1949 г. под ред. Н. Л. Бродского эта фраза так и фигурирует с половинной тургеневской поправкой. В издании 1929 г. в нее введены слова «церковных освященьях», но совершенно неправомерно изъяты слова «собраньях и выставках», хотя они с самого начала присутствовали в тексте, а отнюдь не явились результатом подцензурной замены слов «церковных освященьях». Только в издании 1954 г. эта фраза является в ее полном виде, т. е. с восстановлением слов «церковных освященьях», без про-

---

почему он не внесет мест, зачеркнутых цензурой — слышно было, что кое-что выпущено. Он сказал: „знаете, это всё так мне надоело“». Цит. по статье: Г. Кунцевич. «Записки охотника» И. С. Тургенева по цензурной рукописи. «Журнал министерства народного просвещения», 1909, декабрь, стр. 393.

[34] О влиянии письма Белинского к Гоголю на создание самых резких антикрепостнических рассказов из «Записок охотника» см. в статье Ю. Г. Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ» («Ученые записки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского», т. XXXI, выпуск филологический, 1952, стр. 115—116).

извольных изъятий, с учетом произведенной Тургеневым правки второй половины фразы. Есть в издании 1954 г. и находки в этом отношении: так, впервые восстановлено по цензурной рукописи слово «с бессрочными» в рассказе «Однодворец Овсяников», в словах Овсяникова о его племяннике: «Крестьянам просьбы сочиняет, доклады пишет, сотских научает, землемеров на чистую воду выводит, по питейным домам таскается, с бессрочными, с мещанами городскими да с дворниками на постоялах дворах знается» (стр. 139). В то же время законно отвергнуты некоторые традиционные вставки в текст «Записок охотника». Так, например, в изданиях 1929 и 1949 гг. в рассказе «Бурмистр» во фразе: «В нескольких шагах от двери, подле грязной лужи, в которой беззаботно плескались три утки, стояли два мужика: один — старик лет шестидесяти, другой — малый лет двадцати, оба в замашных заплатанных рубахах, на босу ногу и подпоясанные веревками» восстанавливались по черновому автографу слова «на коленках» («стояли на коленках два мужика») на том основании, что изъятие их было цензурным. В изд. 1954 г. справедливо отклонена вставка по автографу, и критика этого решения в печати представляется нам столь же необоснованной по существу, сколько грубой по форме[35]. Прежде всего, слова «на коленках» взяты из *чернового* автографа, т. е. они могли быть вычеркнуты самим автором на дальнейшем этапе работы, до цензурного вмешательства; показательно, что Тургенев нигде не восстанавливал их — ни в тексте «Современника», ни в цензурной рукописи, ни в каком-либо из прижизненных изданий. Из контекста понятно, чем было вызвано авторское исправление: мужики опустились на колени не перед старостой, а только с приходом Пеночкина, кланяясь ему: «Аркадий Павлыч нахмурился, закусил губу и подошел к просителям. Оба молча поклонились ему в ноги». Автор заметки в «Звезде» прав только в том отношении, что из контекста и без вставки по автографу видно, что мужики стояли перед барином на коленях. Но это — еще одно соображение в пользу того, что изъятие слов «на коленках» не было подцензурным и что решение, принятое в тексте изд. 1954 г., является правильным.

Ценность работы, произведенной в издании 1954 г. по устранению цензурных изъятий, умаляется бедностью и неполнотой текстологического комментария. Отдельные исправления цензурных искажений оговорены, но это не является системой. Между тем некоторые случаи не настолько бесспорны, чтобы о них не говорить. Так, например, в рассказе «Чертопханов и

---

[35] «Звезда», 1955, № 10, стр. 190, раздел «Горестные заметы», «На коленках. . .»

Недопюскин» во фразе «Человек он был добрый и честный, а брал взятки — от гривенника до двух целковых включительно» восстанавливаются по автографу слова «по чину»: «Человек он был добрый и честный, а брал взятки „по чину“...». Эти слова отсутствуют в тексте «Современника», их нет ни в издании 1852 г., ни в последующих изданиях. Думается, что при том активном отношении Тургенева к цензурным искажениям, которое наблюдалось у него в период подготовки издания 1852 г., этот факт нельзя объяснить просто недосмотром или невниманием. Если Тургенев восстановил в 1852 г. ряд резких антикрепостнических высказываний, то нельзя считать, что пропуск слов «по чину» вызван цензурными соображениями. Во всяком случае, это исправление, внесенное в основной текст, требует аргументации.

3

На изменениях, которые вносились в текст «Записок охотника», до самого последнего времени сильнейшим образом сказывалось предпочтение, отдаваемое текстологами ранним редакциям. В наибольшей степени это проявилось в издании Госиздата 1929 г. Основной порок этого издания заключается в произвольном выборе того или иного стилистического варианта и в предпочтении, которое отдается при этом большей частью ранним редакциям. Наиболее многочисленны исправления по тексту отдельного издания «Записок охотника» 1852 г., есть случаи возвращения к тексту более ранних, журнальных публикаций, а также к рукописям. Так, в рассказе «Два помещика» слова «Ваше превосходительство» заменяются на основании текста издания 1852 г. словами «Ваше Пршсссодительство»; совершенно не учитывается тот факт, что Тургенев с годами все менее и менее прибегал к передаче фонетических особенностей. Слова «ответила», «сказала» исправляются по тексту издания 1852 г. на «возразила», хотя значение слова «возразить» в 70—80-е годы у Тургенева суживается, приближаясь к современному. Так, например, согласно тексту издания 1852 г. в рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» меняется «сказала» на «возразила» в следующем диалоге: «„А он у вас рисует?“ — не без удивления произнес г. Беневоленский и с участием обратился к Андрюше. — „Как же, рисует“, — сказала Татьяна Борисовна». Это предпочтение, отдаваемое редакторами издания 1929 г. первопечатным публикациям, приводит подчас и к смысловым ошибкам в тексте. Так, в рассказе «Ермолай и мельничиха» о жене мельника говорится, что «Она оперла локти на колени, положила лицо на

руки»; и в издании 1880 г. и в посмертном стоит «на руки». В издании 1929 г. вносится исправление по тексту издания 1852 г. и появляется «на руку». Но из того, что мельничиха «оперла локти на колени», следует, что она не подперла щеку одной рукой, а именно «положила лицо на руки».

Очень часто литературная форма того или иного слова, употребленная в нескольких последних прижизненных изданиях, меняется на диалектную или просторечную, взятую из ранних публикаций. Но если литературная форма прочно утвердилась в тексте нескольких позднейших изданий, возвращение к диалектной неправомерно, тем более, что Тургенев в поздний период творчества значительно меньше пользуется диалектизмами и просторечными оборотами, чем в 40—50-е годы. Редакторы издания 1929 г. постоянно меняют «платит» на «плотит», «хищная» на «хичная» и т. д.

В связи с вопросом об отношении редакторов издания 1929 г. к первопечатным текстам встает также вопрос об исправлениях по автографу. С отдельными из этих исправлений нельзя не согласиться, так как они устраняют явные искажения смысла. Так, например, несомненным является исправление слова «домашних» на «замашных» во фразе из рассказа «Бурмистр», процитированной выше. Действительно, слово «домашний» в данном контексте совершенно лишено смысла, в то время как диалектное «замашный», означающее «спряденный или сотканный из замашки, т. е. посконный» [36], является очень употребительным эпитетом у Тургенева в описании одежды крестьян (см. рассказы «Бежин луг», «Бирюк»).

Но в ряде случаев исправления, которые производились в тексте издания 1929 г. по автографу, не диктовались необходимостью; они говорят лишь о том, что для редакторов этого издания автографическое написание всегда обладает большей достоверностью, чем печатный текст. Так, например, в рассказе «Два помещика» слово «трубками» согласно автографу изменено на «прусаками» в следующем отрывке: «Живет Мардарий Аполлоныч совершенно на старый лад. И дом у него старинной постройки: в передней, как следует, пахнет квасом, сальными свечами и кожей; тут же направо буфет с трубками и утиральниками; в столовой фамильные портреты, мухи, большой горшок ерани и кислые фортепьяны». Совершенно очевидно, что исправление «трубками» на «прусаками» не является необходимым, так как слово «трубками» в данном контексте вполне возможно.

---

[36] Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля, т. I, М., 1955, стр. 601.

Предпочтение первопечатных текстов и автографов позднейшим редакциям было неоднократно осуждено в советской текстологии. Редактор издания собрания сочинений Тургенева 1949 г. Н. Л. Бродский в примечаниях к I тому заявил о своем несогласии с редакторами издания Госиздата в том, что они дают «сводный текст по журналам и изданиям 1852, 1874 и 1880 годов». Н. Л. Бродским были также справедливо отклонены многочисленные исправления, сделанные в этом издании по автографам. Но полноценной заменой в данном отношении издание 1949 г. не явилось. Во-первых, и в этом издании, хотя и в гораздо меньшем количестве, встречаются необоснованные исправления по первопечатным публикациям. Так, «лампада» исправляется на «лампадка» («Уездный лекарь»), «втихомолку» на «втихомолочку» («Лебедянь») и т. д. Во-вторых, издание это отличается многочисленными ошибками в тексте. Так, в рассказе «Льгов» вместо «Мы собирались» — «Мы собрались», в «Гамлете Щигровского уезда» вместо «вздохнул бы раза два» — «вздохнул было раза два»; в рассказе «Живые мощи», в речи Ермолая, слово «чучье» заменено литературным «чутье», но сохранен при этом курсив. Текст изобилует также пропусками. Во фразе: «И из чего буянит человек?..» пропущено «из» («Однодворец Овсяников»), вместо «генерала Хвалынского» — «Хвалынский» («Два помещика»). Многочисленны также перестановки слов.

В отношении исправлений по автографам и первопечатным текстам наиболее благополучно обстоит дело в издании Гослитиздата 1954 г. В этом издании отсутствует контаминация разновременных стилистических вариантов, исправления по автографу проведены с большой осторожностью.

4

Несмотря на то, что издание 1954 г. имеет ряд преимуществ по сравнению со всеми предыдущими изданиями, все же установленный в нем текст «Записок охотника» ни в какой мере еще нельзя признать каноническим. Критическая проверка текста не доведена в этом издании до конца.

В издании Гослитиздата остались несомненные смысловые ошибки издания 1883 г., которые можно было устранить, обратившись к другим изданиям «Записок охотника». Так, например, в рассказе «Лес и степь» во фразе «Стадо потянулось из деревни к вам навстречу» (текст стереотипных изданий) в издании 1883 г. вместо «к вам» появилось «к нам» (так же в изд. 1954 г., стр. 445), хотя весь рассказ построен в форме обращения к читателю: «Вот вы сели...», «Вы едете...», «Но вот вы собрались...» и т. д., и вслед за цитированной фразой следует:

«Вы взобрались на гору...». В рассказе «Хорь и Калиныч» о помещике Полутыкине сказано, что он «хвалил сочинения Акима Нахимова и повесть „Пинну“». В издании 1883 г. вместо слова «сочинения» появилось «сочинение», между тем ясно, что если бы речь шла об одном произведении, то скорее было бы указано его название, как сделано это далее с повестью «Пинна»; эта ошибка механически повторена и в тексте издания 1954 г. (стр. 76). В рассказе «Льгов» вопрос рассказчика к Сучку в стереотипных изданиях печатается так: «Что ж, ты и у ней был поваром?». В тексте посмертного издания «и» выпало; так же оставлено и в издании 1954 г. (стр. 152). Между тем перед этим речь идет о том, что Сучок был поваром у помещика Афанасия Нефедыча; далее рассказчик спрашивает, был ли Сучок поваром и до этого, у другой помещицы. В рассказе «Чертопханов и Недопюскин» осталась неисправленной ошибка во фразе: «— За мною заряд, любезный, по охотничьим правилам, проговорил он, обращаясь к Ермолаю». В изданиях 1880 и 1883 гг. оказалась пропущенной (по сравнению с предыдущими изданиями) запятая после слова «правилам»; так же напечатано и в издании 1954 г. (стр. 364). Между тем ясно, что слова «по охотничьим правилам» принадлежат Чертопханову, а не автору; они означают, что Чертопханов считает себя обязанным, согласно охотничьим правилам, отплатить зарядом за убитого Ермолаем зайца, но отнюдь не то, что он говорит «по охотничьим правилам». Пунктуационные ошибки, ведущие к искажению смысла, вообще довольно многочисленны в издании 1954 г. В ряде случаев они идут не за счет недостаточной критической проверки текста, а напротив, за счет неоправданного отступления от источника. Примером может служить следующий отрывок из рассказа «Касьян с Красивой Мечи»: «Из двух баб, шедших за гробом, одна была очень стара и бледна; неподвижные ее черты, жестоко искаженные горестью, хранили выражение строгой, торжественной важности. Она шла молча, изредка поднося худую руку к тонким ввалившимся губам. У другой бабы, молодой, женщины лет двадцати пяти, глаза были красны и влажны, и все лицо опухло от плача; поравнявшись с нами, она перестала голосить и закрылась рукавом...». В издании 1954 г. (стр. 182) запятая после слова «молодой» снимается; между тем она необходима, так как сравниваются две бабы: одна — старая и другая — молодая; снятие запятой приводит к столкновению двух слов с разной стилистической окраской: «баба» и «молодая женщина». В рассказе «Стучит!» во фразе, характеризующей Филофея, — «Он, точно, смотрел „простецом“» — снимаются запятые (стр. 431). От этого фраза приобретает значение предположения, между тем как слово

«точно», выделенное запятыми, имеет здесь значение утверждения: «Он, точно (действительно, как о нем и говорил Ермолай. — *Л. Д.*), смотрел „простецом“». В рассказе «Конец Чертопханова» во фразе «Взяла, платок на голову накинула — да и пошла» снята запятая после слова «Взяла» (стр. 382), хотя смысл фразы заключается не в том, что Маша «Взяла платок», а в том, что «Взяла... — да и пошла».

К недостаткам издания 1954 г. относится также неполнота и неточность текстологического комментария. Примером этого в комментарии к I тому может служить следующая фраза: «Первые томы собрания сочинений (1883 г.), вышедшего посмертно, тоже были внимательно подготовлены автором, и в „Записках охотника“ устранены опечатки, а также внесены небольшие стилистические поправки» (стр. 466). Неточно, а потому и неверно то, что «первые томы» в данном случае объединены; первый том был наименее подготовлен Тургеневым из десяти.

Итак, задачу установления канонического текста «Записок охотника» и создания для него научного аппарата нельзя считать до сих пор выполненной; она должна быть осуществлена в академическом издании полного собрания сочинений Тургенева. Но уже сейчас целесообразно было бы начать подготовку научного издания отдельных, наиболее выдающихся произведений писателя; к ним относятся все романы Тургенева и «Записки охотника». Эта задача является в настоящее время первоочередной по отношению к наследию великого русского писателя.

Э. Л. ЕФРЕМЕНКО

ПУБЛИКАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Публикация художественных произведений Н. Г. Чернышевского представляет значительные трудности. Общеизвестно, как жестока была судьба всей беллетристики Чернышевского, создававшейся в тюрьме и на каторге.

Необычность и сложность условий работы скрыли от современников и потомков писателя многие факты его литературной деятельности. До сих пор недостаточно изучена история создания и первой публикации романа «Что делать?», история заграничного издания романа «Пролог пролога», история рукописи «Отблесков сияния». Не решен вопрос о датировках отдельных произведений.

Литературное наследие Чернышевского нельзя считать собранным. Многое из написанного погибло безвозвратно, но, очевидно, кое-что можно еще найти. Возможно, со временем будет обнаружен беловой автограф «Что делать?», найдутся потерянные страницы «Отблесков сияния» и рукописи других, еще не известных нам произведений[1].

Романы, повести и пьесы Чернышевского дошли до нас далеко не все в том виде, как были задуманы автором.

---

[1] В мемуарной литературе о Чернышевском сохранился ряд свидетельств о существовании рукописей некоторых произведений писателя. Так, Е. Соловьев в статье «Беллетристика Чернышевского» (Сб. «Научное обозрение», 1899, № 4) говорит о пьесах ‹Снохач› и ‹Каторжник›. Содержание пьесы о либералах подробно передается в книгах П. Ф. Николаева «Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге» (М., 1906) и В. Н. Шаганова «Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке» (СПб., 1907). В справочнике Н. Н. Грибановского «Н. Г. Чернышевский в вилюйской ссылке» (Якгиз, 1947, стр. 35) упоминается рукопись романа «О женском равноправии». Очень интересные сведения содержатся в телеграмме М. Клейнмихеля сыну Чернышевского Михаилу о находке рукописи Николая Гавриловича: «. . . Рукопись содержит две повести: два брата, вилюйские легенды. . .» (1912) (ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 380, л. 4).

Многие произведения так и остались незаконченными, некоторые сохранились не в полном объеме, а иногда и просто во фрагментах. Отдельные рукописи написаны шифром-скорописью, все произведения подверглись автоцензуре.

Перед издателями литературных произведений Чернышевского, наряду с установлением подлинного авторского текста, стоит задача разработать определенные принципы публикации, которые учитывали бы специфические особенности его творчества.

Эти особенности заключаются, как будет видно из дальнейшего, в том, что тексты художественной прозы Чернышевского не имеют той законченности, которую текстолог считает главным условием выбора основного текста.

Многие места в произведениях Чернышевского, не публиковавшихся при жизни писателя, не всегда понятны современному читателю, так как в интересах политической маскировки Чернышевский вносил в рукописи фиктивную правку, делал обширные вычерки с единственной целью — запутать и тем самым обойти полицейскую цензуру. Зачастую текст, бывший до авторской правки, и купюры дают ключ к пониманию подлинного зашифрованного смысла произведения.

Без этих материалов не могут обойтись ни академические, ни массовые издания. Текстологу необходимо найти наиболее рациональные формы для их публикации. Без решения этих задач как в собраниях сочинений, так и в отдельных изданиях романов читатель не получит представления о литературном наследии Чернышевского во всем его значении.

1

В последнем Полном собрании сочинений Чернышевского[2] художественные произведения размещены редакцией в шести томах: XI том — юношеские произведения и «Что делать?»; XII — произведения, написанные в Петропавловской крепости: «Алферьев», «Повести в повести», «Мелкие рассказы»; XIII — «Пролог», «История одной девушки», пьесы — произведения, созданные в период сибирской ссылки; XIV и XV томы — стихотворные опыты и XVI дополнительный том — два незавершенных отрывка: «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле».

Одна из основных задач этого издания сводилась (как об этом сказано в редакционной статье) «к установлению точного текста произведений Чернышевского»[3].

---

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., тт. I—XVI. М., Гослитиздат, 1939—1953.

[3] Там же, т. I, стр. 27.

Однако публикация художественных произведений в этом собрании показывает, что текстологические принципы, положенные в основу издания, не соблюдены, а задача «установления точного текста» еще далека от окончательного решения.

При жизни писателя увидели свет лишь два лучших его романа: «Что делать?» и «Пролог пролога». В публикации этих произведений автор не принимал участия, поэтому источниками основного текста всех художественных произведений Чернышевского являются рукописи. Исключение составляет лишь роман «Что делать?», беловая рукопись которого не сохранилась.

За источник основного текста «Что делать?» во всех отдельных изданиях романа и собраниях сочинений принимается его публикация в журнале «Современник» 1863 г. (№№ 3, 4, 5) [4]. Однако журнальный текст романа «Что делать?» не может считаться каноническим, поскольку нам почти не известны условия его публикации.

Ввиду отсутствия белового автографа «Что делать?» особое значение приобретает черновая рукопись. Она является необходимым источником в работе над основным текстом романа.

Черновик содержит 59 полулистов, густо исписанных с обеих сторон мелким убористым почерком. Листы перенумерованы автором.

Начиная с 36-го полулиста, рукопись написана скорописью, с применением особых сокращений и условных знаков, которыми Чернышевский пользовался для ускорения письма. Такой шифр встречается в черновой рукописи «Алферьева», в дневниках Чернышевского, им записаны его университетские лекции. На полях черновика — множество вставок и дополнений.

Эта рукопись является первой, черновой редакцией романа. Рукопись второй и последней редакции до нас не дошла, о ней можно судить по журнальному тексту.

Сличение черновой рукописи с печатным текстом показывает, что редакции романа существенно различны. Первая — значительно короче, конец ее представляет собой отдельные, разрозненные отрывки, но в ней содержатся эпизоды, отсутствующие в журнальной редакции. Несомненно, журнальный текст романа не избежал цензуры, автоцензуры и подвергся правке в редакции «Современника».

Возможно ли при отсутствии белового автографа разграничить эту правку, выделить, в частности, места, выпущенные

---

[4] Издание романа «Что делать?» в Женеве М. К. Элпидиным в 1867 г. является перепечаткой публикации «Современника».

цензурой, и если не восстановить их в основном тексте, то по крайней мере оговорить в комментариях? Думается, что в какой-то мере возможно. Для этого прежде всего следовало бы восстановить все варианты первой редакции и опубликовать полный ее текст, что, к сожалению, еще не сделано[5]. Важную роль в решении этих вопросов может сыграть анализ редакций с учетом дат написания отдельных страниц черновика и дат отправки частей беловой рукописи.

Характерной особенностью литературной работы Чернышевского является то, что он приступал к переделке черновых рукописей прежде, чем доводил произведение до конца, т. е. он работал над черновой и беловой рукописями одновременно.

На полях черновика «Что делать?» сохранился ряд дат, которые наглядно иллюстрируют последовательность работы автора над первой редакцией. По этим датам видно, что Чернышевский с 14 декабря 1862 г. по 4 апреля 1863 г. писал роман почти ежедневно.

Известны также даты отправки частей беловой рукописи коменданту Петропавловской крепости Сорокину для передачи А. Н. Пыпину. Через месяц с момента начала работы Чернышевский передает Сорокину начало романа «Что делать?» (первые 35 полулистов), 12 февраля Чернышевский посылает тем же путем продолжение романа (следующие 35 полулистов), 26 марта управляющий III отделением А. А. Потапов переправляет в следственную комиссию четвертую главу (10 полулистов), 28 марта следует ее продолжение (11 полулистов), 30 марта — окончание четвертой и начало пятой главы, 6 апреля Сорокин передает Потапову окончание всего романа[6].

Сопоставление обеих редакций романа с учетом этих дат дает возможность ответить, например, на такие вопросы: какая часть черновика была написана к моменту посылки первых 35 листов беловой рукописи, какая — к моменту второй? Были ли внесены исправления и какие в первую редакцию романа между второй и третьей посылкой второй редакции? Беловой рукописи Чернышевский при себе не имел. Переписав какую-то часть черновика набело, он сейчас же отправлял ее Пыпину. Если писатель вносил в окончательный текст какие-то изменения, связанные с сюжетной канвой романа, он, очевидно, учитывал их в последующем тексте черновой редакции.

Наконец, детальное, постраничное сличение черновой рукописи с печатным текстом безусловно выявило бы большую стилистическую правку автора.

[5] Варианты к черновой редакции «Что делать?» в XI томе Полного собрания сочинений даны, к сожалению, не полностью.

[6] ЦГИА, ф. 109, III отд., 1 эксп., ед. хран. 230, ч. 26, т. 1.

Установление канонического текста «Что делать?» зависит от решения ряда проблем, связанных с расшифровкой черновой рукописи романа. Вопрос этот успешно может быть разработан лишь коллективом специалистов, занимающихся изучением рукописей Чернышевского. Решение его не входило в задачу настоящей статьи.

* * *

Роман «Пролог» издается часто как центральными, так и областными издательствами. После выхода в свет XIII тома Полного собрания сочинений Чернышевского, где помещен этот роман, все остальные издательства в основу кладут «критически проверенный текст, подготовленный А. П. Скафтымовым» для т. XIII [7] названного издания.

Судьба источников текста романа «Пролог» считается давно изученной. Однако это не так.

Публикация «Пролога» в Полном собрании сочинений отнюдь не является бесспорной, а в самом тексте романа немало ошибок, искажающих его идейный смысл и снижающих художественные достоинства.

История создания «Пролога» и первой его публикации очень своеобразна.

В настоящее время мы располагаем тремя источниками текста романа. Это: 1) автограф, 2) копия с автографа, 3) лондонское издание 1877 г. Автограф был написан предположительно в период 1867—1870 гг. Он содержит две части романа. Первая часть — «Пролог пролога» — совершенно закончена. Она состоит из 34 листов. В этой части недостает лишь половины первого листа, кем-то аккуратно отрезанной. На листах 21—22 (по нумерации Чернышевского) имеется карандашная правка автора. Вторая часть — «Из дневника Левицкого за 1857 год» — не закончена. Написана она на листах 35—57.

Рукописная копия содержит текст лишь первой части романа. В ней не хватает значительного количества страниц.

Копия снималась с автографа по желанию автора, на его бумаге, четырьмя лицами — товарищами Чернышевского по заключению. В рукописи совершенно ясно различимы четыре почерка [8]. Работа по снятию копии велась в большой спешке. Листы автографа были поделены между переписчиками, и они работали одновременно. Иногда один переписчик сменял дру-

[7] Н. Г. Чернышевский. Пролог. М., Гослитиздат, 1953, стр. 450. Примеч. Г. М. Фридлендера.

[8] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, л. 1—64.

того прямо с полуфразы. Есть основания предполагать, что сам автор принимал участие в снятии копии [9].

К первому листу копии приклеена полоска бумаги с надписью неизвестного лица: «Рукопись, с которой набирался „Пролог“ в Лондоне». Как известно из мемуарной литературы, наклейку полосок бумаги на полях и реставрацию отдельных слов производил редактор лондонского издания П. Л. Лавров. Он вписывал в рукопись имена и фамилии действующих лиц, так как в автографе они везде обозначены только инициалами, дописывал окончания отдельных слов на концах строк, так как листы рукописи были зачитаны и некоторые слова почти стерты, он же производил и стилистическую правку, правда, очень незначительную. В основном правка сводилась к замене согласований, например: «Вы сама» — на «Вы сами», «Как вы любопытна!» — на «Как вы любопытны!» и т. п.

Если не считать незначительных опечаток, лондонское издание «Пролога пролога» точно воспроизводит копию с учетом исправлений Лаврова.

Предполагают, что копия была увезена из Сибири М. Д. Муравским. Он передал рукопись Г. И. Успенскому, тот — Г. А. Лопатину, который и увез ее за границу [10].

Автограф Чернышевский отправил с оказией А. Н. Пыпину 12 января 1871 г. В «списке бумагам», приложенному к сопроводительному письму, он сообщал: «Я писал с мыслью издать во французск.[ом] или английск.[ом] переводе» [11], тем самым выражая свою санкцию на заграничное издание. Чернышевский мог предполагать, что Пыпин будет чинить препятствия изданию романа даже за границей. И он не ошибся [12].

Роман вышел в свет в Лондоне весной 1877 г. В это время Чернышевский находился в Вилюйске.

Рукопись-копия, а следовательно, и лондонское издание «Пролога пролога» содержат значительные разночтения с автографом. Редакция отсылает читателя к изданию «Academia», где действительно разночтения приведены [13]. Но и основной

---

[9] Подробно об этом см. в диссертации Г. И. Курточкиной «Роман Н. Г. Чернышевского „Пролог“». М., 1950.

[10] См. П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. Л., 1925, стр. 68—69. Автор пишет: «...Ему (Г. Лопатину. — *Э. Е.*) обязана была редакция доставлением рукописи Чернышевского „Пролог к прологу“ (1877 г.), которую он привез из Сибири с поручением пославших рукопись напечатать ее за границею».

[11] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, стр. 506.

[12] См. Н. Г. Чернышевский. Пролог. М., Academia, 1936, стр. VII—XIV (статья Н. В. Водовозова «Политическая борьба вокруг напечатания „Пролога“»).

[13] См. Н. Г. Чернышевский. Пролог, М., Academia, 1936.

текст романа и особенно раздел вариантов напечатаны в этом издании с таким множеством ошибок и неясностей, что исправить их в новом собрании сочинений Чернышевского было совершенно необходимо.

Редакция издания «Academia» поставила себе задачу дать с исчерпывающей полнотой разночтения не только автографа с копией, но и варианты самого автографа, варианты копии и разночтения автографа и копии с Полным собранием сочинений Чернышевского 1906 г.[14]

Однако серьезной ошибкой редакции является то, что не приведены разночтения рукописей с лондонским изданием романа «Пролог» 1877 г.

Это издание является очень ценным источником текста потому, что, во-первых, оно было осуществлено по желанию Чернышевского, во-вторых, оно вышло при жизни писателя, в-третьих, оно воспроизводит полный текст копии (выше указывалось, что в копии в настоящее время недостает большого числа листов). При сравнении этого издания с рукописями выявляется множество разночтений автографа с несохранившимися листами копии. Конечно, утверждать категорически, что это — разночтения между автографом и копией нельзя, так как между лондонским изданием и копией, с которой оно набиралось, в свою очередь могли быть разночтения. Но анализ этого издания при установлении текста «Пролога пролога» совершенно необходим.

Вот, например, какие имеются разночтения между автографом и лондонским изданием (соответствующие листы копии утрачены):

В автографе: «Честно устроил свои отношения с крестьянами (речь идет о Нивельзине. — *Э. Е.*), не жалея уменьшить свои доходы, чтобы облегчить *совесть*»; по лондонскому изданию: «Честно устроил свои отношения со своими крестьянами, не жалея уменьшить свои доходы, чтобы облегчить *крестьян*» [15].

В автографе: «— Это *лишнее*»; по лондонскому изданию: «— Это *прекрасно*» [16].

В автографе: «Вероятно, Нивельзин ждал не рассуждения о *февральском перевороте*. . .»; по лондонскому изданию: «. . .о *Февральской революции*. . .» [17].

Как ни удивительно, но в лондонском издании нет тех досадных искажений текста «Пролога пролога», которые со-

---

[14] См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 10 томах с 4 портретами. Изд. М. Н. Чернышевского, СПб., 1906.

[15] Н. Г. Чернышевский. Пролог. Лондон, 1877, стр. 8.

[16] Там же, стр. 12.

[17] Там же, стр. 110.

держатся в издании «Academia» и повторяются затем в XIII томе Полного собрания сочинений.

При публикации романа «Пролог» в XIII томе за источник основного текста совершенно правильно был принят автограф. Именно автограф запечатлел последнюю стадию работы автора над своим произведением: как было сказано выше, 21—22 листы автографа содержат карандашную правку Чернышевского. В лондонском издании эта правка не отражена. Можно предположить, что Чернышевский правил автограф после того, как была снята копия.

Судя по тому, что редакцией в текстологическом комментарии коротко упомянут второй источник — копия с автографа — и совсем не упомянуто лондонское издание как третий источник, можно предположить, что никакой критической работы по сопоставлению источников, их анализу и выбору основного текста проведено не было.

Текст первой полустранички (отсутствующей в автографе) воспроизводится по копии без каких бы то ни было оговорок. В автографе нет ни заглавия романа, ни посвящения, ни наименования частей — они находились именно на этой странице.

На первом листе копии рукой Муравского написано:

«Пролог.

Роман.

Посвящается той, в которой будут узнавать Волгину.

Часть первая.

Пролог пролога.

Глава первая».

Начиная с издания «Academia», почти все последующие отдельные издания романа[18], включая и публикацию в XIII томе, печатают заглавие неверно:

«Пролог.

Роман из начала шестидесятых годов[19].

Часть первая.

Пролог пролога.

Посвящается той, в которой будут узнавать Волгину.

Глава первая».

В издании «Пролога», выпущенном в 1953 г. Гослитиздатом, общее заглавие романа и заглавие первой части разделены еще вступительной статьей.

---

[18] Минск, 1940; Сароблгиз, 1948; Грозный, 1950; Москва, Гослитиздат, 1953.

[19] Эта приписка, очевидно, принадлежит П. Л. Лаврову. Она впервые появилась в лондонском издании романа в 1877 г.

Исключение составляют саратовское и ленинградское издания, где посвящение стоит на своем месте [20]. Но и в ленинградское издание из лондонского перенесена приписка: «Роман из начала 60-х годов». Как правильно печатать заглавие романа? Очевидно, следует воспроизводить его по копии, но без произвольной перестановки частей заглавия и без внесения дополнительных подзаголовков.

В литературоведении прочно укрепилось положение, что незаконченный роман Чернышевского «Пролог» состоит из двух частей: «Пролога пролога» (или как ее иначе называют «Пролог к прологу») и «Из дневника Левицкого за 1857 год» (или просто «Дневник Левицкого»). Это положение нуждается в оговорках. Действительно, до нас дошли две части этого романа, но они далеко не равноценны по своей художественной завершенности. Могут ли они при публикации быть соединены в своем настоящем виде в две части романа — вопрос спорный.

В «списке бумагам», отправленном одновременно с посылкой рукописей 12 января 1871 г., Чернышевский дает точное и подробное разъяснение каждому из посылаемых произведений. Письмо это широко используется литературоведами, его цитируют, на него ссылаются, им подкрепляют разного рода аргументы. Странно только, что исследователи не хотят считаться со свидетельствами самого автора, четко и ясно изложенными в письме.

Под № 1 здесь значится: «Роман „Пролог пролога“. Продолжение „Старины“, которая была послана прежде. Начинается самостоятельно; все понятно и не читавшему „Старины“. Прошу напечатать, сколько возможно по цензурным условиям. Если уцелеет хоть половина, и то хорошо. . .».

№ 2, с той же нумерацией листков: «„Дневник Левицкого“. Начало второй части „Пролога“, брошенное мной. Я переделал эту часть романа; то, что посылаю, брошено мной. Может быть, годятся для печати эпизоды об Аннушке и о Настеньке, в виде отрывков. То, что относится к Илатонцевой и к Мери, посылаю только для прочтения и сбережения» [21].

Дважды в этой справке писатель подчеркивает, что «Дневник Левицкого» в своем настоящем виде не является прямым продолжением первой части. Боясь, что может ввести в заблуждение общая нумерация страниц, Чернышевский не забывает отметить, что хотя № 2 и «с той же нумерацией листков», но это все-таки «брошенная» часть. Переработанной второй части романа не сохранилось. Мы не можем с достоверностью

---

[20] Н. Г. Чернышевский. Пролог. Саратов, 1937; Лениздат, 1952.
[21] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 506.

утверждать, была ли она. Возможно, конечно, предположение, что Чернышевский не хотел публиковать «Дневник Левицкого», так как многое в нем основывается на фактах жизни Добролюбова, которые Чернышевский в ту пору не хотел делать широко известными. Еще более убедительны доводы, говорящие о том, что писатель не считал возможным публикацию «Дневника Левицкого» как прямого продолжения «Пролога пролога».

Некоторые исследователи считают, что незаконченность «Дневника Левицкого» кажущаяся, что это лишь прием, одна из особенностей художественной манеры писателя. Мнение это несправедливо. Многие произведения Чернышевского остались незаконченными («Пролог», «Алферьев», «Повести в повести», «История одной девушки», «Отблески сияния»). Но это не особенность художественного стиля, а свидетельство сложности условий жизни и работы автора.

Безусловно, есть прямая связь между «Прологом пролога» и «Дневником Левицкого». «Дневник Левицкого» дополняет и разъясняет «Пролог пролога», является своеобразным художественным комментарием к «Прологу пролога», содержит ценный материал, помогающий более глубокому анализу первой части «Пролога», расширяющий наше представление о художественных особенностях прозы Чернышевского. Но это не вторая часть романа. Между этими двумя частями много несоответствий (хронология событий, содержание отдельных эпизодов). Очевидно, поэтому автор и не считал возможным публикацию «Дневника Левицкого» как второй части романа.

Научная публикация романа «Пролог» требует предварительного исследования ряда вопросов. Материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, приводят к следующим решениям.

Первую часть романа, «Пролог пролога», следует публиковать по автографу: но восстановленную по копии первую полустраницу нужно тщательно проанализировать по отношению к тексту всего романа и оговорить ее историю в специальном текстологическом комментарии. В этом же комментарии должны найти отражение и результаты текстологического анализа всех трех источников текста, их особенностей и судьбы.

К тексту «Пролога пролога» в разделе вариантов и разночтений следует привести как варианты автографа, так и разночтения его с копией и лондонским изданием, — если не все, то существенные обязательно.

Вторая часть, «Из дневника Левицкого за 1857 год», печатается также по автографу (это единственный источник текста). Поскольку она не может считаться прямым продолжением первой части, ее незавершенный характер должен быть

так или иначе обозначен в издании. Эта незаконченность служит достаточным основанием для введения в квадратных скобках в основной текст или приведения в примечаниях под строкой тех мест, которые были вычеркнуты в автографе самим автором, по соображениям цензурного или конспиративного характера.

Текст «Пролога» пора освободить от множества ошибок, распространяющихся во всех новейших изданиях этого романа [22].

* * *

Спорной представляется и публикация в XII томе Полного собрания сочинений Чернышевского романа «Алферьев».

Текст «Алферьева» сохранился в двух автографах: в черновой и беловой рукописях. Черновик романа написан скорописью, как и черновая рукопись «Что делать?».

Черновой и беловой автографы — это две существенно различные редакции романа. Первая редакция значительно короче, менее отделана стилистически, но содержит ряд острых в политическом отношении эпизодов, выпущенных автором во второй редакции явно с учетом возможных цензурных придирок [23].

Работу над беловой рукописью Чернышевский начал, не закончив полностью черновика, так же как и при написании «Что делать?». Черновик был написан за время с 5 апреля по 31 июля 1863 года, с некоторыми перерывами. Первая же часть «Алферьева» (глава первая и самое начало второй — в уже переработанной редакции) была отправлена Чернышевским Сорокину для передачи А. Н. Пыпину в 20-х числах июля. 29 июля [24] Сорокин пересылает рукопись Потапову (в комментариях к XII тому этот факт датируется неверно концом августа или началом сентября) [25]. Продолжение романа, т. е. его вторая глава, оставалось в камере Чернышевского до его выезда в Сибирь и затем вместе с другими его бумагами поступило в архив III отделения. В описи своих бумаг, составленной Н. Г. Чернышевским накануне отправления из Петропавловской крепости в Сибирь, под № 1 значится: «Отрывок из романа „Повести в повести“: А) Отрывок, отмеченный надписью „продолжение повести „Алферьев“, нуме-

[22] См. об этом далее, стр. 207, 208.

[23] См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1949, стр. 620 (Сцены столкновения Алферьева с отцом выпущены в окончательной редакции).

[24] ЦГИА, ф. 109, III отд., 1 эксп., ед. хран. 230, ч. 26, т. 1, л. 142.

[25] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр., соч., т. XII, стр. 688.

рованный цифрами от 19 до 36, осьмнадцать полулистов; В) начало второй части; полулисты 1—53, пятьдесят три полулиста»[26].

14 августа Чернышевский посылает в правительствующий сенат продолжение «Алферьева» в качестве «образца черновой литературной работы». Отрывок этот очень характерен и показателен для изучения той сложной борьбы, которую так последовательно и умно вел Чернышевский со своими врагами — следственной комиссией, сенатом и всем правительством Александра II. В текстологическом комментарии к этому отрывку не сказано, почему, зачем Чернышевский вдруг решил послать эту часть рукописи в сенат.

В объяснительной записке Чернышевский писал:

«В той части записки по делу Чернышевского, которую Чернышевский прочел 13 августа, очень много говорится о литературной деятельности Чернышевского, о личных свойствах его характера, особенно о его самолюбии. Эти соображения подтверждаются авторами бумаг их содержащих, посредством извлечений из черновых бумаг и семейных писем Чернышевского.

Чернышевский находит полезным для разъяснения представить вложенный здесь образец черновой его работы, заключающейся на 15 листах его нумерации, деланной его рукою ныне поутру 14 августа.

Это нужно для облегчения разбора дела о Чернышевском, — в его ли пользу, или нет, он предоставляет решить правительствующему сенату ‹. . .›

P. S. Он просит гг. делопроизводителей просматривать листы по порядку нумерации, деланной им 14 августа, — читать всего сплошь не стоит, по его мнению, достаточно употребить часа полтора или два на пересмотр.

Но если гг. делопроизводители будут читать внимательно, сплошь, то тем лучше для разъяснения дела»[27].

Текст этого кусочка романа писался Чернышевским с мыслью ввести в заблуждение лиц, занимавшихся разбором его рукописей. Содержание отрывка умышленно запутано. Без связи с общим содержанием всего романа отрывок этот невозможно понять.

Текст отрывка приводится в XII томе Полного собрания сочинений просто как «Текст повести „Алферьев“, посланный в сенат в качестве „образца черновой литературной работы“»[28]. В специальном комментарии к этому тексту приведена только выдержка из той же объяснительной записки Чернышевского,

[26] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 689.
[27] ЦГИА, ф. 112, ед. хран. 38, л. 145.
[28] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 666.

да и то неверно, с пропуском целой фразы (ниже приводим ее в квадратных скобках): «Чернышевский предполагает, что легче всего понять эти странные работы, если предположить, что это материал для будущих романов, [именно для таких частей романов] в которых изображается состояние очень сильного юмористического настроения, доходящего почти до истеричности. Но, конечно, он не вправе требовать, чтобы гг. делопроизводители верили ему на слово»[29]. В комментарии не сказано, имеет ли какое-нибудь отношение этот отрывок к тексту всего романа и какое. Что это? Часть новой редакции, вариант, продолжение или что-либо еще? Смысл такой публикации и такого комментирования действительно может быть понят лишь как показ «образца черновой литературной работы» Чернышевского. Между тем отрывок этот — прямое продолжение романа.

В XII томе Полного собрания сочинений текст романа опубликован в двух редакциях: в основном разделе дается текст второй редакции по беловому автографу, в «Приложениях» — текст первой редакции, по черновой рукописи.

Текст отрывка, посланного в сенат, конечно, нельзя приравнять к беловой рукописи. Этот неотредактированный, требующий введения конъектур, отрывок следует рассматривать как черновой набросок продолжения романа. Но он относится не к первой черновой редакции, а непосредственно, с полуфразы продолжает рукопись беловика. Поэтому его следует печатать вслед за основным текстом романа, как это и было сделано в издании под редакцией Н. А. Алексеева[30].

Вызывает возражение и публикация романа «Отблески сияния» в XIII томе.

Написанный в 1879—1883 гг., роман этот — единственное произведение Чернышевского, относящееся к периоду второй революционной ситуации, и отсюда — важное свидетельство участия писателя в общественной жизни России 70-х годов. Роман является своеобразным откликом на события Парижской Коммуны, на его страницах писатель показал образ революционера 70-х годов, участника парижских битв. Автор очень дорожил этим произведением. Несмотря на то, что оно не было окончено, Чернышевский настаивал на публикации: «Если нельзя печатать по-русски, то надобно перевести на английский и французский (на оба лучше) и напечатать в Лондоне и Париже... Эту рукопись я советовал бы напечатать, не дожидаясь продолжения. Псевдоним для подписи — какой угодно»[31], — писал он Пыпину.

[29] ЦГИА, ф. 112, ед. хран. 38, л. 145.

[30] Н. Г. Чернышевский. Алферьев. М., изд-во об-ва политкаторжан, 1933.

[31] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 4 об.

Роман «Отблески сияния» многоплановый. Он не отработан стилистически, далеко не закончен, все это затрудняет его понимание и восприятие. История создания романа не изучена. Не решен окончательно вопрос о датах написания отдельных его частей. Эти факты, казалось бы, следовало учитывать, приступая к первой публикации[32].

Единственный источник текста «Отблесков сияния» — рукопись, переданная Д. И. Меликовым[33] в Академию наук в 1917 г.

Она содержит 159 страниц и разделена самим автором на четыре части. Первая часть заключает первую главу романа, вторая — вторую, третья часть содержит переделки и вставки к первой главе, четвертая — переделки и вставки ко второй. Все вставки и переделки написаны очень аккуратно, в них легко разобраться. Кроме того, рукопись содержит и ряд дополнительных пояснительных документов. К ней приложено письмо к Пыпину с просьбой напечатать роман. В письме Чернышевский говорит и об общем замысле всего цикла, частью которого является этот роман. В рукописи находятся два листка общих заметок, дающих указания, как следует понимать и печатать отдельные места произведения. В них автор просит исправить могущие встретиться ошибки, «незамеченные при торопливом пересмотре рукописи»[34]. К рукописи приложен листок с хронологией событий романа. Обе части романа обрываются на полуфразе. Однако заметно и существенное различие в этих перерывах текста. За последней фразой первой части романа: «...Но мать Ниночки узнала, что переправы через разлившиеся речки менее трудны [чем предполагалось перед]» (зачеркнуто Чернышевским) многоточия в тексте рукописи нет (л. 31 об.). На следующей, не сохранившейся странице, очевидно, было продолжение этой фразы и дальнейший текст первой части. Об этом же свидетельствует и общая нумерация страниц романа. «Общая нумерация страниц сделана карандашом, для ясного различия от двух частных нумераций»[35], — писал Чернышевский Пыпину. По этой общей нумерации первая часть кончается страницей 58, а вторая начинается страницей 69. Следовательно, между первой и второй частями было еще одиннадцать страниц, недостающих

[32] Роман впервые опубликован А. П. Скафтымовым в XIII томе Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, М., 1949. Описание рукописи и анализ романа впервые даны А. П. Скафтымовым в юбилейном сборнике: «Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи». Саратов, 1928.

[33] Д. И. Меликов — член Якутского суда, действительный член Русского географического общества.

[34] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 33.

[35] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 4.

в настоящее время в рукописи. Этот факт подтверждается и вставками к роману, размещенными Чернышевским в третьей и четвертой частях рукописи. Почти каждая страница произведения содержит вставки и дополнения. Сохранились вставки и к недостающим страницам. Например, вставки №№ 18, 19, 20 относятся к странице 59, отсутствующей в рукописи.

После текста второй части романа рукой Чернышевского поставлено многоточие: «Я надеюсь, Владимир Васильевич, вы не сомневаетесь, что я не способна говорить того, чего не имею права говорить. Александра Дмитриевна и Юрий. . .» [36]. Дальнейшая работа над романом была прервана.

В XIII томе роман «Отблески сияния» напечатан в разделе основных текстов, но мелким шрифтом, каким обычно даются приложения и комментарии. Среди многих незавершенных произведений сибирского периода («Потомок Барбаруссы» — начало исторического рассказа из «Книги Эрато», комедия «Великодушный муж» — 17 явлений 1 действия, шесть первых страниц предисловия «Академии Лазурных гор»), опубликованных в разделе основных текстов, мелким шрифтом напечатаны только «Отблески сияния» — роман, содержащий свыше двухсот страниц печатного текста.

Если редакторы считали роман «Отблески сияния» до такой степени незаконченным произведением, что сочли невозможным печатать его наравне с другими, то было бы логичнее публиковать его в разделе «Приложений».

Не учтены при публикации и все те исправления, которые предлагает автор в пояснительных документах. Оставлен без внимания вычеркнутый текст, в котором содержится ценный материал, помогающий глубже понять идейный замысел романа. Это произведение требует обязательной публикации всех дополнительных материалов: письма к Пыпину, двух листов «общих пометок», листка с хронологией событий.

2

Как сказано выше, источниками основного текста всех художественных произведений Чернышевского, за исключением «Что делать?», являются рукописи. Поэтому при работе над ними следовало с особой ответственностью подойти к их анализу и прочтению. Однако этого не было сделано при подготовке к печати Полного собрания сочинений Чернышевского.

Одна из основных задач издания — «установление точного текста произведений Чернышевского» — осталась не выполненной: в каждом произведении, законченном и незакончен-

[36] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 67 об.

ном, более значительном и менее значительном, ошибки исчисляются десятками! В «Прологе пролога» их около 40, в «Отблесках сияния» более 50, в «Драме без развязки» более 80.

Ошибки встречаются в заглавиях, эпиграфах, посвящениях, в самих текстах, в стихотворных цитатах.

Прежде всего поражают пропуски отдельных слов, фраз, а порой и целых страниц текста.

В Полн. собр. соч.	
«Мелкие рассказы» (т. XII)	По рукописям ЦГИА. Приложение к делам III отделения, 1 экспедиции:
«Приметы же: сын — вылитый, как я был в те годы, лишь с окладистою бородою; а борода черная» (543).	«Приметы же: сын — вылитый, как я был, *только по нынешнему не бреется, так вообрази каков был я* в те годы, лишь с окладистою бородою; а борода черная» (л. 1).
«— Одним словом, отличился. Но ведь вот есть же такие люди: умеют внушить доверие.	«— Одним словом, отличился. Но ведь вот есть же такие люди: умеют внушить доверие.
	— Не лучше ли сказать: есть же такие люди, которых так легко обманывать.
— Как не быть... (547)	— Как не быть...» (л. 3).
«Запрягут в телегу пару лошадей, сядут двое, погоняют в два кнута, — а Кистровский держит за заднее колесо — и не то, что только удерживает, даже оттягивает назад» (553).	«Запрягут в телегу пару лошадей, сядут двое, погоняют в два кнута, *по бокам тоже станут двое, погоняют в два кнута,* — а Кистровский держит за заднее колесо — и не то, что только удерживает, даже оттягивает назад» (л. 6 об.).
«Пролог» (т. XIII)	ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237
«Нивельзин встал и ушел, как ни упрашивал его Волгин посидеть еще» (100).	«*В час* Нивельзин встал и ушел, как ни упрашивал его Волгин посидеть еще» (л. 81).

(Из контекста видно, что Чернышевский фиксирует внимание читателя на факте ухода Нивельзина именно «в час» ночи)

«Поневоле принужден писать все статьи, которыми выражается мнение журнала» (103).	«Поневоле принужден *один* писать все статьи, которыми выражается мнение журнала» (л. 81 об.).
«...знала, что ты уже не можешь без этого» (98).	«...знала, что ты уже не можешь *обойтись* без этого» (л. 80 об.).

«Отблески сияния» (т. XIII)	ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245
«...польстившись на цену, и продала. Только пользы не получила» (650).	«...польстившись на цену и продала. *Все равно, говорит, ты себя не соблюдешь, то уж лучше же пускай будет с выгодою, чем без выгоды.* Только пользы не получила» (л. 13 об.).

Необъяснимый пропуск следует отметить на странице 750 XIII тома. Редакция опустила почти целую страницу рукописи. В пропущенном отрывке содержится много дополнительных сведений о главных героях романа, выясняются взаимоотношения между Антониной Михайловной, Лоренькой и Владимиром Васильевичем, отношение к ним семьи Авдотьи Николаевны. В тексте имеются и некоторые данные, помогающие косвенно уточнить хронологию событий.

«— Не мне, — не нам вступаться за Антонину Михайловну. Она встала. Встал и он» (750).	«— Не мне, — не нам вступаться за Антонину Михайловну. Не говоря о том, что чувствуем мы к ней за страдания Авроры Васильевны, мы и сами много терпим от нее. Мы не можем иметь склонности вступаться за нее. Но я не могу оправдывать ваше ожесточение против нее. Этому чувству следовало бы давно исчезнуть из вашего сердца. Отношения Антонины Михайловны к Авроре Ва-

сильевне уж много лет такие, что оно должно было бы исчезнуть. Когда-то она вмешивалась — мы не знаем положительным образом, но это совершенно ясно — вмешивалась в жизнь Авроры Васильевны и отняла у нее счастье. Но с очень давнего времени, она держит себя относительно Авроры Васильевны безукоризненно; разумеется, насколько это возможно при ее праздности и при суетливости ее характера. От нечего делать и от склонности к праздным разговорам, пустым хлопотам, она много надоедает Авроре Васильевне. Но это надоеданье, хоть и скучное, совершенно невинное. Вмешиваться в жизнь Авроры Васильевны она не имеет ни малейшего желания. Так это с той самой поры, как мы знаем ее. И когда мы познакомились с нею, ей уже было привычно не вмешиваться в жизнь Авроры Васильевны. Следовательно, это началось много раньше. При характере Антонины Михайловны ей нужны были годы, чтобы приобрести такую привычку. Таким образом много больше, нежели семь лет, Аврора Васильевна живет так, как она живет, единственно потому, что сама хочет жить так. После стольких лет отсутствия новых поводов к недовольству, справедливо ли вам продолжать думать с таким ожесточением о прежней виновности Антонины Михайловны перед Ав-

popoю Васильевною? Наперекор вашему мнению, что пароксизмы ожесточения будут усиливаться и что оно одолеет вас, я уверена, что вы всегда будете находить в себе силу одолевать эти порывы, запоздалые, несправедливые, и, подавляемые, они будут ослабевать, исчезнут.

— До свидания, Владимир Васильевич. Буду ждать вас в три четверти второго.

Она встала. Встал и он...» (ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 59).

В Полном собрании сочинений Чернышевского много ошибок, искажающих текст до бессмыслицы.

В тексте «Пролога» (т. XIII) читаем: « — Видно, хоть вы и были ослеплены, и не могли видеть, а инстинктивно чувствовали, что нельзя предполагать — не бросить мужа — вас-то, положим, любит, но пока можно не бросая мужа, то и любит» (42). Разговор ведется между Волгиным и Нивельзиным о том, почему последний не женится на Савеловой. Текст по рукописи: «...а инстинктивно чувствовали, что нельзя *предлагать*, — не бросит мужа,...» (ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, л. 71). Волгин прекрасно понимает, что Савелова не любит Нивельзина и ради него, конечно, не оставит «выгодного и удобного» мужа. Это инстинктивно чувствует и сам Нивельзин, поэтому он и не решился предложить Савеловой брак. Или: «У него только недоставало силы самому сбросить с себя его азиатской дикости» (102); рукопись: «...сбросить с себя *иго* азиатской дикости» (там же, л. 81). «...моталась из угла в угол Европы...» (речь идет о Тенищевой) (113); рукопись: «...*металась* из угла в угол Европы...» (там же, л. 93).

Неверное прочтение отдельных слов часто придает контексту иной, а порою и прямо противоположный смысл. Вот примеры подобного рода ошибок:

«Пролог» (т. XIII): «Он говорит, что вы и очень умный, и что у вас благородный образ мыслей» (96); рукопись: «...очень *ученый*» (ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, л. 80). «Эх, наши господа инициаторы...» (106); рукопись: «Эх, наши господа *эмансипаторы*...» (так же, л. 82). «Это продолжалось: Соколовский хоть и горяч по своей натуре, но с полнейшим

спокойствием за здравый смысл своих слов, радовался, и радовался...» (123); рукопись: «Это продолжалось: Соколовский хоть и *горячо* по своей натуре, но с полнейшим спокойствием за здравый смысл своих слов, радовался,...» (там же, л. 84).

«Отблески сияния» (т. XIII): «Начинать с этого, то в десяти словах не скажешь, одушевишься и напутаешь...» (718); рукопись: «...одушевишься и *напугаешь...*» (ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 76). «Мои знания — клочки спутанных фраз в рассказах мамаши» (720); рукопись: «...клочки *случайных* фраз...» (л. 77)[37]. «Он встрепенулся — Пожалуйте!» (722); рукопись: «Он встрепенулся. — *Помилуйте!*» (л. 78). «...что вам не было приятно оставаться со мною» (751); рукопись: «...что вам не было приятно *целоваться* со мною!» (там же, л. 59 об.). «Машенька, хоть сама и не охотница до плохих шалостей...» (760); рукопись: «...до *таких* шалостей...» (там же, л. 62 об.). «Неделикатный человек!» (658); рукопись: «*Нелепый* человек!» (там же, л. 17). «...даже бесприданницы, дочери небедных семейств...» (698); рукопись: «...даже бесприданницы, дочери *бедных* семейств...» (там же, л. 30). «Думать мне о чем, Володя» (690); рукопись: «Думать мне *не о чем,* Володя» (там же, л. 27). «Я и не полагала, что о чем-нибудь подобном» (755); рукопись: «*Я и полагала,* что о чем-нибудь подобном» (там же, л. 84 об.)[37].

Правильное воспроизведение источника в ряде мест восстанавливает подлинный текст Чернышевского:

«Пролог» (т. XIII): «...не они сочинили Февральскую революцию, обстоятельства так вышли, что заставили их, волею-неволею, участвовать в сочинении глупости...» (106); рукопись: «...обстоятельства так *шли,* что заставили их...» (ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, л. 82). «Нивельзин оправдался: он ушел в час, как она приказала ему» (100); рукопись: «Нивельзин оправдался: он ушел в час, как она *приказывала* ему» (там же, л. 81). «...и в тот же миг Нивельзин почувствовал жгучую боль в кости правой руки: кости хрустнули» (116); рукопись: «...в *кисти* правой руки: кости хрустнули» (там же, л. 83 об.). «...начальство не может не быть беззаботно, безрассудно, бесчувствительно...» (118); рукопись: «...*бесчувственно...*» (там же, л. 83 об.).

К чему иногда приводят подобные, на первый взгляд, казалось бы, незначительные опечатки, видно из следующего примера.

---

[37] Ссылки даются по архивной нумерации.

В тексте «Пролога» (т. XIII, стр. 113) читаем: «Нивельзин был еще под слишком сильным влиянием вчерашних замечаний Волгиной». В рукописи же совершенно ясно написано: «Нивельзин был еще под слишком сильным влиянием вчерашних замечаний *Волгина*» (ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, л. 82 об.).

Читатель помнит, что накануне Нивельзин действительно имел беседу и с Волгиной и с Волгиным. Беседа с Лидией Васильевной Волгиной носила легкий, несколько кокетливый характер. Разговор же с Волгиным касался важнейших общественных вопросов, условий и методов революционной борьбы. Ошибка, допущенная издателями, искажает идейное содержание образа Нивельзина. Внимание читателя фиксируется на внешней, сюжетной линии произведения, на взаимоотношениях Нивельзина с Волгиной. Намек на его глубокие размышления после разговора с революционером Волгиным остался скрытым. Между тем именно совокупность таких намеков раскрывает революционное содержание романа, его «второй» план.

Особо следует выделить ошибки, допущенные при публикации «Драмы без развязки». Нет нужды доказывать, что в драматическом произведении, предназначенном для исполнения на сцене, особое значение приобретает каждое слово персонажа, каждая авторская ремарка.

Рукопись пьесы Чернышевского красноречиво свидетельствует о том, что автор очень внимательно редактировал это произведение. То, что тормозило развитие действия, было лишним, Чернышевский снял. Он намного сократил драму, добиваясь большей художественной выразительности.

Текст «Драмы без развязки» в Полном собрании сочинений опубликован крайне небрежно, в нем более восьмидесяти ошибок.

Полн. собр. соч., т. XIII	Рукопись ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 240
«З и н о в ь е в (вставая идти за нею). Что ж это она ... (видит входящего Хонева; останавливается и кланяется)» (458).	«З и н о в ь е в (вставая идти за нею). Что же это *зна...* (видит входящего Хоненева; останавливается и кланяется)» (л. 11).
«П а р а д и з о в (лезет за рукою Свиридова). Позвольте быть знаком...» (471).	«П а р а д и з о в (лезет за рукою Свиридова). Позвольте быть *знакому...*» (л. 15 об.).

«Парадизов... Видишь, ни копейки не обижаю тебя...» (477).	«Парадизов... Видишь, *я ни копейкою* не обижаю тебя...» (л. 17 об.).
«Елена Михайловна (миг остававшаяся в изумлении, бросается к окну). Илиодор Николаич! Не слышит!» (468).	«Елена Михайловна (миг остававшаяся в изумлении, бросается к окну). Илиодор Николаич! *Илиодор Николаич!* Не слышит!» (л. 14 об.).
«Свиридов. Если так, Елена Михайловна, то» (470).	«Свиридов. Если так, Елена Михайловна, то... *Идут*» (л. 15).
«Короваев. Твое зрение обманывает тебя, душа моя. Да где же твой Свиридов?» (483).	«Короваев. Твое зрение обманывает тебя, душа моя. Да где же твой Свиридов? — *Посылай за ним, подавай его мне сюда удушить»* (л. 19 об.).
«Хоненев... А это? (указывая на Короваева)...» (484).	«Хоненев... А это? (указывая *носом* на Короваева)...» (л. 20).
«Парадизов. Так. Зятьям разве дают выкуп за невесту? Мы не татаре, друг...» (503).	«Парадизов. Так. *Зятья* разве дают выкуп за невест? — Мы не татаре, друг...» (л. 28 об.).
«Короваев... Недели через три вернусь и тогда примчусь утешать тебя...» (483).	«Короваев. Недели через три вернусь и тогда *примусь* утешать тебя...» (л. 19 об.).
«Короваев... — Ну-с, хорошо; я говорю: если я, вернувшись, узнаю, что вы запускали руку в карман Михаилу Петровичу,...» (489).	«Короваев... — Ну-с, хорошо, я говорю: если я, вернувшись, узнаю, что вы запускали *ручку* в карман Михаилу Петровичу,...» (л. 22).
«Парадизов... дать ему денег под каким-нибудь предлогом, хоть бы на завод коней, что ли...» (498).	«Парадизов... дать ему денег под каким-нибудь предлогом, хоть бы на завод *какой*, что ли...» (л. 27).

Пренебрежительное отношение к художественному слову Чернышевского со стороны подготовителей текстов его литературных произведений для Полного собрания сочинений очень наглядно можно проиллюстрировать на примере с эпиграфами к роману «Отблески сияния». Совершенно не считаясь с желанием Чернышевского, публикаторы решили изменить авторские подписи под эпиграфами.

Первый эпиграф взят Чернышевским по памяти из стихотворения Шиллера «Встреча». Перевод стихотворения сделан самим Чернышевским [38]. Автор романа выдает его за «перевод ее друга» (друга черкешенки, которой посвящен роман, т. е. Ольги Сократовны).

В XIII томе Полного собрания сочинений приведены подряд два эпиграфа романа: четверостишие из Шиллера и перевод, четверостишие из Гёте и перевод. Внизу под эпиграфами поставлены две подписи:

«Перевод Жуковского
Перевод ее друга» [39].

Какая подпись к какому эпиграфу относится — непонятно. В комментариях никаких объяснений к эпиграфам, переводам и подписям под эпиграфами редакция не дает. Можно лишь догадываться, что первый эпиграф дан в переводе Жуковского, второй — неизвестного «друга». В действительности все обстоит не так. В рукописи Чернышевского после общего заглавия и посвящения — подзаголовок: «Черкешенка», далее — эпиграф: четверостишие из Шиллера и его перевод. Внизу подпись: «Перевод ее друга». Потом следуют два ряда точек. Очевидно, здесь должна была находиться первая, не сохранившаяся часть романа, и первый эпиграф относится к ней. Затем — эпиграф ко второй части: четверостишие из Гёте и перевод. Внизу подпись: «Перевод Жуковского» [40].

Изменение подписей имеет печальные последствия: во-первых, получилась бессмыслица, во-вторых, от читателя скрыто, что переводчиком первого четверостишия был сам Чернышевский.

Причины допущенных в Полном собрании сочинений грубых ошибок значительно серьезнее, чем простая небрежность

---

[38] При жизни писателя сочинения Шиллера публиковались в издании Н. В. Гербеля «Шиллер в переводе русских поэтов». Чернышевский мог знать первое издание (1857—1859 гг.). Здесь стихотворение «Встреча», первая строфа которого служит эпиграфом к роману, дано в переводе К. Аксакова. Текст перевода Аксакова не совпадает с текстом эпиграфа у Чернышевского.

[39] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 628.

[40] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 5.

и невнимательность составителей и редакторов. Они связаны с вредной, ошибочной позицией отдельных литературоведов, недооценивающих художественное значение литературных произведений Чернышевского. Это особенно чувствуется в отношении к творчеству периода ссылки. Как видно из комментариев XIII тома, художественные произведения Чернышевского, за исключением одного «Пролога», оцениваются как «беллетристическая продукция». По мнению комментатора, она «не обладает теми высокими достоинствами, которыми отмечены „Что делать?“ и „Пролог“»[41], и сохраняет чисто научный интерес как факт биографии Чернышевского.

Особое значение для текстов Чернышевского имеет вопрос о конъектурах. Художественные произведения Чернышевского нуждаются в устранении очевидных погрешностей отдельных мест текста более, чем произведения какого-либо другого классика русской литературы, вследствие (в большинстве случаев) своей незавершенности.

Учитывая специфические особенности художественного стиля писателя (усложненность сюжетных линий многоплановостью, нарочитую зашифрованность текста), следует очень осторожно относиться к введению конъектур. С другой стороны, иные места либо почти непонятны без конъектур, либо приобретают совсем иной смысл, чем тот, который хотел вложить автор. К конъектурам относится и необходимая унификация имен литературных героев. Сам автор при работе над отдельными произведениями зачастую не успевал ее произвести.

К вопросу о конъектурах редакция Полного собрания сочинений Чернышевского подошла также без должного внимания. В комментариях к отдельным произведениям указываются общие положения, касающиеся конъектурной правки, но на практике они далеко не всегда выполняются. Так, относительно унификации имен в текстологическом комментарии к «Прологу» читаем: «В автографе иногда одни и те же лица названы разными именами. Так, Илатонцев в первой части романа назван Николаем Андреевичем или Петровичем, во второй же части Виктором Львовичем или Борисовичем... В настоящем издании даны одинаковые обозначения имен с выбором того имени, которое для данного лица автором употребляется наиболее постоянно. Для Илатонцева взято обозначение Виктор Львович...»[42].

На странице 191 этого тома в тексте «Пролог пролога» читаем «...рекомендовал его Волгину, как Виктор Борисыча Илатонцева».

---

[41] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 886.
[42] Там же. стр. 910—911

Подобные недосмотры встречаются во всех произведениях. «Что делать?»: «Когда Данилыч возвратился домой с торговли, у Петровны с ним произошел разговор.

— Петрович, а видно жильцы-то из важных людей . . . .

. . . .

— Так, Данилыч, от бога, слова нет» [43].

В «Алферьеве» Прасковья Филипповна Дятлова фигурирует только в названии главы. В тексте она везде переименована в Софью Филипповну.

Некоторые конъектуры необходимо было внести в текст для прояснения его смысла.

В «Прологе», например, читаем: «Она погибла, если войдет сюда прежде, нежели убедится, что подозревал напрасно, что Нивельзин был здесь для меня» [44]. Эта фраза бессмысленна. Она принадлежит Волгиной, размышляющей о том, как скрыть от Савелова свидание его жены с Нивельзиным. По нашему мнению, следует печатать так: «Она погибла, если ‹Савелов› войдет сюда прежде, нежели убедится, что подозревал напрасно, что Нивельзин был здесь для меня».

В Полном собрании сочинений немало конъектур, в которых не было надобности. В «Отблесках сияния» редакторы решили исправить текст абзаца, где писатель передает размышления героя. В авторском тексте речь Владимира Васильевича характеризует его сомнения, колебания, раздумья о том, следует ли говорить правду до конца, и, наконец, принятое решение — не говорить ничего: «Что ж,... конечно,... впрочем, ... это ... всё равно... Однако ж,... впрочем, ... но все-таки... Он вздохнул. — То есть... если говорить о ваших предположениях...» [45].

Редакторы, очевидно, нашли, что речь героя следует сократить, и ввели конъектуру, которая совершенно не нужна: «... Что ... конечно, впрочем... это... есть..., если говорить о ваших предположениях...» [46].

Нет никакого единства в Полном собрании сочинений и по вопросу о графическом обозначении конъектур. Они указываются и круглыми скобками и квадратными, а зачастую вводятся без всякого обозначения.

3

Общие принципы публикации художественных произведений Чернышевского определяются специфическими особенно-

---

[43] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 116.
[44] Там же, т. XIII, стр. 15.
[45] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 76 об.
[46] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 719.

стями творческой истории этих произведений. Нельзя забывать о том, что все они создавались в тюрьме, и это не могло не наложить отпечатка на художественную манеру писателя. В этих произведениях приходится искать скрытый смысл, искусно замаскированный писателем. Раскрытию этого второго плана часто во многом помогают черновые редакции, варианты и другие вспомогательные и пояснительные сведения, содержащиеся в рукописях и письмах писателя. Поэтому именно для произведений Чернышевского публикация всех дополнительных материалов, как указывалось выше, нужна не только в академических и научных, но и в массовых изданиях.

Рядовому читателю тем более важно предоставить возможность разобраться во всех неясных моментах.

В Полном собрании сочинений Чернышевского выделены разделы «Основные тексты» и «Приложения». В разделе «Приложений» даются другие редакции и варианты. В размещении материала по этим разделам в данном издании нет никакого единообразия. При публикации «Что делать?» (т. XI) в разделе основных текстов даны обе редакции: журнальная по тексту «Современника» и черновая — по автографу. Раздела «Приложений» в данном томе нет. Варианты к черновой редакции романа приведены в комментариях как «Дополнения». Справедливо признавая большое значение черновой рукописи, печатая ее в разделе основных текстов, редакторы вместе с тем почти обессмыслили эту публикацию, дав ее не в полном объеме; в «Дополнениях» к этой редакции приведены лишь «более значительные отрывки, в рукописи зачеркнутые или стоящие особняком. . .»[47].

Смысл подобной публикации состоит лишь в том, чтобы показать, как различны эти редакции. Публикация же черновых редакций в научных изданиях должна иметь в виду более серьезные задачи. Целесообразнее было бы дать черновую редакцию «Что делать?» пусть в разделе «Приложений», петитом, но полностью.

Первая, черновая редакция «Алферьева» с вариантами дана в «Приложениях» к XII тому. Варианты этой редакции введены в скобках в текст. Однако не приведены варианты белового автографа (второй редакции), хотя и немногочисленные, но важные для изучения работы Чернышевского над стилем произведения.

Совсем «не повезло» двум центральным сибирским романам Чернышевского: «Прологу» и «Отблескам сияния». К ним совсем не дано ни вариантов, ни разночтений (имеются в виду другие источники «Пролога пролога»), ни каких-либо других

---

[47] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 722.

пояснительных материалов, в то время как эти произведения больше, чем какие-либо другие, в них нуждаются.

В отношении «Пролога» редакция ограничилась, как было сказано, ссылкой на публикацию вариантов в издании «Academia», изобилующем ошибками. Чтобы дать представление о системе подачи вариантов в издании «Academia», сошлемся на некоторые примеры. Вариант следующей фразы: «Но если она и действительно колебалась...» в этом издании дан так: «26...5. Авт. зач...: добрая сторона... хорошая»[48].

Что, например, читателю дают такие «разночтения»? Текст: «Он умолял ее...», разночтение: «43. 1. Сп. М. „умолял"?!»[49].

К тексту: «Эх голубочка!» в разделе вариантов указано: «57. 1. Сп. М. выпущ.: „Эх голубчик!"»[50]. Непонятно, однако, как в копии могло быть выпущено то, чего нет в автографе. Вот, например, как приведена в вариантах зачеркнутая фраза автографа: «298... 5. Авт. зач.: „тогда и наши либералы возмутятся бурею, как всегд[а]... и полетят по ветру, как пыль, и все ослепнут от пыли, — и когда"»[51]. В автографе эта фраза выглядит иначе: «тогда и наши либералы *возмятутся* бурею, как всегда — и полетят по ветру, как пыль, и все ослепнут от пыли, — и когда»[52]. В контексте с оставшейся в автографе фразой[53] эта образная характеристика является меткой оценкой писателем сущности и природы либерализма. Не в характере либералов возмущаться революционной бурей, так же как и предпринимать самостоятельные действия, приближающие ее. Но захваченные порывом революционного ветра, они будут плыть по течению, «возмятутся бурею», поднимая вокруг себя словесную пыль. Такой вариант, будучи правильно напечатанным, многое мог бы объяснить читателю.

К фразе: «простота и честность нравились Волгину, и он всегда называл хорошим человеком...» даны разночтения с копией: «26... 3. Сп. М., испр. рукою П. Л. Лаврова: „влюблены"»[54]. В данном случае перепутаны номера ссылок. Указанное разночтение относится к другому месту.

К тексту: « — Но, иди же за стариком, не переслушаешь

[48] Н. Г. Чернышевский. Пролог, Academia, стр. 437. Принятые сокращения: Авт. — автограф. Сп. М. — список Муравского (т. е. копия автографа); первая цифра — указание на страницу, вторая цифра — номер примечания на этой странице.

[49] Н. Г. Чернышевский. Пролог, Academia, стр. 440.

[50] Там же, стр. 441.

[51] Там же, стр. 461.

[52] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, л. 104.

[53] См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 244, или он же. Пролог, Academia, стр. 298.

[54] Н. Г. Чернышевский. Пролог, Academia, стр. 437.

всех похвал себе» — приводится такой вариант «68. . .2 „. . . какие ли или мечта, это было правдою, когда в од. . .“» [55]. Однако внимательное рассмотрение рукописи говорит о том, что эта фраза не относится к роману «Пролог пролога». Фраза эта находится внизу 15-го оборотного листа копии. Написана она рукой Чернышевского, но не имеет никакого отношения не только к указанной комментаторами фразе романа, но и ко всему роману. На листах копии имеются еще две аналогичные ей фразы. На второй странице 18-го листа снизу есть пометка Чернышевского, зачеркнутая сплошной полосой: «отрывки из рассказов честного человека», на оборотной стороне 52-го листа, наверху, рукой Чернышевского выведен заголовок: «Очерки лиц и происше. . .» [56]. Многие листы копии содержат двойную нумерацию. Одна принадлежит Муравскому, другая, по-видимому, Чернышевскому. Сравнение начертания цифр на листах копии и нумерации Чернышевского на листах автографа убеждает в этом. На основании этих фактов можно сделать вывод, что листы бумаги, на которой писалась копия «Пролога пролога», принадлежали Чернышевскому. Очевидно, они были пронумерованы им еще в чистом виде перед началом какой-то работы. А эти фразы являются, может быть, заглавиями к новым произведениям или заметками к ним. Когда же начали снимать копию, Чернышевский отдал бумагу Муравскому.

Варианты и разночтения, приведенные в издании «Academia», никого не могут удовлетворить. Принцип «исчерпывающей полноты» также оказался в этом издании невыполненным: не указаны многие разночтения, которые имеются и в каждой из рукописей и между ними. Так, со страницы 22 по 26 этого издания не отмечено девять разночтений копии с автографом, среди них и пропуски союзов, и перестановки слов, и поправки Лаврова.

В Полном собрании сочинений остается неясным принцип отбора вариантов. Чем руководствовались редакторы этого издания? Принципом значительности художественного произведения? — Нет: к восемнадцати начальным страницам незаконченной пьесы «Великодушный муж» даны варианты, к «Прологу» — нет. Принципом важности самих вариантов в идейно-художественном осмыслении того или иного произведения? — Нет: даны вычеркнутые автором в окончательной редакции довольно фривольные места к пьесе «Мастерица варить кашу» [57], которые не существенны ни в композицион-

---

[55] Н. Г. Чернышевский. Пролог, Academia, стр. 442.

[56] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, копия, лл. 15, 18, 52.

[57] См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 877—878.

ном, ни в идейно-смысловом отношении, и не даны варианты к «Драме без развязки», очень важные для изучения методов работы Чернышевского.

Наконец, можно было бы предположить, что редакторы руководствовались принципом размера варианта, считая вариантом то, что занимает более полустраницы рукописного текста. Тоже нет! В рукописи «Отблесков сияния» имеются целые страницы вычеркнутого текста, которые, однако, не даны в числе вариантов.

Принимая во внимание условия работы Чернышевского, можно с уверенностью сказать, что в подавляющем большинстве случаев вычеркнутый текст (т. е. варианты) содержит очень важный материал, удаленный автором с оглядкой на цензурные препятствия.

Таковы, например, вычеркнутые места из «Дневника Левицкого», относящиеся к странице 298 текста этого произведения в издании «Academia». Здесь писатель высказывает мысль о закономерности революции с точки зрения объективных законов исторического развития и дает оценку буржуазным революциям в Европе.

Приведем полностью текст отрывка (в квадратных скобках даются вычеркнутые места).

«В 1830 году буря прошумела только по Западной Германии; в 1848 году захватила Вену и Берлин. Судя по этому, надобно думать, что в следующий раз захватит Петербург и Москву.

Верно ли это? — Верного тут ничего нет; только вероятно. — Отрадна ли такая вероятность? [Особенно отрадного в ней очень мало, по его мнению] по его мнению[58] [особенно] хорошего тут нет ровно ничего. [*Скверная штука, — иначе говоря, комедия Шекспира: „Много шуму из ничего“ — ему вовсе не по вкусу никакие землетрясения: трясет, трясет, ломки пропасть*]. Чем ровнее и спокойнее ход улучшений, тем [он и успешнее; при] лучше. Это [показывает механ‹изм› видно] общий закон природы: данное количество силы производит наибольшее количество движения, когда действует ровно и постоянно; [толчки и скачки не выгодны] действие толчками и скачками [гора‹здо›] менее экономно. Политическая экономия раскрыла, что эта [фор‹мула›] истина точно так же непреложна и в общественной жизни. [Лучше]. Следует желать, чтобы все обошлось у нас тихо, мирно. [По крайней мере] чем спокойнее, тем лучше. [*Разумеется, наши желания сами по себе, а ход истории сам по себе*]. . .»[59]

---

[58] По мнению Волгина. — *Ред.*

[59] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 237, л. 104.

Безусловно, подобные варианты имеют существенное значение не только для понимания идейного смысла данного произведения, но и для оценки мировоззрения автора и его героев, для изучения его социально-политических взглядов.

Анализ вычеркнутого текста из «Отблесков сияния» помогает определить художественный замысел романа. Отдельные вычеркнутые абзацы конкретизируют обстановку действия романа, содержат богатый дополнительный материал для характеристики художественных образов.

Интересны вычеркнутые вставки на полях рукописи, относящиеся к характеристике Владимира Васильевича. Из них мы узнаем, что герой был врожденным оратором, что ему приходилось бывать на митингах. «[Как пение — его чтение, казавшееся своеобразным для людей, не бывавшим на митингах, было в действительности применением ораторской декламации к чтению ритмической речи — страстною декламациею оратора, увлекающегося до самозабвения; в том-то и была увлекающая других сила его чтения, что он был рожден быть оратором. . .]» [60].

Обязательная публикация вычеркнутого автором текста и наиболее значительных вариантов ко всем художественным произведениям Чернышевского должна стать принципом научного издания его сочинений. В каждом конкретном случае место печатания вариантов — в основном тексте или в особом разделе — определяется в зависимости от степени завершенности произведения.

4

Чернышевский все свои художественные произведения объединял в циклы. Вслед за «Что делать?» он приступает к созданию большого цикла, куда должны были войти два романа — «Алферьев», «Повести в повести» — и серия мелких рассказов. В письме к Пыпину от 4 сентября 1863 г. Чернышевский сообщает: «Форма романа — форма 1001 ночи. Это сборник множества повестей, из которых каждая читается и понятна отдельно, все связаны общей идеею» [61]. Из этого цикла до нас дошло все написанное Чернышевским, но все произведения этого цикла так и остались незаконченными.

Другой цикл должна была составить трилогия: «Старина», «Пролог», «Книга Эрато». Из этой серии «Старина» не сохранилась совсем; во втором разделе сохранилась первая часть — «Пролог пролога» и первоначальная редакция второй части — «Из дневника Левицкого за 1857 год»; из третьего раздела

[60] ЦГАЛИ, ед. хран. 245, л. 10.
[61] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 487.

сохранились незавершенные четыре произведения: «Драма из русской жизни», «Потомок Барбаруссы», «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле».

Третья часть трилогии известна в литературе о Чернышевском под самыми различными названиями. Все исследователи, начиная разговор о сибирском периоде творчества Чернышевского, не преминут упомянуть о «Книге Эрато», называя ее всяк по-своему: «Рассказы из Белого зала»[62] или «Чтения в Белом зале»[63], «Утопия»[64], кроме единственно правильного, предложенного самим автором.

В сопроводительном «списке бумагам», посланном из Сибири одновременно с рукописями, Чернышевский, после разъяснений к «Прологу», написал: «№ 4, 5 и 6. „Эпизоды из Книги Эрато". „Книга Эрато" — это энциклопедия в беллетристической форме. Я работаю над нею уже больше двух лет. . .». Здесь же писатель коротко передает канву «главного романа». Затем следуют пояснения к каждому из произведений, которые Чернышевский называл «Эпизодами из Книги Эрато».

«№ 4: „Драма из русской жизни. . ."».

«№ 5. Три первые главы рассказа „Потомок Барбаруссы"». . .

«№ 6. „Кормило кормчему" и „Знамение на кровле"» — ученый фарс, по поводу которого подымаются отчасти смехотворные, отчасти серьезные споры, знакомящие публику Белого зала (это зал, в котором литерат‹урные› вечера) с различными системами экзегетики и т. п. наук и нелепостей»[65]. На первых страницах рукописей этих произведений сохранились пометки Чернышевского:

«Потомок Барбаруссы»
исторический рассказ
Предисловие
(написанное для Белога зала)»

В углу надпись: «Эпизод из Книги Эрато»[66].

«Кормило кормчему»
(перевод с татарского)»

---

[62] Н. Г. Чернышевский. Пролог. Гослитиздат, 1953, стр. 448—449. (Примеч. Г. М. Фридлендера).

[63] Там же, стр. 449.

[64] Н. Г. Чернышевский. Пролог. Минск, 1940, стр. 4 (Вступит. статья Н. Ф. Бельчикова).

[65] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 507.

[66] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 240, л. 1.

В левом углу карандашом: «Из чтений в Белом зале», в правом: «Эпизод из Книги Эрато» [67].

Итак, «Книга Эрато» — название целого, а «Рассказы для Белого зала» — наименование частей литературного произведения. О том, что «Книга Эрато» была продолжением «Пролога» (третьей частью трилогии), свидетельствуют воспоминания Шаганова, Николаева, Стахевича, которые прямо относили это произведение к третьей части трилогии. Причем их изложение содержания этой вещи совпадает с тем, что говорил о содержании «главного романа» сам Чернышевский.

В работах о художественной прозе Чернышевского вместе с путаницей в заглавиях содержатся самые разноречивые утверждения о судьбе этой части трилогии. Некоторые исследователи утверждают, что Чернышевский «вынужден был уничтожить все написанное для этой части» [68]. Другие робко упоминают, что «кое-что уцелело», не называя, что именно.

Путанице, которая царит в литературоведческих работах по этому вопросу, во многом способствовала публикация и комментирование этих произведений в XIII томе Полного собрания сочинений. Здесь опубликованы только два из названных произведений: «Драма из русской жизни» и «Потомок Барбаруссы». Два других отрывка: «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле» по непонятным соображениям не были включены не только в этот цикл, но даже в этот том и были напечатаны в XVI, дополнительном томе, без всяких пояснений. В комментариях к этим произведениям нет никакой согласованности. О «Потомке Барбаруссы» сказано, что этот рассказ, являясь частью «Книги Эрато», относился к разделу «Чтений в Белом зале» [69]. Это соответствует истине. Но о «Драме из русской жизни» говорится, что она «входит в цикл „Книги Эрато“», хотя Чернышевский нигде не называл «Книгу Эрато» самостоятельным циклом. В текстологических комментариях к «Прологу» «Чтения в Белом зале» (или, что, по мнению комментатора то же, «Книга Эрато») именуются третьей частью трилогии. Что же является циклом? Трилогия, и тогда «Книга Эрато» — это только третья часть цикла. Или сама «Книга Эрато»? Но тогда что же является третьей частью трилогии? Можно, конечно, согласиться с тем, что цикл входит в цикл. По комментариям же получается: если эти произведения объединяются заглавием «Чтения в Белом зале» — они

[67] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 240, л. 6.

[68] Н. Г. Чернышевский. Пролог. Гослитиздат, 1953 (Примеч. Г. М. Фридлендера).

[69] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 904.

входят в цикл «Пролога» как третья часть трилогии; если же их называют «Эпизодами из Книги Эрато», они попадают в цикл «Книги Эрато», которая под этим заглавием уже не входит в цикл «Пролога». Между тем уже в первом Полном собрании сочинений Чернышевского (изд. М. Н. Чернышевского, 1906) все четыре незаконченные произведения этого цикла — «Драма без развязки», «Потомок Барбаруссы», «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле» были в соответствии с указанием автора объединены редактором общим заглавием «Эпизоды из Книги Эрато» и опубликованы как части одного произведения. Что сама «Книга Эрато» была частью трилогии, М. Н. Чернышевский, очевидно, не знал, поэтому и не объединил ее с «Прологом». Публикация «Книги Эрато» в последнем Полном собрании сочинений Чернышевского страдает таким образом бо́льшими погрешностями и ошибками, чем первая публикация их в 1906 г. «Отблески сияния», по замыслу Чернышевского, также должны были входить в обширный цикл, о котором Чернышевский говорит в письме к Пыпину: «Это громадный роман, этот „отдел второй", общий эскиз... Это цикл неизмеримо обширный...» [70].

Объединение романов в циклы было связано у Чернышевского с необходимостью прибегать к «эзопову языку».

Очень разнородные, не связанные между собой сюжетно, все произведения Чернышевского имеют какое-то внутреннее созвучие, их объединяет сходство идеи — протест против существующего строя, критика самых различных сторон российской действительности: крепостнических пережитков, капиталистических отношений, либерализма русской буржуазии, пошлости и мещанства столичного и провинциального дворянства, лжеучений идеологов буржуазной науки. Вместе с тем в них утверждается неизбежность и необходимость революции. Благодаря связи одного произведения с другим, Чернышевский мог в каждом следующем произведении уже только намекнуть на какую-то революционную мысль, высказанную в предыдущем, и дать ей более глубокое истолкование, обратив внимание читателя на другую сторону своей идеи.

Публиковать художественные произведения Чернышевского следует обязательно по циклам, распределяя их внутри циклов в хронологической последовательности.

При публикации художественных произведений в Полном собрании сочинений принцип этот не был выдержан. Если им руководствовались при подготовке цикла «Повести в повести», то от него совершенно отказались при работе над циклом «Пролога», который оказался разрушенным.

---

[70] ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хран. 245, л. 4 об.

Публикация художественных произведений по циклам во многом способствовала бы упорядочению текстологического комментария. Комментаторам не пришлось бы по нескольку раз возвращаться к уже изложенным сведениям и неизбежно их повторять.

* *
*

В Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского далеко не всегда выдерживается принятая система в комментировании. Так, в XI томе есть раздел «Комментарии». В нем, в свою очередь — подраздел «Примечания». Эти примечания представляют собой по существу реально-исторический комментарий к «Что делать?». В общем же разделе комментариев есть всё: и реально-исторические сведения, и литературно-критические, и текстологические.

В XII томе выделен раздел «Примечания». К нему дана сноска «Текстологические сведения сообщаются в настоящем томе в данном разделе» [71]. По существу же этот раздел является текстологическим комментарием, в котором половину занимают реально-исторические справки.

В XIII томе выделено два раздела: «Примечания» и «Текстологические и библиографические комментарии».

Можно было ожидать, что произведения, помещенные в XIII томе, будут хотя бы в текстологическом отношении хорошо прокомментированы. Но это не так. К этим произведениям текстологический комментарий настолько не полон, настолько сбивчив и противоречив, что непонятно, почему именно здесь этот комментарий выделен в особый раздел.

Произведения Чернышевского нуждаются в обстоятельном текстологическом комментарии, который не может ограничиться только указанием источника текста, датами написания и публикации, но должен быть максимально полным, особенно в описании рукописей. Этот раздел комментария должен быть тесно увязан с общими принципами публикации художественных произведений Чернышевского, учитывая специфические особенности его литературной работы. В нем должны найти отражение результаты текстологического анализа источников текста, особенности рукописей, их история. Здесь же необходимо поместить все дополнительные сведения о произведениях: свидетельства самого автора в письмах, данные мемуарной литературы и т. д.

---

[71] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 687.

Стройность текстологического комментария определяется, безусловно, стройностью системы публикации, ее принципами. Если у редакции нет определенных принципов или они нарушаются, никакой системы не может быть и при комментировании. Нам не кажется целесообразным выделение в комментарии специальных текстологических примечаний к черновым редакциям, как это сделано для «Что делать?» и «Алферьева». При таком разделении комментарии к тексту, помещенному в основном разделе, и к черновым редакциям неизбежно будут повторять друг друга.

Если бы художественные произведения Чернышевского публиковались в Полном собрании сочинений по определенной системе: в основном разделе — основной текст, в разделе «Приложений» — черновые редакции, в разделе вариантов — варианты ко всем произведениям (если не все, то наиболее существенные обязательно), то текстологический комментарий намного сократился бы, приобрел последовательность и стройность и при том же объеме мог бы пополниться множеством дополнительных сведений.

Анализ публикации художественных произведений Чернышевского приводит, таким образом, к выводу, что задача подлинно научного издания этих произведений далеко не решена Полным собранием сочинений.

И. В. ШАМОРИКОВ

О РАСПОЛОЖЕНИИ ЧАСТЕЙ ПОЭМЫ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

1

Целью научного издания литературного наследства является выпуск в свет произведений в том их виде, который точно соответствовал бы творческой воле автора. Задача эта порой весьма сложна и трудна. Особенно трудно бывает установить текст и композицию незаконченного художественного произведения. Примером может служить поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Это великое произведение уже много лет печатается с нарушением авторского порядка расположения частей. Ни одно из русских классических произведений не подвергалось таким композиционным изменениям, как народная эпопея Н. А. Некрасова.

Есть все основания утверждать, что порядок расположения частей поэмы, предложенный в 1922 г. П. Н. Сакулиным и принятый нашими издательствами с 1927 г., не является верным, не согласуется с последней волей автора, затушевывает идейно-художественный замысел произведения.

Расположение частей произведения — существенная сторона композиции, и только формалистами она может рассматриваться независимо от содержания, от идейной направленности произведения. Композиция является одним из главных средств, помогающих художнику выразить с наибольшей ясностью и художественной убедительностью замысел произведения.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо», как говорил сам Некрасов, воплотила весь опыт, данный ему изучением народа, все сведения о нем, накопленные «по словечку» в течение двадцати лет. Вековая мечта народа о справедливом строе выражена в поэме простыми и ясными средствами. Здесь речь самого народа, здесь его песни и сказки, его пословицы и поговорки.

Для осуществления своего грандиозного замысла поэт избрал форму путешествий. Форма эта не была новой в русской литературе. Ее применил Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». Она нашла свое воплощение в «Мертвых душах» Гоголя. Не была эта форма новой и для Некрасова. Достаточно вспомнить «Коробейников» и «Три страны света». Но в «Кому на Руси жить хорошо» она использована своеобразно.

Основной вопрос эпопеи Некрасова — это вопрос о счастье народа. Он поставлен в самом начале поэмы, обсуждается на протяжении всего произведения и окончательно разрешается в последней части — «Пир на весь мир».

Исходная позиция поэмы, ее завязка — это спор семи мужиков. Уже в прологе намечен естественный ход развития сюжета. Автору не приходится изобретать исключительных причин путешествия своих героев. В поэме нет ни войн, ни катастроф, ни положений, обильных опасностями и приключениями. Странники ходят по Руси со скатертью-самобранкою, которая их кормит и поит, и ищут счастливого. Семь мужиков, семь временнообязанных, вчерашние рабы, производят генеральный смотр царской империи. Поэма показывает, что жизнь в самодержавно-помещичьей России невыносима. Это последовательно доказывается всем содержанием; последовательности доказательства способствует и композиция произведения.

В поэме рисуется жизнь пореформенной России, когда в ней «все переворотилось и только укладывается».

Крестьянская реформа обрекла крестьян на нищенство. Экономически деревня была отдана в лапы кулачества, политически стала жертвой правительственных репрессий, юридически осталась по-прежнему бесправной. Царь обманул народ. Эту обманутую, ограбленную реформой крестьянскую Русь и показывает Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» посредством встречи странников с различными лицами.

В первой части начинается путешествие мужиков по Руси. Сначала им попадались свои — крестьяне-лапотники, мастеровые, нищие, солдаты, ямщики. Но их не спрашивали странники, как им живется на Руси — «Какое счастье тут!» Не нашли они счастливого и на сельской ярмарке. Мужицкое счастье и тут оказалось «дырявое с заплатами, горбатое с мозолями».

В первой же части поэмы происходит встреча крестьян с попом и помещиком Оболтом-Оболдуевым.

Первая часть поэмы и вторая, названная Некрасовым «Последыш», крепко между собой связаны единым замыслом — показать подлую сущность крестьянской реформы. Первая

часть заканчивается главой о помещике Оболдуеве, а вторая — целиком посвящена другому помещику — Утятину, прозванному крестьянами Последышем. Крепостного права уже нет, но остались его пережитки, «последыши», еще господствует веками укоренившееся дворянское право — драть шкуру с мужика.

С первых же строк поэмы утверждается, что не может быть счастливого в таких деревнях, сами названия которых говорят о страшной нужде. Но мужики все же ищут счастливого, ищут потому, что жизнь без счастья и воли невыносима. Мужики ищут не попа счастливого, не помещика, живущего вольготно, не купчину толстопузого, а Непоротую губернию, Непотрошенную волость, Избытково село. В логической цепи художественного произведения, вслед за второй частью поэмы — «Последышем», создается третья часть — «Крестьянка». Тут также доказывается, что нет на Руси счастливого, нет счастливого среди крестьян, нет его и среди крестьянок.

Ключи от счастья женского...
Заброшены, потеряны
У бога самого!

Поэма строится таким образом, что картины народных страданий становятся все мрачнее, а революционные мотивы звучат все громче и громче, достигая наибольшего напряжения в «Пире на весь мир». Здесь, в последней части произведения, с наибольшей художественной силой показаны нищета крестьянства и нарастающая волна протеста против гнета самодержавно-помещичьей власти. Здесь появляется образ революционера-демократа Григория Добросклонова.

«Падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности» [1].

Этот массовый деятель нового подъема освободительного движения, разночинец, стал в центре заключительной части поэмы — «Пир на весь мир» и заявил, что счастье заключается в служении народу, в защите его интересов. Этим самым и дан ответ на вопрос, поставленный в заголовке поэмы.

Так в определенной соразмерности и целесообразности создавалась Некрасовым поэма «Кому на Руси жить хорошо» — гениальная не только по глубокому идейному содержанию, но и по художественному мастерству, по оригинальной, в част-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

ности, композиции, свободно и естественно помогающей развитию образов и идей.

Но некоторые исследователи полагают, что у Некрасова не было плана работы, что части поэмы возникали вне общей идейной связи; они не придают значения тому, как расположены части поэмы в прижизненных изданиях и в первых посмертных изданиях — 1879 г. и 1881 г. Редакторы и издатели «Кому на Руси жить хорошо» ссылаются на то, что поэма автором не закончена, что Некрасов сам изменил бы расположение частей, если бы ему удалось полностью напечатать свое произведение. Думая, что поэма представляет собою разрозненные части, эти исследователи изобретали свои варианты ее композиции. Они ставили задачу «угадать план недостроенного здания и правильно расположить сохранившиеся части» [2].

Поэма автором действительно не закончена. Но это вовсе не означает, что она создавалась вне всякого плана, вне всякой системы, без учета определенного расположения частей.

Значение композиционных приемов писателя в достижении поставленной им цели огромно.

Хорошо продуманная композиция произведения способствует наиболее глубокому усвоению той идеи, ради выражения которой создано это произведение.

Некрасов пользуется всеми возможностями композиции для усиления идейно-эстетической убедительности образов при полном сохранении естественности положений, столкновений, развязок.

Поэт рассказывает только о том, что нужно для его цели.

Некрасову хорошо было известно требование Белинского гармонического соответствия частей целому в художественном произведении, строго соразмерное распределение ролей для всех лиц, оконченность, полнота и замкнутость целого.

Анализируя «Героя нашего времени» Лермонтова, Белинский обращал внимание на то, что объединение под этим общим названием отдельно печатавшихся завершенных, законченных произведений, как «Бэла», «Фаталист», «Тамань», — не прихоть автора. Закономерность объединения отдельных повестей в одно целое Белинский объяснял наличием единой мысли и единого лица — героя всех рассказов.

У Некрасова при создании поэмы был определенный план работы. Об этом говорят многие данные и, между прочим, письмо Жемчужникову от 26 февраля 1870 г., в котором поэт просил сообщить мнение о четвертой и пятой главах первой части поэмы и заявлял, что впереди еще две трети работы.

---

[2] П. Н. Сакулин. Некрасов, М., 1922, стр. 48.

Некрасов не мог рассматривать композицию, как механическое соединение частей. Его многочисленные пометки на рукописях о порядке расположения частей поэмы, его заявление цензуре, что он не может выкинуть историю о Якове, свидетельствуют о том большом значении, которое поэт придавал композиции.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» состоит из «Пролога», первой части, второй части («Последыш»), третьей части («Крестьянка») и четвертой («Пир на весь мир»).

Последним прижизненным изданием сочинений, в котором печаталась поэма «Кому на Руси жить хорошо», является издание 1873—1874 гг. Здесь части поэмы расположены в следующем порядке: Пролог, часть первая, «Последыш», «Крестьянка».

Последней части произведения — «Пир на весь мир» еще не было. Она создана в 1876 г. и при жизни автора не была напечатана.

На собственном экземпляре издания сочинений 1873—1874 гг. Некрасов сделал много различного рода замечаний и исправлений для будущего издания, но композицию поэмы не изменил.

Сестра поэта, А. А. Буткевич, писала составителю первого посмертного издания стихотворений Некрасова библиографу С. И. Пономареву, что в пятой и шестой частях последнего прижизненного издания, то есть в тех частях, где напечатана поэма «Кому на Руси жить хорошо», «нет никаких заметок, — потому ли, что они были не нужны, или брат не успел их сделать?» [3].

Поэтому в первом посмертном издании 1879 г. стихотворений Некрасова, в котором принимали участие А. А. Буткевич, соредакторы Некрасова по «Отечественным запискам» М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. З. Елисеев, С. И. Пономарев и М. М. Стасюлевич, сохранен тот же порядок расположения частей поэмы, который был в последнем прижизненном издании. Но после «Крестьянки» впервые напечатана «Песня Гришина» с подзаголовком: «Из четвертой части». Это песня «Русь», завершающая «Пир на весь мир». Каким образом удалось издателям напечатать эту песню из запрещенной части произведения, неизвестно. Но дело сейчас заключается не в выяснении причины удачи издателей, а в том, что тогда уже было правильно намечено место «Пира на весь мир» в системе расположения частей поэмы.

---

[3] «Литературное наследство», т. 53—54. М., изд-во АН СССР, 1949, стр. 168.

А. А. Буткевич в предисловии к изданию 1879 г. писала: «Основным текстом для посмертного издания послужило издание 1873 года, последнее — сделанное самим автором»[4].

В письме к С. И. Пономареву А. А. Буткевич называла первое посмертное издание стихотворений Некрасова душою брата и заявила: «Мне бы хотелось, пока я жива, не отступать от указаний брата и свято исполнить его желание»...[5].

В другом письме к С. И. Пономареву А. А. Буткевич писала: «...и прибавлю только мою задушевную мысль: я бы хотела при настоящем издании, как можно меньше мудрствования с нашей стороны... я бы хотела не затереть, а напротив выдвинуть до последних мелочей его личное последнее участие в издании его стихотворений»[6].

В 1881 г. в типографии М. М. Стасюлевича было напечатано второе посмертное издание стихотворений Некрасова. К этому времени «Пир на весь мир» был уже разрешен к печати и опубликован в «Отечественных записках» М. Е. Салтыковым-Щедриным. В этом новом издании сохранен тот же порядок расположения частей поэмы, который был установлен в последнем прижизненном издании и в первом посмертном, а «Пир» поставлен в конце произведения как заключительная часть с подзаголовком: «Из четвертой части». Вопрос о месте «Пира» был решен, исходя из идейно-художественного замысла поэмы и стремления издателей соблюсти волю автора.

Композицию поэмы «Кому на Руси жить хорошо», установленную Некрасовым и закрепленную изданиями 1879 г. и 1881 г., надо было бы принять всем изданиям, но этого не случилось.

2

Начиная с 1920 г. расположение частей поэмы в изданиях сочинений Некрасова меняется. И меняется оно не потому, что находятся новые доказательства необходимости перестановки частей поэмы, а потому, что редакторы и издатели не руководствуются основным принципом научной текстологии, не берут за основу последнее прижизненное издание, в котором автор принимал участие, не заботятся о соблюдении воли автора.

В книге «Стихотворения Н. А. Некрасова», изданной в 1920 г., заключительная часть поэмы, «Пир на весь мир»,

---

[4] «Стихотворения Н. А. Некрасова», т. I, 1879, стр. VII.

[5] «Литературное наследство», т. 53—54, стр. 176.

[6] Там же, стр. 178.

поставлена на место третьей части — «Крестьянки»; а «Крестьянка» сделана заключительной частью.

Такая перестановка частей поэмы разрушила замысел автора, затушевала основную идею произведения.

Что же послужило поводом для нарушения воли автора?

В предисловии к книге К. И. Чуковский писал о «Пире на весь мир»: «При изучении рукописи я обнаружил, что эта глава поэмы, согласно недвусмысленному распоряжению Некрасова, должна быть передвинута ближе к началу, тотчас же вслед за „Последышем“, между тем, нарушая волю поэта, печатали ее в самом конце»[7].

В примечаниях к этому изданию сказано подробней: «Мы исследовали два варианта этой главы (первоначально названной „Поминки по крепям“) и в обоих нашли такое примечание автора: „Настоящая глава непосредственно следует за главою «Последыш»“».

Хотя это примечание имеется и в февральской книжке «Отечественных записок» за 1881 год, где «Пир на весь мир» был напечатан впервые (в изуродованном цензурой виде), однако издатели, начиная с того же 1881 года до 1917 года, печатали «Пир» в самом конце поэмы, в виде *четвертой* части. Мы восстановили тот порядок, который соответствовал намерениям автора; помимо указаний Некрасова, к этому нас побудило и то, что первые строки «Пира» по своему содержанию тесно связаны с заключительными строками «Последыша»[8].

Таким образом, изменение композиции обосновывается двумя доводами. Первый — примечание Некрасова в черновом автографе, указывающее, что «Пир» следует непосредственно за «Последышем», второй — слова комментатора, что начало «Пира» тесно связано с концом «Последыша». Но доводы эти не убедительны.

Пометки Некрасова, что «Пир» — глава вторая, что он следует непосредственно за «Последышем», относятся к первоначальному замыслу, к тому времени, когда поэт только приступал к созданию «Пира».

«Крестьянка» вначале тоже была помечена как вторая глава второй части, но в процессе творческой работы поэта так разрослась, что вышла за пределы главы. То же было и с «Последышем».

Первоначальное решение о непосредственной связи «Пира» с «Последышем» в дальнейшем было Некрасовым изменено. То, что было названо главою, превратилось в большую часть с несколькими главами. Некрасов продолжал работать над

---

[7] «Стихотворения Н. А. Некрасова», 1920, стр. VI.

[8] Там же, стр. 559.

«Пиром» и после того, как получил корректуру и даже отдельный оттиск, приготовленный для ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 г.

«Характерно, — писал комментатор III тома Полного собрания сочинений Некрасова, — что, хотя при жизни Некрасова „Пир на весь мир“ оставался неизвестен читателям, некоторые из них самостоятельно пришли к заключению, что тот ответ, который дан в более ранних частях, должен быть изменен и дополнен именно так, как это сделано в „Пире“».

По прочтении поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которая тогда кончалась «Крестьянкой», сельская учительница А. Малоземова 19 мая 1876 г. писала Некрасову: «Недавно еще мне пришлось увидеть Ваше превосходное создание „Кому живется счастливо на Руси“. Счастливых людей Вы не указали, и мне пришло в голову, что, может быть, Вы и не верите в существование счастливых людей... Я решилась заявить себя, что я есть вполне счастливый человек». Далее она писала, что счастлива тем делом, которое делает, и любовью своих учеников[9].

Больной Некрасов 2 апреля 1877 г. ответил ей: «Счастие, о котором Вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы (т. е. „Пир на весь мир“. — *И. Ш.*) — ей не суждено окончиться»[10].

Цензура убила надежду Некрасова на опубликование «Пира».

Типографский оттиск корректуры «Пира» с поправками Некрасова не найден. Однако его, очевидно, видели А. А. Буткевич и Салтыков-Щедрин. Нам неизвестно письменное распоряжение Некрасова о том, что «Пир на весь мир» нужно поместить в конце поэмы, а не за «Последышем». Но то, чего не знаем мы, мог знать Салтыков-Щедрин. А. А. Буткевич говорила, что Некрасов перед смертью многое рвал и сжигал. Салтыкову-Щедрину, конечно, было известно, что примечание Некрасова о месте «Пира» относится к первоначальному замыслу этой части поэмы. Известно было и то, что «Пир» — заключительная часть поэмы. Почему же, в таком случае, публикуя впервые в «Отечественных записках» «Пир», Салтыков-Щедрин напечатал примечание редакции, в котором повторил слова Некрасова, что «Пир» следует за «Последышем»? Сделано это было исключительно для того, чтобы легче преодолеть цензурные препятствия. Указывая место «Пира» за «Последышем», Салтыков-Щедрин затушевывал

---

[9] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М., 1952, стр. 413.

[10] Там же.

перед цензурой революционное значение поэмы. Однако, обращая внимание читателей на то, что «Пир» написан Некрасовым осенью 1876 г., а печатается в 1881 г., Салтыков-Щедрин дал понять, что виновата была во всем цензура. Салтыков-Щедрин нашел способ и прямо сказать читателям о том, каким цензурным мытарствам подвергался «Пир». 3 февраля 1881 г. он писал Н. Михайловскому: «...Не можете ли Вы в ваших „Записках Современника“ посвятить небольшой абзац, в котором объяснить процесс, через который прошла эта поэма прежде, чем появилась на свет». В другом письме Салтыков-Щедрин напомнил Н. Михайловскому, что «не мешало бы написать нечто о том, что вот пьеса, которая была написана еще в 1876 году, год при жизни автора маялась, и после смерти три года и только теперь появилась, да и то с выпусками и с прибавками, сделанными покойным на одре смерти, чтоб не пропал его труд» [11].

В том же номере «Отечественных записок», в котором был опубликован «Пир», появилось подстрочное примечание к статье Н. Михайловского «Записки современника». В нем сказано: «Кстати о поэме Некрасова. Печатаемая ныне глава написана в 1876 г., но в свое время не могла появиться в свет по причинам цензурного свойства. Покойный поэт очень хотел видеть ее в печати и, уже больной, при смерти, делал, в угоду цензуре, разные урезки и приставки, лишь бы пропустили. В этом именно виде, то есть с урезками и приставками, поэма печатается теперь...» [12].

В издании 1881 г. стихотворений Некрасова никакого примечания о месте «Пира» нет, а после третьей части, «Крестьянки», напечатано:

«Пир на весь мир.
Из четвертой части.
Посвящается Сергею Петровичу Боткину».

Так снимается первый довод, послуживший К. И. Чуковскому основанием для изменения композиции, установленной Некрасовым и закрепленной двумя посмертными изданиями. Что касается второго довода, приведенного К. И. Чуковским и заключающегося в том, что начало «Пира» тесно связано с концом «Последыша», то и он оказывается несостоятельным.

---

[11] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX, 1939, стр. 191.

[12] «Отечественные записки», 1881, № 2, стр. 262.

В конце «Последыша» действительно говорится, что мужики были поражены

> Известьем неожиданным:
> Скончался старый князь!

а в «Пире на весь мир» рассказывается, между прочим, о том, что случилось «в день смерти князя старого».

Связь конца «Последыша» с началом «Пира» не такая уж «тесная», как кажется на первый взгляд. Она скорее внешняя, связь времени и места действия, а не внутренняя идейная связь. Тесная, крепкая связь существует между всеми частями в той композиции, которая создана Некрасовым и закреплена в последнем прижизненном издании, им самим подготовленном к печати. Здесь за «Последышем» идет «Крестьянка», что оправдано идейным замыслом поэта. «Последышем» заканчиваются встречи странников с представителями эксплуататорских классов, в этой части усиливается показ бедствий народа и рост его негодования против угнетателей. Ни по содержанию поэмы, ни по каким-либо другим признакам «Пир» не может идти за «Последышем».

Многие исследователи уже отмечали, что если «Последыш» поставить после «Крестьянки», то получится нелепое перемещение времен года и порядка сельскохозяйственных работ — жатва будет предшествовать сенокосу.

Очевидно, что порядок расположения частей поэмы, принятый в издании стихотворений Некрасова 1920 г., искажает содержание поэмы, нарушает волю автора. Порядок этот, разумеется, не мог удержаться в печати, от него отказался и сам К. И. Чуковский.

В 1934 г., когда поэма была напечатана с другим расположением частей, В. В. Гиппиус выступил со статьей «К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо»», в которой доказывал ошибочность этого нового расположения частей поэмы и предлагал вернуться к варианту К. И. Чуковского, к изданию 1920 г., на что К. И. Чуковский ответил: «... Аргументация Гиппиуса кажется нам в корне порочной. Это — образец той методики, которая противоречит всем ныне принятым принципам научной текстологии стихотворений Некрасова» [13].

Неудачна была и попытка Е. В. Базилевской отстоять ошибочный вариант расположения частей поэмы издания 1920 г.[14].

3

В 1922 г. П. Н. Сакулин предложил новый вариант расположения частей поэмы. Он заявил, что надо игнорировать счет

---

[13] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, 1949, стр. 642.
[14] «Звенья», т. V, М.—Л., 1935.

частей поэмы, установленный Некрасовым, ибо, по его мнению, «счет этот не может быть обязательным ввиду незаконченности и неотделанности произведения»[15], и предложил «Крестьянку» сделать второй частью, а «Последыш» с «Пиром» — третьей и четвертой. П. Н. Сакулин утверждал, что «Крестьянка» должна идти за первой частью, непосредственно за главою «Помещик», и составлять часть вторую (хотя тут же заметил, что Некрасов напечатал «Крестьянку» с пометкой «из 3 части»).

В первой части поэмы Некрасов показал встречи странников с попом, с мужиками на ярмарке в селе Кузминском, потом с помещиком Оболтом-Оболдуевым, во второй части — с князем Утятиным, а в третьей, «Крестьянке», — с Матреной Тимофеевной. А П. Н. Сакулин рассудил так, что лучше бы странников вначале свести к Матрене Тимофеевне, а потом к князю Утятину, «последышу».

Далее П. Н. Сакулин писал, что за «Крестьянкой» должна следовать та часть поэмы, в которой рассказывается о чиновнике, о боярине, о купце и о царе, мотивируя это тем, что Матрена Тимофеевна советует странникам:

Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю...

Некрасов хотел написать главы о встрече странников с чиновником, с боярином, купцом, царем, но не сделал этого. Сохранились только наброски о встрече с ними мужиков. Поэтому П. Н. Сакулин предположил, что между «Крестьянкой» и «Последышем» есть большой пробел, не заполненный Некрасовым, и предложил после «Крестьянки» сделать «перерыв». В результате игнорирования счета частей поэмы, установленного Некрасовым, П. Н. Сакулин заявил: «Итак, мой порядок следующий: 1) Пролог, 2) 1 часть, 3) Крестьянка, 4) Перерыв, 5) Последыш, 6) Пир на весь мир»[16]. И, несмотря на то, что этот «порядок» весьма субъективен и явно нарушает волю автора, он был принят в издании стихотворений Некрасова, вышедшем в 1927 г., и в последующих изданиях.

В комментарии к изданию 1927 г. К. И. Чуковский утверждал, что П. Н. Сакулин прав. Распределяя части поэмы «по Сакулину», писал он, «мы придаем ей наиболее стройную и естественную форму. Таким образом, только теперь, только через пятьдесят с лишним лет, поэма появляется в законченном виде. Для того, чтобы не вносить путаницы в наше изда-

[15] П. Н. Сакулин. Некрасов, стр. 57.
[16] Там же.

ние, мы назвали «Крестьянку» — второй частью, «Последыша» — третьей частью, и «Пир на весь мир» — четвертой частью, между тем у Некрасова обозначения такие:

«Последыш»: «Из второй части».
«Крестьянка»: «Из третьей части».
«Пир на весь мир»: «Глава вторая».

«Мы уверены, — писал далее К. И. Чуковский, — что эти обозначения были временные и что сам Некрасов переменил бы их, если бы ему довелось печатать всю свою поэму одной книгой» [17]. Но такая «уверенность» привела редактора к произволу.

П. Н. Сакулин прав только в одном — в том, что предложил поставить «Пир на весь мир» в качестве завершающей части поэмы.

Принимая композицию П. Н. Сакулина в последнем издании Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова, К. И. Чуковский выдвинул несколько иную аргументацию. Он предложил располагать части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в порядке хронологии творческой работы Некрасова, в порядке последовательности их создания. Назвав части поэмы фрагментами, К. И. Чуковский пишет: «Мы должны, не мудрствуя лукаво, печатать фрагменты поэмы в порядке их написания.

Этих фрагментов три:

1. „Пролог“ и первая часть.
2. „Крестьянка“.
3. „Последыш“ и „Пир на весь мир“.

Эти три самостоятельные единицы, не подлежащие искусственной спайке, нужно печатать как таковые — в последовательности их написания» [18].

Можно было бы не возражать против предложения К. И. Чуковского печатать части поэмы в порядке их написания. Этот порядок расположения частей основывается не на субъективных домыслах редакторов о большей или меньшей связи частей, а на объективных данных истории создания произведения. Он совпадает с тем порядком, который осуществлен Некрасовым в последнем прижизненном издании его стихотворений, и в изданиях 1879 г. и 1881 г. Но вся беда заключается в том, что хронология создания частей поэмы представлена

---

[17] Н. А. Некрасов. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927, стр. 486.
[18] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, 1949, стр. 643.

К. И. Чуковским не совсем точно. Настоящий порядок частей таков:

Пролог.
Первая часть.
Последыш.
Крестьянка.
Пир на весь мир.

Раньше всего были написаны и напечатаны пролог и первая часть поэмы. Глава «Помещик», замыкающая первую часть, имеет дату — 1865 г., поставленную самим автором. Даты написания остальных частей таковы:

«Последыш» — 1872,
«Крестьянка» — 1873,
«Пир на весь мир» — 1876—1877.

К. И. Чуковский хорошо это знает и сознается, что производит «некоторое» нарушение хронологии. Оправдывая же вариант композиции П. Н. Сакулина, он пишет: «Хотя мы не считаем возможным и нужным выдавать разрозненные части эпопеи за целое, все же, при осуществляемом нами расположении частей, поэма в глазах читателя приобретает некоторое подобие цельности» [19].

Следовательно, авторы нового варианта композиции поэмы поставили перед собой задачу «помочь» Некрасову наиболее целесообразно расположить части его великого произведения.

Очевидно, осуществляя эту же «задачу», К. И. Чуковский в III томе полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова, изданном в 1949 г., отнес «Пролог» поэмы к первой части произведения вопреки воле поэта. Сделано это очень просто. На одной странице напечатан заголовок: «Кому на Руси жить хорошо», а на другой — подзаголовки:

Часть первая.
Пролог.

Ничего подобного не было ни в изданиях, вышедших при жизни Некрасова, ни в изданиях А. А. Буткевич и М. Е. Салтыкова-Щедрина. История создания «Пролога», история его публикации и содержание поэмы доказывают, что он относится не только к первой части, но ко всей поэме, ко всем ее частям.

Н. М. Онуфриев, Н. М. Гайденков, К. Н. Григорьян в статье «Против редакционного произвола в издании сочинений писателей-классиков» уже писали, что ошибочно включен

---

[19] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, стр. 643.

«Пролог» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в первую часть поэмы: «в рукописи цифра I, стоявшая рядом с заглавием „Пролог“, была рукой Некрасова зачеркнута»[20].

Впервые «Пролог» был напечатан Некрасовым в журнале «Современник», «Прологом» открывается первая книжка журнала за 1866 г. (т. CXII), в котором на странице 5 напечатано:

Кому на Руси жить хорошо.
Пролог.

На этой же странице печатается и текст «Пролога». Слов «часть первая» нет.

Затем «Пролог» и глава первая были напечатаны в первом номере журнала «Отечественные записки» за 1869 г.

Здесь на странице 197 стоят заголовки:

Кому на Руси жить хорошо.
Пролог.

На этой же странице начинается и текст «Пролога», а текст первой части начинается со страницы 208, где значится:

Глава I.
Поп.

В издании стихотворений Некрасова 1873—1874 гг. (издание второе[21], том третий, часть пятая, страница 9) напечатано:

Кому на Руси жить хорошо
Пролог.

Между этими заголовками слов «часть первая» нет, они поставлены на шмуцтитуле после названия поэмы. Здесь на отдельной, 7-й странице значится:

Кому на Руси жить хорошо.
Часть первая.

Ничего другого на этой странице нет. 8-я страница является оборотом и не содержит никакого текста. На 9-й же странице этой книги слово «Пролог» поставлено за названием поэмы.

---

[20] «Советская книга», 1953, № 3, стр. 102.

[21] Пятая часть стихотворений Некрасова издавалась в 1873 г. дважды:

1. Стихотворения Н. Некрасова, часть V. СПб. Издание книгопродавца В. Печаткина. 1873. Тип. В. В. Праца.

2. Стихотворения Н. Некрасова, том третий, часть пятая, издание второе. Санктпетербург. В типографии А. А. Краевского, 1873.

Следовательно, «Пролог» отнесен ко всей поэме, а не только к первой части. В этом же нас убеждает и издание, подготовленное А. А. Буткевич и М. Е. Салтыковым-Щедриным. В издании 1879 г. на странице 11 напечатано:

Кому на Руси жить хорошо.
Пролог.

На этой же странице начинается и текст «Пролога», а на странице 24 набрано:

Первая часть.
Глава 1.
Поп.

То же самое сделано и во втором посмертном издании, вышедшем в 1881 г.

Таким образом, рукопись, прижизненные и два посмертных издания указывают, что «Пролог» не входит в состав первой части. Он относится ко всей поэме.

Тот факт, что «Пролог» относится ко всему произведению, подтверждается и сюжетно-композиционным построением поэмы.

В «Прологе», соответственно стилю всей поэмы, содержатся своего рода loci communes (общие места, свойственные народному устно-поэтическому творчеству). На протяжении всей поэмы повторяются отдельные поэтические формулы, обращения, названия деревень и т. п., данные впервые в «Прологе». Так, например, странники повторяют от слова до слова свою формулу обращения к встречным.

В «Прологе» перечисляются названия деревень: Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайка тож. В таком же порядке они повторяются и в первой главе первой части. В несколько измененном виде деревни перечисляются в пятой главе первой части и в третьей части.

В прологе поэмы завязался спор мужиков о том, кому живется весело, вольготно на Руси. Формула спора дословно повторяется в первой и пятой главах первой части, затем в третьей части.

В прологе сказано:

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
Колом ее оттудова
Не выбьешь...

Эти стихи повторяются в разных частях поэмы.

4

Порядок расположения частей поэмы, который был установлен последним прижизненным изданием, а затем закреплен и завершен изданиями 1879 г. и 1881 г., подтверждается и историей публикации текста поэмы.

О месте первой части в системе расположения частей поэмы говорить не приходится. Она всегда и всюду печатается в соответствии с волей автора, но две последующие части — «Последыш» и «Крестьянка» — переставляются редакторами.

«Последыш» был задуман Некрасовым как шестая глава первой части поэмы, но по окончании работы над ним поэт решил сделать его первой главой второй части.

Так это и сделано в первопечатном тексте. В «Отечественных записках» (1873, № 2, стр. 521) набрано: «Часть вторая. Глава 1. „Последыш“».

В комментариях к III тому полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова издания 1949 г. на странице 685 сказано: «Последыш» печатается по изданию стихотворений 1873—1874 гг., т. III, ч. VI, стр. 7—70. На самом деле это не так. В издании 1873—1874 гг. «Последыш» напечатан на месте второй части и с пометкой Некрасова. «Из второй части», а в III томе издания 1949 г. «Последыш» напечатан на месте третьей части.

Путаница получается в современных изданиях и с другой частью поэмы — «Крестьянка».

Судя по отметкам на рукописях, Некрасов хотел сделать «Крестьянку» второй частью поэмы, но по окончании работы над ней на наборной рукописи написал: «Из третьей части. Крестьянка». С этой пометкой поэт опубликовал «Крестьянку» в первом номере «Отечественных записок» за 1874 г. В этом же году «Крестьянка» была напечатана в шестой части стихотворений издания 1873—1874 гг., с пометкой «Из третьей части „Кому на Руси жить хорошо“», с датой на шмуцтитуле: «1873».

Таким образом, место «Крестьянки», как и место «Последыша», точно указано Некрасовым и закреплено прижизненными изданиями.

5

В критической литературе о Некрасове возникали многочисленные споры о композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Одни утверждали, что вариант расположения частей поэмы, предложенный П. Н. Сакулиным, наиболее подходящий. Дру-

гие предлагали соблюдать волю автора и печатать поэму так, как ее печатали Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин.

В 1940 г. С. А. Черняковский в «Трудах Горьковского государственного педагогического института» писал, что поэму «Кому на Руси жить хорошо» следует печатать в том порядке, который сейчас принят в издании под редакцией К. И. Чуковского.

За это же предложение высказалась В. Т. Плахотишина в статье «Из творческой истории поэмы „Кому на Руси жить хорошо"» [22].

М. Н. Старенков в статье «О композиции поэмы Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо"» [23] одобрительно отнесся к тому варианту расположения частей поэмы, который печатается под редакцией К. И. Чуковского.

А. А. Озерова в брошюре «Поэма Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо"», изданной в 1953 г., отмечает, что наиболее правильным является порядок, предложенный П. Н. Сакулиным (т. е. тот самый порядок, который существует в изданиях под редакцией К. И. Чуковского с 1927 г.). Правда, А. А. Озерова находит, что при перестановке частей поэмы, предложенной П. Н. Сакулиным, «естественная последовательность явлений земледельческого быта оказывается нарушенной». Но это не наводит ее на мысль о необходимости отвергнуть необоснованную композицию поэмы.

Иное утверждают другие исследователи творчества Некрасова. В. Костромеев в «Трудах Азербайджанского государственного университета имени С. М. Кирова» [24] решительно заявил, что порядок расположения частей поэмы, которого придерживается К. И. Чуковский, «нельзя считать ни правильным, ни убедительным».

И. Ю. Твердохлебов в книге «Поэма Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо"» (1954) считает нужным расположить части поэмы в том порядке, в котором они созданы поэтом, но в подзаголовке последней части — «Пир на весь мир» поставить в скобках «Из второй части». Кроме того, И. Ю. Твердохлебов предлагает «Пролог» включить в первую часть поэмы.

Категорически не согласился с П. Н. Сакулиным и К. И. Чуковским Н. Г. Дмитриев. В диссертации о поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» он указал, что в расположении частей поэмы по Сакулину получается противоречие в повествовании. В «Крестьянке» странники говорят

---

[22] «Научные записки Харьковского гос. пед. ин-та», т. III, 1940.
[23] «Литература в школе», 1946, № 2.
[24] Т. II, вып. 1, 1940, стр. 32.

Матрене Тимофеевне, что они «попа доведали, поведали помещика» и теперь ищут счастливого среди баб, а потом оказывается, что странники опять попали к помещику.

К. И. Чуковский ответил, что доводы Н. Г. Дмитриева представляются недостаточно вескими[25]. И, продолжая утверждать, что «Пир» должен следовать непосредственно за «Последышем», привел такое доказательство: «между теми событиями, которые изображены в заключительном эпизоде одной части, и теми, которые изображаются в первом эпизоде другой, едва ли прошло больше суток».

К. И. Чуковский находит, что «Последыш» и «Пир на весь мир» связаны между собой, и связь эту видит он в единстве времени и места. «...Действие обеих частей происходит против Бабайского монастыря, на низменном лугу левого берега Волги»[26].

Однако никакого Бабайского монастыря в поэме Некрасова нет. Высчитать же время путешествия странников с точностью до одних суток невозможно. О времени и месте действия странников в поэме с самого начала говорится в сказочном стиле:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай...

В «Крестьянке» о времени и месте действия странников сказано:

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот, наконец, и Клин.

Это расстояние сказочно-неопределенное. А. В. Попов, изучавший топографию поэмы «Кому на Руси жить хорошо», пишет, что возле Клина Ярославской губернии никакой усадьбы, никакого пригорочка не было, так как местность здесь низменная, болотистая, а у Некрасова сказано, что крестьяне-странники заметили за селением усадьбу на пригорочке. И Клин — это не обязательно деревня Даниловского уезда Ярославской губернии. Слово «клин» в данном случае обозначает предел бедности, нищеты. Поэтому Некрасов написал:

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...

---

[25] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, стр. 645.
[26] Там же.

Совершенно ясно, что изображенная поэтом картина — обобщение бедности и темноты деревни, а не конкретное указание определенной местности. Об этом говорят и другие факты.

О месте, где происходил «Пир на весь мир», сказано, что это — село Вахлачина, то самое село, где секли мужиков.

«Целиком придуман автором, — пишет А. В. Попов, — сгоревший город („Вступление к «Пиру на весь мир»“). Никогда в описываемых местах не было города, который бы дотла сгорел»[27]. Опять-таки Некрасову для воплощения замысла поэмы нужен был не определенный город Костромской губернии, а «обугленный город», город, в остроге которого сидело начальство, а народ вел себя, как войско, стоящее лагерем.

Некрасов дает такие названия деревень и губерний, которые показывают бедственное положение народа. Рядом с Заплатовым, Дырявиным, Разутовым, Знобишиным, Гореловым, Нееловым, Неурожайкой называются Горелки, Голодухино. Странники встречают мужиков из деревень Босова, Дымоглотова, Наготина, слышат об Адовщине, о деревне Столбняки, проходят по Старо-Вахлацкой волости, по губерниям Подтянутой, Подстрелянной, Безграмотной.

Обращаясь к Матрене Тимофеевне, странники сообщают:

Полцарства мы промеряли...

Следовательно, они путешествуют по огромному пространству, а не по одной области.

Как уже указывалось, многие исследователи отмечали, что вариант расположения частей поэмы, предложенный П. Н. Сакулиным, извращает естественный ход времен года и порядок сельскохозяйственных работ. Читая поэму в современных изданиях и не подозревая, что части ее печатаются не в той последовательности, которая установлена Некрасовым, можно подумать, что поэт не знал жизни деревни: жатва у него идет раньше сенокоса, весна — после лета.

Ничего подобного нет в том расположении частей, который установлен самим Некрасовым.

В начале поэмы, в «Прологе» и в первой части, действие происходит весной, когда кукует кукушка, у птиц появляются птенцы:

Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала

[27] А. В. Попов. Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо». «Литература в школе», 1946, № 2, стр. 42.

Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...

В главе «Поп» сказано:

Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!..
Вода — куда ни глянь!

Странники сожалеют, что нельзя в поле работать:

Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!

В главе «Сельская ярмонка» говорится:

Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

В следующей части, «Последыше»:

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Когда странники миновали бедную деревню Безграмотной губернии и пришли на Волгу, то увидели скошенный, голый

луг, такой, «как у подьячего щека, вчера побритая», на нем копны и стога.

А дальше, где кончается
Отава подкошенная,
Народу тьма!...

Тут:

Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

В части поэмы, следующей непосредственно за «Последышем», — «Крестьянке» «странники идут» то рожью, то пшеницею, то ячменем идут. «Поспел горох», «вся овощь огородная поспела».

Поспел горох! Накинулись
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнет!
Теперь горох у всякого...
Вся овощь огородняя
Поспела...

Странники встречают на своем пути «толпу жнецов и жниц». Матрена Тимофеевна говорит:

«У нас уж колос сыплется,
Рук нехватает, милые...»

В черновых набросках «Крестьянки» сказано:

Был август, время трудное,
Три дела у крестьянина:
Паши и сей, и жни!

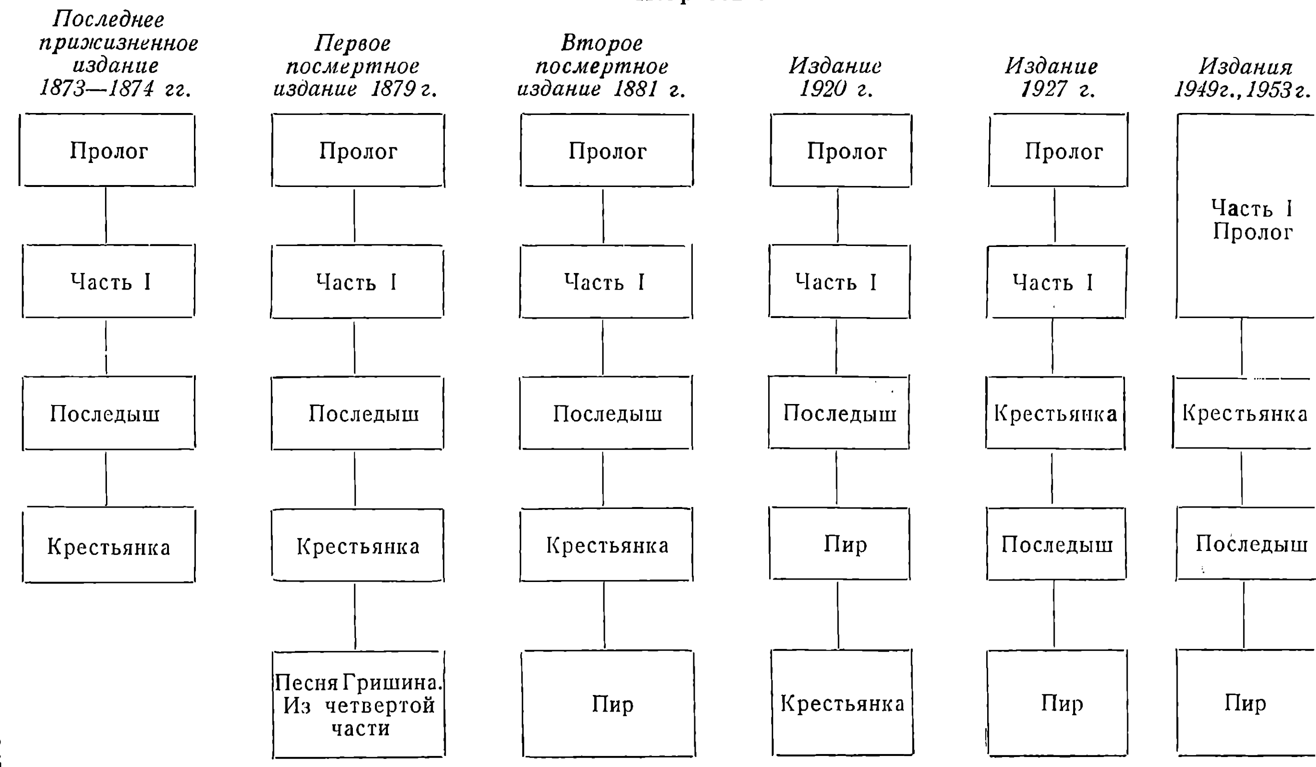
Таков естественный ход полевых работ, представленный в поэме Некрасова.

* * *

Игнорирование порядка частей поэмы, установленного Некрасовым, приводит редакторов к искажению великого произведения русской литературы.

Для наглядного представления о том, в каком порядке печатались части поэмы при жизни Некрасова, в первых посмертных изданиях, и как представляются части поэмы по произволу редакторов с 1920 г., дается следующая схема.

Расположение частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в основных изданиях стихотворений Н. А. Некрасова.



Идейно-художественный замысел поэмы, история ее создания, история публикации, первые посмертные издания, подготовленные к печати А. А. Буткевич и М. Е. Салтыковым-Щедриным, доказывают, что части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» надо печатать в следующем порядке:

Пролог

(Первая часть)
Глава I Поп
Глава II Сельская ярмонка
Глава III Пьяная ночь
Глава IV Счастливые
Глава V Помещик

Последыш
Из второй части
Глава I

Крестьянка
Из третьей части
Пролог
Глава I До замужества
Глава II Песни
Глава III Савелий, богатырь святорусский
Глава IV Демушка
Глава V Волчица
Глава VI Трудный год
Глава VII Губернаторша
Глава VIII Бабья притча

Пир на весь мир
‹Из четвертой части›
Посвящается Сергею Петровичу Боткину
Вступление
I
Горькое время — горькие песни
II
Странники и богомольцы
III
И старое и новое
IV
Доброе время — добрые песни

Всякий иной порядок нарушает волю автора, искажает идейный замысел великого произведения Некрасова.

Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НАД ПОЛНЫМ СОБРАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого было задумано и осуществляется как первое полное собрание сочинений великого писателя. Оно не является изданием академическим, так как не включает всего написанного Толстым (варианты даны не полностью, а выборочно). Однако в нем впервые поставлена огромная задача — на основе тщательного научного изучения всего наследства Толстого дать читателю и исследователю тексты всех произведений, как художественных, так и публицистических, как законченных, так и незавершенных или даже только начатых; тексты всех редакций и вариантов, имеющих сколько-нибудь существенное значение в творческой истории произведений; выверенные по подлинникам и в большой мере впервые публикуемые тексты дневников и писем. Среди трех серий издания — «Произведения», «Дневники», «Письма» — произведения составляют 45 томов.

Именно это издание служило и служит источником многочисленных перепечаток произведений Толстого массовыми тиражами, даже в собраниях сочинений (например, в Собрании художественных произведений, изд. «Правда», приложение к журналу «Огонек», М., 1948; в Собрании сочинений в 14 томах, Гослитиздат, М., 1951—1953).

90-томное собрание сочинений основано на изучении и использовании огромного печатного и рукописного материала и, таким образом, связано с решением наиболее острых текстологических вопросов. Достижения этого издания представляют ценнейший вклад в историю советской текстологии. Анализ этих достижений должен содействовать упрочению подлинно научных принципов текстологической теории и практики. Вместе с тем вскрытие отдельных недостатков и ошибок поможет освободить последующие издания сочинений Толстого от ряда неверных решений текстологических вопросов.

Отличительной чертой Толстого как писателя была обычно длительная и всегда крайне взыскательная работа над рукописями своих произведений. Поэтому все значительные создания Толстого сохранились в нескольких, а иногда и во многих черновых редакциях. Но к произведениям, уже опубликованным, он относился весьма равнодушно и в переизданиях обычно не принимал никакого участия. Авторская работа чаще всего останавливалась на первом издании, лишь иногда распространялась на второе и третье и почти никогда на последующие. К тому же, начиная с 1881 г., Толстой передал жене полностью право издания произведений, написанных им до того времени; а в 1891 г., отказавшись от авторских прав на произведения, созданные после 1881 г. и «могущие вновь появиться»[1], предоставил всем желающим право перепечатывать его произведения без какого бы то ни было авторского участия. Так создалось положение, при котором для большинства произведений Толстого последние прижизненные издания являются совсем не авторизованными. Поэтому при подготовке текста Полного собрания сочинений всесторонне обследовалась история создания и печатания каждого произведения, с тем чтобы узнать, в каком издании отражен последний этап авторского труда над данным произведением, и таким образом выявить источник основного текста. Для «Детства», «Отрочества», кавказских рассказов, например, в качестве основного был принят текст второго издания 1856 г. (первое — публикация в журнале), для «Юности» — первопечатный текст («Современник», 1857, № 1), так как все позднейшие издания представляют собою простую перепечатку указанных текстов.

Примером того, насколько важно бывает установить, в каком издании отражена последняя творческая работа автора, является рассказ «Хозяин и работник». Рассказ вышел в свет 5 марта 1895 г. одновременно в трех изданиях: в Петербурге, в мартовской книжке журнала «Северный вестник», а также в Москве: в издании «Посредник» и в XIX части издававшихся С. А. Толстой «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Сопоставление этих изданий позволило А. С. Петровскому установить, что набор обоих московских изданий делался с корректур «Северного вестника», но текст «Посредника», хотя и получил цензурное разрешение на девять дней раньше

---

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., юбилейное издание, т. 66, стр. 47. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

«Северного вестника», перед выходом в свет дополнительно правился Толстым (184 исправления). Текст издания «Посредник» и был принят в качестве основного.

Порою текстологам удавалось установить, что участие Толстого в последнем авторизованном издании ограничилось подготовкой текста для набора и не распространилось на чтение корректур. Если оригинал набора сохранился, основным избирался, естественно, текст не издания, а именно оригинала набора. Интересен в этом смысле случай с печатанием «Анны Карениной». Как известно, роман увидел впервые свет в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник» в 1875—1877 гг. (последняя, восьмая часть, вследствие того, что Толстой решительно отказался изменить ее по требованиям Каткова, вышла в 1877 г. отдельным изданием). Летом того же 1877 г. Толстой, при участии гостившего тогда в Ясной Поляне Н. Н. Страхова, исправлял журнальный текст «Анны Карениной» и издание ее восьмой части — для отдельного издания всего романа, вышедшего в трех томах в 1878 г. Исправленный Толстым текст, служивший для набора отдельного издания, сохранился. Пояснительная записка Страхова, приложенная к нему, свидетельствует, что доля участия Страхова в правке текста была незначительна и все его поправки были согласованы с Толстым.

Однако сопоставление издания 1878 г. с этим наборным экземпляром обнаружило ряд разночтений. Очевидно, что исправления были сделаны в корректурах. Но кому они принадлежат? Сохранившаяся переписка Толстого со Страховым позволила Н. К. Гудзию разрешить этот вопрос: корректуру держал не Толстой, а Страхов. Только в двух случаях — в эпизодах венчания Левина и Кити и самоубийства Карениной — Толстой в процессе печатания этого издания принял личное участие дополнительными исправлениями, сообщенными в письмах Н. Н. Страхову. Исходя из этого, в качестве основного текста «Анны Карениной» избран в юбилейном издании не текст издания 1878 г., а подготовленный Толстым летом 1877 г. для этого издания текст, с дополнительными исправлениями двух указанных эпизодов[2].

В поздний период жизни и творчества Толстого многие из его произведений, особенно публицистические статьи, не могли по цензурным условиям появиться в России и издавались за границей В. Г. Чертковым. Толстой не принимал никакого

---

[2] Из самостоятельных исправлений Страхова были приняты лишь те, которые являлись вполне оправданными редакторскими конъектурами, устранявшими явные стилистические и смысловые погрешности (в ряде случаев эти исправления Страхова совпадают с чтениями черновых автографов романа).

участия в их печатании, не только доверив все это дело Черткову, но и предоставив ему право исправлять все те места, которые он почему-либо найдет неясными.

Так, 1 сентября 1900 г., посылая последнюю рукопись трактата «Рабство нашего времени», Толстой писал В. Г. Черткову: «Поправки я не хотел делать, но ваш вызов заставил меня пересмотреть, и я посылаю некоторые изменения. Больше ни в каком случае не намерен делать, надеясь, что некоторые неясности, неточности, происходящие от меня, а иногда от переписчиков, вы сами поправите, на что я вам даю, как всегда, carte blanche» (т. 34, стр. 564—565).

Закономерно, что в этом и аналогичных этому случаях текстологи, готовившие текст для Полного собрания сочинений, в качестве основного текста избирали последнюю авторскую рукопись или последнюю просмотренную автором корректуру. Относительно исправлений, внесенных В. Г. Чертковым, было принято следующее правило: из всех исправлений принимаются только те, которые были санкционированы особыми указаниями Толстого (в письмах), все же остальные исправления устраняются. Таким путем осуществлялся в данном случае основной принцип текстологии — нерушимость творческой воли автора.

Сложный случай представляет творческая и печатная история «Войны и мира». Роман создавался в течение семи лет — с 1863 по 1869 г. Еще в 1865 г. Толстой начал было печатать его в журнале «Русский вестник», но затем прекратил печатание, рассчитывая вскоре выпустить отдельное издание романа. Издание это вышло в 1868—1869 гг. в шести томах и тогда же было повторено, с небольшими поправками автора в первых четырех томах (два последние тома печатались во втором издании одновременно с первым, с одного набора). Снова обратился Толстой к роману, когда в 1873 г. готовил третье издание своих сочинений. Автор провел большую стилистическую правку всего текста «Войны и мира» и, кроме того, внес два существенных изменения: все историко-философские рассуждения были выделены в отдельное приложение, некоторые из них совершенно удалены, а французский текст почти везде заменен русским. Толстой сделал это, очевидно, под воздействием той критики, которой подвергся роман при выходе в свет в 1868—1869 гг. Издание 1873 г. было механически повторено, уже без участия Толстого, в 1880 г. и ряде последующих. Но в 1886 г. С. А. Толстой было выпущено издание, в котором хотя и сохранено принятое в 1873 г. деление романа на четыре тома, однако историко-философские отступления снова даны в тексте и французские фразы сохранены, т. е. в основном произошло возвращение к изданию

1868—1869 гг. Сделано это было, безусловно, не без ведома Толстого. Какой же текст следует признать последним авторским текстом?

Текст 1886 г. не удовлетворяет этому требованию, так как не учитывает огромной авторской правки 1873 г., стилистических разночтений второго издания 1868—1869 гг. и возвращает к самой ранней печатной редакции.

Текст издания 1873 г. также нельзя признать за основной, так как впоследствии Толстой отказался от вынесения историко-философских рассуждений в приложения и замены французского текста русским.

Стало быть, «Войну и мир» следует печатать по второму изданию 1868—1869 гг., с учетом всей авторской стилистической правки 1873 г.

Этот сложный случай кажется, на первый взгляд, отступлением от основного текстологического принципа. В действительности это не так. Именно последняя творческая воля автора, представленная в данном случае двумя изданиями, является основанием такого решения.

Среди произведений Толстого есть и такие, которые в своей последней редакции не были опубликованы, вопреки желаниям и намерениям автора. Так случилось, например, с известной статьей «О голоде». Статья предназначалась для журнала Н. Я. Грота «Вопросы философии и психологии», но была запрещена цензурой. Толстой надеялся, что напечатать статью все-таки разрешат, однако, сильно сомневаясь в возможности преодолеть цензурные препятствия, начал хлопотать об издании статьи за границей и у П. А. Гайдебурова в «Книжках Недели». В январском номере «Книжек Недели» за 1892 г. статья появилась под заглавием «Помощь голодным» в сильно урезанном цензурой и измененном самим Толстым из-за цензуры виде. Текст, подготовленный для «Вопросов философии и психологии», впервые был опубликован, под редакторским заглавием «Письма о голоде», в издании М. К. Элпидина в Женеве, в четвертом сборнике «Спелые колосья» (1896). При дальнейших изданиях статьи перепечатывался текст как одного, так и другого варианта. Были случаи и контаминаций; например, текст, опубликованный в сборнике «Лев Толстой и голод» (Нижний-Новгород, 1912), в основном повторяет издание 1896 г., но отличается от него — если не считать явных ошибок набора — введением двух отрывков, опубликованных в 1892 г. в «Книжках Недели», в статье «Помощь голодным».

Однако ни один из печатавшихся текстов не выражает последней воли автора, так как текст, изданный Элпидиным, соответствует наборной рукописи (очевидно, копия с нее была

послана Элпидину в Женеву), а текст «Книжек Недели» копирует первые исправленные автором корректуры. Отослав корректуру в журнал Гайдебурова, Толстой продолжал работать над статьей, очевидно не потеряв надежды на то, что удастся как-нибудь провести статью через цензуру и напечатать в журнале Грота. Последний этап работы Толстого над статьей «О голоде» запечатлела вторая исправленная корректура, сохранившаяся в архиве писателя и предназначавшаяся, вероятно, для «Вопросов философии и психологии» или для какого-то другого неосуществленного издания. Текст именно этой корректуры, хотя она и не была опубликована при жизни Толстого, принят в качестве основного текста статьи «О голоде» в 29-м томе Полного собрания сочинений.

Все приведенные примеры подтверждают одно из основных правил текстологической работы: вопрос о выборе основного текста требует прежде всего установления последнего этапа работы писателя над своим произведением, отыскания текста, в котором выражена последняя творческая воля автора.

Большие трудности при решении вопроса об основном тексте представляют те произведения, которые хотя и печатались при жизни писателя, и даже неоднократно, но при публикации были до неузнаваемости искажены цензурой или редакторами, действовавшими в угоду цензуре. Последовательно восходящая линия, которую представляет обычно история создания классического произведения от первоначального чернового наброска до последнего авторизованного издания, в этих случаях, вопреки автору, грубо и насильственно ломалась, искажалась. Такова, например, судьба рассказа «Севастополь в мае» и романа «Воскресение». Рассказ «Севастополь в мае» Толстой отправил в июле 1855 г. из Севастополя редактору «Современника» И. И. Панаеву и уже в сопроводительном письме сообщал, что он многое изменил в рассказе и под строкой приписал ряд вариантов на случай, если цензура не пропустит основной текст. Рассказ был настолько силен своей обличительной правдой, что, предвидя цензурные мытарства, Панаев сам счел нужным «кое-что посмягчить и посгладить» и даже прибавил несколько фраз в показном патриотическом духе. «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие, — приписал в конце рассказа Толстого И. И. Панаев. — Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови»[3]. Несмотря на редакторские смягчения, рассказ привел в ярость председателя цензурного комитета М. Н. Мусина-Пушкина. С пропусками и искажениями, кото-

[3] Фраза эта печаталась в тексте рассказа до пятого издания «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». В шестом издании 1886 г. она была исключена.

рые меняют тон, характер и часто даже смысл рассказа, «Севастополь в мае» (под заглавием «Ночь весною 1855 года в Севастополе», измененным также в угоду цензуре) был напечатан в сентябрьской книжке «Современника» за 1855 г., даже без инициалов Толстого, которые редакторы журнала не решились поставить под рассказом, потерявшим свой облик.

«Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья, — писал Толстому Н. А. Некрасов, — испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства... Не буду Вас утешать тем, что и напечатанные обрывки Вашей статьи многие находят превосходными; для людей, знающих статью в настоящем виде, — это не более, как набор слов без смысла и внутреннего значения»[4]. Вполне закономерно поэтому, что в основу текста рассказа в издании Полного собрания сочинений положен текст рукописи (не наборной, как ошибочно указано в комментариях 4-го тома, но очень близкой к наборной), а не текст «Современника» или издания 1856 г., где хотя и были уничтожены некоторые цензурные пропуски и добавлены некоторые авторские изменения, но все-таки большинство искажений не удалось устранить.

Бесчисленным цензурным и редакторским искажениям подвергся текст романа «Воскресение» при печатании в 1899 г. в журнале А. Ф. Маркса «Нива». Однако и текст, издававшийся одновременно в Англии В. Г. Чертковым, далеко не свободен от цензурных и других искажений. Случилось это, как пишет Н. К. Гудзий в статье об истории создания и печатания «Воскресения», в результате довольно сложной техники одновременного печатания романа в России, в «Ниве», и за границей, у Черткова. Обычно редакция «Нивы» отправляла Толстому экземпляр гранок с зачеркнутыми или исправленными синим карандашом местами текста, которые редакции представлялись цензурно недопустимыми. Толстой исправлял корректуру, в подавляющем большинстве случаев не считаясь с этими вычеркиваниями и исправлениями, и В. Г. Черткову в Англию посылались дублетные экземпляры корректур, с внесенной в них авторской правкой.

Но в отдельных случаях редакцией «Нивы» Толстому присылался новый набор корректур, в котором были уже совершенно устранены цензурно неприемлемые места, и в «Ниву» обратно и В. Г. Черткову посылался текст этих новых корректур без всяких видимых следов цензурных изъятий (см. т. 33, стр. 401—402). При подготовке «Воскресения»

---

[4] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1952, стр. 240—241.

для Полного собрания сочинений, в результате тщательного анализа изданий «Нивы» и «Свободного слова», установлено, что и в заграничном издании насчитывается 53 цензурных искажения и масса редакторских, принадлежащих как редакторам «Нивы», так и самому В. Г. Черткову. Между тем вплоть до выхода 32—33-го томов Полного собрания сочинений, где помещено «Воскресение» и комментарии к нему, чертковское издание считалось непогрешимым и вполне достоверным источником для критической проверки издания А. Ф. Маркса. Комбинация марксовского и чертковского изданий публиковалась как подлинный текст «Воскресения» в 1918 г. (Л. Н. Толстой. Воскресение. Текстовая реставрация Б. С. Боднарского), в 1929 г. (Л. Толстой. Полн. собр. художественных произведений, под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. VIII, Госиздат). Впервые неискаженный текст «Воскресения» напечатан — по последним авторским корректурам — в 1935 г. в Полном собрании сочинений и с тех пор перепечатывается в массовых собраниях сочинений и отдельных изданиях[5].

Предпочтение, отданное не последнему авторизованному изданию, а более ранним текстам при выборе основного текста рассказа «Севастополь в мае» и романа «Воскресение», как и некоторых других произведений Толстого, является совершенно оправданным. Печатный текст неизбежно должен быть отвергнут, если он был обезображен цензурой, а в архиве писателя сохранились беловые (или близкие к ним) рукописи и тем более если известны правленные автором последние корректуры. Текстологические казусы такого рода хотя и заставляют текстолога отступать от правила — выбирать последнее авторизованное издание (только правила, так как выбор в качестве основного текста последнего авторизованного издания является лишь наиболее обычным, часто встречающимся, но совсем не общеобязательным, не имеющим исключений случаем), однако нисколько не колеблют общего текстологического принципа. Наоборот, в данном случае отступление от правила и обеспечивает соблюдение принципа нерушимости творческой воли автора: печатный текст отвергается именно потому, что он в гораздо большей степени отражает грубейший произвол цензуры, чем намерения писателя.

При решении вопроса о выборе основного текста особую группу составляют произведения, имеющие своего рода «боковую» редакцию. В творческой практике Толстого это редак-

[5] Досадной ошибкой приходится считать публикацию искаженного царской цензурой текста при издании романа «Воскресение» в серии «Библиотека русского романа» (Гослитиздат, 1948).

ции, появившиеся вследствие специальных целей того или иного издания. Так, в 1876 г. вышло «новое дешевое издание, переделанное автором для детского чтения» повестей «Детство» и «Отрочество». Из второй повести Толстой в этом издании исключил ряд отрывков, даже целые главы. Естественно, что это издание не принимается во внимание при выборе основного текста повести «Отрочество». Аналогичный случай представляет история печатания сказки «Ассирийский царь Ассархадон». Впервые она была издана «Посредником» в 1903 г. (цензурная дата — 10 ноября 1903 г.). Всего месяц спустя (цензурная дата — 13 декабря 1903 г.) в том же «Посреднике» вышло другое, более дешевое, лубочное издание сказки, сильно сокращенное и переработанное (упрощенное) Толстым. В качестве основного текста сказки в 34-м томе Полного собрания сочинений принимается текст первого издания[6].

Особого решения требуют те случаи, когда, опубликовав то или иное произведение, писатель начал исправлять печатный экземпляр, но не довел своей правки до конца, и она сохранилась в архиве. Так случилось с драмой Толстого «Власть тьмы».

В 1887 г. драма была напечатана в пяти изданиях «Посредника», в трех изданиях С. А. Толстой и в издании магазина «Начальная школа» Е. Н. Тихомировой — в общей сложности небывалым для того времени тиражом — 100 тысяч экземпляров. Уже после опубликования драмы Толстой внес в печатный экземпляр одного из изданий ряд исправлений: были зачеркнуты четыре последние явления четвертого действия и сохранен только их вариант (в печатных изданиях помещались оба текста: первый как основной, второй как вариант), значительно пополнены ремарки. Исправления, однако, не выдержаны и не доведены до конца. Целью их было, главным образом, приспособление драмы к ее сценическому исполнению. Они не приняты во внимание Н. К. Гудзием при установлении канонического текста драмы, так как являются элементами другой, сценической редакции пьесы.

2

Выбор основного текста — лишь первая ступень в решении большой текстологической задачи: установлении подлинного авторского текста. Всестороннее изучение истории создания и

[6] Ошибкой Собрания сочинений под ред. П. И. Бирюкова (М., 1913) является то, что Бирюков избрал в качестве основного текст сказки лубочного издания. Однако в 34-м томе Полного собрания сочинений допущена другая ошибка — текст лубочного издания не печатается совсем, хотя его, конечно, следовало бы поместить в разделе «Других редакций и вариантов».

печатания произведения всегда ставит перед текстологом вопрос о критической проверке текста, принятого за основной.

Такая проверка необходима прежде всего с целью устранения многочисленных цензурных искажений, которым подвергались произведения русских классиков до Октябрьской революции. Произведения Толстого как художественные, так и публицистические, проникнутые обличительным пафосом, испытали цензурные мытарства, потерпев нередко большой ущерб. Выше упоминались в этой связи роман «Воскресение», рассказ «Севастополь в мае», статья «О голоде». К ним можно было бы добавить и «Севастополь в августе 1855 года», кавказские рассказы, повесть «Крейцерова соната», трактаты «Так что же нам делать?», «Что такое искусство?» и многие другие произведения.

В итоге исследовательской работы, проведенной подготовителями Полного собрания сочинений, можно выявить типические случаи цензурных искажений текстов Толстого и возможности их устранения.

Относительно несложным является решение этой задачи, если сохранились беловые рукописи или корректуры (последние этапы авторской работы) и на них видны явные следы цензорского насилия: выброски, замены, смягчения и пр.

В таких случаях все цензорские купюры устраняются, восстанавливается подлинный авторский текст. Примеров этого рода очень много в тексте «Воскресения». С неуклонной последовательностью цензура и А. Ф. Маркс, издатель «Нивы», действовавший в угоду цензуре и «благонамеренному» вкусу читателей своего журнала, предназначенного «для семейного чтения», изгоняли из романа Толстого все, что обличало порядки и учреждения помещичье-буржуазной России, «роняло престиж» служителей церкви и государства (судей, сенаторов, чиновников и пр.), и, с другой стороны, выставляло в привлекательном свете революционеров. Цензура официальная и «домашняя», журнальная, уничтожала все, что называлось своими именами в рассказе об ужасных условиях жизни Катюши в публичном доме и в тюрьме или в рассказе о соблазнении ее Нехлюдовым.

Располагая почти всеми авторскими корректурами, в которых видны следы цензурного насилия, советские текстологи получили возможность устранить эти цензурные купюры. Результаты этой работы изложены в статье Н. К. Гудзия «История писания и печатания „Воскресения"» (т. 33). Сложности в устранении цензурных вмешательств возникали в тех случаях, когда взамен текста, вычеркнутого или искаженного цензурой, писатель создавал новый вариант. Принцип советской текстологии — восстанавливать подлинно авторский текст, устраняя

возникший под воздействием цензуры, вынужденный и не удовлетворявший автора, — был применен и в «Воскресении».

Так, в совете адвоката Нехлюдову: «А вы постарайтесь добраться до высших чинов» цензором были вычеркнуты слова «до высших чинов». Толстой взамен написал: «до лиц, имеющих влияние в комиссии прошений». Так было напечатано и в «Ниве», и в издании В. Г. Черткова «Свободное слово». Только в 32-м томе Полного собрания сочинений был восстановлен подлинный авторский текст.

В той же сцене был исключен цензурой рассказ Нехлюдова о сектантах: «люди в деревне собрались читать евангелие, пришло начальство и разогнало их. Следующее воскресение опять собрались, тогда позвали урядника, составили акт, и их предали суду». Взамен Толстой написал сглаженный, более «приемлемый» для цензуры вариант: «Нехлюдов... рассказал вкратце сущность дела, которая состояла в том, что в деревне один грамотный крестьянин стал читать евангелие и толковать его своим друзьям. Духовенство сочло это преступлением. На него донесли». Естественно, что текстологом отвергнут этот смягченный вариант, и в 32-м томе, в тексте «Воскресения», печатается вычеркнутый цензурой толстовский текст.

Порою, однако, цензурное искажение влекло за собою такую авторскую переработку, которая не может быть снята безболезненно, так как новый текст обусловливал изменения в развитии дальнейшего замысла. Подобные неустранимые случаи цензурного вмешательства в текст романа «Воскресение» приводит Н. К. Гудзий в своей статье.

Несравненно более сложным оказывается снятие цензурных искажений, когда текстолог не располагает документальными свидетельствами, подтверждающими в том или ином случае вмешательство цензуры. Зная несомненно, что это вмешательство было, но не видя его явных признаков, текстолог обязан на основе тщательного анализа текста и всех обстоятельств, сопровождавших создание и публикацию произведения, доказать цензурный характер изменений.

Известно, до какого абсурда был доведен текст повести «Детство» и рассказа «Набег» в издании С. А. Толстой 1911 г. Найдя в рукописях «Детства» черновик письма Л. Н. Толстого к брату, в котором Толстой возмущался искажениями издателей и цензуры, Софья Андреевна решила прочесть все рукописи и по ним восстановить «Детство». Так же она поступила и с «Набегом», дав в своем издании новый, более пространный текст рассказа. В примечании она объяснила, что это произведение «для настоящего издания исправлено и значительно дополнено по рукописи». С. А. Толстая руководилась благим намерением — восстановить цензурные пропуски. Но нет ника-

кой возможности установить, что́ в рассказе «Набег», например, могло быть выкинуто цензурой и что́ было выпущено самим Толстым, особенно если учесть, что в процессе работы над рассказом Толстой тщательно изгонял «сатиру», которая, по его словам, «не в его характере» (т. 46, стр. 132).

Так в издании 1911 г. был создан порочный, «сводный», контаминированный текст.

На субъективный выбор С. А. Толстой не оказала влияния даже та оценка, которую Л. Н. Толстой, со слов брата Н. Н. Толстого (жившего на Кавказе, где Л. Н. Толстой писал «Набег»), дал отдельным местам рассказа, отмечая их по пятибалльной системе. Места, оцененные единицей и двойкой, вошли в добавления С. А. Толстой. Редакторы юбилейного издания поступили иначе: в качестве основного принят текст «Военных рассказов» 1856 г. и в него внесено лишь несколько исправлений С. А. Толстой, уничтожающих очевидные ошибки издания 1856 г., последнего, в котором Толстой принимал непосредственное участие.

Н. К. Гудзий и В. А. Жданов в статье «Вопросы текстологии» так справедливо характеризовали текстологические опыты С. А. Толстой: «Это примеры из далекого прошлого. Советская текстология с самого начала отмежевалась от дилетантского отношения к рукописям и твердо стоит на позициях научного принципа»[7].

Научный принцип допускает устранение цензурных искажений по черновым рукописям и корректурам, но только с условием абсолютной доказанности цензурного характера того или иного разночтения. Отрицая механический документализм, мы вправе требовать в каждом отдельном случае тщательного анализа и доказательной аргументации.

Следует, однако, заметить, что научный принцип не всегда выдерживался и в издании Полного собрания сочинений Толстого. Происходило это чаще всего в тех случаях, когда цензурные купюры и искажения приходилось устранять, не располагая цензорскими экземплярами, а часто и самим последним авторским текстом, т. е. беловыми рукописями или последними корректурами. Дополнительные трудности возникали здесь еще оттого, что иногда и авторские исправления, запечатленные в сохранившихся рукописях или корректурах, носили характер автоцензуры.

Одним из примеров очищения текста от цензурных искажений, восстановления подлинного авторского текста по нескольким источникам, представляющим разновременные и не окончательные стадии создания произведения, является

---

[7] «Новый мир», 1953, № 3, стр. 236.

работа над текстом статьи Толстого «Так что же нам делать?», проведенная для 25-го тома Полного собрания сочинений.

В сильно урезанном цензурой виде статья была напечатана в 1886 г. в двенадцатой части сочинений Толстого, выпущенных С. А. Толстой.

Цензура исключила целые главы и абзацы, многие места были переделаны как цензурой, так и самим Толстым под давлением цензуры, а также священником Иванцовым-Платоновым, получившим от Толстого полномочия на поправки.

Источниками, по которым восстановлен подлинный авторский текст, являются корректуры этого издания (правда, последние корректуры не сохранились), корректуры издания, предназначавшегося для «Русской мысли»[8], и, наконец, рукописи.

Н. К. Гудзием проделана всесторонняя работа по анализу всех этих источников и возможностей использовать их для установления канонического текста. На основе этого анализа произведены необходимые восстановления купюр и замены текста. Иногда, вынужденный исключать те или иные места под давлением цензуры, Толстой снимал и близлежащий текст, связанный по смыслу с исключенным цензурой. Безусловно, что в этом случае необходимо было восстановить все отрывки: и не пропущенные цензурой, и исключенные автором в связи с ними. В результате кропотливой текстологической работы был воссоздан бесцензурный текст трактата Толстого.

Некоторые исправления в тексте представляются, однако, спорными. Известно, что Толстой принимал личное участие в чтении корректур издания 1886 г., и вместе с тем достоверно известно, что последняя из этих корректур до нас не дошла. Стало быть, не известна именно последняя правка писателя. Разумеется, в этой последней корректуре Толстой едва ли мог зачеркнуть, во всяком случае по своей воле, наиболее острые места своего трактата. Но некоторые отрывки, безразличные в цензурном отношении, он мог исключить, и эти-то отрывки нет никаких оснований вводить в основной текст.

Так, очень трудно допустить, чтобы в главе второй, например, по цензурным соображениям Толстым был исключен следующий отрывок: «Городские старожилы, когда говорили мне про городскую нищету, всегда говорили это с некоторым удовольствием, как бы гордясь передо мной тем, что они знают это. Я помню, когда я был в Лондоне, там старо-

---

[8] Еще в 1884 г. были отпечатаны листы «Так что же нам делать?» для помещения в журнале «Русская мысль». Цензура запретила печатание статьи. После этого Толстой продолжал свою работу над статьей (главным образом, над последними главами), длившуюся до 1886 г., когда статья была опубликована.

жилы тоже как будто хвастались, говоря про лондонскую нищету. Вот, мол, как у нас.

И мне хотелось видеть эту всю нищету, про которую мне говорили» (т. 25, стр. 186 и 763).

Текст этот, вероятнее всего, был исключен самим Толстым в не дошедшей до нас корректуре, так как перебивал рассказ о посещении Хитрова рынка. Во всяком случае цензурный характер этого исключения более чем сомнителен.

По листам «Русской мысли» в окончательном тексте третьей главы восстанавливаются, например, слова «не без удовольствия» в такой фразе: «начал говорить мне не без удовольствия, что это самое естественное городское явление»; или слова «до слез» в следующем отрывке: «Отдав в печать свою статью, я прочел ее по корректуре в Думе. Я прочел ее, краснея до слез и запинаясь: так мне было неловко» (т. 25, стр. 191, 195 и 763). Нет никаких оснований и в данном случае отсутствие указанных слов приписывать давлению цензуры.

Итак, при решении вопроса о снятии искажений, связанных с цензурой и автоцензурой, если в распоряжении текстолога нет документальных свидетельств, крайне важно доказать цензурный характер искажений и не причислять к цензурным искажениям авторские сокращения и изменения. Правильное решение этого вопроса возможно лишь при объективном исследовании разночтений, сопоставлении их со всей идейно-художественной структурой произведения, общим направлением авторской правки, а также при учете практики цензуры того времени.

Особенно сложным оказывается устранение цензурного вмешательства, если после того, как цензурой был искажен текст, писатель при переиздании не смог всего восстановить и вынужден был создать новые варианты.

Очень показателен в этом смысле пример рассказа Толстого «Севастополь в мае». Как уже было сказано, в Полном собрании сочинений рассказ печатается по рукописи с учетом стилистической авторской правки в издании 1856 г. Не говоря уже о том, что стилистическая правка далеко не вся учтена (в большинстве случаев отдано предпочтение вариантам рукописным, хотя рукопись не является наборной, беловой), текстологические решения относительно некоторых мест, подвергавшихся цензурным искажениям, в ряде случаев спорны.

В рукописи Толстого, например, Калугин рассуждает: «А мне, по-настоящему, непременно надо там быть... но уж я и так нынче много подвергал себя. *Надеюсь, что я нужен не для одной chair à canon*»[9].

[9] Пушечного мяса. — *Ред.*

В «Современнике» вместо выделенной нами фразы появилось менее выразительное: «стрельба ужасная». В 1856 г. не удалось восстановить доцензурный текст. Там напечатано: «подвергал себя опасности: стрельба ужасная» (т. 4, стр. 44 и 213).

Нет никакого сомнения, что оба печатные варианта появились под давлением цензуры.

Правомерно, что при установлении подлинного текста рассказа предпочтение отдано в данном случае авторскому, т. е. рукописному варианту.

Но совсем другой случай встречается, например, в главе девятой. В рукописи было: «Но Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. Он не поддался первому чувству...». В «Современнике» была снята цензурой вся характеристика Калугина, оставлена лишь фраза: «Калугин не поддался первому чувству...». В издании 1856 г., однако, Толстому удалось восстановить характеристику Калугина. Здесь мы читаем: «Но Калугин был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. Он не поддался первому чувству...» (т. 4, стр. 39 и 207). Стало быть, здесь в сравнении с рукописью было лишь опущено упоминание о капитане Михайлове. Толстой, очевидно, сам решил снять это сравнение Калугина и Михайлова. Во всяком случае, в цензурном отношении оно ничего «опасного» не представляло. Текстолог в данном случае без всяких оснований возвращает последний авторский текст к рукописи.

Устранение цензурных и автоцензурных изъятий, даже если оно ведется и не всегда лишь по последней авторизованной рукописи или корректуре, не расценивается в нашей текстологии как контаминация. Однако недопустимым редакторским произволом являются все попытки под видом снятия цензурных искажений ввести в окончательный текст черновые варианты, от которых сам писатель мог отказаться в процессе дальнейшей работы.

3

Наибольшие разногласия вызывает среди текстологов вопрос о возможности и необходимости исправления ошибок и искажений последнего авторизованного текста по предшествующим изданиям и рукописям. Никто не спорит о том, что критическая проверка основного текста по всем другим источникам необходима, для того чтобы устранить вкравшиеся в этот текст искажения и ошибки. Но что считать искажением и ошибкой? При ответе на этот вопрос сталкиваются самые

разнообразные субъективные мнения, вследствие чего и множатся издания одних и тех же произведений с разными текстами.

Научная критическая проверка текстов Толстого по печатным и рукописным источникам, впервые проведенная в таких всеобъемлющих размерах для издания Полного собрания сочинений, позволила устранить огромное число разного рода искажений.

Широко известны такие текстовые исправления, как слово «бром» вместо ошибочного «ром» в рассказе «Божеское и человеческое»; «ковш» — вместо не существовавшей фамилии «Ковис» в рассказе «Большая медведица» и т. д. Можно было бы привести множество примеров того, как, даже при отсутствии рукописей, одна проверка по предшествующим авторизованным изданиям дает возможность устранить многочисленные ошибки последнего авторизованного текста, принятого за основной. Так, М. А. Цявловским установлено, что в повести «Детство» в последнем авторизованном издании 1856 г. была напечатана и затем много раз перепечатывалась очевидная бессмыслица: «...здесь нельзя пройти — ход из дверей». Сопоставление с текстом «Современника» позволило устранить ошибку. Там напечатано верно: «...здесь нельзя пройти — ход из девичьей». Правильность именно этого чтения подтверждается тем, что несколькими строками ниже сообщается: «Мы пошли в девичью...» (т. 1, стр. 82).

В предсмертном письме maman в издании 1856 г. случайно выпало слово «тебя», что явно нарушило смысл фразы: «Не теряй ни одной минуты, приезжай сейчас же и привози детей. Может быть я успею еще раз обнять тебя и благословить их...» (т. 1, стр. 80). Безусловно, необходимо восстановить это пропущенное слово по тексту «Современника».

В рассказе «Севастополь в декабре месяце» матросы радостно восклицают, видя удачное попадание снаряда: «В самую *абразуру* попала». Толстой намеренно употребляет здесь слово «абразура», слышанное, очевидно, во время защиты Севастополя, и выделяет его курсивом. В издании же 1856 г. появилась явная ошибка: слово заменено на «правильное» — «амбразура» (хотя курсив, который теперь уже совсем неуместен, оставлен). Несомненно, что текст 1856 г. и здесь необходимо исправить по первопечатному варианту «Современника».

Однако с внесением исправлений в основной текст по предшествующим изданиям не все обстоит благополучно.

Для того чтобы внести какие-то изменения в текст, который сам писатель считал последним, окончательным, нужно в высшей степени бесспорно аргументировать необходимость этого изменения. Безусловно антинаучны и вредны теория и

практика скептического отношения к последнему авторизованному тексту. В тщательной текстологической аргументации нуждается не столько этот текст, сколько исправления, которые в него вносятся. Аргументация исправлений, между тем, даже не всегда присутствует.

Вот, например, какие замены по первопечатному источнику были произведены в Полном собрании сочинений в тексте «Детства». Повесть появилась впервые в 1852 г. в журнале «Современник», а затем в отдельном издании 1856 г. Известно, что в этом отдельном издании Толстой принимал непосредственное участие, что здесь ему удалось устранить ряд цензурных искажений журнального текста, что свои поправки Толстой делал не только при подготовке текста к печати, но и в письмах к наблюдавшему за изданием Д. Я. Колбасину. В качестве основного для «Детства» закономерно принят текст издания 1856 г. И абсолютно неверной является следующая поправка, внесенная в текст 1856 г. по предшествующему изданию и рукописи. Фраза: «Э, Сергей! — сказал я ему: — зачем ты это сделал?» — исправляется на: «Э, Сережа! — сказал я ему: — зачем ты это сделал?». Между тем, замена в издании 1856 г. «Сережи» на «Сергей» произведена совершенно сознательно и принадлежит, несомненно, автору, который двумя страницами выше пишет об отношении Николеньки Иртеньева к Сереже Ивину: «Я не только не смел поцеловать его, чего мне иногда очень хотелось, взять его за руку, сказать, как я рад его видеть, но не смел даже называть его Сережа, а непременно Сергей: так уж было заведено у нас» (т. 1, стр. 58—59 и 62). Заметив несоответствие этого заявления Николеньки с последующей его репликой, Толстой в издании 1856 г. устранил ошибку. Но текстолог почему-то не хочет соглашаться с этим исправлением. Столь же не оправдана замена выражений: «я вспомнил луг» (именно так вернее по контексту), имеющегося в издании 1856 г., на: «я вспоминал луг» (т. 1, стр. 72); «дедушкин военный мундир, шитый золотом, тоже отданный в ее полную собственность» — на «дедушкин военный мундир, шитый золотом, тоже отданный ей в полную собственность» (т. 1, стр. 94).

Нет никаких оснований утверждать, что эти разночтения между изданием 1856 г. и текстом 1852 г. объясняются произволом редакторов. Стало быть, нет никаких оснований предпочитать последнему авторизованному тексту первопечатные варианты.

Совершенно неоправданное исправление внесено и в текст «Отрочества» издания 1856 г. — также по предшествующему изданию, т. е. тексту «Современника». Во фразе издания 1856 г.: «Жар все усиливается, барашки начинают вздуваться,

как мыльные пузыри, выше и выше, сходиться и принимают темносерые тени» без всяких оснований «принимают» заменено на «принимать», как это было в «Современнике» (т. 2, стр 7). Так под видом исправления «ошибок» в последний авторский текст произвольно вносятся первоначальные варианты.

Аналогичную картину видим мы в ряде случаев и в севастопольских рассказах (подготовка текста В. И. Срезневского). Для рассказа «Севастополь в декабре месяце», например, в качестве основного взят текст отдельного издания «Военных рассказов» 1856 г. Естественно, встал вопрос о критической проверке текста. Осуществить ее можно было лишь на журнальном тексте «Современника», так как рукописей не сохранилось. И что же? Оказывается, в ряде случаев текстолог предпочел варианты «Современника», хотя известно, что для издания 1856 г. Толстой сам правил текст и давал различные указания следившему за изданием Д. Я. Колбасину.

В издании 1856 г. было: «дыма, вдруг появившегося высоко над Южной бухтой». В «Современнике»: «появившегося высоко-высоко над Южной бухтой».

Почему-то принят вариант «Современника» (т. 4, стр. 4).

В издании 1856 г. читаем: «Только что вы немного выбрались в гору...».

В «Современнике»: «Только что вы немного взобрались на гору...».

Опять почему-то избирается ранний текст «Современника» (т. 4, стр. 12).

В ряде случаев допущена прямая и ничем не оправданная контаминация двух редакций.

В «Современнике» в заключительной части рассказа было: «Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу России, — и эту невозможность видели вы...»; далее объяснялось, почему была неколебимой уверенность, что взять Севастополь невозможно. Готовя рассказ для издания 1856 г., когда Россия потерпела поражение, Севастополь был взят, Толстой, естественно, изменил текст: выбросил слова о невозможности «взять Севастополь», оставив указание на «силу» — уже не России, а «русского народа», и добавил о солдатах: «То, что они делают, делают они так просто, так малонапряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать».

Текстолог, «согласившись» с этой вставкой, не счел нужным считаться с авторским исправлением относительно невозможности взять Севастополь, и в первой фразе оставил текст

«Современника» (т. 4, стр. 16 и 183). В результате получилась недопустимая контаминация, нарушающая смысл.

Многочисленные примеры такого рода, примеры неоправданного предпочтения того или иного раннего текстового варианта дает и другой рассказ севастопольского цикла — «Севастополь в мае». Крайне непоследовательно и бездоказательно включены в текст этого рассказа места, зачеркнутые Толстым еще в рукописи (сама мотивировка в ряде случаев соображениями автоцензуры сомнительна). Кроме того, бессистемно и по существу случайно привлечены в основной текст (рукопись) варианты из корректуры, текста «Современника» и издания 1856 г. Задачу установления подлинного текста севастопольских рассказов еще нельзя признать решенной юбилейным изданием.

Следует также сказать, что совершенно неверно из «Севастополя в декабре» в 4-м томе юбилейного издания были исключены два патриотических отрывка — на основании письма Толстого 1901 г. переводчику Э. Мооду. Переводя рассказы на английский язык, Э. Моод обращался к Толстому за разъяснением относительно неясных или трудных для перевода выражений. В частности, его смутила в рассказе «Севастополь в мае» указанная выше вставка, принадлежащая Панаеву, и еще два места в «Севастополе в декабре». Моод просил «разъяснить ему происхождение этих фраз, вошедших в рассказы и совершенно не соответствующих ни общему их содержанию, ни отношению самого Л. Н-ча к описанным событиям» [10].

Вот эти не понравившиеся Мооду фразы:

1) «...но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства».

2) «И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине».

Толстой ответил, сообщает Моод, что все указанные фразы «или изменены или добавлены редактором в угоду цензору и потому лучше исключить их» [11]. Из писем Толстого сохранилось лишь одно, касающееся первой из приведенных фраз. «Сколько помнится, — писал Толстой, — и эта фраза — очень неясная — есть произведение редактора или цензора. Я сейчас перечел и ясно вижу, что все после слов: „простоты и упрямства“ есть прибавка цензора» (т. 73, стр. 78). Не обращаясь

[10] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова, т. II. М., 1912, стр. 353.

[11] Там же.

к тексту всего рассказа, который по своему содержанию был далек от того, что в 1901 г. занимало и интересовало Толстого, и помня лишь то, что севастопольские рассказы были в свое время сильно изуродованы цензурой и редакторскими поправками, Толстой не стал поправлять казавшиеся Мооду неясными места и разрешил исключить их совсем.

Основываясь на этом, Моод в своем переводе исключил все три места. Вслед за Моодом исключены они и в Полном собрании сочинений.

Между тем, если выпущенные фразы из «Севастополя в мае» принадлежали И. И. Панаеву и должны быть действительно исключены, нет никаких оснований предполагать, что оба места из «Севастополя в декабре месяце» написаны не Толстым.

Они очень интересны и важны в общем контексте рассказа и отнюдь не противоречат «ни его общему содержанию, ни отношению самого Л. Н. Толстого к описанным событиям», как это казалось Мооду.

Правда, они идут вразрез со взглядами Толстого позднего периода его творчества. Но это вовсе не значит, что они не были сказаны Толстым в 1855 г., когда он, будучи участником героической обороны Севастополя, вместе со всеми русскими людьми переживал большой патриотический подъем. Ведь и «просился в Крым» Толстой, как писал он брату Сергею Николаевичу, «больше всего из патриотизма, который в то время сильно нашел» на него (т. 59, стр. 321).

Кроме того, и чисто текстологические основания не давали права исключать приведенные фразы. Подготовляя издание 1856 г., Толстой внес в текст этих фраз исправления (например, во второй добавил слова: «стыдливое в русском»), и, стало быть, даже если бы они и были кем-то вписаны в тексте «Современника» (что очень мало вероятно), то в 1856 г. Толстым авторизованы, и нет никаких оснований исключать их из печатного текста. Таким образом, исполняя формально «последнее» распоряжение автора, содержащееся в письме Мооду, когда Толстой совершенно безразлично относился к тексту севастопольских рассказов и готов был санкционировать любое изменение, если к тому же было сказано, что текст противоречит проповедовавшимся им тогда взглядам,— текстологи по существу нарушили творческую авторскую волю, активно, в печатном тексте, заявленную Толстым в 50-е годы [12].

---

[12] Оба указанные отрывка совершенно правильно сохранены в тексте рассказа «Севастополь в декабре месяце» в Собр. художественных произведений Л. Н. Толстого (М., изд-во «Правда», 1948) и в Собр. соч. в 14 томах (М., Гослитиздат, 1951—1953).

Особенно сложным является вопрос о принципах и возможных границах исправления основного текста по рукописям. Порою известно, что переписчики и редакторы вносили (сознательно или бессознательно) разного рода изменения в авторский текст, а изменения оставались не замеченными писателем и не только попадали в печатный текст, но и переходили из издания в издание.

Каким путем следует устранять посторонние наслоения текста? При каких условиях текстолог имеет право в последний авторский текст вносить исправления по черновым рукописям (автографам и копиям)?

Этот действительно трудный и крайне запутанный текстологический вопрос нуждается в том, чтобы совместными усилиями текстологов наконец была определена общая методология его решения. До сих пор этого нет, и в совершенно аналогичных случаях текстологи поступают по-разному, на свой страх и риск, руководствуясь лишь собственным вкусом и усмотрением.

В издании Толстого эта сторона текстологической работы представляет особенную важность.

Критическая проверка текстов не только по печатным источникам, но и по всем сохранившимся рукописям — необходимое требование всякого научного издания. Ввиду колоссальности рукописного наследства Толстого эта работа потребовала от текстологов напряженного многолетнего исследовательского труда. Для большинства произведений сверка эта была осуществлена действительно по всем рукописям и дала, как и в других советских изданиях писателей-классиков, чрезвычайно богатые и плодотворные результаты.

Опыт издания Толстого подтвердил насущную необходимость научной критики печатного текста. Одним из ярких примеров в этом смысле является история текста «Власти тьмы».

Известно, каким блестящим и несравненным средством художественной выразительности является язык драмы. И далеко не полным было бы наше представление о подлинном богатстве языка «Власти тьмы», если бы Н. К. Гудзием не была осуществлена критическая сверка печатного текста этой драмы со всеми рукописями. Переписчики и наборщики, не знавшие часто тех метких и характерных словечек, а также диалектизмов, которые употреблял Толстой, то здесь, то там заменяли их привычными словами и оборотами, нивелируя и обедняя стиль произведения. Вот некоторые примеры: «жисть» заменялась на «жизнь», «куфарках» — на «кухарках»,

«доживат» — на «доживет», «накошлял» — на «накашлял», «ответ произвесть» — на «ответ произнесть», «вчерась» — на «вчера», «милослевый» — на «милостивый», «мотри» — на «смотри», «робеночек» — на «ребеночек», «А то куды ж?» — на «А то куда ж?», «деревенска» — на «деревенская», «налился» — на «напился», «прокладную» — на «прохладную», «Петрунькю» — на «Петруньку», «прикладать» — на «прикладывать», «ведмедя» — на «медведя», «запутляли» — на «запутали» и т. п.

Точно так же в рассказе «Севастополь в мае» характерное «...когда опять на баксиончик?» было и в «Современнике», и в издании 1856 г. заменено обычным: «на бастиончик?».

В обоих прижизненных авторизованных изданиях «Круга чтения» в послесловии Толстого к рассказу Чехова «Душечка» печаталось, что героиня рассказа любила «смелого Кукина». Обращение к авторским рукописям позволило устранить несообразность в тексте: не «смелого», а «смешного Кукина».

Опыт текстологической работы над изданием Толстого подтвердил непререкаемость общего текстологического правила: если в результате вольной или невольной посторонней поправки или небрежности в последний авторизованный текст вкралась ошибка, искажающая смысл или стиль, ее необходимо исправить по автографу, копии или корректуре, передающим правильное, авторское написание.

Вместе с тем ошибочные теоретические положения, имевшие место в нашей текстологии и приводившие к предпочтению автографов печатным текстам, пагубно сказались на тексте некоторых произведений Толстого.

При подготовке текста ряда произведений Толстого определились неоправданно широкое толкование самого понятия «ошибка» и по существу совершенно формальный подход к методу выявления этих ошибок. Ошибкой считалось любое разночтение, которое замечено в рукописях при непосредственном переходе из одной рукописи в другую.

Принцип этот не сформулирован в издании. Он изложен в статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова «Вопросы текстологии», основанной, в значительной мере, на текстологическом опыте издания Толстого. Правда, далеко не все томы издания, особенно вышедшие в последние годы (например, томы 29, 30, 31, 34, 35, 37), подготовлялись согласно этому принципу. Но этот факт делает еще более необходимой попытку разобраться в методологических основах статьи Н. К. Гудзия и В. А. Жданова, хотя она и была напечатана четыре года назад.

В качестве единственного и достаточного условия возможности исправления позднейших текстов по предыдущим в этой статье указывается отсутствие промежуточных рукописей или

корректур между текстом, из которого берется исправление, и текстом, в которое это исправление вносится («непосредственный переход из одной рукописи в другую»). Занимаясь сверкой текста — автографа с последующей копией или корректуры с печатным текстом, — текстолог порою замечает, что в процессе списывания или набора произошли те или иные изменения текста. Н. К. Гудзий и В. А. Жданов считают: несмотря на то, что писатель читал копию или корректуру и правил их, он мог не заметить вольного или невольного изменения, лишь пассивно авторизовал текст, и текстолог обязан решительно при всех изменениях, сделанных не авторской рукой, вернуть текст к первоначальному его виду.

Принцип этот, если он применяется механически, приводит к двум последствиям: 1) дает возможность исправить действительные искажения, смысловые и стилистические, которые, по воле писца или наборщика, попали в текст; 2) открывает широкий простор для замены текста окончательной редакции черновыми вариантами.

Действительно, авторы не замечают ошибок переписчиков и опечаток наборщиков (Толстой, в частности, в этом признавался). Но почему надо думать, что только переписчик участвовал в создании копии, а писатель не мог участвовать — устными распоряжениями или разного рода неизвестными нам указаниями? Кроме того, неясно, почему следует думать, что, читая в копии или корректуре данную фразу или отрывок текста и внося новые исправления, автор читал все безучастно, пассивно?

Относительно того, что не все разночтения последующих рукописей с предыдущими, даже при условии непосредственного перехода из одной рукописи в другую, следует исправлять по рукописям предыдущим, обыкновенно выставляется возражение: если мы по черновым рукописям исправляем не замеченные автором ошибки, обессмысливающие текст или искажающие его смысл и стилистическую окраску, то, чтобы быть верными «принципу», должны не делать исключений, не рассуждать, не отбирать, не допускать «субъективизма» и «произвола», а исправлять все. Возражение это, хотя с формально-логической точки зрения и выглядит основательным, по существу не выдерживает критики.

Прежде всего выдвинутый в этом возражении принцип не принимает в расчет того, что не все авторизованные тексты равноценны и «равноправны». Для исследователя истории создания произведения все стадии авторской работы одинаково важны. Но текстолог, устанавливающий в научном издании последний авторский, окончательный, канонический текст, обязан отдать предпочтение последней стадии авторской ра-

боты. Предпочтение это основано не на субъективном выборе, а на признании объективной истины: последний авторский текст в наибольшей, наисовершенной мере воплощает идейно-художественный замысел автора. Отступления от этой закономерности крайне редки, единичны, а в творческой практике Толстого их нет совсем. Правда, в окончательной редакции «Воскресения» произошла в сравнении с четвертой и пятой редакциями известная «порча» текста: революционеры обрисованы менее привлекательными чертами. Однако ведь никому в голову не приходит возвратиться на этом основании к тексту черновых редакций!

Сами писатели заявляют о своем предпочтении печатных источников рукописным, избирая для переизданий текст предшествующих изданий и почти никогда — текст рукописей, а некоторые писатели намеренно уничтожают черновые рукописи.

Текстолог, таким образом, лишен права свободного выбора между разночтениями черновых и окончательной редакций и на замену последнего авторизованного текста черновым, рукописным может идти лишь в том случае, если эта замена устраняет действительные искажения последнего текста.

Кроме того, приверженцы «последовательного» исправления печатного текста на основании «документов», стремясь к полному, «абсолютному» соблюдению принципа, по существу никогда не могут выполнить своих намерений. Неизбежные ограничения создает тот факт, что не все рукописи сохранились, не все промежуточные стадии работы известны.

Наконец, далеко еще не доказано, что механическое снятие якобы посторонних наслоений, исключающее анализ и основанное лишь на внешнем сопоставлении рукописей, и есть объективная, научная истина, подлинно научный метод. А что, если «последовательное», механическое применение принципа реставрации является крайним субъективизмом, а отступление от него — ограничением субъективизма?!

Обнаружив разночтение при «непосредственном переходе из одной рукописи в другую», текстолог, стремящийся подтвердить каждое слово копии или печатного текста автографическим написанием, начинает не более не менее как гадать: переписчик или наборщик, вероятно, произвольно заменил; автор, вероятно, не заметил. Почему же не предположить другое, прямо противоположное: переписчик получил санкцию автора; читая, автор заметил и все-таки оставил? Поскольку основательность первого предположения отнюдь не больше, чем второго, исправлять, исходя из одного сличения рукописей, абсолютно недопустимо.

«Непосредственный переход из одной рукописи в другую» — лишь одно из условий исправления последнего текста

по предыдущим источникам, причем условие не самое главное и не всегда обязательное. Ведь если в печатном тексте произведения или в последней авторизованной рукописи будет обнаружена действительная ошибка, не замеченная автором, и ее можно будет исправить по сохранившемуся черновому автографу, разве текстолог не станет исправлять, даже если все промежуточные стадии работы утрачены и нет «непосредственного» перехода из одной рукописи в другую? Не только станет, но обязан исправить, исходя из того же принципа нерушимости творческой воли автора, ибо санкционировать искажение своего текста автор, конечно, не мог. Но принять то или иное изменение автор безусловно мог; он сам мог его сделать. Поэтому вносимая по рукописи или корректуре поправка, если она касается не искажений, явных и скрытых, основного текста, которые исправляются всегда по предшествующим источникам, а тех или иных текстовых замен, — эта поправка должна основываться, по крайней мере, на двух обязательных подтверждениях: 1) бесспорном доказательстве, что в изменении текста не мог принимать участия автор (устными и письменными распоряжениями и пр.); 2) доказательстве, что в данной или последующих стадиях работы писатель не авторизовал изменение (не вносил в соответствующее место какие-нибудь дополнительные исправления и т. п.).

Максимум осторожности при внесении поправок по рукописям необходим и потому, что никогда не известно, что сделал бы автор с текстом, если бы копия того или иного места не содержала разночтений с предшествующим ей подлинником.

Опасность механического документализма в применении метода «реставрации» можно продемонстрировать на ряде произведений Толстого.

Таков, например, случай с подготовкой текста «Крейцеровой сонаты».

Произведенное Н. К. Гудзием сопоставление последней авторизованной рукописи повести с копией, сделанной С. А. Толстой (наборной для издания 1891 г.), и самим изданием обнаружило большое количество изменений и пропусков текста. Изменения эти сделаны С. А. Толстой в ряде случаев сознательно и, конечно, без ведома Толстого, так как она работала над подготовкой издания самостоятельно и сама держала корректуры. Ей помогала Т. А. Кузминская. Не говоря о случайных описках, некоторые изменения были обусловлены стремлением С. А. Толстой избегнуть рискованных в цензурном отношении мест (провести повесть через цензуру стоило огромных хлопот) и неудобных в печати, по ее мнению, выражений. В эти годы С. А. Толстая критически относилась к резко обличительному содержанию произведений Толстого и тесно свя-

занной с этим содержанием «резкости» стиля. Естественно, что в текст повести, предназначенной для ее издания, С. А. Толстая внесла много смягчающих поправок. Косвенным доказательством того, что в издании 1891 г. С. А. Толстой были сделаны совершенно сознательные изменения, служит то, что в двенадцатом издании сочинений Толстого, выпущенном ею в 1911 г., некоторые верные чтения были восстановлены по последней авторской рукописи, с которой в 1891 г. С. А. Толстая обращалась столь своевольно. Безусловно, необходимо уничтожить все поправки, которые сделала С. А. Толстая в тексте повести для издания 1891 г. В 27-м томе Полного собрания сочинений это достигается принципиально верным решением — в качестве основного текста избрана последняя авторизованная рукопись, а не копия, служившая оригиналом для набора, и не издание 1891 г., поскольку ни в составлении копии, ни в издании Толстой не принимал участия.

Возражение вызывает другое. В последнюю авторизованную рукопись Н. К. Гудзий вносит более ста исправлений по предшествующим рукописям-автографам.

Среди них немало исправлений очевидных и скрытых ошибок переписчиков. Так, «ярмарка» исправляется по автографу на «ярманку»; «на два или на полчаса» — по автографу: «на два дни, на полчаса» и т. д.

Порой, однако, сам автограф заключает в себе описку, ту или иную погрешность, поправленную в копии, допустим, без ведома автора. На многочисленных стадиях работы эта поправка была санкционирована автором, дошла до приготовленного им к печати текста. Надо ли здесь возвращаться к автографу? Здесь вступал в свои права принцип, который гласит: если есть непосредственный переход из рукописи, где «верно», в рукопись где «неверно», нельзя рассуждать, надо исправлять.

В последней авторизованной рукописи главы VI «Крейцеровой сонаты», например, было: «*Оттого эти* джерси...». Найдено, что в автографе третьей редакции — «*От этого эти* джерси...», а при копировании автографа С. А. Толстая «произвольно» изменила на «Оттого эти...». Допустим, что здесь был «произвол», но ведь он принят Толстым при работе над этой копией и всеми последующими. Более того, сочетание «от этого эти» стилистически крайне небрежно и, вероятнее всего, было бы поправлено Толстым, если бы не произошло замены при переписывании. Следует ли возвращать последний текст к раннему черновику? Думается, что не следует.

В главе VIII повести Позднышев рассуждает о неестественности, лживости отношений мужчины и женщины в светском обществе при вступлении в брак. «Ведь есте-

ственно что?» — спрашивает он, и отвечает: «Девка созрела, надо ее выдать. Кажется, как просто, когда девка не урод и есть мужчины, желающие жениться». Но такое «естественное» отношение возможно, по мнению героя повести, лишь в крестьянской среде — не случайно здесь и употреблено слово «девка». Пожалуй, добавляет Позднышев, так делали в старину все: «Вошла в возраст дева, родители устраивали брак». А теперь, в распущенной светской среде, совсем иное, «выдумали новое». В последней авторизованной рукописи (копия с поправками Толстого), по которой и печатается повесть, далее было: «А новое то, что девы сидят, а мужчины, как на базар, ходят и выбирают. А девы ждут и думают, но не смеют сказать: „Батюшка, меня! нет, меня. Не ее, а меня: у меня, смотри, какие плечи и другое“». Но вот, в первоначальном черновом автографе (рукопись № 4), отдаленном от последнего текста десятью авторизованными копиями, текстологом обнаружено, что Толстой написал не «А девы ждут и думают...», но «А девки ждут и думают». И текст возвращается к черновику, хотя написание «девы» было много раз санкционировано Толстым и хотя оно гораздо естественнее в данном контексте, насмешливо заостренном против нравов светской среды. Следует ли делать это? Думается, что не следует.

Или: в главе XIV, в первоначальном автографе, Толстой употребил выражение «на самую себя» («Научите ее, как она научена у нас, смотреть так на самую себя, и она всегда останется низшим существом»). Переписчик (С. А. Толстая), копируя, изменил это выражение, сделав сперва «самою», а затем «самое». Толстой не отверг этого изменения, когда исправлял копию. Следует ли возвращать текст к автографу, тем более, что автограф представляет собой очевидную ошибку? Думается, что не следует.

Очень спорными являются и некоторые из исправлений, которыми Н. К. Гудзий и В. А. Жданов аргументируют положения своей статьи и которые предлагают внести в текст «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Правда, критическая проверка текста «Войны и мира» и «Анны Карениной» по всем рукописям не была осуществлена при подготовке соответствующих томов юбилейного издания. Правомерность такой проверки не только не вызывает возражений, но в подлинно научном издании абсолютно необходима. Однако ее результаты, если она осуществится, еще будут нуждаться в тщательном и всестороннем научном обсуждении.

В ряде случаев, как и следовало ожидать, проверка по рукописям дает возможность исправить действительные ошибки и погрешности печатного текста. Таково, например,

исправление, предлагаемое в «Войне и мире», в эпизоде посещения Николаем Ростовым лазарета. Очевидно, что здесь речь идет об описке и механическом пропуске переписчика. Фразу: «...заглянул в соседние двери комнат с растворенными дверями» — следует, конечно, исправить на: «...заглянул в соседние две комнаты с растворенными дверями», также как и восстановить пропуск в этом эпизоде двух фраз (см. «Новый мир», 1953, № 3, стр. 241).

Исправлением очевидной ошибки можно считать и предлагаемую замену по рукописи фразы: «крикнул он своим молодецким, старческим гусарским баритоном» — на «крикнул он своим молодецким старогусарским баритоном».

Однако совсем неубедительными представляются две другие предлагаемые поправки. Одна касается описания родов маленькой княгини.

В печатном тексте сказано, что княжна Марья «...из своей комнаты услыхала, что несут что-то тяжелое. Она взглянула — официанты несли для чего-то в спальню кожаный диван». «Как же княжна Марья могла через закрытую дверь *взглянуть* на то, что происходило вне ее комнаты? — спрашивают авторы статьи. — Толстой, пишут они далее, и не виновен в этом обороте. Он написал: „Она высунулась...“ С. А. Толстая, переписывая автограф, заменила этот глагол другим „выглянула“, на что автор не обратил внимания, а следующий переписчик, копируя исправленную копию, написал ошибочно: „Она взглянула...“, и так дошло до окончательного текста» [13].

Предлагаемая поправка, т. е. возвращение основного текста: «Она взглянула...» к автографическому: «Она высунулась...», служит примером совершенно неоправданной «реставрации» текста, основанной в данном случае на очень шатком доводе, что С. А. Толстая произвольно изменила одно слово на другое. Между тем скорее можно предположить, что исправление было санкционировано Толстым. Переписывая, как это часто бывало в 60-е годы, в той же комнате, где работал и Толстой, С. А. Толстая могла предложить изменить не понравившееся ей слово (основания для того были, так как в описании, выдержанном в несколько приподнятом стиле, глагол «высунулась» создавал стилистический разнобой) и получила согласие Толстого. Возражение против возможности такого рода устных указаний ссылкой на то, что «копии, которые переписывались (это точно известно) в отсутствие Толстого, содержат точно такие же погрешности, как и те, ко-

---

[13] Н. К. Гудзий, В. А. Жданов. Вопросы текстологии, «Новый мир», 1953, № 3, стр. 240.

торые переписывались при нем»[14], конечно, ничуть не опровергает самой возможности устных распоряжений.

Известно, что во время создания «Войны и мира» С. А. Толстая была не только переписчицей, но и первой восторженной читательницей и даже помощницей Толстого. По словам Э. Е. Зайденшнур, Софья Андреевна в «Войне и мире» и «Анне Карениной» переодевала героинь Толстого. Толстой написал: появляются Наташа и Соня на первом балу «в кисейных платьях с розами у корсажа». Софья Андреевна переписала: «... в дымковых платьях на розовых чехлах с розами у корсажа». Толстой это видел и соглашался с туалетами Софьи Андреевны[15].

Как ни бесспорно решается вопрос о разночтениях между последней авторизованной рукописью и наборной копией «Крейцеровой сонаты», сделанной С. А. Толстой для издания 1891 г., нельзя механически переносить это решение на все случаи разночтений между автографами и сделанными с них С. А. Толстой копиями и видеть во всех разночтениях произвольные искажения Софьи Андреевны.

Во всяком случае, исправлять текст, закрепленный множеством рукописей, корректур, несколькими авторизованными изданиями и не содержащий искажения, порчи, нет никаких оснований.

Возвращаясь к вопросу, как могла княжна Марья взглянуть на то, что происходило вне ее комнаты, заметим, что он не разрешается, если восстановить по автографу «высунулась» вместо «взглянула»: читатель по-прежнему ниоткуда не узнаёт, как княжна Марья «высунулась», не подходя к двери, и что она не только «высунулась», но и увидела. Очевидно, от художественного произведения и не приходится ждать протокольной записи, с указанием, что княжна Марья поднялась со стула, подошла к двери, открыла ее и тогда только взглянула.

Аналогичен приведенному и другой пример. Фразу «Тихон, клюя носом, слышал, как он (старый князь. — *Л. О.*) сердито шагал...» — С. А. Толстая, пишут авторы статьи, также исказила: «изменила, видимо, показавшийся ей нелитератур-

---

[14] Н. К. Гудзий, В. А. Жданов. Вопросы текстологии, стр. 240.

[15] Стенограмма Текстологического совещания, состоявшегося в 1954 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

Следует, правда, добавить, что Толстой все-таки не удовлетворился поправкой Софьи Андреевны. В окончательном тексте «Войны и мира» (т. II, ч. 1, гл. XII) читаем: «Они были в белых кисейных платьях с розовыми лентами» (т. 10, стр. 49). Впрочем, относительно туалетов своих героинь Толстой и позднее обращался за советами к Софье Андреевне. На одном из черновиков «Анны Карениной», где описывается поездка Анны с Граббе на выставку, на полях Толстой написал: «Просить Соню описать туалет» (т. 20, стр. 523).

ным оборот и внесла свой: вместо „клюя носом“ она написала „сквозь сон“. Так и печатается»[16]. Между тем естественнее предположить, что поправка была сделана Толстым или во всяком случае им одобрена. Изменение это явно улучшило текст, уточнив его смысл и устранив стилистическую шероховатость. Поскольку здесь вполне правомерны и возможны оба текста, необходимо воздержаться от исправления, оставить в неприкосновенности последний авторизованный текст.

Таким образом, внесение исправлений по черновым рукописям недопустимо без тщательного анализа каждой поправки. Всякое исправление основного печатного текста по рукописям не только должно быть документально подтверждено, но должна быть всесторонне и обстоятельно доказана его необходимость. Недостаточно обнаружить в документах факт изменения текста, чтобы без анализа отнести его к вольному или невольному «искажению» переписчика или наборщика. Каждое разночтение, замеченное при сопоставлении текстов, в частности и при условии непосредственного перехода из одной рукописи в другую, не может механически устраняться по первоначальному тексту, но должно анализироваться, по крайней мере, с трех сторон: 1) своего происхождения, возможной принадлежности автору или авторизации; 2) значения и смысла в данном контексте; 3) соотнесенности с идейно-художественной структурой всего произведения.

Только таким путем удастся устранить из текста, принятого за основной, действительные ошибки, избежав неоправданного включения в него вариантов черновых редакций.

Для того же чтобы избежать субъективизма и произвола в решении такого сложного и ответственного вопроса, как внесение по черновым рукописям исправлений в окончательный текст классического произведения, нужно обеспечить обсуждение каждого такого исправления в коллективе специалистов, а в академическом издании — кроме того — непременно регистрировать все исправления в текстологическом комментарии.

5

Особо следует остановиться на конъектурах, т. е. исправлениях, которые вносятся текстологами по контексту, без подтверждения другими источниками. Очевидно, что необходимо проявлять максимум осторожности при внесении этих основанных лишь на догадках изменений. Это обязательное условие не выдержано, например, М. А. Цявловским при подготовке текста «Юности» (Полн. собр. соч., т. 2). Как известно, источником основного текста «Юности» является

[16] Н. К. Гудзий, В. А. Жданов. Вопросы текстологии, стр. 240.

первая публикация в журнале «Современник», 1857, № 1 (в дальнейшем Толстой не возвращался к работе над текстом повести).

В этот текст, естественно, не лишенный некоторых ошибок и опечаток, внесен ряд конъектур. Некоторые из них действительно исправляют ошибки: «вглядываясь» вместо «взглядываясь» (т. 2, стр. 112), «брюнет без усов» вместо «брюнет с усами» (в начале главы несколько раз упоминается этот «брюнет без усов»). Вместе с тем многие редакторские конъектуры лишены всякого основания и произвольно исправляют текст Толстого.

Так, в напечатанной в «Современнике» фразе: «В таких разговорах мы и не заметили, как подъезжали к Кунцеву, — не заметили и того, что небо заволокало и собирался дождик» — глагол «заволокало» заменяется на «заволокло» (т. 2, стр. 140). Между тем контекст фразы требует глагола несовершенного вида (если бы небо «заволокло», путешественники не могли этого не заметить), а такая форма — «заволокать», соответствующая современному «заволакивать», существовала во времена Толстого и в литературном, и в разговорном языке (отмечена в Словаре В. И. Даля).

Такое же неоправданное изменение принято во 2-м томе на странице 176: оборот «увлаженные росой» заменяется на привычное для современного читателя «увлажненные росой», тогда как в языке того времени бытовали два глагола: «увлажать» — «увлажнять» и соответственно два причастия (см. Словарь В. И. Даля). Совершенно неверным является редакторское исправление «приторно учтивы» на «притворно учтивы» (т. 2, стр. 210). Речь идет о том, что у мальчиков Иртеньевых установились с мачехой Авдотьей Васильевной холодные, внешне очень почтительные, но «ненастоящие», шуточные отношения: они расшаркивались перед нею, говорили по-французски, были «приторно учтивы», а по существу более чем равнодушно и даже неприязненно настроены. Никаких редакционных поправок этот контекст, безусловно, не требует.

Чрезмерное пристрастие к конъектурам опасно не только тем, что, являясь часто необоснованным, наносит ущерб тексту классического произведения, но и тем, что поддерживает легенду о будто бы небрежном отношении автора к языку. Что касается Толстого, то многочисленные фактические данные свидетельствуют о противоположном, о том, что он очень дорожил характерностью, индивидуальными особенностями своей языковой манеры. Известно, в какое негодование привели Толстого поправки, сделанные редакцией «Современника» (в большинстве случаев из-за цензурных требований)

в тексте его первой печатной повести «Детство»; с какой ревнивой придирчивостью и недоверием относился Толстой даже к «незначительным» стилистическим поправкам, предлагавшимся Н. Н. Страховым в тексте «Анны Карениной». Н. Н. Страхов вспоминал о совместной работе с Толстым по подготовке отдельного издания романа: «По поводу моих поправок, касавшихся *почти только языка,* я заметил еще особенность, которая хотя не была для меня неожиданностью, но выступала очень ярко. Лев Николаевич твердо отстаивал малейшее свое выражение и не соглашался на самые, по-видимому, невинные перемены. Из его объяснений я убедился, что он необыкновенно дорожит своим языком и что, несмотря на всю кажущуюся небрежность и неровность его слога, он обдумывает каждое свое слово, каждый оборот речи не хуже самого щепетильного стихотворца» (т. 20, стр. 643).

6

Специфической является проблема установления текста произведений, не завершенных писателем и не печатавшихся при его жизни. Если произведение было завершено и лишь не опубликовано по тем или иным причинам, но рукописи его сохранились, — оно печатается, как правило, по последней авторизованной рукописи, подобно тому, как произведение печатавшееся — по последнему авторизованному изданию.

Но как быть, если произведение не завершено и писатель не готовил его к печати? В литературном наследии Толстого очень много незаконченных произведений. Одни «Посмертные художественные произведения», опубликованные в 1911—1912 гг., составили три тома. Среди них такие шедевры Толстого, как повести «Хаджи-Мурат», «Отец Сергий», «Дьявол», пьеса «Живой труп», рассказ «После бала».

Естественно, что, подготавливая к печати эти произведения, текстолог должен особенно внимательно отнестись к рукописям. Ведь именно в рукописях отражена та «воля писателя», соблюдение которой является непреложным принципом текстологии.

В текстологической практике бывают, правда, случаи, когда авторские рукописи, отражающие именно последние этапы писательской работы и находившиеся в распоряжении редакторов первых посмертных публикаций, до нас не дошли, или последние авторские устные распоряжения, известные тогда, нам неизвестны. В этих случаях посмертное издание становится источником текста. К Толстому это не относится, так как с 1911—1912 гг., когда делалась первая посмертная публикация, количество рукописей, которыми располагают исследо-

ватели, лишь возросло, а никаких устных распоряжений относительно публикации не напечатанных при его жизни произведений Толстой не делал. Именно это обстоятельство и обязывало текстологов заново изучать рукописи — для установления подлинного текста незавершенных произведений Толстого.

Задача текстолога, устанавливающего для печати текст незавершенного произведения, состоит, прежде всего, в том, чтобы определить в рукописях последний этап писательской работы. Решение этой задачи представляет много сложностей. В творческой истории произведений, в частности и произведений Толстого, очень редки случаи, когда все произведение в целом перерабатывалось всякий раз от начала до конца и рукописи запечатлевали завершенные последовательные редакции. Обычно работа над разными частями происходит неравномерно: одни главы подвергаются многократным переделкам и сохраняются в многочисленных рукописях, другие, будучи однажды написаны, потом лишь слегка исправляются и переносятся без нового переписывания из копии в копию, а то и не переносятся: произведение не предназначалось для печати, и не было надобности создавать сводную рукопись. Кроме того, разные части произведения, не завершенного в целом, достигают разной степени законченности: одни почти завершены, другие остаются в черновых или даже конспективных набросках (писатель, оставив работу над произведением, не довел все части до одинаковой степени завершенности). Очевидно, в каждой из частей произведения будет своя последняя стадия работы. Возникает вопрос, имеет ли право текстолог объединять рукописи, отражающие разновременные стадии работы, в один сводный текст?

Обратимся к примерам произведений Толстого.

Один из простейших случаев представляет рассказ «После бала». Первый автограф Толстой озаглавил «Дочь и отец», с него была сделана копия, в которой писатель изменил заглавие рассказа и по всей копии правил текст; правка продолжалась и в следующей копии. Но затем, оставив в неприкосновенности первую часть рассказа, Толстой стал усиленно править конец — сцену экзекуции татарина. Вносились все новые и новые поправки, появлялась копия за копией, но не всего рассказа, а последней его части. Наконец, работа была оставлена, не будучи, по мнению писателя, доведенной до конца. Что же следует печатать, на основе каких рукописей составится публикуемый текст? Очевидно, из двух разновременных рукописей, содержащих: 1) последнюю стадию работы над первой частью рассказа, 2) последнюю стадию работы над второй частью рассказа. Так и сделано в 34-м томе Полного собрания сочинений (подготовка текста Б. М. Эйхенбаума).

Гораздо сложнее обстоит дело, если таких разновременных стадий работы в разных частях произведения не две, а много (само произведение, большое по размерам, создавалось в течение нескольких лет и пр.) или если разная степень завершенности отдельных кусков текста создает разные редакции, затрудняет их объединение, вызывает противоречия в содержании, требует внесения многочисленных конъектур.

Примером первого рода является творческая история «Хаджи-Мурата», сравнительно небольшой повести, создававшейся, однако, с перерывами на протяжении восьми лет (1896—1904). Рукописный фонд повести огромен. Понадобилась очень большая работа текстолога (А. П. Сергеенко) для того, чтобы установить последовательность рукописей и, таким образом, выявить последние этапы писательской работы над разными главами. Решение задачи было облегчено тем, что «Хаджи-Мурат» — почти завершенное произведение. В 1901 г. по указаниям Толстого была составлена из кусков разных черновых редакций копия всей повести, по которой Толстой начал «подмалевку», как он называл работу над начерно законченным произведением. Эта «подмалевка» во многих главах привела к существенным изменениям: сокращениям, перестановке частей, внесению новых сцен и художественных деталей, огромной стилистической правке, устранению несогласованностей и пр. Работа протекала неравномерно. В первой половине повести Толстой поправлял многое: главы I—XIII правились пять раз, глава XV (о Николае I) — ей Толстой придавал особенно большое значение — восемь раз. Вторая же половина повести исправлялась лишь два раза (только глава XXIII — три раза). Очевидно, конец повести не нуждался, по мнению Толстого, в усиленной правке; а может быть, прекратив работу над произведением, он не успел довести свою правку до конца. Естественно, что ввиду разновременности работы в тексте в ряде случаев создалась неустранимая несогласованность. Так, в первой части повести действуют четыре нукера Хаджи-Мурата, во второй — пять и т. п. Но все эти несогласованности не являются несогласованностями разных редакций. (Такого рода «противоречия» встречаются и в текстах законченных, печатавшихся авторами произведений.) Поэтому конструирование текста всей повести «Хаджи-Мурат» представляло сложность лишь в той мере, в какой было трудно установить в огромном материале хронологическую последовательность рукописей и отыскать последние стадии авторской работы над каждой из глав.

Гораздо сложнее обстоит дело с текстом, если произведение далеко не завершено, как это случилось, например, с драмами «И свет во тьме светит» и «Живой труп».

Большинство произведений Толстого создавалось так: после того, как была написана целиком черновая редакция, писатель возвращался к усиленной работе над началом, а затем правка постепенно распространялась на последующие части произведения. Сам Толстой писал об этом в 1874 г., во время работы над «Анной Карениной», Н. Н. Страхову: «Очень рад, что давно, когда писал вам, не начал печатать. Я не могу иначе нарисовать круга, как сведя его и потом поправляя неправильности при начале. И теперь я только что свожу круг и поправляю, поправляю...» (т. 62, стр. 67). Так создавалась «Анна Каренина». Первые главы романа были напечатаны в журнале «Русский вестник» лишь в 1875 г., а окончено печатание — в 1877 г., хотя первая черновая редакция романа относится к 1873—1874 гг., и тогда же Толстой собирался было начать его печатание, о чем он и упоминает в письме к Страхову. Пример этот лишний раз свидетельствует, какое огромное значение имеет в истории создания произведений Толстого следующая за окончанием первой черновой редакции творческая работа писателя. Известно, что первая черновая законченная редакция романа «Война и мир», носившая заглавие «Все хорошо, что хорошо кончается», лишь очень отдаленно напоминает будущую эпопею. Первая законченная редакция «Воскресения» представляет собой небольшую повесть о нравственных исканиях князя Дмитрия Нехлюдова (текст ее занимает всего 72 печатные страницы) и не очерчивает даже контуров будущего огромного полотна социально-обличительного романа.

Творческая история драмы «Живой труп» сравнительно несложна и поначалу напоминала историю создания многих произведений Толстого. Однако, обратившись, после создания первой черновой редакции, к усиленной правке начала пьесы, писатель вскоре оставил работу над ней. В течение мая — августа 1900 г. была создана черновая редакция всей драмы. 15 августа Толстой записал в дневнике: «Писал Труп — окончил. И втягиваюсь все дальше и дальше» (т. 54, стр. 33). Дальнейшую работу Толстой вел, как и при создании «Анны Карениной», «поправляя неправильности при начале». Чуть-чуть поправив I действие, он оставил работу над ним, собираясь написать его заново. Действие II правилось очень сильно, III — немного в начале, а потом было совсем зачеркнуто [17]. Не приступив к исправлению IV действия (2-я картина II действия по последнему распределению), Толстой вернулся

[17] В первой черновой редакции пьеса была разделена не на шесть, а на двенадцать действий, так что речь здесь идет, соответственно, о 1-й и 2-й картинах I действия и 1-й картине II действия последнего текста драмы (такое разделение на шесть действий, в каждом из которых по две картины, дается в последнем авторском конспекте драмы).

опять к началу пьесы и написал взамен зачеркнутого в копии новое I действие, вторую его редакцию. Это была именно новая редакция, с новыми действующими лицами. Так, вместо подруги Лизы Протасовой, Марьи Васильевны Крюковой, действовавшей в первой редакции, здесь была введена Анна Павловна, мать Лизы. Изменение это крайне существенно: оно сразу завязало крепкий драматический узел, создало напряженный конфликт — Анна Павловна, в отличие от Марьи Васильевны, благосклонно относившейся к Феде и желавшей его возвращения в семью, ненавидит Федю, считает его негодяем и всячески стремится к тому, чтобы Лиза разошлась с ним и сблизилась с Виктором Карениным. Но и эта вторая редакция I действия не удовлетворила Толстого. Последовательно создаются третья, неполная четвертая и пятая, последняя, редакция этого действия. Во всех них действует не Марья Васильевна, а Анна Павловна.

Внеся не очень существенные изменения в текст II действия, Толстой написал заново III действие, с участием Анны Павловны, как уже известного лица, и новое IV действие.

Снова переписывается вся драма, и Толстой начинает исправлять ее с начала. В первом явлении I действия он вводит в качестве действующего лица няню и пишет разговор с нею Анны Павловны, вносит стилистические поправки, во II действии делает перестановки, изменяет названия цыганских песен и — в сентябре 1900 г. — навсегда оставляет работу над драмой.

Слухи о том, что Толстой пишет драму «Живой труп», и ее содержание стали известны в печати. К писателю пришел сын Е. П. Гимер, обстоятельства судебного дела которой легли в основу сюжета драмы, и попросил, чтобы Толстой не публиковал своей пьесы, так как дело, благополучно кончившееся для его матери и забытое, может опять всплыть. Тронутый этой просьбой, а также занятый другими, казавшимися ему более важными произведениями, Толстой решил оставить работу над «Живым трупом».

Итак, последний текст всей драмы в рукописях Толстого представлен пятой редакцией I действия, второй редакцией II, III и IV действий (I и II действия в окончательном делении). Последние восемь действий (III, IV, V и VI действия по окончательному делению) как были написаны в первой черновой редакции, так ни разу и не исправлялись Толстым и были при копировании механически присоединены к первым, переделанным действиям. Несомненно, что если бы Толстой дошел в своей переработке пьесы до последних действий, он многое бы изменил в них, как это случилось с первыми. Но этого не произошло. Отсюда ряд несогласованностей между первыми и

последними действиями. Так, в одном из последних действий (V по окончательному делению) осталась Марья Васильевна Крюкова, хотя в первых действиях она была последовательно заменена другим персонажем — Анной Павловной. Есть и другие несоответствия, происшедшие именно оттого, что первые действия перерабатывались, а последние сохранились в первой черновой редакции.

Как же печатать текст пьесы?

В III томе «Посмертных художественных произведений», выпущенном В. Г. Чертковым, драма печаталась по копии, составленной М. Л. Оболенской, но для того, чтобы устранить несоответствие, о котором говорилось выше, редакторы и в пятом действии Марью Васильевну заменили Анной Павловной. (Основанием такой замены послужило, вероятно, неверное прочтение восклицания Лизы: «Кто-то с ним, дама. *Маша!*» как «Кто-то с ним, дама. *Мама!*», а затем редакторы самовольно заменили стоящие в рукописи инициалы «М. В.» — Марья Васильевна на «А. П.» — Анна Павловна.) Между тем в первых действиях Толстой не механически заменял Марью Васильевну Анной Павловной. В лице Анны Павловны был создан новый образ, с иным отношением к окружающим персонажам, в ее уста были вложены совсем иные реплики. Вероятно, и в V действии Толстой исключил бы Марью Васильевну, но Анна Павловна, без сомнения, иначе бы вела себя, иное говорила.

Произвольно измененный редакторами первого посмертного издания текст пьесы «Живой труп» печатался вплоть до 1952 г., когда вышел в свет 34-й том Полного собрания сочинений, где впервые драма опубликована в соответствии с рукописями Толстого.

Но возникает еще один вопрос. М. Л. Оболенская, составляя копию всей пьесы, механически объединила последние редакции первых действий с первой редакцией последних (такой сводной копии среди сохранившихся рукописей может и не быть, как нет ее в совершенно аналогичном случае с драмой «И свет во тьме светит»). Но имеет ли право текстолог, руководящийся принципами научной текстологии, готовя текст такого незавершенного произведения к печати, объединять куски разных редакций? Не правильнее ли в качестве основного текста печатать полностью черновую редакцию, в которой нет никаких несоответствий и противоречий, а последующие стадии работы над первыми частями произведения отнести в варианты?

Думается, что такое решение вопроса было бы совершенно неверным, так как в варианты были бы отнесены наиболее совершенные, последние авторские тексты, а массовый чита-

тель, получающий издания без вариантов, вовсе был бы лишен этих текстов. В 34-м томе В. С. Мишиным найдено верное решение вопроса: все действия драмы печатаются в их последней редакции, устраняются редакторские поправки, сделанные в первопечатном тексте, а подробный текстологический комментарий объясняет историю текста, «противоречия» в нем и принципы его публикации[18].

Как уже было сказано, пример, аналогичный «Живому трупу», представляет история текста пьесы «И свет во тьме светит». Написав начерно всю драму (V действие — в очень беглом конспекте), Толстой взялся за усиленную переработку I действия. Работая над I действием, он остальную часть драмы отдал для переписки А. П. Иванову. Копия А. П. Иванова осталась неправленной. I же действие и во второй и в третьей редакциях не удовлетворило Толстого, и он пишет его почти целиком заново. Только в этой, четвертой редакции драма получает свое последнее заглавие — «И свет во тьме светит». В переписанную копию этой редакции I действия Толстой вносит потом лишь незначительные исправления. Действие II подвергалось авторским переделкам гораздо меньше, чем первое. Судя по сохранившимся вариантам начала, оно переделывалось не менее трех раз, но и над ним работа осталась незаконченной. Перерабатывая это действие в третий раз, Толстой написал его начало на отдельном листке, вклеенном в копию первой черновой редакции всей пьесы. Исправить же последовательно весь остальной текст II действия и согласовать его с началом он не успел. III и IV действия написаны только в одной редакции, V — только в конспекте, заключающем черновую редакцию всей пьесы. Текст всей пьесы составляется здесь, как и в случае с «Живым трупом», по нескольким рукописям, представляющим для каждого действия последний этап авторской работы.

Естественно, когда текст произведения состоит из разновременных черновиков, в нем находятся всякого рода несоответствия: одни и те же лица называются разными именами и пр. Встает вопрос о редакторских конъектурах. Общее правило — о максимуме осторожности при внесении конъектур — сохраняет силу, несомненно, и для текста незавершенных произведений. Однако обязанности и полномочия текстолога здесь

---

[18] Объединение кусков разных редакций в единый текст, безусловно, недопустимо, если новая редакция представляет собой решительное изменение всего замысла произведения или если текст одной редакции представляет собой завершенный этап (иногда опубликованный) работы над данной частью, а редакции других частей — незавершенные или даже конспективные наброски.

все-таки шире, чем при подготовке текста произведений, печатавшихся при жизни писателя.

Так, нет никакого сомнения в том, что нужно унифицировать имена, если точно известно, что разными именами называется один и тот же персонаж. Сохраняться должно то имя, которое утверждено за персонажем на последних этапах работы, а если речь идет об одном определенном этапе, одной рукописи — избирается то, которое наиболее употребительно. Так, в пьесе «Живой труп» мать Виктора Каренина называется в рукописях несколько раз Марьей Дмитриевной, в большинстве же случаев — Анной Дмитриевной. Оговорив основания унификации, текстолог заменяет Марью Дмитриевну на Анну Дмитриевну. В драме «И свет во тьме светит» имена и фамилии также унифицированы — согласно последней редакции I действия. Бывают, однако, случаи, когда такого выбора сделать нельзя. Так, в повести «Дьявол» муж героини в одной и той же рукописи называется однажды Печников, а другой раз — Пчельников. На каком имени остановился бы писатель в процессе дальнейшей работы, неизвестно, поэтому оба имеют право на существование и оставляются без изменений.

Конъектуры, вносимые в текст незаконченных произведений, касаются по необходимости не только имен и фамилий персонажей, но и самого текста. Условием их применения должна быть обоснованность, при обязательной оговорке в комментариях. Так, в I действии пьесы «И свет во тьме светит» вносится редакционное исправление в ремарку. Явление четырнадцатое кончается авторской ремаркой: «С т е п а... уходит», а в середине пятнадцатого явления в рукописи читаем: «Во время разговора сначала дамы, а потом С т е п а и, наконец, П е т р С е м е н о в и ч уходят». Слова «С т е п а и, наконец» из второй ремарки исключаются.

Выше говорилось о несоответствиях, получившихся в тексте II действия драмы «И свет во тьме светит» из-за того, что только начало этого действия было написано заново. Так, в начале действия говорится об Александре Ивановне Коховцевой, что она «поехала, чтобы привезти отца Герасима» (по ее мнению, священник мог бы вразумить Николая Ивановича Сарынцева). Однако следующий тут же текст содержит ее реплики. С отцом Герасимом приезжает потом не она, а княгиня Черемшанова. Слова и действия княгини Черемшановой приписываются Александре Ивановне и — наоборот. Толстой начал исправлять имена в репликах и ремарках, но не провел этих исправлений последовательно. Поэтому в авторский текст по необходимости вносятся изменения согласно последней редакции начала II действия.

Однако расширение конъектур крайне опасно. Так, публи-

куя впервые «И свет во тьме светит», В. Г. Чертков нашел «несоответствие» еще в одном месте II действия и внес неоправданную конъектуру. В сцене у рояля по первоначальной редакции Бориса не было. Это вполне соответствует смыслу предыдущей сцены, в которой изображается, что Борис находился с Николаем Ивановичем «на деревне», и последующей сцены, в которой Николай Иванович заявляет, что он «с деревни сейчас пришел с Борисом Александровичем». Тем не менее реплики Бориса в сцене у рояля, сначала вычеркнутые Толстым, были им восстановлены. Писатель этим как будто указывал на то, что Борис вернулся раньше Николая Ивановича. Последующая реплика Николая Ивановича «сейчас пришел с Борисом Александровичем» не была, однако, изменена. В. Г. Чертков нашел, что это ошибка, и слова «с Борисом Александровичем» выпустил. Между тем противоречия в тексте нет: если Борис и пришел в гостиную немного раньше Николая Ивановича, это нисколько не мешало последнему сказать, что он «сейчас пришел с Борисом Александровичем». В 31-м томе Полного собрания сочинений сделано верно: чертковская конъектура не принята, и реплика Николая Ивановича печатается по рукописи Толстого.

Множество необоснованных конъектур было внесено в текст незаконченных произведений Толстого при первой публикации их в 1911 г. Так, во II томе московского издания «Посмертных художественных произведений» в тексте повести «Отец Сергий» было сделано десять смысловых поправок. В главе III в оригинале Толстого: «в монастыре, близком к столице и много посещаемом». А дальше сказано, что первые семь лет монашества Сергий провел в монастыре, не близком к столице. На этом основании редакторы в первом случае опустили слова «близком к столице» (сохранив ставшее теперь бессмысленным: «много посещаемом»). Между тем, если опустить указанные слова, уничтожается весь смысл авторского текста, повествующего об упорных стараниях Сергия быть смиренным и послушным, несмотря на неблагоприятные условия. Или: в I главе повести о Касатском сказано, что он «отдал небольшое имение свое сестре», а в III главе в рукописи Толстого: «Имение свое он все отдал в монастырь». Во втором случае редакторы поставили также «сестре» и безусловно верно то, что Л. П. Гроссман, готовивший текст повести «Отец Сергий» для 31-го тома Полного собрания сочинений, в обоих названных случаях отверг редакторские конъектуры.

Приходится пожалеть только о том, что в некоторых других совершенно аналогичных случаях конъектуры вводятся в повесть. Так, в главе IV в составе веселой компании богатых людей, собравшихся кататься на тройках, упомянут сперва

адвокат, а потом он же называется архитектором. Так как неизвестно, кем в конце концов оказался бы персонаж, конъектуру первопечатного издания («архитектор» заменен «адвокатом») не следовало принимать.

В повести, не подвергшейся окончательной обработке, возник ряд несоответствий в хронологии — счете лет, которые Сергий провел в монастыре, затворе и пр. Нет никаких оснований и в этих случаях вводить редакторские конъектуры.

Текстологическое правило о необходимости проверки последнего авторского текста по предшествующим источникам распространяется, несомненно, и на незавершенные произведения. Последняя стадия писательской работы запечатлена часто в копиях, представляющих копии с копий и т. д. А переписчики, нередко плохо разбиравшие почерк Толстого, вносили и не могли не вносить многочисленные ошибки. Автограф «Живого трупа», например, настолько сложен, что переписчик А. П. Иванов, дойдя до одного особенно трудного места, пометил в копии: «Ужаснулся и бросил» и действительно пропустил большой кусок текста. В «Отце Сергии», например, переписчик не разобрал слова «ризничий» и переписал: «казначей». Только проверка по автографам позволила устранить эту грубую ошибку. Однако критическая проверка текста незавершенных произведений по предшествующим источникам (автографам) не представляет принципиальных отличий в сравнении с критическим анализом текста произведений оконченных и печатавшихся при жизни писателя. Поэтому на этой проблеме можно специально не останавливаться.

* *
*

90-томное Полное собрание сочинений заложило прочный фундамент исследованию и изданию наследства Л. Н. Толстого. По своей основательности это издание может занять почетное место в ряду лучших советских изданий писателей-классиков. Бесспорным его достоинством является обстоятельное комментирование, в частности, обширный текстологический комментарий.

Сжатые рамки настоящей статьи не позволили сколько-нибудь полно изложить опыт всей текстологической работы над этим изданием. Возможно, что не удалось также соблюсти меру в освещении недочетов издания. Однако некоторые из этих недочетов имеют принципиальное значение и поэтому нуждались в пристальном исследовании. Другие являются более или менее случайными ошибками и промахами. Но и они требовали к себе особого внимания. Только критически отно-

сясь ко всему сделанному в этом издании, удастся освободить от всяких, и больших и малых, ошибок последующие издания сочинений Толстого и построить их на подлинно научных принципах советской текстологии.

М. П. ШТОКМАР

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ МАЯКОВСКОГО

Одной из насущных задач советской текстологии является разработка принципов научного издания собрания сочинений крупнейшего представителя советской поэзии Владимира Владимировича Маяковского. Вера поэта, что его стих «громаду лет прорвет», оказалась оправданной. Грандиозность поэтического подвига, совершенного Маяковским, все ярче выступает в сознании советского человека, продолжая волновать одухотворяющим его поэзию революционным темпераментом, высокими чувствами советского патриотизма, беззаветной преданностью делу построения коммунистического общества. Творческое наследие Маяковского прочно вошло в «золотой фонд» нашей литературы.

Вместе с тем приходится признать, что советский читатель до сих пор не имеет собрания сочинений Маяковского, которое по своим текстологическим качествам могло бы считаться удовлетворительным. И полнота имеющихся изданий и точность их текста, и характер комментария с сопроводительным аппаратом указателей стоят значительно ниже возросших запросов современного читателя.

Многие из этих недостатков обусловлены реально существующими трудностями установления канонического текста для большинства произведений Маяковского. Источники его текстов исключительно разнообразны, а во многом и необычны: наряду с рукописями, корректурами и печатными изданиями к ним относятся многочисленные газетные публикации произведений Маяковского, уникальные экземпляры «Окон РОСТА» (а для ряда утраченных — фоторепродукции с них), плакаты по охране труда и соблюдению санитарных правил, рекламные тексты, вплоть до надписей на папиросных коробках и конфетных обертках. В некоторых случаях авторство Маяковского не поддается исчерпывающему обосно-

ванию, а сохранность перечисленных выше материалов не обеспечивает исчерпывающей полноты собрания сочинений. К тому же бо́льшая часть имеющихся источников не отличается высокой степенью достоверности. Рукописей Маяковского сохранилось сравнительно немного, да и среди них преобладают черновые наброски и «заготовки» записных книжек. В газетных публикациях встречается немало опечаток и искажений, которые свойственны и многим прижизненным сборникам Маяковского, издававшимся на весьма низком издательском уровне. К числу сомнительных по качеству изданий Маяковского, к сожалению, относятся и такие итоговые сборники, как «Всё, сочиненное Владимиром Маяковским. 1909—1919» (П., 1919), «13 лет работы» (тт. I—II, М., 1922), которые могли бы представлять большую ценность для установления канонического текста ряда произведений.

Первостепенное текстологическое значение имеет десятитомное собрание сочинений Маяковского, предпринятое незадолго до смерти поэта. Маяковский сам производил отбор своих произведений для включения в собрание сочинений, вносил исправления в некоторые тексты, читал корректуры и участвовал в решении вопросов общей композиции издания. К сожалению, эта работа осталась незавершенной. Лишь первые шесть томов успели появиться при жизни Маяковского. VII и VIII томы были подготовлены и прочитаны автором в корректурах, но вышли в свет уже после его смерти. Последние два тома составлены без участия Маяковского и ни в какой степени не являются авторизованными. Поэтому прижизненное собрание сочинений, бесспорно выражая для многих произведений Маяковского последнюю волю автора, в то же время далеко не однородно по своей текстологической достоверности. Несколько понижает документальную ценность даже первых шести томов этого издания также и то, что Маяковский, которому не был свойствен кабинетный стиль работы, широко пользовался помощью близких ему людей в процессе подготовки и осуществления издания. Известно также, что поэт был недоволен постановкой издания, которая не обеспечивала удовлетворительной сохранности его текстов. Все эти обстоятельства должны в полной мере учитываться текстологом при использовании авторизованных томов прижизненного собрания сочинений.

Таким образом, трудности, возникающие перед подготовителями научного издания сочинений Маяковского, следует признать весьма серьезными. Правда, после смерти Маяковского уже дважды предпринимались издания полного собрания его сочинений. При подготовке этих изданий проделана значительная работа по учету и критической оценке источни-

ков текстов Маяковского. Однако на эти издания наложили свой отпечаток неверные историко-литературные концепции творчества Маяковского, искажающие его идейные позиции и упрощенно толкующие сущность его новаторства и связей с классической традицией русской литературы. В собственно текстологических вопросах упомянутые издания допускают ряд нарушений основного принципа советской текстологии — соблюдения последней воли автора. В настоящей статье, ставящей существенные проблемы научного издания сочинений Маяковского, мы будем оперировать материалом двух посмертных собраний сочинений: Полного собрания сочинений под общей редакцией Л. Ю. Брик, тт. I—XII (т. IV в двух частях) + дополнительный выпуск. М., 1934—1938; и Полного собрания сочинений в 12 томах, под общей редакцией Н. Н. Асеева и др. М., 1939—1947[1].

Мы хотели бы надеяться, что собранные нами материалы и наблюдения окажутся полезными при подготовке нового Полного собрания сочинений Маяковского, предпринятого Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР совместно с Государственным издательством художественной литературы.

Опыт этого нового издания учитывается в настоящей статье лишь постольку, поскольку это позволяет материал вышедших томов и поскольку методы подготовки этого издания затрагивают принципиальные текстологические проблемы.

I

К числу сложнейших проблем издания произведений Маяковского относится композиция собрания сочинений в целом. С одной стороны, обязательным требованием научного издания является последовательно проведенный хронологический принцип распределения материала. Этот принцип еще в XIX в. был выдвинут Белинским и Чернышевским, а в наше время получил всеобщее признание. С другой стороны, необходимо серьезно считаться и с волей автора, если при его жизни, как это было с произведениями Маяковского, издавалось собрание сочинений. Так, например, недопустимо (как это сделано в посмертных изданиях) помещать краткую автобиографию Маяковского «Я сам» в последнем томе, вместе с разного рода приложениями и указателями, если автор считал нужным открыть ею I том прижизненного собрания сочинений.

Следует отметить, что хотя эти вопросы возникали перед редакциями обоих посмертных изданий Маяковского, однако

[1] В дальнейшем обозначаем сокращенно: первое посмертное собр. соч., второе посмертное собр. соч.

удовлетворительное решение в них еще не достигнуто. Быстрый творческий рост Маяковского должен быть отражен в хронологической последовательности размещения его произведений. Этого в существующих изданиях не было, что до некоторой степени обусловлено попытками сохранить авторскую циклизацию, которая во многих случаях не считается с хронологией написания отдельных произведений. Такая практика не решала вопроса о композиции научного издания сочинений Маяковского, так как она опрокидывала хронологию и в то же время не давала достаточного представления об авторских циклах.

Так, весьма искусственным и вместе с тем резко противоречащим хронологической последовательности научного собрания сочинений представляется сосредоточение в едином цикле всех стихов, написанных в результате поездок Маяковского за границу. Этот цикл охватывает период с 1922 по 1929 г. и с точки зрения творческой эволюции поэта совершенно неорганичен. К тому же он без достаточных оснований обособляет «заграничные» стихи Маяковского от множества других произведений, которыми поэт откликался на те или иные события международной политической и общественной жизни. Гораздо более целесообразной как для изучения творчества, так и в собственно биографическом плане была бы более дробная циклизация, соответствующая каждой заграничной поездке. Такие циклы, ограниченные небольшим хронологическим отрезком, легко включались бы в общую хронологию произведений Маяковского.

Серьезные сомнения возникают и по вопросу о жанровых размежеваниях произведений Маяковского. Разумеется, ставшее для нас привычным разграничение «мелких» стихотворений, поэм, драматических произведений, художественной прозы, литературно-критических и теоретических статей и т. п. остается в силе и должно быть проведено в научном издании сочинений Маяковского. Эти традиционные подразделения Маяковский пополнил «Окнами РОСТА», которые безусловно составляют самостоятельный жанр, а также «рекламными» стихами, несомненно заслуживающими жанрового обособления, тем более что они часто не поддаются более или менее точной датировке. Однако выделение, например, сатирического жанра в самостоятельную классификационную рубрику издания представляется по отношению к Маяковскому необоснованным. Сатирическая струя в творчестве Маяковского чрезвычайно сильна, и нелегко найти у него такое произведение, которое было бы совсем лишено элементов сатиры. Так, например, широко известные «Стихи о советском паспорте», которые никто не отнесет к сатирическому жанру, содержат

ярко сатирические строфы об отношении полиции капиталистических стран к представителям различных наций.

Наиболее оправданным композиционным принципом для массового издания избранных сочинений Маяковского является композиция прижизненного собрания, подготовленного автором, а для научного издания — строгая хронологическая последовательность с учетом крупных жанровых подразделений, перечень которых должен быть подвергнут серьезному и разностороннему обсуждению. В то же время в научном издании необходимо дать читателю гораздо более полное представление о циклах, чем это делалось до сих пор. Наилучшим средством для достижения этой цели представляется либо хронологическое описание всех циклов в завершающем, справочном томе собрания сочинений, либо характеристика циклов, относящихся к данному периоду творчества, в комментариях или вступительных статьях к отдельным томам издания. Последнее из предложенных решений отчасти намечалось в некоторых редакционных предисловиях изданий Маяковского. Так, Л. Поляк и Н. Реформатская пишут:

«Среди стихов 1926 г. следует особо отметить стихи, посвященные вопросам поэзии: „Сергею Есенину“, „Четырехэтажная халтура“, „Передовая передового“, „Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот“, „Послание пролетарским поэтам“, „Разговор с фининспектором о поэзии“, „Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому“. В V томе Собрания сочинений (1927 г.) все эти стихи были выделены Маяковским в самостоятельный цикл, так и озаглавленный „О поэзии“». От редакции тома. (Второе посмертное собр. соч., т. 8, М., 1940, стр. 5.)

Вторая важная проблема научного издания сочинений Маяковского заключается в методологии установления канонического текста его произведений. Для сомнений и колебаний принципиального характера в этом вопросе не должно быть места. Как и в других изданиях классиков русской литературы, выбор источника, который с теми или иными исправлениями случайных недосмотров, опечаток и других технических погрешностей составит основу канонического текста каждого данного произведения, определяется задачей выявления последней воли автора. В этом отношении правильная установка декларирована в первом посмертном собрании сочинений Маяковского: «В основу текста настоящего издания принят текст последнего прижизненного издания сочинений Маяковского, выпущенного ГИХЛом в десяти томах. Однако и в этом издании последние два тома были собраны уже после смерти Маяковского. Все черновики, варианты и разночтения вошли

в настоящее издание как приложение к основному тексту» (т. I, М., 1935, стр. VI).

К сожалению, редакционное предисловие ко второму посмертному собранию сочинений Маяковского обходит этот важнейший вопрос молчанием, да и формулировки редакторов отдельных томов издания, касающиеся этого вопроса, не отличаются ясностью. Так, судя по заявлению о разбивке стихов Маяковского, можно догадываться, что редактор 1-го тома Н. Харджиев ориентируется на последнее прижизненное издание: «Мы даем разбивку по тексту последнего прижизненного издания, не оговаривая изменений разбивки в первопечатных текстах» (т. 1, 1939, стр. 20).

Редактор 2-го тома В. Тренин отправляется скорее от первопечатных текстов: «Окончательная редакция текста каждого стихотворения установлена из сличения первопечатного текста со всеми позднейшими перепечатками вплоть до Собрания сочинений. Явные ошибки и опечатки этого последнего исправлены без оговорок» (т. 2, М., 1939, стр. 5).

Еще более неясно определяют свою методологию редакторы 8-го тома Л. Поляк и Н. Реформатская: «Материалом для вариантов стихов 1926—1927 гг. послужили: черновые автографы, сохранившиеся главным образом в записных книжках, беловики, первопечатные тексты и перепечатки их, сделанные при жизни Маяковского» (т. 8, М., 1940, стр. 443).

Судя по тому, что среди материалов для вариантов не упомянуто прижизненное собрание сочинений, можно по методу исключения предполагать, что оно использовано для основного текста. Все же неясность и разнохарактерность формулировок отдельных редакторов заставляет с особенным вниманием подойти к их текстологической практике.

Наибольшее недоумение вызывают текстологические взгляды и методы В. Д. Дувакина. Открывая подготовленный им 4-й том второго посмертного собрания сочинений (М., 1949), читатель на первой же странице текстов Маяковского встречается с широко известным двустишием, напечатанным, однако, в искаженном виде:

Ешь ананасы и рябчиков жуй!
День твой последний приходит, буржуй!

Откуда взялось это «и» в первом стихе? Его не было в прижизненном собрании сочинений (т. IV, М.—Л., 1929, стр. 231), а в соответствии с этим не было и в первом посмертном собрании сочинений (т. IV, ч. I, стр. 10).

Маяковский многократно подтверждал текст этого двустишия.

В поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924):

Дом
    Кшесинской,
                за дрыгоножество
подаренный,
        нынче —
                рабочая блузница.
Сюда течет
        фабричное множество,
здесь
    закаляется
            в ленинской кузнице.
«Ешь ананасы,
            рябчиков жуй,
день твой последний
                приходит, буржуй».

(Второе посмертное собр. соч., т. 6, стр. 192—193)

В статье «Как делать стихи?» (1926):

«Мало, чтоб разворачивались в марше. Надо, чтоб разворачивались по всем правилам уличного боя, отбирая телеграф, банки, арсеналы в руки восстающих рабочих.

Отсюда:

Ешь ананасы,
Рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй...

(Маяковский)» (Там же, т. 10, стр. 215)

В статье «Только не воспоминания...» (1927):

«В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустишие:

Ешь ананасы, рябчиков жуй.
День твой последний приходит, буржуй...

Это двустишие стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку:

Ешь ананасы... и т. д.»

(Там же, стр. 278)

Какой же источник все-таки мог перевесить, с точки зрения неумолимого редактора, четырежды выраженную авторскую волю относительно текста любимейшего стихотворения Маяковского? Этим источником, оказывается, является

обложка журнала «Соловей» (1917, № 1 от 24 декабря), на которой *впервые* было опубликовано двустишие Маяковского именно в том варианте, который В. Дувакин так упорно оберегает от авторских исправлений.

Та же «методология первопечатного текста» систематически проводится В. Дувакиным и в дальнейшем. В стихотворении «Советская азбука» двустишие на букву «Д» по тексту под редакцией В. Дувакина читается:

Деникин с шайкой лезет к Туле.
Дойдешь до Тулы, чорта в стуле!

(Стр. 18)

В сборнике «Грозный смех (Окна РОСТА)», подготовленном Маяковским в 1929 г., и в IV томе прижизненного собрания сочинений (1929):

Деникин было взял Воронеж.
Дяденька, брось, а то уронишь!

(Т. IV, стр. 244)

У В. Дувакина:

Чем ходить по городу, мостовую ломая, —
города починим Первого мая.

(Стр. 22)

В прижизненном собрании сочинений:

Чем ходить по улицам, мостовые ломая,
мостовые починим Первого мая.

(Т. IV, стр. 231)

У В. Дувакина:

Украинцев и русских клич один —
да не будет пан над рабочим господин!

(Стр. 23)

В прижизненном собрании сочинений:

Украинцев
и русских —
клич один:
«Да не будет
пан
рабочему господин!»

(Т. IV, стр. 231—232)

В тексте «Европейского обозрения» у В. Дувакина:

Попадет тебе, Ллойд-Джордж,
погоди, усатый морж!
Ведь Тибет уже восстал, —
накладут тебе с хвоста!

(Стр. 76)

В сборнике «Грозный смех»:

Попадет тебе, Ллойд-Джордж,
погоди, усатый морж!
Вот Тибет уже восстал, —
накладут тебе с хвоста!

(Стр. 68)

У В. Дувакина:

Рабочей России
красный рыцарь
вновь предлагает Европе мириться.

(Стр. 84)

В сборнике «Грозный смех»:

Рабочий России,
красный рыцарь
вновь предлагает Европе мириться.

(Стр. 71)

У В. Дувакина:

Таскал верблюдище
с дынями короб.
За день, бедняга,
натрудил свой горб.

(Стр. 101)

В сборнике «Грозный смех»:

Таскал верблюдище
с дынями короб.
Устал, бедняга,
натрудил свой горб.

(Стр. 69)

У В. Дувакина:

Под кровли хижин
и дворцам
под арки

Роста разносит
новогодние подарки.

1. Меньшевикам,
 чтоб могли хвастнуть обновой,
 резолюцию дадим
 не прошлогоднюю, а новую.
2. Всей буржуазной и белой тле
 подарим
 по новенькой
 пеньковой петле.
3. Колчаку,
 чтоб в Байкале не утоп зря,
 два подарим спасательных пузыря.
4. Рабочим Европы
 принесем в подарок
 этот флаг —
 красив и ярок.
5. А нас
 богаче
 раз во стó
 красноармеец
 сам
 подарит Ростов.

(Стр. 105—106)

В сборнике «Грозный смех», под заглавием «Новогодний номер» (без нумерации строф) текст, соответствующий пятой строфе публикации Дувакина:

А нам,
богаче
раз во сто,
красноармеец
сам
подарит Ростов.

(Стр. 33)

Последний пример до предела элементарен и потому особенно показателен для текстологических методов В. Дувакина. В публикуемом им тексте пятая строфа просто бессмысленна: почему красноармеец богаче нас раз во сто? Кого он дарит: «нас» или «Ростов»? Чтобы сохранить мысль Маяковского, должно было бы стоять не «подарит», а «одарит», но тогда невозможен винительный падеж «Ростов», а потребовался бы творительный «Ростовом». Однако если обратиться к стихотворению в целом, то схема его построения подсказывает

бесспорную и притом более простую поправку. Первые строки каждой строфы содержат адресат пожеланий Маяковского в дательном падеже: «меньшевикам», «... буржуазной и белой тле», «... Колчаку», «... рабочим Европы». Следовательно, и в пятом куплете должен быть дательный падеж «нам», а не винительный «нас». Этим все недоразумения устраняются. Но косвенные соображения и доводы здесь даже излишни, так как явная опечатка в первоначальном тексте исправлена самим Маяковским в подготовленном им к печати в 1929 г. сборнике «Грозный смех» (вышел в свет в 1932 г.). Знал ли редактор об авторской поправке? Да, знал. Он дает текст «Грозного смеха» как разночтение, в комментарии, сопровождая именно этот текст, а не первопечатную бессмыслицу, помещенную им в основном тексте, примечанием: «Возможно, опечатка. — *Ред.*».

Свое пристрастие к первопечатным текстам В. Дувакин декларирует с достаточной ясностью, хотя и без мотивировок:

«Если текст впоследствии был самим Маяковским опубликован в печати с изменениями, разночтения печатной публикации: четвертого тома прижизненного Собрания сочинений (М. 1929), журнала „Огонек" (1930 г. № 1), сборника „Грозный смех" (М. 1932), а также разночтения немногих сохранившихся рукописей — приводятся в комментариях» (второе посмертное собр. соч., т. 4, 1949, примеч., стр. 6).

То же и в примечаниях к отдельным стихотворениям, например, к стихотворению «Советская азбука»:

«„Азбука" включена Маяковским в т. IV прижизненного собр. соч. (1929) и в сб. „Грозный смех" (1932)... В настоящем издании восстановлена редакция 1919 г.» (там же, стр. 431—432).

Таким образом, здесь не случайная оплошность или недосмотр, а вполне определенная текстологическая концепция. Она сводится, очевидно, к тому, что Маяковский, подготовляя к перепечатке некоторые из своих ранних агитационных стихов и подписей к «Окнам РОСТА», искажал, портил их, и задача редактора заключается в восстановлении первоначальных текстов, которые-де следует «очистить» от непрошенных вторжений позднего Маяковского. Нечего и говорить, что эта «концепция» глубоко неправильна и свидетельствует прежде всего о неуважении к Маяковскому. Бесспорные заслуги В. Д. Дувакина по разысканию и систематизации «Окон РОСТА» не дают ему права заменять собранными им материалами тексты, соответствующие последней воле автора. Для анонимного сборника плакатов периода гражданской войны первоначальные тексты были бы вполне законными, но для собрания сочинений Маяковского — безусловно нет.

Остается уточнить вопрос: все ли тексты, подготовленные В. Д. Дувакиным, испорчены его неправильной методологией? — Нет, тексты, имеющие лишь один источник и потому не допускающие путаницы, даны Дувакиным правильно. Таких текстов большинство, но, чтобы пользоваться этим томом в целом, необходимо тщательно изучать примечания, выуживая из вариантов фрагменты будущего канонического текста «Окон РОСТА»[2].

Аналогичные «реставрации» первопечатных текстов мы иногда находим и у В. Катаняна, который в отношении многих подготовленных им произведений Маяковского находил правильные текстологические решения, соответствовавшие последней воле автора. В комментарии к нескольким маленьким стихотворениям Маяковского, служившим подписями к рисункам в журнале «Красный перец» (1924), В. Катанян пишет: «Большинство текстов к рисункам в „Красном перце" Маяковский переиздал только в 1929 г., включив в книгу агитстихов эпохи гражданской войны „Грозный смех" (вышла в свет после смерти Маяковского в 1932 г.). Для этого издания Маяковский внес в тексты несколько поправок, облегчающих восприятие их без рисунков. Здесь все эти тексты печатаются так, как они были напечатаны в журнале, с указанием количества рисунков и разбивки текста по рисункам. Все поправки, внесенные Маяковским для „Грозного смеха" в 1929 г., даются в комментариях» (второе посмертное собр. соч., т. 5, 1940, стр. 682).

Каковы в данном случае основания для возвращения к первопечатному тексту? То, что Маяковский, по словам комментатора, вносил поправки для облегчения восприятия стихов без рисунков, не может служить мотивировкой уже по одному тому, что собрание сочинений иллюстрировано ничуть не более богато, чем «Грозный смех», и, следовательно, поправки Маяковского могли бы помочь и читателю собрания сочинений. Но даже если бы действительно дело зависело от рисунков, то нельзя же все-таки пренебрегать последней волей писателя и нарушать ее в зависимости от случайных технических качеств посмертного издания. Ко всему этому нужно

---

[2] К сожалению, и в новом (третьем посмертном) полном собрании сочинений Маяковского, которое подготовляется Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР и выпускается с 1955 г. Государственным издательством художественной литературы, за Маяковским не признано право исправления и переработки «Окон РОСТА». Несменяемый подготовитель «ростинского» тома, В. Д. Дувакин и здесь добился помещения в основном тексте первоначальных редакций «Окон» даже в тех случаях, когда они были позднее переработаны автором.

добавить, что разночтения некоторых стихотворений весьма существенны и вовсе не объясняются ссылкой на рисунки. Например, стихотворение «Маленькая электрификация» по тексту под редакцией Катаняна читается:

1. В воскресенье
от звона
такой шум,
что и весельчаку
самоубийство
идет на ум.
Звонить вручную —
путь окольный.
«Перец» предлагает электрифицировать колокольни.
2. Провел провода,
кнопку нажал,
и бог
моментально
обулся
и прибежал.
3. А если
звонарям
некуда
деться,
приставить
к парадным:
не разберешься
без спéца!

(Т. 5, стр. 57)

То же стихотворение в сборнике «Грозный смех»:

В воскресенье
от звона
такой шум,
что и весельчаку
самоубийство
идет на ум.
Звонить вручную —
путь окольный.
Провел провода,
кнопку нажал, —
и бог
моментально
со своей колокольни
обулся

и прибежал.
А если
звонарям
некуда
деться,
приставить
к парадным —
не разберешься
без спеца.
Не разобраться
                    без ангелов кротких,
где два длинных,
          а где
                    два коротких.

(Стр. 56)

Часть исправлений сводится к изъятию самим Маяковским упоминаний журнала «Красный перец». Но поскольку в тексте «Грозного смеха» прибавление двух последних стихов также не имеет никакого отношения к вопросу об иллюстрациях, мы вынуждены отметить, что цитированное выше примечание В. Катаняна дает читателю неправильную информацию. А кстати (хотя это уже выходит за пределы текстологии), неужели В. Катанян не учитывает, насколько позднейшая редакция этого стихотворения совершеннее первоначальной, благодаря заостряющей концовке?!

В некоторых случаях последнее прижизненное издание сочинений Маяковского подвергается исправлениям по методу своеобразного «голосования» источников. Так, начало стихотворения «Следующий день» напечатано в прижизненном собрании сочинений (т. 1, стр. 210) в следующем виде:

Вбежал.
Запыхался победы гонец:
«Довольно.
К веселью!
К любви!
Грустящих к чорту!
Уныньям конец!»
Какой сногсшибательный вид!
Цилиндр на затылок.
Штаны — пила.
Пальмерстон застегнут наглухо.
Глаза —
двум солнцам велю пылать
из глаз
неотразимо наглых [и т. д.]

Восклицательный знак в конце восьмой строки в обоих посмертных собраниях сочинений заменен на вопросительный. Основание этой замены объяснено в комментарии Н. Харджиева:

«В последнем издании строка 8 искажена опечаткой: „Какой сногсшибательный вид!“ (во всех других изданиях: „Какой сногсшибательней вид?“). Здесь восстановлен первопечатный текст» (второе посмертное собр. соч., т. 1, 1939, стр. 445).

Характерно, что в своем комментарии редактор не ссылается на контекст, ибо эта строка с вопросительным знаком становится бессмысленной. Ему больше импонируют «все другие издания», чем последняя авторская воля, вполне целесообразно выраженная поправкой в последнем прижизненном издании.

В посмертных изданиях сочинений Маяковского встречаются случаи, когда в аналогичных условиях подготовители текста принимают диаметрально противоположные решения. Так, например, стихотворение «Дела вузные, хорошие и конфузные» (1927) имеет три источника текста: 1) публикацию в газете «Комсомольская правда» (7 июня 1929 г., № 126); 2) прижизненное собрание сочинений (т. VI); 3) сохранившийся беловой автограф с карандашными авторскими исправлениями. В текст «Комсомольской правды» и белового автографа входило такое четверостишие:

Поблажки и льготы ему
не даны.
Он крякнул —
и снова сел,
помял живот,
расстегнул штаны
и снова
без отдыха ел.

Должны ли входить эти стихи в окончательный, канонический текст? Поскольку VI том Собрания сочинений подготовлен автором, который вел его корректуры и подписал его к печати, не может быть сомнений, что выброска этого четверостишия является выражением последней воли поэта. Следовательно, редактор тома, Л. М. Поляк, поступила правильно, поместив четверостишие не в основном тексте, а в разделе вариантов.

Аналогичный и даже более элементарный вопрос возникает по отношению к тексту стихотворения «Рабкор» (1925). Рукописных источников оно не имеет, а печаталось дважды:

в газете «Гудок» (25 января 1925 г., № 20) и в журнале «Синяя блуза» (М., 1926, № 27—28); в прижизненные сборники и подготовленное автором Собрание сочинений оно не включалось. По тексту газеты «Гудок» в стихотворение входили следующие строки:

Надо
    глядеть
        за своим Пе-Де, —
не доглядишь,
            так быть беде.
Того и гляди
            (коль будешь разиней)
в крестины
        попа
            привезет на дрезине.
Покрестит
        и снова
            гонит вон —
в соседнем селе
            закупить самогон.
Пе-Че пропиши,
            чтоб не брал Пе-Че
казенный кирпич
            для своих печей.
С Те-Че
    и с Ше-Че
            не спускайте глаз,
а то,
    разозлясь,
            изорвут стенгаз.
Пиши!
    И пусть
            не сходит со стен
сам
    совпревосходительный
                ЭН!

Должны ли эти стихи входить в окончательную редакцию? Текст «Гудка» — первопечатный, при повторной публикации стихотворения эти стихи были выброшены, и поскольку это последний прижизненный текст, то именно в таком виде он и должен считаться каноническим, тем более что причину изъятия легко угадать: условные буквенные обозначения должностей железнодорожных работников понятны только железнодорожникам и не «доходят» до массового читателя. А между тем два редактора трудились над этим текстом —

Н. Реформатская (первое посмертное собр. соч., т. II, 1936, стр. 32—34) и В. Тренин (второе посмертное собр. соч., т. 2, 1939, стр. 403—406), и оба они приняли решение неправильное, нарушающее авторскую волю: восстановили выброшенный текст по первопечатной публикации.

С поразительным случаем редакторского произвола при определении источников канонического текста мы встречаемся в публикации стихотворения «Воровский» (1923). В комментарии ко II тому первого посмертного собр. соч. Маяковского В. Тренин и Н. Харджиев сообщают:

«Впервые напечатано под заглавием „Сегодня" в газете „Известия ВЦИК", М., 1923, № 110 (20 мая), стр. 1.

Перепечатано в сборнике „Вещи этого года" (Берлин, 1924) под заглавием „Воровский" в редакции, значительно отличающейся от первоначальной. Несмотря на то, что в этой редакции стихотворение попало в Собрание сочинений (т. II), мы даем в настоящем издании текст „Известий", сохраняя заглавие берлинского издания. Сам Маяковский заявил в предисловии к сборнику „Вещи этого года", что изменения в текстах стихотворений, опубликованных в этом сборнике, были вызваны случайными причинами:

«Аэроплан, летевший за нами с нашими вещами, был снижен мелкой неисправностью над каким-то городом.

Чемоданы были вскрыты, и мои рукописи взяты какими-то крупными жандармами какого-то мелкого народа.

Поэтому вещи, восстанавливаемые памятью, будут слегка разниться от первоначальных вариантов» (т. II, 1936, стр. 471).

Последняя цитата, приведенная В. Трениным и Н. Харджиевым, по-видимому, служила для них аргументом в пользу первопечатного текста. Между тем рассказ Маяковского о пропаже рукописей объясняет лишь причину возникновения второго варианта, но не содержит предпочтительной авторской оценки той или иной редакции. Эту оценку Маяковский дал позднее, при подготовке Собрания сочинений, когда он выбрал для издания второй вариант из сборника «Вещи этого года» и отбросил текст «Известий». Именно этим авторским выбором подготовители текста сочли возможным пренебречь, да еще напутали, взяв заголовок одного варианта, а текст другого.

Но может быть какие-либо случайные, внешние причины (например, трудность разыскания текста, затерянного в комплекте старых газет) могли повлиять на решение Маяковского, и потому допустимо не верить полностью свободе его выбора? Нет, в аналогичном случае отсутствия рукописей, мотивированном той же историей с аэропланом и жандармами, Маяковский принял в отношении стихотворения «Германия» про-

тивоположное решение. Он включил в Собрание сочинений первоначальный текст, опубликованный в «Известиях», а текст сборника «Вещи этого года» отбросил. Таким образом, надо считать, что и в вопросе о тексте стихотворения «Воровский» имеется ясно выраженная последняя воля автора, которую и нужно безоговорочно выполнить. Поэтому правильно поступил редактор 2-го тома второго посмертного собрания сочинений, В. Катанян, восстановивший текст стихотворения «Воровский» по последнему прижизненному изданию и использовавший текст «Известий» в разделе вариантов.

В некоторых случаях нарушение авторской воли происходит от недостатка инициативы со стороны подготовителя текста. Например, в комментарии В. Катаняна к стихотворению «Старое и новое» (1929) в первом посмертном собрании сочинений Маяковского говорится:

«Сохранился экземпляр стихотворения, перепечатанный на пишущей машинке, с поправками Маяковского. Под стихотворением дата: «22—23 ноября 1929 г. Москва».

Впервые было напечатано в журнале «Чудак», № 3, 1930 г. Вторично было напечатано после смерти Маяковского в журнале «Пятидневка», № 13, четвертая пятидневка апреля 1930 г., с примечанием редакции:

«Это стихотворение было сдано В. В. Маяковским за два дня до его трагического конца. Заголовок был переделан собственноручно В. В. Маяковским в редакции „Пятидневки“.

В журнале напечатано клише с заголовком: сначала было на пишущей машинке — „Старое и новое“, затем его рукой зачеркнуто и надписано: „Отречемся“» (первое посмертное собр. соч., т. X, 1935, стр. 240).

Если дело обстояло так, как сказано в комментарии, то возникает законное недоумение: почему стихотворение печатается под заголовком «Старое и новое», а не под заголовком «Отречемся», который установлен исправлением Маяковского? В. Катанян, очевидно, учел этот вопрос, возникающий у читателя, и в новом, втором посмертном издании, хотя и сохранил старое заглавие, но внес в комментарий следующее добавление:

«Примечание редакции „Пятидневки“ вызывает недоумение: мог ли Маяковский предложить редакции стихотворение, три месяца назад напечатанное в столичном распространенном журнале? Скорее можно предположить следующее: в конце 1929 г. Маяковский сдал это стихотворение в редакцию нового журнала „Пятидневка“ (начал выходить в 1930 г.), но редакция не торопилась его печатать, и тогда Маяковский передал его в „Чудак“» (второе посмертное собр. соч., т. 10, 1941, стр. 398).

В этом добавлении к комментарию недостаточно продумана хронология. Выходит, что, сдав в конце 1929 г. свое стихотворение в редакцию «Пятидневки» и убедившись в течение двух-трех месяцев в ее медлительности, Маяковский успевает напечатать его в январском номере «Чудака», т. е. заставляет время идти вспять. Следовательно, ждать два-три месяца Маяковский не мог, а ждал, чтобы не опоздать в январский номер «Чудака», максимум две-три недели. Но тогда какая же это медлительность со стороны «Пятидневки»? Гораздо правдоподобнее, что Маяковский предложил стихотворение обеим редакциям более или менее одновременно. «Чудак» сравнительно быстро сдал его в набор, а «Пятидневка» обещала печатать, но медлила, и именно поэтому в текст, находящийся в редакции, Маяковский успел внести изменение заголовка. Стихотворение осталось в портфеле «Пятидневки». По-видимому, узнав, что оно печатается в «Чудаке», Маяковский уведомил редакцию об отказе от его помещения в «Пятидневке». В отношении заголовка решающим является вопрос, кем сделана надпись, опубликованная «Пятидневкой». Если это действительно рука Маяковского (чего комментарий не ставит под сомнение), то исправление следовало принять, поскольку оно выражает последнюю волю автора. Текст с нанесенными на него поправками всегда более поздний по сравнению с тем же текстом без исправлений.

В посмертных изданиях сочинений Маяковского мы, к сожалению, встречаем и легкомысленное отношение к такому крайнему текстологическому средству, как конъектура, которая представляет собой внесение в основной текст по догадке элементов, отсутствующих в каком бы то ни было источнике. Так, например, стихотворение Маяковского «Два мая» (1925) было опубликовано в газете «Вечерняя Москва» (30 апреля 1925 г., № 97) и в прижизненные сборники и собрание сочинений не входило. Следовательно, текст «Вечерней Москвы», поскольку рукопись не сохранилась, является единственным источником.

В обоих посмертных собраниях сочинений одна из строф этого стихотворения печатается так:

Нет
    ни зим,
        ни осеней,
            ни шуб...
Май —
    сплошь.
        Ношу
к луне

и к солнцу
два ключа.
Хочешь —
выключь.
Хочешь —
включай.

В первом посмертном собрании сочинений редактор VIII тома, Н. Реформатская, следующим образом комментирует рифму второго стиха «Ношу»:

«В печатный текст стихотворения вкралась ошибка: строка 87, читающаяся как „Нету“, не рифмуется с предыдущей строкой — „ни шуб“ и бессмысленна в контексте всей фразы. Даем *предположительное* прочтение этой строки в виде „Ношу“ — глагола, начинающего собой фразу: „Ношу к луне и к солнцу два ключа“» (т. VIII, 1936, стр. 497).

Допуская, что догадка Н. Реформатской правильна, следует отметить абсолютную неправомерность внесения в текст предложенного ею слова без скобок и разъясняющей сноски, при отсутствии которых огромное большинство читателей, не заглядывающих в комментарий, безоговорочно примет это слово как слово Маяковского.

Грубое нарушение основных требований текстологии допустил редактор 2-го тома второго посмертного издания сочинений Маяковского, В. Тренин, перепечатавший текст, данный Н. Реформатской, также без скобок и сноски и, вдобавок, выбросивший ее комментарий, цитированный выше. Таким образом, все следы конъектуры заметены, и текстолог выступает как соавтор Маяковского.

Самого пристального внимания заслуживают нарушения авторской воли Маяковского «целомудренными» редакторами, которые считали себя обязанными и правомочными оберегать «чистоту нравов» советского читателя от «грубостей» стиля Маяковского. Подобные насилия над авторскими намерениями очень трудно документировать, так как они, разумеется, не отражены никаким цензурным делопроизводством, а осуществлялись обычно в порядке «добровольного» устного соглашения автора с редактором, или — еще проще — в виде автоцензуры. Следует приветствовать решимость в этом вопросе, проявленную редакцией второго посмертного собрания сочинений Маяковского, которая напечатала такие тексты, как «Вам» (1915), «Верлен и Сезан» (1925), «Во весь голос» (1929—1930), отбросив соображения редакционной чопорности. Приходится отметить, однако, что дело еще не завершено: например, в «резюме» стихотворения «Дом Герцена» (1928) рифмовка с несомненностью указывает на стерилизацию

текста. Решение в данном случае очень затруднено, так как рукописи, по-видимому, не сохранились, и мы имеем только печатные тексты, прошедшие через руки редакторов. Очищение произведений Маяковского от редакционных вмешательств должно производиться с величайшей осторожностью; не исключена, разумеется, и подлинно авторская переработка текста, свободная от каких-либо внешних воздействий.

Об отдельных искажениях в текстах Маяковского, происходящих по тем или иным техническим, более или менее случайным причинам, едва ли стоит распространяться в настоящей статье. Тем не менее одно из таких искажений заставляет выдвинуть принципиальный вопрос. По тексту прижизненного собрания сочинений стихотворение «Маруся отравилась» содержит стихи:

Нравятся
мальчикам
в маникюре пальчики.
Играют
этим пальчиком
нэпачки
на рояльчике.

(Т. VI, стр. 179)

Этот текст правильно воспроизведен в первом посмертном собрании сочинений (т. VIII, 1936, стр. 400), но во втором посмертном издании сочинений Маяковского выпало слово «нэпачки» (т. 8, 1940, стр. 394), составляющее целую строку стихотворного текста Маяковского. Если объяснить этот случай техническими причинами, то возникает вопрос, читались ли корректуры сотрудником, подготовившим текст к печати.

Следует сказать несколько слов о датировке произведений Маяковского, которая приобретает особенно важное значение, если в собрании его сочинений будет последовательно проведен хронологический принцип расположения материала. До настоящего времени лишь очень немногие произведения Маяковского датируются с удовлетворительной точностью. Для подавляющего же большинства остальных принимается в качестве условной даты их опубликование в печати, причем комментаторы подчеркивают, что дата написания произведения у Маяковского обычно отделяется от даты напечатания незначительным промежутком времени. Хотя это указание и правильно (разумеется, с рядом отступлений) и хотя даты публикаций могут до некоторой степени заполнить белые пятна в летописи «трудов и дней» Маяковского, тем не менее необходимо подчеркнуть, что это не является окончательным решением вопроса. Нужно добиваться, чтобы тщательная и

систематическая разработка биографических материалов о Маяковском позволила внести уточнения и в эту частную, но весьма существенную область изучения творческого наследия великого поэта пролетарской революции.

2

Маяковский — поэт. «Этим и интересен», — как писал он сам в краткой автобиографии. Чем же «интересен» этот факт для текстолога? Очень многим, и об этом будет идти речь в настоящей главе.

Стихотворная форма любого поэтического произведения налагает серьезные дополнительные обязательства на подготовителя текста. Он обязан оберегать от искажения не только каждый оттенок мысли, каждое слово, каждую букву и запятую, но и форму поэтического произведения в целом и в мельчайших ее деталях. Сохранение неприкосновенности поэтической формы — это ответственное обязательство текстолога. В то же время стихотворная форма служит и дополнительным критерием для контроля текста, так как то или иное ее искажение, будучи замечено, часто обнаруживает ошибки, которые сами по себе могли бы ускользнуть от внимания исследователя.

Хотя единство мнений по вопросу о стихосложении Маяковского среди теоретиков еще не достигнуто, все же никто не станет отрицать, что для стиха Маяковского не безразличны расположение и число ударений, слоговой состав, структура окончания стиха, звуковой состав и полнота рифмы, звуковая организация (так называемая «инструментовка») стиха, сочетание рифм и строфика, соотношение ритма и рифмы с синтаксисом, тематическая композиция произведения и т. п. Все эти элементы у Маяковского менее «стандартны», чем у большинства поэтов, его современников и предшественников, а применяемые им стихотворные формы обладают бо́льшим многообразием и сменяемостью. При всем этом в них почти всегда можно подметить те или иные частные, хотя бы и кратковременные, закономерности, которые должны приниматься во внимание подготовителем текста в качестве одного из критериев его сохранности и соответствия замыслам автора.

Особенное внимание должно быть обращено подготовителем текстов Маяковского на сохранение авторского написания слов, если от этого зависит правильное восприятие стихотворной формы. Поясним это на примере слова «конечно» в нескольких строфах из 5-й главки поэмы «Хорошо!» (курсив везде мой. — *М. Ш.*).

Вы, *конешно,*
профессор, —
либерал,
но казачество,
пожалуйста,
оставьте в покое.
Например,
мое положенье беря,
это...
чорт его знает, что это такое!
Сегодня с денщиком:
ору ему:
— «Эй!
наваксь
штиблетину,
чтоб видеть рыло в ней»! —
И *конешно* —
к матушке,
а он меня
к моей,
к матушке,
к свет
к Елизавете Кирилловне! —
. . . .
Я даже —
социалист,
но не граблю,
не жгу.
Разве можно сразу?
Конешно, нет!
Постепенно,
понемногу,
по вершочку,
по шажку,
сегодня,
завтра,
через двадцать лет.

У редактора может возникнуть соблазн привести авторское начертание слова «конешно» в соответствие с нормами современной орфографии. Против этого законно было бы возражать и с точки зрения стилистической типизации речи. Но появление этого слова в рифме категорически решает вопрос в пользу авторского написания, так как иначе рифмовка разрушается:

— С этим согласен,
это *конешно,*

этой сволочи
мало повешено. —

В ряде случаев редакция посмертных собраний сочинений Маяковского правильно решала вопросы орфографии, оберегая особенности его написаний. Однако есть случаи, когда редакторы идут даже дальше самого Маяковского и неправомерно обобщают отклонения его орфографии от общепринятой. Так, например, в поэме «Владимир Ильич Ленин», по тексту последнего прижизненного собрания сочинений, читаем:

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тысячи,
как мальчишкой
боишься фальши.
. . . .
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может из тысячи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.

(Т. III, стр. 352 и 439)

В первом посмертном собрании сочинений Маяковского этот текст воспроизведен без изменений. Но во втором посмертном издании редактор исправляет написание «тысячи» на «тыщи». Какие для этого могут быть основания? Очевидно, звуковое соответствие рифм («чищу — тысячи», «тысячи — в нищем»), которое точнее отражается в написании «тыща», а также, разумеется, аналогия с рифмовкой Маяковского на всем протяжении его творчества. Действительно, начиная с дореволюционных стихов и до самых последних лет мы встречаем у Маяковского множество рифм, включающих это слово в начертании «тыща»: «вы́щемил — ты́щами» (1916), «и́щут — ты́щу» (1919), «ты́щи — галифи́ща» (1921), «ты́щи — шерсти́щи» (1923), «ты́щи-ка — подпи́счикам» (1927), «ты́щи — сви́щет»

(1929) и др. Однако в поэме «Владимир Ильич Ленин» в рифмующих окончаниях и внутри стихотворных строк последовательно выдержано написание «тысяча» (наравне с написанием «громче», вместо обычного для Маяковского «громше»). Третий том прижизненного собрания сочинений в корректурах читался поэтом и печатался под наблюдением самого Маяковского. Отказ от привычной авторской орфографии является не его недосмотром, требующим вмешательства редактора, а сознательным волеизъявлением поэта, которое должно оберегаться от нарушений и учитываться исследователями его творчества.

Почему же все-таки Маяковский в этом произведении принял необычное для него написание слова «тысяча»? Мы полагаем, что это объясняется соображениями стиля, продиктованными тематическим замыслом его поэмы. Скомканный (редуцированный) вариант слова «тыща» свойствен убыстренному, разговорному стилю произношения, имеющему широкое распространение в нашем «будничном» речевом обиходе. Серьезность поставленной поэтом задачи — написать поэму о великом вожде пролетарской революции и вместе с тем о «самом человечном человеке» — делала неуместным использование «просторечия», которое могло снизить, прозаизировать тему и таило в себе опасность вторжения жаргонизмов бытового языка. Ср. рифмы в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» (1929):

Должно быть,
под ним
проходят тысячи...
Лес флагов...
рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен, —
хочется
итти,
приветствовать,
рапортовать!

(Второе посмертное собр. соч.,
т. 10, 1941, стр. 25—26)

Таким образом, в данном случае во втором посмертном собрании сочинений, редакторы, унифицировав особенности орфографии Маяковского, допустили искажение авторских намерений и сделали шаг назад по сравнению с редакторами предыдущего издания.

Искажение текста по сравнению с первым посмертным собранием сочинений Маяковского мы находим в этом издании

и в стихотворении «Жид» (1928), одна из строф которого напечатана так:

Чорт вас возьми,
вас,
тех,
кто, видя
безобразие
обоими глазами,
пишет
о прелестях
лирических утех.

(Второе посмертное собр. соч., т. 9, 1941, стр. 119)

Рифмовка «возьми́ — глаза́ми» останавливает на себе внимание как явно недостаточная, но она и не принадлежит Маяковскому. В первом посмертном издании (т. VIII, стр. 217) в соответствующей строфе фигурируют полноценные рифмы «возьми́ — глазми́», и этот текст опирается на прижизненное собрание сочинений Маяковского (т. VII, стр. 192).

Вообще рифма в поэтической системе Маяковского играет настолько существенную роль, что внимательный анализ рифмовки может сигнализировать редактору о тех или иных искажениях текста. Однако анализировать рифму Маяковского следует, разумеется, не по школьным учебникам стихосложения, а в соответствии с его собственными взглядами и стихотворной практикой. Так, в статье «Как делать стихи?» Маяковский указал, что концевое рифмующее созвучие — «это только один из бесконечных способов связывать строки, кстати сказать — самый простой и грубый». Он отметил возможность начальной, конечно-начальной и других видов «внутренней» рифмовки, которую нередко и применял в своих произведениях, например, особенно обильно, в поэтохронике «Революция»:

Еще!
О, еще!
О, ярче *учи,* красноязыкий оратор!
Зажми и солнца
и лун *лучи*
мстящими пальцами тысячерукого Марата!
. . . .
Скрип содрогает устои и *скрепы*
*Сти*снулись.
Бьемся.

Секунда! —
и в лак
заката
с фортов Петропавловской *крепости*
взвился огнем революции флаг

. . . .

Смерть дву*глав*ому!
Шеищи *глав*
рубите наотмашь!
Чтоб больше не ожил.
Вот он!
Падает!
В последнего из-за *угла!* — вцепился.
«Боже,
Четыре тысячи в лоно твое прими!»

Между тем в новом, 3-м посмертном Полном собрании сочинений Маяковского подготовитель 1-го тома, В. Катанян, отступая от текста прижизненного собрания сочинений, в трех строфах разбил длинные стихи и тем самым превратил внутренние рифмы в концевые (стихи 94—97, 128—129 и 133—134). Он не мог этого сделать в приведенных выше примерах, и самый факт использования внутренних рифм в поэтохронике «Революция» остается в силе, но пропорции нарушены и текст Маяковского искажен. Таким образом, контроль исправности текста при помощи анализа стихотворной формы — дело весьма ответственное, требующее большой осторожности и серьезной аналитической работы.

Трудный текстологический вопрос возникает в отношении написания имени «Коломб» в рифмах стихотворения Маяковского «Христофор Коломб» (1925). Рифмовка этого имени встречается здесь трижды:

. . . .

Дивятся приятели:
«Что с Коломбом?
Вина не пьет,
не ходит гулять.
Надо смотреть —
не вывихнул ум бы.
Всю ночь сидит,
раздвигает циркуля».

. . . .

Чуть не сшибли
маяк зажженный.
Палубные

не держатся на полу,
и вот,
быть может, отсюда,
с Жижона
на всех парусах
рванулся Коломб.
. . . .
Вырастают дни
в бородатые месяцы.
Луны
мрут
у мачты на колу.
Надоело океану,
Атлантический бесится.
Взбешен Христофор,
извелся Коломб.

(Первое посмертное собр. соч., т. VII, 1935, стр. 115—123; второе посмертное собр. соч., т. 7, 1940, стр. 117—127).

Мы видим, что звуковой состав рифмы во всех трех случаях соответствует начертанию «Колумб», а не «Коломб». Правда, нельзя забывать, что Маяковский употреблял и «диссонирующие» рифмы, в которых ударяемые гласные не совпадают. Таким образом, сочетания «Коломбом — ум бы», «на полу — Коломб», «на колу — Коломб» у него возможны. Но рифмы-диссонансы у Маяковского крайне немногочисленны, да и странно, что в рифмовке имени «Коломб» он ни разу не прибегнул к обычным рифмам с созвучием ударяемых гласных, а ограничил себя исключительно диссонансами. Нельзя ли установить, как писал Маяковский: «Колумб» или «Коломб»?

В письме, написанном на борту парохода «Эспань», на котором Маяковский отправился 21 июня 1925 г. в Мексику, он писал: «Жара несносная! Сейчас как раз прем через тропик. Самой козероги (в честь которой назван этот тропик), впрочем, я пока еще не видел.

Направо начинает выявляться первая настоящая земля — Флорида. (Если не считать мелочь вроде Азорских островов). Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что очень трудно, так как за неимением одесситов трудно узнать, как уменьшительное от Христофор. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках дело героическое» (первое посмертное собр. соч., т. VII, 1935, стр. 6).

Итак, во время переезда через океан, Маяковский писал «Колумб», а не «Коломб». О трудностях рифмовки имени «Колумб» он упоминает потому, что во время этого переезда и

было написано интересующее нас стихотворение, вместе с несколькими другими («Испания», «Атлантический океан», «Шесть монахинь», «Мелкая философия на глубоких местах»). В сохранившейся записной книжке с первоначальной записью этого стихотворения мы находим то же начертание: «Колумб» (ср. первое посмертное собр. соч., т. VII, стр. 433; второе посмертное собр. соч., т. 7, 1940, стр. 481).

В течение трехнедельного пребывания в Мексике Маяковский написал еще два стихотворения: «Мексика» и «Богомольное». В первом из них имеется такая строфа:

Где товарищи?
                    чего таишься?
Помнишь,
            из-за клумбы
стрелами
            отравленными
                            в Кутаисе
били
    мы
        по кораблям Колумба?

(Первое посмертное собр. соч., т. VII, стр. 128;
второе посмертное собр. соч., т. 7, стр. 133;
прижизн. собр. соч., т. V, стр. 96)

Таким образом, и в этот период Маяковский все еще писал и рифмовал «Колумб», а не «Коломб». Из Мексики же в середине июля 1925 г. он прислал на имя Л. Ю. Брик вместе с несколькими другими и стихотворение «Христофор Коломб». Оно было напечатано в «Красной газете», причем в этой публикации везде «Колумб», а не «Коломб».

Изменение начертания имени «Колумб» на «Коломб» впервые появляется в книжке, приготовленной Маяковским на дальнейшем этапе его путешествия, в Нью-Йорке: «Вл. Маяковский. „Открытие Америки“» (изд. New World Press, 1926). В этом издании напечатан и отсутствовавший ранее эпиграф к стихотворению: «Христофор Колумб был Христофор Коломб — испанский еврей. Из журналов». Совершенно очевидно, что именно появление этого эпиграфа и потребовало согласования с ним имени Колумба. Но согласование это проведено поверхностно, только орфографически, без переработки рифм в цитированных выше трех строфах. По-видимому, Маяковский исходил из принципиальной законности существования диссонирующих рифм, что он сам неоднократно доказывал своей творческой практикой. Потому он и не счел нужным подвергнуть свое произведение более фундаментальной переработке.

Каковы источники эпиграфа к стихотворению «Христофор Коломб»? — Ничего достоверного мы не знаем. Вероятнее всего, что он появился в результате устного указания одного из американских знакомых или друзей Маяковского. Во всяком случае у нас нет оснований предполагать какое-либо постороннее, скажем, редакторское вмешательство и насилие над авторской волей. Эти соображения, а вместе с тем и то, что Маяковский оставил начертание «Коломб» в последующих перепечатках (сборник «Испания. Океан. Гаванна. Мексика. Америка». ГИЗ, 1926, стр. 26) и в последнем прижизненном собрании сочинений (т. V, 1927, стр. 83), заставляет, как нам кажется, воздержаться от изменения текста. Вместе с тем необходимо в комментариях обстоятельно рассказать читателю историю создания этого стихотворения и разъяснить, что в рифмовке Маяковского фигурировал все-таки «Колумб», а массовое вторжение рифменных диссонансов, связанных с этим именем, произошло позднее и было более или менее рефлекторным.

В русском языке есть множество слов и грамматических форм, которые допускают двойственную постановку ударения. В художественной прозе это обстоятельство не возлагает на подготовителя текста никаких обязательств, так как место ударения для прозы безразлично, и выбор того или иного акцентного варианта производится самим читателем в процессе чтения. Совершенно иное в стихотворной речи. Неправильная постановка ударения может исказить ритмику стиха или рифму, и читатель, убедившись в своей ошибке, вынужден возвращаться и перечитывать с новой акцентовкой стих или целую строфу. Чтобы устранить подобные недоразумения и задержки чтения, издавна сложился редакторский обычай проставлять ударение в словах, допускающих его двойственную постановку, если это не было сделано самим автором. Обычай этот целесообразен, и ломать его едва ли было бы разумно. Так, в поэме Маяковского «Хорошо!» редактор В. Катанян правильно сделал, проставив ударения на словах «дался» и «слыла»:

Чужие
партии
бросали швырком.
На что им
сбор
болтунов
дался́?
И отдавали

большевикам
гроши,
и силы,
и голоса.
До самой
мужичьей
земляной башки
докатывалась слава,
лилась
и слы́ла,
что есть
за мужиков
какие-то
«большаки»
— у-у-у!
Сила! —

(Первое посмертное собр. соч., т. VI, 1934, стр. 112—113)

Но совершенно недопустимо, чтобы редактор подсказывал читателю неправильную постановку ударения. В той же поэме «Хорошо!» читаем:

Но тень
боролась,
спутав лапы, —
и лап
никто
не разнимал и не рвал.
Не выдержав
молчания,
сдавался слабый —
уходил
от испуга,
от нерва́.

(Второе посмертное собр. соч., т. 6, 1940, стр. 262)

В первом посмертном собрании сочинений (т. VI, стр. 130—131), при наличии разночтения в тексте строфы, тем же редактором проставлено такое же ударение. Между тем в прижизненном собрании сочинений (т. 8, стр. 184) ударение вовсе не проставлено, и этим данное издание благоприятно отличается от посмертных изданий. Постановка ударения «нерва́» — грубый акцентологический вульгаризм, который в повествовательной, авторской речи совершенно неправомерен, ибо Маяковский очень часто употреблял это слово и акцентовал его пра-

вильно. Нужно поставить ударение на другом месте: «не́ рвал», где происходит довольно распространенная в русском языке передвижка ударения с глагола на отрицание (по типу «не́ дал», «не́ было» и т. п.). Такие формы за последние полтора-два столетия, особенно в литературном языке, вымирают, но в просторечии, живом разговорном языке, который был так близок Маяковскому, они сохранились гораздо лучше. Последовательное непризнание подобных передвижек ударения с глагола на отрицание и с существительного на предлог могло бы привести и в ряде других случаев к искажению текстов Маяковского. Так, в «Облаке в штанах» придется вместо «по́ столу» пометить ударение «по столу́», вследствие чего и в рифмующем слове появится акцентологическая диковинка «Апостолу́».

Если все это кому-нибудь покажется спорным, то лучше вовсе не ставить ударения, — пусть читатель сам решает, как ему выйти из затруднения.

Необъяснимое искажение ударения в первой строфе стихотворения «Про пешеходов и разинь. . .» (1928) проходит через два посмертных собрания сочинений:

Улица —
меж домами
как будто ров.
Тротуары
пешеходов
расплескивают на асфальт.
Пешеходы ругают
шоферов, кондукторов.
Толкнут,
наступят,
отдавят,
сваля́т.

(Первое посмертное собр. соч., т. IX, 1935, стр. 80; второе посмертное собр. соч., т. 9, 1941, стр. 231)

Совершенно очевидно, что Маяковский рифмовал слово «асфальт», исходя из общепринятой акцентовки слова «сва́лят» — на первом слоге. Ударения не следует ставить совсем, как это и сделано в последнем прижизненном собрании сочинений (т. 7, стр. 70), ибо слово «свалят» не имеет двойственной акцентовки; акцентный вариант, принятый редактором, не только разрушает рифмовку Маяковского, но и неупотребителен в русском языке. Самое печальное в данном случае, как и в ряде других — это, так сказать, инерция изданий. Ошибки, допущенные в первом посмертном собрании сочинений, переко-

чевывают во второе, наглядно показывая, что редактор почти не работал над текстом. К этому надо присоединить и упрек в непоследовательности. Так в начале стихотворения следующего, 1929 г. «На западе всё спокойно» имеются аналогичные рифмы:

Как совесть голубя,
                    чист асфальт.
Как лысина банкира,
                    тротуара плиты
(после того,
          как трупы
                    на грузовозы взвалят
и кровь отмоют
               от плит поли́тых).

(Первое посмертное собр. соч., т. X, 1935, стр. 59)

И редактор здесь тот же (В. Катанян), и рифменное сочетание, за исключением глагольных приставок, совпадает, но текст Маяковского остается здесь неповрежденным.

Всем читателям Маяковского хорошо знакомо особое, не практиковавшееся до него «ступенчатое» расположение стихов. Подобная внешняя, графическая особенность стихов Маяковского имеет глубокий внутренний смысл, так как она, по замыслу автора, должна подсказывать читателям правильное интонирование стихотворной речи и, в частности, отмечать внутристиховые паузы. Этой последней задаче служит дробление стиха на части, а для того, чтобы сохранить целостность стихотворной строки как единицы ритма, каждая такая часть печатается с отступом вправо, и рифмы, замыкающие строку, располагаются на последней ступеньке «лесенки». Такое графическое оформление, выработавшееся у Маяковского постепенно, в течение ряда лет, удачно совмещает в себе внутристиховое членение с четким обозначением границы стиха. Оно помогает читателю глубже понять стихотворную форму Маяковского и потому должно с особенным вниманием выверяться подготовителем текста. К сожалению, явные погрешности в графическом расположении стихов встречаются в собраниях сочинений Маяковского неоднократно.

В первом посмертном издании сочинений Маяковского одна из строф стихотворения «Кино-поветрие» напечатана следующим образом:

А пока —
          Мишка —
                    верти ручку.
                              Бой! алло!

Всемирная сенсация.

Последняя штучка.

Шарло на крыльях.

Воздушный Шарло.

(Т. VII, 1935, стр. 37)

Может создаться впечатление, что строфа состоит только из трех стихов, причем второй из них остался незарифмованным. На самом деле это не так. Слова «Бой! алло!» должны быть сдвинуты к левому краю страницы, так как они являются не частью стиха, а самостоятельным стихом. Тогда обнаружится и рифма к слову «штучка», запрятанная по небрежности редактора в середину стиха.

В стихотворении «Маруся отравилась» (раздел «Что?») мы читаем:

Хорошо
и целоваться
и вино.
Но...
вино и поэзия,
и если
ее
хоть раз
по-настоящему
испили рты,
ее
не заменит
никакое питье,
никакие пива,
никакие спирты.

(Т. VIII, 1936, стр. 401)

В этом отрывке пять стихов, из которых последние четыре имеют отчетливое строфическое построение по перекрестной схеме рифмовки, а первый, в том виде, как напечатано, остался незарифмованным. Это неверно. Со словом «вино» рифмует «Но...», которое должно быть выделено в самостоятельный стих, а не присоединяться к следующему.

Аналогичная ошибка допущена редактором в широко популярном стихотворении Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева...» (1928). Одна из строф этого стихотворения выглядит так, как будто в ней только три стиха, из которых первый не имеет рифмы:

Вода в кране —
холодная крайне.

Кран
    другой
не тронешь рукой.

(Т. IX, 1935, стр. 87)

Слова «холодная крайне» следует сдвинуть к левому краю страницы, ибо это самостоятельный стих, рифмующий с предыдущей строкой: «Вода в кране».

В некоторых случаях вместо объединения двух стихов в один производится ошибочное расчленение стиха на два. Например, в стихотворении «Горящий волос» (1928):

Как тут
        ребятишки
подскочут визжа,
как баба
        подолом
                заслóнится!
Сверху
        из склянки
                и свет,
                        и жар —
солнце,
        ей-богу, солнце!

(Т. IX, 1935, стр. 363)

Слова «подскочут визжа» составляют завершающую часть стиха, в который входят и предыдущие две строки. Третья строка должна быть сдвинута вправо, так как иначе мнимое окончание стиха «ребятишки» будет выделяться, как лишенное рифмы.

К сожалению, и во втором посмертном собрании сочинений Маяковского подобные небрежности графического расположения не изжиты. В стихотворении «Корона и кепка» мы находим такую строфу:

«Мы! мы! мы!
        Николай вторый,
двуглавый повелитель
        России-тюрьмы
и прочей тартарары...

(Т. 8, 1940, стр. 228)

Строфическая форма здесь нарушена, и слово «тюрьмы», замыкающее предпоследний стих, графически не имеет рифмы. Вторая строка является самостоятельным стихом, который,

по ступенчатой системе Маяковского, должен быть сдвинут к левому краю страницы. Тогда окажется, что слово «тюрьмы» рифмует с «мы».

Имеются и ошибки обратного порядка, например, в стихотворении «Иван Иваныч Гонорарчиков»:

За ней —
          другая
длинней, чем глиста:
— Подайте
               тридцать червонцев с листа!

(Т. 8, 1940, стр. 377)

Приведенный отрывок — двустишие с парной рифмовкой («глиста́ — листа́»). Первые три строки составляют один стих, а не два, как можно было бы заключить по графическому оформлению. Слова «длинней, чем глиста» должны быть сдвинуты вправо. Все эти «мелочи» на самом деле весьма существенны. Расположение стихотворного текста «лесенкой», по замыслу Маяковского, имеет целью облегчить восприятие читателем стихотворной формы. Естественно, что ошибки, допущенные в этой области редактором, затрудняют правильное усвоение стихов Маяковского.

«Ступенчатое» оформление стихотворного текста получило законченное теоретическое обоснование в статье Маяковского «Как делать стихи?» (1926):

«Сделав стих, предназначенный для печати, надо учесть, как будет восприниматься напечатанное, именно как напечатанное. Надо принять во внимание среднесть читателя, надо всяческим образом приблизить читательское восприятие именно к той форме, которую хотел дать поэтической строке ее делатель. Наша обычная пунктуация с точками, с запятыми, вопросительными и восклицательными знаками чересчур бедна и маловыразительна по сравнению с оттенками эмоций, которые сейчас усложненный человек вкладывает в поэтическое произведение» (первое посмертное собр. соч., т. XII, 1937, стр. 152).

Иллюстрировав свои положения на примерах из А. К. Толстого и Пушкина, Маяковский предложил в качестве дополнительного средства поэтической пунктуации дробление стихотворной строки и ступенчатое ее расположение. Эта графическая особенность стиха Маяковского сделалась привычной и общепризнанной. Однако в законченном виде «ступенчатость» стала применяться поэтом лишь в первой половине 1923 г. В более ранних его произведениях имеется лишь обусловленная интонационным членением разбивка стихотворной строки

на части, но эти части не сдвигаются слева направо, а начинаются от края страницы. Между тем в поэзии принято обозначать таким способом членение стихотворной речи на отдельные стихи, и это обозначение не отменено Маяковским. Таким образом, расположение стихотворного текста, первоначально избранное Маяковским, приобретало двойственное значение, так как межстиховая и внутристиховая разбивка стиха графически выражались одинаково. При чтении ранних произведений Маяковского это является источником серьезных затруднений, так как для полноценного восприятия стихотворной формы читатель был бы вынужден сам отделять зарифмованные строчки от незарифмованных, расчерчивая книгу различными значками, линиями и т. п. Не говоря уже о том, что лишь немногие захотят предпринять такой труд, самая разметка текста нередко связана с затруднениями и возможностью ошибок, искажающих поэтический замысел автора.

Насколько эти трудности реальны, можно судить по ошибкам в понимании разбивки стиха, допущенным не «средним» читателем, которого имеет в виду Маяковский, а специалистом, теоретиком стиха. Анализируя рифму Маяковского, В. М. Жирмунский приводит из поэмы «Война и мир» сочетание «год — обряд» в качестве примера консонанса, т. е. рифмы с различными ударяемыми гласными (В. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923, стр. 215).

У Маяковского соответствующее место читается так:

8 октября.
1915 год.
Даты
времени,
смотревшего в обряд
посвящения меня в солдаты.

В. М. Жирмунский неправильно понял вторую строчку, как заканчивающую стих. Она отделена от третьей для обозначения внутристиховой, а не межстиховой паузы. Слово «обряд» рифмует не со словом «год», а со словом «октября», и эти стихи надлежало бы печатать по «ступенчатой» системе следующим образом:

8 октября.
1915 год.
        Даты
времени,
        смотревшего в обряд
посвящения меня в солдаты.

Другой пример. В. М. Жирмунский приводит в качестве образца рифмы с усечением замыкающего согласного сочетание «там — Христа» (там же, стр. 214). У Маяковского мы читаем:

Земля
откуда любовь такая нам?
Представь —
там
под деревом
видели с Каином
играющего в шашки Христа.

Опять-таки недоразумение с пониманием разбивки стиха В. М. Жирмунским. Слово «Христа» рифмует не с «там», а с «Представь». Во избежание ошибочного членения следовало бы печатать, в соответствии с позднейшими графическими приемами Маяковского, следующим образом:

Земля
          откуда любовь такая нам?
Представь —
там
     под деревом
                    видели с Каином
играющего в шашки Христа.

Если такие ошибки возможны у теоретика стиха, то для рядового, неопытного читателя понимание двойственности значения разбивки стихов у раннего Маяковского должно составлять совершенно непосильную задачу. Можно лишь пожалеть, что Маяковский, вечно перегруженный срочными, злободневными работами, не нашел времени разметить ступенчатые сдвиги строк для *всех* своих стихов, написанных до 1923 г. Однако показательно, что в некоторых случаях, внося изменения в ранние стихотворные тексты для позднейших перепечаток и прижизненного собрания сочинений, он применял к ним и «ступенчатую» разбивку (ср. агитстихи «На польский фронт! Под винтовку! Мигом!» — второе посмертное собр. соч., т. 4, 1949, стр. 22 и коммент., стр. 433; «Украинцев и русских — клич один» — там же, стр. 23 и 433; «Забудьте календарь. . .» — там же, стр. 403—406 и 524).

Названные выше агитстихи Маяковского принадлежат к числу его мелких произведений, и может возникнуть сомнение, показательны ли они для решения в целом вопроса о ступенчатой разбивке произведений Маяковского, написанных до 1923 г. Однако аналогичная работа была предпринята поэтом также относительно поэмы «150 000 000». Для издания

этой поэмы, намечавшегося в 1924 г., но оставшегося неосуществленным, поэт собственноручно разметил ступенчатые сдвиги текста, которые и отражены в копии, выполненной рукою Л. Ю. Брик и сохранившейся в бумагах Маяковского. Эту копию можно считать авторизованной лишь частично: Маяковский написал на ней свою фамилию и заглавие поэмы, но в самом тексте нет авторской правки, несмотря на то, что ступенчатая разбивка копии в некоторых случаях содержала очевидные ошибки. Таким образом, хотя «ступенчатость» в принципе авторизована, но ее выполнение не проверено автором, и потому было бы неправильным воспроизводить копию Л. Ю. Брик при публикации поэмы «150 000 000». При всем этом наличие такой копии в бумагах Маяковского является еще одним веским доказательством в пользу того, что он считал допустимым и желательным печатать свои ранние произведения по «ступенчатой» системе, введенной им с 1923 г., и лишь не успел систематически проделать соответствующую работу.

Итак, по естественно возникающему вопросу — чем можно в данном случае помочь читателю? — мы, в сущности, знаем мнение самого Маяковского. Простейшим выходом, соответствующим собственной практике поэта, было бы оговоренное в редакционном предисловии распространение на ранние стихи Маяковского того самого ступенчатого расположения, которое было им введено с первой половины 1923 г., но иногда, при переработках, применялось и к произведениям предшествующего периода.

Мы хорошо понимаем, что предложенное выше толкование авторской воли по вопросу о графике ранних поэтических произведений Маяковского является дискуссионным, так как ему может быть противопоставлено требование буквальной точности воспроизведения текста. Но не говоря о том, что интересы читателя нельзя считать безразличными для текстолога, следует прибавить, что Маяковский связывал с разбивкой стихов лишь чисто практические, пунктуационные цели. В частности, для себя, в черновых рукописях, он записывал стихи по большей части вовсе без разбивки. Разбивка появлялась лишь в беловиках, т. е. в процессе подготовки стихотворения к опубликованию. И подобно тому, как знаки препинания нередко расставлялись не Маяковским, а редакционными работниками, так и в вопросе о разбивке стихов он допускал постороннее вмешательство. Редакторы 8-го тома второго посмертного собрания сочинений Маяковского Л. Поляк и Н. Реформатская отмечают в предисловии к тому: «Известно, что Маяковский нередко передоверял расстановку знаков препинания в своих стихах редакторам, корректорам и т. д.... То же относится в значительной мере к разбивке на строки:

эта индивидуальная особенность стиха Маяковского нередко, однако, также „выправлялась“ техническими работниками, редакторами...» (второе посмертное собр. соч., т. 8, 1940, стр. 447).

Таким образом, увлечение буквализмом может привести к соблюдению воли не Маяковского, а издательских работников, участвовавших в издании его сочинений. Но мы даже и не предлагаем нарушать разбивку стиха, кому бы она ни принадлежала. Речь идет лишь о сдвиге строк, который помог бы читателю отличать межстиховое членение от внутристихового. Возможен, правда, и другой выход, гораздо менее удобный, но все же способный оказать помощь читателю: оставить текст абсолютно неприкосновенным, но отмечать рифмующие окончания стиха каким-либо условным значком.

Для иллюстрации наших предложений возьмем отрывок из стихотворения Маяковского «Владимир Ильич!» (1920):

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез,
Военный вздымался вой, —
Когда
над миром
вырос
Ленин
огромной головой.

По ступенчатой системе, введенной Маяковским в 1923 г., эти стихи следовало бы печатать так:

Я знаю —
          не герои
                    низвергают революций лаву.

Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?
Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез,
Военный вздымался вой, —
Когда
над миром
вырос
Ленин
огромной головой.

При разметке условными значками текст принял бы следующий вид:

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву. -
Сказка о героях —
интеллигентская чушь! -
Но кто ж
удержится,
чтоб славу -
нашему не воспеть Ильичу? -
Ноги без мозга — вздорны. -
Без мозга
рукам нет дела. -
Металось
во все стороны -
мира безголовое тело. -
Нас
продавали на вырез. -
Военный вздымался вой. -
Когда
над миром
вырос -
Ленин
огромной головой -

Вынося на обсуждение эти два варианта графического оформления ранних произведений Маяковского, мы в то же время считаем необходимым протестовать против случаев нарушения явно выраженных авторских намерений по вопросу о графической подаче стихотворного текста.

Стихотворение «Первомайское поздравление» (1926) напечатано в обоих посмертных собраниях сочинений «лесенкой» — как и другие стихи Маяковского. А между тем из комментария мы узнаем:

«В „Известиях", а затем позже в журнале „Синяя блуза" и в Собрании сочинений, т. V, стихотворение напечатано в подбор, как прозаический текст, с маркировкой строкораздела посредством тире и выделением каждой строфы в отдельный абзац» (второе посмертное собр. соч., т. 8, 1940, стр. 469).

Может быть, мы имеем здесь дело с редакционным искажением, исправленным при подготовке посмертных собраний сочинений? — Нет! В том же комментарии далее говорится:

«На 4-й, свободной от текста, странице белового автографа „Первомайского поздравления" имеется следующее замечание Маяковского по поводу напечатания стихотворения в виде сплошного прозаического текста: „В целях эстетики и экономии бумаги пробую стихи печатать без разделов на строчки"».

Итак, никакого редакционного произвола в прижизненных изданиях не было. Маяковский сам экспериментировал и сам напечатал это стихотворение в подбор не только при первой, но и при повторной публикации, причем оставил это без изменения и в Собрании сочинений, V том которого он самолично подготовил, прочитал в корректурах и подписал к печати. А между тем авторское оформление текста в обоих посмертных изданиях отражено лишь в примечаниях, а основной текст дан отмененной на этот раз, в связи с особым замыслом автора, «лесенкой». Редактор тома, Н. Реформатская, утешает себя в комментариях:

«Естественно при этом, что проделанный Маяковским на примере „Первомайского поздравления" эксперимент с заменой обычного способа печатания своих стихов печатанием их в подбор, как прозу — оказался несостоятельным» (там же, стр. 470).

Однако «несостоятельность» этого опыта была для Маяковского менее очевидной, чем для редакторов его посмертных собраний сочинений. В 1929 г. он снова печатает в подборку, как прозу, стихотворение «Говорят» (журн. «Чудак», 1929, № 3, январь). Это стихотворение нигде не перепечатывалось, и, таким образом, публикация «Чудака» является единственным источником его текста. Но несмотря на это, в 10-м томе второго посмертного собрания сочинений Маяковского редактор тома, В. Катанян, счел возможным печатать стихо-

творение «Говорят» «лесенкой», очевидно, по аналогии с другими стихотворениями Маяковского, что едва ли можно признать правильным. Искания и эксперименты Маяковского должны найти отражение в научном издании его сочинений.

* *
*

Подводя итоги, следует поставить в общей форме вопрос о причинах, породивших серьезные недостатки существующих собраний сочинений Маяковского, и о мероприятиях, которые могли бы способствовать устранению этих недостатков в новом издании.

Среди причин, обусловивших неполноценность двух посмертных изданий Маяковского, претендующих на полноту, необходимо прежде всего отметить невнимание к методологической постановке текстологической работы, которое до недавнего времени было широко распространено среди текстологов. При недостаточной разработанности основных принципов текстологической науки стали возможными чрезвычайная пестрота и субъективизм в установлении канонического текста наших классиков. Понимание большого значения ранних вариантов и, в частности, черновых рукописей для изучения творческой лаборатории писателя приводило некоторых текстологов к подмене этими ранними вариантами позднейших редакций, в которых воплотились последние этапы работы автора над своим произведением. И в изданиях Маяковского, как мы видели, иногда имели место публикации первопечатных текстов, тогда как позднейшие редакции, исправленные и переработанные автором, выносились разрозненными обрывками в раздел вариантов.

Выявление последней авторской воли должно безоговорочно стать основной задачей текстолога и проводиться им при подготовке текстов Маяковского неукоснительно и систематически. Это требование не означает механической канонизации 10-томного прижизненного Собрания сочинений. Как уже отмечалось выше, последние два тома этого издания даже не были подготовлены к печати самим поэтом, а появившиеся при жизни Маяковского шесть томов также не свободны от ряда опечаток, искажений и технических недочетов, понижающих документальную ценность издания в целом. Таким образом, и для тех произведений, относительно которых последняя воля автора выражена в прижизненном собрании сочинений, от текстолога потребуется исчерпывающая осведомленность в истории создания данного произведения и его публикаций, т. е. тщательное изучение как биографических материалов, так и всех рукописных и печатных источников текста в их хронологической последова-

тельности. Эти требования приобретают особенную остроту для произведений Маяковского, текст которых не был авторизован собранием сочинений, выходившим при участии самого поэта. Для них установление источника, который следует положить в основу канонического текста, должно явиться в каждом отдельном случае результатом серьезной исследовательской работы.

В научном издании сочинений Маяковского работа текстолога должна найти отражение в комментарии. Такое издание, независимо от того, будет ли оно массовым или академическим, должно давать в комментариях к каждому произведению исчерпывающие текстологические сведения: 1) перечень всех источников текста, по возможности в хронологическом порядке; 2) прямое указание того источника, который принят подготовителем в качестве основы для установления канонического текста; 3) характеристика этого источника и мотивировка выбора основного текста; 4) указание других источников, на основании которых в основной текст внесены отдельные исправления. Все эти сведения необходимы для того, чтобы сделать работу редактора подконтрольной читателю и критике, чтобы устранить разнобой и субъективизм в подготовке текстов и придать их публикации документальную достоверность. Это позволит систематически совершенствовать и уточнять тексты в случае пополнения имеющихся источников и в целом даст доброкачественное издание, на которое массовый читатель имеет такое же бесспорное право, как и исследователь-литературовед.

В заключение следует сказать несколько слов и о материальной базе издания. В интересах максимально полного учета всех источников текста произведений Маяковского, их надежного хранения, научного изучения и описания, а также взаимных сопоставлений при определении последовательных этапов творческой работы автора над данным произведением необходимо сосредоточить в едином государственном хранилище все рукописное наследие Маяковского, корректуры, плакаты, альбомы, рекламные этикетки, записные книжки, письма и т. п., а также экземпляры всех прижизненных и посмертных изданий его произведений. Весьма желательно, чтобы немедленно, не дожидаясь централизации упомянутых выше материалов, все организации и лица, владеющие какими-либо рукописями Маяковского, передали фотокопии с них в Библиотеку-музей Маяковского, в Государственный литературный музей или в Институт мировой литературы имени А. М. Горького. После сосредоточения в едином хранилище всех рукописей Маяковского следует подготовить и издать их научное описание.

Чрезвычайно необходима активизация работы по библиографии всех произведений Маяковского, как выпущенных отдельными книгами и сборниками, так и опубликованных в периодической печати. Исключительно большое значение имело бы и составление полной аннотированной библиографии литературы о Маяковском, по которой до сих пор нет библиографических справочников.

Совокупность этих мероприятий поможет успешно разрешить актуальную и ответственную задачу научного издания сочинений Маяковского.

И. С. ЕЖОВ

ОПЫТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НАД ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ М. ГОРЬКОГО В НОВОМ СОБРАНИИ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

I. Выбор основного текста

1

Новое собрание сочинений великого писателя, подготовленное Институтом мировой литературы имени А. М. Горького[1], значительное явление в культурной жизни нашей страны.

Самый широкий круг советских читателей впервые получил наиболее полный свод произведений основоположника советской литературы. В новое издание вошли около 150 художественных произведений (свыше 100 авторских листов), которые были опубликованы автором в газетах, журналах, сборниках, но никогда ранее не входили в его собрания сочинений. Кроме того, включено 17 художественных произведений, которые при жизни автора не были опубликованы, в том числе пьесы «Яков Богомолов» (т. 12), «Сомов и другие» (т. 18), 4-я часть «Жизни Клима Самгина» (т. 22) и др. Пять томов (23—27) составляют публицистические и литературно-критические произведения Горького (статьи, доклады, речи, рецензии, воззвания, приветствия и т. п.). Эти произведения никогда ранее не включались в собрания сочинений, а некоторые из них при жизни автора не были опубликованы. Наконец, в данное собрание впервые вводятся избранные письма Горького (тт. 28—30).

Таким образом, в смысле полноты новое тридцатитомное собрание сочинений Горького если не является исчерпывающим, то все же далеко оставляет за собой все предшествующие прижизненные и посмертные собрания.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах. М., Гослитиздат, 1949—1954.

Все художественные, публицистические и литературно-критические произведения расположены в хронологическом порядке по времени их написания или, если дата их написания не установлена, по времени их опубликования. В особые томы (6, 12 и 18) выделены драматические произведения (пьесы и сценарии). Рассказы, объединенные самим Горьким в циклы, напечатаны в новом издании так же в виде циклов (например, «Русские сказки», «Сказки об Италии», «По Руси» и т. д.).

По организации тщательной, строго научной подготовки текстов произведений великого писателя тридцатитомное собрание сочинений М. Горького знаменует дальнейший шаг вперед в деле издания произведений классиков русской литературы и в развитии советской текстологии. В целях устранения возможности редакторского произвола, нередко имевшего место в изданиях сочинений классиков, и обеспечения максимальной авторитетности в установлении канонических текстов произведений впервые за все время как дореволюционной, так и советской текстологической практики проведены были два мероприятия: «паспортизация» текста каждого произведения и постоянный коллективный контроль специально созданной текстологической комиссии над работой подготовителей текстов, рецензентов и вообще всех лиц, в какой-либо степени причастных к подготовке текстов.

Подготовитель текста произведения, заменивший редактора в прежних изданиях классиков, был лишен права самочинно вносить в текст какие-либо исправления и изменения. Он был обязан, проанализировав все источники текста данного произведения, как печатные, так и рукописные, указать, какой из этих источников он признает основным, и какие изменения и исправления он предлагает сделать в принятом им тексте. Все эти предложения с их обоснованием заносились в «паспорт», который поступал на рассмотрение и заключение текстологической комиссии, рассматривавшей также и всякого рода изменения и дополнения к текстам по предложениям рецензента данного тома, лингвиста и т. п. Без рассмотрения и утверждения текстологической комиссии не делалось ни одного исправления или изменения в основном тексте произведения. Таким образом, только текстологическая комиссия полномочна была решать вопросы о выборе основного текста и о его изменениях и исправлениях. Все решения текстологической комиссии закреплены в протоколах ее заседаний. Поступавшие на ее рассмотрение вопросы решались окончательно и лишь в редких, спорных случаях, когда изменения в основных текстах произведений вызывали разногласия, вопрос выносился на рассмотрение ученого совета института.

За четыре года деятельности текстологическая комиссия выполнила большую работу по установлению канонического текста произведений М. Горького. Она детально и тщательно обсудила и разрешила множество вопросов о выборе основного текста произведений и о внесении в него различного рода исправлений, стремясь дать читателю подлинный текст Горького, очищенный от всех искажений, наслоившихся в прежних изданиях его сочинений.

2

Первоочередной задачей при научной подготовке к печати произведений того или иного писателя-классика является выбор основного текста каждого произведения. Правильный выбор основного текста — главное условие установления канонического текста, т. е. окончательного и общеобязательного для всех изданий на данной ступени изучения творчества писателя.

Выбор основного текста произведений Горького весьма сложная проблема. Большая часть его произведений печаталась при жизни писателя по многу раз. В его архиве сохранилось большое количество автографов произведений, рукописных и машинописных копий и корректур. Обилие и разнообразие источников текстов произведений Горького, как опубликованных при его жизни, так и оставшихся в рукописях, требует особо тщательного их изучения.

При жизни Горького его произведения, отобранные им самим, неоднократно выходили и в отдельных изданиях, и в виде сборников очерков и рассказов, и в виде собраний сочинений. При подготовке некоторых из этих изданий Горький не раз заново правил включенные в них произведения. Последним прижизненным изданием сочинений Горького, вышедшим при его участии, является собрание сочинений, выпущенное издательством «Книга» в Берлине. Первые 16 томов этого издания вышли в 1923 г. В самом начале первого тома было напечатано: «Настоящее издание просмотрено автором. Почти все рассказы редактированы, исправлен язык. Некоторые значительно сокращены. *М. Горький*».

Большая часть произведений, составивших указанные 16 томов, и раньше уже включалась автором в предшествующие собрания его сочинений, выпускавшиеся издательствами: С. Дороватовского и А. Чарушникова в 1898—1899 гг. («Очерки и рассказы», тт. I—III), товарищества «Знание» в 1900—1910 гг. (тт. I—V и IX «Рассказы», тт. VI—VIII — «Пьесы»), «Жизнь и знание» в 1914—1917 гг. (Собр. соч., тт. X—XX) и т-ва А. Ф. Маркс в 1917—1918 гг. (в приложении к журналу «Нива», Полн. собр. соч., вышли только томы I—VI).

Однако в 16 томах собрания сочинений 1923 г. содержится еще ряд произведений, которые не входили ни в одно из предшествовавших собраний сочинений и включены Горьким в издание «Книга» впервые. В цикле рассказов и очерков «По Руси» к 11 рассказам, ранее составлявшим XIX том собрания сочинений в издании «Жизнь и знание» 1915 г., добавлено еще 18 рассказов из книги «Ералаш» и другие рассказы», вышедшие в издательстве «Парус» в 1918 г. Из этого же сборника взяты и также впервые включены Горьким в собрание сочинений в издании «Книга» сказка «Девушка и Смерть» и «Баллада о графине Эллен де Курси».

Дальнейшие томы (XVII—XXII) собрания сочинений Горького в издании «Книга» выпускались по мере накопления материала, так как в них вошли новые произведения Горького, написанные им в 1922—1930 гг. При этом произведения, включенные в очередной том собрания сочинений, предварительно выпускались тем же издательством в виде отдельных книг.

Так, в 1924 г. в этом издании вышло две книги Горького: «Заметки из дневника. Воспоминания» и «Рассказы 1922—1924 гг.», которые целиком вошли в состав XVII тома собрания сочинений, выпущенного в 1925 г. Точно так же повесть «Дело Артамоновых» сначала была издана отдельной книгой в 1925 г. и в том же году — в виде тома XVIII собрания сочинений. Том XIX также является воспроизведением отдельной книги: «Воспоминания. Рассказы. Заметки» (оба издания вышли в 1927 г.). Наконец, части 1, 2 и 3-я «Жизни Клима Самгина», предварительно изданные отдельными книгами в 1927, 1928 и 1931 гг., составили томы XX, XXI и XXII собрания сочинений, выпущенные тем же издательством и в те же годы.

Из сравнения текстов томов XVII—XXII собрания сочинений в издании «Книга» с текстами соответствующих отдельных изданий видно, что они печатались по матрицам отдельных изданий без всяких изменений, так что тексты томов собрания сочинений страница в страницу совпадают с текстами отдельных изданий. Прибавлялась лишь в начале тома титульная страница с обозначением его номера, да в томе XVII на матрицах с отдельного издания книги «Рассказы 1922—1924 гг.» были изменены колонцифры (нумерация страниц), так как эта книга заняла в томе вторую его половину.

Собрание сочинений Горького в издании «Книга» 1923—1931 гг. составлено целиком самим автором. Но можно ли это собрание сочинений безоговорочно считать последним прижизненным авторизованным собранием и тексты всех произведений, включенных в его состав, принимать как основные? Такое решение вопроса о выборе текста было бы чисто механическим и повело бы к ряду серьезных ошибок.

Участие Горького в названном издании сочинений не вызывает никаких сомнений. Однако Горький свою работу по подготовке текстов к этому собранию сочинений не закончил. Об этом свидетельствует его ответ на анкету, предложенную в 1930 г. ряду известных литераторов «Издательством писателей в Ленинграде». Отвечая на 15-й вопрос анкеты: «Меняете ли Вы текст при последующих изданиях?», Горький писал: «15. Пробовал сократить текст в 23 году при первом издании собрания сочинений. Работу эту не закончил, возникло желание уничтожить половину написанного»[2]. Участие автора выразилось не в одинаковой степени во всех томах. Для большей части произведений, составляющих первые 16 томов, участие Горького ограничилось только подготовкой текстов к печати, а набор и печатание происходили без него. Все 16 томов печатались в типографии Штамера в Лейпциге без участия автора, который корректур не правил. В издание вкрались многочисленные ошибки и опечатки. Некоторые произведения набирались и печатались по оригиналам, которых Горький не правил и не готовил для данного издания. Наконец, есть и такие произведения, которые хотя и печатались по тексту, подготовленному автором, но этот текст не может служить основным, так как автор уже после выхода в свет этого собрания сочинений заново их исправил и переделал. В других томах участие Горького выразилось не только в подготовке текстов произведений, но и в правке корректур. Поэтому при решении вопроса о выборе основного текста каждого произведения, вошедшего в состав данного собрания сочинений, необходимо было установить, на какой стадии остановилась работа автора над текстом произведения, какой текст выражает последнюю авторскую волю.

3

Решение вопроса о выборе основного текста в ряде случаев облегчалось тем, что для значительного числа произведений, введенных автором в собрание сочинений в издании «Книга», сохранились тексты, подготовленные им именно для этого издания, исправленные им и служившие в качестве оригиналов, с которых набирался и печатался текст. Горький в большинстве случаев брал печатные листы из предшествующих изданий своих произведений и правил их для издания «Книга».

Так, например, он использовал печатные листы своих книг: 1) М. Горький. Рассказы. Том I, 2-е издание товарищества «Знание», Пб., 1900 и 2) М. Горький. Рассказы. Том II,

---

[2] М. Горький. [Как я пишу]. Собр. соч. в тридцати томах, т. 26, 1954, стр. 225.

издание т-ва «Знание», Пб., 1900. Из первой книги были взяты все листы, содержащие рассказы: «Макар Чудра», «О чиже, который лгал, и о Дятле, любителе истины», «Емельян Пиляй», «Дед Архип и Ленька», «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Однажды осенью», «Ошибка», «Мой спутник», «Дело с застежками», «Песня о Соколе», «На плотах», «Болесь» и «Тоска». Из второй книги Горький заимствовал только часть листов с рассказами: «Коновалов», «Хан и его сын», «Вывод» и «Супруги Орловы». Все эти 18 рассказов Горький включил в первый том собрания сочинений в издании «Книга». Тексты рассказов в названных выше листах он подготовил к печати и правил сам; лишь перевод со старого правописания, по которому печатались указанные выше издания, на новое сделан был красными чернилами не его рукой. Исправленные автором тексты и явились оригиналом набора первого тома собрания сочинений в издании «Книга». Но самый набор и печатание тома происходили уже без участия Горького, и корректур он не вел. Все поименованные рассказы, за исключением рассказа «Вывод», Горький правил в последний раз и больше к ним не возвращался. Таким образом, для этих рассказов последнюю авторскую волю выражает не печатный текст первого тома в издании «Книга», а именно текст исправленного и подготовленного самим автором оригинала набора для этого тома. Этот последний авторизованный текст названных 17 рассказов и принят в новом собрании сочинений Горького в качестве основного, что, несомненно, следует считать единственно правильным решением.

Что касается рассказа «Вывод», то текст его, подготовленный автором для собрания сочинений в издании «Книга», уже не является последним авторизованным текстом и поэтому не мог быть признан в качестве основного, так как в 1935 г. Горький вновь вернулся к этому рассказу, чтобы подготовить его для «Крестьянской газеты». Рассказ был подвергнут стилистической правке, кроме того, добавлен был новый конец (от слов: «Я знаю, что за измену у нас...»). В исправленном и дополненном виде рассказ «Вывод» был напечатан в «Крестьянской газете», 1935, № 35—36, 8 марта, в международный женский день. В Архиве А. М. Горького имеется машинописная копия рассказа, в которой содержится большая правка Горького и его приписка в конце, сделанные синим карандашом; имеется также правка чернилами не рукой автора. Текст машинописи, исправленный и дополненный Горьким, совпадает с текстом, опубликованным в газете. Однако нет достаточных оснований утверждать, что именно с данной машинописи набирался текст рассказа, помещенный в газете. Поэтому в тридцатитомном собрании сочинений М. Горького рассказ

«Вывод» печатается по тексту «Крестьянской газеты», который принят в качестве основного как последний авторизованный текст.

Рассмотренные произведения Горького, составляющие первый том собрания сочинений в издании «Книга», в новом издании размещены в первом и втором томах.

Так же, как и для указанных выше рассказов, Горький готовил тексты для большинства остальных произведений, составивших первые 16 томов собрания сочинений в издании «Книга», в том числе для произведений: «Бывшие люди», «Варенька Олесова», «Мальва», «Скуки ради», «Ярмарка в Голтве», «Проходимец», «Читатель», «Двадцать шесть и одна», «Песня о Буревестнике», «Фома Гордеев», «Трое», «Исповедь», «Мать», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», «В людях», «Хозяин», циклы рассказов и очерков «По Руси», «В Америке», «Русские сказки» и др.

Подготовленные Горьким для издания «Книга» тексты этих произведений, хранящиеся в Архиве А. М. Горького, взяты в новом издании его сочинений за основные.

4

В некоторых случаях вопрос о выборе основного текста осложняется наличием так называемых «боковых» редакций произведения, возникших оттого, что автор вновь правил его не по тексту, ранее уже им отредактированному для другого издания и непосредственно предшествующему новому тексту, а по другим, более ранним источникам. Примером такого рода является повесть «Мать».

Впервые повесть «Мать» была напечатана не на русском языке, а в переводе на английский язык в американском журнале «Аппельтон мэгэзин» в 1906—1907 гг. Русский текст повести, с которого был сделан перевод на английский язык, до нас не дошел. В 1907 г. в Берлине, в издательстве И. П. Ладыжникова, вышло отдельное издание повести на русском языке. Сохранилась машинописная копия 2-й части повести, правленная автором и послужившая оригиналом набора для издания И. П. Ладыжникова 1907 г. (Архив А. М. Горького). Оригинал набора 1-й части не сохранился.

В России «Мать» впервые появилась в сборниках т-ва «Знание» за 1907 г., книги XVI, XVII, XVIII и XIX, и за 1908 г., книги XX и XXI. Повесть напечатана здесь с большими цензурными изъятиями и искажениями. В Архиве А. М. Горького хранится машинописная копия отрывка из первой части повести с правкой автора, послужившая оригиналом набора для глав XVII—XIX в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1907 год», книга XVIII (эти главы соответствуют главам XXI—XXIX оконча-

тельного текста первой части в новом издании). Там же находится еще одна машинописная копия, без начала, с исправлениями автора. Текст копии начинается с середины XXXI главы и кончается XXXV главой второй части повести, помещенной в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1908 год», книга XXI [3] (соответствует главам XXIII—XXIX окончательного текста). Таким образом, есть возможность хотя бы частично сравнить оригинал набора с напечатанным текстом.

Подготовленный Горьким для издания т-ва «Знание» текст повести, незначительно отличающийся от текста отдельного издания И. П. Ладыжникова 1907 г., при печатании был совершенно обезображен цензурными изъятиями.

В конце марта 1907 г. вышла в свет книга XVI сборника т-ва «Знание», за ней последовали: в июне — книга XVII и в июле — XVIII. В этих книгах была напечатана первая часть повести. Петербургский комитет по делам печати на восемнадцатый сборник наложил арест, а по докладу цензора Федорова был наложен арест и на оба предшествующих сборника, значительная часть тиража которых к тому времени уже разошлась. Кроме того, по докладу цензора Петербургский комитет по делам печати вынес постановление о возбуждении судебного дела против Горького как автора произведения, содержащего противоправительственную пропаганду. При таких условиях не представлялось возможности напечатать в сборниках вторую часть повести полностью. Чтобы все-таки так или иначе завершить издание, и автор и редакция сборников решили сами изъять все наиболее политически острые места. Со своей стороны, цензура сделала многие новые изъятия.

В результате текст второй части повести, помещенной в сборниках т-ва «Знание», — книга XIX, XX, XXI — пестрел точками, обозначающими не пропущенные цензурой места; были изъяты даже целые главы.

Авторских рукописей повести «Мать» не сохранилось.

Неизвестная нам рукопись повести, представленная Горьким для английского перевода, является ее первоначальной редакцией, о содержании которой можно судить лишь по названному переводу. Из него можно заключить, что первоначальная редакция повести значительно отличается от первых ее изданий на русском языке. Так, по первоначальной редакции убийство шпиона Исая совершает Андрей Находка, в ней больше эпизодических лиц, в сцене суда значительную роль играли защитники и т. д. Подготовляя текст «Матери», предназначенный для отдельного издания И. П. Ладыжникова

---

[3] Вместо главы XXXIII в сборнике строки точек.

1907 г. и для помещения в сборниках т-ва «Знание», Горький, очевидно, заново отредактировал повесть, причем внес в нее значительные изменения, которые сохранились и в текстах последующих изданий, вплоть до последних прижизненных.

Вторично Горький редактировал повесть «Мать» для второго издания в издательстве И. П. Ладыжникова, которое вышло в Берлине в 1908 г. Горький взял печатные листы первого издания И. П. Ладыжникова 1907 г., стилистически их выправил и впервые установил здесь то деление повести на главы, которое потом уже не менялось во всех последующих изданиях. (Эти исправленные автором листы хранятся в Архиве А. М. Горького). По тексту второго издания И. П. Ладыжникова 1908 г. было без всяких изменений и без участия автора перепечатано еще одно издание повести «Мать», выпущенное в 1911—1912 гг. в Берлине в том же издательстве (книга вышла без обозначения года).

В 1914—1916 гг. Горький в третий раз занялся обработкой всего текста повести для издательства «Жизнь и знание», но опубликовать этот заново отделанный текст повести в России оказалось возможным лишь в 1917 г., когда в указанном издании вышел в свет том XV собрания сочинений М. Горького в двух книгах, содержащих первую и вторую части повести «Мать» в новой редакции. По какому источнику готовил Горький этот текст, остается неизвестным; не дошел до нас и оригинал набора издания 1917 г. Поэтому о характере правки в этой третьей редакции повести можно судить лишь по печатному тексту. Надо полагать, что Горький готовил текст к этому изданию по печатным листам одного из изданий И. П. Ладыжникова; по всей вероятности, это было издание 1911—1912 г. Судя по печатному тексту 1917 г., эта новая редакция повести сильно отличается от предыдущих. Изменены некоторые черты в характеристике героев повести (Андрей Находка и др.), произведены сокращения в тех местах текста, где содержатся размышления матери на религиозные темы, рассуждения Находки; особенно много внимания уделено языку повести.

Редакция в издании «Жизнь и знание» 1917 г. является последним звеном в работе автора над повестью в дореволюционное время.

В 1922 г. Горький в последний раз редактировал повесть «Мать» для собрания сочинений в издании «Книга» (том VII, вышедший в 1923 г.). Для этого издания Горький готовил повесть не по тексту, напечатанному в 1917 г. в издании «Жизнь и знание», так как этого текста в 1922 г. под руками у него не было, а воспользовался печатным текстом в третьем издании И. П. Ладыжникова 1911—1912 г. (Правленные автором листы

этого издания, служившие оригиналом набора тома VII в издании «Книга», хранятся в Архиве А. М. Горького).

Таким образом, по отношению к изданию 1917 г. нарушилась последовательность звеньев авторской работы над текстом повести: издание 1917 г. осталось в стороне как ответвление от прямой линии, идущей от первых изданий повести к тексту 1922 г., и представляет «боковую» редакцию повести. Ее последним прижизненным авторизованным текстом является текст, подготовленный для издания 1923 г., который в новом собрании сочинений и принят за основной.

«Боковая» редакция повести «Мать», кстати сказать, не отличающаяся существенно от текста 1922 г., так как направление творческой работы автора над повестью в 1917 и 1922 гг. было сходно, может служить лишь источником для вариантов текста.

В некоторых случаях «боковые» редакции имеются не ко всему произведению, а лишь к части его. Так обстоит дело с «Жизнью Клима Самгина». Первая часть «Жизни Клима Самгина» полностью впервые вышла в отдельном издании «Книга» в 1927 г. и затем в том же году в виде тома XX собрания сочинений в том же издательстве. Тогда же первая часть повести в отрывках печаталась в газетах «Правда» (начиная с № 139, 23 июня и кончая № 158, 15 июля) и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (начиная с № 143, 26 июня и кончая № 173, 31 июля) под заглавием «Сорок лет (Трилогия). Часть I. „Жизнь Клима Самгина“»; в журнале «Красная новь» (№№ 5—7, май—июль) под заглавием «Жизнь Клима Самгина. (Глава из повести)»; в журнале «Огонек» (№№ 25—31, июнь—июль) под заглавием «Жизнь Клима Самгина. Из романа „Сорок лет“»; в журнале «Красная панорама» (№№ 26—36, 24 июня—2 сентября); в альманахе «Круг», книга 6, под заглавием «Сорок лет. (Глава из романа)». В Архиве А. М. Горького хранится правленная автором машинописная копия IV главы первой части повести, послужившая оригиналом набора текста, опубликованного в газете «Правда». Исправления и изменения, внесенные Горьким в машинопись, отражены только в печатном тексте «Правды» и не вошли ни в отдельное издание «Книга», ни в том XX того же издания, и, таким образом, текст главы IV, помещенный в газете «Правда», является «боковой» редакцией этой главы. Отрывки, напечатанные в других изданиях, новой правки не содержат.

Вторая часть «Жизни Клима Самгина» впервые была напечатана в отдельном издании «Книга» 1928 г. и в томе XXI собрания сочинений того же издания.

Тогда же вторая часть повести, с подзаголовком «Вторая часть трилогии „Сорок лет“», одновременно печаталась в жур-

налах «Новый мир» (№№ 5—9, май—сентябрь) и «Красная новь» (№№ 5—8, май—август). В «Новом мире» помещена первая половина второй части повести от начала до слов: «— Охота вам связываться...» (см. т. 20, стр. 310), в «Красной нови» — вторая половина со слов: «На театральной площади» (см. там же) до конца. В Архиве А. М. Горького хранится разрозненный дубликат гранок отдельного издания второй части «Жизни Клима Самгина» в издании «Книга» 1928 г. с правкой автора. Этот дубликат был послан Горьким в качестве наборного экземпляра для журнальных публикаций. При получении его нескольких гранок не оказалось, и Горький выслал другой дубликат, где заново выправил недостающие в первом экземпляре гранки. Эта правка отражена лишь в тексте, напечатанном в журнале «Новый мир», а в издание «Книга» также не вошла и составляет «боковую» редакцию первой половины повести.

И в этих случаях основными текстами повести признаны тексты в издании «Книга».

5

Выявление последнего авторизованного текста для всей группы рассмотренных выше произведений Горького, включенных им в собрание сочинений в издании «Книга» 1923 г., не представляло особых затруднений.

Но в том же собрании сочинений есть ряд произведений, для которых выбор основного текста является весьма сложной задачей.

Во-первых, к некоторым произведениям не сохранилось оригиналов набора и остается неизвестным, по какому тексту печатались они в названном собрании сочинений. Такова, например, повесть «Лето». Ряд произведений набирался и печатался по текстам, самим автором не подготовленным и им не правленным («Злодеи», «Мещане», «На дне», «Дачники», «Варвары», «Детство» и др.). Тексты некоторых произведений («Товарищ!», «Человек», «Дети солнца») Горький заново отредактировал и исправил еще до выхода в свет собрания сочинений в издании «Книга», но эти исправленные автором тексты оставались неопубликованными при его жизни. Наконец, ряд произведений был вновь правлен Горьким уже после напечатания собрания сочинений 1923 г. Часть этих произведений с заново исправленным автором текстами была опубликована при его жизни («Вывод», «В. И. Ленин», «Враги»), исправленные автором тексты других произведений оставались неизвестными до настоящего времени («Жизнь ненужного человека», «Последние», «Чудаки», «Васса Железнова», «Зыковы», «Ста-

рик»). Значительные затруднения встретились также при выборе основного текста для серии очерков «Мои интервью» и цикла «Сказки об Италии».

Анализ источников некоторых произведений показал, что работа автора в последний раз происходила значительно раньше выхода собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. Приведем примеры.

Повесть «Лето» впервые была напечатана в «Сборнике т-ва „Знание" за 1909 год», книга XXVII (СПб., 1909), с большими цензурными изъятиями. Одновременно повесть была выпущена отдельной книжкой издательством И. П. Ладыжникова в Берлине (без обозначения года издания). Текст повести в этом издании воспроизведен полностью, без цензурных искажений и купюр. В Архиве А. М. Горького сохранились две машинописные копии повести, напечатанные на одинаковой бумаге, обе с правкой и подписью автора. Одна машинопись сохранилась не полностью: она начинается 78 страницей — почти половина текста повести в ней отсутствует. С этой правленной Горьким машинописи набирался текст издания И. П. Ладыжникова. Вторая машинопись сохранилась полностью. Эта машинопись исправлена и подготовлена была автором для сборника «Знание», с нее печатался текст повести в сборнике, изуродованный цензурой. Затем повесть вошла в состав тома XIV собрания сочинений М. Горького в издании «Жизнь и знание» (Пг., 1916); здесь в тексте повести общая и военная цензура сделала большие изъятия. Текст, по которому набиралась и печаталась повесть «Лето» в томе VI собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г., до нас не дошел; он совпадает с текстом издания И. П. Ладыжникова. Таким образом, единственным полным и последним авторизованным текстом повести «Лето» должен быть признан текст указанной выше второй машинописи; он и был принят в качестве основного.

Повесть «Детство» после первой публикации в газете «Русское слово» (с 25 августа 1913 г. по 23 января 1914 г.) редактировалась Горьким дважды. В первый раз он правил полный текст повести в машинописной копии, с которой затем набиралось и печаталось отдельное издание ее в издательстве И. П. Ладыжникова, вышедшее в начале 1914 г. в Берлине. В Архиве А. М. Горького имеется только часть этой машинописи, содержащая текст повести, начиная с главы VII и до конца. Вторично Горький редактировал «Детство» для тома XX собрания сочинений в издании «Жизнь и знание» (Пг., 1915). Для подготовки к этому изданию Горький взял печатный текст из отдельного издания И. П. Ладыжникова. По тексту XX тома в издании «Жизнь и знание» повесть печаталась в издатель-

стве З. И. Гржебина в 1922 г. От издательства Гржебина Н. О. Лернером послан был Горькому листок с вопросами об исправлении текста повести в десяти местах. Листок с ответами М. Горького хранится в Архиве А. М. Горького. С издания Гржебина перепечатывались все дальнейшие издания повести «Детство», в том числе и в собрании сочинений в издании «Книга» (т. X), без участия автора. Таким образом, в последний раз Горький работал над текстом «Детства», подготовляя его для XX тома собрания сочинений в издании «Жизнь и знание» в 1915 г. Поэтому в новом собрании сочинений этот текст взят как основной с учетом тех поправок, которые Горький согласился принять по запросу издательства Гржебина.

Подобным же образом выбран основной текст рассказа «Злодеи», который впервые был опубликован в ноябре 1901 г. одновременно в двух газетах — «Нижегородский листок» и «Курьер» (Москва) под заглавием «История одного преступления». Вскоре после первой публикации Горький по вырезкам из «Нижегородского листка» правил рассказ для предполагавшегося перевода его на немецкий язык, а также для повторного издания т-вом «Знание» (вырезки хранятся в Архиве А. М. Горького). Горький не только исправил текст рассказа, но и изменил заглавие, назвав его «Преступление». Издание рассказа т-вом «Знание», так же как и перевод его на немецкий язык не осуществились. В декабре 1901 г. в письме к Н. Д. Телешеву, подготовившему сборник, в который предполагалось включить этот рассказ, Горький просил озаглавить его «Преступник». Какой текст рассказа был послан Телешеву, неизвестно. Затем Горький вернулся к рассказу в 1914 г., подготовляя его для тома X собрания сочинений в издании «Жизнь и знание». Подготовка производилась по машинописной копии рассказа, исправленный автором текст которой под новым заглавием «Злодеи» и был напечатан в названном томе. В собрании сочинений Горького в издании «Книга» (т. XIII) текст рассказа перепечатан без изменений из X тома издания «Жизнь и знание». Листы этого тома, бывшие оригиналом набора для издания «Книга», не содержат никаких следов авторской правки (листы хранятся в Архиве А. М. Горького). Последним авторизованным текстом рассказа «Злодеи», следовательно, является текст, подготовленный автором в 1914 г. для издательства «Жизнь и знание».

Приведем пример еще более раннего текста, принятого за основу. Пьеса «На дне» была закончена Горьким 15 июня (по старому стилю) 1902 г., когда он жил в Арзамасе. Горький послал беловую рукопись пьесы в Петербург К. П. Пятницкому. В этой рукописи пьеса носит заглавие «Дно» (хранится

в Архиве А. М. Горького). Пятницкий, сделав машинописные копии с полученной им рукописи пьесы, отослал и рукопись и копии обратно Горькому в Арзамас. В машинописный текст пьесы Горький внес ряд существенных исправлений и изменений. 25 июля Горький один исправленный им машинописный экземпляр пьесы выслал снова Пятницкому для издания т-вом «Знание». Другой машинописный экземпляр пьесы был послан Горьким А. П. Чехову, который, прочитав пьесу, 29 июля вернул полученный им экземпляр автору. По-видимому, тогда же экземпляр пьесы отослан был за границу, где она была издана отдельной книгой издательством И. Мархлевского и К° в Мюнхене под заглавием «На дне жизни. Картины. Четыре акта». Год издания на книге не обозначен, но в России она поступила в продажу в конце декабря 1902 г. Оригинал, с которого печатался текст мюнхенского издания пьесы, до нас не дошел. На титульной странице книги напечатано: «Vom Manuscript gedruckt» («Напечатана с рукописи»). Вероятно, это была одна из машинописей, полученных Горьким от Пятницкого. Почти одновременно пьеса печаталась в Петербурге в издательстве т-ва «Знание» и вышла также отдельной книгой под заглавием «На дне» (СПб., 1903). Книга поступила в продажу 31 января 1903 г. После правки пьесы в 1902 г. для отдельного издания т-ва «Знание» Горький ни разу не возвращался к ее тексту, и все последующие издания «На дне» (а именно: в томе VI, «Пьесы», собрания сочинений в издании т-ва «Знание», СПб., 1903; в томе IV собрания сочинений в издании А. Ф. Маркса, Пг., 1918; отдельные издания З. И. Гржебина, Пг., 1920 и Берлин — Пб. — М., 1922; в томе XIV собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г.) воспроизводят без изменений текст отдельного издания т-ва «Знание». Оригиналом набора текста пьесы в собрании сочинений в издании «Книга» служили печатные листы из тома VI, «Пьесы», в издании т-ва «Знание»; авторская правка в этом оригинале отсутствует. Печатание первого отдельного издания пьесы в т-ве «Знание» происходило без участия автора, корректур он не читал. И все последующие печатные тексты ни в оригиналах, ни в корректурах автором не правились. Поэтому текст машинописной копии пьесы, которую Горький исправил в июле 1902 г. и выслал Пятницкому для издания, является последним авторизованным текстом пьесы. В новом собрании сочинений (т. 6, стр. 552), в примечаниях к пьесе «На дне», сказано: «Печатается по машинописному тексту, правленному Горьким в 1902 году». Это правильно, но не совсем точно. В Архиве А. М. Горького имеется *две* машинописные копии пьесы, и обе они правлены Горьким в 1902 г. Какую же из них имеет в виду указанное примечание? Это остается не-

известным. На одной машинописи на первом листе I акта перед текстом рукой автора черными чернилами написано заглавие пьесы: «На дне жизни» и подчеркнуто волнистой чертой. Машинопись от начала до конца правлена рукой Горького черными чернилами; особенно много исправлений и три вставки сделано в III и IV актах. Очевидно, именно эта машинопись в указанном примечании к пьесе (т. 6, стр. 550) названа «беловой». «Заглавие, — говорится в примечании, — в процессе работы над пьесой менялось несколько раз. В рукописи она называлась «Без солнца», «Ночлежка», «Дно», «На дне жизни». Последнее заглавие сохранилось даже в беловой машинописи, правленной автором, и в печатном мюнхенском издании. Окончательное заглавие «На дне» впервые появилось только на афишах Московского Художественного театра».

Вторая машинопись является дублетом первой; напечатана она на такой же бумаге, как и первая. Заглавие «На дне» написано рукой К. П. Пятницкого на второй обложке. На первом листе I акта перед текстом черным карандашом рукой Е. П. Пешковой написано: «На дне [жизни]»; слово «жизни» зачеркнуто черными чернилами. Машинопись правлена черными чернилами и черным карандашом рукой К. П. Пятницкого. Поправки рукой Горького имеются только в III акте. Все поправки в этой машинописи дублируют поправки, сделанные автором в первой машинописи. В дополнение к этим поправкам дан лишь список действующих лиц, написанный рукой Пятницкого на обороте второй обложки. На первой обложке рукой Горького сделана черными чернилами надпись: «Исправлено». На второй обложке рукой Пятницкого черными чернилами написано: «М. Горький». Итак, текст второй машинописи дублирует текст первой и авторизован Горьким, хотя в большей своей части правлен не его рукой. Текст этой машинописи воспроизведен в отдельном издании т-ва «Знание», хотя и не служил для него непосредственно оригиналом набора. Именно вторую машинопись, на которую перенесены все исправления автора из первой и которая проверена, одобрена и исправлена в III акте, следует принять за основу при выборе текста пьесы в новом издании.

6

Некоторые произведения, вошедшие в состав собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г., подвергались еще до включения их в это собрание правке автора, подготовлявшего их для других, более ранних, изданий, но эти отредактированные автором тексты, сохранившиеся в архиве писателя, при жизни его оставались по тем или иным причинам неопубликованными.

Так обстоит дело со сказкой «Товарищ!», поэмой «Человек» и пьесой «Дети солнца».

Сказка «Товарищ!» впервые была напечатана в «Сборнике т-ва „Знание" за 1906 год», книга XIII (СПб., 1906) и одновременно вышла отдельной книжкой за границей в издательстве И. Дитца в Штутгарте. В том же году она была перепечатана в журналах «Наше дело» (№ 3, М.) и «Молодая жизнь» (№ 1, Пб.), в газете «Труд» (№№ 10 и 11, 25 и 26 апреля) и в сборнике «В борьбе» (вып. 3, изд. «Борьба», Пб.). Эти публикации являются простыми перепечатками из сборника т-ва «Знание». В 1915 г., предполагая включить сказку «Товарищ!» в XVI том собрания сочинений в издании «Жизнь и знание», М. Горький взял для подготовки к этому изданию печатный текст сказки из штутгартского издания И. Дитца и исправил его от начала до конца, причем во второй половине текста исправления касались почти только пунктуации. Однако в томе XVI собрания сочинений в издании «Жизнь и знание», вышедшем в 1915 г., сказки не оказалось — цензура ее не пропустила. Исправленный Горьким печатный текст издания Дитца при жизни автора остался неопубликованным. В собрании сочинений в издании «Книга» 1923 г. (т. III) сказка «Товарищ!» печаталась по машинописной копии, в которой никакой авторской правки нет и которая Горьким не подписана. Текст этот воспроизводит печатный текст штутгартского издания, но без тех поправок, которые внес Горький в указанные выше листы, подготовленные для издания «Жизнь и знание». Итак, остававшийся до сих пор неизвестным текст сказки «Товарищ!», подготовленный самим автором в 1915 г. для XVI тома собрания сочинений в издании «Жизнь и знание», является последним авторизованным ее текстом. В новом собрании сочинений он и принят в качестве основного.

Точно так же до сих пор был известен один только текст поэмы «Человек», впервые опубликованный в «Сборнике т-ва „Знание" за 1903 год», книга I (СПб., 1904). По тексту этого сборника поэма перепечатывалась без всяких изменений во всех последующих ее изданиях, а именно: 1) в серии «Дешевая библиотека», изд. т-ва «Знание» в 1906 г.; 2) в томе IX собрания сочинений М. Горького в издании т-ва «Знание», в 1910 г.; 3) в томе IV собрания сочинений в издании А. Ф. Маркса, Пг., 1918; 4) в книге «М. Горький. Избранные рассказы. 1893—1915» в издании З. И. Гржебина 1923 г. и 5) в томе III собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. Подготовляя свои рассказы для III тома в издании «Книга», М. Горький использовал печатные листы тома IX собрания сочинений в издании т-ва «Знание» (Пб., 1910). В этом томе содержались произведения: «Человек», «Тюрьма», «Букоемов

Карп Иванович», «Рассказ Филиппа Васильевича» и «Исповедь». Горький заново выправил и отредактировал все эти произведения, но издательство «Книга» получило исправленные автором тексты только последних четырех произведений, текст же «Человека», тоже исправленный Горьким для издания «Книга» одновременно с названными четырьмя произведениями, издательством не был получен, что явствует из надписи Ладыжникова на присланном Горьким экземпляре листов IX тома в издании т-ва «Знание»: «Где манускрипт „Человека"?». По-видимому, Горький писал Ладыжникову о высылке всех указанных произведений, однако «Человек» по неизвестным причинам остался неотосланным; при жизни автора этот заново отредактированный им текст «Человека» так и не был опубликован. Не получив исправленного текста поэмы, издательство «Книга» напечатало его по тексту того же IX тома в издании т-ва «Знание», но не правленному Горьким. Исправленный Горьким текст поэмы, по неизвестным причинам не дошедший до издательства «Книга» и ныне хранящийся в Архиве А. М. Горького, признан основным в новом собрании сочинений.

Пьеса «Дети солнца» в России впервые была опубликована в «Сборнике т-ва „Знание" за 1905 год», книга VII. В том же году она вышла отдельной книгой в издательстве И. Дитца в Штутгарте. Заграничное издание пьесы печаталось по машинописному тексту, подготовленному автором. Эта правленная машинопись, служившая оригиналом для набора пьесы в издании Дитца, хранится в Архиве А. М. Горького. Там же имеется вторая машинопись, дублет первой, содержащая новые исправления и дополнения Горького, которых в первой машинописи нет. В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в отделе рукописей, имеется еще третья машинопись, тоже дублет первой[4]. Эта машинописная копия пьесы правлена рукой К. П. Пятницкого, который перенес из первой машинописи исправления Горького. На этой машинописи имеются типографские пометки с указанием времени типографских работ, начиная с «24 августа 1905 г.» по «4 сентября 1905 г.». С этой машинописи набирался и печатался текст пьесы в сборнике т-ва «Знание». Все дальнейшие издания пьесы печатались без изменений по тексту этого сборника, в том числе и текст пьесы в собрании сочинений в издании «Книга» 1923 г. (т. XIV). В Архиве А. М. Горького хранится оригинал, с которого набирался и печатался текст пьесы в издании «Книга»: это печатные листы из тома VII собрания сочинений Горького в издании т-ва «Знание» 1906 г. Здесь автор-

---

[4] «Краткое описание рукописей М. Горького. Выпуск I. Художественные произведения». М.—Л., изд-во АН СССР, 1936, стр. 66.

ской правки нет, имеются лишь типографские пометы. Из сказанного следует, что авторизованными текстами пьесы «Дети солнца» являются тексты первой и второй машинописей, правленные Горьким. Текст первой машинописи, как сказано, воспроизведен в издании Дитца. Вторая машинопись, помимо авторских исправлений, имеющихся в первой, содержит дополнительные исправления и изменения автора, до настоящего времени остававшиеся неопубликованными. В примечании к пьесе в новом собрании сочинений (т. 6, стр. 555) читаем: «Печатается по тексту, подготовленному автором для штутгартского издания, с учетом всех поправок, внесенных М. Горьким во вторую машинописную копию». Хотя канонический текст пьесы в новом собрании сочинений М. Горького установлен совершенно правильно, поскольку вторая машинопись является дублетом первой, вторично исправленным автором, но точнее было бы в примечании в качестве основного текста пьесы назвать текст второй машинописи.

7

Некоторые произведения, включенные Горьким в собрание сочинений в издании «Книга» 1923 г., в новом собрании сочинений печатаются по первопечатному тексту. Так сделано, например, по отношению к пьесе «Варвары» и «Дачники».

Пьеса «Варвары» впервые была опубликована в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1906 год», книга IX. В том же году она была выпущена отдельной книгой издательством И. Дитца в Штутгарте. Оригиналы, по которым набирался и печатался текст пьесы в сборнике и в издании Дитца, до нас не дошли. В Архиве А. М. Горького, кроме двух авторских рукописей пьесы, имеется еще машинописная копия, перепечатанная со второго автографа и вновь исправленная автором. С этой машинописи, по-видимому, были сняты новые копии, из которых одна была отправлена в издательство Дитца, а другая в т-во «Знание»; эти не дошедшие до нас копии и были оригиналами набора текста пьесы в названных изданиях. Текст, переданный для сборника т-ва «Знание», очевидно, был заново отредактирован, так как между печатным текстом сборника и указанной выше авторизованной машинописью имеются существенные разночтения. Все последующие издания пьесы «Варвары» (в т. VIII собрания сочинений в издании т-ва «Знание», СПб., 1908; т. IV в издании А. Ф. Маркса, Пг., 1918, и т. XV издания «Книга», 1923) повторяли без изменений первопечатный текст сборника т-ва «Знание». Оригиналом набора пьесы в собрании сочинений в издании «Книга» явились печатные листы из тома VIII собрания сочинений в издании т-ва «Знание», не правленные

Горьким (в Архиве А. М. Горького имеется часть этих листов). Таким образом, первопечатный текст пьесы в сборнике т-ва «Знание» является именно тем печатным текстом пьесы, в котором отражена последняя авторская правка и который вполне правильно принят в новом собрании сочинений Горького за основной.

Пьеса «Дачники» также впервые была напечатана в «Сборнике т-ва „Знание" за 1904 год», книга III (СПб., 1905), и одновременно за границей у Дитца отдельной книгой. Оригинал набора издания Дитца до нас не дошел, но сохранился текст пьесы, с которого набирался и печатался текст ее в сборнике т-ва «Знание» — машинописная копия, правленная автором. Это последняя правка автором пьесы, так как в дальнейшем он больше к ее тексту не возвращался, и все ее последующие издания, включая собрание сочинений в издании «Книга» (т. XIV), являются перепечатками без всяких изменений первопечатного текста сборника т-ва «Знание». В частности, в издании «Книга» 1923 г. текст пьесы набирался и печатался по не правленным Горьким листам из тома VII собрания сочинений в издании т-ва «Знание», СПб., 1906, где пьеса в свою очередь перепечатана без изменений с текста сборника т-ва «Знание». В данном случае основным текстом пьесы также взят первопечатный, который непосредственно воспроизводит текст авторизованной машинописи, указанной выше. Имеющиеся в Архиве А. М. Горького и в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина еще четыре машинописных копии, равно как и два цензурных экземпляра пьесы (машинописных — один 1904 г., другой — 1905 г.), никакой авторской правки не содержат.

8

Для некоторых произведений, неоднократно печатавшихся при жизни автора и включенных им в собрание сочинений в издании «Книга», в качестве основного текста был выбран не печатный текст, а текст авторских рукописей. Таковы пьеса «Мещане», «Баллада о графине Эллен де Курси» и рассказ «Девочка».

Пьеса «Мещане» была закончена 25 или 26 сентября 1901 г., когда Горький жил в Нижнем-Новгороде. В конце сентября он читал пьесу Вл. И. Немировичу-Данченко, специально приезжавшему к автору, чтобы ознакомиться с первой его пьесой. Рукопись пьесы Горький вручил Немировичу-Данченко, который привез ее в Москву для подготовки пьесы к постановке на сцене Московского Художественного театра. 20 октября Немирович-Данченко выслал Горькому машинописную копию

с рукописи первых трех актов пьесы, а копию 4-го акта Горький получил от Немировича-Данченко уже будучи в Крыму, в Олеизе, в середине декабря 1901 г. Самую рукопись Немирович оставил у себя. Между тем К. П. Пятницкий, руководивший издательством т-ва «Знание» в Петербурге, настаивал на том, чтобы Горький срочно выслал ему текст пьесы для издания. Не получив обратно рукопись своей пьесы, Горький вынужден был готовить к изданию присланную ему машинописную копию. Эта подготовка происходила при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах. Машинопись изобиловала искажениями и ошибками, происшедшими оттого, что машинистка плохо разбирала почерк Горького. Не имея под руками своей рукописи, Горький правил машинопись на память. Эта работа проходила в тяжелых условиях, в которых очутился Горький в это время (болезнь его самого и его семьи; кроме того, Горький должен был быстро закончить свои дела в Нижнем-Новгороде и выехать в Крым). Все это повело к тому, что Горький просматривал машинопись чрезвычайно спешно. Оставив неисправленными многие ошибки и искажения, он отправил 28 или 29 октября машинопись первых трех актов К. П. Пятницкому. Копию 4-го акта Горький выслал Пятницкому уже из Олеиза лишь в середине декабря. В начале 1902 г. пьеса была издана т-вом «Знание» в виде отдельной книги под заглавием: «„Мещане“. Сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах». После этого издания Горький ни разу не возвращался к тексту пьесы для ее редактирования, и все последующие издания пьесы являются перепечатками текста первого издания со всеми его ошибками и искажениями, происшедшими от неисправного оригинала; в этих изданиях Горький никакого участия не принимал. Таковы издания: 1) в томе VI, «Пьесы», собрания сочинений в издании т-ва «Знание», СПб., 1903 (в течение года вышло пять изданий); 2) в томе IV собрания сочинений в издании А. Ф. Маркса, Пг. 1918 и 3) в томе XIV собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. Во всех этих изданиях подзаголовок отсутствует. Оригиналом набора для издания «Книга» служил печатный текст пьесы из тома VI собрания сочинений в издании т-ва «Знание» 1903 г. Первое издание пьесы в т-ве «Знание» печаталось в Петербурге в отсутствие автора, который корректур не держал. Таким образом, авторизованными текстами пьесы являются: текст авторской рукописи, переданной автором Вл. И. Немировичу-Данченко, и текст, присланной последним Горькому машинописной копии с этой рукописи. И рукопись и копия хранятся в Архиве А. М. Горького. В рукописи пьеса носит заглавие «Сцены в доме Бессеменова», оно написано рукой М. Горького. Вл. И. Немирович-Данченко

сделал карандашом надпись: «Мещане. В 4-х актах». 4-й акт в рукописи дан в двух редакциях. На листе 55 имеется надпись автора: «Акт 4-й. Первая редакция»; на листе 72 рукой автора написано: «Акт 4-й. Вторая редакция». В машинописной копии с рукописи листа с заглавием пьесы не сохранилось (все листы сшиты в четыре тетради по актам). Текст начинается с описания обстановки в доме Бессеменова. 4-й акт в машинописи перепечатан с рукописи второй редакции акта.

Из двух авторизованных текстов пьесы в новом собрании сочинений Горького в качестве основного выбран текст авторской рукописи, а не машинописи — ввиду больших дефектов последней [5].

Что касается «Баллады о графине Эллен де Курси» и рассказа «Девочка», то здесь возврат к автографу как к основному тексту едва ли представляется необходимым.

«Баллада» впервые была напечатана в журнале «Летопись», 1917, № 7—8, июль—август, затем вошла в состав книги «М. Горький. Ералаш и другие рассказы», выпущенной издательством «Парус» (Пг., 1918) и включена автором в том XII собрания сочинений в издании «Книга». В составе XII тома в издании «Книга» входят цикл рассказов «По Руси», состоящий из 29 произведений, сказка «Девушка и Смерть» и «Баллада о графине Эллен де Курси». Такой состав объясняется тем, что для этого тома Горьким были использованы печатные листы двух его книг: тома XIX собрания сочинений в издании «Жизнь и знание» (Пг., 1915), озаглавленного «По Руси», куда входило только 11 рассказов, и названного выше сборника «Ералаш и другие рассказы», в котором заключалось 18 рассказов, а также «Девушка и Смерть» и «Баллада о графине Эллен де Курси». Восемнадцатью рассказами из сборника «Ералаш и другие рассказы» Горький расширил цикл «По Руси», так что вместо 11 в нем стало 29 рассказов. Сказку «Девушка и Смерть» и «Балладу» он не исключил, а оставил в конце тома. Таким образом, весь текст XII тома в издании «Книга», включая сказку и «Балладу», подготовлен и отредактирован автором. Правленные Горьким печатные листы, послужившие оригиналом набора для XII тома в издании «Книга», хранятся в Архиве А. М. Горького. Для всех рассказов цикла «По Руси» и для сказки «Девушка и Смерть» в качестве основного текста в новом собрании сочинений принят именно этот подготовленный автором текст. Для «Баллады» же основным текстом взят текст беловой рукописи, которую Горький приго-

[5] Возражения А. И. Корчагина против выбора основного текста «Мещан» (см. «Известия АН СССР», т. XIII, вып. 6, М., 1954, ст. «За подлинные тексты писателей-классиков») не являются вполне убедительными.

товил еще до первой публикации «Баллады», вероятно, в годы первой мировой войны. Все печатные тексты «Баллады» совпадают с текстом автографа. Поскольку текст «Баллады», подготовленный автором по печатным листам из сборника «Ералаш и другие рассказы» для собрания сочинений в издании «Книга», является последним авторизованным ее текстом, нам кажется, что его и следовало бы принять в качестве основного, подобно тому, как сделано было это по отношению ко всем другим произведениям, включенным Горьким в XII том в издании «Книга», в том числе и к сказке «Девушка и Смерть».

Рассказ «Девочка», включенный автором в собрание сочинений впервые только в издании «Книга», печатался в этом издании (т. XIII) по машинописной копии, автором не правленной. (Машинопись хранится в Институте русской литературы в Ленинграде. См. «Описание рукописей М. Горького. Выпуск I. Художественные произведения», М.—Л., 1936, стр. 58). Следовательно, текст рассказа в издании «Книга» не является авторизованным. Машинопись, служившая оригиналом набора рассказа в издании «Книга», очевидно, сделана с первопечатного текста, опубликованного впервые в «Нижегородском сборнике», изданном т-вом «Знание» (первое и второе издания в 1905, третье — в 1906 г.). «Нижегородский сборник» выходил при непосредственном участии Горького. Хотя оригинал набора рассказа для сборника до нас не дошел, тем не менее не вызывает никаких сомнений, что текст его в сборнике был подготовлен самим автором и печатался под его наблюдением. Поэтому надо думать, что текст рассказа «Девочка» в первом издании «Нижегородского сборника» (второе и третье издания — простые перепечатки первого) как первый и последний прижизненный авторизованный печатный текст и должен быть основным. Между тем в новом собрании сочинений сказано (т. 5, стр. 490): «Печатается по рукописи, хранящейся в Архиве А. М. Горького». Действительно, в Архиве А. М. Горького имеются два автографа рассказа — черновой и беловой. Черновая рукопись рассказа «Девочка» — это первоначальная его редакция, без заглавия, входившая в состав неопубликованного при жизни автора цикла, носящего заглавие «Публика». Текст второй, беловой рукописи рассказа, хотя и совпадает с текстом рассказа в «Нижегородском сборнике», но заглавия также не имеет и оригиналом набора для сборника не служил. Очевидно, с рукописи была снята копия, по которой и печатался рассказ и которая, несомненно, была подготовлена самим автором, о чем свидетельствует его примечание к рассказу, напечатанное в сборнике. Рассказ «Девочка» помещен в сборнике непосредственно после рассказа А. Пустынниковой «Дунька», и Горький в своем примечании пишет: «Рассказ г-жи А. Пустыннико-

вой напомнил мне один эпизод из впечатлений моей юности, и мне захотелось сообщить его здесь же, рядом с рассказом г-жи Пустынниковой». Нам думается, что в данном случае не было необходимости возвращаться к рукописи как основному тексту; она могла служить лишь материалом для проверки первопечатного текста.

9

Очень сложным оказался вопрос о выборе основного текста для серии очерков «Мои интервью» и для цикла «Сказки об Италии», так как текст некоторых произведений, составляющих эти циклы, включенные в собрание сочинений М. Горького в издании «Книга» 1923 г., не является авторизованным.

В серию «Мои интервью» входят шесть очерков. В «Сборнике т-ва «Знание» за 1906 год», книга XIII (СПб., 1906), объявлено было следующее содержание серии:

«Предисловие.
I. Король, который высоко держит свое знамя.
II. Прекрасная Франция.
III. Царь.
IV. Один из королей республики.
V. Жрец морали.
VI. Хозяева жизни».

В этом же сборнике напечатаны были впервые первый, второй и четвертый очерки. Очерк третий, «Царь», не был допущен к печати, и в названном сборнике напечатано только заглавие: «III. Царь», дальше следовали строчки точек. В оглавлении сборника помещено от редакции такое сообщение: «Этот очерк переделывается автором и будет помещен впоследствии». Но это заявление было сделано, очевидно, лишь для того, чтобы оставить заглавие и точки в сборнике как свидетельство вмешательства царской цензуры. Самый же очерк мог быть опубликован только за пределами России; под заглавием «Русский царь» он был впервые напечатан в парижском журнале «Красное знамя», 1906, № 3, июнь, и тогда же был издан отдельной книжкой издательством И. Дитца (Штутгарт, 1906).

Очерк первый, озаглавленный «Король, который высоко держит свое знамя» и представляющий сатиру на Вильгельма II, не мог быть напечатан в Германии ни отдельно, ни в собрании сочинений Горького. В собрании сочинений в издании «Книга» 1923 г. очерк этот отсутствует, и серия «Мои интервью», помещенная в томе XIII этого издания под заголовком «Интервью», содержит только пять очерков, которые следуют один за другим не в том порядке, как это уста-

новлено Горьким и объявлено в указанном выше «Сборнике т-ва „Знание“ за 1906 год». В издании «Книга» они расположены так: 1) «Русский царь», 2) «Один из королей республики», 3) «Жрец морали», 4) «Хозяева жизни» и 5) «Прекрасная Франция». После первой публикации очерк «Король, который высоко держит свое знамя» повторно был напечатан лишь в 1929 г. в томе VII собрания сочинений Горького, выпущенного Государственным издательством, и затем в 1933 г. в томе VII второго издания собрания сочинений Горького того же издательства. В этих повторных изданиях Горький непосредственного участия не принимал.

Очерк второй, «Прекрасная Франция», в сборнике т-ва «Знание» опубликован был с цензурными изъятиями; одновременно он был выпущен отдельной книжкой издательством И. Дитца (Штутгарт, 1906) без цензурных пропусков.

Очерк четвертый, «Один из королей республики», впервые опубликованный в том же сборнике т-ва «Знание», и очерк пятый, «Жрец морали», впервые напечатанный в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1907 год», книга XV (СПб., 1907), выпущены были также отдельными книжками в издательстве И. Дитца в Штутгарте в 1906 г.

Очерк шестой, «Хозяева жизни», хотя и был объявлен в составе серии «Мои интервью» в книге XIII «Сборника т-ва „Знание“ за 1906 год», но ни в этой, ни в последующих книгах «Сборника т-ва „Знание“» опубликован не был и впервые напечатан в виде отдельной книжки в издательстве И. Дитца в 1906 г.

Пять очерков из серии «Мои интервью», помещенные в томе XIII собрания сочинений М. Горького в издании «Книга» 1923 г., печатались по текстам машинописных копий, автором не правленных, а лишь имеющих корректорские исправления. Эти машинописи хранятся в Архиве А. М. Горького («Один из королей республики», «Прекрасная Франция» и «Хозяева жизни») и в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде («Русский царь» и «Жрец морали»).

При рассмотрении текстов серии «Мои интервью» возникают три вопроса: о числе очерков, составляющих серию, о порядке их расположения и об основных текстах каждого из них.

Первые два вопроса решены в соответствии с авторизованным, указанным выше объявлением о составе серии и порядке расположения очерков в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1906 год», книга XIII.

При выборе основных текстов очерков пришлось обратиться к текстам, более ранним, чем в издании «Книга». К че-

тырем очеркам — «Король, который высоко держит свое знамя», «Прекрасная Франция», «Один из королей республики» и «Жрец морали» в Архиве А. М. Горького имеются машинописные тексты, которые автор подготовил для «Сборника т-ва „Знание“ за 1906 год», книга XIII (первые три очерка), и за 1907 г., книга XV («Жрец морали»). Авторская правка в этих копиях была последней, — автор больше не возвращался к редактированию названных очерков. Поэтому тексты их должны быть признаны основными, что и сделано в новом собрании сочинений по отношению к очеркам «Король, который высоко держит свое знамя», «Прекрасная Франция» и «Жрец морали». Об очерке же «Один из королей республики» в примечании сказано (т. 7, стр. 526), что он «печатается по тексту, подготовленному М. Горьким для собрания сочинений в издании „Книга“». Как уже выше отмечено, в издании «Книга» все помещенные в томе XIII очерки из серии «Мои интервью» печатались по текстам, Горьким не правленным, в том числе и «Жрец морали». Поэтому мы думаем, что и для этого очерка основным текстом является текст указанной авторизованной машинописи.

В Архиве А. М. Горького хранятся две машинописных копии очерка «Русский царь», переписанные на одинаковой бумаге с водяными знаками американской фирмы. Обе машинописи исправлены, датированы и подписаны Горьким. Даты на обеих машинописях, поставленные рукой Горького под текстом, одинаковы; на одной стоит: «Мая 10/23 1906», на другой: «Мая 10/23 [по старому стилю] 1906, № V». Слова «по старому стилю» зачеркнуты красным карандашом. На второй машинописи имеется пометка рукой И. П. Ладыжникова: «Пол. 8 июня». Обе машинописи присланы были автором, по-видимому, одновременно, в начале июня 1906 г. из Америки, куда Горький прибыл 10/23 апреля 1906 г. Очерки «Мои интервью» он писал во время пребывания в США в апреле—мае того же года. Тексты обеих машинописей очерка «Русский царь» тождественны; по тексту одной из этих машинописей печаталось отдельное издание очерка у Дитца, но по какой именно — установить нельзя, так как ни в той, ни в другой типографских пометок нет. Поскольку печатание очерка у Дитца происходило без участия Горького, основным текстом его следовало бы принять текст одной из машинописей, а не печатный текст в издании Дитца, как это сделано в новом собрании сочинений М. Горького (см. т. 7, стр. 526, примечание к очерку «Русский царь»). Так как печатный текст в издании Дитца тщательно сверен со всеми другими источниками, то в данном случае канонический текст очерка «Русский царь» установлен в новом собрании сочинений правильно.

Однако в примечании следовало бы в качестве основного текста назвать машинопись, как это сделано в совершенно аналогичном случае с очерком «Хозяева жизни»: за основной взят именно текст машинописной копии очерка, также исправленный Горьким и присланный им из Америки для издания у Дитца. В машинописи также нет пометок типографии, но текст ее воспроизведен в издании Дитца 1906 г.

Цикл рассказов «Сказки об Италии» впервые так озаглавлен в собрании сочинений Горького в издании «Книга» (т. XIII) 1923 года. Рассказы, составившие этот цикл, первоначально публиковались по одному или группами, по два и более, в газетах, журналах и сборниках в 1910—1913 гг., большею частью под заглавиями «Сказка» или «Сказки». Лишь некоторые из них в первой публикации носили свое заглавие, которое при объединении в сборнике, а затем в цикле исключалось. Таковы рассказы: «Праздник» (впервые напечатан был под этим заглавием в газете «Одесские новости», 1910, № 8305, 29 декабря; в цикле он стал сказкой XXI, без заглавия); «Ночью», «Нунча», «Пепе» (все три рассказа впервые — в газете «Русское слово», 1912, № 297, 25 декабря, и 1913, №№ 1 и 98, 1 января и 28 апреля; в цикле — сказки XXIII, XXII и XXVI). Одна сказка (XXIV) первоначально составляла конец рассказа «Вездесущее», впервые опубликованного в журнале «Просвещение», 1913, № 2, февраль.

После первой публикации и до включения в собрание сочинений в издании «Книга», в виде названного цикла, сказки, входящие в него, издавались отдельными сборниками. Издательство И. Ладыжникова (Берлин) выпустило два сборника, оба под заглавием «Сказки»; один содержал три сказки (I—III по нумерации тридцатитомника) и вышел в 1911 г., другой — 22 сказки (I—XXI и XXVII по той же нумерации), вышел в 1912 г. Сохранился оригинал набора для второго сборника; это — машинописная копия, исправленная и подписанная Горьким. Сказки из второго сборника в издании И. Ладыжникова были переизданы в России также под заглавием «Сказки» «Книгоиздательством писателей в Москве». В этом сборнике напечатана только 21 сказка; одна (XIV по нумерации нового собрания сочинений) была запрещена цензурой. Для этого издания Горький вновь отредактировал текст включенных в него сказок, но текст этот до нас не дошел. Книга вышла в конце 1912 г. со значительными цензурными изъятиями. Затем все 27 сказок цикла вошли в том XVII собрания сочинений Горького в издании «Жизнь и знание» (Пг., 1915). В том включены 22 сказки из сборника издания И. Ладыжникова, к ним добавлено пять сказок, которые впервые были опубликованы уже после выхода этого сборника. Текст, по

которому печатались сказки в издании «Жизнь и знание», до нас не дошел, издание сильно пострадало от вмешательства цензуры.

К собранию сочинений в издании «Книга» Горький подготовил печатный текст 22 сказок из указанного выше второго сборника в издании И. Ладыжникова. Этот выправленный автором текст хранится в Архиве А. М. Горького. К печатному заглавию «Сказки» приписано не рукой Горького: «об Италии». Таким образом, измененное заглавие «Сказки об Италии» здесь появилось впервые и затем напечатано в собрании сочинений в издании «Книга».

Текст остальных пяти сказок (XXII—XXVI), подготовленный Горьким для издания «Книга», до нас не дошел.

В собрании сочинений в издании «Книга» для «Сказок об Италии» оригиналом набора служил печатный текст указанного выше тома XVII собрания сочинений Горького в издании «Жизнь и знание». Все исправления в этом оригинале внесены чужой рукой. В сказках, которые перешли сюда из сборника в издании И. Ладыжникова (сказки I—XXI и XXVII), исправления совпадают с теми, которые сделаны Горьким в указанном выше тексте, приготовленном для издания «Книга». Однако текст сказок в оригинале набора для издания «Книга» с текстом, правленным Горьким по печатным листам издания И. Ладыжникова, полностью, очевидно, не сверялся. Это видно из того, что цензурные искажения издания «Жизнь и знание», взятого в качестве оригинала для набора, остались неисправленными, а это можно было бы сделать при полной сверке, так как в издании Ладыжникова не было, конечно, цензурных изъятий. Что касается текста остальных пяти сказок (XXII—XXVI), то в оригинале набора для издания «Книга» он так и остался неисправленным, так что издание «Книга» воспроизводит текст сказок из XVII тома собрания сочинений издания «Жизнь и знание» со всеми цензурными искажениями, которые в нем имеются.

Итак, ни текст оригинала набора сказок для издания «Книга», ни текст самого издания «Книга» не являются авторизованными. Поэтому основным текстом сказок I—XXI и XXVII, которые входили в состав сборника, изданного И. Ладыжниковым, с полным основанием взят в новом собрании сочинений указанный выше текст этого сборника, подготовленный автором для издания «Книга», но не бывший непосредственно оригиналом набора для него. Для сказок же XXII—XXVI в качестве основного принят текст XVII тома в издании «Жизнь и знание» с устранением цензурных изъятий, поскольку текст сказок в собрании сочинений в издании «Книга» 1923 г. является простой перепечаткой этого текста,

а оригиналов набора, правленных автором, ни того, ни другого издания до нас не дошло. Такой выбор основного текста в отношении XXII, XXIII, XXV и XXVI сказок совершенно оправдан. Что касается сказки XXIV, то ее следовало бы печатать по тексту конца рассказа «Вездесущее» в издании 1919 г., так как это более поздний авторизованный текст. (См. ниже о выборе основного текста для этого рассказа.)

10

Среди произведений Горького, подготовленных им для собрания сочинений в издании «Книга», есть такие, над которыми писатель работал позднее, уже после выхода в свет собрания сочинений. Иногда переработка касалась только части произведения. В этом случае, принимая в качестве основного текст издания «Книга», текстолог обязан учесть позднейшую правку данного отрывка. Такова, например, судьба очерка «9-е января».

Очерк «9-е января» впервые был напечатан за границей отдельной книжкой в издательстве И. Ладыжникова, в Берлине, в 1907 г. В царской России очерк не мог быть издан; заграничное издание к распространению в России было также запрещено комитетом иностранной цензуры. Лишь после Октябрьской революции, в 1920 г., очерк «9-е января» был выпущен отдельно Государственным издательством; в этой книжке воспроизведен без изменений указанный первопечатный текст. В 1923 г. в издательстве И. Ладыжникова вышло повторное издание очерка, также без изменений. Авторских рукописей очерка не сохранилось. В Архиве А. М. Горького хранятся три машинописных копии очерка, сходные по тексту; все они содержат правку автора и подписаны им.

Одна из этих машинописей была послана за границу для перевода на немецкий язык и помещения в немецких газетах; она носит следы сокращений и переделок, внесенных переводчиком. В конце текста рукой Горького поставлена дата: «Декабрь 1906». Вторая машинопись является оригиналом набора текста очерка в издании И. Ладыжникова 1907 г. Наконец, третья машинописная копия была подготовлена Горьким для неосуществленного издания т-ва «Знание».

К собранию сочинений в издании «Книга» (т. III, 1923) Горький подготовил печатный текст очерка из отдельного издания И. Ладыжникова 1907 г., сделав ряд сокращений и исправлений. Этот текст, также хранящийся в Архиве А. М. Горького, и принят в качестве основного.

Но в Архиве А. М. Горького, кроме указанных выше материалов, есть еще две машинописных копии части очерка, на-

чинающейся словами: «Вокруг жилища царя стояли плотной, неразрывной цепью...» и кончающейся словами: «...в странном напряжении тела, схваченного смертью и точно вырывавшегося из рук ее». Эти копии перепечатаны с текста очерка, публиковавшегося в собраниях сочинений М. Горького, начиная с издания «Книга» 1923 г. В начале 1930-х годов Горький отредактировал в одной из названных копий текст отрывка очерка. Правка Горького целиком была перенесена другим лицом во вторую копию, в которой имеется также небольшая правка и автора. Горький правил указанную часть очерка «9-е января» для неосуществленного издания очерка в издательстве «Молодая гвардия». Эта правка автора ни в одном собрании его сочинений не была учтена, так как до сих пор оставалась неизвестной. В тридцатитомном собрании сочинений М. Горького в качестве основного взят текст очерка, подготовленный автором для собрания сочинений в издании «Книга», но при этом учтены все авторские исправления и изменения, внесенные в указанный выше отрывок. Случай этот не рассматривается как контаминация, так как исправленная автором часть очерка не представляет собой другой редакции, решительной переработки произведения, не доведенной до конца (ср. ниже, гл. 19).

Тексты некоторых произведений, включенных Горьким в собрание сочинений издания «Книга», не являются последними, им авторизованными, потому что они целиком были заново выправлены автором уже после выхода в свет этого собрания сочинений.

Об одном из таких произведений (рассказ «Вывод») мы уже говорили выше. Рассмотрим еще некоторые произведения.

Отрывки из заметок о Л. Н. Толстом первоначально печатались в газете «Жизнь искусства», 1919 (№№ 241, 242, 273—275, от 13 и 14 сентября и 21—23 октября). В том же году Горький объединил в одной книге 36 заметок о Л. Н. Толстом с письмом, предназначавшимся для В. Г. Короленко, но не законченным и не отосланным; книга вышла в издании З. И. Гржебина под заглавием «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» (Пг., 1919) с предисловием автора. В 1921 г. эта книга с добавлениями к заметкам III, VI, XXI и XXXI была переиздана издательством И. Ладыжникова (Берлин). В 1922 г. издательство Гржебина выпустило второе издание книги с теми же дополнениями. В следующем году в журнале «Беседа» (№ 1, май—июнь) напечатано было еще восемь новых отрывков, озаглавленных «Заметки о Льве Толстом». В Архиве А. М. Горького имеется машинописная копия этих заметок, правленная и подписанная Горьким; текст их, опубликованный в «Беседе», совпадает с текстом машинописи. Все

44 заметки полностью впервые были напечатаны под заглавием «Лев Толстой» в книге М. Горького «Воспоминания» (изд. «Книга», 1923). Сохранился оригинал набора к этому изданию (Архив А. М. Горького), подготовленный автором. Это печатные листы из указанного выше второго издания Гржебина, содержащие первые 36 заметок и письма, и из журнала «Беседа» — заметки XXXVII—XLIV. В собрании сочинений в издании «Книга» 1923 г. (т. XVI) «Лев Толстой» перепечатан без изменений по тексту «Воспоминаний». Оригинал набора для текста в собрании сочинений в издании «Книга» до нас не дошел, и текст этот не является авторизованным. В 1927 г. Государственным издательством было выпущено второе издание тома XVI собрания сочинений Горького (первое издание вышло в 1924 г., оно было копией издания «Книга»). Это издание исправлено автором, и поэтому текст заметок «Лев Толстой», вошедший в него, принят в новом собрании сочинений в качестве основного как последний авторизованный текст.

В собрании сочинений издания «Книга» 1923 г. тексты пьес «Последние», «Васса Железнова» (т. XIV) и «Чудаки» (т. XV) также не являются авторизованными, так как эти пьесы здесь печатались по текстам, взятым из первопечатных изданий и не правленным автором. Так, оригиналом набора для пьесы «Последние» служили листы из «Сборника т-ва „Знание“ за 1908 год», книга XXII, где впервые она была напечатана; для пьес «Васса Железнова» и «Чудаки» — листы из первых отдельных изданий этих пьес в издательстве И. Ладыжникова в Берлине, вышедших в 1910 г. Эти оригиналы Горьким не правлены. В Архиве А. М. Горького имеются машинописные тексты этих пьес, подготовленные Горьким к первопечатным изданиям И. Ладыжникова и служившие оригиналами набора для них. Эти машинописные тексты названных пьес и должны были бы стать основными, если бы после смерти автора не были найдены тексты, отредактированные Горьким позднее.

После 1933 г. Горький заново отредактировал пьесы «Последние», «Васса Железнова» и «Чудаки» по печатным листам тома X собрания сочинений в издании Государственного издательства художественной литературы (изд. 2, М.—Л., 1933). Эти исправленные автором тексты оставались до сих пор неизвестными и впервые опубликованы в новом собрании сочинений Горького как основные (правленные автором печатные листы из тома X хранятся в Архиве А. М. Горького).

Подобно названным пьесам, Горький после 1933 г. вновь отредактировал и повесть «Жизнь ненужного человека», взяв для этого печатные листы из тома IX собрания сочинений в издании ГИХЛ (изд. 2, М.—Л., 1933; хранятся в Архиве

А. М. Горького). Этот просмотренный и исправленный автором текст повести является последним ее авторизованным текстом и должен быть принят как основной. Между тем в новом собрании сочинений Горького (см. т. 8, стр. 503) принят в качестве основного текст, подготовленный Горьким к собранию сочинений в издании «Книга». Действительно, в Архиве А. М. Горького имеется оригинал набора для тома VIII собрания сочинений издания «Книга» (в этом томе помещена повесть «Жизнь ненужного человека»); это печатные листы второго издания повести в издательстве Ладыжникова (Берлин, без обозначения года издания), исправленные автором. Но ввиду указанной выше позднейшей авторизованной редакции повести текст ее, подготовленный для собрания сочинений в издании «Книга», уже не является последним авторизованным текстом. Исправления, внесенные Горьким в текст повести «Жизнь ненужного человека» в томе IX издания 1933 г., до сих пор остаются неучтенными ни в одном из вышедших изданий повести.

Тексты пьес «Зыковы» и «Старик» в собрании сочинений в издании «Книга» (т. XV) 1923 г. также не являются авторизованными.

Пьеса «Зыковы» впервые напечатана отдельной книгой в издательстве И. Ладыжникова (Берлин, без обозначения года; вышла в 1913 или 1914 г.). В России до Октябрьской революции было опубликовано только 1-е действие пьесы (в журнале «Современник», 1915, № 1, январь). В собрании сочинений в издании «Книга» (т. XV) пьеса «Зыковы» печаталась по машинописной копии, не правленной и не подписанной автором (хранится в ИРЛИ) [6]. В Архиве А. М. Горького хранятся две машинописных копии пьесы, переписанные с автографа. Одна из этих машинописей, правленная Горьким, служила оригиналом набора пьесы в издании И. Ладыжникова. Другая машинопись содержит текст пьесы, заново отредактированный и подписанный автором и, таким образом, являющийся последним авторизованным текстом, впервые учтенным в новом собрании сочинений, где он и принят за основной.

Пьеса «Старик» впервые напечатана была отдельной книгой в издании И. Ладыжникова (Берлин, без обозначения года издания; вышла не позднее 1921 г.). В собрании сочинений в издании «Книга» (т. XV) 1923 г. пьеса «Старик» набиралась и печаталась по не правленному автором печатному тексту издания Ладыжникова (печатные листы этого издания, служившие оригиналом набора для собрания сочинений

---

[6] См. «Описание рукописей М. Горького. Выпуск I. Художественные произведения», стр. 99.

в издании «Книга», хранятся в ИРЛИ) [7]. Издание Ладыжникова и все собрания сочинений Горького воспроизводят первоначальную редакцию пьесы «Старик», которая представлена правленными автором двумя машинописными копиями (в Архиве А. М. Горького) и режиссерским экземпляром пьесы, датированным 23 октября 1918 г. и хранящимся в музее Малого театра в Москве, на сцене которого пьеса была впервые поставлена 1 января 1919 г. В новой редакции пьеса была опубликована в 1922 г. в «Петербургском альманахе», книга 1 (изд. Гржебина, Петербург—Берлин, 1922). Но эта редакция не является последней. В Архиве А. М. Горького имеется экземпляр отдельного издания пьесы, выпущенного издательством И. Ладыжникова. Печатный текст этого экземпляра содержит новую, существенную правку автора и три рукописных его дополнения (одно к 3-му и два к 4-му действиям). В этой последней редакции пьеса «Старик» в России не была опубликована, а была напечатана в 1924 г. одним из ньюйоркских издательств в переводе на английский язык под заглавием «Судья». В новом собрании сочинений Горького указанный печатный текст издания И. Ладыжникова, исправленный заново Горьким, и выбран в качестве основного как последний авторизованный текст.

Позднейший авторизованный текст имеется и для пьесы «Враги». Впервые она была напечатана в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1906 год», книга XIV, и одновременно вышла отдельной книгой в издательстве И. Дитца (Штутгарт—Берлин, 1906). По тексту сборника т-ва «Знание» пьеса печаталась без изменений во всех собраниях сочинений, начиная с тома VIII («Пьесы») издания т-ва «Знание» (СПб., 1908). В частности, оригиналом набора пьесы в собрании сочинений издания «Книга» служили не правленные Горьким печатные листы из этого тома. В 1933 г. Горький заново корректировал текст пьесы для Ленинградского Государственного Академического театра драмы. Пьеса была отпечатана специально для театра по тексту тома VII собрания сочинений в издании ГИХЛ 1929 г. В Архиве А. М. Горького хранятся два экземпляра этого издания для театра. Текст одного из них от начала до конца правлен Горьким. Все исправления из этого экземпляра другой рукой перенесены во второй экземпляр, в котором в двух местах есть также небольшие поправки самого автора. Текст пьесы в этих рабочих экземплярах Ленинградского театра драмы представляет ее последнюю редакцию. В новом собрании сочинений основным текстом пьесы избран текст сборника т-ва «Знание» с учетом всех исправ-

[7] См. «Описание рукописей М. Горького. Выпуск I. Художественные произведения», стр. 216.

лений и изменений, сделанных Горьким в 1933 г. Поскольку печатный текст сборника т-ва «Знание» не расходится с печатным текстом Ленинградского театра драмы, а вся правка Горького 1933 г. учтена в новом собрании сочинений, канонический текст пьесы «Враги» в данном случае установлен правильно. Однако согласно научным текстологическим принципам было бы точнее принять за основу текст, правленный Горьким в 1933 г.

11

Томы XVII—XXII собрания сочинений Горького в издании «Книга» содержат его новые произведения, включавшиеся автором в собрание сочинений впервые. Вскоре после первой публикации все эти произведения были заново отредактированы Горьким и, как отмечено выше, предварительно выпускались издательством «Книга» в виде отдельных изданий, из которых затем составлялись очередные томы собрания сочинений. Такой порядок издания наметился уже с XVI тома, который вышел одновременно с первыми пятнадцатью томами в 1923 г. Поэтому при решении вопроса о выборе основного текста для произведений, составивших XVI—XXII томы в издании «Книга», необходимо сосредоточить внимание на текстах отдельных изданий.

Так, том XVI составлен из двух предшествующих отдельных изданий. Первую, бо́льшую часть тома заняли произведения «Мои университеты», «Сторож», «Время Короленко», «О вреде философии», «О первой любви» и «В. Г. Короленко». Эти произведения предварительно были выпущены в 1923 г. отдельной книгой под общим названием «Мои университеты». Вторую, меньшую часть XVI тома составили произведения, изданные до того также отдельной книгой под названием «Воспоминания» (изд. «Книга», Берлин, 1923), а именно: «Н. Е. Каронин-Петропавловский», «А. П. Чехов», «Лев Толстой», «М. М. Коцюбинский» и «Леонид Андреев». В Архиве А. М. Горького хранятся правленные Горьким оригиналы для набора обоих отдельных изданий, вошедших в состав XVI тома. К книге «Мои университеты» имеется еще корректура верстки книги, также правленная автором; к книге «Воспоминания» корректур, правленных автором, не сохранилось. Таким образом, текст XVI тома в издании «Книга» не является авторизованным, поскольку он представляет собою механическую перепечатку без участия автора двух предшествующих отдельных изданий. Последним авторизованным текстом шести произведений, поименованных выше и составивших отдельное издание «Мои университеты», следует считать текст именно этого отдельного издания, так как Горький не только подгото-

вил его, но и правил в корректуре. Тем самым этот же текст становится и основным текстом. Что касается произведений, вышедших в отдельной книге «Воспоминания», то нет достаточных оснований считать текст этой книги последним авторизованным текстом, так как авторских корректур этого издания до нас не дошло, и утверждать, что Горький правил эти корректуры, данных нет. Поэтому последним авторизованным текстом этих произведений, а следовательно, и основным их текстом будет текст оригинала набора книги «Воспоминания» (для произведений: «Н. Е. Каронин-Петропавловский», «А. П. Чехов» и «М. М. Коцюбинский», исключая «Лев Толстой», о котором сказано выше).

В новом собрании сочинений Горького вопрос о выборе основного текста указанных произведений, составивших том XVI в издании «Книга», решен по-разному. Так, о повести «Мои университеты» сказано, что она «печатается по авторизованному тексту корректуры XVI тома собрания сочинений в издании „Книга“» (см. т. 13, стр. 645). Но, во-первых, если автор правит верстку, значит печатание текста происходит под его контролем и, следовательно, в таком случае вполне обосновано было бы принятие именно печатного текста, а не текста верстки в качестве основного. Затем, как отмечено выше, дошедшая до нас верстка повести не является версткой тома XVI в издании «Книга», — это верстка отдельного издания, известного под общим названием «Мои университеты». Поэтому представляется более точным принять в качестве основного печатный текст повести в этом отдельном издании.

Для остальных пяти произведений из книги «Мои университеты» («Сторож», «Время Короленко», «О вреде философии», «О первой любви» и «В. Г. Короленко») в качестве основного текста определен печатный текст тома XVI в издании «Книга» (см. т. 15, стр. 421, 422, 423). Но, как сказано, печатный текст этого тома не является авторизованным. Сохранившаяся верстка этих произведений из отдельного издания «Мои университеты», правленная Горьким, заставляет думать, что основной текст этих произведений следует искать в печатном тексте названного отдельного издания.

Наконец, основным текстом произведений «Н. Е. Каронин-Петропавловский», «А. П. Чехов» и «М. М. Коцюбинский» признан текст, подготовленный Горьким для собрания сочинений в издании «Книга» (см. тт.: 5, стр. 491; 10, стр. 521, и 14, стр. 326), т. е. для того же тома XVI. Но дошедший до нас подготовленный Горьким текст этих произведений является оригиналом набора для отдельного издания «Воспоминания», а не для XVI тома, и в этом смысле следовало бы уточнить указание на основной текст.

Рассмотрим еще том XVII в издании «Книга», который, как сказано выше, составлен из двух отдельных книг, выпущенных издательством «Книга» в 1924 г.: 1) «Заметки из дневника. Воспоминания» и 2) «Рассказы 1922—1924 гг.». Часть заметок из первой книги (12 заметок) впервые была напечатана в журнале «Беседа», 1923, № 1, май—июнь (под общим заглавием «Заметки»), и № 2, июль—август (под общим заглавием «Из дневника»). К этим заметкам Горький добавил 16 новых, и весь цикл в 1924 г. был издан отдельной книгой издательством «Книга» под заглавием «Заметки из дневника. Воспоминания». Горький не только подготовил весь текст к этому изданию, но и правил его в корректуре. В Архиве А. М. Горького хранятся оригинал набора, гранки и часть верстки этого отдельного издания, правленные автором.

Несколько сложнее обстоит дело с отдельным изданием «Рассказы 1922—1924 гг.», составляющим вторую половину тома XVII в издании «Книга». Ни оригинала набора, ни корректур этого издания, правленных Горьким, до нас не дошло. Однако несомненно, что оно выходило при непосредственном участии автора (об этом есть свидетельство в переписке Горького). Из девяти рассказов, содержащихся в книге, шесть впервые напечатаны были в журнале «Беседа»: в № 1 (май—июнь, «Отшельник») и № 3 (сентябрь—октябрь, «Рассказ о безответной любви») 1923 г.; в № 4 (март, «Рассказ о герое» и «Рассказ об одном романе», напечатанный с сокращенным заглавием «Рассказ о романе» и под псевдонимом «Василий Сизов») и в № 5 (июнь, «Карамора») 1924 г. и в № 6—7 (март, «Рассказ о необыкновенном») 1925 г. Рассказ «Анекдот» первоначально был опубликован в журнале «Русский современник», 1924, кн. 3. Рассказ «Репетиция» сперва был напечатан в «Красной газете» (Ленинград), вечерний выпуск, 1925, №№ 104—108, 3—7 мая, с большими сокращениями, сделанными без ведома автора; полностью рассказ впервые напечатан в книге «Рассказы 1922—1924 гг.». Наконец, «Голубая жизнь» впервые опубликована тоже только в названном отдельном издании. Уже из сказанного можно предположить, что Горький сам готовил текст к этому изданию. В пользу такого предположения говорит и то обстоятельство, что текст отдельного издания «Рассказов 1922—1924 гг.» отличается как от первопечатного текста, так и от текста автографов, имеющихся в Архиве А. М. Горького для всех рассказов, кроме «Отшельника», к которому сохранилась авторизованная машинописная копия (текст ее также отличен от текста отдельного издания). Итак, тексты отдельных изданий «Заметки из дневника. Воспоминания» и «Рассказы

1922—1924 гг.» являются последними авторизованными текстами. Как выше было указано, том XVII стереотипно воспроизводит эти тексты и притом без всякого участия автора, так что тексты этого тома авторизованными считать нельзя. Поэтому основными текстами всех произведений, вошедших в том XVII в издании «Книга», следует признать тексты их в названных выше отдельных изданиях. В новом собрании сочинений так это и сделано по отношению к произведениям, помещенным в отдельном издании «Заметки из дневника. Воспоминания». Но произведения из книги «Рассказы 1922—1924 гг.» в новом издании печатаются по тексту тома XVII. Исправность текста от этого не пострадала, но в примечаниях в качестве основного указан не последний авторизованный текст. В совершенно аналогичных случаях с пьесой «Фальшивая монета» (см. т. 12) и с повестью «Дело Артамоновых» (т. 16) сделано вернее: основными текстами этих произведений признаны тексты отдельных изданий, а не тексты в XIX и XVIII томах в издании «Книга», где они являются простыми перепечатками первых.

Произведения «О С. А. Толстой», «Леонид Красин», «Сергей Есенин», «Н. Ф. Анненский», «О Гарине-Михайловском», «Проводник», «Мамаша Кемских», «Убийцы», «Енблема» и «О тараканах» первоначально также были помещены в отдельном издании «Книга», вышедшем в 1927 г. под названием «Воспоминания. Рассказы. Заметки». В том же году эта книга была выпущена в виде XIX тома собрания сочинений в том же издательстве, причем изменена была только титульная страница, текст же произведений печатался без всяких изменений, страница в страницу. То же самое следует сказать и о первых двух частях «Жизни Клима Самгина»: они сначала выходили отдельными изданиями, а затем листы этих отдельных изданий составили XX и XXI томы собрания сочинений. Поэтому во всех этих случаях следовало бы указать как основные именно тексты отдельных изданий, а не тексты собрания сочинений, как это непоследовательно сделано в новом собрании сочинений Горького.

12

Как сказано, в новое собрание сочинений Горького входит большое число художественных, литературно-критических и публицистических произведений, которые автор в свое время публиковал в печати, но в собрания своих сочинений никогда не включал. Большая часть этих произведений после первой публикации издавалась при жизни автора повторно, иногда не один раз, причем при повторных изданиях Горький вновь работал над их текстами.

При выборе основного текста подобных произведений необходимо определить, какое из повторных изданий является последним этапом в работе автора над произведением. В большинстве случаев Горький заново исправлял произведение в последний раз для последнего прижизненного издания, которое, таким образом, становилось в то же время и последним авторизованным его изданием.

Так, например, рассказ «Погром», впервые напечатанный в литературно-художественном сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (СПб., 1901), Горький предполагал в 1903 г. включить в VII том «Рассказов» в издании т-ва «Знание». Но это намерение не было осуществлено.

После первой публикации рассказ перепечатывался неоднократно, но без участия автора: во втором издании названного благотворительного сборника (СПб., 1903), в сборнике «М. Горький. О евреях, о „бунде" и о сионизме. Погром», Варшава, издательство «Правда», 1906, в книге «М. Горький. Материалы и исследования I» (Л., издательство АН СССР, 1934). Наконец, в 1935 г. рассказ «Погром» был напечатан в журнале «Колхозник», № 6, июнь. Лишь для этого издания Горький заново переработал весь текст рассказа (в Архиве А. М. Горького имеется машинописная копия рассказа, исправленная автором в 1935 г.). Эта вторая и последняя прижизненная редакция рассказа стала основным его текстом (т. 5).

Своеобразна история создания рассказа «Как я учился». 28 мая 1918 г. в Петрограде, на митинге общества «Культура и свобода», Горький произнес речь, которая на другой день, 29 мая, была напечатана в газете «Новая жизнь», № 102, под заглавием «О книгах». В тот же день и под тем же заглавием, но с подзаголовком «Рассказ» речь Горького помещена была в № 1 однодневной газеты «Книга и жизнь», выпущенной обществом «Культура и свобода». Это и был первоначальный вариант рассказа «Как я учился». В том же 1918 г. рассказ был выпущен в виде отдельной книжки тем же обществом, которое затем переиздало книжку еще два раза (третье издание — в 1919 г.). В этом издании рассказ впервые получил свое окончательное заглавие «Как я учился». От первопечатного текста в газетах он отличался здесь лишь пропуском начальной фразы, сказанной в речи, и добавлением нового конца. В 1919 г. рассказ был перепечатан в издании Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. Последним прижизненным изданием рассказа было отдельное издание З. И. Гржебина (Берлин—Петроград—Москва, 1922). Для этого издания Горький заново переработал и расширил рассказ, увеличив его объем почти втрое. Так создалось последнее прижизненное и в то же время последнее авторизо-

ванное издание рассказа «Как я учился», которое и служит основным его текстом (т. 14).

Точно так же текст последнего прижизненного и в то же время последнего авторизованного издания явился основным текстом для многих произведений: рассказы «Последний день», «Случай с Евсейкой», «Вездесущее» (т. 10), статьи «О. М. М. Пришвине», «Семен Подъячев», «Н. С. Лесков», «Рабкорам „Правды“» (т. 24) и др.

Остановимся на рассказе «Вездесущее». Он впервые был опубликован в журнале «Просвещение», 1913, № 2, февраль, и затем перепечатан в том же году в газете «Правда», № 58, 10 марта. В 1914 г. рассказ был издан отдельной книжкой издательством «Прибой» (СПб.). В 1919 г. Горький заново отредактировал рассказ, и этот новый текст вышел отдельной книжкой в издательстве Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. Это было последнее авторизованное издание рассказа. Конец рассказа, начиная со слов: «С поля в город тихо входит ночь...», Горький в 1915 г. включил в цикл 27 сказок, составивших том XVII собрания сочинений в издании «Жизнь и знание» (Пг., 1915). Том вышел под названием «Сказки» с цензурными искажениями и изъятиями. Конец рассказа «Вездесущее» здесь стал сказкой XXIV. Затем в 1923 г. все эти 27 сказок были включены в том XIII собрания сочинений в издании «Книга». Здесь они впервые получили название «Сказки об Италии». Итак, конец рассказа «Вездесущее», ставший сказкой XXIV в цикле «Сказки об Италии», имеет следующие редакции текста: 1) первопечатный в журнале «Просвещение», 2) текст сказки XXIV в томе XVII собрания сочинений в издании «Жизнь и знание» 1915 г., 3) текст отдельного издания «Вездесущее» 1919 г., заново отредактированный Горьким для этого издания, и 4) текст XIII тома собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. (XXIV сказка об Италии). Первые три текста — авторизованные; текст собрания сочинений в издании «Книга» не является авторизованным, как об этом сказано выше. Таким образом, конец рассказа «Вездесущее» в издании 1919 г. — это последний прижизненный авторизованный текст. В примечании к рассказу «Вездесущее» (см. т. 10, стр. 519) сказано, что он печатается по тексту отдельного издания 1919 г., и это правильно. В новом собрании сочинений рассказ «Вездесущее» помещен в одном томе (т. 10) с циклом «Сказки об Италии», тотчас же вслед за этим циклом. Но конец рассказа не напечатан, а вместо него сделана сноска на странице 173: «конец рассказа в виде XXIV сказки включен Горьким в цикл „Сказки об Италии“ (см. стр. 144 настоящего тома)». Печатание рассказа в таком виде, может быть, и не вызывает

особых возражений, поскольку текст конца рассказа можно найти в том же 10-м томе как сказку XXIV. Но дело в том, что, как сказано выше (см. стр. 42—43), сказка эта в новом собрании сочинений напечатана по более раннему, чем «Вездесущее», тексту тома XVII собрания сочинений в издании «Жизнь и знание» 1915 г., а в качестве основного текста «Вездесущего» принят авторизованный текст 1919 г. Этого противоречия можно было бы избежать, если бы «Вездесущее» было напечатано полностью, а в примечании к рассказу было бы указано, что конец его в редакции 1915 г. вошел в состав цикла «Сказок об Италии» в виде сказки XXIV.

Приведем еще примеры выбора последнего прижизненного авторизованного издания в качестве основного при более сложных условиях.

«Рассказы о героях» (т. 17) содержат три рассказа, которые первоначально были опубликованы в журнале «Наши достижения»: первый и второй рассказы — в 1930 г. в № 4, апрель, и в № 7, июль; третий рассказ — в 1931 г., в № 10—11, октябрь—ноябрь. В 1932 г. эти рассказы вместе с рассказом «Михаил Вилонов» были изданы отдельной книгой под названием «Рассказы о героях» (ГИХЛ, М.—Л., 1932). К этому изданию Горький заново отредактировал все рассказы, несколько их сократив. Для первого и третьего рассказов это издание было последним прижизненным авторизованным изданием, и поэтому тексты их приняты в новом собрании сочинений за основные. Что касается второго рассказа, то он был переиздан еще раз: в 1936 г. Горький вновь отредактировал его и поместил под заглавием «Бабы» в журнале «Колхозник», № 3, март, посвященном изображению женской судьбы в дореволюционное и в советское время. Таким образом, последним авторизованным текстом второго рассказа о героях становится текст «Колхозника». Поэтому основным текстом этого рассказа правильно взят в новом собрании сочинений именно текст журнала. Однако рассказ этот, с новым текстом 1936 г., оставлен все же в цикле «Рассказов о героях», под той же цифрой II, но без заглавия «Бабы», напечатанного в 1936 г. в «Колхознике». Правильно ли это? Поскольку второй рассказ изъят автором из цикла «Рассказов о героях» и переделан в рассказ «Бабы», он стал самостоятельным рассказом, вне цикла, подобно тому, как Горький взял из цикла «Публика» второй и пятый рассказы и под заглавиями «Девочка» и «Рассказ Филиппа Васильевича» дал им самостоятельное существование. Рассказ «Бабы» должен занять самостоятельное место в собрании сочинений. Цикл же «Рассказы о героях» должен печататься в научных изданиях собрания сочинений по последнему авторизованному тексту этого цикла в отдель-

ном издании ГИХЛ, 1932 года. Рассказ будет представлен в двух редакциях: в виде рассказа II в цикле «Рассказы о героях» и в виде самостоятельного рассказа «Бабы».

13

При жизни Горького, как сказано выше, статьи его в собрания сочинений не включались. Но несколько сборников его статей было подготовлено и издано при его непосредственном участии. Большинство статей Горького получило свой окончательный текст в этих прижизненных авторизованных сборниках.

Первый сборник статей Горького вышел в 1917 г. в издании «Парус» под названием «Статьи 1905—1916 гг.». Все вошедшие в сборник статьи заново были отредактированы автором; но сборник сильно пострадал от цензуры. Второе издание сборника вышло в том же издательстве в 1918 г. В нем цензурные изъятия были восстановлены, но некоторые следы цензурного вмешательства все-таки остались, несмотря на то, что весь текст второго издания вновь был правлен Горьким.

Для статей «О цинизме», «О карамазовщине» и «Еще о „карамазовщине"» (т. 24), вошедших в оба издания сборника, текст второго издания его является последним авторизованным прижизненным текстом и потому в новом собрании сочинений принят за основной.

В 1931 г. Государственным издательством художественной литературы было издано два сборника статей Горького: «Статьи по литературе и литературной технике» и «Публицистические статьи». Тексты статей в обоих сборниках были подготовлены и заново отредактированы автором. Сборник «Публицистические статьи» открывается предисловием М. Горького. В Архиве А. М. Горького имеются машинописные копии текста статей для первого и для второго сборников; обе машинописи правлены автором.

В 1933 г. вышло второе издание сборника «Публицистические статьи» (ОГИЗ, ЛенГИХЛ, М.—Л., 1933). В состав этого издания вошли статьи из первого издания 1931 г., за исключением двух: «О бесчеловечии» и «Об антисемитизме»; кроме того, были добавлены статьи 1931—1933 гг., опубликованные после выхода в свет первого издания сборника. Статьи, перешедшие из первого издания сборника, Горький готовил ко второму изданию по печатным листам издания 1931 г., все эти статьи отредактированы вновь. Исправленный Горьким текст печатных листов издания 1931 г. служил оригиналом набора для второго издания 1933 г. (хранятся в Архиве А. М. Горького). Оригиналов набора дополнительных статей

издания 1933 г. до нас не дошло, но почти ко всем этим статьям сохранились не только автографы, но и авторизованные машинописи, правленные автором для второго издания «Публицистических статей». Самое же печатание второго издания сборника происходило без участия автора.

В том же году издательством «Советская литература» был издан сборник литературно-критических работ Горького под названием «О литературе. Статьи 1928—1933 гг.» (М., 1933). Сюда включены были статьи из названного выше сборника 1931 г. «Статьи о литературе и литературной технике». Сборник в этом издании значительно дополнен многими новыми статьями, опубликованными автором в 1928—1933 гг. Тексты всех статей при подготовке к сборнику заново редактировались и исправлялись Горьким. В 1935 г. вышло второе издание сборника «О литературе», дополненное статьями, опубликованными автором в 1933—1935 гг. Для этого издания Горький вновь правил тексты включенных в сборник статей.

После смерти автора, в 1937 г., сборник «О литературе» был выпущен третьим изданием издательством «Советский писатель» (М., 1937). Подготовка этого издания началась еще при жизни писателя.

Редакция третьего издания обратилась к Горькому с письмом, в котором содержались вопросы по поводу ряда мест в текстах некоторых статей. Горький на письме сделал пометки, выражающие его согласие или несогласие с предложениями редакции. Этим и ограничилось участие автора в подготовке третьего издания сборника «О литературе», так что в целом это издание авторизованным считать нельзя.

Тексты статей, помещенных во втором издании сборника «О литературе» 1935 г. и во втором издании сборника «Публицистические статьи» 1933 г., являются последними авторизованными прижизненными текстами. Поэтому основными текстами этих статей, вне всякого сомнения, должны быть признаны именно тексты указанных изданий сборников «О литературе» и «Публицистические статьи». Так это и сделано в новом собрании сочинений по отношению к литературно-критическим статьям: по тексту второго издания сборника «О литературе» напечатано 35 статей.

Что же касается второго издания сборника «Публицистические статьи», то хотя он в новом собрании сочинений во вступлениях к примечаниям в 24—27-м томах и признается авторизованным, тем не менее тексты этого сборника приняты за основные только для 16 статей из 59, входящих в сборник. Это как раз те дополнительные статьи второго издания сборника, которые не входили в первое издание и оригиналов набора к которым не сохранилось. Вот эти статьи: «Народ

должен знать свою историю» (т. 25), «Рабочим Днепростроя и другим», «Террор капиталистов против негритянских рабочих в Америке», «История молодого человека», «За работу», «Об анкетах и еще кое о чем», «О праве на погоду», «О работе по истории фабрик и заводов», «О старом и новом человеке», «Еще раз об „Истории молодого человека“», «Рабочие пишут историю своих заводов», «Делегатам антивоенного конгресса», «О „солдатских идеях“» и «О самом главном» (т. 26), «Работнице и крестьянке», «О воспитании правдой» (т. 27).

Только одна из дополнительных статей второго издания сборника «Публицистические статьи», не входившая в первое издание его, в новом собрании сочинений печатается не по тексту второго издания сборника. Это статья «С кем вы, мастера культуры?» (т. 26). Впервые она была опубликована 22 марта 1932 г. одновременно в газетах «Правда», № 81, и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», № 81. В том же году Партиздат ЦК ВКП(б) и Гослитиздат выпустили статью отдельными изданиями: «М. Горький. С кем вы, мастера культуры?». Затем статья вошла во второе издание сборника «Публицистические статьи». Оригинал набора статьи для сборника неизвестен. В Архиве А. М. Горького имеется машинопись с правкой и подписью Горького, текст которой совпадает с текстом сборника. Но там же хранится экземпляр отдельного издания статьи Гослитиздата 1932 г., вновь исправленный автором. Этот текст и взят в качестве основного. Одна статья — «О бесчеловечии», не вошедшая во второе издание «Публицистических статей», в новом собрании сочинений печатается по тексту первого издания этого сборника (1931 г.); это последний авторизованный текст.

Для остальных статей, за исключением статьи «Если враг не сдается, его уничтожают», основным текстом выбран не печатный текст самого второго издания сборника, а текст вышеуказанного оригинала-набора для него, правленного Горьким специально для второго издания, так как печатание сборника происходило без участия автора. Выбор основного текста для статьи «Если враг не сдается, его уничтожают» оказался очень сложным. Статья впервые и под этим заглавием была опубликована в газете «Правда», 1930, № 314, 15 ноября. В этот же день, но под заглавием «Если враг не сдается, — его истребляют», статья была напечатана в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 314). Затем статья эта под заглавием «Если враг не сдается, — его истребляют» вошла в первое и во второе издания сборника «Публицистические статьи». В Архиве А. М. Горького имеется машинописная копия статьи (с тем же заглавием), правленная автором для первого издания названного сборника, а также печатный текст первого

издания сборника, правленный автором для второго издания. Таким образом, статья имеет три авторизованных источника текста: первопечатный 1930 г. (одновременно в двух газетах — в «Правде» и «Известиях») и тексты, подготовленные автором к первому и второму изданиям сборника «Публицистические статьи» (1931 и 1933 гг.). Однако в текстах «Известий», а также и в текстах, правленных автором для обоих изданий сборников, обнаружены два весьма существенных искажения, которые остались и в печатных текстах обоих сборников. В конце абзаца, начинающегося словами «В этих словах „Русская женщина“ грубо...», в этих текстах есть такая фраза: «За 13 лет своей диктатуры рабочий класс, почти безоружный, разутый, раздетый, голодный, вышвырнул из своей страны богато вооруженные капиталистами Европы белые армии, вышвырнул войска интервентов». Как известно, изгнание белых армий и войск интервентов было завершено в 1920 г., а не «за 13 лет».Следующий абзац начинался так: «13 лет работая над строительством своего государства» и кончается: «в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии». Эта несогласованность в текстах «Известий» и сборника «Публицистические статьи» отсутствует в тексте «Правды», который был выправлен, вероятно, с согласия автора. Отмеченные места в тексте «Правды» читаются так: 1) «Десять лет назад рабочий класс... вышвырнул...» и т. д. и 2) «За 13 лет, работая... в этих адских условиях он развил...» и т. д. Выбор основного текста поэтому и остановился на первопечатном тексте «Правды» с заглавием «Если враг не сдается, его уничтожают».

14

Выше были рассмотрены произведения, у которых тексты последних прижизненных изданий были в то же время и последними их авторизованными текстами и поэтому принимались за основные.

Но среди не включенных автором в собрание сочинений есть произведения, последние авторизованные издания которых не совпадают с последними прижизненными изданиями, выходившими позднее.

Пьеса «Егор Булычов и другие» (т. 18) впервые была напечатана в виде отдельной книги в издании «Книга» (Берлин, 1932). В 1933 г. заново отредактированный Горьким текст пьесы был опубликован в книге «Год шестнадцатый. Альманах первый» (М., изд-во «Советская литература», 1933). Затем пьеса была перепечатана в серии «Роман-газета»,

ГИХЛ, 1934, № 6. В данном случае последним авторизованным текстом является текст в альманахе; последнее же прижизненное издание пьесы в «Роман-газете» — простая перепечатка.

Статья «О Ромэн Роллане» (т. 24) впервые была опубликована в переводе на французский язык в журнале «Europe», Париж, 1926, № 38, 15 февраля. На русском языке она была напечатана в журнале «Красная новь», 1927, № 6, июнь. В 1930 г. статья была помещена в первом томе собрания сочинений Р. Роллана в издании «Время» (Л., 1930), наконец, в 1934 г. перепечатана в книге «М. Горький о писателях», издание «Федерация» (М., 1934). В данном случае последним авторизованным текстом статьи является текст авторской публикации в журнале «Красная новь», последующие тексты — перепечатки.

Наконец, есть произведение, которое напечатано в новом собрании сочинений по тексту посмертной публикации, — письмо «О Бальзаке» (т. 24). Это письмо было послано Горьким Октаву Мирбо в ответ на запрос от «Общества друзей Бальзака» и было впервые напечатано в переводе на французский язык в журнале «La Revue», Париж, 1911, № 14, 15 июля. Русский текст был опубликован в статье И. Груздева «Молодой Горький» в журнале «Молодая гвардия», 1927, № 1, январь. В 1938 г. Груздев вторично напечатал это письмо в своей книге «Горький и его время» по рукописи, имевшейся в его распоряжении. В Архиве А. М. Горького оригинала статьи-письма «О Бальзаке» не сохранилось. Поэтому в данном случае основным текстом принят текст посмертной публикации, так как публикация 1927 г. — не авторская, а публикация 1938 г. сделана по рукописи тем же лицом.

15

Значительная часть произведений, не включавшихся Горьким в собрания сочинений, имеет только единственный источник текста — первопечатный прижизненный текст, который и воспроизводится в новом собрании его сочинений. Таких текстов среди художественных произведений более 60, а среди литературно-критических и публицистических — свыше 50.

Для многих произведений, напечатанных при жизни Горького только один раз и включенных в данное собрание сочинений впервые, имеются, кроме первопечатного текста, и другие источники: цензурные экземпляры газет, газетные вырезки, авторские рукописи, машинописные и рукописные копии, стенограммы, гранки набора, иностранные публикации и т. п. В таких случаях необходимо установить, является ли первопечатный текст последним авторизованным текстом, или нет.

В качестве основного текста этих произведений в большинстве случаев служил именно первопечатный текст, поскольку все эти произведения публиковались самим автором и ни один из дошедших до нас источников текста, предшествовавших печатному, не был непосредственным оригиналом набора при их публикации.

Так, например, пьеса «Достигаев и другие» при жизни Горького была опубликована только однажды в альманахе «Год семнадцатый. Альманах третий», М., 1933. В Архиве А. М. Горького хранятся шесть авторских рукописей и две машинописные копии пьесы, содержащие различные ее тексты. Из автографов только один дает текст всех трех действий пьесы, остальные же представляют или отрывки или содержат тексты отдельных действий. Одна машинопись — текст I и III действий, причем авторская правка в ней коснулась только I действия, вторая машинопись — последний вариант I и II действий. Ни один из этих архивных источников не является оригиналом, с которого набирался текст пьесы в альманахе и который до нас не дошел. Альманах «Год семнадцатый. Альманах третий» выходил под редакцией самого Горького. Поэтому здесь совершенно правильно печатный текст пьесы принят за основной (см. т. 18).

Миниатюра «Старик» (т. 5) была сначала опубликована в переводе на французский язык под заглавием «La vie» («Жизнь») в книге M. Gorky. Esclaves. Nouvelles récents. Traduite d'après le manuscript S. Persky. Paris. Librairie universelle. (Без обозначения года) [8]. Русский текст появился позднее в «Новом журнале для всех», 1911, № 37, ноябрь, со следующим примечанием: «По просьбе автора отмечаем, что миниатюра „Старик" написана М. Горьким в 1906 г. (появляется в печати впервые)». В Архиве А. М. Горького сохранился список рассказа, сделанный рукой М. Ф. Андреевой с неизвестного оригинала. Заглавие «Жизнь» написано на списке рукой неустановленного лица. В списке авторской правки нет. В Архиве, кроме списка, есть еще машинописная копия миниатюры, текст которой совпадает с текстом списка. Но машинописный текст тщательно исправлен рукой автора, хотя заглавия не имеет. Журнальный текст воспроизводит машинописный со всеми исправлениями автора и принят в качестве основного.

Подобным образом сделан выбор основного текста для большинства рассказов и статей, имеющих единственную прижизненную публикацию и предшествующие ей автографы или

[8] М. Горький. Рабы. Новые рассказы. Переведенные с рукописи С. Перским.

копии, не служившие оригиналами набора печатного текста. Здесь правильность выбора текста не вызывает сомнений.

Но среди произведений, опубликованных при жизни автора только один раз, есть ряд таких, источниками текста которых, помимо первопечатного текста и различных рукописей и копий, являются еще и оригиналы набора первопечатного текста. В таких случаях первопечатный текст может быть взят в качестве основного лишь при условии, если известно, что произведение печаталось при участии автора.

Так, например, рассказ «Орел» имеет пять источников текста: первопечатный (в журнале «Колхозник», 1935, № 2, февраль), две авторские рукописи и две машинописи. Одна рукопись — первоначальный черновик, состоящий из шести листов. Во второй рукописи 11 листов. Обе машинописи воспроизводят текст второго автографа и содержат авторскую правку. Одна из них служила оригиналом набора рассказа, о чем свидетельствуют пометки на ней редакции журнала. Но основным текстом рассказа принят печатный, что совершенно правильно, так как журналом «Колхозник» руководил сам Горький и рассказ печатался при его участии. По тем же соображениям выбран в качестве основного первопечатный текст для очерков третьего, четвертого и пятого из серии «По Союзу Советов», впервые напечатанных в журнале «Наши достижения» в 1929 г.

Авторские рукописи и машинописные копии, а также оригиналы набора этих очерков в журнале являются в данном случае лишь вспомогательными источниками для критической проверки печатного текста.

Но в ряде случаев, когда известно, что произведения печатались без участия автора, при выборе основного текста таких произведений предпочтение отдавалось архивному источнику (автографу, копии, оригиналу набора и т. п.). Приведем примеры.

Сценка «С натуры» имеет два источника: единственный печатный текст в журнале «Жало», 1905, № 1, 29 ноября, и автограф. Редактор журнала «Жало» Ив. Власов в своих воспоминаниях (см. журнал «Пламя», Иваново, 1937, № 6, стр. 7) сообщал, что сценка «С натуры», написана Горьким вечером 20 ноября 1905 г. в Москве. «Тогда же, — рассказывает Власов, — автограф был передан мне как редактору сатирического журнала „Жало“ для помещения в первом его номере. Этот первый и единственный номер „Жала“ вышел в свет 29 ноября 1905 года». Автограф был передан Власовым в Архив А. М. Горького и в новом собрании сочинений (см. т. 5) принят в качестве основного текста, так как печатание рассказа в журнале происходило без авторского контроля.

[«Приветствие рабочим завода „Большевик“»] напечатано в новом собрании сочинений также по рукописи (см. т. 26). Приветствие было послано Горьким ко дню тридцатилетия Обуховской обороны 7/20 мая 1901 г. и адресовано так: «Ленинград. Завод «Большевик». Общественному комитету». Публикации приветствия в «Ленинградской правде», 1931, № 138, 21 мая, и в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, № 139, 22 мая, не являются авторскими.

Письмо-статья Горького «В ответ на обращение жены Сунь Ят-сена» (см. т. 26) имеет два источника текста: авторизованную машинописную копию с названным заглавием, написанным рукой Горького, и печатный текст в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1932, № 61, 2 марта. Публикация эта не авторская: письмо приведено здесь в статье «М. Горький о событиях на Дальнем Востоке». Как видно из пояснения от редакции, газета получила сведения о письме и текст его из секретариата Антиимпериалистической лиги, а не от автора. Подлинник письма, адресованный Горьким в секретариат, до нас не дошел. Но на указанной выше машинописи рукой Горького написано: «Копия». Поэтому в данном случае выбор основного текста остановился на машинописи.

16

Для некоторых произведений (речи, доклады, беседы и т. п.) имеются, кроме печатных текстов, стенограммы, правленные Горьким. Возникает вопрос, какой из этих источников основной? Вопрос этот решался по-разному, в зависимости от того, являлся ли печатный текст авторизованным или нет.

Так, например, [«Речь на заседании пленума Московского совета совместно с профессиональными и партийными организациями, посвященном общественно-политической и литературно-художественной деятельности М. Горького»], произнесенная Горьким 31 мая 1928 г. на заседании в Большом театре, открывшемся докладом А. В. Луначарского, имеет следующие источники текста: 1) авторская рукопись, которая представляет собою переработку стенограммы в первоначальной редакции; 2) машинопись стенограммы, правленная автором; 3) первопечатные не авторские публикации в газетах «Правда», 1928, № 126, 1 июня, и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, № 126, 1 июня (в «Известиях» речь напечатана не самостоятельно, а воспроизведена в статье Ф. Д. «М. Горький в Москве. Лицом к лицу»). В данном случае стенограмма, правленная Горьким, выбрана в качестве основного текста, так как оба газетных текста опубликованы без участия автора (см. т. 24).

Напротив, первопечатный текст выбран в качестве основного для речи М. Горького на расширенном заседании Президиума Оргкомитета ССП 7 сентября 1933 г., впервые напечатанный в «Литературной газете», 1933, № 42, 11 сентября (т. 27). В сокращенном виде, как часть общей информации о заседании Президиума Оргкомитета, речь была опубликована еще раньше в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», в номерах от 9 сентября. «Литературная газета» напечатала речь полностью под заглавием «Перед нами развертывается огромнейшая и прекрасная работа». Этот текст соответствует правленной Горьким стенограмме, но в нем имеются разночтения, свидетельствующие о новой авторской правке.

Речь и заключительное слово Горького на совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров 10 апреля 1935 г. были впервые опубликованы в газете «Правда» (1935, № 103, 14 апреля) под заглавием «Литература и кино» и затем перепечатаны в «Литературной газете» (№ 21, 15 апреля), в журнале «Кино» (№ 18, 17 апреля), в «Ленинградской правде» (№ 88, 15 апреля; без дополнения к стенограмме, озаглавленной «После правки стенограммы»). Публикация в «Правде» — авторская, она воспроизводит текст исправленной Горьким стенограммы с дополнениями, сделанными его рукой. Остальные публикации — перепечатки первой. Здесь основным текстом также взят текст «Правды».

«Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» (т. 26) впервые под этим заглавием полностью напечатана в книге Горького «Две беседы» (изд-во «Молодая гвардия», М., 1931). Ранее эта беседа сокращенно публиковалась: под заглавием «Ударник в литературе» — в «Комсомольской правде» (1931, № 217, 8 августа), под заглавием «Ударники идут в литературу» — в «Красной газете» (вечерний выпуск, 1931, № 186, 8 августа). Кроме того, текст из книги «Две беседы» перепечатан в журнале «Резец» (1931, № 24, сентябрь). Текст, напечатанный в книге «Две беседы», является переработкой для печати стенограммы беседы, которая состоялась 11 июня 1931 г. в Москве, в Доме актера. В качестве основного здесь правильно взят текст указанного издания книги «Две беседы» как последний авторизованный текст; стенограммы же, правленные автором (их две), служат дополнительными источниками для проверки основного текста.

В той же книге Горького «Две беседы» помещена и «Беседа с писателями-ударниками» по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС. В сокращенном виде эта беседа впервые была опубликована в журнале «Литературная учеба», 1931, № 1, по выправленной Горьким стенограмме беседы, состоявшейся 12 июня 1931 г. во Дворце труда при

участии трехсот рабочих-ударников. В Архиве А. М. Горького имеется три стенограммы беседы, из них две правлены Горьким; третья исправлена рукой неизвестного лица. В качестве основного текста в данном случае принят первопечатный текст. Нам думается, что здесь следовало бы выбрать для этого текст книги «Две беседы» по аналогии с «Беседой с молодыми ударниками, вошедшими в литературу».

17

Рассмотрим еще некоторые особые случаи, когда первопечатный текст берется за основу при наличии других источников.

Так, цензурные экземпляры газетных номеров, в которых впервые опубликовано было автором какое-либо из его произведений, потом ни разу не переиздававшееся, могут служить лишь источником для восстановления цензурных изъятий или исправления цензурных искажений; основным же текстом в таких случаях является первопечатный газетный текст (после цензурных изъятий и изменений могла продолжаться авторская работа над корректурами).

Таковы рассказы «Месть» (напечатан в казанской газете «Волжский вестник», 1893, №№ 211, 212, 214 от 18, 19 и 21 августа), «Разговор по душе» (там же, 1893, № 233, от 12 сентября) и «Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты» («Самарская газета», 1895, №№ 116, 117, 122 и 129 от 4, 6, 11 и 20 июня). К этим рассказам имеются цензурные экземпляры газетных номеров, в которых они помещены. В тексте рассказов в цензурных экземплярах газет, кроме цензорских вычеркиваний и искажений, никакой правки автора нет. Основным текстом принят первопечатный (см. т. 1; цензурные экземпляры газет в Архиве А. М. Горького).

Ряд произведений Горького впервые публиковался в иностранных изданиях, а затем перепечатывался в России без участия автора. При выборе основного текста таких произведений иногда приходилось брать в качестве основных тексты не авторских публикаций.

Например, в 1907 г. в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» (№ 9977, 3 июня) был напечатан рассказ М. Горького «Как я первый раз услышал о Гарибальди»; на следующий день в утреннем выпуске газеты (№ 9978, 4 июня) рассказ был перепечатан. В примечании от редакции газеты сообщалось: «Настоящая статья М. Горького помещена в юбилейном сборнике, изданном студентами римского университета в память Гарибальди». Таким образом, публикация в газете рассказа Горького является перепечаткой из юбилейного сборника, изданного в ознаменование столетия со дня рождения

Гарибальди. Этого сборника нет в крупнейших библиотеках СССР. Были еще две перепечатки рассказа при жизни автора: в 1907 г. в «Босяцкой газете» (№ 1, 14 октября) и в книге «М. Горький. Материалы и исследования. I» (Л., изд-во АН СССР, 1934). Но и эти публикации не авторские. Был послан запрос в римский университет о высылке копии подлинника рассказа. Но до выхода в свет тома 7 собрания сочинений ответа не было получено, и рассказ напечатан по тексту газеты.

Письмо М. Горького, помещенное в томе 24 нового собрания сочинений под заглавием [«Ответ редактору французского журнала „Европа"»], впервые напечатано в журнале «Europe», Париж, 1928, № 68 от 15 августа, в переводе на французский язык. Оригинал письма, с которого был сделан французский перевод, до нас не дошел. На русском языке письмо напечатано в «Красной газете», 1928, № 245, 5 сентября (вечерний выпуск). Этот единственный русский текст письма взят за основу, хотя публикация в «Красной газете» — не авторская.

[«Обращение к немецким писателям»] впервые было опубликовано в переводе на немецкий язык в газете «Берлинер Тагеблатт», 1928, 25 мая. Оригинал, с которого был сделан немецкий перевод, до нас не дошел. Затем обращение было напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, № 129, 6 июня, под заглавием «Обращение М. Горького к немецким писателям» и с примечанием от редакции газеты: «В „Берлинер Тагеблатт" от 25 мая напечатано следующее обращение Алексея Максимовича Горького к немецким писателям во время его проезда через Германию в СССР». Публикация в «Известиях» сделана, по-видимому, с ведома автора, так как в Архиве А. М. Горького имеется машинописная копия обращения, правленная автором, текст которой полностью совпадает с текстом газеты. На машинописи написано рукой неизвестного лица заглавие — такое же, как в газете. Машинописный текст и совпадающий с ним текст газеты является, по-видимому, переводом с немецкого, а не копией того оригинала, который был послан в «Берлинер Тагеблатт». В Архиве А. М. Горького есть еще машинопись, содержащая текст, отличный от текста «Известий»; эта машинопись автором, однако, не правлена и не подписана. Основным текстом в данном случае взят текст «Известий», который сверен с авторизованной машинописью.

18

Многие произведения М. Горького, хотя и не включавшиеся им в собрание сочинений, после первой авторской публикации издавались повторно, иногда не один раз. При выборе основ-

ного текста для таких произведений необходимо выяснить, являются ли последующие издания произведения авторизованными, или это простые перепечатки текста первой авторской публикации.

Например, сказка «Воробьишко» (т. 10) впервые была напечатана в сборнике сказок разных авторов, озаглавленном «Голубая книга» (изд. т-ва О. Поповой, СПб., 1912). В 1917 г. сказка была издана отдельной книжкой издательством «Парус» (Пг.). Второе издание — перепечатка первого, и в данном случае основным текстом правильно выбран текст сборника «Голубая книга».

Статья «О музыке толстых» (т. 24) первоначально была опубликована Горьким в газете «Правда», 1928, № 90, 18 апреля. В 1931 г. Государственное музыкальное издательство выпустило эту статью отдельной брошюрой, перепечатав без изменений первопечатный текст «Правды», к которому сохранился оригинал набора (авторизованная машинопись с типографскими пометками). И здесь основным текстом выбран первопечатный.

По тем же соображениям первопечатный текст принят за основной для произведений «Предисловие к книге А. К. Виноградова „Три цвета времени“», «Путь к счастью» и др.

Статья «О писателях-самоучках» впервые была опубликована в журнале «Современный мир», 1911, № 2, февраль. В 1914 г. статья выпущена была отдельной книжкой издательством «Жизнь и знание», но издание это подверглось большим цензурным искажениям. Затем без участия автора статья была перепечатана в книге «М. Горький о писателях» в издании «Федерация», М., 1928. В том же году и тем же издательством статья выпущена была отдельной книжкой. Очевидно, что и в данном случае при выборе основного текста следует предпочесть первопечатный текст, что и сделано в новом собрании сочинений.

«Рецензия» напечатана была в двух изданиях: в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, № 23, 27 января, и в журнале «Сибирские огни», 1928, № 1, январь—февраль. Публикация в журнале сопровождалась следующим примечанием редакции: «К сожалению, по независящим от редакции обстоятельствам „Рецензия“, присланная М. Горьким для нашего журнала и напечатанная в настоящем номере, появилась ранее выхода „Сибирских огней“ в „Известиях ЦИК“». В Архиве А. М. Горького хранятся автограф и машинописная копия статьи. Последняя — типографский экземпляр газеты «Известия», с пометками типографии; она исправлена и подписана М. Горьким. Под статьей авторская дата: «Италия, Sorrento, 10.1 — 28». Очевидно, статья была послана и в газету и в жур-

нал одновременно, и обе публикации — авторские и по тексту тождественны. Но текст «Известий» более авторитетен, поскольку сохранился к нему авторизованный оригинал набора, и потому он по праву признан основным.

Что касается письма М. Горького «Редакции журнала „Молодой Большевик“», то оно было напечатано в 1931 г. одновременно в газетах «Комсомольская правда» (№ 192, 14 июля), «Ленинградская правда» (№ 192, 14 июля) и в самом журнале «Молодой большевик» (№ 14—15). В журнале письмо озаглавлено: «Вы обязаны знать сокровища страны своей» и напечатано позднее, чем в газетах. Письмо датировано автором 13 июля 1931 г. В газетах, следовательно, оно опубликовано на другой день и притом со следующим примечанием от редакции: «Редакция журнала „Молодой большевик“ (орган МК ВЛКСМ) выпускает в ближайшее время специальный номер журнала, посвященный вопросам изучения и освоения природных богатств нашей страны. Установка и план этого номера были изложены редакцией в письме товарищу Горькому. В ответ редакцией получено от Алексея Максимовича публикуемое ниже письмо». Из этого примечания видно, что газеты получили текст письма не от автора, а из редакции журнала. Поэтому, мы думаем, что здесь следовало бы за основной текст принять текст журнала, а не газетный «Комсомольской правды», как это сделано в новом собрании сочинений (т. 26), тем более что оба газетных текста совершенно равнозначимы и предпочтение, отданное «Комсомольской правде», нельзя ничем обосновать.

Выбор основного текста представляет затруднения, когда произведение, однажды опубликованное, повторно переиздавалось при жизни автора лишь частично.

Например, «Заметки о мещанстве» впервые были напечатаны в большевистской газете «Новая жизнь», 1905, №№ 1, 4, 12, 18 от 27 и 30 октября и 13 и 20 ноября. В 1926 г. газета «Новая жизнь» за 1905 г. была целиком переиздана Истпартом (изд-во «Прибой»). «Заметки о мещанстве» входят в выпуски 1, 2-й и 3-й этого издания. Текст заметок, так же как и весь остальной текст газеты, — простая перепечатка, в которой автор никакого участия, разумеется, не принимал. Но после первой публикации два небольших отрывка из главы III о Толстом и Достоевском, притом с большими цензурными изъятиями и искажениями, были напечатаны в сборнике М. Горького «Статьи 1905—1916 гг.», выпущенном издательством «Парус» в 1916 г. (второе издание этого сборника — в 1918 г., без цензурных изъятий). Кроме того, в Архиве А. М. Горького имеются следующие источники статьи: 1) машинописная копия с правкой и подписью автора (сделана с не дошедшего до нас

автографа); 2) вырезка из № 4 газеты «Новая жизнь» за 1905 г., содержащая главу II статьи с новыми исправлениями автора; 3) листы из первого издания книги «Статьи 1905—1916 гг.» с текстом отрывков о Толстом и Достоевском; эти листы правились Горьким для неосуществленного тома собрания сочинений в издании «Книга». В данном случае за основной текст правильно принят первопечатный текст, остальные же источники привлечены для сверки, причем учтена указанная выше новая правка Горьким в главах II и III.

Статья «Цели нашего журнала» полностью впервые напечатана в журнале «Литературная учеба», 1930, № 1, январь. Не полностью она была опубликована несколько ранее под заглавием «О журнале „Литературная учеба"» в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК», 1930, № 4, 4 января. Вторая часть статьи (со слов: «Литератор — глаза, уши и голос класса») под заглавием «О действительности» включена в авторизованный сборник статей М. Горького «О литературе» (издания 1933, 1934 и 1937 гг.). В Архиве А. М. Горького хранятся две авторские рукописи статьи и машинописная копия второй ее части. Основным текстом признан текст «Литературной учебы».

19

Ряд произведений, опубликованных при жизни Горького один раз и не включенных им в собрание сочинений, Горький правил уже после их публикации для повторных изданий, почему-либо не осуществившихся. В Архиве А. М. Горького сохранились многие тексты, содержащие авторскую правку, до сих пор остававшуюся неизвестною. В качестве основных текстов таких произведений в большинстве случаев взяты не первопечатные тексты, а именно тексты, вновь исправленные Горьким и остававшиеся по тем или иным причинам не опубликованными. Однако такой выбор текста может быть сделан лишь при условии, если автор правку того или иного произведения закончил.

Так, например, рассказ «Как поймали семагу», опубликованный впервые в «Самарской газете», 1895, № 250, 19 ноября, под заглавием «О том, как поймали семагу. Набросок», Горький предполагал включить в III том «Очерков и рассказов» в издании С. Дороватовского и А. Чарушникова. Горький с этой целью исправил рассказ по вырезке из «Самарской газеты». Но рассказ в книжку не был включен. Вырезка же, в которой Горький сократил заглавие и исправил весь текст, дошла до нас. Текст этой вырезки, исправленный автором и остававшийся до сих пор не учтенным, в новом собрании сочинений взят за основной (см. т. 2).

Такие же газетные вырезки первопечатного текста, правленные Горьким для неосуществленных повторных изданий, имеются для рассказов «Сон», «Красота», «Трубочист» (т. 2), «Театральное» (т. 14). Тексты этих вырезок, правленные автором, и взяты в новом собрании сочинений за основные.

Рассказ «Перед лицом жизни» (т. 4) впервые был напечатан в газете «Нижегородский листок», 1900, № 354, 25 декабря. Затем рассказ неоднократно издавался нелегально гектографическим способом (в Архиве А. М. Горького хранятся семь различных гектографических изданий рассказа). Кроме того, в Архиве сохранилась машинописная копия, сделанная уже в советское время и заново исправленная Горьким. Этот текст рассказа, неизвестный до последнего времени, и взят как основной.

Выше было отмечено, что основным текстом очерков третьего, четвертого и пятого «По Союзу Советов» был принят первопечатный текст из журнала «Наши достижения». В отношении же очерков первого и второго этого сделать было нельзя. Дело в том, что среди источников текста этих очерков, помимо первопечатного текста журнала «Наши достижения», а также авторских рукописей и машинописей, с которых набирался текст очерков в журнале, оказались еще машинописные копии с журнального текста, заново исправленные и дополненные автором. Тексты этих машинописей с новыми авторскими исправлениями, неизвестными до сих пор, предназначались для нового издания, которое не было осуществлено. И в данном случае тексты машинописи правильно взяты как основные.

Статья «О женщине» (т. 27) впервые напечатана в журнале «Большевик», 1934, № 7, 15 апреля. Значительная часть этой статьи вошла в более позднюю статью Горького, тоже под заглавием «О женщине», напечатанную в специальном номере журнала «Колхозник» (1936, № 3). Кроме того, в личной библиотеке Горького сохранился экземпляр номера журнала «Большевик», в котором была помещена статья «О женщине». В статье содержатся пометки, исправления и дополнения, сделанные Горьким после выхода в свет номера журнала и не вошедшие в печатный текст. Поэтому в новом собрании сочинений статья «О женщине» печатается по тексту, вновь исправленному автором.

Во всех указанных случаях основным текстом произведения признан не первопечатный текст, а заново отредактированный автором текст, остававшийся до сего времени неопубликованным. При этом во всех этих случаях мы имеем дело с законченной авторской правкой произведения.

В тех случаях, когда автор только начал править опубликованное произведение и по тем или иным причинам правку

эту прекратил, не доведя ее до конца, основным текстом взят первопечатный.

Так сделано с текстом повести «Горемыка Павел» (т. 1), впервые напечатанной в нижегородской газете «Волгарь» в 1894 г. в 25 номерах (начиная с № 80 от 8 апреля по № 152 от 6 июля). 7 января 1910 г. один из нижегородских знакомых Горького, доктор В. Н. Золотницкий, обратился к писателю с просьбой разрешить с благотворительной целью издание сборника его ранних рассказов. В списке намеченных для сборника произведений была упомянута и повесть «Горемыка Павел». Золотницкий сообщил Горькому, что произведения будут собраны и высланы автору для просмотра. В ответном письме (без даты) Горький, не возражая против издания сборника, между прочим, указывал на повесть «Горемыка Павел» и просил достать комплект «Волгаря» и перепечатать повесть на машинке, что и было, по-видимому, выполнено, так как Горький машинописную копию повести получил и начал ее править, но правку не докончил, оборвав на 22 странице (всех страниц в машинописи 112; хранится в Архиве А. М. Горького). Поэтому основным текстом произведения в новом собрании сочинений вполне обоснованно принят текст газеты «Волгарь» (см. т. 1).

Аналогичное решение принято было и относительно рассказа «Шабры» (т. 2), впервые опубликованного в газете «Нижегородский листок», 1896, №№ 332, 334 и 337 от 1, 3 и 6 декабря. Как видно из переписки Горького с редактором «Журнала для всех» В. С. Миролюбовым, Горький в декабре 1897 г. предполагал поместить этот рассказ в «Журнале для всех» и начал было готовить его для этой цели по вырезке из «Нижегородского листка», но прервал правку в самом начале. В Архиве А. М. Горького имеется эта вырезка со следами начатой правки.

В некоторых случаях при наличии позднейшей правки автора в тексте произведения, уже опубликованного, выбор основного текста остановился на первопечатном тексте, но с учетом позднейших авторских исправлений и изменений. Рассмотрим, насколько обоснованно такое решение.

Рассказ «Одинокий» (см. т. 2) впервые был напечатан в «Самарской газете», 1895, № 235, 1 ноября, с подзаголовком «Силуэт». В конце 90-х и в начале 1900-х годов Горький дважды правил текст рассказа по гранкам набора для «Самарской газеты». Горький, видимо, предполагал повторное издание рассказа, но осуществлено это не было (гранки сохранились в Архиве А. М. Горького). За основной текст рассказа в данном случае принят вполне обоснованно печатный текст газеты, с внесением всех исправлений Горького, сделанных им в гран-

ках (устранение подзаголовка, стилистические исправления и дополнения).

Фантазия «Весенние мелодии» должна была появиться в апрельской книжке журнала «Жизнь» за 1901 г.; царская цензура запретила ее печатание, но разрешила, очевидно по недосмотру, опубликование «Песни о Буревестнике», которой заканчивалось произведение. До Октябрьской революции «Весенние мелодии» находились под запретом цензуры и распространялись среди читателей в нелегальных изданиях (сначала гектографированных, позднее — печатных). За границей «Весенние мелодии» впервые были напечатаны в журнале «Рабочее дело» (Женева, 1901, № 9, май), затем помещены в книгах «М. Горький. Запрещенное» издание Гуго Штейница, Берлин, 1902, и «М. Горький. Три рассказа», издание И. Реде, Берлин, 1902. Все эти публикации не авторские. В 1931 г. Нижне-Волжский краевой архив прислал Горькому для просмотра машинописную копию гектографированного издания «Весенних мелодий» 1901 г. и просил разрешения опубликовать этот текст. Горький внес в присланную ему машинопись ряд существенных исправлений и добавлений и, отсылая исправленный текст обратно, писал Нижне-Волжскому архивному управлению: «Рукопись переписана небрежно, текст ее — плохо помню, а насколько мог вспомнить кое-что исправил» (см. сборник «Алексей Максимович Горький. Статьи и документы». Саратов, 1937, стр. 20). Машинопись, правленная автором, хранится в Архиве А. М. Горького. Кроме того, там имеется черновой автограф рассказа и гранки набора для предполагавшейся публикации в журнале «Жизнь». Поскольку Горький сам отрицательно отзывался о тексте машинописи, присланной ему Нижне-Волжским краевым архивом, в новом собрании сочинений при выборе основного текста «Весенних мелодий» предпочтение отдано гранкам набора для журнала «Жизнь», так как текст этих гранок наиболее близок к авторизованному оригиналу, который до нас не дошел.

Аналогичен описанному и выбор основного текста для рассказа «О писателе, который зазнался» (т. 5), впервые изданного литографским способом в марте 1901 г. в Москве и затем неоднократно перепечатывавшегося революционными кружками в различных нелегальных изданиях. Типографским способом рассказ впервые напечатан в газете «Русский Туркестан», 1901, № 211, 31 октября и № 215, 4 ноября. В примечании от редакции сказано: «Настоящая фантазия перепечатывается нами с личного разрешения автора». С 1902 г. рассказ перепечатывался неоднократно за границей в сборниках запрещенных произведений Горького, без участия автора (в книге «М. Горький. Запрещенное», изд. Гуго Штейница, Берлин,

1902, и др.). Во всех этих сборниках была допущена перестановка отдельных частей рассказа, в известной степени искажающая его смысл. В начале 1920-х годов Горький намеревался выпустить свои публицистические произведения в одном из томов собрания сочинений в издании «Книга», предполагая включить в этот том и рассказ «О писателе, который зазнался». Для этого неосуществленного издания Горький правил рассказ по машинописной копии с текста книги «М. Горький. Запрещенное» в издании Гуго Штейница. Машинопись хранится в Архиве А. М. Горького. Основным текстом в данном случае взят текст газеты «Русский Туркестан» с учетом всех изменений, внесенных Горьким в указанную машинопись.

Сложным оказался вопрос о выборе основного текста для статьи «Разрушение личности» (см. т. 24). Статья впервые была опубликована в книге «Очерки философии коллективизма», сборник I, издание т-ва «Знание» (СПб., 1909). Сохранились две авторизованных копии статьи: одна представляет первоначальный краткий вариант статьи, другая послужила оригиналом набора для названного сборника. Горький включил статью в оба издания сборника своих статей «Статьи 1905—1916 гг.», выпущенных издательством «Парус» в 1916 и 1918 гг. Горький редактировал статьи и для первого и для второго издания сборника. Первое издание сборника «Статьи 1905—1916 гг.» сильно пострадало от военной цензуры. Места, изъятые цензурой, обозначены в нем точками. Во втором издании эти места были восстановлены. Однако в обоих изданиях при сопоставлении с текстом первой публикации и с авторизованной машинописью, послужившей для нее оригиналом набора, обнаружилось пять разночтений, которые являются результатом или прямого вмешательства цензуры, или изменения текста издательством во избежание цензурных затруднений. В 1923 г., предполагая выпустить свои публицистические статьи в одном из томов собрания сочинений в издании «Книга», Горький подготовил для этого издания текст статьи «Разрушение личности» по печатным листам первого искаженного цензурой издания своего сборника «Статьи 1905—1916 гг.». К предисловию правленного экземпляра сборника Горький сделал следующее добавление: «В издании 917 года многие статьи этой книги были искажены цензурой. Подлинников у меня нет, я не могу восстановить по памяти куски статей, уничтоженные цензором, и оставляю зияния, как поучительную память о издевательстве над свободою слова. Фрейбург 923 г.» (Архив А. М. Горького).

Таким образом, текст статьи «Разрушение личности» в редакции 1923 г. хотя и является последним ее авторизованным текстом, тем не менее в своей основе дефектен. Поэтому

в данном случае вполне правильно в качестве основного текста выбран текст второго издания сборника «Статьи 1905—1916 гг.» со сверкой его с первопечатным текстом и оригиналом набора для последнего и с учетом правки автора, сделанной им в 1923 г.

20

Большая часть выступлений Горького по общественным и литературным вопросам в советское время (обращения, приветствия, речи, беседы, доклады и т. п.), а также воспоминания и художественные произведения впервые публиковались одновременно в двух или даже в нескольких периодических изданиях (центральные, республиканские, областные местные газеты, журналы и другие издания). Произведения выходили в один и тот же день или промежуток между публикациями исчислялся днями. Кроме того, ко многим из таких произведений сохранились автографы, машинописные копии и т. п. источники текста. Если такие произведения после первых публикаций повторно не переиздавались при жизни автора, то при выборе основного текста их вставала задача определить, какая из одновременных публикаций является наиболее авторитетной и авторизованной.

Так, например, очерк «Из воспоминаний об И. П. Павлове» (т. 17) впервые был напечатан в один и тот же день 3 марта 1936 г. в газетах «Правда» (№ 62) и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 53). Оба текста, несомненно, исходили от автора, хотя оригиналов набора до нас не дошло; в архиве А. М. Горького имеются две машинописных копии очерка, обе с правкой автора, одна — с подписью. Машинописи напечатаны на одинаковой бумаге. В данном случае основным текстом очерка принят текст газеты «Правда», а остальные источники служили материалом для сверки.

Во всех аналогичных случаях отдано предпочтение «Правде».

«[Приветствие газете „Техника"]» напечатано 10 октября 1931 г. одновременно в трех газетах: «Правда» (№ 280), «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 280) и «Техника» (№ 1). Приветствие послано Горьким по поводу выхода первого номера газеты «Техника». Все публикации исходили от автора. Основным текстом здесь взят текст «Правды», хотя в данном случае, может быть, следовало бы взять текст газеты «Техника», которой непосредственно адресовано приветствие. В аналогичном случае со статьей «Война сорнякам» так и сделано. Статья напечатана 15 февраля 1933 г. в газетах «Комсомольская правда» (№ 38) и «Правда» (№ 45, под заглавием «Ударники похода против сорняков»). Статья написана в связи с всесоюзным

комсомольским походом против сорняков, и номер «Комсомольской правды», в котором помещена была статья Горького, посвящен открытию Первого всесоюзного съезда колхозников-ударников. Поэтому текст «Комсомольской правды» в данном случае принят как основной.

Во многих случаях основными текстами взяты тексты более ранних публикаций.

Например, «[Обращение к конгрессу защиты культуры]» впервые напечатано было в газете «Правда» (1935, № 172, 24 июня) под заглавием «Обращение Максима Горького к конгрессу», затем перепечатано в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (1935, № 148, 26 июня), «Литературном Ленинграде» (1935, № 29, 26 июня) и в книге «Международный конгресс писателей в защиту культуры» (Париж, 1935; М., изд-во «Художественная литература», 1936). Текст «Правды» здесь принят за основной, поскольку все остальные тексты — не авторские перепечатки.

Речь и ответное слово Горького, произнесенные им на летучем митинге рабочих завода «Красное Сормово» 8 августа 1928 г., впервые были опубликованы в газете «Красный сормович» в том же году в № 17 от 12 августа, а 16 августа они были перепечатаны в № 189 газеты «Нижегородская коммуна». Через три года после этих первоначальных публикаций, 8 мая 1931 г., они были еще раз перепечатаны в № 99 газеты «Ленинская смена», в городе Горьком, по стенограмме, выправленной автором, как заявлено редакцией газеты. В примечаниях к этим речам (т. 24) сказано, что они печатаются по тексту газеты «Красный сормович», сверенному со стенограммой, правленной автором; но публикация 1931 г., по-видимому, не учтена. Несомненно, однако, что первая публикация в «Красном сормовиче» была авторской, и, конечно, печаталась тоже по авторизованной стенограмме. Принятие этого текста за основной вполне правильно, так как все остальные публикации являются перепечатками без участия автора.

Ряд произведений, опубликованных несколько раз одновременно или за короткий промежуток времени, перепечатаны затем в виде предисловий к книгам. И в этих случаях основным текстом является первопечатный, исходивший непосредственно от автора.

Например, статья «Книга рабкора Гудка-Еремеева» была впервые напечатана 1 февраля 1931 г. в двух газетах: «Правда» (№ 31) и «Известия» (№ 31) с примечанием от редакции: «Предисловие к книге Гудка-Еремеева «Донбасс героический». Книга выходит в издании Московского товарищества писателей». С этим предисловием названная книга вышла в том же году. Основным текстом взят текст «Правды».

Некоторые статьи, при жизни автора имевшие несколько одновременных первоначальных публикаций, включены в третье издание сборника статей Горького «О литературе», вышедшее в свет уже после его смерти, в 1937 г. Издание это нельзя считать авторизованным, а потому и для указанных далее произведений основным текстом принят первопечатный.

Таковы статьи «Пролетарская ненависть», «О новом человеке», «О культурах», упомянутая выше «Книга русской женщины» (т. 27).

Не первопечатная публикация указана в качестве основы текста для письма «Тульским рабселькорам» (т. 24), напечатанного дважды: в местной тульской газете «Коммунар», 1928, № 75, 28 марта, и двумя днями позднее в центральной московской газете «Беднота», 1928, № 2975, 30 марта. Обе газеты приводят факсимильное воспроизведение письма. Поскольку оно адресовано тульским рабселькорам, следовало бы взять за основу текст «Коммунара».

21

В новое собрание сочинений Горького включен ряд произведений, которые при жизни автора совсем не были опубликованы. Большая часть этих произведений имеет только один источник текста: или авторскую рукопись, или копию с не дошедшего до нас автографа, исправленную самим автором.

Так, по автографу как единственному источнику напечатаны «Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца», «Биограф[ия]» «Марк Твен» (т. 10), «Яков Богомолов» и др. По машинописи как единственному источнику опубликованы «Молодая литература и ее задачи» (т. 25) и др. Все названные произведения, за исключением «Биограф[ии]», которая впервые напечатана лишь в данном собрании сочинений, были опубликованы после смерти автора. Но эти публикации источниками текста служить не могут, так как они лишь воспроизводят текст, являющийся единственным авторизованным.

Поэтому, например, приветственное письмо Горького «В редакцию журнала «Социалистический город»» (т. 26, стр. 447) надо бы печатать по авторизованной машинописи, а не по тексту посмертной публикации, как это указано в примечании к письму, тем более что этих публикаций было две.

То же следует сказать и о «[Докладной записке об издании русской художественной литературы]», впервые опубликованной в журнале «Красный архив», 1936, том V. Основным тек-

стом ее является не текст этой публикации, а подписанная Горьким машинописная копия как единственный авторизованный источник статьи.

По тексту посмертной публикации произведение может печататься лишь в том случае, если этот текст является единственным источником. Такова, например, статья Горького «[Заметки о детских книгах и играх]», которая впервые полностью опубликована в «Литературной газете», 1938, № 27, 15 мая, под заглавием «Неопубликованные заметки М. Горького» и с примечанием от редакции: «В марте 1936 года Алексей Максимович Горький записал несколько своих мыслей о том, какие игры и книги нужны детям. Часть этих заметок — два первых абзаца — была опубликована в печати (в статье С. Маршака в „Правде“). Ниже публикуем заметки А. М. Горького полностью».

Текст заметок в газете заканчивается строкой точек с подстрочным примечанием: «Последняя строка не разборчива. — Ред.», из чего следует, что в руках публикатора была авторская рукопись, которая в Архив А. М. Горького не поступила. Поэтому в собрании сочинений Горького в данном случае воспроизведен текст статьи из «Литературной газеты» (см. т. 27).

Если произведение опубликовано впервые хотя бы и при жизни автора, но не им самим, а без всякого его участия каким-либо архивным учреждением или другими лицами по хранящемуся у них документу, то в качестве основного текста следует брать не текст публикации, а самый документ, по которому сделана публикация.

Так, например, статья Горького «Несвоевременное» (т. 24) впервые была напечатана в журнале «Красный архив», 1931, т. 2, т. е. при жизни автора. Но этот печатный текст не является авторизованным. Статья написана была в 1914 г. и должна была тогда же появиться в газете «День» (в № 331, 5 декабря), но цензура ее не пропустила. Гранки набора статьи сохранились в делах Петроградского комитета по делам печати. Эти гранки, являющиеся единственным источником текста статьи, и опубликованы в названном журнале. Основным текстом в данном случае должен быть текст именно гранок, а не печатный текст архивной публикации, как это указано в примечании к статье (т. 24, стр. 540). В аналогичном случае с «Письмом А. Галлену» текст выбран совершенно правильно. Письмо впервые напечатано в 1928 г. в журнале «Новый мир» (№ 4, апрель) по фотоснимку, сделанному в 1907 г. или в самом начале 1908 г. финляндским жандармским управлением и хранящемуся в Центральном историческом архиве. В донесении управления сообщалось, что «под-

линное письмо удалось купить агентурным путем на самый короткий срок для снятия с него фотографического снимка имеющимся в управлении аппаратом». Письмо написано рукой М. Ф. Андреевой и подписано Горьким. Здесь основным текстом взят текст именно фотоснимка, а не печатный текст, воспроизводящий тот же документ (см. т. 24).

Для сатирической миниатюры Горького «Письмо в редакцию» (т. 5) также основным текстом признан текст списка, сделанного рукой М. Ф. Андреевой (хранится в Архиве А. М. Горького) и исправленного автором, а не публикация этого документа в сборнике «М. Горький. Материалы и исследования» (т. I, М., 1934), ибо хотя эта публикация и прижизненная, она воспроизводит тот же текст, очевидно, без активного вмешательства Горького.

22

Для правильного выбора основного текста произведений, не опубликованных при жизни автора и дошедших до нас в виде не одного, а нескольких авторизованных текстов (автографы, копии и т. п.), необходимо прежде всего установить, какой из этих текстов является позднейшим.

Простейшим случаем такого рода является тот, когда произведение представлено двумя источниками. Так, пьеса «Сомов и другие» при жизни Горького не была опубликована и сохранилась в архиве писателя в виде авторской рукописи и машинописной копии с нее, воспроизводящей исправленный автором текст автографа.

Горький заново выправил и отредактировал машинописный текст пьесы, который, таким образом, и является последним авторизованным ее текстом, принятым в новом собрании сочинений за основной (см. т. 18).

Совершенно сходный выбор основного текста сделан и для статей Горького «О религиозно-мифическом моменте в эпосе древних» и «История деревни» (см. т. 27).

Более сложным вопрос о выборе основного текста для не опубликованных при жизни автора произведений становится тогда, когда произведение дошло до нас в виде многих разнообразных текстов.

Например, сценарий «Преступники» (см. т. 18), при жизни автора не опубликованный, сохранился в виде двух авторских рукописей и пяти машинописных копий. Полный текст сценария содержится лишь в двух машинописях, из которых одна является копией другой. В первой из этих машинописей внесены Горьким большие исправления и вставки. Вторая машинопись не только воспроизводит все авторские исправления

первой, но и содержит новую небольшую правку автора. В данном случае текст этой второй машинописи и взят в качестве основного.

Если произведение, не опубликованное при жизни автора, осталось в виде нескольких авторских рукописей (автографов), необходимо прежде всего установить, являются ли эти автографы разными редакциями произведения, или же один из автографов представляет полный его текст, а остальные — только поправки к этому тексту.

Так, рассказ М. Горького «[Первый раз я увидел эту женщину. . .]» при жизни автора не был напечатан и дошел до нас в виде двух авторских рукописей. Ни в той ни в другой рукописи никакого заглавия, а также подписи автора нет. Одна из них начинается словами: «Первый раз я увидел эту женщину. . .» и кончается: «Радостно, и щедро, и безмолвно солнце обливало море и землю жгучим плодотворным светом». В текст ее внесены автором значительные исправления. Кроме того, большой кусок рукописи зачеркнут красным карандашом и заново переписан автором на отдельном листе и с новыми исправлениями. Эта вставка начинается словами: «Мы слишком много говорим о своем горе. . .» и кончается: «Если бы я была волшебницей — каждого новорожденного я наделяла бы великодушием молчания!» (т. 3, стр. 324).

Почти две трети рукописи рассказа Горький переписал набело и вновь исправил переписанный текст, который и составляет вторую рукопись рассказа, начиная со слов: «Первый раз я увидел эту женщину. . .» и кончая: «И снова взгляд ее задумчиво ушел в пустынное море, где среди белых гребней волн хлопотливо мелькали чайки» (т. 3, стр. 324). Таким образом, Горький переписал текст рассказа из первой рукописи как раз до того места, где начинается текст указанной выше вставки в ту же первую рукопись; самая же вставка есть не что иное, как продолжение переписки первой рукописи. Конец рассказа (всего 15 строк, начиная со слов: «Она встала — высокая, стройная. . .») остался без изменений. Очевидно, что рукопись с переписанным текстом двух первых третей рассказа следует рассматривать, как большую вставку к первой рукописи. Итак, переписанные первые две трети первой рукописи — вставка к ней — и конец ее, оставленный автором без изменений, — это единая окончательная редакция рассказа.

Здесь перед нами не две, а одна рукопись рассказа, так как рукопись, обозначенная как вторая беловая рукопись, является лишь такой же вставкой в первую рукопись, как и тот переписанный автором кусок текста ее, который назван вставкой.

В примечании к рассказу (т. 3, стр. 530) сказано: «В Архиве А. М. Горького имеется два автографа рассказа —

черновой и беловой; последний не закончен. Печатается по беловому автографу с присоединением конца из чернового». Это указание не совсем точно. Присоединен не конец рассказа, а более трети его из первой рукописи, что «концом» назвать нельзя. Кроме того, из этой формулировки можно сделать заключение, что здесь напечатан текст, контаминированный из двух источников, что не соответствовало бы требованиям текстологической науки. На самом деле текст рассказа напечатан совершенно правильно, и здесь никакой контаминации нет. В примечании следовало бы лишь сказать, что рассказ печатается по рукописи.

23

Как решался вопрос об основном тексте незаконченных произведений или незаконченных циклов произведений, из которых некоторые частично были опубликованы при жизни автора?

В томе 9 нового собрания сочинений Горького помещено незаконченное произведение под заглавием «Большая любовь»; оно дошло до нас в виде авторской рукописи, носящей черновой характер и не имеющей заглавия. Отрывок этой рукописи (от слов: «Летом Варвара Дмитриевна...» до слов: «...с непогасшей улыбкой на лице») с сокращением первого абзаца и с небольшими исправлениями дальнейшего текста был напечатан при жизни автора дважды: 1) в сборнике «Белый цветок», изд. Общества борьбы с туберкулезом, Полтава, 1912, под заглавием «Из повести „Большая любовь“» и 2) в газете «Правда», 1913, № 1/205, 1 января, под заглавием «Большая любовь», с подзаголовком «Отрывок из повести» и со ссылкой на предыдущую публикацию.

В новом собрании сочинений рукопись этого незаконченного произведения полностью опубликована впервые. Эта рукопись — начало большой повести, задуманной Горьким в качестве третьей части хроники об уездной России. Как сообщал сам Горький в одном из писем в конце 1909 г., повесть «Городок Окуров» — первая часть этой хроники, второй частью будет «Кожемякин» и третьей — «Большая любовь». «Жизнь Матвея Кожемякина» в процессе работы разрослась в самостоятельную повесть. «Большая любовь» осталась незаконченной. В примечании к тексту произведения (см. т. 9, стр. 637) говорится: «Печатается по рукописи (Архив А. М. Горького); ранее опубликованный отрывок повести — по тексту, напечатанному в газете „Правда“». Думается, было бы точнее указать, что произведение печатается по рукописи с учетом авторской правки в части произведения, опубликованной при жизни автора. Что касается заглавия, то оно в рукописи отсут-

ствует, но в новом собрании сочинений оно напечатано без прямых скобок, поскольку оно, несомненно, дано Горьким (содержится в подзаголовке отрывка, напечатанного в сборнике «Белый цветок», оно же стоит в газете «Правда» уже как заглавие того же отрывка и оно же упоминается в письме Горького как заглавие третьей части трилогии).

Из незаконченного цикла «Публика», сохранившегося в виде нескольких черновых автографов, Горький второй и пятый рассказы переработал и напечатал как самостоятельные произведения под заглавиями «Девочка» (в «Нижегородском сборнике», 1905) и «Рассказ Филиппа Васильевича» (в «Сборнике т-ва «Знание» за 1904 год», книга V, СПб., 1905). Оба рассказа включены затем автором в собрание сочинений в издании «Книга» 1923 г.

В тридцатитомном собрании сочинений незаконченный цикл «Публика» печатается по автографам за исключением второго и пятого рассказов, вместо текста которых вслед за указанием цифр даны строки точек со ссылками в примечаниях на указанные рассказы. В отношении к данному собранию сочинений это возражений не вызывает, поскольку цикл «Публика» не является законченным, но в академическом издании необходимо было бы напечатать рукописи цикла полностью, где второй и пятый рассказы заняли бы свое место в первоначальной редакции, рассказы же «Девочка» и «Рассказ Филиппа Васильевича», были бы напечатаны независимо от цикла как самостоятельные произведения, заново отредактированные автором.

В журнале «Жизнь» (1900, тт. III и IV, март и апрель) были напечатаны первые две главы произведения Горького под заглавием «Мужик (Очерки)». Продолжения не последовало, и очерки остались незаконченными.

Первопечатный текст этих глав — единственный источник текста, так как очерки не переиздавались, автографов же этих глав не сохранилось. В Архиве А. М. Горького имеется машинописная копия III главы очерков, исправленная автором. Перед началом текста стоит цифра «III». На первой странице обложки написано красным карандашом рукою Горького заглавие «Добыча». Эта глава оставалась неопубликованной. Все три главы являются началом неосуществленного большого произведения, задуманного автором в конце 1899 г. В новом собрании сочинений первые две главы очерков «Мужик» печатаются по журнальному тексту. Текст машинописи присоединен к этим очеркам как глава III, причем подзаголовок «Добыча» не воспроизводится, поскольку первые две главы не имеют подзаголовков, на самой машинописи его нет, а приписан он автором позднее на отдельном листке, приложенном к машинописи, о чем и сказано в примечании к очерку.

II. Работа над основным текстом

Выбором основного текста произведения не ограничивается работа текстолога по подготовке произведения для научного издания. Предстоит еще сложная и ответственная работа — очищение основного текста от искажений, ошибок, неисправностей, по тем или иным причинам оставшихся в тексте и не устраненных самим автором.

В тридцатитомном собрании сочинений Горького тексты всех произведений, включенные в состав издания, подвергались весьма пристальному и всестороннему текстологическому анализу. Всякого рода изменения основного текста обязательно проходили через коллективное обсуждение и принимались, как правило, лишь при условии их достаточной обоснованности и соответствия подлинным устремлениям творческой воли автора.

В итоге этого опыта работы накоплен громадный и ценнейший для текстологии конкретный материал.

Здесь будут рассмотрены главнейшие типы изменений основного текста, осуществленных или отвергнутых в собрании сочинений Горького: искажения цензурные, редакторские и другого происхождения (замены, исключения и вставки слов и фраз), а также неисправности текста вследствие незавершенности авторской правки и конъектуры.

1

Печатание произведений Горького в России в дореволюционный период его творчества (1892—1917) неизбежно должно было проходить в условиях постоянного надзора цензуры, которая за это время испортила немало произведений писателя, искажая их тексты своими «поправками» и изъятиями слов, фраз или даже значительных кусков. Октябрьская революция освободила произведения Горького от вмешательства цензуры. Поэтому вопрос о восстановлении цензурных изъятий и устранении цензорских искажений касается лишь произведений Горького, публиковавшихся в России в указанные годы, но и притом далеко не всех.

Проблема исправления испорченных цензурой мест возникает лишь в том случае, когда в основу подготовляемого к печати текста произведения кладется текст подцензурного его издания. В новом собрании сочинений Горького к таким произведениям относятся прежде всего произведения, которые сам автор не включал в собрания своих сочинений и которые только теперь впервые включены в новое издание. Для большей части этих произведений основным текстом являлся под-

цензурный печатный текст, опубликованный в газете, сборнике, журнале и т. п. Причем нередко нет никаких данных для устранения цензурных искажений, так как не сохранилось никакого другого источника, не затронутого цензурой (авторской рукописи или авторизованной копии), а цензурных документов (цензорские экземпляры изданий, где печатались произведения, цензорские экземпляры пьес и т. п.) до нас дошло, к сожалению, очень немного.

Для произведений, самим автором включавшихся в собрание сочинений, в качестве основных взяты во многих случаях тексты, к которым рука цензора не прикасалась. Это объясняется, во-первых, тем, что, начиная с 1902 г., почти все произведения Горького, наряду с публикацией в России, одновременно выпускались на русском языке в заграничных издательствах, преимущественно в Германии. Таковы издательства И. Мархлевского и К° в Мюнхене; издательство «Snanije» («Знание») в Берлине; издательство наследников И. Дитца в Штутгарте и, наконец, издательство И. П. Ладыжникова в Берлине. Если тексты этих изданий привлекались в качестве основных, вопросов об устранении цензурных искажений не возникало. В иных случаях текст параллельного заграничного издания служил источником для устранения цензурных купюр и искажений.

Большая часть произведений, отобранных самим Горьким для собрания сочинений, печаталась при его жизни неоднократно. При повторных изданиях этих произведений Горький нередко готовил последний прижизненный текст по зарубежному бесцензурному изданию, или заново редактировал и исправлял текст, так что в последних прижизненных авторизованных изданиях уже не замечалось следов цензурной порчи.

Обращаясь к тому, в чем конкретно выразилась работа по устранению цензурных искажений в новом издании сочинений Горького, прежде всего напомним, что всякое исправление цензорской порчи должно быть обосновано неопровержимыми данными, лучше всего цензурными документами. Как же обстоит дело в этом отношении с произведениями Горького 1892—1917 гг.?

Приведем некоторые данные о цензурных документах.

Рассказы «Месть» и «Разговор по душе», впервые опубликованные в 1893 г. в казанской газете «Волжский вестник» (первый в №№ 211, 212 и 214 от 18, 19 и 21 августа; второй в № 233 от 12 сентября), при жизни Горького больше ни разу не перепечатывались. Газетный текст рассказа «Месть» — единственный его источник. К рассказу «Разговор по душе» сохранилась еще черновая авторская рукопись. Основным текс-

том в данном случае взят также текст газеты. Уже после смерти Горького в казанском архиве найдены цензорские экземпляры номеров «Волжского вестника», в которых помещены названные рассказы. По этим цензорским экземплярам и восстановлены места, зачеркнутые цензурой.

Так, в рассказе «Месть» в словах персонажа, с которыми он обращается к богу по поводу задуманной им мести за убийство сына, цензором вычеркнуто следующее (см. т. 1, стр. 111; изъятые цензором слова подчеркнуты): «Ты знаешь, зачем я пришел сюда, и я это знаю. *Не мешай мне, господи!* Что должно быть, то будет, и помоги мне, коли милость твоя со мной! Ты ведь знаешь и то, как я любил своего сына, молодца Ваню, и ты видел, как он лежал на земле весь в крови, а я плакал над ним, а разбойник Романов убежал в горы с тем кинжалом, которым зарезал моего сына. *Ты видел все это и не мешал никому. Не мешай же и теперь мне, господи!*».

Рассказ «Разговор по душе», где речь идет о «разговоре» Добродетели с Пороком, подвергся значительно большему цензорскому воздействию. В примечаниях к рассказу «Разговор по душе» (см. т. 1) так же, как и к рассказу «Месть», цензурные изъятия не указаны. Приводим полностью места, зачеркнутые цензурой в тексте рассказа «Разговор по душе» (по фотокопии с цензорского экземпляра газеты, находящейся в Кабинете творчества М. Горького Института мировой литературы имени А. М. Горького).

Стр. 132—133:

«Порок действовал, а Добродетель *созерцала и* вслух сочувствуя погибавшим в когтях Порока, *втихомолку искренно и безжалостно презирала их.*

„Ах, как они пошлы! Фу, как они слабы!.. Не могут противиться Пороку! Пороку, — фи!“. И она незаметно делала презрительную гримасу».

Стр. 133:

«*К чорту* проповедь любви! Разве нам она понятна? . .»

Стр. 134:

«...Добродетель была суха и величественна в своей римской тоге, *немного уже ветхой*».

«Ее адепты всюду терпели горестные поражения; те же, которые умели и успели избежать таковых, благородно ретировались с поля битвы, шалаберничали *и ныли,* не имея возможности сделать что-либо иное по причине отсутствия в них живой души».

Стр. 136:

«Но Порок вдруг вскипел — *с ним произошло что-то странное, и он очень гордо и веско заговорил:*»

Стр. 136—137:

«— Но позвольте же, наконец! — прервала Добродетель минорные излияния своего врага.

— К чему поведут ваши жалобы? *Вы хотите сострадания? Но ведь будем откровенны до конца — вам должно быть известно, что я не умею сострадать иначе... как на словах... Нужно ли вам такое сострадание?* У меня есть основание думать, что я при создании моем была награждена всеми необходимыми для меня, как для Добродетели, свойствами, но очевидно, что с течением времени и в борьбе с всеми — *эти свойства измельчали, утратились, и в данное время я гораздо более фантом, чем нечто, действительно существующее...*».

Стр. 137:

«Тогда заговорила Добродетель.

— Я, несмотря на мою узость и ограниченность, все-таки понимаю вас, милостивый государь, и согласна с вами. Как вы спрашиваете: где ваши лучшие люди? — так и я спрошу: где великий гражданин Брут? Где справедливый Аристид? *Где блаженный Августин, человек, влагавший в каждое слово своей речи все свое страстное сердце?* Где великие люди добродетели? Где цельный человек? и т. д.»

Стр. 138 (в словах Добродетели):

«Присутствуют ли в них [в людях] какие-либо чувства, кроме самоуслаждения во всех *степенях* и видах?».

Стр. 138:

— «И не слиться ли нам с вами в одно целое?.. — радостно вскричал Порок, — Ура! какая великая идея!.. Какая идея!.. Сударыня, это идея!.. Это даже не идея, а *откровение,* а,... нечто грандиозно глубокое, не имеющее себе определения на языке порока и в устах Добродетели».

Стр. 139 (в словах Порока по поводу предлагаемого им «брака» его с Добродетелью):

«...Добрый и злой дружно поедут в паре к заветной цели — к покою ума и души. *Весь земной шар обратится в один грандиозный свинятник и, наконец, успокоится!* Успокоимся и мы с вами в объятиях друг друга и пребудем до века покойны и счастливы!».

Стр. 139:

«— Нет, милостивый государь, все-таки!.. Вы, конечно, уже знаете, что на иной брак, кроме законного, я не могу согласиться...

— Гм... чорт меня возьми! Однако *это выходит у вас классически глупо и шаблонно...* Падите хоть на сей раз в объятия Порока без излишних церемоний!..».

Здесь вместо зачеркнутого цензор написал: «выходит».

Стр. 140 (в словах Порока):

«...Люди, если мы сами им не поможем придти к одному знаменателю, не дадут нам покоя, — они будут *истязать и насиловать* нас. Нам нужно слиться, нам нужно слиться в едино, — это мое мнение».

Вместо зачеркнутых «истязать и насиловать» цензор вставил «поносить».

Этими находками пока исчерпываются документальные данные по вопросу об исправлении цензурных искажений и об устранении цензурных изъятий в произведениях, которые впервые включены в собрание сочинений и основным текстом которых является первопечатный подцензурный текст.

К рассказу «Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты», опубликованному в «Самарской газете» за 1895 г. (№№ 116, 117, 122 и 129 от 4, 6, 11 и 20 июня), в архиве писателя сохранились гранки газетного набора. Сличение печатного газетного текста с гранками обнаружило, что в опубликованном тексте рассказа имеются две купюры. Первая (см. т. 2, стр. 58—59) составляет целый эпизод, содержащий разговор редактора с будочником (со слов: «Пришел будочник» и кончая фразой: «Я боялся, что он будет строг»).

Вторая купюра (стр. 62): «В красных рубцах лежали предо мной гранки, и мне казалось, что это их до крови высекли».

По своему содержанию обе купюры, несомненно, цензурного происхождения; кроме того, по свидетельству Е. П. Пешковой, был еще дублетный оттиск гранок рассказа, который отсылался цензору, и тот вычеркнул в них указанные два места. В новом собрании сочинений эти изъятия вполне обоснованно признаны цензурными и восстановлены.

Скудость документальных материалов по цензурной истории произведений Горького 1892—1917 гг. сказывается на решении проблемы устранения последствий цензурного вмешательства и в тех произведениях, которые при жизни автора печатались неоднократно, причем автор нередко повторно редактировал и исправлял их тексты.

Насколько это существенно, можно судить по рассказу «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины». Из произведений Горького, многократно печатавшихся при его жизни и включенных им в собрание сочинений, это пока единственное произведение, по первопечатному тексту которого в настоящее время имеется цензурный документ, свидетельствующий о том, что рассказ при первой публикации был испорчен цензурой.

Рассказ «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины» впервые появился в печати в 1893 г. в том же «Волж-

ском вестнике», № 226, 4 сентября, с подзаголовком: «История, к сожалению, правдивая». Через пять лет после первой публикации рассказ, без подзаголовка, был включен в книгу Горького «Очерки и рассказы, том второй», издание С. Дороватовского и А. Чарушникова (СПб., 1898). Сличение текста рассказа в этой книге с газетным обнаруживает большие расхождения между ними во многих местах. Очевидно, Горький, подготовляя рассказ к указанному изданию, подверг газетный текст его значительной правке, состоящей в изменениях слов и фраз, в сокращениях и новых вставках.

Вторично Горький обратился к тексту этого рассказа в 1899 г., предполагая подготовить его для второго издания книги «Очерки и рассказы». Он взял печатные листы из первого издания этой книги, внес в текст рассказа ряд мелких исправлений и сократил его в трех местах. Второе издание «Очерков и рассказов» вышло в 1899 г.; в книге рассказа «О Чиже...» не оказалось, а вместо него был помещен другой рассказ под заглавием «Болесь».

Однако рассказ «О Чиже...» вошел в состав книги Горького «Рассказы. Том первый». Второе издание т-ва «Знание» (СПб., 1901). Но здесь без изменений напечатан текст этого рассказа из первого издания книги «Очерки и рассказы» 1898 г. Этот же текст воспроизведен и во всех последующих изданиях. В 1923 г., подготовляя рассказ к собранию сочинений в издании «Книга», Горький правил рассказ по печатным листам десятого издания тома I «Рассказов» 1908 г. С небольшими стилистическими поправками этот текст и воспроизведен в томе I в издании «Книга».

Таким образом, Горький при каждом повторном исправлении рассказа пользовался подцензурными текстами. Между тем уже после смерти Горького в казанском архиве найден цензорский экземпляр номера газеты «Волжский вестник», где был помещен рассказ «О Чиже...». Из этого документа явствует, что, начиная с первой публикации, рассказ во всех изданиях печатался с цензурными изъятиями, и Горький, исправляя рассказ, не восстановил эти изъятия ни при первой, ни при последней правке, вероятно потому, что он не имел под руками ни первоначальной своей рукописи, ни цензорского экземпляра газеты и не мог вспомнить, что вычеркнул цензор из его рассказа.

Вот части текста рассказа, где были сделаны цензурные изъятия (указаны страницы т. I в новом издании; вычеркнутое цензором подчеркнуто).

Стр. 125: «...все птицы, испуганные и *угнетенные* внезапно наступившей серенькой и хмурой погодой, пели песни... в них преобладали *тяжелые,* унылые и безнадежные ноты...».

Стр. 126: «И *вот* вдруг зазвучали *свободные*, смелые песни».

Стр. 127: «...когда птицы пели *свободные* и звучные гимны солнцу...»; «Но тут один находчивый щегленок, *журналист по профессии*, спросил Чижа...».

Стр. 128: «...вы, так сказать, будите *общественное* сознание...» (вместо вычеркнутого слова «общественное» цензор написал «наше»).

Стр. 129: «там мы, *великие, свободные, все победившие птицы,* насладимся созерцанием нашей силы»; «Туда — в страну счастья! *где ждет нас великая победа, где мы будем законодателями мира и владыками его,* где мы будем владыками всего...».

При подготовке текста рассказа «О Чиже...» для нового собрания сочинений Горького возник вопрос о восстановлении цензурных изъятий, и он решен положительно. Несмотря на то, что текст рассказа трижды исправлялся автором и все прижизненные издания рассказа, в том числе и последнее 1923 г., печатались по авторизованным текстам, мы полагаем, что в данном случае восстановление цензурных изъятий сделано вполне обоснованно. Дело в том, что все поправки Горького в рассказе коснулись только тех мест текста, которые как раз не были затронуты цензурой. Так было при исправлении первопечатного газетного текста в 1898 г. Таковы же исправления и в 1923 г. для издания «Книга».

Возможно, что и в других ранних произведениях Горького, печатавшихся только в подцензурных изданиях, были цензурные изъятия, не восстановленные автором при повторных правках их текстов, но отсутствие цензурных документов не позволяет их установить. Так, например, неизвестны документальные данные по цензурной истории таких крупных произведений Горького, как «Фома Гордеев» и «Трое», не говоря уже о многих других рассказах и повестях 1892—1902 гг., тексты которых готовились Горьким к последнему прижизненному собранию его сочинений в издании «Книга» по подцензурным изданиям («Макар Чудра», «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Мой спутник», «Песня о Соколе», «Коновалов», «Супруги Орловы», «Бывшие люди», «Озорник», «Варенька Олесова», «Мальва», «Проходимец», «Читатель», «Тюрьма» и мн. др.).

Даже среди произведений, которые, начиная с 1902 г., печатались одновременно и в России и за границей, есть такие, тексты которых автор готовил не по зарубежным изданиям, а по подцензурным изданиям, выпущенным в России. Таковы, например, «Исповедь» (готовилась Горьким по тексту тома IX в издании т-ва «Знание», СПб., 1910), «Городок Окуров» (по

тому XI в издании «Жизнь и знание», СПб., 1914), «Жизнь Матвея Кожемякина» (по томам XII и XIII в издании «Жизнь и знание», СПб., 1914 и 1915), «Хозяин» (по тому XVIII в издании «Жизнь и знание», Пг., 1915), первые 11 рассказов из цикла «По Руси» (по тому XIX в издании «Жизнь и знание», Пг., 1915) и др.

У некоторых произведений этого ряда цензурные изъятия восстановлены по бесцензурным источникам текста.

Например, в повести «Исповедь» ее герой, от имени которого ведется рассказ, выступая на сельской ярмарке, говорит про песню слепого о Ермаке Тимофеевиче:

«Православные! Вот жил разбойник, обижал народ, грабил его. Смутился совестью, пошел душу спасать, — захотел послужить народу буйной силою своей и — послужил! *И ныне вы среди разбойников живете, грабят они вас усердно, а чем служат вашей нужде? Какое добро от них видите?*».

Подчеркнутые слова во всех русских изданиях повести (в «Сборнике т-ва «Знание» за 1908 год», кн. XXIII; в собрании сочинений в издании «Знание», т. IX, СПб., 1910; в собрании сочинений в издании А. Ф. Маркса, т. V, Пг., 1918) отсутствуют: их, очевидно, вычеркнул цензор еще из текста сборника.

Подготовляя повесть «Исповедь» для собрания своих сочинений в издании «Книга», Горький воспользовался печатными листами из тома IX собрания сочинений в издании «Знание» 1910 г. и изъятых цензурой строк не восстановил, и таким образом текст «Исповеди» в томе 6 последнего прижизненного издания собрания сочинений 1923 г. остался с цензурным дефектом. Дефект этот впервые устранен только в томе IX собрания сочинений во втором издании Государственного издательства художественной литературы 1933 г. В новом, тридцатитомном собрании сочинений основным текстом повести признан текст, подготовленный автором к изданию «Книга», но с восстановлением указанного цензурного изъятия. Хотя в данном случае цензурных документов не найдено, но есть три источника текста повести, не тронутых цензурой, в которых отмеченное место в речи героя повести сохранилось полностью. Этими источниками являются: 1) машинописная копия текста повести, с правкой самого Горького, послужившая оригиналом набора для «Сборника т-ва „Знание“», 2) другая машинописная копия и тоже с правкой Горького — оригинал набора зарубежного издания И. П. Ладыжникова и 3) печатный текст издания И. П. Ладыжникова. На основании этих авторизованных текстов и устранено цензурное искажение, делающее совершенно непонятными и речь героя, и дальнейший контекст повести.

Так же обстоит дело и с устранением цензурных искажений в сказках XXII—XXVI «Сказок об Италии», основными текстами которых являются тексты их в томе XVII собрания сочинений Горького в издании «Жизнь и знание» (Пг., 1915), которое вышло с цензурными урезками в сказке XXII. Так, из четверостишия:

Это уж так водится:
Тогда весна была —
Сама богородица
Весною зачала

— последние два стиха, разумеется, не могли пройти сквозь цензурные рогатки (см. т. 10, стр. 131).

В этой же сказке в тексте XVII тома в издании «Жизнь и знание» выявлены еще два пропуска цензурного происхождения:

1) «Наконец, мужчина — *не бог, а только богу нельзя изменить»* и 2) «Мир со всем его шумом и суетою не стоил бы ослиного копыта, не имей человек сладкой возможности оросить свою бедную душу хорошим стаканом красного вина, которое, *подобно святому причастию очищает нас от злого праха грехов и* учит любить и прощать этот мир, где довольно-таки много всякой дряни...» (т. 10, стр. 132 и 134).

Так как в собрании сочинений Горького в издании «Книга» (т. XIII, 1923) все «Сказки об Италии» печатались не по тексту, подготовленному Горьким, а по тексту тома XVII собрания его сочинений в издании «Жизнь и знание» 1915 г., то цензурные искажения в тексте сказок, в том числе и в XXII сказке, остались неприкосновенными, даже с воспроизведением цензурных точек вместо вычеркнутых фраз. В новом собрании сочинений двустишие о богородице восстановлено по тексту всего четверостишия, имеющемуся в авторской рукописи четвертой части «Жизни Клима Самгина», где оно входит в речь одного из персонажей; обе другие цензурные купюры восстановлены по тексту газеты «Русское слово», 1913, № 1, где эта сказка впервые была напечатана под заглавием «Нунча» и где запрещенные цензурой в 1915 г. слова благополучно прошли, так как газета выходила тогда без предварительной цензуры.

Следует остановиться еще на цензурной истории некоторых рассказов из цикла «По Руси». Впервые под названием «По Руси (Очерки)» вышел том XIX собрания сочинений Горького в издании «Жизнь и знание» (Пг., 1915). Автор собрал и поместил в этом томе 11 рассказов, первоначально публиковавшихся в разных русских периодических изданиях и сборниках

в 1912—1913 гг. Этот том вышел с цензурными изъятиями. Но все 11 рассказов имеют бесцензурные тексты (один в газете «Русское слово», десять — в зарубежных изданиях).

В 1923 г. Горький значительно расширил цикл «По Руси», добавив к 11 рассказам еще 18 рассказов из сборника «„Ералаш“ и другие рассказы», выпущенного издательством «Парус» (Пг., 1918); все эти рассказы предварительно публиковались в русских газетах и журналах в 1915—1917 гг.

Горький взял печатные листы тома XIX в издании «Жизнь и знание» и сборника «„Ералаш“ и другие рассказы», объединил их и заново отредактировал тексты всех рассказов, которые целиком вошли в состав XII тома собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. Таким образом, Горький при подготовке цикла «По Руси» для издания «Книга» воспользовался частью подцензурными текстами тома XIX в издании «Жизнь и знание» 1915 г., частью бесцензурными текстами сборника 1918 г. Тексты рассказов цикла «По Руси», подготовленные к печати самим автором в 1923 г., приняты в новом собрании сочинений за основные. Но в трех рассказах, взятых Горьким из указанного тома XIX, удалось восстановить цензурные изъятия, которых сам автор не восстановил, и эти места были напечатаны в XII томе собрания сочинений в издании «Книга» с цензурными пропусками, обозначенными точками.

Речь идет о рассказах «Губин», «Калинин» и «Покойник».

В рассказе «Губин» (см. т. 11, стр. 61) читаем: «Почитай-ко минею: святые угодники божии все до господа сквозь грехи дошли, а — дошли-таки! Это надо помнить. *Господь Саваоф — он ли не терпел на евреях своих. А матерью Исусовой еврейку же выбрал, и пророки и апостолы Христовы — все — евреи, так-то!* А мы — торопимся осудить да наказать. . .». Подчеркнутые слова были вычеркнуты цензурой и отсутствовали во всех изданиях до 1933 г. Теперь они восстановлены по тексту издания И. П. Ладыжникова «Записки проходящего», ч. 1-я, гл. IV.

По этому же изданию (ч. 1-я, гл. II) восстановлен цензурный вычерк из рассказа «Покойник» (см. т. 11, стр. 220): «Тогда богоматерь тихо скажет сыну своему:

„Вот до чего запуганы люди твои на земле и как непривычна им радость! Хорошо это, сын мой?“.

А что он ответил ей?

Не знаю. Я бы на его месте отчаянно сконфузился». Этот пропуск автор также не восполнил.

По поводу рассказа «Калинин» Горький 7 января 1930 г. писал И. А. Груздеву: «Жаль, что в „Калинине“ испорчена легенда о Христе и чертях, очень интересная и редкая, подлинную запись ее я потерял, на память — в этом случае — не

надеюсь» (т. 11, стр. 415; в примечании к рассказу). При подготовке рассказа к изданию «Книга» Горький восстановил некоторые цензурные изъятия, очевидно, по памяти, так как восстановленные им места несколько разнятся от текста бесцензурного издания в «Записках проходящего». Например, после слов: «И к тому же, Христос ни с кем не враждует» Горький, вместо точек, обозначающих цензурный пропуск, вписал: « — А — торгаши во храме? — Ну один раз веревкой побил, эка важность! И ведь не по вражде к ним, а — для порядка». В тексте «Записок проходящего» вместо «И ведь не по вражде» читается: «И это не по вражде». В легенде о Христе и чертях Горький восстановил цензурные изъятия в двух местах:

1) после слов: «...Вот подходят к нему беси: Гимал, Димон, Игамон, Змиулан — тоже все молоденькие» вписано: «И, еще издали, видя Христа, пожалели они его: дескать — какой бесчастной судьбе предан!»; 2) после слов: «...упадет камень на горючий песок» Горький вписал: «нагой женщиной, лежит она вся свободная и, руки ко Христу простирая, манит его на грех. А он улыбается ей, дунет духом уст своих, — тут она растает в парок и тотчас взлетит на воздух». В тексте «Записок проходящего» эти места читаются несколько иначе: «и еще когда они шли, так издали видя Христа, пожалели его: молодой-де, а какой бесчастной судьбе предан»; «...нагой женщиной, лежит она, вся свободная, и руки ко Христу простирая, манит его. Он же улыбается ей, дунет духом из уст, тут она растает в парок и тотчас взлетит на воздух».

В этой же легенде Горький не восстановил в двух местах слова, вычеркнутые цензором: «веселый» (после слов: «Христос молодой») и «о женщине» (после слов: «никак не может соблазнить Христа»). Эти слова имеются в заграничном тексте «Записок проходящего». В новом собрании сочинений слово «веселый» восстановлено, слова же «о женщине» здесь отсутствуют, хотя их тоже следовало бы вставить.

Что касается пьес Горького, издававшихся в России в дореволюционный период, то для большинства их сохранились экземпляры, представлявшиеся в театральную цензуру до постановки их на сцене. Цензурных документов пока еще не найдено. Но так как основными текстами этих пьес признаны в новом издании сочинений Горького тексты бесцензурных источников, то и вопроса об устранении цензурных искажений в данном случае не возникало.

Итак, проблема восстановления испорченных цензурой мест в текстах произведений Горького дореволюционного периода разрешена в новом собрании сочинений в отношении всех произведений, цензурные изъятия и искажения которых удается

установить или документально или путем сличения подцензурных текстов с текстами бесцензурных источников. За отсутствием цензурных документов проблема эта остается нерешенной для тех произведений, которые не имеют других источников текста, кроме единственного первопечатного и притом подцензурного.

2

Как известно, основной текст произведения того или иного писателя, принятый для подготовки к научному изданию его сочинений, является текстом, установленным самим автором при последней стадии его творческой работы над произведением. Казалось бы, этот именно текст и следует воспроизвести в новом издании без всяких изменений. Однако такое механическое копирование текста произведения, хотя бы авторизованного, было бы неверным.

Текстологическая практика показывает, что основной текст произведения обычно далеко не безупречен со стороны его исправности и безошибочности. В большинстве случаев уже при первом чтении основного текста обнаруживаются ошибки и неисправности, не замеченные и не исправленные автором и в той или иной степени искажающие этот текст.

Дальнейший же анализ основного текста и особенно детальное сличение его с другими источниками текста, если они имеются, могут вскрыть искажения в таких местах, которые на первый взгляд кажутся неиспорченными.

Очищение основного текста произведения от явных и скрытых искажений, помимо цензурных, становится поэтому главнейшей и сложной задачей текстолога, готовящего к печати текст произведения.

Устранение явных искажений — первая, но менее трудная работа по основному тексту. Здесь необходимо, однако, подчеркнуть, что не следует особенно увлекаться выражениями «явное искажение», «явная опечатка», памятуя, что иногда под «явную опечатку» подводят не искажение, а особенность языка произведения, которую следует не устарнять, а, наоборот, всемерно оберегать.

К «явным искажениям» относятся прежде всего бессмысленные или явно неправильные слова, попавшие в текст при переписке или при наборе.

Так, например, в основном тексте повести «Мои университеты» встречаются бессмысленные слова в следующих местах:

1) «Он ушел, не оглядываясь, твердо ставя ноги, *вегко* неся тяжелое, богатырски литое тело» (т. 13, стр. 586; исправлено на «легко»).

2) «В кратком письме... ...было сказано, что бабушка... ...сломала себе ногу. На восьмой день *прикнулся* антонов огонь» (там же, стр. 559, исправлено на «прикинулся»).

3) «...и после спектакля публика заходила к нам *испотреблять* горячие слойки» (там же, стр. 567; исправлено на «истреблять»).

Все эти ошибки возникли при наборе текста. Одно бессмысленное слово перешло в текст от машинописной копии, служившей оригиналом набора для отдельного издания повести в издательстве «Книга» 1923 г.: «Очень *уюто* весною на земле» (т. 13, стр. 588, исправлено на «уютно»).

Обилие бессмысленных слов в основном тексте «Моих университетов» объясняется тем, что в качестве основного здесь был принят текст правленной Горьким корректуры книги «Мои университеты» в отдельном издании «Книга» 1923 г. Верстка была явно неисправна; исправляя ее, многое ошибочное Горький пропустил незамеченным. В печатном тексте издания «Книга» и в томе XVI собрания сочинений в издании «Книга», куда была включена и названная повесть, этих искажений нет.

Подобного рода искажения обычно рассматриваются как «опечатки». Однако при их исправлении не следует забывать, что могут быть случаи, когда слово, на первый взгляд кажущееся «опечаткой», на самом деле в своем «искаженном» виде употреблено автором преднамеренно, являясь особенностью языка писателя и его эпохи или воспроизведением народного говора. Вспомним, например, пушкинские «сткло» («Как сткло булат его блестит»), «квартера» («Занес же вражий дух меня на распроклятую квартеру») и др. Кроме того, искажение слова может быть сделано самим автором преднамеренно, для того чтобы передать особенность речи какого-либо персонажа. Так, в рассказе «Ма-аленькая!..» (т. 2, стр. 86) читаем: «— Привез ее к нам урядник и сдал, значит, старосте. „Определи ее на постой“, говорит...

— На *кватеру,* стало быть, кому-нибудь! — пояснила старуха». Здесь слово «кватеру» — не «опечатка», а особенность говора персонажа, и поправлять это слово было бы непростительной ошибкой. Поэтому при исправлении даже явно бессмысленных слов необходимо тщательно разобрать весь контекст во всех имеющихся источниках произведения.

* * *

Если основным избран не печатный, а рукописный источник текста, например, автограф, то и в этом случае возникает необходимость устранить искажения, в частности, описки.

Основным текстом пьесы «Мещане» признан автограф, в котором встретились такие слова: «лаптицах» и «никшни». В реплике Бессеменова, обращенной к Перчихину, говорится: «... погляди на себя — что ты такое? Золоторотец. И скажи мне — кто это тебе разрешил придти ко мне в чистую горницу в таком драном виде... в *лаптицах* и во всем этом уборе?». Во всех печатных текстах пьесы стоит «лаптищах», и в новом собрании сочинений также принято это слово (т. 6, стр. 58). «Лаптицы» в русском языке не существуют. Но если даже усмотреть в этом слове нечто вроде диалектной формы уменьшительно-ласкательного имени существительного, то в данном случае в пренебрежительной по отношению к Перчихину реплике Бессеменова эта форма совершенно неуместна. Надо думать, что это просто описка автора в его рукописи.

Слово «никшни» (в реплике Акулины Ивановны: «Ш-ш! Никшни!») исправлено на «нишкни» согласно печатным текстам и как слово искаженное, несуществующее в русском языке (см. т. 6, стр. 14). Такое же исправление сделано и в повести «Горемыка Павел» (т. 1, стр. 223: «Нишкни, о... о... о!.. Нишкни, миленький!»), единственным источником текста которой служит печатный газетный текст. Эти исправления вполне правомерны, так как в русском языке известны только формы «нишкни» и «нишни» от глаголов «нишкнуть» и «нишнуть», но формы «никшни» не существует. Правда, слово «никшни» встречается в автографе Горького; поэтому возникает мысль, не является ли оно диалектным словом, хорошо знакомым автору еще в ранний период его творчества, когда был напечатан «Горемыка Павел», где также встречается это слово. Но для положительного ответа на этот вопрос достаточных данных нет, и здесь скорее можно говорить об описке, а не о новой диалектной форме слова.

* * *

Более сложную проблему составляют исправления таких мест текста, в которых находятся слова сами по себе не искаженные, но искажающие этот текст. Искажения здесь состоят в том, что данное слово или совершенно обессмысливает предложение, в котором это слово находится, или делает его неправильным, неточным, не соответствующим содержанию или стилю произведения; причем искажение и его характер не всегда видны сразу.

Рассмотрим сначала группу слов, обессмысливающих текст.

В повести «Фома Гордеев» в основном тексте имеется такая фраза: «...из первого крана в шесть часов вытекло сорок восемь... а всего налили в *кран* девяносто...». Здесь слово «кран» исправлено на «чан» (т. 4, стр. 49), так как в кран «налить» нельзя (речь идет здесь об арифметической задаче о чане с водой). Это исправление подтверждается предшествующими авторизованными источниками текста, как и другие, внесенные в текст той же повести. Например, «От этой улыбки у него *на груди* что-то вспыхнуло и горячей волной полилось по жилам» исправлено на «в груди» (т. 4, стр. 61); «Только уж ты форснул широко... ну, хоть бы пудов полсотни! А то — на-ко! *Там* что — смотри, как бы нам с тобой не попало по горбам за это...» исправлено на «так что» (там же, стр. 62).

Основной текст повести «Мать» содержит такое искажение: «...и над маленькими раковинами *шеи* серебристо блестели седые волосы». По предшествующим текстам здесь исправлено на «ушей», да и контекст фразы подтверждает, что «раковины шеи» — нелепость (т. 7, стр. 354). Там же в разговоре хохла и Павла о мужике в основном тексте читаем: «— Да, Павел, мужик обнажит землю себе, если он встанет на ноги! Как после чумы — он все пожгет, чтобы все следы обид своих пеплом развеять...

— А потом встанет нам на дороге! — тихо заметил Павел.

— Наше дело — *не допустит* этого! Наше дело, Павел, сдержать его!».

В предшествующих изданиях стояло «не допустить», что соответствует и содержанию. Поэтому и сделана поправка в наклонении глагола (т. 7, стр. 320).

В повести «Мои университеты» исправлено по первопечатному журнальному тексту:

«...внимательно слушая *несвязанную* беседу мужиков...» на «несвязную» (т. 13, стр. 595); а по авторизованной машинописи: «...под ногами *хлопала* грязь...» на «хлюпала» (там же, стр. 584).

В основном тексте повести «Жизнь Матвея Кожемякина» предшествующие авторизованные источники вскрыли такие, например, искажения: «...пусть они не известны нам, они ведь потому не известны, *но* — хорошего хотят, добро несут в сердцах, добро, неведомое нам...» («что хорошего...»; т. 9, стр. 592); «...А если скука *пристегнет,* пролога читаю...» («пристигнет»; там же, стр. 520).

Аналогичны приведенным следующие искажения:

1) «в *обломках* каменной пыли» вместо «в облаках» (т. 3, стр. 44, «Коновалов»; исправлено по первопечатному журнальному тексту и по смыслу);

2) «...в густых облаках *земли* прячутся белые дома» (исправлено на «облаках зелени», т. 10, стр. 96, «Сказки об Италии», сказка XVI, по тексту издания Книгоиздательства писателей 1913 г.);

3) «Для того, чтобы иметь право говорить к народу, нужно иметь в душе или великую ненависть к его недостаткам, или великую любовь *к небу* за его страдания...» (исправлено по предшествующим изданиям и по контексту на «к нему»; т. 2, стр. 203, «Читатель»);

4) — «Егорка, дерни что-нибудь *художоподъемное* и отвечающее моменту!» (исправлено по авторизованной машинописи и по первопечатному журнальному тексту на «духоподъемное», т. 10, стр. 469, «Русские сказки»);

5) «...Силы мне *не убивали*...» (исправлено по контексту и по всем другим авторизованным изданиям на «не убавили», т. 3, стр. 423, «Каин и Артем»);

6) «Иду однажды и вижу: вдали красуется усадьба, а навстречу мне двигаются, меж *высохших* хлебов три благообразные фигуры...» (по первопечатному журнальному тексту здесь исправлено на «меж высоких хлебов»; к тому же это несомненно слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Похороны»: «Меж высоких хлебов затерялася...» и т. д.; т. 3, стр. 355, «Проходимец»).

Проходимец рассказывает о том, как его приютили в своей усадьбе «люди темперамента гуманного и образа мыслей либерального» и как он разыгрывал перед ними роль народника; рассказывая об этом эпизоде из своей жизни, он щеголяет выражениями, заимствованными из книжек, когда-то прочитанных им или подслушанных во время споров «книжников и фарисеев», бывавших у его жены. И слова «меж высоких хлебов» именно относятся к этим книжным заимствованиям героя рассказа.

7) «Свободный, он не просит, он сам берет дары мои... А ты, ты только раб *моих* желаний, не более» (исправлено на «своих» по контексту и другим авторизованным изданиям; т. 4, стр. 417, «Перед лицом Жизни», в словах Жизни, обращенных к просящему);

8) «— Скажи, когда ты говоришь, ты требуешь или просишь?

— Прошу, — как *это*, человек сказал» (исправлено на «как эхо» по контексту и другим авторизованным изданиям; там же, стр. 417);

9) «Она же *на* минуту перед тем, ничего еще не зная, хотела погубить его...» (исправлено на «за минуту» по всем предшествующим авторизованным текстам и по содержанию фразы; т. 5, стр. 135, «Трое»);

10) «Огромный город, сегодня *весьма* мокрый, озябший и хмурый...» (по первопечатному тексту исправлено: «весь мокрый»; т. 10, стр. 165, «Вездесущее»).

* *
*

В рассмотренных выше примерах нелепость или неправильность испорченных неподходящим словом фраз более или менее очевидны. Однако порча текста произведения неуместным словом не всегда заметна сразу. Исправление касается здесь таких слов, употребление которых оказывается неправильным в данном контексте. Так, в основном тексте рассказа «Большая любовь» встречаем следующее место. Солдат-украинец рассказывает о своей родне: «... отец, когда был еще маленький, ходил за рыбою аж до моря, у самый Крым, сулу возили, табак и тарань». Что из Крыма возили «табак», в этом бессмыслицы нет. Но «табак» стоит здесь среди названий рыбы, и это вызывает сомнение в правильности употребления этого слова в данном контексте. Рассказ в новом собрании сочинений печатается в большей своей части по автографу. Но небольшой отрывок рассказа, заново исправленный Горьким, был напечатан дважды: в благотворительном сборнике «Белый цветок» (Полтава, 1912) и в газете «Правда», 1913, № 1/205, 1 января. Текст части рассказа, помещенный в газете «Правда», взят в качестве основного текста, и именно в этом тексте напечатано «табак». Обращаясь к автографу, убеждаемся, что в печатном тексте «Правды» допущена ошибка: в автографе не «табак», а «чабак» (на юге — это название рыбы, род леща), и указанная фраза приобретает свой настоящий смысл; следовательно, необходимо было исправить ошибку основного текста в этой части рассказа (т. 9, стр. 623).

«У городской стены прижался к ней, присел на землю низенький белый кабачок и призывно смотрит на людей квадратным *окном* освещенной двери». Так напечатано в основном тексте «Сказок об Италии» (сказка XXIV). Два других авторизованных текста — первопечатный в журнале «Просвещение» 1913 г. и отдельного издания 1919 г., где эта сказка представляет конец рассказа, озаглавленного «Вездесущее», в этом месте дают другое чтение: вместо «окном» — «оком». Поэтому и сделано соответствующее исправление в основном тексте, так как по смыслу здесь «окна» в двери нет, а она просто открыта настежь (т. 10, стр. 146).

В основном тексте повести «Жизнь Матвея Кожемякина» читается: «... уходили далеко в поле, за овраги, на возвышен-

ность, прозванную „*Мышиный Гроб*"». На основании всех других авторизованных текстов «Мышиный Гроб» исправлено на «Мышиный Горб», что, разумеется, более соответствует контексту, так как это прозвище говорит о внешнем виде горы, слово же «Гроб» делает непонятным происхождение прозвища (т. 9, стр. 430).

Во всех печатных текстах третьей части повести «Жизнь Клима Самгина», в том числе и в основном (отдельное издание «Книга» 1931 г.), напечатано: «*Ноги* у медника были зеленоватые да и весь он казался насквозь пропитанным окисью меди». Как видно из содержания этого места повести, медник был в валенках, и поэтому нельзя было заметить цвета его ног. Но в автографе написано не «ноги», а «ногти». Ошибка в данном случае исходила от машинописной авторизованной копии текста, с которой набирался первопечатный текст части повести в журнале «Звезда» (1930, №№ 1—4). При правке этой машинописи и последующих печатных текстов автор не заметил ошибки, и она оставалась во всех изданиях; только теперь, в новом собрании сочинений она устранена (т. 21, стр. 58).

Рассмотрим еще некоторые исправления этого рода:

1) «— Гей ты, чортов хохол! Цыц! Давай, коли хочешь давать, а не смейся!.. ...Двину вот по башке и не пикнешь! — гаркнул Емельян, вращая белками глаз.

Чабаны дрогнули и вскочили, взявшись за свои длинные *пали* и став плотно друг к другу». Здесь «пали» исправлено на «палки» по предшествующим авторизованным текстам (т. 1, стр. 91, «Емельян Пиляй»). Слово «пали» (от «паля» — свая), бытовавшее у нас в южных и западных губерниях, в данном контексте искажает его смысл.

2) «Шакро жалко посмотрел туда, куда я швырнул *красную* кисею...». Исправлено на «краденую» по первоначальным авторизованным текстам и по содержанию (т. 1, стр. 444, «Мой спутник»... Речь идет о свертке лезгинской кисеи, цвет которой обычно белый или светлоголубой, но не красный).

3) «...Ведома ему [человеку] воля? Ширь степная понятна? Говор *степной* волны веселит ему сердце?» По предшествующим авторизованным текстам слово «степной» [волны] исправлено на «морской» (т. 1, стр. 10, «Макар Чудра»). И контекст здесь говорит о несомненной ошибке.

4) В основном тексте повести «Мои университеты» есть такое место: «...набиваю двухпудовую корзину булками и *сдобными* бегу в духовную академию, чтоб поспеть к утреннему чаю студентов». В машинописи, служившей оригиналом набора отдельного издания «Книга» 1923 г., было напечатано:

«булками и сдобным бегу»; Горький между словами «сдобным» и «бегу» надписал сверху букву «и», и наборщик прочитал «сдобными бегу», а надо было: «сдобным и бегу». Так и исправлено в новом издании (т. 13, стр. 554), тем более, что там же (та же страница) говорится не о «сдобных», а о «сдобном»: «— Пешков, вынимай *сдобное,* пора!».

5) В основном тексте очерка «А. П. Чехов» читаем: «— Очень талантливый человек! — говорит он [А. П. Чехов] об одном журналисте. — Пишет всегда так *благодарно,* гуманно ... лимонадно...». Вместо несообразного по контексту слова «благодарно», в автографе и в других авторизованных предшествовавших текстах сказано «благородно»; так и исправлено (т. 5, стр. 424).

6) «— Незнакомый маленький и хромой мужиченка, *слышно* приплясывая, неистово визжал...». Здесь странное в данном контексте слово «слышно» исправлено по первопечатному журнальному тексту на «смешно» (т. 13, стр. 629, «Мои университеты»).

7) «На лицах тех, которые вы́носили это слово [«товарищ»] в сердцах своих... сверкало гордое чувство юных творцов, и было ясно, что та сила, которую они так щедро влагают в это живое слово, неистребима, *неизвлекаема*». Исправлено по другим авторизованным текстам на «неиссякаема» (т. 7, стр. 166, «Товарищ!»).

8) «*Объясни де* ты мне, брат, как же *что* выходит всетаки? Глядит человек на эти черточки, а они складываются в слова...». Здесь по контексту и по первопечатному тексту исправлено «объясни де» на «объясни» и «что» на «это» (т. 13, стр. 598, «Мои университеты», в словах одного из персонажей, обучавшегося грамоте. Ошибка из машинописной копии, послужившей оригиналом набора отдельного издания «Книга», осталась в верстке этого издания, которая правлена автором и принята за основной текст).

9) В рассказе «Старуха Изергиль» в основном тексте читаем: «... все упрашивала его *горючими* словами...». Здесь «горючими» исправлено на «горячими» по предшествующим авторизованным текстам (т. 1, стр. 350). Кроме того, принято во внимание и то обстоятельство, что слово «горючий», встречающееся как постоянный эпитет к «слезам» в народной поэзии, в качестве эпитета к «слову» не применим.

10) В основном тексте повести «Исповедь»: «Тихо как *на могиле...*» исправлено на «как в могиле», что не только соответствует контексту (речь идет о карцере, представлявшем яму под конторой, в которой можно было только сидеть) и обычному словоупотреблению, но и подтверждается предшествующими авторизованными текстами (т. 8, стр. 283).

Иногда фраза обессмысливается словом, которое в данном контексте является ненужным, лишним. Например:

«...чуткая ночная тишина отражает все звуки, как *в* зеркало», — здесь удален предлог «в», искажающий смысл фразы (т. 10, стр. 145, «Сказки об Италии», сказка XXIV). Это исправление подкрепляется в данном случае и авторизованными текстами, предшествующими основному.

Порою фраза становится непонятной или не вполне осмысленной вследствие пропуска каких-либо слов.

Например, в основном тексте рассказа «Три дня» имеется такое место: «А он, вдруг опьянев, чувствуя, что сердце у него замерло и *горячим ручьем течет* по жилам, бормотал...». Нелепость «сердце течет по жилам» объясняется тем, что здесь перед словом «течет» пропущено слово «кровь», которое было в первопечатном журнальном тексте рассказа («Вестник Европы», №№ 4—5, апрель—май) и теперь восстановлено (т. 10, стр. 392).

Вот еще недостаточно вразумительная фраза из основного текста «Исповеди»: «Те были сильнее меня, но в словах их я слышал *одно*, этот же слаб, а — бесстрашен». Здесь неизвестно, что именно «одно». Один из других авторизованных текстов позволяет нам установить, что здесь пропущено слово «страх» (после слова «одно»), которое и восстановлено (т. 8, стр. 333).

Иногда пропущенными оказываются союз или даже частица, и вся фраза обессмысливается.

В основном тексте рассказа «Каин и Артем» там, где излагается разговор Каина с избитым до полусмерти Артемом, одно место читается так:

«— ...Потрешь меня, я и встану...

— Вста-анете? Ох, нет, не можете вы встать!

— Я те покажу, *как могу!* Здесь, что ли, я ночевать-то буду?»

В первоначальных текстах рассказа (журнал «Мир божий», 1899, № 1, январь, и «Очерки и рассказы», том первый, СПб., 1898) было напечатано в этом месте: «Я те покажу, как *не могу*». И это, конечно, вполне согласуется с содержанием диалога; в своей реплике на слова Каина: «Ох, нет, не можете вы встать!» Артем, удивленный сомнением Каина в его силе, раздраженно восклицает: «Я те покажу, *как не могу*», повторяя слова Каина. Поэтому вставка «не» перед словом «могу», сделанная здесь по первопечатным текстам и по контексту, вполне обоснована.

Так же убедительна и поправка, сделанная в основном тексте повести «Трое» на основании всех предшествующих текстов и по содержанию фразы. «— Тем хуже... Но это не возражение... — сказала девушка и точно холодной водой

плеснула в лицо Ильи. Он..., обиженный ею, удивленный ее спокойствием, смотрел на нее несколько секунд молча. Ее взгляд и *подвижное,* уверенное лицо сдерживали его гнев, смущали его. Он чувствовал в ней что-то твердое, бесстрашное». Противоречащее всему содержанию данного места слово «подвижное» исправлено здесь на «неподвижное», как и было во всех предшествующих изданиях (т. 5, стр. 251).

Ближайшее рассмотрение многообразных групп бессмысленных слов, вкравшихся в основные тексты произведений, а также слов, не согласующихся с содержанием данного текста и искажающих его, показывает, насколько важен критический анализ основного текста в сопоставлении его с другими авторизованными текстами.

Во всех указанных выше случаях исправлений основного текста потребовалось не только обследование самого текста, но и прямое подтверждение другими авторизованными источниками, где данное место сохранилось в неиспорченном виде. Лишь незначительная часть ошибок основного текста может быть отнесена к разряду «явных» искажений. Огромное большинство остальных искажений требует весьма тщательного разбора содержания данного произведения, и их исправление должно быть производимо с крайней осторожностью.

3

В настоящем разделе рассматривается наиболее обширный круг исправлений основного текста, которые связаны с выявлением скрытых искажений. Искажения эти не создают несообразностей в тексте, а придают содержанию иной смысл или оттенок смысла, другой стилевой характер. Необходимость каждой такой поправки должна быть доказана неопровержимыми данными. Эти доказательства строятся не только на подтверждениях той или иной поправки другими авторизованными текстами, но и на анализе содержания и стиля как исправляемого места, так и всего произведения. В тех же случаях, когда слово в основном тексте вполне соответствует его содержанию, то заменять его другим, стоящим вместо него в других авторизованных текстах, неправомерно. Исправляется только и с п о р ч е н н ы й в какой-либо степени текст, и всякие соображения о том, что то или иное исправление «улучшает» текст, здесь неуместны.

Обращаясь к разбору конкретных случаев исправлений этого ряда в новом собрании сочинений, следует отметить необычайное разнообразие их с типологической точки зрения.

Изменение заглавия произведения, стоящего в основном тексте, составляет наиболее редкий случай и может иметь

место тогда, когда за основу принимается более ранний текст произведения.

Так, основным текстом пьесы «Мещане» признан беловой автограф, в котором заглавие, написанное рукой Горького, гласит: «Сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах». Над этим заглавием рукой Вл. И. Немировича-Данченко написано: «Мещане», а под заглавием его же рукой: «в 4 актах». В машинописной копии, сделанной с указанного автографа и вновь исправленной Горьким, заглавие отсутствует. Первое отдельное издание пьесы, выпущенное т-вом «Знание» в 1902 г., носит заглавие: «Мещане. Сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах». Это же название стояло и на афишах первого (20 марта 1902 г.) и ряда последующих спектаклей пьесы в Московском Художественном театре. Во всех дальнейших изданиях, начиная с книги «М. Горький. Том VI. Пьесы» (изд. т-ва «Знание», СПб., 1903), пьеса печаталась без подзаголовка. Согласно этим изданиям название «Мещане» принято и в новом собрании сочинений также без подзаголовка, поскольку оно неоднократно перепечатывалось при жизни автора и одобрено им.

* * *

Особый ряд исправлений в основном тексте образуют изменения в собственных именах.

Здесь мы в первую очередь встречаем ошибки самого автора. Так, например, в повести «Мои университеты» во всех авторизованных текстах было: «В кружке... Я был моложе всех и совершенно не подготовлен к изучению книги *Адама Смита* с примечаниями Чернышевского». Как известно, Чернышевский написал примечания к книге Д. С. Милля «Основания политической экономии». Об этой ошибке Горький писал И. А. Груздеву (см. в книге И. Груздева «Горький и его время», стр. 432). В соответствии с этим указанием автора вместо «Адама Смита» поставлено «Джона Стюарта Милля» (т. 13, стр. 528).

Однако подобного рода поправки могут быть сделаны лишь при условии указания самого автора, как это было в данном случае, или наличия правильного имени в других авторизованных источниках текста; в противном случае имя в основном тексте должно быть оставлено без изменения, но оговорено в примечаниях.

На основании других авторизованных источников в новом собрании сочинений были внесены такие, например, исправления.

Во втором рассказе из цикла «Жалобы» (т. 10, стр. 228) упоминается имя: «Николай, Святитель Мир *Микийских*». «Микийских» — искажение: следует «Ликийских». В первопечатном журнальном тексте («Современник», 1911, № 3, март) напечатано правильно. Согласно этому источнику и точному названию географического места (Миры Ликийские), здесь дана соответствующая поправка.

Согласно существующим названиям и на основании других авторизованных текстов, исправлено: «*в Макопе*» на «в Майкопе» (т. 8, стр. 315, «Исповедь»); «*Сергачевского* уезда» на «Сергачского уезда» (т. 3, стр. 296, «Скуки ради»).

Большая часть исправлений имен относится к именам персонажей. Здесь встречаются явные искажения. Например, в повести «Исповедь» во фразе: «Вспоминаю *Христа* и сына моего...» слово «Христа» исправлено на «Христю» по ряду предшествующих авторизованных текстов и по контексту, где «Христос» ни при чем (т. 8, стр. 354).

Иногда ошибка состоит в том, что несклоняемое иностранное имя дано склоняемым. Например, в сказке XIII из цикла «Сказки об Италии» в основном тексте напечатано: «А *Чиротте* он написал другое письмо». «Чиротта» не склоняемо и в текстах авторизованной машинописи и издания «Книгоиздательства писателей» 1913 г. напечатано правильно: «Чиротта» в дательном падеже; на этих основаниях и сделана поправка (т. 10, стр. 68).

Имеются случаи замены имени фамилией героя произведения, и обратно. Например, в основном тексте «Моих университетов» в словах персонажа Трусова (владелец лавочки под вывеской «Часовых дел мастер» и скупщик краденого): «Ты, Максим, к воровским шалостям не приучайся!» «Максим» заменено словом «Пешков», согласно авторизованной машинописи, в которой было «Пешков» и рукой неустановленного лица переправлено на «Максим» (т. 13, стр. 517).

В пьесе «Варвары» фамилия действующего лица «Монахова», стоявшая в основном тексте перед ее репликами, заменена ее именем «Надежда», как напечатано в последующих изданиях пьесы.

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина» один из персонажей почти всюду носит название «Савка». Но в некоторых местах он именуется «Савва». «*Савва*, искривив толстые губы, дергает круглой головой...» (т. 9, стр. 384, то же на стр. 385, 389). В тексте «Сборника т-ва „Знание“ за 1911 год», книга XXXVI, везде было «Савка». Однако предложение исправить на этом основании в основном тексте «Савва» на «Савка» отклонено, так как по контексту это не представлялось необходимым.

* * *

Часто искажения в основном тексте устраняются путем перестановки слов и фраз.

В основном тексте повести «Мать» фразой: «И снова они стали жить молча, далекие и близкие друг другу» начинается глава V первой части. Так осталось и во всех последующих печатных изданиях. Между тем в предшествующих печатных текстах в «Сборнике т-ва „Знание" за 1907 год», книга XVI, и в отдельном издании И. П. Ладыжникова 1908 г. указанная фраза является концовкой главы IV, замыкающей ее содержание. На этом основании фраза в новом собрании сочинений перенесена тоже в конец главы IV (т. 7, стр. 207).

В основном тексте пьесы «Дачники» напечатано (в реплике Дудакова): «Голова говорит — нужно экономить... Ну, *и я буду* экономить». Здесь союз «и» относится к местоимению «я», а между тем по контексту он должен стоять рядом со словами «буду экономить». Дальше Дудаков говорит в своей реплике: «То есть, это не нужно и это вредно для дела, *но я буду*...». Кроме того в машинописной авторизованной копии, служившей оригиналом набора для основного текста, в этом месте читаем: «Ну, *я и буду* экономить...». По этим соображениям сделана такая же перестановка слов «и» и «я» и в новом собрании сочинений (т. 6, стр. 199).

В основном тексте пьес «Дачники» и «Варвары» в ряде мест сделаны перестановки ремарок и реплик на основании автографов, в которых они расставлены правильно. В этих случаях ошибки в расстановке ремарок и реплик идут от машинописных копий, с которых воспроизводились печатные тексты.

Однако в ряде случаев предложения об изменении порядка слов, хотя и основанные на других авторизованных источниках, не были приняты, так как предлагаемые изменения носили чисто стилистический характер и не являлись необходимыми для уяснения и уточнения контекста.

Например, во фразе: «Но из этого чувства *зарождался уже* вопрос: „Как жить буду?"» (т. 4, стр. 93, «Фома Гордеев») не принята перестановка «уже зарождался», как было в предшествующих первоначальных печатных текстах.

В основном тексте «Русских сказок» (т. 10, стр. 459) читаем: «— Не можешь? — *с надеждой и со страхом* спросил он». В первопечатном тексте этой сказки («Русское слово», 1912, № 290, 16 декабря) и в машинописи, служившей оригиналом набора к этому тексту, было: «... с надеждой спросил он и со страхом». Эта перестановка также отклонена.

* * *

Особую группу исправлений основного текста составляют вставки или исключения слов и фраз на основании других авторизованных источников. Поправки этого рода требуют строгого анализа контекста и сугубой осторожности.

Нередко в основном тексте обнаруживаются пропуски слов и даже целых фраз, затемняющие или искажающие содержание контекста или делающие неправильным построение предложений. Восстановление таких пропусков представляет весьма сложную и ответственную задачу, в решении которой необходимо основываться не только на других авторизованных текстах, где пропущенные слова или фразы сохранились, но и на анализе основного текста, который должен установить, чем в каждом данном случае является отсутствие тех или иных слов и фраз — результатом правки автора или ошибкой, происшедшей помимо его воли. Пропущенные в основном тексте слова и фразы восстанавливаются по другим авторизованным источникам лишь при условии, если доказано, что пропуск не есть авторское сокращение текста.

Во всех авторизованных текстах повести «Жизнь ненужного человека», предшествующих основному, после слов: «Чаще других, вместе с ним, на вечерние занятия оставался в канцелярии Яков Зарубин и начальник Евсея — седоусый Капитон Иванович» была еще целая фраза: «которого за глаза все звали Дудкой». Эта фраза в основном тексте отсутствует, и в дальнейшем изложении «Дудка» появляется неожиданно и в начале становится неясно, о ком идет речь; когда же, наконец, догадываешься, что это и есть Капитон Иванович, то «Дудку» можно принять за его фамилию; а между тем его настоящая фамилия — Реусов. Никаких данных для того, чтобы считать этот пропуск в основном тексте авторским сокращением, нет. Поэтому здесь совершенно правомерно опущенная фраза восстановлена (т. 8, стр. 65).

В основном тексте рассказа «Мальва» читаем: «Он вышел из барака к морю умываться и, подойдя к берегу, увидал Мальву *на корме баркаса,* причаленного к берегу, и, опустив за борт голые ноги, расчесывала мокрые волосы». Синтаксическая неправильность фразы показывает, что здесь есть какой-то пропуск. Действительно, во всех предшествовавших изданиях после слов «увидал Мальву» стоит точка, после которой следуют слова: «*Она сидела* на корме баркаса. . .» и т. д. Таким образом, необходимо было восстановить пропущенные слова: «Она сидела», что и было сделано (т. 3, стр. 259).

В повести «Трое», в словах персонажа: «Илька! Это отчего, — глаза у людей маленькие, а видят все! .. Целый город видят. Вот — всю улицу... Как она убирается, большая такая?» после слов: «Как она» восстановлено: «в глаза», как было во всех предшествовавших изданиях, иначе было бы непонятным значение слова «убирается» (т. 5, стр. 27).

В пьесе «Дачники» по автографу восстановлено несколько пропущенных ремарок, требующихся по контексту. Например, в ремарке к реплике Юлии Филипповны: «(быстро входит)» добавлено: «за нею Калерия» (т. 6, стр. 198); к реплике Саши вставлена ремарка: «(входит)» (т. 6, стр. 202); после реплики Рюмина к ремарке: «(Его уводят в комнаты)» добавлено: «Дудаков провожает», и др.

Исправление сделано в тексте «Русских сказок» (сказка III) по первопечатному газетному тексту («Русское слово», 1912, № 290, 16 декабря) — во фразе: «Это его пугало, и *напоминал* себе...» вставлено «он» перед словом «напоминал» (т. 10, стр. 457).

В рассказе «Тоска» по предшествовавшим авторизованным текстам вместо «на точке» сделано «на *такой* точке» (т. 2, стр. 280, фраза: «И должен ты, учитель, всегда *на точке* стоять, чтобы человеку до тебя взобраться можно было»), иначе смысл контекста не был бы ясен.

В ряде случаев восстановлены пропущенные в основном тексте предлоги, отсутствие которых нарушает правильность смысла или строя фразы. Например, в повести «Жизнь Матвея Кожемякина» на основании предшествовавших авторизованных текстов в словах одного из персонажей, Никона, восстановлено повторение предлога «до» после слов «до самых»: «хочется достичь до самых *до* корней в речах ее!»; в данном случае — это особенность выражения персонажа (т. 9, стр. 519); в другом месте той же повести в словах Тиунова: «Тут я его вежливо спрашиваю — зачем же вы меня по шее? А вы, говорит, привыкли, чтобы по морде? Обратите внимание на слова „вы привыкли, чтобы по морде“, вот это самое „привыкли“, а?» вместо «это самое» поставлено «на это самое» (т. 9, стр. 587).

На основании тех же данных и соображений во многих местах восстановлены по другим авторизованным источникам союзы. Например, в рассказе «Варенька Олесова» во фразе: «Над головой его на ветке орешника рыдал соловей, — *для него* весь свет солнца и все звуки были в этой девушке среди волн» перед «для него» вставлено «но» по предшествовавшим авторизованным текстам и по контексту (т. 2, стр. 563).

В том же рассказе, во фразе: «Человек все лежал вверх

лицом, неподвижный, раздавленный своим позором, *полный* инстинктивного стремления, спрятаться от стыда, жался к земле»: перед «полный» восстановлено пропущенное «и» по предшествовавшим авторизованным текстам и по конструкции фразы (т. 2, стр. 565).

Основным текстом «Моих университетов» признан текст правленной Горьким корректуры верстки тома XIV собрания сочинений Горького в издании «Книга» 1923 г., куда вошла эта повесть. На обложке этой верстки Горький написал: «Корректору. Везде, где *, печатать петитом внизу страницы, как примечание». Таких примечаний в верстке вписано Горьким два, но они не попали ни в одно из печатных изданий повести. Одно примечание вписано Горьким на странице 42 верстки; оно гласит: «Примечание, петит *. В конце 90-х годов я прочитал в одном археологическом журнале, что Лутонин-Коровяков нашел где-то в Чистопольском уезде клад: котелок арабских денег». Звездочка в тексте поставлена после слов: «... не любит говорить».

Другая вставка написана Горьким на странице 59 верстки после слов: «Кто это тебе написал? Четко пишет. Ты скажи ему спасибо», он поставил * (звездочку), внизу же страницы написал: «* Спасибо, Алексей Николаевич Бах!».

Оба эти примечания теперь вставлены согласно указанию автора (т. 13, стр. 552, 570) в виде примечаний под текстом страницы.

В некоторых случаях восстановление пропущенных слов осложняется другими изменениями основного текста. Так, например, в сказке III из цикла «Русские сказки» одно место в основном тексте, а также в печатных текстах в издании И. П. Ладыжникова (Берлин, 1912) и издательства «Парус» (Пг., 1918) читалось так:

«А Прохарчук гробовым тоном внушает:

— Что ты обещал?

— Обрати внимание: „как овца в" невольно напоминает фамилию министра Коковцев...». Здесь неясен вопрос: «Что ты обещал?». Далее слова того же персонажа начинаются с абзаца, и это указывает на какой-то пропуск, который обнаруживается из первопечатного текста в газете «Русское слово» (1912, № 290, 16 декабря) и из текста авторизованной машинописи, служившей оригиналом набора для названной газеты, где указанное место напечатано так:

«— *Помни,* — гробовым тоном внушал Прохарчук, — что ты обещал.

Прославить смерти власть
Беззлобно и покорно...

— А потом обрати внимание: „как овца в“...» и т. д.

В новом собрании сочинений Горького в этом месте сказки III восстановлен текст указанных авторизованных источников (т. 10, стр. 457).

Выше рассмотрены примеры, на наш взгляд, достаточно мотивированных положительных решений о восстановлении пропусков в основном тексте. Теперь обратимся к случаям, когда такого рода поправки не были приняты.

В повести «Фома Гордеев» в основном тексте говорится: «Далекий горный берег был ласково окутан синеватой дымкой мглы, там *блестели,* как большие звезды, кресты церквей». В некоторых предшествовавших ранних авторизованных текстах в этом месте после слова «там» стояли еще слова: «на вершине гор». Предложение об их восстановлении было отвергнуто, и это, как мы думаем, правильно, ибо указанные слова, кроме неясности, ничего не вносили (т. 4, стр. 151).

Не принято предложение восстановить по первопечатному газетному тексту в сказке III «Русских сказок» слова: «в прихожей» (во фразе: «Я видел, как современная критика целовала тебя за шкафом» после слова «тебя»; т. 10, стр. 458); «укоризненно» (во фразе: «... он огорчился и сказал Евстигнейке» перед словом «сказал»; там же, стр. 459); «изломавший мою жизнь» (во фразе: «Негодяй, похититель юности и красоты моей...» после слова «негодяй»; там же, стр. 459). Эти слова отсутствуют во всех последующих авторизованных текстах, и восстановление их не является необходимым.

Некоторые слова и фразы были исключены из основного текста, так как представляли собой очевидную порчу.

В рассказе «Послание в пространство» согласно авторизованному списку перед абзацем: «Осторожно звучала их речь...» исключена фраза: «Осторожно звучала их речь о благе свободы, и рабы признали их вождями — что тебе до них, если сам ты не раб?» (т. 7, стр. 125). По контексту этот отрывок лишний, так как в нем повторяется то, что сказано в предыдущем и последующем абзацах.

Достаточно обоснованным кажется нам отклонение предложения об исключении фамилии «Коковцев» из фразы одного из персонажей сказки III «Русских сказок»: «А потом обрати внимание: „как овца в“ невольно напоминает фамилию министра — Коковцев, и это может быть принято за политическую выходку» (т. 10, стр. 457). Поправка предложена на основании первопечатного текста сказки в газете «Русское слово» (1912, № 290, 16 декабря) и машинописи, служившей оригиналом набора для газеты. Но исключение фамилии царского министра из газетного текста объясняется, несомненно, цензурными соображениями. Поэтому исключение фами-

лии из основного текста в данном случае было бы неправильно.

Некоторые исключения из основного текста нам представляются не вполне оправданными. Например, в повести «Мать», в словах Павла: «Не поверят люди голому слову, — страдать надо, *надо* в крови омыть слово. . .» исключено второе «надо» по предшествующим изданиям (т. 7, стр. 250). Однако по контексту едва ли это следовало делать: слово повторяется в речи героя повести, а живой речи свойственны повторения; к тому же данное повторение слова отражает взволнованное состояние персонажа.

* * *

Наибольшее число исправлений в основном тексте произведений сводится к изменению слов, ошибочно вошедших в текст и не соответствующих в той или иной степени его содержанию.

В рассказе «Супруги Орловы» основной текст одного места читается так:

«— Покорно благодарю, доктор!

— За что? — остановился тот.

— За *работу*. Теперь я буду стараться для вас во всю силу! Потому приятно мне ваше беспокойство. . .». В первопечатном журнальном тексте и в текстах первого и второго изданий книги Горького «Очерки и рассказы» (изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1898 и 1899) вместо «за работу» было: «за заботу». И это, конечно, более, соответствует содержанию эпизода: Орлов благодарит доктора именно за заботу, которую тот проявил по отношению к нему, когда нашел его спящим на дворе: доктор пожурил Орлова за то, что он заснул прямо на земле, мог простудиться, дал ему лекарство. Слово «работу», появившееся в тексте издания т-ва «Знание» «М. Горький. Рассказы. Том второй» (1900), в данном контексте не подходит, поэтому в новом собрании сочинений восстановлено слово «заботу» (т. 3, стр. 153).

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина», в словах Савки, водителя старца-проповедника, читаем: «Он мне — стар-де я, мне не учить, а помирать надо. Не-ет, брат, врешь! Ну, обратал я его и вожу вот, старого пса, — я эти *шутки* наскрозь проник!». Во всех предшествующих авторизованных изданиях было «штуки», что соответствует и контексту. Поэтому и сделано изменение «шутки» на «штуки» (т. 9, стр. 387).

В повести «Трое» в основном тексте напечатано так: «Но вдруг, повернув голову влево, Илья увидел знакомое ему тол-

стое, блестящее, точно лаком покрытое лицо Петрухи Филимонова... Раза два его глаза скользнули по лицу Ильи, и оба раза Лунев ощущал в себе желание встать на ноги, сказать что-то Петрухе, или Громову, или всем людям в суде.

„*Вот!..* Сына забил!“ — вспыхивало у него в голове, а в горле у себя он чувствовал что-то похожее на изжогу... ...он смотрел в лицо Петрухи, подавленный тяжелым, недоумением, не умея примириться с тем, что Филимонов — судья...». На первый взгляд здесь как будто искажений нет. Но в первопечатном тексте повести (в журнале «Жизнь», 1900, книги XI и XII, ноябрь и декабрь, 1901, книги I—IV, март—апрель) вместо слова «Вот!..» напечатано: «Вор!..». И это слово вполне согласуется с настроением героя повести Лунева и обликом отца его товарища Филимоновым, буфетчиком и домовладельцем, вместе с дядей Ильи Лунева укравшим деньги из-под подушки умирающего старика-тряпичника Еремея. Бессодержательное и невразумительное восклицание «Вот!..» оказывается искажением и вполне основательно переправлено на «Вор!..» (т. 5, стр. 270).

Во всех печатных текстах пьесы «Дачники» в реплике 17-летней Сони, обращенной к Двоеточию, говорится: «Нет, милый *дядюшка,* право, я не забуду вас!». На основании автографа здесь исправлено на «дедушка». Двоеточие не является родственником Сони, а «дедушкой» она могла его назвать по разнице их лет (т. 6, стр. 260).

Аналогичны приведенным следующие исправления:

«Речь Тяпы была сильна, насмешка, укоризна и глубокая вера звучали в ней. Он долго говорил, и учителю, который, по обыкновению, был выпивши и *в мирном* настроении, стало, наконец, так скверно слушать его, точно его распиливали деревянной пилой». Здесь исправлено по первоначальному журнальному тексту на «в минорном настроении» (т. 3, стр. 192), что соответствует и контексту и характеристике образа учителя.

«Ветер пронесся и разбудил море, заигравшее *чистой* зыбью». По предшествующим авторизованным текстам «чистой» изменено на «частой»; что соответствует и смыслу фразы (т. 1, стр. 377, «Челкаш»).

«Толпа зашумела... ... но вдруг раздался *редкий,* высокий голос Сухобоева...». По авторизованным текстам, машинописи и «Сборнику т-ва «Знание за 1922 год», книга XXXVII, слово «редкий» исправлено на «резкий» (т. 9, стр. 591, «Жизнь Матвея Кожемякина»).

В повести «Мать», во фразе: «Вдыхая полной грудью сладкий воздух, они шли не быстрой, но *скорой* походкой...» слово «скорой», противоречащее рядом стоящим словам («не

быстрой») исправлено на «спорой» по предшествующим авторизованным текстам (т. 7, стр. 364).

«Грудь Уповающего подымалась *нервно,* с глухими хрипами». Исправлено на «неровно», как было во всех предшествующих авторизованных текстах и как следует по смыслу фразы (т. 3, стр. 342, «Дружки»).

«Поше-ол! — неистово заорал сверху копра нарядчик. — *Задержали!*». Во всех предшествующих авторизованных текстах было не «задержали», а «заржали!». Речь здесь идет не о задержке: перед этим окриком нарядчика запевала из рабочих у копра завел такую песню, что второй нецензурный стих ее «вызвал единодушный взрыв хохота». Поэтому здесь сделано исправление на «заржали» (т. 3, стр. 47, «Коновалов»).

В повести «Мать», в речи Павла во время демонстрации: «Товарищи! — ... Солдаты такие же люди, как мы. Они не будут бить нас. За что бить? За то, что мы несем правду, нужную всем? Ведь эта правда и для них нужна. Пока они не понимают этого, но уже близко время, когда и они встанут рядом с нами, когда они пойдут не под знаменем грабежей и убийств, а *под вашим* знаменем свободы». По предшествующим авторизованным текстам и по контексту в этом случае «под вашим» исправлено на «под нашим» (т. 7, стр. 334—335).

В рассказе «Супруги Орловы» на основании предшествующих авторизованных изданий и по контексту исправлено «*по* городу» на «к городу»: («... легкие душистые волны теплого ветра ласково плыли *по* городу...». Действие происходит в поле, за городом (т. 3, стр. 158).

Наоборот, в рассказе «Каин и Артем» по тем же основаниям изменено «*к* берегу» на «*по* берегу»: «Глубоко вздохнув, еврей еще ниже склонил голову и снова пошел по берегу реки». Выше было описано, что он шел именно по берегу (т. 3, стр. 433).

Целый ряд предложенных по предшествующим изданиям поправок был отклонен в новом собрании сочинений, так как они не были признаны необходимыми. Так, во всех текстах повести «Мои университеты», кроме первопечатного (в журнале «Красная новь», 1923, № 2, март—апрель, № 3, май, № 4, июнь—июль), напечатано: «Однажды утром, в праздник, когда кухарка подожгла дрова в печи и вышла на двор, а я был в лавке, — в кухне раздался сильный *вздох,* лавка вздрогнула, с полок повалились жестянки карамели, зазвенели выбитые стекла, забарабанило по полу» (т. 13, стр. 609). В журнальном тексте вместо «вздох» стоит «взрыв». Однако поправка была отклонена, поскольку «вздох» не противоречит контексту и живописует характер взрыва.

* * *

Особенно многочисленны проникающие в печатный текст ошибки вследствие замены одних слов другими, близкими по смысловому значению. Такого рода исправления должны производиться с величайшей осторожностью, хотя бы они и подтверждались другими авторизованными текстами.

Так, например, «...*Труппа* музыкантов...» исправлено на «Группа музыкантов» (т. 10, стр. 159, «Сказки об Италии», сказка XXVII) по предшествующим авторизованным текстам; контекст также требует слова «группа», так как понятие «труппа» применимо лишь к коллективу артистов, работающих в театре или цирке.

«... Он снова возвращался *на каторгу,* где его ждала бессрочная каторга и кнут», — читается в основном тексте рассказа «Букоемов Карп Иванович». Здесь «на каторгу» заменено словами «на Сахалин» по автографу, чем устраняется неисправность основного текста — «на каторгу, где его ждала ... каторга». Кроме того, выше в тексте сказано, что Букоемов «осужден на Сахалин», поэтому в приведенной фразе говорится «снова возвращался», т. е. именно «на Сахалин» (т. 5, стр. 438). Поправка эта правомерна еще и потому, что в царской России слова «Сахалин» и «каторга» являлись своего рода синонимами.

При наборе особенно часты ошибки в предлогах, союзах, междометиях и частицах, которые остаются незамеченными автором.

Так, в повести «Исповедь» вместо «*на всю* силу души» принято «во всю силу души» (т. 8, стр. 324, фраза: «Не любил я их [странников] во всю силу души») по тексту исправленных Горьким печатных листов из его книги «Рассказы. Том девятый» в издании т-ва «Знание» 1910 г., где эта поправка внесена самим автором.

В рассказе «Ярмарка в Голтве» «*на небо*» исправлено на «в небо» (т. 3, стр. 89, фраза: «Из-за хат вздымаются в небо пять глав деревянной церкви...») по первоначальным авторизованным текстам, начиная с журнального и кончая текстом второго издания книги Горького «Очерки и рассказы. Том второй», 1899.

В рассказе «Еще о чорте» вместе «*на* кресле» взято «в кресле» (т. 3, стр. 466, фраза: «Он сидел в кресле с раскрытым ртом...»), как было во всех предшествовавших авторизованных текстах.

В пьесе «На дне», в реплике Квашни, вместо «*н-ну!*» постав-

лено, по автографу и по тексту мюнхенского издания, «ну-ну!» (т. 6, стр. 106, фразы:

«Анна. Оставь... отстань...

Квашня. Ну-ну! Эх ты... терпеливица!..»).

В рассмотренной группе словесных изменений в основном тексте все исправления обоснованы не только другими авторизованными текстами, но и тем, что они восстанавливают подлинный авторский текст в наиболее точном его виде. Поскольку это так, данные исправления являются необходимыми.

Однако в ряде случаев такой необходимости не возникало, и поэтому предложенные исправления были отклонены.

Так, в основном тексте рассказа из цикла «Жалобы» во фразе: «Когда она говорила это, я как раз сидел в саду под окном, отдыхая с книжкой в руках после приема, готовясь к вечернему собранию *присных*» было предложено заменить слово «присных» словом «присяжных» по первопечатному тексту в журнале «Современник» (1911, кн. V, май). По контексту здесь речь идет о собрании близких знакомых, гостей, и слово «присных» вполне соответствует этому, тогда как слово «присяжных» затемнило бы смысл фразы, так как оно помимо значения «завсегдатаев» имело ряд других значений (присяжные заседатели, присяжные поверенные и т. п.), тем более, что персонаж, о котором говорится в рассказе, по профессии адвокат, т. е. по официальному званию того времени присяжный поверенный.

«Из воды тянулась на берег длинная веревка, упругая, как струна, и рыбаки, захлестывая за нее лямки, *покрякивая*, тащили веревку», — читаем в рассказе «Мальва» (т. 3, стр. 274). Здесь отклонено предложение изменить «покрякивая» на «покряхтывая» по текстам журнальному и книги «Очерки и рассказы. Том второй» (изд. 1, 1898).

Некоторые исправления того же рода, а также и отклонение некоторых предложенных поправок не являются бесспорными.

Так, например, мы думаем, что не было необходимости заменять слово «венгра» словом «мадьяра» в рассказе «Старуха Изергиль» (т. 1, стр. 349, фраза: «Знала также я и *венгра* одного»). «Венгра» стояло во всех авторизованных текстах рассказа, и исправлять это слово не было никакой надобности.

То же следует сказать о поправке: «*по* пути» вместо «на пути» в пьесе «Дети солнца» (т. 6, стр. 319, в реплике Елены: «... порой мне грезится такое полотно: среди безграничного моря — идет корабль; его жадно обнимают зеленые, гневные волны, а на носу его и у бортов стоят какие-то крепкие, мош-

ные люди... и, гордо улыбаясь, смотрят далеко вперед, готовые спокойно погибнуть *на пути* к своей цели...»).

Напротив, в рассказе «На плотах», нам кажется, следовало бы принять предложенную поправку: вместо «*на* хвосте плота» — «в хвосте плота», как было во всех предшествующих авторизованных текстах (т. 2, стр. 23, фраза: «У рулевых весел *на хвосте плота* стоят двое...»), так как предлог «в» здесь более соответствует смыслу фразы и переносному значению в данном контексте слова «хвост».

В ту же группу искажений текста близкими по значению словами входят замены одних слов другими того же корня или основы, но с иными смысловыми оттенками.

Таковы, например, следующие:

«И когда мы создадим свое царство, в котором все будет в гармонии, то созовем всех шпионов и всех сильных земли, и все глупые народы созовем, и скажем им: „Вот — вы гнали нас, а мы создали вам вечный *образ* жизни!.. Вот он, следуйте ему!“». Здесь «образ» заменено словом «образец», как было в ранних авторизованных текстах и как следует по контексту (т. 1, стр. 465, «Ошибка»).

Основной текст рассказа «Каин и Артем» содержит такую фразу: «Шихан — узкая улица, застроена старыми высокими домами; в них помещались ночлежники, трактиры, хлебопекарни, лавки с бакалеей, старым железом и разной рухлядью...». Таким образом, «ночлежники» стоят в одном перечне с помещениями, что представляет явную несуразность, тем более, что о населении домов говорится вслед за указанной фразой: «их населяли воры и приемщики краденого, мелкие торгаши и торговки съестным». В первоначальных изданиях рассказа (в журнале «Мир божий», 1899, январь; «Очерки и рассказы», т. 3, 1899) было не «ночлежники», а «ночлежки», что вполне согласуется с контекстом. По этим соображениям и сделана соответствующая поправка в основном тексте (т. 3, стр. 402).

«... И казалось, что у этого человека два лица — одно проницательное и умное, с длинным *хрящевым* носом...». По первоначальному тексту исправлено на «хрящеватым» и тем устранена нелепость сочетания «хрящевой нос» (т. 4, стр. 21, «Фома Гордеев»).

В «Песне о Соколе» согласно всем предшествующим авторизованным текстам исправлено «могучее» на «могуче» (т. 1, стр. 482, было: «Темное, *могучее* размахнувшееся море светлеет...»).

В основном тексте сказки XXI из цикла «Сказки об Италии» читаем: «... все ярче, *веселее* и веселее взгляды...». По авторизованным текстам машинописи и издания «Книгоизда-

тельства писателей» (М., 1913) здесь слово «веселее» изменено на «веселье» и тем устранено повторение слова «веселее» (т. 10, стр. 129).

В рассказе «Три дня», во фразе: «Николай снова двинулся в передний угол, говоря *жестоко* и угрюмо...» слово «жестоко» исправлено на «жестко», как было в ряде предшествовавших авторизованных текстов и как следует по контексту (т. 10, стр. 371).

Однако не принято исправление в основном тексте повести «Фома Гордеев» в описании встречи Фомы Гордеева с купцом Щуровым, потребовавшим от Фомы уплаты по векселям, срок которым наступил. На просьбу об отсрочке Щуров отвечает отказом. «Фома смотрел на Щурова, — говорится далее, — и удивлялся. Это был совсем не тот старик, что недавно еще говорил словами прозорливца речи о дьяволе... И лицо и глаза у него тогда другие были, — а теперь он смотрел *жестоко*, безжалостно, и на щеках, около ноздрей, жадно вздрагивали какие-то жилки». В первоначальных печатных текстах, до первого издания книги «М. Горький. Рассказы. Том четвертый» (СПб., 1900) в этом месте читалось: «... а теперь он смотрел *жестко,* губы его улыбались безжалостно». Начиная со второго издания той же книги (1901) вместо «жестко» печаталось «жестоко». Основным текстом повести принят текст десятого издания той же книги, правленный Горьким и служивший оригиналом набора для IV тома собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. В этом тексте Горький вычеркнул слова: «губы его улыбались», и фраза приобрела такой вид: «он смотрел жестоко, безжалостно...».

Поскольку сам Горький обратил внимание на эту фразу, зачеркнув в ней три слова и оставив слово «жестоко» без изменения, не представлялось необходимым возвращаться к первоначальному чтению «жестко» (т. 4, стр. 134).

Одно принятое изменение этого рода вызывает некоторые сомнения.

В основном тексте повести «Жизнь Матвея Кожемякина», в словах Кожемякина одно место читается так: «Я знаю — хорошего хочется, — да немногим! И ежели придет оно — некому будет встретить его с открытой душой, некому; никто ведь не знает, какое у хорошего лицо, придет — не поймут, испугаются, гнать будут, — новое-де, *пришлое,* а новое опасным кажется, не любят его!». В тексте авторизованной машинописи, служившей оригиналом набора для отдельного издания И. П. Ладыжникова в Берлине, а также в текстах самого этого издания и «Сборника т-ва „Знание“ за 1911 год», книга XXXVII, вместо «новое-де, пришлое» было «новое-де пришло», и в соответствии с этим сделано исправление в новом собра-

нии сочинений (т. 9, стр. 571). Нам думается, что в данном исправлении необходимости не было. Более того, во фразе «новое-де пришло» слово «пришло» не нужно, достаточно сказать «новое-де», поэтому его и гнать будут». Слово же «пришлое», наоборот, усиливает отрицательное отношение к «новому» как к «пришлому», в смысле «чуждому», «непривычному».

Довольно значительную группу искажений основного текста составляют замены имен существительных именами существительными уменьшительными и ласкательными, и обратно. Вот примеры этого рода:

В сказке XV «Сказок об Италии» «*человек*» изменено на «человечек» (т. 10, стр. 85, фраза: «Вечерами приходил ее жених — маленький, бойкий человек...»). Исправление сделано по авторизованным текстам машинописи и ряду других предшествовавших изданий, а также соответственно контексту, характеризующему облик жениха.

На тех же основаниях в рассказе «Бывшие люди» исправлено «*бородой*» на «бородкой» (т. 3, стр. 205, фраза из описания внешности купца Петунникова: «Костлявое, скуластое лицо, с седой клинообразной бородой...»). В конце рассказа (см. там же, стр. 240) он же рисуется «чистеньким человечком с острой седой *бородкой*».

Предложение об аналогичной поправке в основном тексте рассказа «Мальва» было отклонено, так как особой надобности в этой поправке не было, хотя в первоначальных авторизованных текстах было вместо «бороде» — «бородке» (т. 3, стр. 244, фраза: «Он [Яков] повернул к ней свое лицо в кудрявой темнорусой *бороде*...»).

В пьесе «Дачники», в реплике Юлии Филипповны, обращенной к Замыслову: «Пойдемте в вашу милую, чистую *комнату*... я так люблю ее» ... «комнату» изменено на «комнатку» по автографу и по контексту (т. 6, стр. 194).

В пьесе «На дне», в реплике Костылева, обращенной к Клещу: «Надо будет накинуть на тебя *полтинник*...», «полтинник» исправлено по автографу на «полтинничек» (т. 6, стр. 11).

В группе искажений, возникших вследствие замены одного слова другим словом того же корня, большую часть составляют искажения в приставках слов, особенно глаголов. Приведем примеры.

«...Он не чувствовал, однако, в себе желания упрекнуть и пристыдить сестру; он осуждал ее в уме, но в нем не было чего-то, что позволило бы высказать вслух свое *суждение*». По первоначальным авторизованным текстам и по смыслу фразы слово «суждение» здесь заменено словом «осуждение» (т. 2, стр. 522, «Варенька Олесова»).

В рассказе «Варенька Олесова» по первопечатному журнальному тексту исправлено «посмотрел» на «смотрел» (т. 2, стр. 506, фраза: «Он *посмотрел* на нее и думал...»); так же следует и по контексту.

В тексте «Еще о чорте» читаем: «Вокруг фонарей, окутанных туманом, образовались мутные пятна *прозрачного* света, и — без лучей, без движения — они стояли в воздухе, не освещая земли». «Мутные пятна света» прозрачными не могут быть. В первопечатном тексте (журнал «Жизнь», 1899, кн. 2, февраль) этого противоречия нет: там стояло «призрачного света». На этом основании сделано исправление (т. 3, стр. 460).

В «Песне о Соколе» сделана обратная поправка «призрачным» на «прозрачным» во фразе: «Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда все кажется *призрачным,* одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко...». Исправление сделано по первоначальным текстам (т. 1, стр. 482), а также потому, что именно «прозрачное», а не «призрачное» «позволяет проникать в себя».

В рассказе «Тоска», во фразе: «А он подозвал полового, *сказал* ему все, что было нужно...» по первопечатному журнальному тексту исправлено «сказал» на «заказал» (т. 2, стр. 287). Герой рассказа выполнял наказ женщины. «...закажите чаю, водки еще и закуски...» (ее слова — несколькими строками выше на той же странице); поэтому по контексту должно быть «заказал». В приведенных примерах, как и во многих других случаях этого рода, здесь не отмечаемых, исправления нужны, так как они восстанавливают подлинный авторский текст, несколько поврежденный неточными словами. Отметим случай, где исправление сделано, как нам кажется, без достаточных оснований.

В «Сказках об Италии» (сказка XIX) во фразе: «... море вечно поющее о чем-то, возбуждая *непоборимое* желание плыть в его даль...» — «непоборимое» изменено на «необоримое» на основании ряда других авторизованных текстов (т. 10, стр. 113), но в этом исправлении необходимости не было, поскольку оба указанных слова — синонимы книжного происхождения.

Некоторые поправки этого рода, принятые новым собранием сочинений, представляются спорными, хотя и основаны на других авторизованных текстах.

Таковы, например, исправления:

в рассказе «Макар Чудра», во фразе: «Не поднялись бы руки *связать* Лойко Зобара», слово «связать» на «вязать» (т. 1, стр. 20);

в рассказе «Хозяева жизни», в словах Дьявола о скелете: «Мне приятно *смотреть* на ученого, который освободился от всего лишнего. Его скелет — скелет его идеи...», слово «смотреть» на «посмотреть» (т. 7, стр. 113);

в сказке XV из цикла «Сказок об Италии», во фразе: «Как хорошо, должно быть, чувствует себя каменщик, проходя по улицам города, где он *строил* десятки домов» слово «строил» на «построил» (т. 10, стр. 87);

в сказке XXIV из цикла «Сказок об Италии», во фразе: «Не *окончив,* она тихонько смеется...» слово «окончив» на «кончив» (т. 10, стр. 145).

В данных случаях как прежние, так и новые слова, заменившие их, одинаково соответствуют контексту и нет достаточных оснований, чтобы предпочесть вторые первым. Однако там, где другие авторизованные тексты вскрывают какую-либо неправильность основного текста, соответствующая поправка необходима.

Так, например, в основном тексте рассказа «Дело с застежками» в одном месте говорится: «— Продай мне... — робко *спросил* Мишка». Слово «спросил» здесь явно вызывает недоумение, так как в словах Мишки вопроса нет и после них стоит многоточие, а не вопросительный знак. А между тем в первоначальных авторизованных текстах (первопечатный газетный и в книге «Очерки и рассказы» 1898 и 1899 гг.) вместо «спросил» было «попросил», что вполне соответствует контексту. Но предложенная в этом смысле поправка не была принята, что едва ли правильно (т. 2, стр. 79).

Наиболее обширную группу скрытых искажений текста в близких по значению словах образуют изменения грамматических форм слов.

Приводим некоторые типичные случаи этого ряда.

«Разрастался буйный задор, являлось чувство беззаботной удали, крики звучали *громко,* насмешки — резче». «Громко» исправлено на «громче» по другим печатным авторизованным текстам (т. 7, стр. 182, «9-е января»). Контекст также требует этой поправки.

В пьесе «На дне», в словах Луки: «Меня вот *грозят* продать» «грозят» изменено на «грозятся» по автографу; кроме того, просторечная форма «грозятся» как раз характеризует язык персонажа (т. 6, стр. 155).

В повести «Трое» (т. 5, стр. 235) в словах: «— Это вы хорошо говорите! — *одобряла* его девушка, с важным видом качнув головой», «одобряла» исправлено на «одобрила» по первопечатному журнальному тексту, а также потому, что вторая форма глагола соответствует слову «качнув».

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина», во фразе:

«В двери, опираясь руками *о косяк,* стоял, точно распятый Фока...» исправлено «о косяк» на «о косяки» по машинописи, где рукой Горького «ъ» в слове «косякъ» исправлен на «и» (текст печатался по старой орфографии) и по тексту «Сборника т-ва «Знание» за 1911 год», книга XXXVI; множественного числа требует и контекст: Фока стоял, «точно распятый» (т. 9, стр. 464). В словах Никона Маклакова о Петре Посулове: «Он с мальчишек по церковным хорам пел, а когда сюда *ехал*, уж помощником регента был», «ехал» исправлено на «ехать» по текстам авторизованной машинописи и «Сборника т-ва „Знание“ за 1911 год», кн. XXXVII (там же, стр. 546); поправка восстанавливает подлинный смысл контекста и просторечный строй фразы.

В пьесе «На дне» одно место читается так:

«Пепел... А Клещ ругает нас: нет, говорит, у вас совести.

Бубнов. А он что — занять хотел?

Пепел. У него своей много...

Бубнов. Значит, *продаешь?* Ну, здесь этого никто не купит». Слово «продаешь» исправлено на «продает» по автографу, чем и устранено искажение, бывшее во всех текстах пьесы (т. 6, стр. 115).

В рассказе «Скуки ради», в описании сцены у погреба говорится: «*Двери отворились...*». По текстам первопечатному газетному и книги «Очерки и рассказы» (изд. 1, 1898) это исправлено на «Дверь отворилась» (т. 3, стр. 304). Речь идет о двери в погреб; из текста видно, что в него вела одна дверь.

В повести «Трое», во фразе: «Ее поддерживали *под руку* околоточный и какой-то человек с рыжими усами» — «под руку» исправлено на «под руки» по первопечатному журнальному тексту и по содержанию фразы (т. 5, стр. 122).

Обратное исправление «*под руки*» на «под руку» сделано в пьесе «Мещане», в ремарке к реплике Елены: «Елена (выводит Акулину Ивановну *под руки* и бормочет): Это ничего... Это не опасно...», как было во всех печатных текстах пьесы и по контексту (т. 6, стр. 62).

Некоторые предлагавшиеся поправки вполне обоснованно не были приняты текстологической комиссией.

Не принято предложение изменить «смотреть» на «смотрел» по предшествовавшим авторизованным текстам в рассказе «Мальва» (т. 3, стр. 249, фразы: «После вкусной ухи и водки глаза Якова осовели. Он начал глуповато улыбаться, икать, позевывать и *смотреть* на Мальву так, что Василий нашел нужным сказать ему...»). По контексту в исправлении необходимости нет.

Так же не принята поправка в тексте сказки XVII «Сказок об Италии»: «Зеленоватые кости» на «зеленоватую кость» по

тексту издания «Книгоиздательства писателей» 1913 г. (т. 10, стр. 103, фраза: «... забыл почистить *зеленоватые кости* зубов»).

В приведенных и во многих других подобных случаях отклонение предложенных исправлений вполне оправданно.

Однако следует отметить, что есть случаи, когда, на наш взгляд, поправки могли быть приняты.

Так, например, в основном тексте «Моих университетов» в одном месте читаем: «А семья его быстро *разрушилась,* отец заболевал тихим помешательством на религиозной почве, младший брат начинал пить и гулять с девицами, сестра вела себя как чужая...» (т. 13, стр. 572). В первопечатном тексте (журнал «Красная новь», 1923, №№ 2—4) вместо «разрушилась» было «разрушалась», что более соответствует контексту; но поправка не принята.

Искажения могут возникнуть в основном тексте из-за неверного раздельного или слитного написания слов.

Например, Коновалов в одноименном рассказе говорит о себе: «А просто я есть заразный человек... *Недоля* мне жить на свете... Ядовитый дух от меня исходит». Так читается в основном тексте. Но в предшествующих авторизованных текстах вместо «недоля» (беда, несчастье) напечатано «не доля» (т. е. не судьба), раздельно, и такое разделение слова «недоля» на два слова восстанавливает настоящий смысл фразы. Поэтому в данном случае вполне правомерно вернуться к написанию «не доля», что и сделано в новом собрании сочинений (т. 3, стр. 39).

Иногда исправление основного текста состоит в том, что ставится ударение на том или другом слоге слова, отчего уточняется его смысловое значение в контексте. Так, во всех печатных текстах пьесы «Дачники» одно место читается: «Марья Львовна (с *большим* интересом). Эх вы, бедный!.. Вы бы употребили их на какое-нибудь общественное дело — все лучше, больше смысла!» Здесь слово «большим» стоит без ударения. По автографу и по оригиналу набора для «Сборника т-ва „Знание" за 1904 год», книга III (СПб., 1905) поставлено ударение на первом слоге («бóльшим»), что как раз соответствует содержанию реплики Двоеточия и Марьи Львовны, которая сначала на реплику Двоеточия о том, что у него «деньги есть... а больше ничего нет» ответила «рассеянно и не глядя на него»: «Вы в самом деле — богатый?». На вторую реплику Двоеточия она отвечает уже «с бóльшим интересом» (т. 6, стр. 245).

В этой главе обследован наиболее обширный слой исправлений в основном тексте произведений на основании других авторизованных источников. Мы видели, что характер этих

исправлений чрезвычайно разнообразен и предусмотреть все случаи исправлений невозможно. Но при всех конкретных исправлениях необходимо помнить, что для того, чтобы сделать ту или иную поправку, одной ссылки на другой авторизованный источник текста недостаточно: поправка может быть произведена лишь при условии, что она устраняет какой-либо дефект смыслового или конструктивно-речевого характера в основном тексте, причем другие авторизованные источники текста дают материал для исправлений и контролируют направление их, чтобы они соответствовали творческой воле автора.

4

В основных текстах произведений Горького встречаются такие неисправности, которые возникли вследствие незавершенности авторской правки произведения. В таких случаях текстолог должен решить, в каком направлении делать исправление, чтобы получить именно тот текст, который и хотел видеть автор. В каждом конкретном случае эта задача решается на основании вдумчивого анализа авторской правки, ее характера и направления. При этом текстолог или завершает правку автора, или восстанавливает прежний текст.

Особенно часты случаи, когда автор, делая ту или иную поправку в тексте, оставляет незачеркнутыми слова, которые в новой конструкции фразы, созданной при правке, становятся лишними и уродуют эту конструкцию.

В тексте «Бывших людей», обсуждая постановление городской думы о засыпке рытвин и промоин на Въезжей улице, Павлюгин спрашивал ротмистра:

«— А как же все-таки быть-то, ваше благородие? .. А? Как ты рассудишь?

— Я? Ни рукой ни ногой не двигать! Размывает улицу — ну и пускай!»

В реплике Павлюгина Горький зачеркнул слова: «А? Как ты рассудишь?», и поэтому в ответе ротмистра вопрос — «Я?» потерял смысл. Здесь могло быть два решения: восстановить зачеркнутое Горьким или исключить «Я?», оставшееся не зачеркнутым. Первое решение противоречило бы намерению автора сократить текст. Поэтому при подготовке собрания сочинений было принято второе решение — устранить образовавшееся от незавершенной правки лишнее слово (т. 3, стр. 200).

В тексте повести «Трое» было напечатано: «Илья разглядел, что дядя, стоя на коленях у ложа старика, держит по-

душку и торопливо зашивает ее». Готовя повесть к изданию «Книга», Горький зачеркнул слово «держит» и союз «и», а слово «подушку» при помощи кривой перенес в конец предложения — после местоимения «ее», которое осталось не зачеркнутым. Таким образом, получилась невразумительная фраза: «... торопливо зашивает ее подушку», в которой неуместное слово «ее» пришлось устранить (т. 5, стр. 38).

В основном тексте той же повести встречается фраза: «Ему казалось, что Кирик непременно догадается об измене жены *тогда будет*». Подчеркнутые слова заканчивали фразу, стоявшую после слова «жены»: «*и он не мог себе представить, что* тогда будет». Горький зачеркнул выделенное, а слова «тогда будет», которыми начиналась следующая страница просматривавшегося им текста, оставил незачеркнутыми. В новом издании эти слова исключены (т. 5, стр. 194).

В рассказе «Три дня» первоначально читалось: «„Со многих все равно ничего не получить“, *утешал* он себя...» Горький зачеркнул слово «утешал» и вместо него вписал «думал», вследствие чего получилось: «думал он себя». Ставшее ненужным слово «себя» в новом собрании сочинений пришлось устранить (т. 10, стр. 363).

В основном тексте повести «Жизнь Матвея Кожемякина» было: «Она *снова* заглянула в глаза ему...». Слово «снова» было здесь уместно, потому что за несколько строк перед тем была фраза, начинавшаяся словами: «И заглянула ему в глаза...». Горький эту фразу вычеркнул, и таким образом слово «снова» во второй фразе становилось ненужным. В новом издании оно удалено, хотя Горький его не вычеркнул (т. 9, стр. 601).

В результате мелких недоделок автора в тексте часто остаются лишние союзы. Например, в основном тексте рассказа «Мальва» напечатано: «— В деревню я не пойду... буду тут зимовать... — говорил Яков, *не обращая внимания на эти крики,* но не переставая следить за движениями отца». Горький зачеркнул выделенный оборот, а союз «но» остался и уже стал ненужным в новом контексте (т. 3, стр. 282).

Особенно часто при авторской правке оставался незачеркнутым союз «и», вклиниваясь в исправленную фразу и портя ее построение. Например, в повести «Фома Гордеев»: «Люба, *расставляя* посуду, и ничего не ответила ему». Слово «расставляя» Горький вставил взамен бывших здесь слов: «вынимала из горки», но, изменив конструкцию, не зачеркнул ставший ненужным союз «и», который теперь исключен (т. 4, стр. 101).

В основном тексте рассказа «Дружки» читаем: «... в ручей посыпалась земля, *и вводя* новые ноты в его тихую мело-

дию». Здесь перед «и вводя» Горький зачеркнул слово «булькая», а союз «и» остался незачеркнутым (т. 9, стр. 385).

Можно привести еще немало примеров, когда Горький, заменяя деепричастием одно из однородных сказуемых, забывал вычеркивать союз «и», связывавший ранее эти сказуемые. Например: «Он [костер] теплился в безветренную ночь *и освещая* маленькое пространство, занятое нами» (т. 3, стр. 317, «В степи»). В предыдущем тексте вместо «освещая» было «освещал».

В некоторых случаях незаконченная правка делает необходимой перестановку слов. Например, в повести «Трое» в основном тексте до правки Горького было напечатано: «— *Голубчик мой!* — воскликнула девушка. — Какой вы хороший!». Слова «Голубчик мой!» автор зачеркнул, а фразу «воскликнула девушка» не переставил. В издании «Книга» это сделано: — «Какой вы хороший! — воскликнула девушка». Так же исправлено и в новом собрании сочинений.

Во всех авторизованных текстах рассказа «Коновалов», предшествовавших основному, печаталось: «... лицо освещалось голубыми глазами, большими, [задумчивыми и] смотре[вшими на меня с] ласково[й улыбкой]». Горький после слова «большими» написал слово «они», «смотревшими» исправил на «смотрели», «ласковой» на «ласково», а слова, стоящие в прямых скобках, зачеркнул. В результате получилась неправильная фраза: «... лицо освещалось голубыми глазами, большими, они смотрели ласково». Так и печаталось в последующих изданиях собраний сочинений писателя («Книга», 1923, т. I; ГИЗ, 1924, т. I; ГИЗ, 1928, т. I). В издании ГИХЛ 1933 г. (т. I) это место исправлено так: «большими голубыми глазами». Такая же перестановка слова «большими» сделана и в новом собрании сочинений (т. 3, стр. 8).

Подобного рода авторские недоделки встречаются не только в печатных текстах, вновь правленных Горьким для повторных изданий, но и в автографах, служащих единственным источником текста. Так, например, в авторской рукописи незаконченного рассказа «Большая любовь», по которой этот рассказ печатается в новом издании, читаем: «... ты иногда такой, как будто только что приехал откуда-то, все тебе чужое, все [враждебно] и ничто не интересно». Слово «враждебно» зачеркнуто, а все остальное оставлено. В результате получилась противоречивая фраза: «всё и ничто не интересно», в которой должно быть удалено или «всё» или «ничто». Поскольку с вычеркнутым словом «враждебно» было связано слово «всё», оно и было исключено при публикации текста рассказа (т. 9, стр. 616).

В другом месте того же автографа было: «И закрыв глаза,

он вспоминал жену...». Горький в слове «закрыв» переправил начальную строчную букву «з» на прописную, а союз «и», которым начиналась фраза, не зачеркнул. Намерение автора здесь ясно: он хотел исключить этот союз, поэтому при публикации текста он и был устранен (т. 9, стр. 607).

В конце автографа написано: «Матушкин ... долго смотрел на маленький сухой труп и [крепко] [долго] крепко потирая лоб». Горький последовательно зачеркивал «крепко», «долго», подыскивая более подходящее слово, и затем вернулся к слову «крепко», а вместо «потирал», как он, очевидно, хотел писать (об этом свидетельствует союз «и»), употребил деепричастную форму от этого глагола, отчего союз «и» стал лишним; при публикации он был исключен (т. 9, стр. 630).

Вопрос о завершении правки автора в основном тексте не всегда решается так просто. Бывают случаи, когда намерение автора не столь определенно, и начатая им правка допускает не одно толкование.

Например, в незаконченном очерке «Марк Твен», печатаемом по автографу, есть фраза: «Речь слушает кружок молодых литераторов и журналистов, они любят старого писателя и смеются». Над словами «и смеются» между строк вписано «знают когда надо» без указания, после какого слова должна следовать эта вставка. В новом собрании сочинений решено так: «... любят старого писателя и знают, когда надо смеяться» (т. 10, стр. 309). Таким образом, здесь вставка помещена после союза «и» и кроме того, «смеются» изменено на «смеяться». Но возможна и другая расстановка — без изменения слова «смеются»: «любят старого писателя, знают, когда надо — и смеются». Такая расстановка более соответствует контексту: слушатели именно «смеются» в данный момент по поводу юмористического замечания в речи Марка Твена: «американец упрям, но он плохо знаком с терпением, как я, Твен, с игрой в покер на Марсе».

В рассказе «Три дня» читалось: «... к спинке кровати были прикреплены две восковые свечи, тихо колебались бледные огоньки с темными зрачками внутри *и были* похожи на чьи-то робкие, полуслепые глаза». Горький зачеркнул слова «и были», слово же «похожи» оставил неизмененным, нарушив согласование. Здесь «похожи» исправлено на «похожие», хотя намерение автора в данном случае недостаточно определенно. В первопечатном тексте («Вестник Европы», 1912, №№ 4 и 5, апрель и май) и в отдельном издании Ладыжникова, а также в оригинале набора к этому изданию, подготовленном Горьким, это место читалось: «и были они похожи». В собрании сочинений в издании «Книга» (т. III) напечатано: «похожи». «Похожие» появилось в неавторизованных собра-

ниях сочинений Горького 1930 и 1933 гг. в издании Государственного издательства (т. XV). Это исправление наиболее приемлемо, так как Горький, по-видимому, хотел избежать повторения слова «были».

Отмеченные выше случаи неисправности основного текста, являющиеся результатом незавершенности авторской правки, устранялись путем завершения этой правки, так как намерения автора в той или иной степени были понятными.

* * *

Если намерения автора из его правки определенно установить нельзя, то возможны два решения вопроса об исправлении основного текста: оставить текст в том виде, как он получился после правки автора, или восстановить текст, бывший до авторской правки. Первый путь предпочтителен в том случае, если дефект текста после незавершенной авторской правки носит чисто стилистический характер, без заметного изменения смысла фразы. Например, в тексте повести «Жизнь Матвея Кожемякина» говорилось о Савке:

«Он надул щеки, угрожающе вытаращил глаза и, запустив пальцы обеих рук в спутанные волосы, замолчал.

[„Лопнет", — подумал Кожемякин неприязненно.

Савка], фыркнув и растянув лицо в усмешку, молча налил водки, выпил и, не закусывая, кивнул головой».

Горький вычеркнул слова, заключенные здесь в прямые скобки, и вписал вместо них слово «потом». Получилась стилистически неотделанная фраза: «... *замолчал,* потом, фыркнув и растянув лицо в усмешку, *молча* налил водки...». Слово «молча», уже до поправки Горького не являвшееся необходимым в данном контексте, теперь стало определенно лишним. Однако, поскольку в этом случае дальнейших намерений автора в его правке установить невозможно и поскольку он определенно устранил фразу о мыслях Кожемякина, с чем нельзя не считаться, исправленный автором текст здесь оставлен без изменения, несмотря на его некоторую стилистическую погрешность, в противном случае мы встали бы на недопустимый путь редактирования авторского текста (т. 9, стр. 385—386).

В некоторых случаях возникает необходимость восстановить зачеркнутое автором. Это бывает тогда, когда автор ничем его не заменил и не внес нужных изменений в контекст, в результате чего получается неясность или даже бессмыслица.

В повести «Фома Гордеев» была фраза: «А природа вну-

шала свое, и девушка при виде молодых матерей с детьми на руках чувствовала тоскливое и обидное томление». Горький зачеркнул слово «томление», но ничем его не заменил, оставив фразу оборванной.

Возможно, что автора не удовлетворяло здесь слово «томление». Однако какая бы то ни была замена этого слова была бы с нашей стороны недопустимым редактированием горьковского текста. Поэтому в данном случае решено восстановить зачеркнутое Горьким слово, которое существовало во всех предшествующих текстах (т. 4, стр. 199).

В подобных случаях восстановленные слова следует заключать в прямые скобки, как это и сделано, например, в рассказе «Публика», напечатанном по единственному источнику — авторской рукописи: «Как [слезы] падая на камень, не заставляют его звучать, так и слова не будят в сердце вашем ни звука!» (т. 5, стр. 304).

В тексте рассказа «Мальва» до авторской правки было: «В голове у Василия *было темно,* на сердце тяжело». Горький зачеркнул «было темно» и написал вместо этих слов «шумело», и так осталось: «В голове у Василия шумело, на сердце тяжело». Здесь восстановлено зачеркнутое «было» и поставлено между словами «на сердце» и «тяжело» (т. 3, стр. 283). В прежнем тексте в нем не было надобности, а теперь оно стало необходимым.

В рассказе «Коновалов» одно место в основном тексте после правки Горького читается так: «И мне было приятно смотреть *на ребенка,* влагавшего всю душу в работу свою...»; здесь речь идет не о «ребенке» в буквальном смысле, а о Коновалове. Перед словом «ребенка» Горьким были вычеркнуты и ничем не заменены слова: «этого гигантского», отчего и получилась невразумительная фраза о «ребенке». Так как никаких указаний о дальнейших намерениях автора по исправлению данного места в тексте нет, здесь решено восстановить два зачеркнутых слова.

В ряде случаев при подготовке нового собрания сочинений пришлось восстановить целые фразы, реплики и даже абзацы.

В повести «Трое» есть такое место: «Его голос покрыл шум разговора. [Гости замолчали.] Лунев сконфузился, чувствуя их взгляды на лице своем, и тоже исподлобья оглядел их». Предложение: «Гости замолчали» вычеркнуто Горьким, вероятно, потому, что несколько ниже говорится: «Неловкое молчание наступило в комнате». Однако без зачеркнутых слов становится непонятным, почему «сконфузился» Лунев, чьи взгляды он на себе почувствовал и кого оглядел. Поэтому вычеркнутое предложение восстановлено в прямых скобках (т. 5, стр. 278).

В произведениях незаконченных, печатающихся по черновым рукописям, иногда встречается надобность в восстановлении целых кусков текста, зачеркнутых автором, ничем не замененных, так как иначе нарушалась бы связанность повествования.

В повести «Большая любовь», например, восстановлены и поставлены в угловые скобки два отрывка, в рукописи зачеркнутые (см. т. 9, стр. 611—612 и 612—613).

Иногда поправка одного слова при незавершенной авторской правке нарушает синтаксический строй фразы. Например, в повести «Мои университеты» читалось: «Кукушкин, *положив* багор поперек бортов, под ноги себе, говорит с восхищением, обратив к нам изувеченное лицо». Горький переделал «положив» на «положил», а все остальное оставил без изменений. Неизвестно, что намеревался сделать автор с этой фразой в целом. Возможно, что он был недоволен скоплением в одной фразе двух деепричастных оборотов. Но поправка эта повела к нарушению синтаксического строя фразы. Поэтому, принимая во внимание незавершенность авторской правки, решено здесь восстановить «положив» (т. 13, стр. 587).

В одном случае встретилась ошибка в авторской правке. В рассказе «Проходимец» диалог автора с «проходимцем» под полом хлебного магазина во всех текстах, читался так: «...А вы знаете одно сенатское издание, именуемое: „Справки о судимости“?

— Знаю.

— Ваше имя там напечатано?

Я в то время еще нигде не печатался, о чем и заявил ему.

— И я тоже не пропечатан...

— Но надеетесь?

— Все в руце божией!

— А вы, кажется, веселый человек?

— О чем горевать?!».

В этом диалоге Горький в принятом нами за основной тексте кривой чертой отчеркнул реплику автора «А вы, кажется, веселый человек» и присоединил ее к предыдущей реплике «проходимца»: «Все в руце божией!», смешав таким образом слова того и другого. Между тем из последовательности реплик видно, что слова «А вы, кажется, веселый человек» принадлежат автору, а не «проходимцу». После реплики проходимца: «О чем горевать?!» следуют слова автора: «— Не всякий скажет это, будучи в вашем положении, — усомнился я в искренности его слов». Нам неизвестно, какую цель преследовал Горький, делая указанную поправку, но явная ошибочность этой поправки побуждала вернуться к первоначальному чтению (т. 3, стр. 390).

5

Иногда, спустя некоторое время после завершения своей работы над текстом произведения, который принят в собрании сочинений в качестве основного, автор снова возвращается к этому произведению и заново его обрабатывает. Эта новая, позднейшая по отношению к основному тексту произведения правка автора ставит вопрос об ее использовании при работе текстолога над основным текстом.

Все исправления этого ряда, как правило, вносятся в основной текст при условии, если позднейшая авторская правка не является коренной переработкой произведения, настолько меняющей сюжет, образы, композицию и стиль его, что оно становится новой редакцией произведения или даже новым произведением.

Так, основным текстом пьесы «Мещане» в новом собрании сочинений Горького признан текст беловой авторской рукописи.

Поправки автора, сделанные в машинописи, при всей их многочисленности (до 45) носят чисто стилистический характер. Они сводятся главным образом к небольшим вставкам новых ремарок и отдельных слов и небольших фраз. Например, ремарки: («Поля, улыбаясь, кивает отцу головой») (т. 6, стр. 16); «(Пауза)», «(Вздыхая)» (т. 6, стр. 53) и т. п.; слова «*хрипло* кричит» вместо «кричит»; «я могу и *подписку* взять», вместо «я могу и взять» (т. 6, стр. 46, 60) и т. п.; фразы: «Ибо всегда удобнее любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чем что-либо крупное, хорошее...» (т. 6, стр. 24, в реплике Тетерева); «Люблю! Понимаете вы, что значит — любовь?» (т. 6, стр. 34, в реплике Бессеменова) и т. п.

Значительно меньше замен одних слов другими. Например, «*большой* стол» вместо «*овальный* стол» (т. 6, стр. 8, в обстановочной ремарке); «*родного* крова» вместо «*отцовского* крова» (т. 6, стр. 14, в реплике Петра); «*Право же,* я совершенно серьезно...» вместо «*О,* я совершенно серьезно...» (т. 6, стр. 74, в реплике Елены) и т. п.

Наиболее существенное изменение сделано в реплике Перчихина об Англии. В автографе это место читается так: «... будто в Англии которая женщина рожу себе накрасит, сейчас ее любой может схватить и — к мировому. А тот штраф с нее сто целковых... не обманывай! Верно это?». В машинописи Горький исправил так: «... будто в Англии летающие корабли выстроены. Корабль будто как следует быть, но ежели сел ты на него, надавил эдакую кнопку-фию! Сейчас это поднимается он птицей под самые под облаки и уносит человека неизвестно куда... Будто очень мно-

гие англичане без вести пропали. Верно это?» (т. 6, стр. 21).

Меньше всего сделано Горьким в машинописи сокращений. Лишь в очень немногих местах исключены слова. Например, «... о боже!» вместо: «о боже! *отравилась... отравилась...*» (т. 6, стр. 61, в реплике Татьяны); «я хочу уйти жить один» вместо: «Я *просто* хочу уйти жить один...» (т. 6, стр. 74, в реплике Петра) и т. п.

Все исправления, сделанные собственноручно Горьким в машинописном тексте пьесы, внесены в основной текст ее, принятый в новом собрании сочинений.

Такое же решение принято и для пьесы «Враги». Основным текстом этой пьесы взят текст, напечатанный в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1906 год», книга XIV. С текста сборника пьеса печаталась без изменений во всех последующих изданиях вплоть до собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. В 1933 г. пьеса «Враги» ставилась в Государственном театре драмы в Ленинграде. Специально для этого театра пьеса была напечатана в ограниченном числе экземпляров по тексту тома VII собрания сочинений Горького в издании Государственного издательства 1929 г. Горький в печатном тексте одного из этих экземпляров в 1933 г. произвел большую правку и приписал новый конец пьесы. Собственноручная правка Горького из этого экземпляра была перенесена в другой экземпляр неизвестным лицом; в этом экземпляре в некоторых местах вписаны отдельные слова рукою Горького. Оба экземпляра содержат также режиссерские пометки (хранятся в Архиве А. М. Горького). Так как авторская правка пьесы «Враги» в 1933 г., несмотря на обилие поправок и дополнений и на новый конец, не является коренной переделкой пьесы, то и в данном случае все авторские исправления в указанных выше режиссерских экземплярах внесены в основной текст.

Если новая правка автора является радикальной переработкой произведения, то в таком случае текстолог будет иметь дело не с дополнительными исправлениями автора к основному тексту произведения, а с новой редакцией произведения и, может быть, с новым произведением, которое должно быть подготовлено к печати независимо от первой редакции.

Возможны случаи, когда правка, сделанная автором для того или иного издания, по неизвестным нам причинам не была учтена в печатном тексте, а вслед за тем и при подготовке дальнейших изданий, вплоть до издания, принятого за основной текст.

Эта правка не вводится в основной текст, а служит лишь

для устранения очевидных погрешностей, неувязок в основном тексте.

Так, например, во всех авторизованных печатных текстах «Русских сказок» в сказке III напечатано: «...орнамент — маленькие скелетики играют могильными червяками» (речь идет об убранстве спальни). В машинописи, послужившей оригиналом набора для отдельного издания «Русских сказок» в издательстве И. П. Ладыжникова, Горький после слова «скелетики» вставил слово «нежно», которое, однако, не вошло ни в один из дальнейших текстов. Поэтому оно не внесено и в новое собрание сочинений (т. 10, стр. 456).

В той же сказке во всех печатных текстах было: «...Захлебнулась *слюной* честного негодования...». В машинописной копии, служившей оригиналом набора для первопечатного текста в газете «Русское слово», 1912, № 290, 16 декабря, рукой Горького «слюной» зачеркнуто и написано «пафосом». Эта поправка, однако, в печатные тексты не вошла; не воспроизведена она и в новом собрании сочинений (т. 10, стр. 459).

По тем же основаниям была отклонена и следующая поправка в основном тексте той же сказки (т. 10, стр. 451): «Она *долго* ожидала этого...» [предложения Евстигнейки жениться на ней]. Вместо «долго» было предложено «давно»: Горький в машинописном тексте слово «долго» зачеркнул и вписал «давно».

В ряде случаев, когда неучтенная в изданиях авторская правка позволяла устранить погрешности основного текста, она принималась.

Так, во всех печатных авторизованых текстах повести «Жизнь ненужного человека», в том числе и в основном, читаем: «Хотелось, чтобы все молча сели *на стул* и сидели неподвижно...». В машинописном тексте, служившем оригиналом набора для первого русского издания повести в «Сборнике т-ва „Знание“ за 1908 год», книга XXIV, Горький исправил «стул» на «стулья» и тем устранил неточность фразы; на этом основании в новом собрании сочинений сделана такая же поправка (т. 8, стр. 155).

На том же основании исправлено и другое место в той же повести. «Пьяных он тоже боялся — мать говорила ему, что в пьяного человека вселяется бес. ...Он залезает в *живот у человека,* егозит там — и оттого человек бесится». Здесь предлог «у» исключен; Горький сам сделал так в указанной выше машинописи (т. 8, стр. 10).

В пьесе «Дети солнца» сделаны некоторые исключения слов по авторизованной машинописи, в которой обнаружена авторская правка, не учтенная ни в одном из изданий пьесы

и впервые принятая во внимание при подготовке текста пьесы в новом собрании сочинений Горького.

Так, в первом действии, в реплике Протасова: «...Когда я продал вам этот дом, я *сотни денег* ждал за вами целые два года» слово «сотни» исключено, а «денег» исправлено на «деньги» (т. 6, стр. 298); так исправлено в указанной машинописи, что более соответствует контексту, так как «сотни денег» — неправильно.

В третьем действии, в реплике Протасова, обращенной к Мелании: «...разве я мог ожидать, что вас так увлечет наука?» исключено «наука» (т. 6, стр. 339).

В том же действии, в реплике Антоновны: «А девушка — истомилась вся... по пять... ночей не спит...» исключено «по пять» (т. 6, стр. 348).

Аналогичные стилистические неисправности устранены в повести «Жизнь Матвея Кожемякина».

Одна поправка в этой повести не представляется необходимой: «Что ты врешь! — *вздрогнув* и с отвращением воскликнул Кожемякин...». Здесь «вздрогнув» исправлено на «вздрогнул» по тексту «Сборника т-ва „Знание" за 1911 год», книга XXXVI. В авторизованной машинописи последняя буква в слове «вздрогну(в) (л) неясно исправлена Горьким: или «в» на «л», или наоборот. Ввиду этого, а также и потому, что деепричастная форма здесь вполне согласуется с контекстом, данная поправка основного текста едва ли нужна (т. 9, стр. 398).

Представляет интерес вопрос о внесении в основной текст собственноручных поправок автора из так называемых «боковых» редакций.

Типичным примером «боковой редакции» является издание повести «Мать» в издании «Жизнь и знание», 1917 г. Основным текстом повести считается текст, подготовленный Горьким в 1922 г. для издания «Книга», продолжающий линию изданий, идущую от 1907 г.

Вносить в этот текст все исправления из «боковой» редакции не представляется возможным: это было бы не чем иным, как контаминацией двух редакций. Кроме того, не имея в наличности самого текста, подготовленного автором для издания 1917 г., нельзя с достаточной точностью установить, какие разночтения с предыдущими изданиями в тексте издания 1917 г. являются результатом собственноручной правки автора. Но если бы даже мы располагали текстом, служившим оригиналом набора для издания «Жизнь и знание» 1917 г., авторские исправления могли бы быть использованы лишь в качестве контрольного средства для выявления искажений в основном тексте.

Основным текстом повести «Исповедь» признан оригинал набора тома VI собрания сочинений в издании «Книга» 1923 г. Этот оригинал набора представляет печатные листы книги Горького «Рассказы. Том IX» в издании т-ва «Знание» 1910 г. Текст листов, содержащих повесть «Исповедь», исправлен автором. В Архиве А. М. Горького хранится второй экземпляр листов из того же тома IX в издании т-ва «Знание» с текстом «Исповеди», содержащим многочисленные исправления, сделанные собственноручно Горьким. Правка автора состоит преимущественно в сокращениях текста; меньше замен одних слов другими и еще меньше вставок новых слов. Не установлено, когда и для какой цели произведена эта правка; экземпляр этих листов раньше находился в архиве И. П. Ладыжникова. Некоторые исправления совпадают с теми, которые сделаны Горьким в оригинале набора для издания «Книга». Это тоже одна из разновидностей боковой редакции, поэтому предложение о внесении в основной текст свыше 130 поправок из указанной редакции повести было отклонено.

Авторские исправления текста в боковых редакциях используются лишь для обоснования исправлений основного текста. Остановимся на некоторых исправлениях основного текста «Исповеди», подтверждаемых правкой автора в указанной боковой редакции повести.

«Помню пыльное лицо в поту и слезах, а сквозь влагу слез повелительно сверкает чудотворная сила — вера во власть свою *творит* чудеса». Так напечатано во всех авторизованных изданиях повести. В тексте боковой редакции, напечатанной в дореволюционном издании (т. IX в издании т-ва «Знание»), т. е. по старой орфографии, слово «творит» кончалось на «ъ». Горький здесь прямо в тексте «ъ» переправил на «ь», и таким образом вместо «творит» стало «творить». Тем самым Горький устранил несоответствие смысла последней фразы всему контексту. На основании этой поправки автора сделано такое же исправление и в новом собрании сочинений (т. 8, стр. 377).

Более сложным представляется вопрос об исправлении следующего места в основном тексте «Исповеди». В речи одного из персонажей говорится: «... вера великое чувство и созидающее! А родится она от избытка в человеке жизненной силы его; сила эта — огромна суть и всегда тревожит юный разум человеческий, побуждая его к деянию. Но связан и стеснен человек в деяниях своих, извне препятствуют ему всячески, — все хотят, *чтобы он хлеб и железо добывал, а не живые сокровища из недр духа своего*. И не привык еще, *не умеет он пользоваться всеми своими*, пугается мятежей духа

своего, создает чудовищ и боится отражений нестройной души своей — не понимая сущности ее; поклоняется формам веры своей — тени своей, говорю!». Первую подчеркнутую фразу можно понять так: «Хлеб и железо добывал из «недр духа своего» наряду с «сокровищами» духа: В боковой редакции этой нелепости не возникает, так как здесь после слова «до бывал» вставлено Горьким: «из недр земли». Вторая подчеркнутая фраза не полна, в ней пропущено какое-то слово. В боковой редакции Горький зачеркнул слово «всеми» и взамен написал на полях «силами»; таким образом, фраза получила ясный смысл: «не умеет он пользоваться силами своими». В новом собрании сочинений эта поправка автора учтена и внесена в основной текст, первая же авторская поправка не воспроизведена, хотя она и необходима, так как устраняет возможность неправильного осмысления фразы (т. 8, стр. 330).

Следующие две поправки основного текста «Исповеди» не представляются бесспорными.

1) «— Долго поднимал народ на плечах своих отдельных людей, бессчетно давал им труд свой и волю свою, возвышал их над собою и спокойно ждал, что увидят они с высот заемных пути справедливости. Но избранники народа, восходя на вершины доступного, пьянели, развращаясь видом власти своей, оставались на верхах, забывая о том, кто их возвел, становясь не радостным облегчением, но тяжким гнетом земли». В издании И. П. Ладыжникова вместо «с высот заемных» напечатано «с высот *земных*». Кроме того, в боковой редакции Горький также исправил слово «заемных» на «земных». На этих основаниях сделана такая же поправка и в новом собрании сочинений, хотя слово «заемных» более соответствует контексту, к тому же именно оно находится во всех других авторизованных изданиях повести (т. 8, стр. 337).

2) «...ростом *я не вырос*, а приходится голову нагибать...» — так во всех изданиях повести. В тексте боковой редакции Горький исправил «не вырос» на «не высок». На этом основании в новом собрании сочинений также принята эта поправка (т. 8, стр. 368).

6

В этой главе рассматриваются такие исправления основного текста произведения, которые делаются только на основании анализа контекста (так называемые конъектуры).

Если произведение писателя дошло до нас в виде одного-единственного источника текста, — будь то печатная публикация, авторская рукопись или авторизованная копия, — то

устранения выявленных в его тексте дефектов являются по существу правкой по догадке — конъектурой, так как текстолог при этом лишен возможности контролировать эти поправки по другим источникам.

Если же текстолог при подготовке текста к печати располагает не одним, а несколькими авторизованными источниками, то конъектура может быть лишь в том случае, когда обнаруженный дефект повторяется во всех источниках текста данного произведения.

Например, в единственном газетном источнике текста рассказа «В сочельник», в словах персонажа читаем: «Это все порядочные люди, это полумертвые люди, это благочестивые коровы, воспитанные пресными травами с лугов российской словесности... Мне с ними — невыразимо скучно, я *издыхаюсь* от запаха их речей...». Слово «издыхаюсь» исправлено на «задыхаюсь», вполне соответствующее контексту.

В рассказе «Женщина с голубыми глазами» встретилось уже явно нелепое слово: «Прошлую ярмарку наша же одна женщина четыреста с лишком *схатила*...»; оно исправлено на «схватила» (т. 2, стр. 108).

Подобные малоупотребительные или бессмысленные слова встречаются сравнительно редко, чаще приходится иметь дело со словами, существующими в русском языке, которые, однако, попав в данный контекст, обессмысливают его.

В этих случаях введение конъектурных исправлений требует сугубой осторожности и тщательного анализа контекста.

Например, в том же рассказе «Женщина с голубыми глазами» слово «отрада» создает очевидную бессмыслицу контекста: «Помощнику частного пристава... во что бы то ни стало хотелось сорвать все сильнее вскипавшую злобу на эту духоту, службу, на спящего Кухарина, на близость ярмарочной *отрады* и еще на многое неприятное и тяжелое...» (исправлено на «страды», т. 2, стр. 105).

В рассказе «В сочельник», во фразе: «Мне всегда, когда я вижу *больного* и здорового человека, думается, что вот этот человек — несчастный есть. Потому что жизнь — не для здоровых и больших людей» слово «больного» исправлено на «большого» (т. 3, стр. 518).

В повести «Горемыка Павел», в словах Натальи: «Теперь ничего? Вы *отправились?* Работаете уже чай?» «отправились» исправлено на «оправились» (речь идет о том, что Павел «оправился» после болезни; т. 1, стр. 292).

В рассказе «Два босяка» во фразе: «Я... ушел через два дня в *Беслан* в Закавказье» «в Беслан» исправлено на «из Беслан» (т. 1, стр. 413). По контексту автор как раз в описываемый момент находился в Беслане и уходит из него.

* * *

В рассмотренных случаях ошибки текста очевидны и подлежат исправлению соответственно контексту. Более сложны случаи, представляющие скрытые недостатки текста, устранение которых так или иначе затруднено. Приведем примеры.

«Он [герой рассказа «Нищенка»] сбросил пиджак и *жакет,* расстегнул ворот рубахи и снова закрыл глаза». Здесь непонятно слово «жакет», примененное для обозначения принадлежности мужского туалета. В то время под пиджаком обычно носили жилет. Жакетом назывался короткий однобортный сюртук с закругленными спереди фалдами (иначе — визитка), который под пиджак не надевался. Поэтому наиболее вероятно, что здесь вместо «жакет» следует поставить «жилет», что и сделано в прямых скобках (т. 1, стр. 175).

В рассказе «Бабушка Акулина» умирающая героиня рассказа обращается к своим «внучатам» (так она называла ютящихся около нее босяков, воров, проституток): «Умираю ведь... поверьте — умираю... Вот что, детушки: в головах у меня в коробочке трешка есть бумажкой... так это я на гроб себе... припасла... выньте... как помру я... и...».На это один из «де́тушек» сказал: «Вот что ты не обижайся на меня. Только я скажу... вот что, — мертвому человеку всеравно... Он ничего не хочет, а мы живые. Тебе что? Ты в гробу или без гробу... все равно, гроб-то всегда от полиции будет. Ты дайка нам треху-то, — мы бы поели». Ответные слова умиравшей бабушки Акулины: «Берите, берите, дура я старая... вишь ведь, перед старостью-то забыла про вас было... берите ... вот тут ... конечно ... гроб от полиции ... дура». Непонятное в данном контексте «перед старостью-то» изменено на «перед смертью-то», здесь также следовало заключить в прямые скобки слово «смертью» (т. 2, стр. 151).

В рассказе «Открытие» говорится: «Иногда я *подумала,* что напрасно мы, женщины, позволяем себе сразу открываться перед вами». Здесь было предложено две конъектуры: «думала» и «подумывала»; предпочтение отдано первой (т. 2, стр. 335). Аналогичная конъектура сделана в повести «Мои университеты», где во всех авторизованных текстах было: «...Я очень редко *смог* видеть их». Вместо «смог» здесь поставлено «мог» (т. 13, стр. 571).

В рассказе «Вода и ее значение в природе и в жизни человека» есть диалог: «... Но вы не печальтесь: Я напишу за вас сочинение. Какая тема?

„Вода и ее значение в природе и в жизни человека". *Напишите?* Милый! на пять?». Здесь «напишите?» исправлено на

«напишете?» в соответствии с вопросительной формой фразы (т. 2, стр. 398).

Такие же конъектурные поправки сделаны в рассказе «Свободные дни» (т. 2, стр. 452): «Когда горничная спросила: „*прикажите* мне накормить детей?“» исправлено на «прикажете»; в повести «Жизнь Матвея Кожемякина», где во всех текстах было: «Под училище, Матвей Савельевич, следует приобрести эту самую вот бубновскую усадьбу-с, превосходное местоположение-с, и можно дешево купить! *Прикажите* действовать? Чудесно-с, я осторожно начну», исправлено на «прикажете» (т. 9, стр. 553).

В рассказе «На соли», в словах: «— Чего ты взял-то? Али не видишь, — у ней колесо кривое, — проговорил он, когда я, *облюбовал* себе тачку, взял было ее...» «облюбовал» изменено на «облюбовав» (т. 1, стр. 101).

«За что же я ему продам себя? — поставила она вопрос и быстро нашла, что ему нечем заплатить ей *за него*». Вместо «*за него*» здесь поставлено «за нее» (т. 1, стр. 322, «Горемыка Павел»).

В рассказе «Встреча», во фразах: «... Эти слова, эти фразы были хорошо знакомы проезжему, и в ответ на них в его душе звучало что-то давно-давно не ощущавшееся *ей*» и «Борьба была, и *ей* завоевана известность, материальное благосостояние, солидное положение в обществе — положение нашего талантливого беллетриста» слово «ей» исправлено на «ею», хотя в творительном падеже единственного числа местоимение «она» употребляется и форма «ей». Но здесь форма «ею» принята во избежание смешения с формой дательного падежа («ей») и происходящей отсюда двусмысленности фраз (т. 2, стр. 422 и 423).

В рассказе «Грустная история», во фразе: «... Этот эпизод ясно говорит о том, *как* грандиозный и непосильный труд жизнь для человека, который с понятием «жить» соединяет необходимость быть чем-нибудь в жизни!» «как» исправлено на «какой» согласно синтаксическому построению фразы (т. 2, стр. 102).

Отмеченные конъектуры, как мы полагаем, дают правильное уточнение контекста.

Остановимся теперь на таких конъектурных поправках, которые являются не столь бесспорными.

Герой рассказа «Извозчик» размышляет: «Зачем это я философствую? Вот тоже милая культурная *прививка,* что-то вроде пьянства по ее воздействию на организм...». «Прививка» здесь поправлено на «привычка» (т. 2, стр. 154), хотя необходимости в этой конъектуре, как нам кажется, не было: в данном контексте слово «прививка» нисколько не противоречит его смыслу.

В рассказе «Нищенка» сделана аналогичная поправка, в которой также не было надобности. Описывая, как двое нищих просили милостыню, автор говорит: «Парень же пел свою просьбу быстрым речитативом, точно боясь, что не дослушают *ее* и не успеет он достаточно высказать все причины, которые заставили его нищенствовать». Здесь «ее» исправлено на «его», хотя «ее» (т. е. просьбу) вполне соответствует контексту (т. 1, стр. 166).

Не было также надобности менять слово «фитиль» на «светильня» в рассказе «Свадьба» (фраза: «Карандаши очень похожи на свечи, черненькое в них как *фитиль*, а дерево как воск...»; т. 2, стр. 241). Во-первых, «фитиль» и «светильня» — синонимы; во-вторых, светильный шнурок в свече чаще называют фитилем, а не светильней, хотя встречается и это название: наконец «светильней» чаще называют фитиль у лампадки.

Реплика Павла в повести «Горемыка Павел» читается так: «Часто все они устраивали *формальную* травлю Паньке...». Слово «формальную» здесь заменено словом «форменную», которое в данном контексте более употребительно, означая «настоящую», «действительную» (т. 1, стр. 260). Но возможно, что автор, употребляя слово «формальную» в том же смысле, как и «форменную», воспроизводит в данном случае словоупотребление, бытовавшее в то время. Поэтому, следовало бы оставить его без изменения.

В рассказе «О беспокойной книге» читаем: «Я прислушиваюсь к этим речам и чувствую, как будто в сердце мне залезли чьи-то тонкие холодные пальцы, *швыряются* в нем, и мне тошно, больно, беспокойно»; слово «швыряются» исправлено на «ковыряются» (т. 4, стр. 420). Эта конъектурная поправка не противоречит контексту, но нам кажется, что поправка принесла некоторый ущерб стилю Горького. Дело в том, что существует слово «шевырять» (шевыряться), бытовавшее на юге и западе России, означающее «ковырять», «ковыряться», «копаться», «шевелить», «мешать» и т. п. Горький несомненно слышал и знал это слово. В рассказе «Васька Красный», например, мы находим это слово в реплике Васьки: «...Ведь вот ты со мной канителишься... *шевыряешься* тут...». Поэтому в данном случае было бы целесообразнее и правильнее изменить «швыряются» на «шевыряются».

* * *

Ряд предложенных конъектур был отклонен, так как они не были признаны необходимыми.

Например, не принято было изменение слова «бадражаны» на «баклажаны» в рассказе «Месть» (т. 1, стр. 115, фраза: «Большие корзины яркокрасных помидоров вперемешку с темнолиловыми *бадражанами*, зеленью петрушки, моркови быстро сносились торговцами в кучи...»). В южных районах России бытовало слово «бадаржаны», означавшее то же, что «баклажаны». Слово «бадражаны» встретилось в единственном, газетном, источнике текста рассказа («Волжский вестник», 1893, №№ 211, 212 и 214, от 18, 19 и 21 августа), поэтому можно предположить ошибку наборщика, набравшего вместо «бадаржаны» — «бадражаны». Однако не исключена возможность и того, что Горький слышал именно этот вариант; слово оставлено без изменений.

Не приняты также поправки: «назади» на «позади» в рассказе «Нищенка» (т. 1, стр. 179: «... ему казалось, ... что он гарантирован от тех тяжелых дум, волнений, которые остались там, далеко назади...»); «А он» на «И он» (в том же рассказе, т. 1, стр. 171: «Он представил себе ее ночью одну, идущую по холодной молчаливой улице, среди подавляюще больших домов. Это была очень печальная картина... Что же ему с ней сделать? *А он* вновь почувствовал себя обязанным что-то сделать»). Слова «назади» и «а» не противоречат контексту, и в конъектуре надобности не было.

Одну конъектуру, нам думается, следовало принять. В рассказе «Женщина с голубыми глазами», во II главе описывается встреча помощника частного пристава с героиней рассказа. В разговоре их, между прочим, читаем:

«— Ну что, как? Выхлопотали себе книжку?

— Вот! — И она стала шарить в кармане платья все с той же покорной миной.

Это несколько смутило полицейского.

— Да нет, мне не надо, не ищите, я верю. Да я и не имею права... то есть... Вы лучше расскажите как *успели?* — спросил он...».

Далее передается ответ женщины:

«— Успехи-то? Ничего, слава... — и она, не договорив, оборвала речь и густо покраснела». Из этого видно, что Подшибло сказал не «как успели?», а «как успехи?», так как женщина повторила вопрос Подшибло его же словами. Поэтому было предложено исправить «успели» на «успехи», что и следовало принять, так как вопрос «как успели?» неясен (т. 2, стр. 110).

* * *

Особый ряд конъектур составляют в с т а в к и новых слов, которые требуются по контексту.

Так, в незаконченной повести «Большая любовь (единственный источник — черновой автограф) сделаны конъектурные вставки, заключенные в прямые скобки:

1) «Она не умела толково рассказать мужу свои думы и говорила что-то бессвязное, наивное, подобное детской [сказке], а Сергей Матушкин сказкам не верил, не знал их и не любил. . .» (т. 9, стр. 608).

2) «Наступили славные дни потрясающих душу тревог и радостей — родился ребенок и с первого [дня] жизни своей наполнил дом маленькими страшно важными заботами» (т. 9, стр. 614);

3) «Государство, — громко говорил он, — огромнейшее здание, но построено оно из простейших кирпичей... Чем ниже положен кирпич, тем бо́льшая тяжесть на нем, но [выполняя] свою роль, — он не чувствует тяжести. . .» (т. 9, стр. 618).

В рассказе «Извозчик»: «Да неужели же во мне [нет] закона, который принудил бы меня почувствовать себя преступником?» (т. 2, стр. 164).

В рассказе «В сочельник»: «— Мы народ тоже образованный, — скромно заговорил Яшка, — мы можем вам соответствовать вполне... Люди простые, а [не] без ума. . .» (т. 3, стр. 521; прямые скобки здесь отсутствуют, но их следовало поставить).

В некоторых случаях представляется необходимость исключить слова, лишние в данном контексте, а иногда прямо искажающие его смысл. Особенно нередки случаи такого рода с отрицательной частицей «не».

Так, в единственном, газетном, источнике текста рассказа «Об одном поэте» читаем: «И нужно быть холодным, как снег, и равнодушным, как камень, чтобы *не миновать* их и не тронуться их стонами». «Не» перед «миновать» здесь не только не нужно, но и обессмысливает текст, почему оно и исключено (т. 1, стр. 335).

То же сделано в тексте рассказа «Мужик»: «И он видел, как к тому, что он считал своей правдой, что вынес из непосредственного знакомства с жизнью и чем свято дорожил, уже *не примешивается* нечто постороннее, чуждое ему, коверкающее его душевный строй». Здесь удалено «не» перед словом «примешивается», придающее обратный смысл фразе (т. 4, стр. 362).

В черновом автографе, единственном источнике текста автобиографического рассказа «Биография», читаем: «Я не могу смолчать о том, что похвалы эти *не пролетали* мимо моих ушей и что сердце мое *не обливалось* маслом самообожания, но моменты, когда я нравился себе, были очень кратки...». Из контекста видно, что хотел сказать автор: похвалы *не про-*

летали мимо его ушей и сердце его *обливалось* маслом самообожания, и в этом он признается и об этом «не может смолчать». Поэтому отрицание «не» перед словом «пролетали» остается на месте, а перед словом «обливалось» должно быть исключено, как не соответствующее смыслу фразы. Между тем здесь сделано как раз наоборот: первое «не» удалено, а второе оставлено, в результате чего получилось совершенно противоположное тому, что хотел сказать автор (т. 1, стр. 84).

В повести «Исповедь» отклонена конъектура, которую, как мы полагаем, следовало бы принять. Во всех текстах повести одно место читается так: «Возносят они горе до высоты бога своего и поклоняются ему, не желая видеть ничего, кроме язв своих, и *не слышать* ничего, кроме стонов отчаяния». По смыслу фразы «не» перед словом «слышать» должно быть удалено, но это не было принято, и таким образом несоответствие контексту осталось (т. 8, стр. 311).

В повести «Трое» во всех текстах печаталось: «... ему вдруг показалось, что в углу *у чердака* кто-то притаился и следит за ним». Предлог «у» перед словом «чердака» здесь исключен, как ненужный (т. 5, стр. 123). Аналогичное конъектурное исключение сделано в повести «Горемыка Павел», во фразе: «... ей нравилось то почтительное и дружеское отношение Павла к ней, которое было еще *за* несколько часов тому назад...»; исключен предлог «за» перед «несколько» (т. 1, стр. 311).

* * *

Ряд конъектур относится к именам персонажей произведений.

В некоторых произведениях встречаются такие несообразности, когда то или иное действие приписано не тому персонажу, который по содержанию произведения мог его совершить.

Например, во всех авторизованных текстах рассказа «Мальва» в описании удаляющейся вдоль берега моря Мальвы сказано:

«Милый мой... скорей иди!

Да-ах! Прижми-ись к моей груди!

— запела Мальва высоким и резким голосом.

Василию показалось, что она остановилась и ждет. Он с ожесточением плюнул, думая: „Это она нарочно, дразнит меня, дьяволица!“.

— Ишь ты! Поет! — усмехнулся *Василий*».

Судя по всей обстановке описываемого эпизода, Василий никак не мог произнести фразу: «Ишь ты! Поет!». Здесь про-

изведена конъектурная замена — вместо «Василий» поставлено «Яков» (т. 3, стр. 257).

Подобная же конъектура сделана в повести «Фома Гордеев», где во всех авторизованных текстах одно место сцены, в которой описывается, как Фома Гордеев разоблачает и громит купцов во время пиршества на пароходе, читается так:

«— Кононов! Скоро тебя за девочку судить будут? В каторгу осудят, — прощай, Илья! Напрасно пароходы строишь... В Сибирь на каторгу повезут...

Кононов опустился на стул; лицо его налилось кровью, и он молча погрозил кулаком. *Фома* хрипло сказал:

— Ладно... хорошо... Я этого не-е забуду...

Фома увидел его искаженное лицо с трясущимися губами и понял, каким оружием и сильнее всего он ударит этих людей».

Здесь ошибочно слова Кононова «Ладно... хорошо, я этого не-е забуду» приписаны Фоме, который не мог их сказать. Поэтому вместо «Фома» в прямых скобках поставлено «[Потом]» (т. 4, стр. 267).

Чаще встречаются разные имена одного и того же персонажа. Например, герой рассказа «Извозчик» с самого начала назван «Павлом Николаевичем». Но в одном месте он назван «Николаем»: «Перед Павлом Николаевичем, когда он открыл глаза, явилась фигура жены...; в одной руке она держала лампу под розовым абажуром, другой трясла мужа за плечо.

— *Николай!* пусти меня... Иди к себе... И разденься. Как это удобно спать столько времени одетым!». «Николай» исправлено на «Павел» (т. 2, стр. 169). Однако в некоторых случаях конъектурные поправки имен затруднены и могут повести к редактированию текста, что недопустимо.

Так, в том же рассказе обнаруживается следующее противоречие в имени одного и того же персонажа.

В одном месте текста говорится (в словах извозчика):

«— ...купчиха эта, верно, скупущая. Но и деньжищев у нее — страхи! Ужасти! Накопила, дьявол. *Капитолина Петровна* звать-то ее» (т. 2, стр. 155). В другом месте герой рассказа Павел Николаевич, подойдя к квартире этой купчихи, спрашивает: «*Сосипатра Андреевна* дома?» (т. 2, стр. 158). Оба имени оставлены без изменения, с оговоркой в примечании к рассказу (см. там же, стр. 574). Дело в том, что «Извозчик» — «святочный рассказ», в котором события изложены в виде сна героя, так что перепутанные имена можно принять как литературный прием.

Как правило, нет надобности в унификации имен в тех случаях, когда имя встречается в произведении в разных формах — просторечной или литературной.

Например, в повести «Горемыка Павел» хозяин сапожной мастерской называется по отчеству то Савельевич, то Савельич, то Савельев и в речи от автора и в речах персонажей (см. т. 1, стр. 258, 268, 269, 284 и др.). Предложение унифицировать эти имена отклонено, так как здесь мы имеем дело не с ошибкой, а с приемом речевой характеристики.

То же следует сказать и об имени Шебуева, героя рассказа «Мужик»: в одном случае его зовут «Яким Андреич» (т. 4, стр. 344), в другом — «Аким Андреевич (т. 4, стр. 352). В первом случае говорит купец, во втором — врач, и унификация здесь недопустима.

Но в некоторых аналогичных случаях имеется непоследовательность, и были приняты конъектурные поправки в именах, по существу ненужные.

Так, в рассказе «Женщина с голубыми глазами» один из персонажей, помощник частного пристава, всюду назывался «Зосим Кириллович», но в одном месте автор назвал его «Зосим Кириллов» (фразы: «— То есть это как? Какие женщины гуляют? — спросил *Зосим Кириллов*»...). «Кириллов» изменено на «Кириллович», в чем никакой надобности не было, тем более, что для Горького характерно употребление такой формы отчества (т. 2, стр. 107).

Точно так же не было необходимости в исправлении «Лидия» на «Лида» (т. 4, стр. 380, рассказ «Мужик», в словах одного из персонажей: «— Страшно! Страшно! Я тоже умру, Лидия... Ох. Спрячь меня...»).

* * *

Обращаясь к конъектурным исправлениям, относящимся к согласованию слов в предложении, прежде всего отметим, что для Горького весьма характерны некоторые согласования, которые с точки зрения школьной грамматики представляются неправильными.

В повести «Горемыка Павел» встречаем такое согласование: «Всё — извозчик, улица, люди, шедшие по ней во все стороны, — теперь *показались* ему более чуждыми, чем вчера, например, и *возбуждали* в нем боязливое опасение чего-то обидного и нежелательного». Сказуемые здесь согласованы с подлежащими, а не с объединяющим их местоимением «всё». Из-за исправления «показались чуждыми» и «возбуждали» на «показалось чуждым» и «возбуждало» утрачены особенности горьковского согласования (т. 1, стр. 245).

Указанные конъектуры неправильны потому, что они нарушают стиль автора. Редактировать автора вообще недопустимо для текстолога, и следует оставлять неприкосновенными

даже такие неправильности синтаксического строя речи, как, например, в рассказе «Колокол»: «И он снова принимался за свои операции, все расширяя их круг. Он скупал, перекупал, продавал, его руки, как сеть железная, *покрыла* весь уезд». «Покрыла» здесь исправлено на «покрыли» (т. 2, стр. 230), отчего неправильная синтаксически фраза превратилась в неясную по содержанию: как могут руки «покрыть» весь уезд?

Оставлены без изменений следующие места текста, в которых были предложены конъектурные поправки:

1) «А запах цветов, *поколебленный* ветром, стал острей...» (т. 2, стр. 11, «Несколько испорченных минут»; было предложено «поколебленных» по согласованию со словом «цветов»);

2) «И вахтенный второй баржи так же, как и *первый*, — опустив шест в воду, — пошел по борту к корме...» (т. 2, стр. 119, «Гость»; было предложено «первой», по согласованию со словом «баржи»);

3) «И проезжий усмехнулся в лицо *мужику* некрасивой и кривой усмешкой (т. 3, стр. 482, «Финоген Ильич»; было предложено «мужика»);

4) «Ты знаешь, еще в детстве мир услыхал в первый раз проповедь добра, он слышит ее до сей поры и все-таки остался, как и в детстве. Он колеблется, он все колеблется, — и не хуже ли он нынче, чем вчера? Попробуем же еще раз прогнать его *сквозь огненных упреков* и ядовитых *уколов* совести». (т. 1, стр. 335, «Об одном поэте»; было предложено «сквозь огненные упреки и ядовитые уколы совести»).

Итак, конъектуры уместны лишь тогда, когда они устраняют ошибки в тексте. Но прежде чем внести в текст конъектурную поправку, необходимо разрешить вопрос, не является ли вызвавшее сомнение место текста особенностью языка и стиля автора. Во всяком случае, все конъектуры в тексте должны быть обозначены условными скобками и оговорены в примечаниях. В новом собрании сочинений Горького это сделано, к сожалению, не со всеми конъектурами. В рассмотренных выше случаях отмечены все конъектуры, которые заключены в прямые скобки и оговорены в примечаниях. Таковых очень немного. Остальные конъектурные поправки никак не указаны ни в тексте ни в примечаниях.

Здесь мы не касаемся вопроса об изменениях основного текста, связанных с особенностями языка и стиля автора: особенности словоупотребления, двойственные формы слов, просторечные формы слов и оборотов речи, особенности согласования слов в предложении, — все этого рода вопросы требуют специального рассмотрения. Особую проблему составляют также орфография и пунктуация публикуемых текстов Горького.

* * *

Мы подробно проследили текстологическую работу над произведениями М. Горького в новом тридцатитомном издании его сочинений по двум главным вопросам: 1) выбор основного текста произведений; 2) очищение его от всякого рода искажений и неисправностей с целью сделать его наиболее авторитетным, наиболее соответствующим творческой воле автора, т. е. канон и ческим на данной ступени развития горьковедения. Над подготовкой этого монументального издания трудился большой коллектив научных работников, вложивших немало энергии и знаний в это трудное и ответственное дело. В результате новое издание сочинений М. Горького имеет значительные достижения, особенно в области тщательного и исчерпывающего детального обследования всех источников текста каждого произведения и притом такого обследования, которое проходило под непрерывным контролем большого научного коллектива, а не было делом одного лица, действовавшего по своему усмотрению, за свой страх и риск.

Подводя итоги огромной работы, совершенной коллективом над произведениями М. Горького, прежде всего следует сказать, что работа эта несомненно оправдала себя: во-первых, в новом собрании сочинений даны такие тексты каждого произведения М. Горького, которые, при современном состоянии изучения его творчества, являются наиболее авторитетными в смысле их подлинности и соответствия последней творческой воле писателя: во-вторых, характер и успешное завершение работы по определению канонического текста произведений М. Горького показывают, что организация дела подготовки научного издания сочинений Горького должна войти в практику всех научных изданий произведений классиков художественной литературы, критики и публицистики. После опыта научной подготовки текстов для тридцатитомного собрания сочинений М. Горького уже нельзя более вести подготовку научных изданий сочинений классиков прежними методами, из-за которых в прошлом в читательский оборот вошло так много искаженных текстов произведений писателей [9].

В результате текстологической работы над произведениями М. Горького получен громадный, разнообразный и чрезвы-

[9] Критические замечания, появившиеся в печати («Литературная газета», 1956, № 71, ст. И. С. Зильберштейна «Недостатки большого труда»), ничуть не колеблют фундаментальности нового издания.

чайно ценный материал, освещающий основные и частные проблемы текстологии.

Так, руководящий принцип при решении проблемы о выборе основного текста, принцип нерушимости последней творческой воли автора, находящей свое выражение на последнем этапе его работы над текстом произведения, — утверждается на громадном числе конкретных случаев.

Тесно связанная с принципом последней авторской воли проблема последнего прижизненного авторизованного текста произведений как основного их текста, находя свое конкретное решение в колоссальном количестве частных случаев, ставит перед текстологами многочисленные частные проблемы, возникшие в процессе работы над источниками текста.

Таковы проблемы: 1) о степени авторизованности прижизненных собраний сочинений, если даже сам автор заявляет о своем участии в этих изданиях; 2) о предпочтении при выборе основного текста произведений оригинала набора перед печатным текстом, если известно, что печатание произведений проходило без участия автора; 3) об условиях выбора основного текста произведения при наличии установленного последнего авторизованного его текста и части произведения, правленной автором позднее для других изданий; 4) о роли и значении «боковых» редакций произведения; 5) о выборе в качестве основного текста более ранних изданий; 6) о первопечатных текстах произведений как основных при наличии других источников; 7) о рукописи как основном тексте при наличии печатных источников; 8) о выборе основного текста в сериях и циклах произведений; 9) об основном тексте произведений, вновь отредактированных автором уже после выхода в свет последнего авторизованного издания; 10) об основном тексте произведений, опубликованных при жизни автора, без его участия или после смерти; 11) об основном тексте произведений, неопубликованных при жизни автора и оставшихся в рукописях или в копиях или в тех и других; 12) об основном тексте незаконченных произведений; 13) об основном тексте произведения, опубликованного автором один раз, при наличии других источников текста; 14) о выборе основного текста при наличии печатного текста и авторизованных стенограмм; 15) о выборе основного текста произведений при наличии последнего прижизненного авторизованного их издания и позднейшей правки автора, оставшейся неопубликованной; 16) о выборе основного текста произведений, публиковавшихся одновременно в нескольких изданиях; 17) об основном тексте произведений, взятых автором из цикла и получивших самостоятельное существование вне цикла, а также произведений,

части которых включены автором в цикл; 18) о посмертных публикациях произведения как основном тексте и др.

При работе над основными текстами произведений М. Горького возникали и нашли конкретное решение многие вопросы, связанные с очищением основного текста от искажений и неисправностей.

Таковы вопросы:

1) Восстановление цензурных изъятий и устранение цензурных искажений в произведениях М. Горького дореволюционного периода его творчества. В частности, имеется материал для решения вопроса о том, при каких условиях восстанавливаются цензурные изъятия и устраняются цензурные искажения в произведениях, которые неоднократно печатались при жизни автора, неоднократно им исправлялись и включены им в собрание сочинений без исправлений испорченных цензурой мест.

2) Исправление явных искажений основного текста.

Работа над основными текстами произведений М. Горького показала, что не следует злоупотреблять выражениями «явные искажения», «явная опечатка» и т. п., памятуя что под «опечатку» нередко подводятся слова и обороты, отражающие особенности языка произведений. Вместе с тем обширный круг бессмысленных слов, попавших в основной текст, а также слов и выражений, которые сами по себе не являются бессмысленными, но, попав в данный контекст, делают его неправильным или просто обессмысливают его, — дает разнообразный материал, освещающий проблему «явных искажений» основного текста.

3) Огромный конкретный материал дает выявление и исправление так называемых «скрытых» искажений и неисправностей. Практика нового издания сочинений М. Горького показывает, что изменения основного текста на основании других авторизованных источников могут иметь место лишь в том случае, если перед нами действительно искажение, а не чисто стилистическое разночтение.

4) В результате работы над основными текстами произведений выявилась особая группа исправлений основного текста, которые обусловлены незавершенностью авторской правки.

5) Работа над основным текстом произведений М. Горького дает большой конкретный материал по вопросу о том, при каких условиях вводится в основной текст правка автора, произведенная им в предшествующих и последующих текстах и в так называемых «боковых» редакциях.

6) В результате работы над основным текстом получены обширные данные по вопросу о конъектурах и об условиях их введения в основной текст.

Конкретное решение всех этих проблем имеет огромное значение для теории и практики текстологической работы по подготовке научных изданий сочинений классиков художественной литературы, критики и публицистики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 3
Д. Д. Благой. Типы советских изданий русских писателей-классиков 5
В. С. Нечаева. Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков 29
Л. Д. Опульская. Эволюция мировоззрения автора и проблема выбора текста 89
Е. И. Прохоров. «Сочинения Николая Гоголя» издания 1842 года как источник текста 135
Л. М. Долотова. О тексте «Записок охотника» И. С. Тургенева (К критике основных изданий) 170
Э. Л. Ефременко. Публикация художественных произведений Н. Г. Чернышевского 189
И. В. Шамориков. О расположении частей поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» 224
Л. Д. Опульская. Некоторые итоги текстологической работы над Полным собранием сочинений Л. Н. Толстого 247
М. П. Штокмар. Проблемы научного издания сочинений Маяковского 289
И. С. Ежов. Опыт текстологической работы над произведениями М. Горького в новом собрании его сочинений 334

Вопросы текстологии

Переплет художника *Л. Г. Ларского*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*

Технический редактор *С. М. Полесицкая*

*

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького

*

РИСО АН СССР № 23—96В. Сдано в набор 1/XII 1956 г. Подписано к печати 20/II 1957 г. Формат $60 \times 92^1/_{16}$. 29,25 п. л. 29,8 уч.-изд. л. Тираж 4000 экз. Т-00092. № 1436. Тип. зак. № 927.

Цена 19 р. 90 к.

*

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64. Подсосенский пер., д. 21

*

1-я тип. Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
43	10 св.	конца 1880-х	конца 1870-х
65	15 св.	о делах цензуры	в делах цензуры
75	17 св.	напечатанию слов	начертанию слов
81	1 сн.	66—80	66—68
132	9 св.	там же	Том V.
212	4 сн.	Виктор	Виктора
244	21 св.	огородняя	огородная
334	1 сн.	1949—1954	1949—1956

Вопросы текстологии